ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Коллективная монография носит междисциплинарный характер и призвана охватить широкий круг социально-психологических аспектов жизнедеятельности человека в условиях глобальных природных и антропогенных рисков: психология человека и общества в условиях пандемии, отношение личности к новым технологиям, отношение к глобальным рискам и личной смерти, ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями, социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности и группы в условиях глобальных рисков и др.

Книга адресована в первую очередь специалистам в области социальной, политической и экономической психологии, психологии личности, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических, социологических, политологических и экономических факультетов вузов.

ISBN 978-5-92700-425-6

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Под редакцией

Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Российская академия наук
Институт психологии

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Москва
Институт психологии РАН
2020

УДК 159.9
ББК 88
Ч 39

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензенты*:*

В. Е. Лепский, доктор психологических наук, профессор;
И. А. Мироненко, доктор психологических наук, профессор;
С. Ф. Сергеев, доктор психологических наук, профессор;
А. Н. Татарко, доктор психологических наук, профессор;
Е. Б. Шестопал, доктор философских наук, профессор

Коллектив авторов*:*

Белых Т. В.: главы 6 (в соавт.), 9–11 (в соавт.), 21 (в соавт.), 27 (в соавт.); *Быховец Ю. В.:* глава 25; *Вопилова И. Е.:* глава 17 (в соавт.); *Дейнека О. С.:* глава 28 (в соавт.); *Дмитриева Ю. А.:* глава 8 (в соавт.); *Емельянова Т. П.:* главы 6 (в соавт.), 9–11 (в соавт.), 17 (в соавт.), 21 (в соавт.), 27 (в соавт.); *Журавлев А. Л.:* введение (в соавт.), главы 14–15 (в соавт.), 18 (в соавт.), 20 (в соавт.), 22–23 (в соавт.), заключение (в соавт.); *Задорин И. В.:* глава 2 (в соавт.); *Китова Д. А.:* главы 14 (в соавт.), 22 (в соавт.); *Ковалева Ю. В.:* глава 23 (в соавт.); *Кузнецова О. Е.:* глава 8 (в соавт.); *Ларина Г. Н.:* глава 8 (в соавт.); *Ларионов Д. С.:* глава 4 (в соавт.); *Максименко А. А.:* глава 28 (в соавт.); *Макушева М. О.:* глава 26 (в соавт.); *Медынцев А. А.:* глава 4 (в соавт.); *Мишарина А. В.:* глава 17 (в соавт.); *Неврюев А. Н.:* глава 13; *Нестик Т. А.:* введение (в соавт.), главы 1–3, 4–8 (в соавт.), 12 (в соавт.), 15 (в соавт.), 16, 18 (в соавт.), 19, 20–21 (в соавт.), 24, 26–28 (в соавт.), заключение (в соавт.); *Николаев Е. Л.:* главы 7–8 (в соавт.); *Пащенко-де Превиль Е. В.:* главы 5 (в соавт.), 10 (в соавт.); *Смирнов И. В.:* глава 4 (в соавт.); *Солдатова Г. У.:* введение (в соавт.), заключение (в соавт.); *Тимофеев И. Н.:* глава 12 (в соавт.)

Ч 39 Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – 594 с. (Психология социальных явлений)

doi: 10.38098/soc.2020.88.75.001
ISBN 978-5-9270-0425-6

УДК 159.9
ББК 88

Коллективная монография носит междисциплинарный характер и призвана охватить широкий круг социально-психологических аспектов жизнедеятельности человека в условиях глобальных природных и антропогенных рисков: психология человека и общества в условиях пандемии, отношение личности к новым технологиям, отношение к глобальным рискам и личной смерти, ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями, социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности и группы в условиях глобальных рисков и др.

Книга адресована в первую очередь специалистам в области социальной, политической и экономической психологии, психологии личности, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических, социологических, политологических и экономических факультетов вузов.

РНФ | Российский научный фонд

Книга подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00439

© Институт психологии РАН, 2020

ISBN 978-5-9270-0425-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Раздел I
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ

Глава 1
Глобальные риски и их предотвращение как социально-психологическая проблема 21

Глава 2
Отношение россиян к глобальным рискам: результаты популяционного исследования 47

Глава 3
Социально-психологические факторы жизнеспособности личности и группы в условиях глобальных рисков 82

Глава 4
Восприятие новостей о глобальных рисках пользователями социальных сетей 110

Глава 5
Представления о мире как социально-психологические предикторы отношения к глобальным рискам: кросс-культурное исследование 123

Глава 6
Социально-психологические факторы надежды и оптимизма в условиях глобальных рисков: поколенческий подход 152

Глава 7
Связь отношения личности к глобальным рискам
со страхом смерти, стратегиями совладания
и авторитарными установками 167

Глава 8
Ответственность личности перед предшествующими
и будущими поколениями:
теоретико-эмпирическое исследование 185

Глава 9
Ответственность молодежи по отношению
к старшим и будущим поколениям 200

Глава 10
Формирование профессиональной ответственности
как фактор предотвращения техногенных рисков 213

Глава 11
Отношение к глобальным рискам и религиозность личности . 220

Раздел II
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭСКАЛАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ РИСКОВ

Глава 12
Отношение россиян к экономическим санкциям
как инструменту принуждающей дипломатии 235

Глава 13
Отношение личности к войне:
состояние и перспективы исследований 246

Глава 14
Глобальные коррупционные риски в представлениях
современной российской молодежи. 265

Глава 15
Социально-психологические последствия внедрения новых
технологий: перспективные направления исследований 284

Глава 16
Отношение к новым технологиям и ценностные ориентации
россиян. 302

Глава 17
Репрезентация рисков применения
вспомогательных репродуктивных технологий 322

Глава 18
Анализ больших данных: возможности
для изучения поведения людей и риски для общества 335

Глава 19
Отношение личности к использованию систем
искусственного интеллекта в повседневной жизни 351

Раздел III
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Глава 20
Влияние изменения климата на человека:
социально-психологический анализ 389

Глава 21
Отношение к экологическим рискам
представителей поколений Y и Z 401

Глава 22
Отношение к атомной энергии пользователей
социальной сети «Twitter» 412

Глава 23
Общественное настроение в социальной сети «Twitter»
в период пандемии COVID-19 и опыт
чернобыльской катастрофы 428

Раздел IV
ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 24
Влияние пандемии COVID-19 на общество:
социально-психологический анализ 449

Глава 25
Специфика вирусной угрозы
как психотравмирующего стрессора 465

Глава 26
Социально-психологические предпосылки
и эффекты доверия социальным институтам
в условиях пандемии. 478

Глава 27
Коллективная память россиян как фактор отношения
к пандемии коронавируса. 499

Глава 28
Социально-психологические предпосылки веры
в конспирологические теории происхождения COVID-19
и вовлеченность в сетевые коммуникации 518

Заключение 533

Литература. 542

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга является продолжением серии работ исследователей Института психологии РАН, посвященных психологическим аспектам глобальных процессов и психологии глобальных рисков (в том числе монографии Т. А. Нестика и А. Л. Журавлева «Психология глобальных рисков», вышедшей в 2018 г.). Многие представленные здесь исследования носят поисковый характер и намечают те направления социально-психологических исследований в данной области, которые представляются нам особенно перспективными.

В центре внимания оказываются феномены жизнеспособности личности и группы в условиях глобальных рисков, социального оптимизма и надежды, ответственности перед прошлыми и будущими поколениями, связи страха смерти и отношения личности к глобальным рискам, отношения к новым технологиям, в том числе системам искусственного интеллекта; отношения к социальным рискам – экономическим санкциям, коррупции, войне; психологических последствий переживания климатических и эпидемиологических угроз. Особое внимание уделено социально-психологическим аспектам пандемии COVID-19, в том числе причинам снижения социального доверия и веры в конспирологические теории, психологическим закономерностям, учет которых позволяет повысить соблюдение санитарно-эпидемиологических ограничений и солидарность в российском обществе.

Структура исследования выстраивалась вокруг восприятия, переживания и осмысления людьми различных природных, социальных и технологических рисков, а также отношения к различным способам их предотвращения. *Первый раздел* коллективной монографии посвящен социально-психологическим предпосылкам отношения личности и группы к глобальным рискам. В *первой главе* с социаль-

но-психологической точки зрения выделяются вызовы, на которые предстоит ответить человечеству в ближайшие десятилетия, рассматриваются основные направления и перспективы развития психологии глобальных рисков, а также анализируются психологические механизмы, которые необходимо учитывать при информировании общества о глобальных угрозах.

Во *второй главе* представлены результаты общероссийского популяционного исследования, проливающие свет на то, как воспринимают глобальные риски наши соотечественники. Показано, что уверенность перед лицом глобальных угроз поддерживается социальными ресурсами личности: высшим образованием, высоким социальным статусом, хорошим экономическим состоянием, проживанием в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможностями территориальной мобильности. Предикторами тревоги по поводу глобальных рисков оказались частота просмотра телевидения и внимание к новостям о глобальных катастрофах; чувство уязвимости, связанное с неудовлетворительным материальным благосостоянием и ростом неравенства; групповая и территориальная самоидентификация; а также общий уровень тревоги по поводу будущего. На основе полученных данных нам удалось не только выявить иерархию массовых страхов россиян, но и выделить четыре основных стратегии реагирования на новости о глобальных угрозах: социальную мобилизацию, индивидуальную самозащиту, депроблематизацию и эскапизм.

Третья глава раскрывает социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков. Показано, что ключевую роль в ее структуре играет воспринимаемая социальная поддержка и разделенность тревоги по поводу глобального будущего с другими людьми. Выявлены социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: групповая идентификация и просоциальные установки (глобальная идентичность, институциональное доверие, сопереживание заболевшим COVID-19, социальная сложность, религиозность); оценка опасности социального мира (вера в опасный и конкурентный мир, социальный цинизм, конспирологическая ориентация, страх по поводу экономических последствий пандемии); а также убеждение в своей способности влиять на будущее (вера в вознаграждение усилий, контроль судьбы, самоэффективность в условиях пандемии).

Четвертая глава посвящена восприятию новостных сообщений о природных, социальных и техногенных рисках пользователями социальных сетей. На основе результатов экспериментального исследования с регистрацией вегетативных показателей и движений глаз выделены различия в психологическом воздействии новостей о глобальных угрозах в социальных сетях на интернет-пользователей с разным отношением к глобальным рискам. Показано, что новости, посвященные глобальным рискам, не изменяют уже сложившихся убеждений в отношении вероятности и способов предотвращения глобальных рисков, однако повышают значимость личной защищенности по отношению к их последствиям. Результаты эксперимента показывают, что недоверие к социальным институтам и убеждение в предопределенности судьбы, а также приверженность традиционным групповым ценностям усиливают подверженность эмоциональному воздействию новостей о глобальных рисках, тогда как вера в способность влиять на свою судьбу, толерантность к неопределенности и ориентация на либеральные моральные основания снижают ее. Анализ осознанных и вегетативных реакций на новостные тексты о разных типах глобальных рисков указывает на то, что информация о понятных испытуемым экзистенциальных рисках, относительно которых в обществе достигнут консенсус, вызывает наиболее сильные и осознаваемые переживания. Напротив, информация о рисках, последствия которых остаются неопределенными и по-разному оцениваются в обществе, сопровождается неосознаваемыми аффективными реакциями, указывающими на имплицитные процессы переработки значимой для личности информации. На основе анализа Big Data (60000 сообщений в социальной сети «Twitter») выявлены особенности переживания событий, связанных с глобальными рисками, пользователями социальных сетей. Впервые показано, что природные катастрофы в большей степени, чем социальные, актуализируют групповую идентификацию и соблюдение норм, что проявляется в более частом употреблении местоимения «Мы» и маркеров мотива групповой аффилиации, а также абсолютистской лексики («всегда», «все» и т. п.), лексики долженствования («следует», «должны» и т. п.) и отрицания («никогда» и т. п.). Информация о происходящих природных бедствиях обладает большим потенциалом для сплочения, чем информация о социальных катастрофах, но при этом может в большей степени усиливать поддержку рестриктивных норм, приверженность радикальным решениям, ослабляя сопереживание

потерпевшим. Между тем в условиях климатического кризиса особенно важным становится такое информирование о природных рисках, которое поддерживает межгрупповое доверие, готовность к нестандартным решениям и эмпатию.

В *пятой главе* приводятся результаты кросс-культурного исследования, говорящие в пользу предположения о существовании культурно-универсальных социально-психологических предпосылок отношения личности к глобальным рискам. К таким факторам можно отнести силу глобальной идентичности, ориентацию на консервативные моральные ценности и уровень религиозности, а также убеждение личности в способности влиять на свое будущее. К специфическим, культурно обусловленным предикторам отношения к глобальным рискам можно отнести веру в справедливость мира и ориентацию на либеральные моральные основания.

Шестая глава проливает свет на предпосылки надежды и оптимизма в условиях глобальных рисков: идентификация с человечеством, гордость за российское гражданство, связь собственного будущего с судьбой своего города, доверие к людям и институциональное доверие, готовность к активным действиям для защиты от глобальных угроз.

В *седьмой* главе на основе эмпирических исследований впервые выявлена связь между отношением личности к своей смерти и ее отношением к глобальным рискам. Показано, что страх смерти усиливает поддержку возврата к традиционным ценностям для предотвращения глобальной катастрофы. Выделенные нами конструктивные и деструктивные для жизнеспособности личности характеристики отношения к глобальным рискам открывают путь для прояснения механизмов формирования депрессий, связанных с пандемиями, приближением климатической катастрофы и других глобальных угроз.

В *восьмой главе* анализируются социально-психологическое содержание и структура, психологические функции и предпосылки ответственности личности перед предшествующими и будущими поколениями. На основе эмпирических исследований показано, что, в отличие от ответственности перед предками, собственными детьми и внуками, чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями ослабляет фаталистическое игнорирование глобальных рисков и усиливает убеждение в необходимости сотрудничества для совладания с ними, а также готовность участвовать в коллективных мероприятиях по их предотвращению. В *девя-*

той главе сопоставляются социально-психологические предпосылки ответственности перед старшими и будущими у представителей двух поколений молодежи – Y и Z. Показано, что, испытывая тревогу по поводу глобальных рисков, они переживают чувство ответственности перед старшими поколениями, но не полагаются на авторитеты, не верят в справедливость мира, отрицают прогрессивизм, а рассчитывают только на собственные силы и возможности. В *десятой главе* рассматриваются социальные представления студентов о профессиональной ответственности и ее влиянии на предотвращение техногенных катастроф в атомной отрасли.

Одиннадцатая глава раскрывает роль религиозной идентичности в формировании отношения к глобальным рискам. Показано, что православные студенты видят защиту от глобальных угроз в обращении к традиционным религиозным ценностям в жизни и политике, в то время как светские студенты надеются на предотвращение глобальных угроз с помощью политических компромиссов, сохранения баланса сил и международного сотрудничества.

Второй раздел книги посвящен психологическим механизмам эскалации социальных и техногенных рисков, а также возможным долгосрочным психологическим последствиям развития новых технологий. Его первые три главы посвящены социальным рискам. В *двенадцатой главе* рассматриваются социально-психологические предпосылки отношения россиян к экономическим санкциям, а также роль глобальной идентификации и либеральных ценностей в оправдании использования санкций для предотвращения глобальных рисков.

В *тринадцатой главе* анализируются социально-психологические предпосылки моральной оценки войны, а также ее социальных, гуманитарных и экономических последствий, такие как вера в справедливость мира, социальная идентичность, вера в конкурентный и опасный мир, эгалитаризм, авторитаризм правого толка, отчуждение от общества.

Четырнадцатая глава посвящена отношению молодежи к коррупции как одному из глобальных социальных рисков. Показано, что, наряду с общей негативной оценкой коррупции, для студентов характерны амбивалентные представления о коррупционерах, неадекватная правовая оценка их действий, что может приводить к непреднамеренному нарушению законодательства и требует учета в современных образовательных программах.

Следующие пять глав данного раздела посвящены социально-психологическим предпосылкам техногенных глобальных рисков и психологии отношения личности к новым технологиям. Так, в *пятнадцатой главе* предложены подходы к прогнозированию влияния новых технологий на общество. На различных уровнях социально-психологического анализа (личность, межличностные отношения, группа, межгрупповые отношения, общество) рассмотрены возможные социально-психологические последствия внедрения новых технологий в повседневную жизнь общества. Намечены перспективные направления социально-психологических исследований взаимодействия человека и новых технологий.

В *шестнадцатой главе* на основании результатов популяционного исследования показано, что позитивное отношение личности к новым технологиям поддерживается ценностями открытости к изменениям и отрицательно связано с ценностями сохранения. Удалось прояснить соотношение когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов отношения личности к новым технологиям. Выделены социально-психологические типы оценивания новых технологий («индифферентные», «ориентированные на влияние значимых других», «разборчивые», «прагматики», «ориентированные на безопасность»), а также социально-психологические типы отношения личности к новым технологиям («технофилы», «тревожные сторонники технического прогресса», «технофобы» и «безразличные к технологиям»). Рассматриваются социально-психологические предикторы технооптимизма, технофобии, технофилии и готовности использовать новые технологии. На основании проведенных исследований делается вывод о том, что технофилия и технофобия являются не противоположными полюсами одной шкалы, а разными феноменами, связанными друг с другом.

В *семнадцатой главе* рассматривается связь между уровнем осведомленности о вспомогательных репродуктивных технологиях и оценкой этих технологий как рискованных. Обнаружены эмпирические типы респондентов с различным отношением к новым репродуктивным технологиям. Выявлена тенденция к «глобализации» рисков биомедицинских технологий для человечества в целом, тогда как риск для конкретных людей оценивается ниже, у всех респондентов присутствуют страхи перед возможностью появления мутантов и переживание опасности гуманитарной катастрофы вследствие массового применения вспомогательных репродуктивных технологий.

В *восемнадцатой главе* анализируются возможности и риски, связанные с развитием технологий анализа больших данных, в том числе с использованием цифровых следов, указывающих на психологические состояния, черты и поведение людей.

В *девятнадцатой главе* анализируются психологические проблемы государственного регулирования использования систем искусственного интеллекта в условиях низкого доверия социальным институтам. Рассматривается роль взаимодействия между представителями власти и некоммерческими организациями гражданского общества в ходе цифровой трансформации. Делается вывод о том, что путь к преодолению социального пессимизма лежит через превращение искусственного интеллекта из «протеза» для плохо работающих социальных институтов в посредника, позволяющего людям дальше заглядывать в совместное будущее, лучше понимать друг друга, поддерживающего в нас сопереживание и способность к диалогу для выработки этически взвешенных решений. Приводятся данные эмпирического исследования социально-психологических предпосылок отношения личности к внедрению систем искусственного интеллекта в повседневную жизнь, а также связанных с этим рисков и этических проблем. Результаты исследования дают основания предполагать, что в обществе с низким социальным доверием внедрение искусственного интеллекта будет усиливать рост социального неравенства и коррупции, а не устранять их.

Третий раздел книги посвящен психологическим аспектам изменения климата и экологических рисков. В *двадцатой главе* представлен анализ психологических последствий изменения климата, проведенный с опорой на отечественные и зарубежные исследования. Дана оценка состояния исследований в данной области. Выделены три основные группы психологических последствий изменения климата для российского общества: во-первых, рост тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгии и депрессии по поводу утраты привычной окружающей среды; во-вторых, изменения когнитивных и аффективных процессов, связанные с непосредственным или косвенным воздействием неблагоприятных геофизических факторов, в том числе – снижение когнитивных способностей, нейродегенеративные заболевания, повышение импульсивности и агрессивности поведения под влиянием высоких температур, загрязнения воздуха и т. п.; в-третьих, обострение переживания несправедливости, дальней-

шее снижение доверия к другим социальным группам и социальным институтам, рост приверженности консервативным ценностям, подверженности популизму и поддержки авторитарных политиков. Предложены количественные индикаторы для оценки психологических последствий изменения климата. Намечены перспективные направления междисциплинарных исследований.

В *двадцать первой главе* на основе эмпирического исследования проведен анализ отношения к экологическим рискам у представителей поколений Y и Z. Результаты исследования показали, что у представителей обоих поколений центральное место в структуре экологического сознания занимают антиантропоцентризм, биоцентризм, признание экологических прав других биологических видов. Убежденность в существовании реальной угрозы экологического кризиса значимо выше у представителей поколения Z. Кроме того, у них значимо более выражена и убежденность в предельном количестве природных ресурсов. Они значимо чаще выражают уверенность в недостаточной способности природы к самовосстановлению, в конечном счете, в неизбежности масштабной экологической катастрофы при отсутствии изменений в деятельности людей. Выделены социально-психологические предикторы проэкологических убеждений российской молодежи: тревога по поводу будущего, социальный цинизм, низкое аутгрупповое доверие, слабая ориентация на уважение авторитетов как морального основания оценки поведения. Вместе с тем оптимизм большинства представителей обоих поколений, вера в действенность моральных норм, сотрудничества и позитивных отношений между людьми дают основания для надежды на их жизнеспособность в преодолении глобальных вызовов.

В *двадцать второй главе* на основании сообщений пользователей социальной сети Twitter проанализировано отношение россиян к атомной промышленности и связанным с ее развитием экологическим рискам. Пользователи социальных сетей увязывают атомную отрасль с международными отношениями, чувством гордости за страну, размышлениями об обществе и перспективами развития самой отрасли. Делается вывод о том, что, несмотря на высокий уровень доверия к атомной промышленности как высокотехнологичному и важному сектору мировой экономики, необходима регулярная демонстрация мер по обеспечению безопасности и подконтрольности российского мирного атома.

Двадцать третья глава посвящена тому, как опыт чернобыльской экологической катастрофы влияет на обсуждение пандемии в социальной сети «Twitter». Показано, что прошлый опыт членов сетевого сообщества актуализировался не по сходству кризисных ситуаций, вызывающих общественное настроение, а по тому, насколько сравниваемые ситуации затрагивают или могут затронуть лично каждого. Высшие чувства во время пандемии – вера, надежда и любовь – обнаружили структуру, соответствующую иерархии переживаний членов сообщества – заботы о близких (любовь), уверенности в правильности принимаемых мер (вера) и степени неопределенности во время нового вызова (надежда).

Главы *четвертого раздела* книги посвящены психологическим механизмам и последствиям переживания эпидемиологической угрозы в период пандемии COVID-19. В *двадцать четвертой главе* представлен анализ социально-психологических последствий пандемии. Анализируется влияние тревоги, страха смерти, воспринимаемая неконтролируемость угрозы на соблюдение групповых норм, а также ценностные ориентации и подверженность влиянию конспирологических теорий. Рассматривается воздействие вынужденной изоляции, а также страха заражения и физического дистанцирования на близкие отношения, доверие к людям, межличностную мобильность, принятие групповых решений в малых группах и поляризацию в сетевых сообществах. Анализируются причины стигматизации и роста межгрупповой напряженности в условиях пандемии. Среди ее долгосрочных эффектов отмечается снижение институционального доверия, рост социального пессимизма и вероятность сдвига общества к консервативным ценностям и поддержке авторитарных политиков. С опорой на результаты исследований предлагается ряд рекомендаций по повышению жизнеспособности российского общества в условиях пандемии, в том числе по снижению подверженности дезинформации и веры в теории заговора, предотвращению стигматизации и поддержке соблюдения санитарно-эпидемиологических требований. Подчеркивается, что в условиях перезапуска экономики подкрепление веры людей в собственные силы и поддержка сопереживания другим могут быть более эффективными средствами побуждения к соблюдению правил предосторожности, чем нагнетание страха. Делается вывод о необходимости перехода в коммуникациях по поводу пандемии от алармизма к позитивным целям и предо-

ставлению информации, позволяющей гражданам строить планы на будущее.

Двадцать пятая глава раскрывает специфику вирусной угрозы как психотравмирующего фактора. Делается вывод о том, что переживания разных типов невидимых стрессоров имеют свою специфику в зависимости от социального контекста (угроза радиационного заражения, террористическая угроза и вирусная угроза). Эмпирические исследования психологических последствий переживания COVID-19 представляют данные о том, что вирусная угроза по-разному отражается в переживаниях населения. Факторами уязвимости к данному воздействию являются пол, возраст, наличие хронического заболевания, потеря работы.

В *двадцать шестой главе* на основе серии эмпирических исследований рассматриваются социально-психологические факторы, влияющие на доверие социальным институтам в период пандемии, анализируются различные типы отношения к пандемии, а также влияние уровня доверия на готовность соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы.

Двадцать седьмая глава посвящена коллективной памяти как фактору отношения россиян к пандемии COVID-19. Показано, что память является важным ресурсом совладания в отношении экстремальных событий настоящего. Выявлены различия в содержании вспоминаемых событий и функциях поиска аналогий коронакризису в прошлом страны у представителей различных социально-психологических типов отношения личности к пандемии.

Наконец, в *двадцать восьмой главе* анализируются социально-психологические предпосылки веры личности в конспирологические теории глобальных рисков. На основании проведенных эмпирических исследований делается вывод о том, что низкое социальное доверие и переживание неконтролируемой угрозы усиливают подверженность пользователей социальных сетей вере в конспирологические теории происхождения пандемии COVID-19. Обнаружена связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Показано, что в ходе первой волны пандемии значимо вырос уровень веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории происхождения пандемии, выраженность недоверия

к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации; стали меньше как боязнь заражения, так и контролируемость угрозы, но возросли опасения повторения эпидемий. Как оказалось, вовлеченность в сетевые коммуникации повышает тревогу в отношении последствий коронакризиса, которая в свою очередь усиливает поиск конспирологических объяснений происходящего.

Психологическими механизмами принятия личностью и группой больших вызовов как возможностей для развития являются сопереживание, социальная поддержка, постановка долгосрочных позитивных целей и проактивное совладание, социальное доверие, индивидуальная и групповая самоэффективность, групповая рефлексия. Тревога по поводу глобальных рисков в сочетании с переживанием неконтролируемости угрозы и низким социальным доверием, напротив, провоцирует групповую поляризацию и защитные реакции: недооценку риска и веру в конспирологические теории. Игнорирование психологических особенностей глобальных рисков и ошибочное отношение к ним как к локальным катастрофам усиливают алармизм и краткосрочную ориентацию при принятии решений. В конечном счете это приводит к эскалации антропогенных глобальных угроз. Социально-психологическими ресурсами индивидуальной и групповой жизнеспособности в условиях глобальных рисков, а также механизмами конструирования позитивного коллективного образа долгосрочного будущего являются позитивная групповая и глобальная идентификация, доверие к миру и социальным институтам, сопереживание и ценности взаимной поддержки, вера членов группы в свою способность влиять на настоящее и будущее, убеждение в эффективности принимаемых мер, а также позитивные дескриптивные нормы, то есть уверенность в том, что сотрудничество и соблюдение ограничений ради преодоления кризиса поддерживаются большинством.

Представленные в коллективной монографии исследования показывают, что повышение жизнеспособности российского общества в условиях глобальных рисков требует долгосрочно ориентированной социально-экономической политики, направленной на укрепление доверия к социальным институтам, развитие взаимопомощи и уверенности россиян в своей способности влиять на собственное будущее. Для ответа на эпидемиологические, климатические, социальные и техногенные вызовы ближайших десятилетий необходи-

мы психологически обоснованные меры, опирающиеся на результаты фундаментальной науки.

Авторы выражают надежду на то, что вопросы, затронутые в данной работе, послужат отправной точкой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований отечественных психологов, а также междисциплинарного поиска решений, направленных на предотвращение глобальных рисков, адаптации к ним и преодоления их последствий.

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ

ГЛАВА 1

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Человек в условиях глобальных рисков: на какие вызовы нам предстоит ответить в ближайшие десятилетия?

Среди *ключевых вызовов для личности и общества в ближайшие 20 лет* можно выделить несколько наиболее существенных мегатрендов, которые будут иметь серьезные социально-психологические последствия. Во-первых, рост социального неравенства и крах общественного договора: государство больше не может гарантировать стабильный рост благосостояния большинству своих граждан, доверие к глобальным и внутристрановым социальным институтам снижается. Во-вторых, пессимизм в отношении будущего, связанный с экономическими факторами, усугубляется растущим осознанием неотвратимости негативных последствий изменения климата, а также других природных и антропогенных рисков. В-третьих, техно-гуманитарный дисбаланс, проявляющийся в том, что развитие технологий опережает развитие социального капитала, обеспечивающего способность общества договариваться о правилах их использования. Эти изменения сказываются на личности, межличностных отношениях, процессах в группах и организациях, межгрупповых отношениях и психологии общества в целом.

Одним из важнейших социокультурных трендов последнего десятилетия стал рост *социального пессимизма*. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28

стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 30% опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО. *Разрушается общественный договор,* сформировавшийся после Второй мировой войны и предполагавший, что система общественных отношений и государство обеспечивают постепенное улучшение качества жизни граждан. Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х годов рост численности *прекариата,* то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости (Прекариат..., 2020). Кроме того, коллапс доверия к социальным институтам на фоне растущих глобальных рисков, таких как изменение климата, вынужденная миграция и пандемия, обостряется *разрушением мирового геополитического порядка* и поддерживающей его системы международных институтов (Дынкин, 2017). В условиях кризиса американской мечты, достижение которой более невозможно для подавляющего большинства американцев (Lamont, 2019), а также роста неравенства в экономически развитых странах (Piketty, 2020) идет *поиск новых ролевых моделей успеха и «нарративов надежды»,* основанных не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении.

Поиск новых оснований для всеобщей солидаризации затрудняется растущей сложностью и *мозаичностью общества,* в котором непрерывно создаются новые воображаемые сообщества. Важнейшим трендом позднего модерна стало *формирование культуры уникальности:* приоритет единичного над массовым, поиск и отстаивание исключительности в местах, людях, продуктах и услугах, жизненном опыте, событиях. Этому способствовало появление образованного среднего класса горожан, переход от индустриальной экономики к экономике услуг, развитие цифровых технологий, позволяющих личности конкурировать за внимание наряду с крупными корпорациями, а также сокращение расстояния между производителем и потребителем, появившаяся у корпораций возможность благодаря интернету вещей, машинному обучению и Индустрии 4.0 учитывать уникальные действия своих пользователей и персонализировать продукты.

Проявлениями культуры уникальности стали формирование *волатильных рынков «одного победителя»,* рост значимости дизайна (основная прибыль формируется не на этапе производства, а на этапе разработки; «софт» важнее «железа»), ориентации организаций на управление талантами, новые механизмы воспроизводства не-

равенства и поляризация общества, создание «экономики эмоций» («экономики впечатлений», «экономики внимания», «культурной экономики»), в которой ценность товаров, услуг, событий и каналов коммуникации определяется их использованием для самоактуализации, подчеркивание неповторимости личности или сообщества (Reckwitz, 2020). В области медиа с этими явлениями связан *«взрыв авторства»,* объясняющийся тем, что большое количество людей получили инструменты для самовыражения, создания и доставки контента, а также тем, что *личная коммуникация превращается в массовую,* то есть любое сообщение публично и может стать вирусным.

Борьба за внимание усиливается распространением *бизнес-моделей, основанных на отказе от обладания в пользу доступности, то есть на продукте как услуге,* а также развитием *экономики платформ* – посредников, которые сводят производителей и потребителей, как, например, Uber и AirBnb, и видоизменяют конкуренцию: основные усилия смещаются с повышения потребительской ценности к максимизации ценности экосистемы, то есть к координации обмена ресурсами ее членов.

Сочетание культуры уникальности и растущей озабоченности социальной несправедливостью приводит к еще одной тенденции – *«восстанию меньшинств»,* представители которых демонстрируют и отстаивают свою исключительность по различным основаниям – сексуальному, гендерному, этническому, расовому, культурному. При этом меняются способы социальной, политической и правовой мобилизации: цифровые технологии делают возможным *интернет-активизм* («кликтивизм», «диванный активизм», «сетевой героизм») и возможность практически мгновенного объединения людей и координации их действий на основании общей оценки того или иного события. Развитие социальных сетей и мессенджеров, сопряженное с внедрением алгоритмов персонализации контента, привело к усилению эффектов *социальной поляризации* в обществе, поддержке *«эхо-камер»* и *«информационных пузырей»*, находясь в которых, интернет-пользователи становятся нечувствительными к другим точкам зрения и сдвигаются к крайним, радикальным позициям.

Социальный пессимизм, связанный с новой экономической рецессией и давно отмеченной утратой социального капитала, усиливается под влиянием алармизма СМИ в отношении природных и антропогенных *глобальных рисков* – вероятных событий, явлений или условий, которые могут нанести серьезный урон одновременно

многим странам или отраслям мировой экономики. Согласно отчету Всемирного экономического форума в 2020 г., в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биологического разнообразия, антропогенные экологические катастрофы (The Global Risks Report, 2020).

Риском, последствия которого будут сказываться на обществе на протяжении очень длительного времени, уже стало изменение климата. Можно выделить три основные группы *психологических последствий изменения климата для российского общества:* во-первых, рост тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгии и депрессии по поводу утраты привычной окружающей среды (Clayton et al., 2017); во-вторых, изменения когнитивных и аффективных процессов, связанные с непосредственным или косвенным воздействием неблагоприятных геофизических факторов, в том числе – снижение когнитивных способностей, нейродегенеративные заболевания, повышение импульсивности и агрессивности поведения под влиянием высоких температур, загрязнения воздуха и т. п. (Parks et al., 2020; Ruszkiewicz et al., 2019); в-третьих, обострение переживания несправедливости, дальнейшее снижение доверия к другим социальным группам и социальным институтам, рост приверженности консервативным ценностям, подверженности популизму и поддержки авторитарных политиков (Russo et al., 2020). Способность локальных сообществ восстанавливаться после ураганов и наводнений зависит от воспринимаемого уровня социальной поддержки и воспринимаемого уровня неравенства (Lowe et al., 2018). Низкий уровень социального доверия будет затруднять информирование граждан об угрозах, а также снижать общественную поддержку мер, принимаемых государством для адаптации к климатическим изменениям.

Глобальный кризис 2020 г., связанный с *пандемией COVID-19,* усиливает эти тенденции. С одной стороны, отмечается *солидаризация* общества перед лицом общей угрозы (Семененко, 2020). С другой стороны, массовый характер *психологической травматизации* в ходе пандемии и связанного с ней экономического кризиса влечет за собой рост депрессивных и тревожных расстройств, стигматизацию, снижение критичности мышления и всплеск популярности конспирологических теорий. Долгосрочными эффектами пандемии могут стать *снижение доверия к государству, рост технофобий* на фоне

форсированной цифровизации и становления *«надзирающего капитализма»,* распространение веры во враждебность мира, сдвиг общества к консервативным ценностям (Нестик, 2020). Серия исследований показывает, что при росте воспринимаемой угрозы общество становится более готовым к отказу от свобод в пользу безопасности, гарантируемой государством (Karwowski et al., 2020). Реакция современных обществ на угрозы, связанные с изменением климата, природными бедствиями и эпидемиями в 1949–2016 гг., свидетельствует, что интенсивность эпидемиологической угрозы снижает уровень прозрачности выборов, гражданских свобод и участия в политической жизни (Kusano, Kemmelmeier, 2020). С одной стороны, в условиях глобальных рисков возрастает потребность в государстве как гаранте безопасности и открываются перспективы для *экспериментов по введению базового социального дохода* (наиболее масштабный из них проводится сейчас в Испании). С другой стороны, растет вероятность *использования коллективных страхов и поиска врагов* в политических целях.

«Консервативная волна», захлестнувшая развитые страны после кризиса 2008 г., и приход к власти авторитарных и популистских политиков в таких разных странах как США, Бразилия, Индия, Турция, Польша и Венгрия, стали реакцией на разочарование в политической системе, неуверенность в способности государства ответить на национальные и глобальные вызовы (Levitsky, Ziblatt, 2018). Согласно отчету проекта V-Dem, в 2020 г. впервые с 2001 г. автократии преобладают в мире, в 92 странах с автократическими режимами проживает 54% населения Земли. При этом ограничения на свободу высказывания мнений введены в 31 стране, тогда как еще два года назад таких стран было всего 19. Обратной стороной этой третьей волны автократии стали массовые протесты в защиту демократических свобод, которые в 2019 г. отмечались в 44% стран (Lührmann et al., 2020).

С одной стороны, формируется запрос на компетентных политиков. Так, например, онлайн-эксперимент, проведенный в Германии, Италии, Нидерландах и Испании в июне 2020 г., показал, что тревога по поводу экономических последствий пандемии снижает межличностное доверие, а также доверие ко всем политическим силам, причем доверие к популистам снижается еще сильнее, чем доверие к действующим правительствам (Daniele et al., 2020).

С другой стороны, напоминание в сообщениях СМИ и социальных сетях об экзистенциальных угрозах усиливает приверженность

людей традиционным и авторитарным ценностям. Растет запрос на жесткие, решительные меры, увеличивается готовность противопоставлять интересы своей группы и других, находящихся «где-то там» и несущих угрозу.

Кроме того, тревога, в отличие от страха, носит генерализованный характер. В условиях пандемии она легко может сконцентрироваться на, казалось бы, случайном информационном поводе, категории людей, неосторожно сказанном слове или опрометчивом решении. Иными словами, растет не только ожидание быстрых действий со стороны власти, но и требовательность, бескомпромиссность граждан при оценке ее действий.

С растущим чувством неуверенности по поводу будущего связана волна ностальгии по стабильности, когда надежду начинают искать в возвращении к прошлому, и новой формой утопии становится *ретротопия* (Бауман, 2019; Boym, 2001). Консервативные установки, с одной стороны, способствуют управляемости и мобилизации общества перед лицом приближающейся угрозы, с другой – сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию, провоцируя рестриктивные стратегии ответа на угрозы, различного рода ограничения и запреты. Повышение управляемости и солидаризация при этом носят временный характер, так как они сопровождаются упрощением проблем и уходом от них в приукрашенное прошлое. Не являются они ответом и на вызов изменения климата, так как возвращение к традиционным природоохранным практикам в эпоху антропоцена более невозможно.

Социальный пессимизм частично компенсируется *технологическим оптимизмом,* характерным для россиян (Журавлев, Нестик, 2019б). С новыми технологиями связываются надежды на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже *протез для слабеющего социального доверия*. Использование криптовалют и токенов, ожидание избытка благ, произведенных роботами, и сокращение стоимости энергии – всё это делает популярной идею социальной сингулярности, в соответствии с которой дальнейшее развитие технологий будет сопровождаться демократизацией и децентрализацией общества (Borders, 2018). Открытым остается во-

прос о том, будет ли развитие технологий способствовать «смягчению» культуры, росту толерантности к нарушению социальных норм, как это происходило на протяжении последних двухсот лет (Jackson et al., 2019). Но уже сейчас понятно, что переход к новому технологическому укладу будет сопровождаться конфликтами и сам по себе не решит ключевых социальных проблем человечества.

Психология глобальных рисков: сложившиеся направления и перспективы исследований

Сегодня человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от способности государств и международных союзов к сотрудничеству в предотвращении глобальных рисков. Под глобальными рисками понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики в ближайшие 10 лет (The Global Risks Report, 2018). Согласно другой точке зрения, катастрофу можно считать глобальной, если масштабы человеческих жертв составляют не менее 10% населения Земли (Нестик, Журавлев, 2018; The Global Catastrophic Risks, 2016). Глобальные риски тесно связаны между собой, поэтому их оценка и классификация должны учитывать не только источник риска (например, падение астероида, извержение супервулкана, пандемия, разрушение экосистемы, ядерная война, созданный в лабораториях мутаген, превращенный в оружие искусственный интеллект, последствия применения геоинженерных технологий), но и целый ряд других факторов. К таким критериям можно отнести значимость для выживания человечества социальных и природных систем, подверженных рискам; механизмы распространения угрозы, а также вероятность провалов в системе предотвращения и преодоления таких катастроф (Avin et al., 2018).

Глобальные риски характеризуются несколькими общими психологическими особенностями, влияющими на их прогнозирование, информирование о них, а также на мобилизацию коллективных усилий для их предотвращения.

Во-первых, подавляющее большинство глобальных рисков не подтверждаются повседневным опытом, не обнаруживаются органами чувств, носят неосязаемый характер. Исследования свидетельствуют о том, что редкость или отсутствие тех или иных событий

в личном опыте приводят к недооценке их вероятности. При этом людям свойственно переоценивать маловероятные риски, после того как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Stoknes, 2015). Отсутствие таких рисков в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что они достраиваются воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющими совсем иные причины, предвестия и последствия.

Между тем скоротечность развития событий при наступлении глобальной катастрофы не оставляет времени на их осмысление и организацию ответов. Следовательно, психологический парадокс состоит в том, что для подготовки к таким катастрофам человеку не хватает опыта и воображения, а при их наступлении наиболее вероятны шаблонные реакции без возможности для обучения на собственных действиях. По мнению Э. Гидденса, чем тяжелее возможные последствия, тем более расплывчаты наши представления о том, чем мы рискуем, так как если что-то «пойдет не так», то будет «уже слишком поздно» (Гидденс, 1994).

Во-вторых, глобальные угрозы воспринимаются как отдаленные во времени (Wang et al., 2019; Yudkowsky, 2008). Это приводит к ряду когнитивных искажений: осмысление в абстрактных категориях, нечувствительность к масштабу возможных жертв и блокирование эмпатии, неготовность личности включать эти возможные события в свои жизненные сценарии и планы.

В-третьих, переживание глобальной угрозы затрудняет поиск способов ее предотвращения. Иллюзия отдаленности и маловероятности глобальных рисков в массовом сознании провоцирует активистов и СМИ на использование алармистского подхода, то есть на целенаправленное нагнетание коллективной тревоги. Между тем фрустрация и тревожные состояния снижают способность отдельных людей и социальных групп к поиску нестандартных решений, блокируют групповую рефлексию, подталкивают к упрощению ситуации и затрудняют достижение договоренностей (Нестик, 2014). В соответствии с известным «эффектом рамки», стремление избежать вероятной потери повышает нашу склонность к рискованным решениям. Иными словами, алармизм с целью предупреждения глобальных катастроф парадоксальным образом повышает, а не снижает риски.

Психологический парадокс глобальных рисков состоит в том, что мы долгое время недооцениваем их вероятность и последствия, но достаточно одного прецедента, чтобы бездействие сменилось избыточной реакцией и неэффективным растрачиванием ресурсов. Дело в том, что при оценке вероятности глобальных рисков мы подвержены эффекту представленности информации. Недавно произошедшие техногенные катастрофы или теракты привлекают наше внимание наглядной, эмоционально заряженной картиной ужасных последствий и заставляют нас переоценивать вероятность повторения подобных событий в ближайшем будущем. Это приводит к сверхреакции на одни худшие сценарии и к недооценке других. Иными словами, сверхусилия по предотвращению одних глобальных рисков отвлекают наше внимание от других, не менее вероятных.

В-четвертых, существует асимметрия между техническими возможностями порождать глобальные риски и когнитивными и социально-психологическими ресурсами для поиска способов управления ими. Сами способы прогнозирования рисков нередко дают обратный эффект, поддерживая иллюзию безопасности и приводя к изобретению инструментов управления рисками, которые еще более опасны, чем угроза, от которой они призваны защитить. Но проблема не только в ограниченности когнитивных ресурсов человечества. Для предупреждения таких рисков необходим не только интеллектуальный, но и социально-психологический капитал: высокий уровень межличностного и межгруппового доверия, идентификация членами группы себя с человечеством и будущими поколениями, оптимизм, способность к групповой рефлексии и коллективному прогнозированию. Между тем в обществе риска способность к доверию сокращается из-за растущей неуверенности в социальных институтах, конфликта различных социальных ролей и правил, накладываемых лояльностью к конкретным социальным группам.

В-пятых, глобальные риски осмысляются в моральных категориях и требуют самоопределения личности. В отличие от рисков, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, отношение к глобальным угрозам осмысляется с опорой на моральные ценности, которые могут по-разному трактоваться. По сравнению с другими рисками возможность гибели человечества и судьба будущих поколений более непосредственно затрагивает идентичность личности и ее ценностно-смысловую сферу. Связь глобальных рисков с ценностями также снижает эффективность алармизма, различного рода

попыток привлечь внимание общественности к проблемам планетарного масштаба. Например, как показывают исследования, разрыв между ценностями и поведением невозможно преодолеть с помощь одного лишь информирования о долгосрочных последствиях разрушения окружающей среды (Kellstedt et al., 2008).

В-шестых, представления о глобальных угрозах конструируются под влиянием межгрупповых отношений, используются элитами в своих политических и экономических интересах (Dunlap, 2014). Поэтому массовые представления о глобальных катастрофах и способах их предотвращения далеки от научных, они тесно связаны с групповыми стереотипами и политическими взглядами. При этом сами люди могут не осознавать влияния политических убеждений на их отношение к глобальным рискам. На наш взгляд, это открывает возможность использовать глобальные риски как аргумент в пользу нарушения международного права, когда общественным мнением манипулируют ради достижения определенных геополитических целей (примером может служить вторжение США в Ирак под предлогом предотвращения использования химического оружия). Гуманитарные риски глобального масштаба могут стать поводом для вмешательства в гражданские силовые конфликты других стран, особенно с учетом слабой проработанности таких вопросов в международном праве. Иными словами, угроза одних глобальных рисков используется для того, чтобы создавать другие, возможно, гораздо более масштабные и долгосрочные по последствиям социальные катастрофы (Нестик, Журавлев, 2018).

Наряду с отмеченными нами универсальными психологическими характеристиками глобальных рисков, существуют и такие особенности, которые характерны для восприятия отдельных угроз. Примером здесь может служить разразившаяся в 2020 г. пандемия COVID-19, которая имеет ряд психологических особенностей, отличающих ее от других глобальных рисков: она воспринимается как невидимая угроза, пришедшая из-за границы; индикаторами ее наступления являются не сами ее жертвы, а действия властей, направленные на сдерживание ее распространения; в отличие от других рисков, пандемия сопряжена со стигматизацией жертв и всех, кто к ним причастен; она провоцирует социальные страхи и ксенофобию; она требует разобщения, что затрудняет солидаризацию общества для ответа на связанные с ней вызовы; она носит очень длительный характер и сказывается на всех сторонах жизни общества;

она создает социальные дилеммы, заставляющие жертвовать гражданскими правами и свободами.

В современных социальных науках постепенно формируется область исследований, которую можно назвать *психологией глобальных рисков*. Ключевой ее проблемой являются предпосылки отношения личности и группы к глобальным рискам и способам их преодоления, а также его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии.

Предметная область психологии глобальных рисков времени включает в себя целый ряд *феноменов*. Во-первых, это особенности индивидуального отношения к глобальным рискам, проявляющиеся в результате взаимодействия членов группы друг с другом (например, различия в оценке риска заражения COVID-19 или в представлениях о его причинах может служить одним из факторов межличностных конфликтов, что в свою очередь может влиять на отношение их участников к другим глобальным рискам); во-вторых, характерные для личности и группы особенности антиципации, переживания и осмысления самих глобальных угроз, а также совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, использование или предотвращение; в-третьих, влияние переживания различных глобальных угроз на социально-психологические характеристики личности и группы (например, влияние переживания трудноконтролируемой эпидемиологической или климатической угрозы на межгрупповое и институциональное доверие).

Психология глобальных рисков является частью более широкой области научных исследований, которую можно обозначить как *глобальную психологию*. Предметной областью данного научного направления является отношение личности и группы к глобальным явлениям и процессам. Его отличие от традиционных областей макропсихологии, политической психологии, психологии международных отношений, а также психологии риска состоит в том, что психологические феномены рассматриваются здесь с точки зрения их влияния на судьбу всего человечества и планеты в целом (Ковалева, Журавлев, 2017; Мироненко, 2018, 2019; Мироненко, Журавлев, Юревич, 2018; Нестик, 2016а; Психологические исследования глобальных процессов, 2017). Глобальные проблемы лишь частично связаны с глобализацией, их появление и пути решения напрямую связаны с превращением человечества в геологическую силу, оказывающую влияние на биосферу земли и дальнейшую эволю-

цию жизни (Апель, 2001; Вернадский, 1991; Ильин, Леонова, 2016; Ильин, Урсул, 2009; Моисеев, 1987; Урсул, 2014, 2017).

В современной психологической науке сложилось несколько направлений исследований, изучающих отношение личности и группы к глобальным рискам, способам их предотвращения, а также преодоления их негативных последствий.

Одним из источников современной психологии рисков стала культурная теория восприятия рисков, основанная на признании социальных ценностей и норм в качестве «оптики», сквозь которую человек смотрит на окружающие его угрозы, оценивает вероятность рисков и их последствия (Douglas, Wildavsky, 1982; Johnson, Swedlow, 2020; Kahan et al., 2010; van Valkengoed, Steg, 2019; и др.). Другим шагом, сделанным в направлении психологического изучения отношения людей к глобальным рискам, стала концепция амплификации риска (Kasperson et al., 1988). Рассматривая представления о потенциальных рисках хранения ядерных отходов, Р. Касперсон, Н. Пиджон и их коллеги предложили учитывать эффект обсуждения личностью угроз с значимыми для нее другими людьми. При этом наши собеседники в своих оценках происходящего опираются на доступные им источники в средствах массовой информации и социальных сетях. С их точки зрения, тревоги по поводу будущего связаны с определенными событиями, освещаемыми СМИ, и могут усиливаться или затихать, подобно кругам на водной поверхности от падения камня. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам (Carper, 2019; Kasperson et al., 2003; Wirz et al., 2018).

Эти две концепции существенно повлияли на дальнейшие исследования когнитивных механизмов восприятия глобальных рисков (Slovic, 2013; Wang et al., 2019; Yudkowsky, 2008; и др.). В частности, был выявлен целый ряд когнитивных искажений, затрудняющих адекватную оценку вероятности и серьезности последствий глобальных рисков: сверхоптимизм, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежение масштабом риска и др. (Турчин, 2007; Clarke, Eddy, 2017; Yudkowsky, 2008). Например, оказалось, что оценка тяжести случившегося опирается на прототипический образ страдающего человека или утраты человеческой жизни, поэтому увеличение числа жертв не увеличивает силы сопереживания, то есть имеет

место так называемая «эвристика аффекта». Исследования свидетельствуют о том, что люди с большей готовностью сопереживают конкретному человеку на фотографии, чем какой-то абстрактной статистической общности из нескольких миллионов человек в Руанде. Чем больше число жертв глобальной катастрофы, тем слабее наша эмпатия (Slovic, 2013). Нам свойственно переоценивать риски, которые зримы, новы и непривычны, персонифицированы в конкретных жертвах, находятся вне личного контроля, постоянно обсуждаются, непосредственны и внезапны, затрагивают нас персонально и связаны с конкретным врагом; и наоборот, мы склонны недооценивать риски, которые скучны, обыденны и привычны, обезличены, отчасти поддаются контролю, не обсуждаются публично, отдалены во времени, нарастают постепенно, имеют природный характер, сказываются на других людях и не связаны с «плохим парнем» (Stoknes, 2015). Как правило, недооцениваются риски, информация о которых представлена в виде обобщенной статистики, тогда как риски, знакомые по личному опыту или по рассказу очевидцев, могут переоцениваться (Slovic, 2013).

Можно выделить и другие причины недооценки людьми глобальных рисков. Важно учитывать, что сильные эмоции, затрудняют оценку вероятности риска и его последствий (Bavel et al., 2020). Кроме того, представляя возможные угрозы, люди склонны отдалять их от себя во времени и пространстве: гибнут где-то в другом месте, до нас не скоро дойдет (Liberman, Trope, 2014). Существенный вклад в этот эффект вносит свойственный большинству из нас сверхоптимизм: исследования показывают, что вероятность заразиться COVID-19 самим или заразить других оценивается нами ниже, чем вероятность того, что это случится с кем-то другим (Kuper-Smith et al., 2020). На оценке угрозы сказывается также ее отождествление с другими социальными группами, члены которых в силу своего низкого статуса или отклоняющегося поведения кажутся более подверженными заболеванию (Joffe, 2003). Кроме того, новые и неопределенные угрозы в общественном сознании представляются через уподобление уже известным (Емельянова, 2016; Wagner, 1998). В результате формируется ложное убеждение в том, что заболевание носит сезонный характер и менее опасно, чем другие давно известные людям инфекционные болезни, такие как грипп и другие ОРВИ.

Наконец, важно учитывать, что страх подталкивает к изменению поведения только в тех случаях, когда люди верят в свою способность

изменить ситуацию, в противном случае он запускает сильные защитные реакции (Witte, Allen, 2000). Когда нагнетание тревоги в отношении масштабных угроз вызывает ощущение беспомощности, это провоцирует защитные реакции, схожие с когнитивным диссонансом (Нестик, Журавлев, 2018).

Развитие психологии глобальных рисков в значительной степени стимулировалось актуальностью тех или иных глобальных угроз для общества, их обсуждением СМИ. Безусловно, одним из первых в поле зрения психологов попал риск ядерной войны. Психология ядерного сдерживания получила бурное развитие в связи с противостоянием США и СССР, а также необходимостью прогнозировать действия политиков и правительств, стремящихся обезопасить себя в условиях ядерной гонки сверхдержав (Журавлев и др., 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Allen, 1993; Bronfenbrenner, 1961; Deutsch, 1962; Hymans, 2006; Jervis et al., 1985; Paul, 2009; Psychological Aspects of Nuclear War, 1985; и др.).

Еще одним направлением, имеющим продолжительную историю развития стало изучение отношения к глобальным рискам в рамках экологической психологии, а в последние 15 лет – изучение психологических аспектов глобального изменения климата (Панов и др., 2012; Clayton et al., 2017; Dunlap, 1980; Leiserowitz, 2005; и др.).

Социальные и природные катастрофы подстегивали интенсивную разработку отдельных психологических направлений, связанных с теми или иными глобальными рисками. В частности, теракты 11 сентября подтолкнули мировое психологическое сообщество к многочисленным исследованиям в рамках психологии терроризма (Антонян, 2006; Ольшанский, 2002; Решетников, 2004; Соснин, Нестик, 2008; Bongar et al., 2007; Moghaddam, 2006; Post, 1984; и др.), а пандемии SARS, Эболы и COVID-19 стимулировали психологические исследования отношения людей к эпидемиологическим угрозам, влияния пандемии на личность и общество (Ениколопов и др., 2020; Нестик, 2020; Рассказова и др., 2020; King et al., 2016; Morganstein et al., 2017; и др.).

Развиваются исследования психологических аспектов восприятия различных других рисков; психология отношения человека к технологическим рискам (Brosnan, 1998 и др.); отношение к войне (Неврюев, 2018 и др.); психология коррупции (Китова, 2019 и др.); исследования психологических феноменов, значимых для предотвращения глобальных рисков; психология цивилизационных кризисов (Назаретян, 1996, 2004, 2015); копинг и жизнеспособность в условиях природных бедствий (Navarro et al., 2020; Pfefferbaum et al., 2012; Saja

et al., 2019); психология глобальной идентификации (Нестик, 2017; Der-Karabetian, Ruiz, 1997; McFarland et al., 2013); психология ответственности перед будущими поколениями (Нестик и др., 2019) и др.

До сих пор психология была сосредоточена в основном на работе с психологическими последствиями катастроф, а не на их предупреждении. Ситуация в данной области исследований стала меняться лишь в последние 15 лет. Однако мировая психологическая наука пока еще не готова в полной мере обеспечивать экспертную поддержку решений по предотвращению глобальных рисков, и в первую очередь – рисков экзистенциальных, угрожающих самому существованию человечества.

Если воспользоваться классификацией возможных способов предупреждения экзистенциальных рисков, предложенной А. Турчиным, можно выделить несколько стратегий: создание международной системы контроля за глобальными рисками, формирование децентрализованной сети мониторинга рисков; создание дружественного искусственного интеллекта, отслеживающего и предотвращающего риски; повышение жизнеспособности человечества, уменьшение урона, наносимого катастрофой, с помощью технологий и более эффективной социальной организации; освоение и колонизация космоса, обеспечивающие возможность развития человечества даже в том случае, если спасти Землю не удастся (Турчин, 2017). Наряду с этими позитивными стратегиями возможны сценарии на худший случай, от вполне рациональных (выживание в специально подготовленных бункерах, создание биологических банков и капсул времени для будущих цивилизаций) до маловероятных и даже иррациональных (спасение более технологически развитой инопланетной цивилизацией, божественное чудо). Особого внимания заслуживают контрпродуктивные идеи предотвращения катастрофы: запрет на потенциально опасные научные исследования, целенаправленный технологический регресс, меры по сокращению населения Земли, надежда на силу позитивного мышления и т. п.

Психологические предпосылки и последствия выбора между данными стратегиями практически не изучены. Что может подтолкнуть лиц, принимающих решение, к тому или иному сценарию спасения человечества? Какие когнитивные и мотивационные ловушки следует учитывать при принятии подобных решений? Какие социально-психологические механизмы будут задействованы при централизации контроля или при создании распределенной сети мониторинга

рисков? Каковы психологические инструменты повышения жизнеспособности человечества (с учетом того, что до сих пор жизнеспособность исследовалась в основном на уровне личности и малых групп)? Какие психологические технологии позволят предотвратить соскальзывание к контрпродуктивным стратегиям при панической реакции общества на последствия той или иной природной или антропогенной катастрофы?

Дальнейшее развитие психологии глобальных рисков предполагает решение целого ряда задач, некоторые из которых становятся критически важными не только для повышения жизнеспособности личности и общества, но и для выживания человечества в ближайшие 50 лет.

Во-первых, психология может не только пролить свет на то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии в больших социальных группах и сетевых сообществах.

Во-вторых, мы все еще плохо понимаем динамику коллективных эмоциональных состояний, распространяющихся через социальные медиа и влияющих на оценку глобальных рисков, приемлемость тех или иных способов их предупреждения. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

В-третьих, требуют дальнейшего изучения социально-психологические закономерности прогнозирования рисков как совместной деятельности, а также формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах, объединенных на основании ценностей, а не конкретных целей. Особое значение приобретают исследования групповых факторов долгосрочной ориентации на будущее (Нестик, 2014а). Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение того, как межличностное и групповое взаимодействие влияет на протяженность временной перспективы, эффекты дисконтирования будущего, чувствительность к масштабам риска.

В-четвертых, требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие и усиливающие глобальные социальные кризисы: терроризм как реакцию на фрустрацию и потерю идентич-

ности, формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Неклесса, 2015; Соснин, Нестик, 2008).

Наконец, для предотвращения глобальных рисков ключевое значение имеют психологические механизмы, поддерживающие формирование глобальной идентификации в условиях межгрупповой напряженности. Теория групповой идентичности и самокатегоризации успешно использовалась для поддержки межгрупповой интеграции за счет актуализации альтернативных, надгрупповых социальных категорий (материнство, профессия и т. д.). Значительно менее изученными психологами являются механизмы идентификации личностью себя с человечеством, предыдущими и будущими поколениями. Как повысить значимость глобальной идентичности и мирового гражданства без разрушения национальной гордости и патриотических чувств? Может ли глобальная идентификация повысить способность к межличностному доверию между представителями различных групп в условиях высокого субъективного риска? Как облегчить мобилизацию граждан различных государств для решения глобальных проблем, повысив при этом их защищенность от манипулятивного воздействия со стороны политических и экономических элит, различных пропагандистских машин, создаваемых государствами и террористическими организациями? Решение этих вопросов не может быть найдено без участия психологической науки.

Как информировать общество о глобальных рисках?

Одной из важнейших прикладных задач, стоящих перед психологией глобальных рисков, является прояснение психологических механизмов, использование которых позволило бы сделать более эффективными программы информирования о возможных и реализовавшихся глобальных рисках.

Опираясь на проведенные нами исследования, а также целый ряд исследований, посвященных другим глобальным угрозам, прежде всего отношению людей к экологическим рискам и глобальному изменению климата, можно сформулировать несколько рекомендаций по построению информационных кампаний по поводу глобальных рисков. Поскольку данная монография готовилась в условиях приближающейся второй волны пандемии COVID-19, мы воспользовались в целом ряде случаев примерами, непосредственно связан-

ными с эпидемиологической угрозой. Но все сформулированные ниже рекомендации могут быть использованы и в других случаях, связанных с информированием общества о природных, социальных и технологических рисках.

Эмпирические исследования показывают, что отношение человека к глобальным рискам зависит от его ответа на семь ключевых вопросов (Нестик, 2020; van Valkengoed, Steg, 2019). С каждым из этих вопросов связан тот или иной социально-психологический феномен: 1) «*Представляет ли это угрозу для меня и моих близких?*» (оценка риска); 2) «*Переживаю ли я по этому поводу? Сочувствую ли я другим людям?*» (негативные эмоции, эмпатия); 3) «*Я чувствую себя ответственным?*» (персональные нормы); 4) «*Способен ли я на это влиять?*» (самоэффективность); 5) «*Эти меры действительно защитят меня и мою семью?*» (инструментальная эффективность); 6) «*Какого поведения ждут от меня другие значимые для меня люди?*» (инъюнктивные нормы); 7) «А что будут делать другие? (дескриптивные нормы). Именно эти семь феноменов должны быть в центре внимания при организации информационных кампаний.

Во-первых, при информировании о глобальных рисках, в том числе о пандемии, необходимо *избегать катастрофизации и алармизма,* которые во время первой волны пандемии были характерны как для традиционных СМИ, так и для социальных сетей: «Пациент с тобой разговаривает, а легких у него уже нет», «Библейские ужасы. Какие последствия пандемии будут страшнее болезни», «Разводов не избежать? Самые ужасные последствия карантина для здоровья», «В подвале госпиталя в Барнауле скопились тела умерших пациентов», «Октябрь несет смерть» и т. п. Нагнетание тревоги может приводить к обратным последствиям, вызывая отрицание угрозы (Нестик, Журавлев, 2018). Постоянное напоминание о смерти снижает жизнеспособность личности, а также может вызывать защитные реакции. Известно, что после напоминания о смерти или угрозах для жизни у испытуемых усиливаются групповая идентичность и аутгрупповая агрессия, возрастает конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам (Harvell, Nisbett, 2016; McGregor et al., 1998). Одно из наших исследований показывает, что защитные реакции на мысли о смерти (принятие смерти как бегства, избегание мыслей о смерти, страх забвения после смерти, страх последствий для тела) усиливают апокалиптизм и фаталистическое игнорирование глобальных рисков (Нестик, Николаев, 2020).

Во-вторых, основное внимание нужно уделять не нагнетанию страха человека за свою жизнь, а поддержке его готовности заботиться о других. Например, в условиях снижения страха личного заражения *ставку нужно делать на страх за близких, сопереживание, а также убеждать в эффективности мер самозащиты.* К сожалению, с начала пандемии COVID-19 информирование наших сограждан было обращено к чувству самосохранения и личной безопасности. Эта мысль подчеркивалась и в СМИ, и в наружной рекламе. А обращаться нужно было к мыслям об ответственности за родных, к заботе о ближних. За апрель–август 2020 г. страх россиян заразиться коронавирусом сильно ослаб, а вот тревога по поводу возможного заражения близких остается высокой. Исследование, проведенное нами совместно с ЦСП «Платформа» и компанией OMI (N=1043) в мае 2020 г., показало, что предикторами соблюдения санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии являются не только страх заражения, но и другие факторы: вера личности в свою способность защитить от заражения себя и близких, принятие сложившейся ситуации и планирование будущего с учетом складывающихся обстоятельств, доверие к социальным институтам, сопереживание другим, убеждение в том, что большинство других горожан тоже соблюдают дистанцию и носят маски (см. рисунок 1.1).

Другое исследование, проведенное нами совместно с компанией OMI среди городского населения России в сентябре 2020 г. во всех

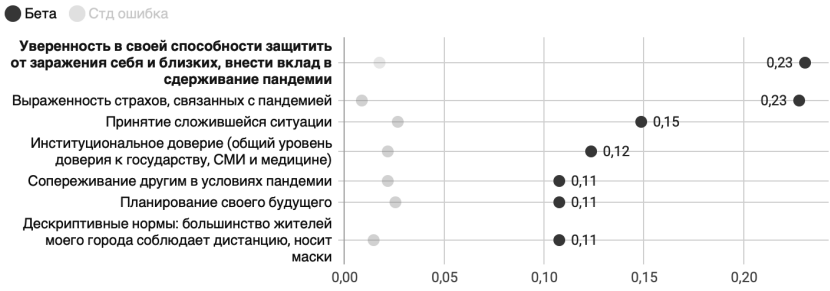


Рис. 1.1. Социально-психологические факторы соблюдения санитарно-эпидемиологических ограничений (результаты линейного регрессионного анализа, N=1043).

R=0,569; R^2=0,319; F=70,429; p<0,001; приведены стандартизированные коэффициенты множественной линейной регрессии; значимость всех показателей p<0,001

восьми федеральных округах (N=3278; 40,5% – мужчины, 59,5% – женщины; в возрасте от 17 до 64 лет; $M_{возр}$=36,7; SD=14,2), показало, что непосредственно перед второй волной пандемии готовность носить маску, соблюдать дистанцию и дезинфицировать руки в наибольшей степени определялась уже не страхом личного заражения, а уверенностью личности в своей способности защитить себя и других от пандемии, а также просоциальными установками – страхом заражения близких и роста жертв среди населения, сопереживанием людям, которые особенно уязвимы в отношении COVID-19 (см. рисунок 1.2).

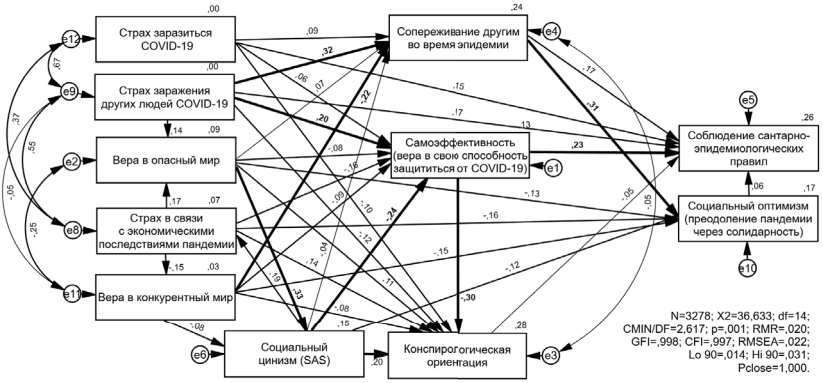


Рис. 1.2. Социально-психологические предпосылки готовности соблюдать санитарно-эпидемиологические ограничения и социального оптимизма (графическое представление результатов структурного моделирования, N=3278)

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами исследований в других странах. Так, оказалось, что убеждение в контролируемости угрозы COVID-19 позитивно влияет на психологическое благополучие и повышает готовность следовать правилам предосторожности (Li et al., 2020); наибольший отклик получают сообщения с призывом оставаться дома из сострадания к людям, уязвимым в отношении COVID-19 (Blagov, 2020); общий уровень эмпатии, сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств (King et al., 2016), а также мотивацию к социальному дистанцированию в условиях пандемии COVID-19

и поддержку ограничительных мер (Miguel et al., 2020; Pfattheicher et al., 2020).

В-третьих, в *сообщениях о глобальных рисках необходимо приводить больше примеров и меньше цифр.* Описание угрозы через статистику и тренды переводит обработку информации на более высокий уровень абстрагирования и способствует представлению риска как удаленного во времени и пространстве. Наоборот, описание угрозы в привязке к знакомой местности и на примере конкретных людей облегчает ее адекватную оценку (Chen, 2020; Trope, Liberman, 2010). Кроме того, как показывают исследования, увеличение числа жертв не увеличивает силы сопереживания: к сожалению, чем больше число жертв глобальной катастрофы, тем слабее наша эмпатия; люди с большей готовностью сопереживают конкретному человеку на фотографии, чем какой-то абстрактной статистической общности (Slovic, 2013).

В-четвертых, необходимо *увязывать меры по преодолению глобальных рисков с культурными ценностями и самооценкой скептиков, гордостью за свою группу* (*село, город, сообщество, компанию, Родину*). Исследования, посвященные информированию о глобальном изменении климата, дают множество примеров того, как увязывание сообщений о рисках с ценностями аудитории способствует их адекватной оценке. Например, представление природоохранного поведения как патриотического усиливало природоохранные установки среди консервативно настроенных испытуемых (Feygina et al., 2010). Увязывание природоохранного поведения со стимулированием роста экономики оказывало больший эффект, чем апелляции к научным фактам (Bain et al., 2012; Campbell, Kay, 2014). Обращение к консервативным ценностям в сообщениях об изменении климата вызывает более позитивный отклик у скептиков (Wolsko, 2017). Применительно к ситуации пандемии это означает, что нужно связывать ношение масок с традициями заботы о родных: «В нашем городе (в нашей компании) принято беречь родных, поэтому маски мы носим», «Настоящий аланец носит маску, чтобы не пустить беду в свой дом» и т. п. При этом следует избегать таких сообщений, которые снижают самооценку аудитории. Например, вместо объявления «Приехали из страны, неблагополучной по COVID-19? Обратитесь на единый номер 112» можно было бы сообщать «Вернулись из поездки и беспокоитесь за близких? Мы можем передать вирус окружающим, не зная, что болеем. Звоните по номеру 112, чтобы узнать, как защитить себя и других».

В-пятых, *необходимо предоставить слово людям, считающимся своими и заслуживающим доверия у аудитории.* Информация о рисках от представителя своей группы воспринимается более позитивно, чем от иностранцев или людей других политических взглядов, причем независимо от качества аргументов (Esposo et al., 2013; Fielding et al., 2020). Это значит, что нужно обращаться к слушателям через людей из их же группы, – этнической, территориальной, религиозной, профессиональной.

В-шестых, необходимо *демонстрировать единодушие среди экспертов по поводу эффективности мер самозащиты.* Например, подчеркивание 97% консенсуса среди экспертов по поводу антропогенных причин изменения климата повышало климатическую тревогу и поддержку природоохранного поведения вне зависимости от идеологических убеждений (Van der Linden et al., 2019). Неопределенность и противоречивость в позиции экспертов по поводу способов защиты от COVID-19 неизбежны в силу природы научного знания, но их подчеркивание в публичных коммуникациях снижает доверие к науке и соблюдение санитарно-эпидемиологических правил (Kreps, Kriner, 2020). При проведении ток-шоу и проведении серии интервью необходимо предоставлять возможность участвующим в них экспертам согласовать позиции по некоторым вопросам, чтобы выступить по ним, не противореча друг другу. Нужно поддерживать чувство уверенности в том, что санитарно-эпидемиологические меры серьезно сокращают вероятность заражения, и абсолютное большинство экспертов разделяют эту позицию.

В-седьмых, нужна более *активная работа по разъяснению того, как «устроены» мифы и конспирологические теории.* Чисто технические решения в этой сфере недостаточно эффективны, так как основные причины распространения ложной информации имеют психологический характер (Михеев, Нестик, 2018; Vosoughi et al., 2018). Использование только технических решений для защиты от дезинформации будет приводить к обратным эффектам, способствовать развитию зависимости от цифровых технологий и избеганию самостоятельной оценки полученной информации, усилению подозрения пользователей относительно возможности манипулирования общественным мнением с помощью цифровых технологий. Есть примеры и другого подхода к борьбе с ложной информацией, основанного на использовании гуманитарных технологий, прежде всего механизмов социального научения. Так, экспериментально доказана эффективность

специально разработанных онлайн-игр, повышающих сопротивляемость пользователей в отношении дезинформации (например, мобильные игры «Bad News» и «Cranky Uncle»). Разработчики игры предложили пользователям выступить в роли производителей ложных новостей и воспользоваться шестью типичными стратегиями манипулирования общественным мнением: сталкиванием мнений, использованием эмоционального контента, распространением конспирологических теорий, троллингом, использованием «козлов отпущения», а также использованием ложных аккаунтов от имени известных людей и организаций. При этом игроки получают информацию о том, почему эти стратегии действенны. Тестирование игры на 15 тысячах интернет-пользователях показало, что такого рода «прививка» повышает способность распознавать манипуляции в сети независимо от социально-демографических характеристик и идеологических убеждений игроков (Roozenbeek, Linden, 2019). Сомнительные посты можно не блокировать полностью, а автоматически снабжать тегом «может содержать ложные сведения», что существенно снижает число дальнейших перепостов (Wang et al., 2019). Необходимо расширить число волонтерских фактчекинговых сообществ в социальных сетях, сформировать круг экспертов, готовых в течение нескольких часов реагировать на появляющиеся в сети слухи квалифицированным опровержением.

В-восьмых, нужно убеждать в том, что необходимость соблюдения ограничений для предотвращения глобальных рисков или их последствий – это *точка зрения большинства, и все больше людей ее поддерживают*. Представления о мнении большинства сильнее всего определяют поведение человека в отношении невидимых угроз. Например, предположения о том, как ведет себя большинство (дескриптивные нормы) – наиболее мощный фактор мотивации изменить поведение в отношении климатической угрозы (van Valkengoed, Steg, 2019). Информация о том, что большинство старается экономить энергию, сильнее всего меняла установки испытуемых (Nolan et al., 2008). Напротив, воспринимаемый нормативный конфликт, когда не все члены своей группы поддерживают экологические установки, снижал мотивацию к природоохранному поведению (McDonald et al., 2013). В мае 2020 г. только 38% опрошенных нами горожан считало, что большинство окружающих их людей следует мерам предосторожности – носит маски и соблюдает дистанцию (Макушева, Нестик, 2020). Между тем данные ВЦИОМ за май показывали другую

картину: более 80% россиян признавались, что носят маски в публичных местах (Российская газета, 28 мая 2020). Этот контраст может говорить не только о хорошо известном расхождении установок и поведения, но и о возможности целенаправленного информационного воздействия для формирования установок. Необходимо более активно доносить до россиян информацию о мнении большинства в тех случаях, когда большинство поддерживает рекомендованные учеными требования.

В-девятых, *ввод жестких ограничительных мер должен сопровождаться регулярными открытыми пресс-конференциями, пояснением, для чего это делается и как именно позволяет защитить от угрозы.* Уход от двусторонних коммуникаций с населением провоцирует раздражение и нарушение введенных ограничений.

По мнению российских психологов, принявших участие в экспертных опросах, проведенных Институтом психологии РАН в апреле–мае 2020 г. (N=152; N=181), для предупреждения психологической травматизации населения в условиях пандемии необходимо сконцентрировать усилия на преодолении тревоги и страха (Ушаков и др., 2020). Рекомендуется избегать запугивания и угроз, прекратить поток негативной информации в СМИ, проводить разъяснительную работу, информировать о мерах поддержки граждан, а также организовать оказание психологической помощи населению: горячие линии, специальные отделения дистанционной работы для предотвращения неврозов и т. п. Опрошенные нами эксперты советуют поддерживать сопереживание и сплочение, гражданские инициативы, говорить о героизме врачей и примерах эффективности социально ответственного поведения. Было предложено расширить число новостных сюжетов и программ, не связанных с коронавирусом; выходить на контакт с населением по интересующим их вопросам; предоставлять больше информации, позволяющей людям строить планы. Учитывая беспрецедентные масштабы психологической травматизации населения, рекомендуется развивать психологическую грамотность и навыки самопомощи (проведение бесплатных вебинаров, передач и занятий по обучению навыкам психологической самопомощи; создание поддерживающих психологических программ на телевидении и т. п.), а также предпринять превентивные меры по снижению агрессии (создать специализированную психологическую службу для управления паникой, агрессией; направить энергию людей в конструктивное русло, запустить рекламу образа че-

ловека, погруженного в саморазвитие и помощь людям). Рекомендуется создать юридические и экономические стимулы для поддержки внимания людей к своему здоровью (ввести юридическую ответственность пациента за свое здоровье; связать сумму медицинского страхования с регулярностью обследований, связать размер выплат населению с тестированием на коронавирус, вакцинацией и т. п.).

В сложившихся условиях необходимо публичное обсуждение будущего страны после пандемии в традиционных СМИ и социальных медиа. Нужны долгосрочные позитивные стратегические цели, простирающиеся дальше, чем «медицинская» повестка 2020 г. Необходимо широкое информирование граждан об утвержденном плане восстановления российской экономики, а также критериях, на основании которых будет приниматься решение о переходе от одной стадии плана к другой. Принципиально важно регулярно предоставлять информацию о меняющихся потребностях рынка труда, планируемых мерах поддержки граждан и предприятий, на основании которой люди могли бы планировать различные сценарии своей дальнейшей жизни.

Опыт кризиса показал, что альтернативой алармизму в освещении ситуации СМИ, комментариях руководителей и экспертов должна стать логика позитивных целей: не снижение числа погибших, а число спасенных жизней и рабочих мест, примеры сопереживания, заботы друг о друге и социальной ответственности, четкие инструкции исполнительной власти в сочетании с демонстрацией уважения и доверия к гражданам.

Наконец, чтобы повысить адресность информационных кампаний необходим *мониторинг социально-психологического состояния общества.* Необходимо создание сетевых исследовательских структур, объединяющих уже существующие академические экспертные центры, государственные и частные исследовательские агентства для изучения отношения различных социальных групп к глобальным рискам. Создание таких сетей позволило бы не только получать более комплексные и конкретные предложения по преодолению социальных последствий пандемии, но и готовиться к будущим вызовам – эпидемиологическим, климатическим, техногенным кризисам. Можно выделить несколько важнейших задач, которые могут решать психологи совместно с представителями других наук в рамках подобных сетевых структур: 1) мониторинг динамики социально-психологического состояния российского общества в условиях

кризисов с опорой на массовые опросы, линии психологической помощи и анализ цифровых следов; 2) прогнозирование среднесрочных и долгосрочных социальных и психологических последствий кризисов; 3) анализ сценариев реакции общества на антикризисные меры правительств; 4) разработка рекомендаций по адресной поддержке психологического благополучия различных социальных групп в условиях кризисов, в том числе – социального доверия и просоциальных установок, критического мышления, позитивного образа будущего и долгосрочной ориентации. Одним из направлений работы таких сетей должно стать введение поведенческих параметров в математическое моделирование эпидемий, использование цифровых следов и других больших данных для прогнозирования социально-психологических процессов в условиях кризисов.

ГЛАВА 2

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОПУЛЯЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пандемия COVID-19, ставшая одновременно беспрецедентным медицинским, социально-экономическим и информационно-политическим явлением, резко обострила вопрос о корректном восприятии населением разных стран глобальных вызовов и угроз. Многолетние разговоры в кругу элит о «едином мире», «общепланетарных рисках» и «глобальных проблемах, затрагивающих всех жителей Земли», для подавляющего числа россиян до последнего времени были лишь внешним информационным фоном, возможно, любопытным, но слабо связанным с их реальной жизнью и насущными проблемами. Тотально распространенный среди советских граждан страх мировой ядерной войны уже не доминирует среди граждан, чья социализация проходила после 1985 г. Более поздние угрозы, связанные с изменением климата, истощением природных ресурсов, экологическим загрязнением, при всей их действительной актуальности до последнего времени не казались россиянам повсеместными, требующими коллективных (общемировых) усилий и рассматривались локально (в пределах региона проживания) с соответствующими претензиями к локальным стейкхолдерам.

Угроза заражения коронавирусом SARS-CoV-2, возможно, впервые после холодной войны и связанной с ней ядерной угрозой привели большую долю российского населения в состояние страха перед лицом именно глобальной угрозы, пришедшей в Россию из-за рубежа и требующей серьезных совместных усилий всего общества и государства. Не случайно столь популярной для обозначения неожидан-

---

Глава представляет собой расширенную и доработанную версию статьи: *Нестик Т. А., Задорин И. В.* Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4–28.

ного явления стала метафора войны. Пандемия COVID-19 потребовала от очень многих россиян существенных изменений социального поведения (другой формат трудовой активности, ограничения передвижения, домашняя изоляция, физическое дистанцирование и пр.). Отношение к этим изменениям (в том числе готовность следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям) во многом определялось восприятием серьезности (существенности) угрозы, доверием к действиям властей и ощущением ответственности за здоровье (и даже жизнь) окружающих людей. Причем оперативные исследования, проведенные с марта по июнь 2020 г., показали широкий спектр возможных реакций на угрозу массового заболевания и требования по обеспечению эпидемиологической безопасности: от полного непризнания (игнорирования) до панического страха и чрезмерной (патологической) самоизоляции. В связи с этим вопрос адекватности восприятия гражданами глобальных угроз перестает быть предметом сугубо академических исследований. Выявление ключевых социально-психологических факторов восприятия глобальных проблем и рисков, а также стимулов ответственного социального поведения в ситуации обострения угрозы должно стать важным полем прикладных исследований для формирования эффективной информационной и социальной политики государства и общественных объединений в соответствующих чрезвычайных ситуациях.

Глобальные риски как феномен общественного сознания

Эмпирические исследования массовых страхов, связанных с глобальными рисками, свидетельствуют о том, что острота их переживания различается в разных регионах мира. Это подтверждается результатами около 80 тыс. интервью, проведенных в 40 странах агентством Pew Rersearch в 2015 и 2017 гг. (Carle, 2015; Poushter, Manevich, 2017). Итоги опроса 2015 г. показывают, что в Латинской Америке, Южной Африке, Индии и Китае жители считали наиболее серьезной угрозой глобальное изменение климата, тогда как у жителей стран Ближнего Востока, США и Европы наибольшие опасения вызывала угроза со стороны ИГИЛ, в Польше и на Украине наибольшей угрозой считали Россию, в Израиле – ядерную программу Ирана, а во Вьетнаме – Китай. Есть и угрозы, беспокоящие большинство жителей земного шара. Опрошенные жители 19 из 40 стран, в которых проводилось исследование в 2015 г., назвали в качестве наиболее серьезной угрозы глобальное потепление. В других странах, в том числе в России, наиболее значимой была угроза экономической нестабильности (Carle, 2015).

Согласно исследованию, проведенному в 2018 г. среди жителей 10 стран агентством ComRes по заказу Global Challenges Foundation, наиболее значимыми для респондентов оказались риски изменения климата, стихийных бедствий и природных катастроф, политически мотивированного насилия, эпидемий и использования оружия массового уничтожения (Attitudes to global risk and governance survey, 2018).

Приведенные данные исследований последних лет подтверждают выводы более раннего пилотного проекта одного из авторов статьи, реализованного с партнерами в 2006 г. на онлайн-платформе GMI. По итогам опросов населения стран «Большой восьмерки» был сделан вывод о социокультурных основаниях различий в опасениях и тревогах граждан относительно социальных угроз. Общий уровень тревожности в странах континентальной Европы (Франция, Германия, Италия) оказался существенно выше, чем в «атлантических» странах (США, Канада, Великобритания). При этом в первом случае заметно выше актуальность культурной проблематики (традиции, мораль и т. п.), а во втором – респонденты чаще опасаются угроз, связанных с возможной потерей социального комфорта. Было выдвинуто предположение о существовании двух типов тревожного сознания – «европейском» и «атлантическом» (Задорин, 2006а).

Наиболее существенными являются идеологические и политические различия в оценке рисков. Так, в Европе и США представители правых более высоко оценивали угрозу вынужденной миграции и угрозу со стороны ИГИЛ, чем представители левого политического крыла. Наоборот, угрозу глобального изменения климата респонденты левых политических взглядов оценивают выше, чем сторонники правых. Так, в США 86% опрошенных либералов признали глобальное потепление серьезной угрозой, тогда как среди консерваторов таких оказалось всего 13% (Poushter, Manevich, 2017).

Кросс-культурные различия в содержании осознаваемых глобальных рисков, а также динамика значимости угроз связаны с тем, что коллективные страхи являются своего рода проекцией на будущее тех проблем, которые актуальны для общественного сознания сегодня. Очевидно, что представления о будущем формируются при обсуждении текущей социальной реальности, тех событий настоящего, которые затрагивают интересы крупных социальных групп (Задорин, 2006; Задорин, Шубина, 2006; Задорин, Шубина, 2009; Чего опасаются россияне, 2008). С одной стороны, социальные страхи помогают оценивать настоящее, облегчают и легитимируют социальную категоризацию. С другой стороны, они мобилизуют ре-

сурсы социальной группы и, повышая внимание к той или иной информации, дают возможность подготовиться к различным сценариям развития событий. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам (Kasperson et al., 2003).

Обобщая результаты зарубежных исследований, можно сделать вывод о том, что среди респондентов развитых стран преобладает социальный пессимизм (Eckersley et al., 2007; Halal, Marien, 2011). Согласно данным международного онлайн-опроса, проведенного в 2004 г., 45% респондентов убеждены, что рано или поздно человечество прекратит свое существование (Tonn, 2009). По данным другого кросс-культурного исследования, больше 54% респондентов считают, что люди с вероятностью более 50% будут вынуждены изменить свой образ жизни в ближайшие 100 лет, а 24% опрошенных считают, что в этот период времени с вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли (Randle, Eckersley, 2015).

При этом имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму и др.) позволяют с уверенностью говорить о существовании множества типов отношения к глобальным рискам. Например, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории (Myers et al., 2012; Roser-Renouf, Maibach, 2018): «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). При изучении отношения к ядерной угрозе в массовом сознании были выделены девять возможных ориентаций (Hamilton, Chavez, Keitlin, 1986): «романтики» (вера в здравомыслие политиков), «гедонисты» (стремление успеть перед концом света взять от жизни все), «стоики» (вера в неизбежность войны и выживание части человечества), «сторонники устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну), «альтруистические фаталисты» (признание неспособности предотвратить войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для окружающих), «сторонники разоружения» (вера в возможность предотвратить катастрофу силами общественности), «теисты» (убеждение, что «все в руках Господа»), элиминационисты (вера в необходимость уничтожения потенциальных агрессоров превентивным ядерным ударом), «стремящиеся выжить» (вера в то, что, подготовившись, можно пережить катастрофу).

В своих исследованиях Р. Экерсли выделяет три основных психологических типа отношения к возможному исчезновению человечества с лица земли: нигилистическое, фундаменталистское и активистское (Eckersley, 2008; Randle, Eckersley, 2015). При нигилистическом отношении признание неизбежности катастрофы сопряжено с гедонизмом и стремлением жить во благо близких людей («Будущее мира не сулит ничего хорошего, так что лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких», «Следует наслаждаться той жизнью, которая у нас есть, а не тревожиться по поводу возможного будущего человечества»). Фундаментализм характеризуется убеждениями в том, что мы вступаем в окончательную войну добра и зла и для сохранения человечества необходимо вернуться к традициям и религиозным ценностям («Мы присутствуем при финале борьбы добра и зла в мире»; «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям»). Наконец, активизм предполагает веру в то, что для спасения мира необходимы радикальные изменения и объединение усилий («Если мы хотим лучшего будущего для нашего мира, нам нужно изменить свое мировоззрение и образ жизни», «Моя надежда на будущее связана с растущим глобальным движением людей, которые хотят построить свободный от войн, честный и устойчивый мир»). Кросс-культурное онлайн-исследование, проведенное в США, Англии, Канаде и Австралии, показало, что активизм значительно преобладает над нигилизмом и фундаментализмом: 78% ответов – по сравнению с 48% и 36% соответственно (Randle, Eckersley, 2015). Возможно, это объясняется тем, что для большинства респондентов, принявших участие в опросе, очевидна невозможность дальнейшего сохранения сложившегося положения в мире. Другое объяснение может быть связано с тем, что опрос проводился онлайн и на него откликнулись в основном те, кто верит в способность людей влиять на будущее.

В предшествующих исследованиях, проведенных среди российской молодежи, мы выделили несколько типов отношения личности к глобальным рискам: «радикальные пессимисты», «активисты», «игнорирующие», «встревоженные традиционалисты», «пассивные прагматики», «оптимисты» (Нестик, Журавлев, 2018). Результаты сравнения данных типов по ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик указывают на то, что отношение к глобальным рискам тесно связано с внутригруппо-

вым доверием, социальной идентичностью и уверенностью личности в своей способности влиять на будущее. Оказалось, что тревога по поводу глобальных рисков сочетается с консервативными ценностями («встревоженные традиционалисты»), а вера в близость глобальной катастрофы – с низким социальным доверием и поддержкой радикальных решений («радикальные пессимисты»). Эти результаты заставляют задуматься о том, какое влияние алармистские новости в СМИ оказывают на общество (например: «Ученые предупредили о грядущей катастрофе», «Землю ждет аномальная жара», «Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»). Можно предположить, что вместо повышения рефлексивности и поддержки долгосрочно ориентированных сложных решений, алармизм вызывает совсем другие защитные реакции: недоверие социальным институтам (социальный цинизм), поддержку рестриктивных, авторитарных и агрессивных мер. Протест против таких мер, в свою очередь, может быть одной из причин роста численности «пассивных прагматиков», характеризующихся слабой групповой идентификацией, не приемлющих авторитаризм, нормы лояльности и уважения к авторитетам.

Посвященные глобальным рискам популяционные исследования, проводившиеся ранее в России и за рубежом, либо были направлены на выявление содержания и динамики коллективных страхов, либо были сфокусированы на изучении представлений о путях предотвращения какого-то определенного типа рисков. Анализ психологических стратегий, используемых россиянами для совладания с информацией о глобальны рисках, с учетом социально-демографических характеристик респондентов ранее не проводился. Межу тем, эмпирические исследования показывают, что информирование о глобальных рисках требует учета именно такого рода социально-психологических характеристик личности (Leiserowitz et al., 2018; Roser-Renouf, Maibach, 2018).

Опасения по поводу глобальных рисков среди представителей различных социально-демографических групп россиян

Для выявления связи между обеспокоенностью теми или иными угрозами и социально-психологическими типами отношения к глобальным рискам у представителей разных социально-демографических категорий россиян в рамках проекта совместно с Исследовательской группой «ЦИРКОН» в сентябре 2019 г. было проведено

популяционное исследование в виде всероссийского опроса населения (формализованное интервью face-to-face). Выборочная совокупность (N=1600, 46% – мужчины; репрезентативная общероссийская выборка; средний возраст – 44,6 лет, SD=16,9) репрезентирует взрослое население России по параметрам пола, возраста, образования, типу населенного пункта и региональной представительности. В исследовании приняли участие жители 8 федеральных округов: Сибирского (N=174), Центрального (N=430), Южного (N=192), Северо-Западного (N=174), Северо-Кавказского (N=96), Приволжского (N=306), Дальневосточного (N=75), Уральского (N=153).

Для выявления представлений россиян о глобальных рисках респондентам предлагалось оценить по 4-балльной шкале свою обеспокоенность 15 возможными негативными изменениями ситуации в России (российские риски) и 15 возможными негативными изменениями в мире (собственно глобальные риски). Для измерения отношения к глобальным рискам была использована сокращенная 21-пунктная версия опросника «Отношение к глобальным рискам», при создании которой для каждой шкалы были отобраны по 2 или 3 пункта с наибольшими факторными весами (Нестик, Журавлев, 2018). Для измерения глобальной, гражданской и локальной идентичности использовались скрининговые вопросы, апробированные в предшествующих исследованиях («Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством», «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Я связываю свое будущее с судьбой своего города»). Кроме того, респондентам предлагалось выбрать из списка 7 социальных категорий (например, россиянин, житель своего города, житель планеты Земля и др.) те, кем они лично считают себя в первую очередь. Для измерения генерализованного социального и институционального доверия мы просили оценить степень своего согласия с утверждениями «Я считаю, что большинству людей можно доверять» и «Я уверен, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся». Наряду с традиционным социально-демографическим блоком вопросов в анкету были включены пункты, направленные на выявление религиозной самоидентификации (вероисповедания), ощущения ответственности перед предшествующими и будущими поколениями, доверия к СМИ, удовлетворенности своей жизнью и удовлетворенности текущим экономическим статусом.

Рейтинг значимости различных глобальных рисков в массовом сознании россиян в целом представлен в виде частотных распределений ответов респондентов на вопрос: «Сейчас я буду перечислять вам некоторые возможные негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире, а вы скажите, в какой мере вас беспокоят эти явления». Варианты ответов в виде 4-балльной шкалы: 0 – «Совершенно не беспокоит», 1 – «Немного беспокоит», 2 – «Определенно беспокоит», 3 – «Очень сильно беспокоит (вызывает страх)» (см. рисунок 2.1).

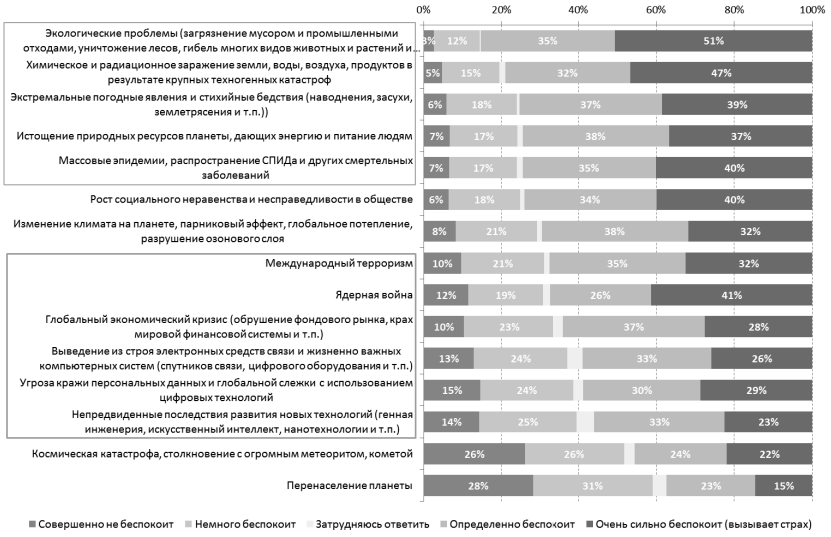


Рис. 2.1. Уровень обеспокоенности глобальными рисками (в % от всех респондентов)

Данные опроса ИП РАН–ЦИРКОН (2019) хорошо согласуются с результатами опросов Фонда «Общественное мнение» за 2015–2019 гг., согласно которым наибольшую тревогу вызывают антропогенные экологические глобальные риски: угрозы химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов и засорения планеты отходами. Более того, по данным ФОМ, озабоченность экологическими последствиями человеческой деятельности растет, тогда как значимость экстремальных погодных явлений снижается[1]. Воз-

1 Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир // Фонд «Общественное мнение». 2019. 16 апреля. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14194 (дата обращения: 11.10.2020).

можно, россияне придают большее значение тем рискам, на которые они могут повлиять через активизм и политические решения. Это может указывать на механизм, аналогичный когнитивному диссонансу: нагнетаемая СМИ тревога по поводу глобальных рисков требует действий, но поскольку граждане не видят способов повлиять на ситуацию, они неосознанно занижают вероятность и последствия глобальных угроз, используя дискурсивные стратегии депроблематизации: «Политики разберутся...», «Этим должны заниматься специальные службы!», «Есть более важные социальные проблемы!», «Природа сама справится!» (Нестик, Журавлев, 2018; Kellstedt, Zahran, Vedlitz, 2008).

В контексте пандемии COVID-19 обращает на себя внимание доля респондентов, которых определенно или очень сильно беспокоила в сентябре 2019 г. угроза «массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний» – 74,5%. Удивительным образом эта доля точно совпадает со средней долей респондентов ВЦИОМ, отвечавших во время пандемии на вопрос «Опасаетесь ли вы сейчас, что вы сами или ваши близкие могут заболеть коронавирусом?» – «очень боюсь» и «в какой-то мере опасаюсь» – 74% (данные 10 опросов со 2 апреля по 13 июня). В известной степени этот уровень может считаться оценкой доли российских граждан, в той или иной степени включенных в «дискурс заражения» и чувствительных к соответствующей информации.

Представленный в вопроснике перечень глобальных рисков, судя по результатам факторного анализа (альфа-факторный анализ с вращением Варимакс, суммарная объясненная дисперсия = 51%), в массовом сознании хорошо разделяется на две группы: 1) риски, связанные с экологическими и природными явлениями, 2) риски, связанные с социальными и технологическими явлениями и процессами. В таблице 2.1 указаны факторные нагрузки исходных переменных, а также доля респондентов, испытывающих очень сильное беспокойство (страх) по поводу соответствующего явления (угрозы).

На основе указанного разделения были построены две индексных переменных (индексы опасений), каждая из которых представляет собой сумму баллов по восьми исходным переменным (переменная «обеспокоенность ядерной войной» вошла в оба индекса, поскольку имела примерно одинаково высокие нагрузки по обоим факторам). Два индекса, значения которых изменяются от 0 до 24, хорошо коррелируют друг с другом (см. рисунок 2.2), что означает сходные

Таблица 2.1

Распределение глобальных рисков
по факторам – индексам опасений

Исходная переменная (угроза, опасность)	Фактор 1 (нагрузки)	Фактор 2 (нагрузки)	% опасающихся
Экологические проблемы (загрязнение мусором и промышленными отходами, уничтожение лесов, гибель многих видов животных и растений и т. п.)	0,770		85%
Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф	0,733		79%
Истощение природных ресурсов планеты, дающих энергию и питание людям	0,659		75%
Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний	0,609		75%
Экстремальные погодные явления и стихийные бедствия (наводнения, засухи, землетрясения и т. п.)	0,557		75%
Изменение климата на планете, парниковый эффект, глобальное потепление, разрушение озонового слоя	0,624		70%
Ядерная война	0,498	0,466	68%
Рост социального неравенства и несправедливости в обществе		0,251	74%
Международный терроризм		0,568	68%
Глобальный экономический кризис (обрушение фондового рынка, крах мировой финансовой системы и т. п.)		0,591	64%
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных компьютерных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т. п.)		0,686	59%
Угроза кражи персональных данных и глобальной слежки с использованием цифровых технологий		0,657	59%
Непредвиденные последствия развития новых технологий (генная инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т. п.)		0,488	56%
Космическая катастрофа, столкновение с огромным метеоритом, кометой	0,312		46%
Перенаселение планеты		0,631	37%

оценки степени беспокойства по поводу разных глобальных рисков, которые многие российские респонденты высказывают, не разделяя по существу разные риски и не разбираясь в них. Фактически это де-

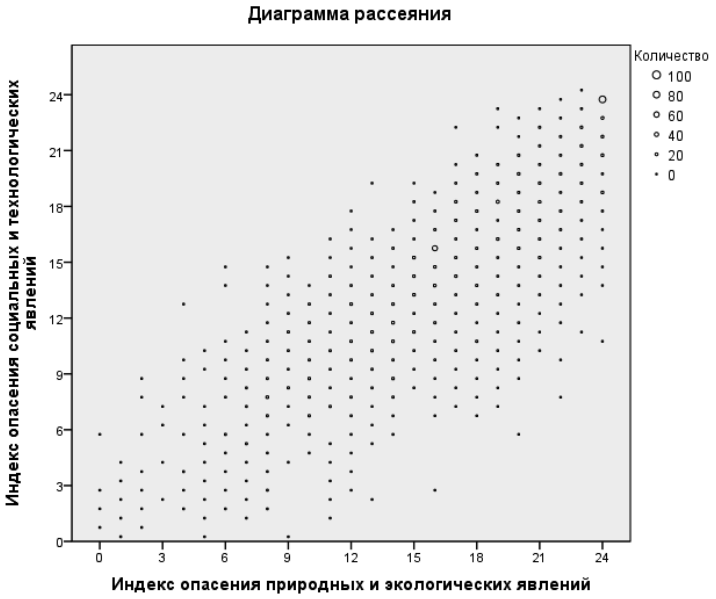


Рис. 2.2. Диаграмма рассеяния респондентов в пространстве индексов опасений

лает обоснованным предположение об общей основе этих оценок – общем уровне тревоги по поводу будущего.

Далее будут показаны другие общие основания для восприятия разных глобальных рисков.

При детальном анализе распределения значений индексных переменных для различных социально-демографических групп выявились следующие различия:

- *женщины* и респонденты *старшего возраста* несколько чаще дают высокие оценки своему беспокойству по поводу глобальных рисков, чем *мужчины и молодежь;* хотя различия между указанными группами невелики, но статистически значимы;
- лица со *средним* (*и ниже*) *образованием,* со *средним экономическим положением и невысоким потребительским статусом* заметно более тревожны, чем респонденты с *высшим образованием, хорошим экономическим положением и высоким потребительским статусом* («можем позволить себе дорогие покупки»);

– жители *Москвы, Санкт-Петербурга, городов-миллионников,* а также идентифицировавшие себя как *«европеец»* или *«гражданин мира»* (*глобальная идентичность*), существенно менее тревожны, чем жители *сел, небольших городов* и лица с *региональной идентичностью* («считаю себя прежде всего жителем данной области, края...»);
– жители *ЦФО, СЗФО и ПФО* заметно реже высказывают серьезные опасения, чем жители *ЮФО, СКФО, УФО, СФО* и особенно *ДВФО; территориальные различия* индексов опасений довольно заметны и, вероятно, связаны с природными особенностями регионов, в том числе частотой различного рода стихийных бедствий в них;
– респонденты, идентифицировавшие себя как *верующие православные,* чаще выражают высокое беспокойство по поводу глобальных рисков, чем *атеисты* (*ответы* «Не считаю себя верующим человеком»).

Выявленные различия в оценке глобальных рисков можно обобщить на основе концепции социальных ресурсов индивида. Очевидно, что высшее образование, высокий социальный статус, хорошее экономическое состояние, проживание в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможности территориальной мобильности – все это социальные ресурсы человека, позволяющие ему чувствовать себя увереннее перед лицом различных угроз, ощущать себя более защищенным. Напротив, отсутствие таких ресурсов естественно вызывает повышенную тревожность, выражающуюся в том числе в более высокой обеспокоенности далекими и малопонятными глобальными рисками.

Помимо социально-ресурсных факторов, во многом определяющих выраженность тревоги респондентов относительно глобальных рисков, в исследовании был выявлен фактор с самой высокой различительной силой. Им оказался фактор включенности респондента в *информационный поток СМИ:* чем выше частота просмотра ТВ, тем выше оценки опасений. Далее влияние этого фактора на выраженность тревоги по поводу глобальных рисков будет подтверждено и другими данными.

Визуализация вышеуказанных различий представлена на рисунке 2.3, где в пространстве двух индексных переменных позиционированы различные социально-демографические группы респон-

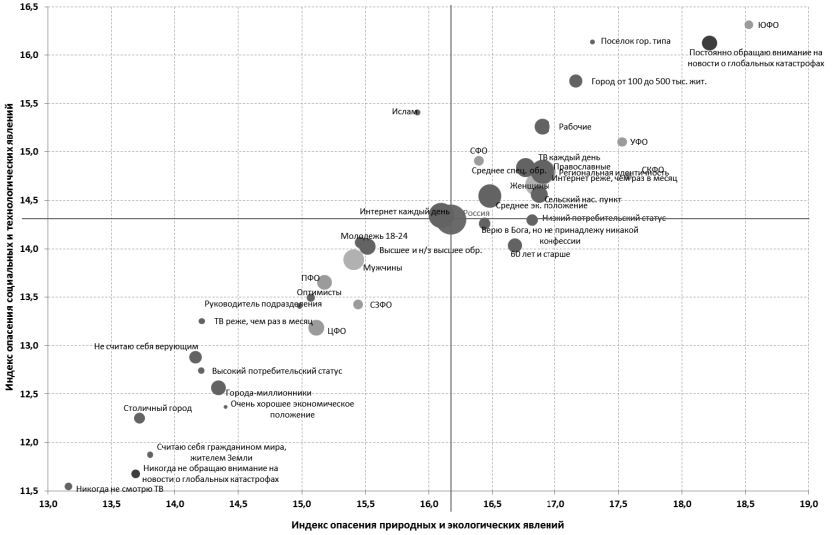


Рис. 2.3. Позиционирование различных социально-демографических групп в пространстве индексов опасений по поводу глобальных рисков (средние значения индексов опасений для разных групп)

дентов: координатами каждой группы являются средние значения индексных переменных для данной группы респондентов.

Динамика тревоги по поводу негативных глобальных явлений

Конечно, можно предположить, что восприятие глобальных угроз (и оценка их «опасности») существенно зависит от того контекста, в котором находится респондент (прежде всего имеется в виду событийный *контекст,* текущий информационный фон, наличие/отсутствие собственного опыта переживания соответствующей угрозы). В этой связи любопытно посмотреть, как изменялись оценки тревоги россиян по поводу некоторых глобальных рисков в течение последних десятилетий с учетом изменяющего контекста. В таблицах 2.2a–2.2b приведены данные трех исследовательских проектов, разделяемых довольно большими временными промежутками[1]. Сле-

1 1996 г. — проект «Катастрофическое сознание в современном мире» (Институт социологии РАН, Мичиганский университет (США), группа ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, число респондентов – 1350 человек (проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

Таблица 2.2а

Динамика восприятия некоторых глобальных рисков
(% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996–2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	**1996**	**2006**	**2019**	**2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»**
Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф				
Меня это не беспокоит	2	10	5	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	29	32	47	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	68	57	47	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить
Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний				
Меня это не беспокоит	6	12	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	30	44	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	64	44	40	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить
Экстремальные погодные явления и природные катастрофы и бедствия (*засухи, пожары, наводнения, землетрясения*)				
Меня это не беспокоит	17	15	6	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	48	43	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит

Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	34	42	39	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	1	Затрудняюсь ответить
Крупные террористические акты (взрывы, поджоги, захват заложников)				
Меня это не беспокоит	12	8	10	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	41	33	56	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	45	58	32	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	1	Затрудняюсь ответить
Ядерная война				
Меня это не беспокоит	25	21	12	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	36	40	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	37	30	41	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	8	2	Затрудняюсь ответить

Таблица 2.2b

Динамика восприятия некоторых внутрироссийских рисков
(% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996–2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	**1996**	**2006**	**2019**	**2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»**
Угроза нападения других государств, возможная война России с другими государствами				
Меня это не беспокоит	39	32	13	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	35	38	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	22	29	33	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	4	1	2	Затрудняюсь ответить
Угроза гражданской войны, революции, политические беспорядки				
Меня это не беспокоит	10	33	16	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	40	43	57	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	48	23	25	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	2	Затрудняюсь ответить
Угроза диктатуры и массовых репрессий, ограничения демократических свобод				
Меня это не беспокоит	27	46	18	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	39	35	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	28	17	23	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)

Затрудняюсь ответить	6	3	4	Затрудняюсь ответить
Рост преступности, криминализация общества				
Меня это не беспокоит	4	5	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	28	29	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	66	65	37	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	0	1	Затрудняюсь ответить
Коррупция, произвол властей и беззаконие				
Меня это не беспокоит	9	11	4	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	33	34	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	53	53	50	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	5	1	1	Затрудняюсь ответить

дует признать, что все три сравниваемых опроса проводились с несколько различающимся инструментарием и схемами формирования выборки респондентов. Вместе с тем, как нам кажется, при определенной модификации шкалы измерения (приведение к 3-балльной) сравнение вполне возможно на качественном уровне и весьма показательно (см. таблицу 2.2а). Для расширения сравнительного анализа приводим также данные по некоторым «внутрироссийским рискам» (см. таблицу 2.2б).

Как видим, за более чем 20 лет общий уровень тревожности по большинству угроз (особенно внутрироссийских) снизился. Однако эти изменения не радикальны и вполне интерпретируются на основе анализа изменения социально-политического контекста. Так, существенное уменьшение уровня страха «химического и радиационного заражения земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф», очевидно, является следствием постепенного ухода «чернобыльского синдрома» (со скоростью смены поколений) в отсутствие в стране сколь-нибудь сопоставимых техногенных аварий. Также понятно резкое сокращение страха терроризма после окончания чеченской войны (и поствоенного террора) и постепенного ухода в историю терактов 11 сентября 2001 г. Вместе с тем беспокойство по поводу ядерной войны становится более распространенным, что хорошо корреспондирует с ростом уровня беспокойства относительно угрозы возможной войны России с другими государствами после известных событий 2008 г. (российско-грузинский конфликт) и 2014 г. (российско-украинский конфликт). Также обращает на себя внимание стабильность уровня тревоги по поводу природных катастроф и бедствий, поддерживаемого регулярно случающимися в стране наводнениями, лесными пожарами и т. п., хорошо освещаемыми средствами массовой информации.

В целом для опрошенных россиян характерен высокий романтизм, то есть убежденность в том, что политические лидеры будут действовать в интересах человечества, чтобы избежать глобальной ка-

---

2006 г. — проект «Восприятие социальных рисков и угроз населением стран СНГ» (НП МИА «Евразийский монитор»), всероссийский опрос населения России, численность респондентов = 1600 человек (разработка опросника и проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

2019 г. — «Восприятие гражданами России глобальных рисков и угроз» (Опрос ИП РАН — ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, численность респондентов = 1600 человек (проведение полевых работ – группа ЦИРКОН).

тастрофы (M=4,2 по 5-балльной шкале; SD=0,028), а также вера в то, что для предотвращения глобальных рисков необходимо сотрудничество и компромиссы (M=3,7; SD=0,026), умеренная тревога по поводу глобальных рисков (M=3,4; SD=0,031) и авторитаризм, то есть поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы (M=3,4; SD=0,033). Нами выявлены региональные различия в выраженности характеристик отношения к глобальным рискам и содержании страхов ($p<0,001$). Так, наиболее низкие показатели тревоги по поводу глобальных рисков и апокалиптизма оказались у жителей Центрального и Северо-Западного федеральных округов, тогда как наиболее высокие они у респондентов из Уральского, Дальневосточного, Южного и Приволжского округов. Наибольшую озабоченность природными рисками выражают жители Дальневосточного, Уральского, Южного и Северо-Кавказского округов. В Центральном и Сибирском округах наиболее выраженные тревоги связаны с экономическими рисками. При этом высокие показатели апокалиптизма в Уральском и Дальневосточном округах сопровождаются также самым высоким уровнем оправданности радикальных решений для предотвращения катастроф. По-видимому, выявленные различия могут объясняться разной подверженностью российских округов природным рискам (Атлас природных и техногенных..., 2005; Доклад об особенностях климата..., 2019).

Посредством факторного анализа с вращением Варимакс нами были выделены 4 фактора тревог, связанных с глобальными угрозами, объясняющих 66,1% дисперсии значений. В первый фактор «Экологические угрозы» (24,5%) вошли экологические проблемы (загрязнение мусором и промышленными отходами, уничтожение лесов и т. п.), химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф; массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний; истощение природных ресурсов планеты, дающих энергию и питание людям; экстремальные погодные явления и стихийные бедствия (наводнения, засухи, землетрясения и т. п.). Во второй фактор «Экзистенциальные риски» (16,5%) были объединены риски, чреватые уничтожением человечества: ядерная война; космическая катастрофа, столкновение с огромным метеоритом, кометой; перенаселение планеты; международный терроризм. В третий фактор «Киберугрозы» (14,9%) вошли угроза кражи персональных

данных и глобальной слежки с использованием цифровых технологий; выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных компьютерных систем; а также глобальный экономический кризис (обрушение фондового рынка, крах мировой финансовой системы и т. п.). В четвертый фактор «Рост неравенства, связанный с изменением климата и развитием новых технологий» (10,1%) вошли рост социального неравенства и несправедливости в обществе; непредвиденные последствия развития новых технологий (генная инженерия, искусственный интеллект и др.); а также изменение климата на планете.

Психологические типы отношения личности к глобальным рискам

Посредством факторного анализа с вращением Варимакс нами были выделены 5 факторов тревог, связанных с жизнью в России, объясняющих 67,3% дисперсии значений. В первый фактор «Вооруженные конфликты» (16,2%) вошли угроза нападения других государств, возможная война России с другими государствами; угроза гражданской войны, революции, политические беспорядки; крупные террористические акты (взрывы, поджоги, захват заложников), а также миграция и межнациональные конфликты. Во второй фактор «Экономический упадок и криминализация» (13,7%) были объединены повышение цен и обнищание людей; экономический кризис, спад производства; коррупция, произвол властей и беззаконие; а также рост преступности, криминализация общества. В третий фактор «Вымирание нации и репрессии» (13,3%) вошли утрата национальной самобытности и традиций; сокращение рождаемости, вымирание населения страны; а также угроза диктатуры и массовых репрессий, ограничения демократических свобод. В четвертый фактор «Экологические и природные риски» (12,5%) вошли экстремальные погодные явления, природные катастрофы и бедствия (засухи, пожары, наводнения и др.); а также ухудшение экологической обстановки, загрязнение окружающей среды. Наконец, в пятый фактор «Информационные войны» (11,6%) вошли использование цифровых технологий для слежки за гражданами через интернет и манипулирования общественным мнением; а также последствия экономических санкций, наложенных на Россию другими странами.

Как показал множественный линейный регрессионный анализ, уровень тревоги россиян по поводу глобальных рисков определяется ($R=0,519$; $R2=0,269$; $F=67,075$; $p<0,001$) их опасениями по поводу вооруженных конфликтов ($\beta=0,110$), экологических и природных рисков в России ($\beta=0,149$), глобальных экологических угроз ($\beta=0,137$), а также роста неравенства, связанного с изменением климата и новыми технологиями ($\beta=0,064$). Среди других предикторов – частота, с которой респонденты уделяют внимание новостям о глобальных рисках ($\beta=0,122$), неудовлетворенность материальным благосостоянием ($\beta=-0,108$), глобальная идентичность ($\beta=0,139$), а также идентификация себя с гражданами России ($\beta=0,095$). Таким образом, основной вклад в значимость глобальных рисков вносит внимание к информации СМИ о природных рисках, групповая идентификация и чувство уязвимости, связанное с неудовлетворенностью материальным благосостоянием и ростом неравенства. Эти данные подтверждают наши теоретические положения о том, что все глобальные риски, как антропогенные, так и природные, носят социальный характер, так как представления о них формируются преимущественно через СМИ, а сами риски оцениваются личностью на основании собственной групповой принадлежности (Нестик, 2016; Douglas, Wildavsky, 1982).

Для того, чтобы сопоставить отношение к глобальным рискам и социально-демографические характеристики россиян нами была построена эмпирическая типология: кластерный анализ методом k-средних позволил выделить 7 типов отношения россиян к глобальным рискам (см. таблицу 2.1).

К первому типу, получившему название «Встревоженные традиционалисты» ($N=221$; 55,2% – женщины), были отнесены респонденты с наиболее высокой тревогой по поводу глобальных угроз, высоким уровнем фатализма и апокалиптических ожиданий, а также самой высокой ориентацией на возвращение к традиционным религиозным ценностям для предотвращения рисков. Для них характерна более высокая готовность оправдывать радикальные решения (упреждающий ядерный удар, выживание одних за счет других), вера в возможность выживания в катастрофе, поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы. При этом они готовы к действиям по предотвращению глобальных рисков, а также защите себя и своих близких от их последствий. Наибольшую долю среди них составляют представители

поколения «Х» в возрасте от 36 до 55 лет (38%). Большинство представителей данного типа живут в сельских населенных пунктах (28,5%) и городах с численностью от 100 до 500 тыс. человек (26,7%). По роду занятий это в основном не работающие (38,5%), а также рабочие (28,1%), служащие (15,8%) и специалисты с высшим образованием (11,3%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (38,2%). Среди них только 26,7% жалуются на то, что в той или иной степени неудовлетворены своей жизнью, что на 6% меньше, чем по выборке в целом. При этом 24,9% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее, что на 4% выше, чем в целом по выборке. По сравнению с другими типами, встревоженные традиционалисты наиболее убеждены в возможности прогнозирования глобальных катастроф, наиболее часто признают, что не только обращают внимание на новости о таких катастрофах, но и сами стремятся быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах (см. таблицу 2.2). Большинство из них считают себя верующими православными (58%), к атеистам отнесли себя только 14%. При этом они наиболее сильно переживают свою связь с человечеством, ощущают ответственность за свои действия перед предыдущими и последующими поколениями людей, чаще задумываются о будущем России, а также характеризуются наиболее высоким социальным и институциональным доверием. Для данного типа характерна наиболее высокая озабоченность большинством антропогенных и природных рисков, связанных с жизнью в России и миром в целом.

Второй тип – «Пассивные оптимисты» (N=300; 50,7% – мужчины) – не готовы поддерживать своими действиями общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных рисков, но при этом убеждены в необходимости сотрудничества, верят в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества. Большинство представителей данного типа живут в городах-миллионниках (33,3%) и сельских населенных пунктах (31%). По роду занятий это в основном не работающие (38,5%), рабочих здесь меньше, чем в других типах (18,7%), зато больше служащих (17,1%), специалистов с высшим образованием (14,4%), руководителей (6,7%) и предпринимателей (4%). Значительная доля респондентов данного типа имеет высшее образование (37%). Среди пассивных оптимистов 27,3% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью, что на 5% меньше, чем по всей вы-

борке. При этом 21,3% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее. Более половины «пассивных оптимистов» считают себя верующими православными (54,7%), к атеистам отнесли себя 23%. Они характеризуются низкой тревогой по поводу глобальных рисков, низким апокалиптизмом, не склонны поддерживать радикальные решения, не полагаются на навыки выживания и строительство убежищ. Они мало следят за новостями о глобальных рисках, характеризуются слабо выраженной глобальной идентичностью и низким институциональным доверием.

В третий тип «Активные оптимисты» (N=298; 59,7% – женщины) вошли респонденты с высокой готовностью на поддержку общественных инициатив, направленных на предотвращение угроз. Они характеризуются умеренной тревогой по поводу рисков, верят в необходимость сотрудничества, возможность выживания, а также в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества. Как и для встревоженных традиционалистов, для них характерна ориентация на сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы, однако они не поддерживают радикальные меры и апокалиптические установки. По-видимому, оптимизмом объясняется их низкая готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких. Большинство представителей данного типа живут в сельских населенных пунктах (28,9%) и городах с численностью от 100 до 500 тыс. человек (23,5%). По роду занятий это в основном не работающие (39,6%), рабочие (27,5%), служащие (13,1%) и специалисты с высшим образованием (14,8%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (39,6%). При этом 18,7% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее, что на 2% ниже, чем в целом по выборке. Среди активных оптимистов 30,2% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью. Подавляющее большинство среди них – верующие православные (65,8%), к атеистам отнесли себя лишь 9,1%. Они характеризуются сильно выраженной гражданской идентичностью, значимостью будущего России, чувством ответственности перед предшествующими и будущими поколениями.

К четвертому типу «Безразличные» (N=135; 52,6% – мужчины) были отнесены респонденты с наиболее низкими баллами по всем характеристикам отношения к глобальным рискам. Вопросы о гло-

бальных угрозах вызывали у них наибольшие затруднения, что может указывать на то, что эта проблематика ими не осмыслена, не является для них релевантной. По сравнению с другими типами, они реже всех обращают внимание на сообщения в СМИ, посвященные глобальным катастрофам. Большинство представителей данного типа живут в городах-миллионниках (26,7%) и сельских населенных пунктах (23,7%). По роду занятий это в основном не работающие (42,2%), рабочие (24,4%), служащие (10,4%) и специалисты с высшим образованием (15,6%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (37%). Среди «безразличных» 33,3% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью. При этом 27,4% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее, что на 7% выше, чем в целом по выборке. В данной группе респондентов больше всего атеистов (28,9%).

Пятый тип «Прагматичные индивидуалисты» (N=269; 54,3% – мужчины) объединяет респондентов, которые характеризуются умеренной тревогой по поводу глобальных рисков, верят в необходимость сотрудничества для их предотвращения, однако при этом ориентированы на фаталистическое сосредоточение на своей жизни и в большей степени на действия по защите себя и своих близких, чем на поддержку общественных инициатив. Больше всего представителей данного типа живут в сельских населенных пунктах (41,6%). По роду занятий это в основном рабочие (38,7%), а также не работающие (30,1%), служащие (14,1%), специалисты с высшим образованием (8,9%), руководители (4,1%) и генеральные директора (1,9%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (45%). Среди прагматичных индивидуалистов 35,3% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью, что выше, чем по выборке в целом. При этом 26,1% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее. Более половины «прагматичных индивидуалистов» считают себя верующими православными (57,2%). Они склонны считать глобальные катастрофы предсказуемыми, но не верят в то, что федеральные и региональные власти окажут помощь всем нуждающимся. По сравнению с другими типами, они выше оценивают свою озабоченность угрозой политических беспорядков и гражданской войны.

В шестой тип, получивший название «Недоверчивые скептики» (N=154; 51,3% – женщины), вошли респонденты с умеренной трево-

гой по поводу глобальных рисков и поддержкой возвращения к традиционным религиозным ценностям. По сравнению с представителями других типов, их особенностью является наиболее низкая вера в сотрудничество во имя предотвращения глобальных угроз. Они характеризуются низким доверием к людям и государству. Среди них наибольшую долю составляют представители поколения «X» в возрасте от 36 до 55 лет (37%). Большинство представителей данного типа живут в сельских населенных пунктах (29,9%), городах с численностью от 100 до 500 тыс. человек (19,5%) и городах-миллионниках (18,8%). По роду занятий это в основном не работающие (35,7%), рабочие (27,3%), служащие (14,3%) и специалисты с высшим образованием (11%), а также руководители (4,5%), генеральные директора (1,9%) и предприниматели (5,2%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (39,2%). Среди «недоверчивых скептиков» 35,1% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью, что выше, чем по выборке в целом. При этом только 16,8% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее, что на 4% ниже, чем в целом по выборке. Большинство «недоверчивых скептиков» относят себя к православным (63,6%).

Наконец, седьмой тип «Пассивные пессимисты» (N=213; 61,5% — женщины) объединил респондентов, которые характеризуются высоким апокалиптизмом и высокой тревогой по поводу глобальных рисков при низкой готовности к каким-либо действиям для их предотвращения или защиты от их последствий и высокой надежде на сильных лидеров и надежде то, что кризис будет разрешен руководителями в интересах всех людей. Среди представителей данного типа наибольшую долю составляют люди поколения «бебибумеров» в возрасте более 56 лет (41,3%), тогда как представителей поколения «Z» в возрасте до 21 года здесь меньше всего (2,8%). Большинство представителей данного типа живут в сельских населенных пунктах (28,2%) и городах-миллионниках (26,8%). По роду занятий это в основном не работающие (45,5%), рабочие (23,9%), служащие (12,7%) и специалисты с высшим образованием (11,7%) и предприниматели (4,7%). Значительная доля респондентов данного типа имеет среднее специальное образование (42,7%), а вот респондентов с высшим образованием, в отличие от других типов, здесь меньше всего (22,1%). Среди «пассивных пессимистов» 39% жалуются на то, что в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью, что на 7%

Таблица 2.3

Типы отношения россиян к глобальным рискам (N=1590)

	Встревоженные традиционалисты (N=221)	**Пассивные оптимисты (N=300)**	**Активные оптимисты (N=298)**	**Безразличные (N=135)**	**Прагматичные индивидуалисты (N=269)**	**Недоверчивые скептики (N=154)**	**Пассивные пессимисты (N=213)**	**ANOVA, F**
Тревога по поводу глобальных рисков	4,22	2,47	3,79	2,23	2,96	3,61	4,19	139,11
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	4,24	4,16	4,39	1,95	3,51	2,5	3,83	290,09
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	3,85	3,03	3,48	2,11	3,27	2,99	2,95	55,91
Религиозный традиционализм: необходимость возвращения к традиционным религиозным ценностям	4,06	2,19	3,19	1,73	2,8	2,77	3,24	98,70
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	3,45	1,5	2,04	1,41	2,78	2,02	1,73	130,17

Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	4,09	1,34	1,33	1,41	2,94	2,6	4,01	363,54
Авторитаризм: поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы	4,12	3,08	3,78	1,85	2,95	3,29	3,73	65,60
Выживание: вера в возможность выживания в глобальной катастрофе при соответствующей подготовке (обучение навыкам выживания, строительство убежищ и т. д.)	4,15	2,2	4,08	1,75	3,26	2,97	1,95	180,42
Романтизм: вера в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества	4,47	4,67	4,71	2,36	3,88	2,34	4,69	339,48
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	4,19	2,91	4,12	1,83	3,23	2,58	2,32	124,40
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	3,87	1,45	2,37	1,35	3,4	1,7	1,39	247,83

Таблица 2.4

Социально-психологические характеристики респондентов в зависимости от типа отношения к глобальным рискам

Социально-психологические характеристики	Встревоженные традиционалисты	Пассивные оптимисты	Активные оптимисты	Безразличные	Прагматичные индивидуалисты	Недоверчивые скептики	Пассивные пессимисты	Значимость различий по критерию Краскела–Уоллиса	
								χ^2	p
Внимание к новостям, сообщениям в СМИ, посвященным глобальным катастрофам*	2,98	2,79	2,95	2,33	2,74	2,65	3,13	72,9	***
Стремление быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах**	3,89	2,65	3,31	1,89	3,08	2,86	3,21	249,6	***
Убеждение в возможности прогнозирования масштабных катастроф**	3,98	2,64	3,32	2,06	3,25	3,01	3,19	212,6	***
Переживание ответственности за свои поступки перед поколениями своих близких и далеких предков (родителями, дедами и прадедами и т. д.)**	4,24	3,23	4,04	2,47	3,38	3,43	3,85	220,9	***
Переживание ответственности за благополучие будущих поколений людей**	4,29	3,26	4,05	2,55	3,48	3,58	3,91	215,2	***

Глобальная идентичность (переживание глубокой связи между собой и всем остальным человечеством)**	3,77	2,75	3,31	2,03	3,03	2,68	2,97	162,3	***
Гражданская идентичность (гордость респондента за то, что он является гражданином России)**	4,09	3,94	4,19	3,24	3,49	3,61	3,86	102,1	***
Локальная идентичность («Я связываю свое будущее с судьбой своего города»)**	3,94	3,83	4,06	2,9	3,52	3,31	3,99	117,5	***
Социальное доверие («Я считаю, что большинству людей можно доверять»)**	3,5	3,12	3,3	2,44	2,99	2,76	3,09	78,9	***
Институциональное доверие («В случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся»)**	3,21	2,58	2,98	1,79	2,78	2,45	2,53	119,3	***
Значимость будущего России («Я часто задумываюсь о будущем нашей страны»)**	3,91	3,26	3,85	2,65	3,27	3,29	3,65	140,5	***

Примечание: * – 4-балльная шкала, ** – 5-балльная шкала, *** – $p<0,001$.

выше, чем по выборке в целом. При этом только 9,8% оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее, что на 9% ниже, чем в целом по выборке. Большинство «пассивных пессимистов» считают себя верующими православными (65,3%). По сравнению с другими типами, пассивные пессимисты чаще всех обращают внимание на новости в СМИ, посвященные глобальным угрозам, в наибольшей мере связывают свое будущее с родным городом и при этом характеризуются низким институциональным доверием (см. таблицу 2.4). Как и встревоженные традиционалисты, представители данного типа особенно высоко оценивают свою озабоченность российскими и глобальными рисками: экологическими проблемами, повышением цен, экстремальными погодными явлениями, экономическим кризисом, массовыми эпидемиями и др.

Выделенные нами эмпирические типы отражают наиболее распространенные в российском обществе стратегии совладания с информацией о глобальных рисках: стратегии социальной мобилизации («алармистский традиционализм», то есть готовность к действиям, сопряженная с тревогой и повышением приверженности традиционным нормам и ценностям для предотвращения катастрофы, – 13,9% респондентов; «активный оптимизм» – готовность к активным совместным действиям по предотвращению глобальных рисков – 18,7%), стратегии индивидуальной самозащиты, связанные с низким социальным доверием («прагматичный индивидуализм» – 16,9% и «недоверчивый скептицизм» – 9,7%), стратегии депроблематизации («пассивный оптимизм», то есть вера в то, что ситуация сама разрешится к лучшему – 18,9% респондентов; «безразличие» – 8,5%), стратегии эскапизма («пассивный пессимизм», то есть апокалиптические ожидания, сопряженные с неготовностью что-либо делать для предотвращения глобальных рисков, – 13,4%).

Социальные и психологические предпосылки отношения россиян к глобальным рискам

В целом проведенный нами анализ социально-психологических и социально-демографических характеристик различных типов отношения к глобальным рискам показывает, что высокий уровень тревоги по поводу рисков связан с вниманием к сообщениям о них в СМИ, сопровождается консервативными установками и ориентацией на авторитарных лидеров. Кроме того, на основе полученных данных можно

сделать вывод о том, что тревога по поводу глобальных рисков связана с низким уровнем удовлетворенности своей жизнью и низким материальным благополучием. Выше всего она оказалась не в мегаполисах, а в городах с численностью жителей до 50 тыс. человек и поселках городского типа, где уровень субъективного благополучия особенно низок. Иными словами, глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования глобальных рисков в избирательных компаниях и общественно-политических движениях.

Поскольку тревога россиян по поводу глобальных рисков оказалась связана с ориентацией на традиционные ценности ($r=0{,}312^{***}$[1]) и авторитаризмом ($r=0{,}243^{***}$), мы провели дополнительный регрессионный анализ, чтобы уточнить предпосылки этих убеждений. Множественный линейный регрессионный анализ позволил выявить предикторы веры в необходимость возвращения к традиционным религиозным ценностям для предотвращения катастрофы ($R=0{,}487$; $R^2=0{,}237$; $F=26{,}672$; $p<0{,}001$). Он оказался связанным с тревогой по поводу глобальных рисков ($\beta=0{,}185$), их фаталистическим игнорированием, то есть сосредоточением на своей жизни перед неизбежной катастрофой ($\beta=0{,}124$), апокалиптизмом ($\beta=0{,}135$), романтизмом, то есть верой в добрую волю политических лидеров ($\beta=0{,}082$), глобальной идентичностью ($\beta=0{,}078$), идентификацией с Россией ($\beta=0{,}116$), но при этом низкой готовностью думать о ее будущем ($\beta=-0{,}066$), социальным доверием ($\beta=0{,}126$), низкой удовлетворенностью жизнью ($\beta=-0{,}064$), высокой озабоченностью вооруженными конфликтами ($\beta=0{,}098$) и вымиранием нации ($\beta=0{,}110$), при этом низкой тревогой по поводу экономического кризиса и криминала ($\beta=-0{,}139$).

Наиболее весомыми предикторами поддержки сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы ($R=0{,}469$; $R^2=0{,}220$; $F=24{,}089$; $p<0{,}001$), оказались, одновременно вера в необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков ($\beta=0{,}188$) и поддержка радикальных решений, то есть допустимость выживания одних за счет других ($\beta=0{,}211$). При этом выраженность авторитаризма тем выше, чем меньше респонденты опасаются риска диктатуры ($\beta=-0{,}147$), чем больше их беспокоят глобальные риски ($\beta=0{,}109$),

1 Здесь и далее: *** – $p<0{,}001$.

Таблица 2.5

Предикторы религиозного традиционализма – ориентации на возвращение к традиционным религиозным ценностям для предотвращения катастрофы

Независимые переменные	**B**	**S. E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	0,674	0,284		2,374	0,018
Тревога по поводу глобальных рисков	0,187	0,034	0,185	5,505	***
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	0,157	0,037	0,124	4,296	***
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	0,115	0,025	0,135	4,531	***
Романтизм: вера в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества	0,089	0,031	0,082	2,843	0,005
Глобальная идентичность («Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством»)	0,071	0,028	0,078	2,507	0,012
Гражданская идентичность («Я горжусь тем, что являюсь гражданином России»)	0,115	0,032	0,116	3,651	***
Значимость будущего России («Я часто задумываюсь о будущем нашей страны»)	–0,067	0,033	–0,066	–2,046	0,041
Социальное доверие («Я считаю, что большинству людей можно доверять»)	0,123	0,03	0,126	4,132	***
Удовлетворенность жизнью	–0,108	0,047	–0,064	–2,304	0,021
Озабоченность вооруженными конфликтами	0,149	0,065	0,098	2,303	0,021
Озабоченность экономическим упадком и криминализацией	–0,254	0,075	–0,139	–3,381	0,001
Озабоченность вымиранием нации и репрессиями	0,151	0,05	0,110	3,005	0,003

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, $R=0{,}487$, $R^2=0{,}237$, $F=26{,}672$.

и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе (β=0,102). Это указывает на то, что в условиях коллапса институционального доверия и роста социального неравенства нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков может приводить к росту макиавеллизма, убеждения в том, что ради спасе-

ния все средства хороши, и если не удается договориться, то оправданны крайние меры. Таким образом, наши данные проливают свет на психологические механизмы роста подверженности общества популизму в условиях глобальных рисков.

Личный опыт столкновения с проявлениями глобальных угроз, а также алармистские новости в СМИ об их приближении повышают озабоченность глобальными рисками, но никак не сказыва-

Таблица 2.6

Предикторы авторитаризма – поддержки сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы

Независимые переменные	**B**	**S. E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	0,980	0,275		3,571	***
Тревога по поводу глобальных рисков	0,113	0,035	0,109	3,196	0,001
Вера в необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,251	0,041	0,188	6,106	***
Поддержка радикальных решений: допустимость выживания одних за счет других	0,223	0,031	0,211	7,087	***
Локальная идентичность («Я связываю свое будущее с судьбой своего города»)	0,085	0,03	0,089	2,853	0,004
Стремление быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах	0,096	0,032	0,097	3,021	0,003
Удовлетворенность материальным благосостоянием	–0,129	0,049	–0,078	–2,618	0,009
Озабоченность угрозой диктатуры и массовых репрессий, ограничениями демократических свобод	–0,153	0,04	–0,137	–3,858	***
Озабоченность утратой национальной самобытности и традиций	0,076	0,04	0,067	1,908	0,057
Озабоченность истощением природных ресурсов планеты, дающих энергию и питание людям	–0,096	0,048	–0,07	–1,987	0,047
Озабоченность ростом социального неравенства и несправедливости в обществе	0,135	0,047	0,102	2,903	0,004
Озабоченность угрозой перенаселения планеты	0,130	0,039	0,112	3,35	0,001

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, $R=0,469$, $R^2=0,220$, $F=24,089$.

ются на готовности к участию в их предотвращении и защите себя от их последствий. Более того, само по себе нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков приводит к усилению фаталистических установок, укрепляет выученную беспомощность. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой и собственным бездействием, который запускает различные защитные механизмы: снижение вероятности рисков, отодвигание их во времени и пространстве, использование дискурсивных стратегий их депроблематизации.

Освещение проблемы глобального изменения климата и природных катастроф в СМИ сегодня носит преимущественно алармистский характер. Это объясняется множеством причин, среди которых и борьба СМИ за внимание аудитории, и стремление экспертов достучаться до скептиков, преодолеть психологические механизмы, приводящие к недооценке глобальных рисков гражданами. Между тем, многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь (Нестик, Журавлев, 2018; Myers et al., 2012; Rakow, Heard, Newell, 2015). Действенными оказываются такие сообщения о глобальных рисках, которые повышают самооценку аудитории и открывают новые возможности, содержат информацию о конкретных шагах, которые позволяют людям почувствовать, что они в большей мере могут влиять на свое настоящее и будущее.

Глобальное изменение климата, как и другие, пока недооцененные глобальные риски, – например, непредвиденные негативные последствия развития технологий, – в условиях социального пессимизма опасно не столько физическими последствиями для качества жизни россиян, сколько своими макропсихологическими эффектами. Неверие в способность общества ответить на большие вызовы порождает новые виды депрессивных расстройств (Clayton et al., 2017; Scher, 2018), усиливает переживание несправедливости и провоцирует асимметричные ответы молодого поколения на последствия недальновидной политики элит («синдром Греты Тунберг»). Ослабление экологических общественных организаций в России и преследования эко-активистов (Цепилова, 2019) сокращают возможности для конструктивного стратегического диалога и поиска сложных решений с учетом всех заинтересованных сторон. При низком социальной доверии формируются условия для солидаризации

молодежи на основе коллективных страхов, а не на основе коллективных мечтаний и позитивных целей. При этом в российском обществе расширяется основа для поддержки быстрых, радикальных, авторитарных мер предотвращения глобальных рисков.

Полученные нами в этом и других наших исследованиях данные указывают на то, что нагнетание тревоги в СМИ публикациями о приближающихся природных катастрофах может приводить к обратному эффекту: такие публикации могут укреплять фаталистические установки и нетерпимость к другим, снижая готовность людей к действиям в условиях природной или антропогенной катастрофы (Нестик, Журавлев, 2018). При информировании населения о возможных катастрофах не следует противопоставлять человека природе, важно поддерживать доверие к социальным институтам и предлагать четкую программу действий, которая поддерживает самоуважение, ориентацию на заботу о других людях и веру в способность влиять на свою судьбу.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Индивидуальная и групповая жизнеспособность в условиях глобальных рисков

Под жизнеспособностью в широком смысле этого слова принято понимать устойчивость личности и группы к меняющимся условиям жизнедеятельности. Феномен жизнеспособности оказался в поле внимания психологов еще в 1950-е годы в связи с изучением детей из неблагополучных семей. Позднее исследования жизнеспособности получили развитие в других областях социальных и естественных наук: психологии семейных отношений, социальной географии и экологии, психологии малых групп и теории организаций, сетевом анализе, урбанистике, политологии и макросоциологии (Нестик, 2016).

Жизнеспособность личности характеризуется удовлетворенностью жизнью и уверенностью в своей способности влиять на будущее (Рыльская, 2014), самоэффективностью, настойчивостью, совладанием и адаптацией, внутренним локусом контроля, духовностью, конструктивными межличностными взаимоотношениями (Махнач, 2014). В психологии личности жизнестойкость понимается как система убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с миром, которая позволяет превращать трудности в преимущества через стойкое совладание – инициативное и активное вмешательство в события (Леонтьев, Рассказова, 2006; Maddi, 2006). Ключевыми компонентами жизнестойких убеждений являются вовлеченность, то есть убежденность в том, что сопричастность к происходящему дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности; контроль, то есть убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего; а также принятие риска, то есть убежденность человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию (Леонтьев, Рассказова, 2006).

В отличие от индивидуальной жизнеспособности, жизнеспособность группы обеспечивается межличностным и межгрупповым взаимодействием, она не сводима к личностным характеристикам членов группы. Жизнеспособность группы – это совокупность групповых характеристик и процессов, обеспечивающих адаптацию группы к меняющимся, труднопредсказуемым условиям совместной жизнедеятельности.

Жизнеспособность группы опирается как на психологические, так и непсихологические ресурсы, в том числе социально-демографический состав группы, физическое окружение, географические и экологические условия жизнедеятельности, доступ к технологиям, обеспеченность экономическими ресурсами, наличие организационных, законодательных и политических механизмов управления кризисными ситуациями и т. д.

Проведенный нами ранее анализ позволил выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций (Нестик, 2016).

Если рассматривать жизнеспособность группы как установочный феномен, то ее можно определить как отношение членов группы к неблагоприятным условиям совместной жизнедеятельности и к совместной деятельности, направленной на защиту от коллективных угроз и использование возможностей для развития группы. Можно выделить несколько компонентов такого группового отношения к неблагоприятным условиям совместной жизнедеятельности: ценностно-мотивационные (позитивные и отчетливые групповые цели, просоциальные ценности, групповое доверие), когнитивные (позитивная групповая идентичность, долгосрочный и позитивный образ коллективного будущего, групповая самоэффективность, коллективная память о совместном преодолении трудностей, представления о сценариях совместной деятельности в кризисных условиях),

аффективные (оптимизм, позитивные эмоциональные состояния), поведенческие (нормы, регулирующие просоциальное поведение, взаимную поддержку, изменение ролевой и коммуникативной структуры, организацию внутригруппового и межгруппового взаимодействия в кризисных ситуациях; групповая ретроспективная и проспективная рефлексивность; ориентация на нормы, поддерживающие эмоциональную саморегуляцию группы, совладание с коллективной травмой; предпочитаемые способы использования личных сетей контактов для решения общегрупповых задач).

Каковы источники жизнеспособности личности и общества перед лицом глобальных рисков? Как показывают исследования, в период пандемии этими ресурсами становятся наличие социальной поддержки, совладание с ситуацией через принятие произошедшего и проактивный копинг, жизнестойкие убеждения личности (Исследование социальных эффектов..., 2020). Сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств, готовность соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы в условиях пандемии COVID-19 (Нестик, 2020). Исследования последствий природных катастроф показывают, что способность локальных сообществ восстанавливаться после ураганов и наводнений зависит от уровня социальной поддержки и воспринимаемого уровня неравенства (Нестик, Журавлев, 2020). Ряд исследований указывает на то, что повторяющиеся коллективные травмы вызывают не привыкание, а наоборот, с каждым разом более интенсивные переживания или же посттравматический рост (Garfin et al., 2014, 2020; Seery et al., 2010; Silver et al., 2020). Исследование, проведенное в Израиле среди четырех локальных сообществ, на протяжении 7 лет подвергавшихся ракетному обстрелу, показало, что наименьшая выраженность посттравматического синдрома была характерна для коммуны с высоким социальным доверием, взаимной эмоциональной и инструментальной поддержкой (Gelkopf et al., 2012).

Изучение реакции различных социальных групп на изменение климата позволяют выделить целый ряд компонентов групповой жизнеспособности перед лицом экологических рисков, природных и техногенных катастроф. На уровне больших социальных групп это качество социальных институтов и эффективность взаимодействия государственных служб, наличие системы прогнозирования рисков и управления ими, осведомленность населения о вероятных угро-

зах и система раннего оповещения, культурные ценности и нормы, поддерживающие волонтерство, социальную ответственность и долгосрочную ориентацию, доступность медицинских услуг, наличие инструментов финансовой и гуманитарной помощи (Twigg, 2009). Социальные ресурсы жизнеспособности иногда рассматриваются как структурный и когнитивный виды социального капитала. К первому относятся уровень территориальной мобильности, качество образования, зависимость от наличия ресурсов, языковые навыки, доступ к здравоохранению. Ко второму виду социального капитала относят уровень доверия, поддержку волонтерства, территориальную идентичность и эмоциональную привязанность к месту жительства, восприятие риска, уровень межгрупповой кооперации и вовлеченность в сетевые коммуникации (Saja et al., 2019).

При оценке жизнеспособности локальных сообществ нередко используют четыре группы показателей. Во-первых, силу групповой идентификации, уровень оптимизма, взаимной поддержки и ценности заботы о людях. Во-вторых, способность сообщества извлекать уроки из прошлого и ставить совместные цели, слаженность коммуникаций и распределения ролей, доверие к официальной информации. В-третьих, наличие доступа к жизненно важным ресурсам, источников финансовой и экономической помощи, понимание того, куда нужно обращаться, чтобы ее получить. К четвертой группе показателей можно отнести качество управления рисками чрезвычайных ситуаций, наличие каналов помощи населению после катастроф (Sherrieb et al., 2012). Наконец, принципиально важными условиями жизнеспособности сообщества оказываются наличие неформальных лидеров, способных организовать оказание взаимопомощи, гибкость способов обращения за помощью и ее предоставления, а также коллективная самоэффективность, то есть уверенность членов группы в том, что они способны мобилизоваться и справиться с опасностью (de Deuge et al., 2020).

С целью выявления социально-психологических предпосылок групповой жизнеспособности в условиях пандемии COVID-19 нами было проведено эмпирическое исследование среди сотрудников российских государственных и частных организаций (N=846; 48,8% – мужчины, 51,2% – женщины; средний возраст – 39,5; SD=9,7; 68,1% – работники частных предприятий; 21% – руководители). Для измерения групповых характеристик использовались шкалы «Организационная идентификация» Б. Эшфорта и Ф. Маела в мо-

дификации Ю. Липпонена, «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика (Нестик, 2015), «Организационное доверие» Л. Хаффа и Л. Келли, а также разработанные нами шкалы: эмоциональная поддержка в коллективе во время пандемии (9; α Кронбаха =0,923); антикризисное планирование (9; α Кронбаха =0,920); коллективная самоэффективность (8; α Кронбаха =0,901) и успешность организации в условиях пандемии COVID-19 (5; α Кронбаха =0,840). Для оценки жизнеспособности работников мы использовали 10-пунктную методику «Жизнеспособность в условиях пандемии» (Scrivner et al., 2020, 2021) в адаптации Т.А. Нестика (α Кронбаха =0,816), а также методику оценки воспринимаемого стресса PSS-10 (Абабков и др., 2016).

Результаты автоматизированного регрессионного анализа по критерию Акаике (AICC=−680,741; R^2=0,234) показали, что предикторами общей жизнеспособности работников в условиях пандемии являются коллективная самоэффективность, то есть вера в способность группы справиться с последствиями кризиса (β=0,333), оценка соответствия действий долгосрочным целям (β=0,081) и эмоциональная поддержка в коллективе во время пандемии (β=0,073). Идентификация с организацией снижает психологическое благополучие во время пандемии (β=−0,091), что может быть обусловлено субъективной значимостью негативных экономических последствий кризиса для предприятия. Предикторами успешности организации во время пандемии (AICC=−621,493; R^2=0,534) оказались антикризисное планирование (β=0,387), коллективная самоэффективность (β=0,344) и ориентация на анализ совместного опыта (β=0,089).

Таким образом, проведенное нами исследование подтвердило выделенные нами ранее механизмы жизнеспособности группы, связанные с социальным капиталом, жизнестойкими групповыми представлениями, рефлексией и управлением коллективными эмоциональными состояниями (Нестик, 2016). Жизнеспособность группы в условиях глобальных рисков опирается на веру в коллективную способность влиять на будущее, в долгосрочную ориентацию, эмоциональную поддержку и групповую рефлексивность.

Социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: эмпирическое исследование

Несмотря на то, что различные аспекты жизнеспособности личности изучалась ранее в условиях природных бедствий, пандемии, войн

и терактов, до сих пор не было предложено надежного психометрического инструмента, который позволял бы измерять ее различные компоненты в контексте глобальных рисков в целом. Нами была поставлена задача разработки такой методики, уточнения структуры жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков, а также выявления социально-психологических факторов, связанных с ее компонентами.

При разработке методики «Жизнеспособность личности в условиях глобальных рисков» мы опирались на предложенные в научной литературе модели жизнеспособности личности и группы (Нестик, 2018; Осин, 2013; Рассказова, Леонтьев, 2011; Ahern et al., 2006; Maddi, 2004; Wagnild, 2009), исследования стратегий совладания и факторов жизнеспособности в условиях природных бедствий и масштабных кризисов (Navarro et al., 2020; Saja et al., 2019), в том числе в условиях пандемии COVID-19 (Рассказова и др., 2020; Scrivner et al., 2021; Silver et al., 2020).

Мы исходили из предположений о том, что в основе жизнеспособности лежат конструктивные формы совладания в условиях трудноуправляемой угрозы, прежде всего принятие сложившегося положения и планирование дальнейших действий, переосмысление ситуации как вызова и позитивного опыта, а также обращение за эмоциональной поддержкой (Рассказова и др., 2013). Кроме того, опираясь на традицию исследований самоэффективности и ее роли в условиях трудноконтролируемой угрозы, мы предполагали, что жизнеспособность опирается на уверенность личности в своей способности защитить себя и близких, внести вклад в предотвращение или преодоление глобального кризиса (Alemany-Arrebola et al., 2020; Bandura, 1989; Raeder et al., 2019; Tabernero et al., 2020). Воспринимаемая социальная поддержка и наличие доверительных отношений также играют важную роль в поддержании жизнеспособности и психологического благополучия в условиях природных и эпидемиологических кризисов (Frei-Landau, 2020; Linton et al., 2017; Ye et al., 2020). Наконец, мы впервые включили в состав элементов жизнеспособности сопереживание другим, которое в условиях пандемии оказалось одним из факторов психологического благополучия, соблюдения санитарно-эпидемиологических ограничений и сохранения долгосрочной ориентации (Нестик, 2020).

Апробация методики проводилась на выборке взрослых россиян, полученной в ходе онлайн-опроса (N=1504; 37% – мужчины; 63% – женщины; $M_{возр}$=39,7 лет; SD=10,8). В ходе эксплоратор-

ного факторного анализа методом максимального сходства были выделены 10 факторов, объясняющие 48,6% дисперсии, при этом график собственных значений допускал решение с 9 факторами. В ходе конфирматорного факторного анализа сравнивались три модели: 1) модель из 10 факторов, входящих в общую латентную переменную (χ^2=1908,707; df=549; CMIN/df=3,477; p<0,001; RMR=0,067; SRMR=0,059; GFI=0,933; CFI=0,931; RMSEA=0,040; Lo 90=0,038, Hi 90=0,042; Pclose=1,000); 2) модель из 10 факторов, не связанных друг с другом (χ^2=1398,132; df=524; CMIN/df=2,668; p<0,001; RMR=0,048; SRMR=0,043; GFI=0,952; CFI=0,956; RMSEA=0,033; Lo 90=031, Hi 90=0,035; Pclose=1,000) и 3) модель из 9 факторов и общей латентной переменной. Наиболее высокие показатели соответствия были получены при использовании третей модели: χ^2=1132,674; df=451; CMIN/df=2,511; p<0,001; RMR=0,048; SRMR=0,045; GFI=0,957; CFI=0,961; RMSEA=0,032; Lo 90=0,029, Hi 90=0,034; Pclose=1,000. Все веса переменных и вариации значимы.

Таким образом была подтверждена структура методики, измеряющей девять компонентов жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: сопереживание другим в условиях глобальных рисков (4; α Кронбаха =0,839; M=3,67; SD=0,787); оптимизм в отношении глобального будущего (5; α Кронбаха =0,729; M=3,65; SD=0,708); самоэффективность в отношении глобальных рисков (3; α Кронбаха =0,676; M=2,64; SD=0,828); воспринимаемая социальная под-

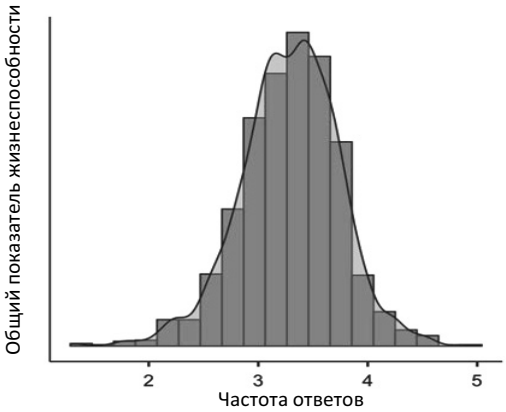


Рис. 3.1. Распределение баллов по шкале «Общая жизнеспособность в условиях глобальных рисков» (N=1504; 34 пункта; α Кронбаха=0,872; M=3,29; SD=0,449)

держка (3; α Кронбаха =0,862; M=3,48; SD=0,915); обращение за эмоциональной поддержкой (3; α Кронбаха=0,802; M=3,42; SD=0,932); принятие жизни в условиях глобальных рисков (4; α Кронбаха=0,695; M=3,55; SD=0,671); проактивный копинг в условиях глобальных рисков (4; α Кронбаха=0,821; 3,02; SD=0,802); избегание мыслей о глобальных рисках (4; α Кронбаха=0,709; M=2,90; SD=0,816); отношение к глобальным рискам как возможностям (4; α Кронбаха=0,647; M=2,89; SD=0,717).

Общая жизнеспособность в условиях глобальных рисков (34 пункта; α Кронбаха=0,872; M=3,29; SD=0,449) имеет показатели скошенности −0,294 и куртозиса 0,784. Скошенность субшкал составляет от −0,757 до 0,125, куртозис находится в пределах от −0,297 до 0,879, при том, что значения в интервале ±1 считаются превосходными, а в интервале ±2,00 – допустимыми (George, Mallery, 2011).

Для проверки конструктной, конвергентной и дискриминантной валидности методики мы провели онлайн-опрос взрослых россиян (N=783; 42,3% – мужчины, 57,7% – женщины; $M_{возр}$=39,7; SD=11,1), в котором респондентам наряду с опросником «Жизнеспособность в условиях глобальных рисков» предлагались также несколько других методик, измеряющих степень психологического благополучия, стратегии совладания и отношение к пандемии. В инструментарий исследования были включены «Опросник проактивного копинга» Э. Гринглосс (Белинская и др., 2018), «Тест диспозиционного оптимизма» М. Шейера и Ч. Карвера (Гордеева и др., 2010); шкала «Темное будущее» З. Залеского, измеряющая тревогу по поводу будущего (DF; Нестик, Журавлев, 2018), скрининговые шкалы для измерения уровня депрессии (PHQ-2; Погосова и др., 2014) и воспринимаемого стресса (PSS-10; Абабков и др., 2016). Для измерения отношения к глобальным рискам мы использовали разработанный нами ранее опросник «Отношение личности к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2020). Для измерения отношения респондентов к пандемии мы использовали три субшкалы опросника «Отношение личности к эпидемиологической угрозе» Т.А. Нестика (Нестик и др., 2020), измеряющие самоэффективность в условиях пандемии, сопереживание другим людям, уязвимым к заражению коронавирусом и последствиям пандемии, а также веру в конспирологические теории пандемии.

Как и ожидалось, субшкалы оптимизма в отношении будущего человечества и отношения к глобальным угрозам как возможностям тесно коррелируют с уровнем диспозиционного оптимизма (соот-

Таблица 3.1

Результаты конфирматорного факторного анализа опросника «Жизнеспособность в условиях глобальных рисков»

Факторы и формулировки пунктов	**β****	**R^2**
Вклад факторов методики в общую латентную переменную «Общая жизнеспособность в условиях глобальных рисков» (*34 пункта; α Кронбаха =0,872; M=3,29; SD=0,449*)		
Сопереживание другим людям в условиях глобальных рисков	0,621	0,386
Оптимизм в отношении глобального будущего	0,558	0,312
Самоэффективность в отношении глобальных рисков	0,491	0,241
Воспринимаемая социальная поддержка	0,453	0,328
Обращение за эмоциональной поддержкой	0,779	0,606
Принятие жизни в условиях глобальных рисков	0,572	0,398
Проактивный копинг в условиях глобальных рисков	0,631	0,205
Избегание мыслей о глобальных рисках	–0,46	0,212
Вовлеченность (отношение к глобальным рискам как возможностям)	0,754	0,569
1. Сопереживание другим в условиях глобальных рисков (*4 пункта; α Кронбаха =0,839; M=3,67; SD=0,787*)		
Бедствия людей в других странах обычно не особо беспокоят меня (r)	0,588	0,346
Я испытываю сострадание к людям, которые особенно сильно могут пострадать от масштабных бедствий	0,766	0,587
Новости о горе незнакомых мне людей из других стран часто вызывают во мне сострадание и желание помочь	0,797	0,636
Когда я узнаю, что с людьми в других уголках планеты происходит что-то плохое, мне хочется им помочь	0,883	0,78
2. Оптимизм в отношении глобального будущего (*5 пунктов; α Кронбаха =0,729; M=3,65; SD=0,708*)		
Я с оптимизмом смотрю в будущее человечества	0,566	0,320
Объединив усилия, люди смогут справиться с любыми глобальными проблемами	0,585	0,305
Судьба человечества в наших руках	0,548	0,207
Развитие технологий позволит преодолеть негативные последствия изменения климата	0,455	0,3
Технологический прогресс поможет успешно решить большинство проблем нашего общества	0,552	0,342

Факторы и формулировки пунктов	β**	R^2
3. Самоэффективность в отношении глобальных рисков (3 пункта; α Кронбаха =0,676; M=2,64; SD=0,828)		
Мне не хочется думать о глобальных проблемах, так как я никак не могу на них повлиять (r)	0,377	0,142
У меня нет возможности влиять на будущее человечества (r)	0,549	0,301
Я знаю, что своими действиями могу повлиять на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством	0,853	0,727
4. Воспринимаемая социальная поддержка (3 пункта; α Кронбаха =0,862; M=3,48; SD=0,915)		
Есть люди, на поддержку которых я могу рассчитывать в случае масштабного бедствия	0,806	0,65
Я знаю, что в случае природного бедствия всегда смогу получить помощь от друзей и близких	0,803	0,644
У меня есть близкие и друзья, на сочувствие и помощь которых я могу положиться в случае глобального кризиса	0,861	0,741
5. Обращение за эмоциональной поддержкой (3 пункта; α Кронбаха =0,802; M=3,42; SD=0,932)		
Когда меня беспокоят новости о масштабных бедствиях, я говорю об этом с другими	0,736	0,541
Иногда я делюсь своими сомнениями и тревогами по поводу глобальных рисков с близкими мне людьми	0,742	0,55
Я делюсь с близкими мне людьми своими переживаниями по поводу глобальных угроз, таких как пандемия, экономический кризис	0,797	0,635
6. Принятие жизни в условиях глобальных рисков (4 пункта; α Кронбаха =0,695; M=3,55; SD=0,671)		
Я стараюсь принять как данность, что мне и моим детям предстоит жить в условиях глобальных рисков (пандемий, экстремальных погодных явлений и т. п.)	0,344	0,118
Я стараюсь привыкнуть к мысли, что в жизни мне придется сталкиваться с последствиями глобальных кризисов	0,685	0,470
Я стараюсь принять тот факт, что мы живем в эпоху глобальных рисков, сжиться с этим	0,480	0,230
Я принимаю наличие глобальных рисков в серьез и учусь жить с этим	0,839	0,704
7. Проактивный копинг в условиях глобальных рисков (4 пункта; α Кронбаха =0,821; M=3,02; SD=0,802)		
Планируя свою жизнь, я стараюсь учесть возможные последствия глобальных рисков	0,735	0,540
Я думаю на шаг вперед, чтобы предотвратить опасные последствия глобальных рисков для меня и моих близких	0,71	0,504

Продолжение таблицы 3.1

Факторы и формулировки пунктов	**β****	**R^2**
Я продумываю различные пути достижения своих целей, стараясь учесть возможные последствия глобальных рисков	0,748	0,559
Я обдумываю стратегию достижения своих целей с учетом того, как глобальные риски повлияют на наше общество и экономику	0,723	0,523
8. Избегание мыслей о глобальных рисках (4 пункта; α Кронбаха =0,709; M=2,90; SD=0,816)		
Я предпочитаю не слушать и не читать сообщения в СМИ, связанные с пандемией, изменением климата и другими глобальными угрозами	0,497	0,247
Я стараюсь не думать о глобальных рисках и всем, что с ними связано	0,647	0,418
Я стараюсь быть в курсе мировых событий (r)	0,871	0,758
Когда я слышу новости о глобальных угрозах по телевидению или радио, мне хочется переключить канал	0,349	0,122
9. Отношение к глобальным рискам как возможностям (4 пункта; α Кронбаха =0,647; M=2,89; SD=0,717)		
Новости о грядущих изменениях в природе и обществе подстегивают во мне интерес к жизни	0,625	0,391
Я воспринимаю трудности, с которыми я сталкиваюсь из-за глобальных кризисов, как позитивный опыт	0,551	0,303
Я рад(а), что живу в эпоху глобальных перемен	0,489	0,24
Я отношу себя к тем, для кого глобальные кризисы – это новые возможности для развития	0,412	0,169

Примечание: знаком (r) обозначены перевернутые шкалы; все показатели значимы на уровне $p<0,001$.

ветственно r=0,445** и r=0,386**). Отношение к глобальным угрозам как возможностям отрицательно связано с уровнем тревоги по поводу будущего (r=–0,233**), уровнем стресса (r=–0,165**) и депрессии (r=–0,155**), но положительно связано со всеми субшкалами проактивного совладания, в том числе шкалой проактивного копинга (r=0,357**). Как мы и предполагали, проактивный копинг в условиях глобальных рисков прямо связан с превентивным совладаниеем (r=0,353**), проактивным совладанием (r=0,317**), планированием (r=0,323**) и рефлексивным копингом (r=0,320**). Самоэффективность в отношении глобальных рисков коррелирует с верой в способность защитить себя и близких от заражения во время пандемии

COVID-19 (r=0,314**). Сопереживание другим в условиях глобальных рисков прямо связано с тревогой по поводу будущего (r=0,185**) и сопереживанием другим во время эпидемии (r=0,590**). Воспринимаемая социальная поддержка и обращение за эмоциональной поддержкой прямо коррелируют с поиском инструментальной поддержки (соответственно r=0,180** и r=0,238**) и поиском эмоциональной поддержки (соответственно r=0,280** и r=0,262**).

Для проверки конструктной валидности методики мы также провели корреляционный анализ ее связи с шкалами опросника «Отношение личности к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018). Как видно из таблицы ниже, шкалы методики ожидаемо коррелируют с отношением респондентов к глобальным рискам. В частности, избегание мыслей о глобальных рисках прямо связано с негативным отношением к алармизму (r=0,295**) и фаталистическим игнорированием (r=0,178**), но негативно связано с тревогой по поводу глобальных рисков (r=–0,199**). Все шкалы методики, кроме избегания мыслей о глобальных рисках, положительно коррелируют с конативными компонентами отношения личности к глобальным рискам – готовностью участвовать в их предотвращении и стремлении защитить от них себя и своих близких. Воспринимаемая социальная поддержка и обращение за эмоциональной поддержкой прямо связаны с верой в необходимость возвращения к традиционным ценностям для защиты от глобальных угроз (соответственно r=0,114** и r=0,186**). Сопереживание другим и оптимизм в отношении будущего человечества связаны с необходимостью сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (соответственно r=0,350** и r=0,238**), а также готовностью участвовать в предотвращении глобальных рисков (соответственно r=0,487** и r=0,343**).

Эти результаты подтверждают конструктную, конвергентную и дискриминантную валидность, а также прогностические возможности шкал разработанного нами опросника.

Для выявления социально-психологических предпосылок жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков нами было проведено исследование среди городского населения России в сентябре 2020 г. во всех восьми федеральных округах (N=3278; 40,5% – мужчины, 59,5% – женщины; в возрасте от 17 до 64 лет; Мвозр=36,7; SD=14,2). В инструментарий исследования были включены опросники «Отношение личности к глобальным рискам» Т.А. Нестика (Нестик, Журавлев, 2018), «Жизнеспособность личности в условиях

Таблица 3.2

Корреляции шкал опросника «Жизнеспособность в условиях глобальных рисков» с другими методиками

Методики	Общий уровень жизнеспособности в условиях глобальных рисков	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	Оптимизм в отношении глобального будущего	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	Проактивный копинг в условиях глобальных рисков	Воспринимаемая социальная поддержка	Обращение за эмоциональной поддержкой	Принятие жизни в условиях глобальных рисков	Избегание мыслей о глобальных рисках	Отношение к глобальным рискам как возможностям
Диспозиционный оптимизм (LOT)	0,349**	0,177**	0,445**	0,166**	0,125**	0,333**	0,086*	0,054	−0,024	0,386**
Тревога по поводу будущего (DF)	0,061	0,185**	−0,07	−0,066	0,025	−0,031	0,239**	0,178**	−0,079*	−0,233**
Проактивное совладание	0,350**	0,123**	0,305**	0,127**	0,317**	0,188**	0,129**	0,223**	−0,04	0,357**
Рефлексивное совладание	0,276**	0,140**	0,225**	0,032	0,320**	0,128**	0,097**	0,171**	−0,109**	0,172**
Планирование	0,248**	0,104**	0,168**	0,038	0,323**	0,083*	0,125**	0,164**	−0,069	0,190**
Превентивное совладание	0,258**	0,108**	0,177**	0,015	0,353**	0,064	0,102**	0,196**	−0,115**	0,174**
Поиск инструментальной поддержки	0,321**	0,176**	0,258**	0,159**	0,209**	0,180**	0,238**	0,166**	−0,052	0,229**

Поиск эмоциональной поддержки	0,302**	0,241**	0,175**	0,166**	0,163**	0,280**	0,262**	0,110**	–0,015	0,176**
Уровень стресса (PSS-10)	–0,023	0,121**	–0,170**	0,014	–0,014	–0,116**	0,149**	0,075*	0,001	–0,165**
Уровень депрессии (PHQ-2)	–0,035	0,104**	–0,106**	–0,069	–0,009	–0,121**	0,118**	0,109**	0,06	–0,155**
Самоэффективность (вера в способность защитить себя и близких от заражения)	0,200**	0,149**	0,133**	0,314**	0,036	0,058	0,123**	–0,025	–0,226**	0,043
Сопереживание другим во время эпидемии	0,540**	0,590**	0,289**	0,200**	0,307**	0,239**	0,437**	0,319**	–0,258**	0,132**
Конспирологическая ориентация (вера в искусственное происхождение эпидемии)	–0,091*	–0,065	–0,099**	–0,165**	0,034	–0,021	0,006	0,075*	0,200**	–0,039

Примечание: * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$.

глобальных рисков» Т. А. Нестика. Для измерения социально-психологических характеристик личности использовались шкалы авторитаризма правого толка и связанных с ним установок Дж. Даккита (Григорьев, 2017) и сокращенный опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой (Татарко, Лебедева, 2020), шкалы из World Values Survey, измеряющие социальное доверие (α=0,719) и институциональное доверие (α=0,800), а также 12-пунктная шкала популизма (IPA; Schulz et al., 2017), позволяющая измерить антиэлитаризм (4 пункта, α=0,731), веру в суверенность народа (4 пункта, α=0,781) и однородность народа (4 пункта, α=0,753). Для измерения социальной идентичности нами использовалась шкала «Глобальная социальная идентификация» Дж. Риза в адаптации Т. А. Нестика (α=0,891; Нестик, 2017; Нестик, Журавлев, 2018), а также апробированные ранее скрининговые шкалы идентификации с россиянами (2 пункта; α=0,850) и с родным городом (2 пункта; α=0,885).

Мы предположили, что жизнеспособность личности в условиях глобальных рисков связана с характеристиками образа мира (низким социальным цинизмом и высокой социальной сложностью, низкой верой в контроль судьбы, высокой верой в вознаграждение усилий и религиозностью), включением личностью себя в широкие социальные категории (высокая глобальная, гражданская и локальная идентичность), а также низкой верой в опасный и конкурентный мир.

Множественный линейный регрессионный анализ ($R=0,640$; $R^2=0,408$; $F=227,082$; $p<0,001$) показал, что предикторами общего уровня жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков является глобальная идентичность (β=0,356), вера в опасный мир (β=0,109), доверие к социальным институтам (β=0,111), религиозность (β=0,104), вера в вознаграждение усилий (β=0,098), социальная сложность (β=0,098), а также обеспокоенность возможностью заражения других людей коронавирусом (β=0,092). Наоборот, снижают ее вера в конкурентный мир (β=−0,175), вера в контроль судьбы (β=−0,078) и социальный цинизм, то есть убежденность в несправедливом устройстве общества (β=−0,070).

Множественный линейный регрессионный анализ ($R=0,526$; $R^2=0,275$; $F=178,473$; $p<0,001$) показал, что предикторами оптимизма в отношении будущего человечества являются глобальная идентичность (β=0,150) и идентификация с Россией (β=0,074), вера в вознаграждение усилий (β=0,148), социальная сложность (β=0,111) и вы-

Таблица 3.3

Корреляции шкал опросника «Жизнеспособность в условиях глобальных рисков» со шкалами методики «Отношение к глобальным рискам»

Характеристики отношения к глобальным рискам	**Общий уровень жизнеспособности в условиях глобальных рисков**	**Сопереживание другим в условиях глобальных рисков**	**Оптимизм в отношении глобального будущего**	**Самоэффективность в отношении глобальных рисков**	**Проактивный копинг в условиях глобальных рисков**	**Воспринимаемая социальная поддержка**	**Обращение за эмоциональной поддержкой**	**Принятие жизни в условиях глобальных рисков**	**Избегание мыслей о глобальных рисках**	**Отношение к глобальным рискам как возможностям**
Негативное отношение к алармизму: нагнетание тревоги лишь ухудшает ситуацию	−0,093**	−0,145**	0,117**	−0,165**	−0,032	0,070*	−0,129**	−0,033	0,295**	0,112**
Апокалиптизм: вероятность близкого конца человеческого рода	0,047	0,071*	−0,146**	0,008	0,195**	−0,118**	0,162**	0,073*	−0,022	−0,019
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и доверие лидерам	0,269**	0,165**	0,224**	0,016	0,216**	0,114**	0,186**	0,148**	−0,036	0,262**

Продолжение таблицы 3.3

Характеристики отношения к глобальным рискам	**Общий уровень жизнеспособности в условиях глобальных рисков**	**Сопереживание другим в условиях глобальных рисков**	**Оптимизм в отношении глобального будущего**	**Самоэффективность в отношении глобальных рисков**	**Проактивный копинг в условиях глобальных рисков**	**Воспринимаемая социальная поддержка**	**Обращение за эмоциональной поддержкой**	**Принятие жизни в условиях глобальных рисков**	**Избегание мыслей о глобальных рисках**	**Отношение к глобальным рискам как возможностям**
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	−0,063	−0,274**	−0,066	−0,057	0,005	−0,018	−0,063	0,040	−0,027	0,112**
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	−0,149**	−0,180**	−0,041	−0,297**	−0,053	−0,057	−0,100**	0,088*	0,178**	0,024
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,359**	0,350**	0,361**	0,125**	0,172**	0,177**	0,232**	0,229**	−0,112**	0,062

Характеристики отношения к глобальным рискам	Общий уровень жизнеспособности в условиях глобальных рисков	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	Оптимизм в отношении глобального будущего	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	Проактивный копинг в условиях глобальных рисков	Воспринимаемая социальная поддержка	Обращение за эмоциональной поддержкой	Принятие жизни в условиях глобальных рисков	Избегание мыслей о глобальных рисках	Отношение к глобальным рискам как возможностям
Тревога по поводу глобальных рисков	0,285**	0,339**	0,063	0,069	0,214**	0,030	0,342**	0,258**	−0,199**	−0,055
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	0,522**	0,487**	0,343**	0,294**	0,325**	0,219**	0,359**	0,335**	−0,160**	0,171**
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,496**	0,229**	0,203**	0,207**	0,603**	0,163**	0,388**	0,335**	−0,190**	0,250**

Примечание: * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$.

сокое доверие к социальным институтам (β=–0,141). При этом его снижают вера в конкурентный мир (β=–0,229) и контроль со стороны судьбы (β=–0,108).

Для выявления направленности связей между компонентами жизнеспособности в условиях глобальных рисков, а также проверки гипотезы об их обусловленности социально-психологическими характеристиками личности нами было проведено структурное моделирование в программе IBM Amos v. 25. Проверялись гипотезы о влиянии компонентов жизнеспособности в условиях глобальных рисков друг на друга, а также их обусловленности характеристиками образа мира (социальными аксиомами, верой в опасный и конкурентный мир), отношением к пандемии COVID-19, социальным доверием и глобальной идентификацией. Основанная на наших предположениях путевая модель обладает высокими показателями пригодности: N=3278; χ^2=232,829; df=80; CMIN/df=2,910; p<0,001; RMR=0,015; SRMR=0,0168; GFI=0,994; CFI=0,992; RMSEA=0,024; Lo 90=0,021; Hi 90=,028; Pclose=1,000.

Наибольший вклад в проактивное совладание с глобальными рисками вносят самоэффективность в отношении глобальных рисков (β=0,217), обращение за эмоциональной поддержкой (β=0,167) и оптимизм в отношении глобального будущего (β=0,161). В свою очередь проактивный копинг, наряду с оптимизмом, усиливает восприятие глобальных рисков как возможностей для развития (β=0,277) и принятие жизни в условиях глобальных рисков (β=0,195). В качестве предиктора с наибольшим количеством компонентов жизнеспособности оказалось связанным обращение за эмоциональной поддержкой, усиливающее проактивный копинг (β=0,167), принятие подверженности глобальным рискам (β=0,230), воспринимаемую социальную поддержку (β=0,335), сопереживание другим (β=0,105), самоэффективность (β=0,056) и снижающее уровень избегания мыслей о глобальных рисках (β=–0,153). Чуть меньше такого рода связей у сопереживания, а также восприятия социальной поддержки, которые поддерживают проактивный копинг, оптимизм в отношении будущего человечества, самоэффективность, принятие рисков или их избегание. В целом результаты конфирматорного факторного анализа, а также анализа направленности связей между компонентами жизнеспособности глобальных рисков показывают, что ключевую роль в ее структуре играет разделенность тревоги по поводу глобальных рисков с другими людьми. Включение себя в судьбу других

Таблица 3.4

Социально-психологические предпосылки
общей жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	1,886	0,087		21,747	***
Глобальная социальная идентичность	0,199	0,009	0,356	23,22	***
Вера в опасный мир	0,065	0,009	0,109	7,092	***
Вера в конкурентный мир	–0,117	0,01	–0,175	–11,417	***
Институциональное доверие (WVS)	0,07	0,01	0,111	7,181	***
Религиозность (SAS)	0,052	0,008	0,104	6,592	***
Социальный цинизм (SAS)	–0,054	0,013	–0,070	–4,227	***
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,08	0,014	0,098	5,746	***
Контроль судьбы (SAS)	–0,049	0,01	–0,078	–5,005	***
Социальная сложность (SAS)	0,096	0,018	0,091	5,249	***
Обеспокоенность возможностью заражения других людей коронавирусом	0,017	0,003	0,092	6,457	***

Примечание: N=3328, R=0,640, R^2=0,408, F=227,082, p<0,001, *** – p<0,001.

людей и обращение к ним за поддержкой помогают человеку поверить в способность человечества справиться с рисками, почувствовать себя способным влиять на будущее, принять сложившуюся ситуацию и планировать свою жизнь перед лицом глобальной угрозы.

Полученные данные позволяют выделить три основных группы социально-психологических факторов жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: во-первых, групповая идентификация и просоциальные установки (глобальная идентичность, институциональное доверие, сопереживание заболевшим COVID-19, социальная сложность, религиозность); во-вторых, оценка опасности социального мира (вера в опасный и конкурентный мир, социальный цинизм, конспирологическая ориентация, страх по поводу экономических последствий пандемии); в третьих, убеждение в своей способности влиять на будущее (вера в вознаграждение усилий, контроль судьбы, самоэффективность в условиях пандемии).

Глобальная идентичность вносит вклад в проактивный копинг (β=0,158), восприятие глобальных рисков как возможностей (β=0,126), оптимизм в отношении будущего человечества (β=0,132), сопережи-

Таблица 3.5

Социально-психологические предпосылки оптимизма в отношении будущего человечества

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	2,139	0,135		15,822	***
Глобальная социальная идентичность	0,128	0,015	0,150	8,394	***
Идентификация с Россией	0,056	0,014	0,074	4,154	***
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,186	0,023	0,148	7,952	***
Контроль судьбы (SAS)	–0,105	0,015	–0,108	–7,014	***
Социальная сложность (SAS)	0,18	0,029	0,111	6,239	***
Вера в конкурентный мир	–0,236	0,017	–0,229	–13,936	***
Институциональное доверие (WVS)	0,137	0,016	0,141	8,508	***

Примечание: N=3328, R=0,526, R^2=0,275, F=178,473, p<0,001, *** – p<0,001.

вание другим (β=0,146) и обращение за эмоциональной поддержкой (β=0,157). Наряду с ней положительный вклад в компоненты жизнеспособности вносят доверие к социальным институтам, а также просоциальные установки: сопереживание заболевшим COVID-19 положительно связано с сопереживанием другим в условиях глобальных рисков (β=0,301) и обращением за эмоциональной поддержкой (β=0,188); социальная сложность прямо связана с принятием рисков (β=0,136), сопереживанием (β=0,106) и оптимизмом (β=0,102); религиозность является одним из предикторов сопереживания (β=0,084), обращения за эмоциональной поддержкой (β=0,091) и восприятия рисков как возможностей (β=0,051).

Вера в опасный и конкурентный мир, социальный цинизм, конспирологическая ориентация, страхи по поводу экономических последствий пандемии негативно связаны с оптимизмом в отношении будущего человечества, воспринимаемой поддержкой со стороны других людей, готовностью обращаться за эмоциональной поддержкой. В частности, социальный цинизм снижает оптимизм (β=–0,116) и сопереживание (β=–0,107), а вера в конкурентный мир снижает оптимизм (β=–0,187) и воспринимаемую социальную поддержку (β=–0,124). Такого рода установки, отражающие озабоченность социальной несправедливостью и восприятие взаимодействия как игры с нулевой суммой, сокращают социальный капитал личности, не-

Таблица 3.6

Социально-психологические предпосылки отдельных компонентов жизнеспособности в условиях глобальных рисков (результаты структурного моделирования)

Компоненты жизнеспособности в условиях глобальных рисков	**Предикторы**	**B**	**S.E.**	**C.R.**	β	**p**
Обращение за эмоциональной поддержкой (R^2=0,207)	Сопереживание людям, уязвимым в отношении COVID-19	0,226	0,022	10,149	0,188	***
	Глобальная идентичность	0,186	0,022	8,606	0,157	***
	Вера в опасный мир	0,157	0,022	7,138	0,125	***
	Религиозность (SAS)	0,096	0,018	5,392	0,091	***
	Страх по поводу экономических последствий пандемии	0,04	0,008	5,364	0,091	***
	Вера в свою способность защитить себя и близких от COVID-19	0,064	0,019	3,438	0,056	***
	Доверие к социальным институтам	0,057	0,024	2,419	0,042	0,016
	Вера в конкурентный мир	–0,087	0,024	–3,628	–0,062	***
Сопереживание другим в условиях глобальных рисков (R^2=0,363)	Сопереживание людям, уязвимым в отношении COVID-19	0,298	0,017	17,799	0,301	***
	Глобальная идентичность	0,142	0,016	8,968	0,146	***
	Социальная сложность (SAS)	0,194	0,033	5,808	0,106	***
	Обращение за эмоциональной поддержкой	0,086	0,013	6,692	0,105	***
	Вера в опасный мир	0,089	0,017	5,275	0,086	***
	Религиозность (SAS)	0,073	0,014	5,064	0,084	***
	Страх по поводу экономических последствий пандемии	0,021	0,006	3,62	0,056	***
	Вера в свою способность защитить себя и близких от COVID-19	0,052	0,014	3,637	0,055	***
	Вера в вознаграждение усилий (SAS)	–0,071	0,025	–2,852	–0,05	0,004

Продолжение таблицы 3.6

Компоненты жизнеспособности в условиях глобальных рисков	**Предикторы**	**B**	**S.E.**	**C.R.**	β	**p**
Сопереживание другим в условиях глобальных рисков (R^2=0,363)	Вера в контроль судьбы (SAS)	–0,078	0,018	–4,293	–0,072	***
	Социальный цинизм (SAS)	–0,142	0,023	–6,156	–0,107	***
	Вера в конкурентный мир	–0,19	0,019	–10,184	–0,164	***
Воспринимаемая социальная поддержка (R^2=0,244)	Обращение за эмоциональной поддержкой	0,313	0,016	20,056	0,335	***
	Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,191	0,031	6,184	0,118	***
	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	0,087	0,02	4,338	0,076	***
	Социальная сложность (SAS)	0,134	0,041	3,218	0,064	0,001
	Доверие к социальным институтам	0,053	0,021	2,486	0,042	0,013
	Религиозность (SAS)	0,042	0,018	2,358	0,042	0,018
	Страх по поводу экономических последствий пандемии	–0,026	0,007	–3,761	–0,062	***
	Социальный цинизм (SAS)	–0,097	0,028	–3,418	–0,064	***
	Вера в контроль судьбы (SAS)	–0,109	0,022	–4,992	–0,088	***
	Вера в конкурентный мир	–0,164	0,023	–7,117	–0,124	***
Оптимизм в отношении глобального будущего (R^2=0,303)	Воспринимаемая социальная поддержка	0,139	0,012	11,394	0,180	***
	Доверие к социальным институтам	0,133	0,016	8,605	0,136	***
	Глобальная идентичность	0,113	0,015	7,778	0,132	***
	Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,161	0,023	7,044	0,129	***
	Социальная сложность (SAS)	0,165	0,028	5,854	0,102	***
	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	0,064	0,015	4,3	0,072	***

Продолжение таблицы 3.6

Компоненты жизнеспособности в условиях глобальных рисков	**Предикторы**	**B**	**S.E.**	**C.R.**	β	**p**
Оптимизм в отношении глобального будущего (R^2=0,303)	Вера в контроль судьбы (SAS)	–0,088	0,015	–5,991	–0,091	***
	Вера в конкурентный мир	–0,191	0,017	–11,151	–0,187	***
Самоэффективность в отношении глобальных рисков (R^2=0,225)	Социальный цинизм (SAS)	–0,149	0,024	–6,143	–0,116	***
	Вера в свою способность защитить себя и близких от COVID-19	0,159	0,015	10,486	0,174	***
	Вера в контроль судьбы (SAS)	–0,067	0,018	–3,822	–0,064	***
	Обращение за эмоциональной поддержкой	0,045	0,014	3,301	0,056	***
	Оптимизм в отношении глобального будущего	0,09	0,019	4,757	0,082	***
	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	0,102	0,017	5,868	0,105	***
	Вера в опасный мир	–0,063	0,017	–3,602	–0,063	***
	Глобальная идентичность	0,233	0,017	14,029	0,248	***
	Социальная сложность (SAS)	–0,125	0,032	–3,94	–0,071	***
Проактивный копинг в условиях глобальных рисков (R^2=0,261)	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	0,23	0,017	13,234	0,217	***
	Обращение за эмоциональной поддержкой	0,14	0,015	9,572	0,167	***
	Оптимизм в отношении глобального будущего	0,187	0,02	9,176	0,161	***
	Глобальная идентичность	0,157	0,018	8,862	0,158	***
	Вера в контроль судьбы (SAS)	0,129	0,018	7,359	0,116	***
	Вера в опасный мир	0,076	0,018	4,285	0,072	***
	Воспринимаемая социальная поддержка	0,09	0,016	5,767	0,100	***

Продолжение таблицы 3.6

Компоненты жизнеспособности в условиях глобальных рисков	**Предикторы**	**B**	**S.E.**	**C.R.**	β	**p**
Проактивный копинг в условиях глобальных рисков (R^2=0,261)	Вера в конкурентный мир	0,088	0,02	4,325	0,075	***
	Доверие к социальным институтам	–0,045	0,019	–2,414	–0,040	0,016
Отношение к глобальным рискам как возможностям (R^2=0,297)	Проактивный копинг в условиях глобальных рисков	0,256	0,015	16,896	0,277	***
	Оптимизм в отношении глобального будущего	0,223	0,018	12,502	0,208	***
	Глобальная идентичность	0,116	0,016	7,075	0,126	***
	Вера в конспирологические теории COVID-19	0,062	0,014	4,305	0,072	***
	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	0,065	0,016	3,987	0,066	***
	Доверие к социальным институтам	0,063	0,018	3,434	0,06	***
	Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,072	0,022	3,23	0,053	0,001
	Религиозность (SAS)	0,042	0,013	3,189	0,051	0,001
	Социальный цинизм (SAS)	–0,079	0,021	–3,695	–0,063	***
	Страх по поводу экономических последствий пандемии	–0,034	0,005	–6,233	–0,098	***
Принятие жизни в условиях глобальных рисков (R^2=0,352)	Обращение за эмоциональной поддержкой	0,178	0,013	13,77	0,230	***
	Проактивный копинг в условиях глобальных рисков	0,18	0,015	11,687	0,195	***
	Вера в опасный мир	0,149	0,015	10,18	0,153	***
	Социальная сложность (SAS)	0,234	0,026	8,903	0,136	***
	Отношение к глобальным рискам как возможностям	0,118	0,016	7,236	0,118	***
	Сопереживание людям, уязвимым в отношении COVID-19	0,100	0,015	6,74	0,107	***

Продолжение таблицы 3.6

Компоненты жизнеспособности в условиях глобальных рисков	**Предикторы**	**B**	**S. E.**	**C. R.**	β	**p**
Принятие жизни в условиях глобальных рисков (R^2=0,352)	Оптимизм в отношении глобального будущего	0,071	0,018	4,028	0,067	***
	Воспринимаемая социальная поддержка	0,032	0,013	2,403	0,039	0,016
	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	–0,093	0,015	–6,18	–0,095	***
Избегание мыслей о глобальных рисках (R^2=0,161)	Вера в конспирологические теории COVID-19	0,131	0,016	8,261	0,158	***
	Воспринимаемая социальная поддержка	0,078	0,014	5,415	0,097	***
	Вера в контроль судьбы (SAS)	0,084	0,017	4,894	0,085	***
	Вера в свою способность защитить себя и близких от COVID-19	–0,066	0,016	–4,169	–0,077	***
	Сопереживание другим в условиях глобальных рисков	–0,073	0,016	–4,556	–0,081	***
	Доверие к социальным институтам	–0,095	0,018	–5,178	–0,094	***
	Принятие жизни в условиях глобальных рисков	–0,102	0,018	–5,822	–0,106	***
	Социальный цинизм (SAS)	–0,14	0,022	–6,289	–0,116	***
	Самоэффективность в отношении глобальных рисков	–0,119	0,016	–7,236	–0,127	***
	Обращение за эмоциональной поддержкой	–0,114	0,014	–7,892	–0,153	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, CR – критическое отношение B/SE, p – статистическая значимость, *** – p<0,001.

обходимый для защиты от рисков и снижает ценность коллективных действий, направленных на их предотвращение.

Наконец, представления, связанные с убеждением личности в своей способности влиять на будущее (вера в вознаграждение усилий, контроль судьбы, самоэффективность в условиях пандемии)

влияют на оптимистическую оценку будущего человечества, самоэффективность и степень принятия рисков или избегания мыслей о них. В частности, вера в вознаграждение усилий повышает оптимизм (β=0,129), а вера в контроль судьбы, наоборот, снижает оптимизм (β=−0,091), самоэффективность (β=−0,064), воспринимаемую поддержку (β=−0,088), повышая стремление личности уйти от мыслей о глобальных рисках (β=0,085).

Нами выявлено разнонаправленное влияние ряда социально-психологических феноменов на различные компоненты жизнеспособности. Так, вера в конкурентный мир повышает ориентацию на проактивный копинг (β=0,07), но снижает оптимизм (β=−0,190), сопереживание (β=0,195), обращение за эмоциональной поддержкой (β=−0,060) и воспринимаемую социальную поддержку (β=−0,120). Вера в опасный мир повышает готовность принять ситуацию уязвимости перед глобальными рисками (β=0,150) и склонность обращаться за эмоциональной поддержкой к другим людям (β=0,120), однако снижает самоэффективность (β=−0,060). Вера в конспирологические теории, с одной стороны, прямо связана с избеганием мыслей о глобальных рисках (β=0,158), с другой стороны, положительно связана с их восприятием как вызова, как возможностей (β=0,072). Доверие к социальным институтам положительно связано с сопереживанием и воспринимаемой социальной поддержкой, но негативно – с проактивным копингом (β=−0,040). Социальная сложность негативно связана с самоэффективностью (β=−0,071). По-видимому, оценка мира как высококонкурентного, полного заговоров, мобилизует личность на самостоятельное преодоление трудных ситуаций, связанных с глобальными рисками, подталкивает к анализу различных сценариев развития событий. Оценка мира как опасного, напротив, примиряет личность с окружающими, помогает признать в глобальных рисках общую судьбу. Выявленные нами различия в роли представлений об опасном и конкурентном мире хорошо согласуются с теорией Дж. Дакитта о разных функциях этих феноменов: вера в опасный мир повышает солидарность и ориентацию на авторитарные ценности, а вера в конкурентный мир подкрепляет установки на социальное доминирование (Duckitt, Sibley, 2010; Perry et al., 2013).

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выделить структуру жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков. Нами были выделены девять ее компонентов: самоэф-

фективность в отношении глобальных рисков, проактивный копинг в условиях глобальных рисков, отношение к глобальным рискам как возможностям, принятие жизни в условиях глобальных рисков, обращение за эмоциональной поддержкой, сопереживание другим в условиях глобальных рисков, воспринимаемая социальная поддержка, оптимизм в отношении глобального будущего, а также низкий уровень избегания мыслей о глобальных рисках. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что ключевую роль в ее структуре играет разделенность тревоги по поводу глобальных рисков с другими людьми.

Нами разработана методика для оценки данных компонентов, обладающая приемлемыми психометрическими характеристиками, что позволяет использовать ее не только в ситуации пандемии, но и в отношении других природных и антропогенных глобальных рисков.

Наконец, нами выявлены социально-психологические предпосылки жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков: групповая идентификация и просоциальные установки (глобальная идентичность, институциональное доверие, сопереживание заболевшим COVID-19, социальная сложность, религиозность); оценка опасности социального мира (вера в опасный и конкурентный мир, социальный цинизм, конспирологическая ориентация, страх по поводу экономических последствий пандемии); а также убеждение в своей способности влиять на будущее (вера в вознаграждение усилий, контроль судьбы, самоэффективность в условиях пандемии).

ГЛАВА 4

ВОСПРИЯТИЕ НОВОСТЕЙ О ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Экспериментальное исследование психологического воздействия новостей о глобальных угрозах

Для изучения психологического воздействия новостей о различных глобальных угрозах в социальных сетях на интернет-пользователей нами был проведен эксперимент (N=60 взрослых, 28% – мужчины; 72% – женщины; средний возраст – 21,3 год). Испытуемые были осведомлены о целях и процедуре исследования, все они подтвердили свое информированное согласие участвовать в эксперименте.

С целью измерения воздействия новостей на различные характеристики отношения к глобальным рискам испытуемым до и сразу после эксперимента предлагались методика «Отношение к глобальным рискам» Т. А. Нестика, шкала «Глобальная социальная идентификация» Г. Риза, а также «Шкала темного будущего» З. Залеского (Нестик, Журавлев, 2018).

Для формирования *стимульного материала* из новостных лент в социальных сетях были отобраны 30 текстов об угрозах глобального изменения климата, ядерной войны и внедрения технологий искусственного интеллекта, которые были затем оценены по трудоемкости для неподготовленного читателя и по тревожности 12 экспертами – кандидатами и докторами психологических наук. По итогам проведенной экспертной оценки были отобраны 10 текстов одинакового размера и трудности для понимания, которые были объединены в 5 групп (2 текста на каждый балл по параметру «тревожность»).

В ходе исследования испытуемые проходили четыре серии. В первой и третьей серии испытуемым предъявлялись эмоциональные и нейтральные стимулы. В качестве эмоциональных стимулов слу-

жили высококонтрастные изображения последствий травм и хирургических операций. Роль нейтральных стимулов играли изображения природных пейзажей. Разрешение как нейтральных, так и «стартл»-изображений составляло 1920×1440 пикселей. Предъявление изображений осуществлялось по следующему алгоритму: 1) появление картинки предварялось подготовительным интервалом, длящимся 5 секунд (в ходе этого интервала испытуемому демонстрировался белый экран с сообщением «Расслабьтесь», расположенным в его центре); 2) по истечении 5 секунд белый экран сменялся изображением (эмоциональным или нейтральным), предъявляющимся в течении 2 минут; 3) по окончанию этого интервала испытуемый должен был оценить, какое эмоциональное впечатление произвело на него изображение (оценка осуществлялась по 7-балльной шкале, в которой +3 означало крайнее положительное эмоциональное впечатление, 0 – нейтральное, а –3 – отрицательное эмоциональное впечатление). Всего и в первой и третьей серии испытуемому предъявлялись 2 «стартл»- и 2 нейтральных изображения. Во второй и четвертой серии испытуемому предъявлялись тексты, заранее отобранные экспертами по уровню тревожности.

Тексты предъявлялись испытуемому в случайном порядке по алгоритму, схожему с предъявлением изображений. Появление текста также предварялось подготовительным интервалом (демонстрация белого экрана с сообщением «Расслабьтесь»), длящимся 5 секунд. Длительность предъявления текста не была лимитирована по времени. После прочтения текста испытуемый должен был нажать специальную клавишу, после которой было необходимо последовательно: 1) оценить когнитивную трудность прочтенного текста по 4-балльной шкале, в которой +3 означало очень трудный текст, а 0 – легкий; 2) оценить эмоциональное впечатление, произведенное текстом, по 7-балльной шкале, аналогичной использовавшейся при оценке изображений. По окончании серии испытуемый должен был кратко записать содержание прочитанных текстов. В каждой из серий испытуемому было предъявлено 5 текстов.

В ходе эксперимента *регистрировались* вегетативные показатели, такие как электродермальные реакции испытуемого (ЭДР) и частота сердечных сокращений (ЧСС). ЧСС регистрировалась во время первой и второй экспериментальной серии. Регистрация осуществлялась при помощи двух хлорсеребряных электродов, установленных по схеме первого стандартного отведения (электроды устанавлива-

лись на правую и левую руку с заземлением). В качестве зависимой переменной использовалось усредненное расстояние между R пиками (R-R), зарегистрированное через 3 с после предъявления стимула. ЭДР регистрировалась во время третьей и четвертой серии. Регистрация электродермальной реакции осуществлялась по методике Ферре путем пропускания слабого электрического тока (<0,1 mA) через электроды, установленные на медиальных фалангах среднего и указательного пальцев левой руки. Полученный сигнал фильтровался с полосой пропускания от 0,05 до 40 Гц. В качестве зависимой переменной использовались среднее и максимальное среднее значение амплитуды фазической составляющей ЭДР, зарегистрированной через 3 с после предъявления стимула. Анализ вегетативных реакций как ЧСС, так и ЭДР осуществлялся двумя этапами: 1) получение значений разницы между вегетативным показателем, связанным с предъявлением текста или изображения, и вегетативным показателем, связанным с подготовительным интервалом (предъявление белого экрана с надписью «Расслабьтесь»); 2) соотнесение показателей, связанных с чтением текстов, и показателем, связанных с просматриванием нейтральных и «стартл»-изображений. К регистрировавшимся показателям движений глаз относятся: а) средний диаметр зрачка при чтении текста; б) средняя длительность фиксаций при чтении текста; в) средняя амплитуда саккад при чтении текста. Регистрация вегетативных параметров (ЧСС и ЭДР) осуществлялась при помощи аппаратно-программного электроэнцефалографического комплекса «Мицар-ЭЭГ-202» с частотой дискретизации 250 Гц, для регистрации движений глаз использовался айтрекер GP3HD (150 Гц).

В ходе эксперимента проверялись две *гипотезы.* Во-первых, мы предположили, что предъявление новостных текстов о глобальных угрозах будет влиять на отношение испытуемых к глобальным рискам (повышение тревоги по поводу глобальных рисков, готовности к участию в их предотвращении и к защите себя и близких от их последствий). Во-вторых, мы выдвинули предположение о том, что выраженность эмоциональной реакции на новости о глобальных рисках будет связана с характеристиками идентичности, ориентацией на консервативные ценности и уровнем социального доверия.

Первая гипотеза подтвердилась частично: как показал анализ значимых различий по W-критерию Вилкоксона, после предъявления новостных текстов статистически значимо выросла только го-

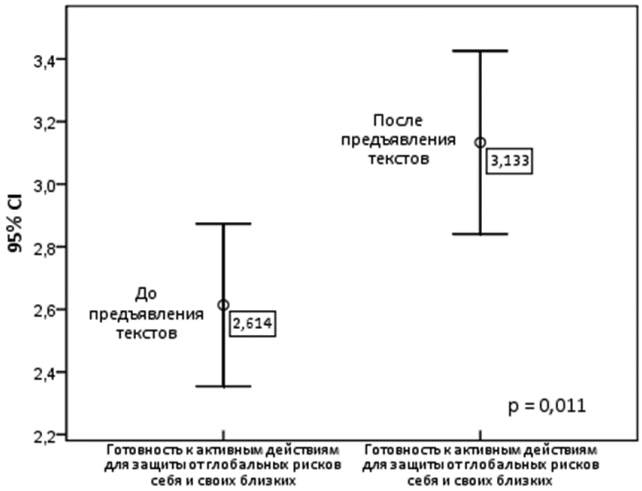


Рис. 4.1. Изменения уровня готовности испытуемых к активным действиям по защите себя и близких от последствий глобальных рисков до и после эксперимента

товность испытуемых к активным действиям по защите себя и близких от последствий глобальных рисков ($Z=-2{,}546$; $p=0{,}011$).

Эти данные указывают на то, что новости, посвященные глобальным рискам, не изменяют уже сложившихся убеждений в отношении вероятности и способов предотвращения глобальных рисков, однако повышают значимость личной защищенности по отношению к их последствиям. Иными словами, эксперимент показал, что репрезентация коллективной угрозы в новостях СМИ и социальных медиа не побуждает к коллективным действиям на опережение, не объединяет, а разъединяет, ориентирует на поиск средств к индивидуальной самозащите.

Подверженность воздействию новостей о глобальных рисках, индикатором которой выступали эксплицитная оценка эмоционального воздействия текстов испытуемыми по шкале от –3 до 3, а также выраженность психофизиологических маркеров их эмоциональной реакции, связана с характеристиками идентичности, ориентацией на консервативные ценности и уровнем социального доверия (см. таблицы 4.1–4.2).

Множественный линейный регрессионный анализ показал, что осознанная негативная эмоциональная оценка испытуемыми

Таблица 4.1

Влияние социально-психологических характеристик испытуемых на оценку ими эмоционального воздействия новостных текстов о глобальных рисках

Независимые переменные	**B**	**S. E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	–1,631	0,749		–2,178	0,034
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	–0,323	0,122	–0,315	–2,643	0,011
Религиозность (SAS)	0,231	0,104	0,292	2,232	0,03
Глобальная социальная идентичность	0,315	0,125	0,352	2,51	0,016
Идентификация с Россией	0,403	0,119	0,527	3,399	0,001
Шкала справедливости (MFQ)	–0,097	0,021	–0,589	–4,671	***
Шкала лояльности (MFQ)	–0,079	0,024	–0,621	–3,325	0,002
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,064	0,022	0,494	2,875	0,006
Тревога по поводу будущего России	–0,343	0,113	–0,519	–3,04	0,004
Тревога по поводу будущего человечества	0,289	0,107	0,409	2,695	0,01
Ингрупповое доверие (WVS)	0,352	0,158	0,262	2,228	0,031

Примечание: B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии; S. E. – стандартная ошибка среднего; P – статистическая значимость; *** – $p<0{,}001$.

предъявляемых текстов прямо зависит ($R=0{,}725$; $R2=0{,}526$; $F=5{,}221$; $p<0{,}001$) от выраженности апокалиптизма ($\beta=-0{,}315$), тревоги по поводу будущего России ($\beta=-0{,}519$), значимости справедливости ($\beta=-0{,}589$) и ориентации на лояльность своей группе ($\beta=-0{,}621$). Она обратно связана с религиозностью ($\beta=0{,}292$) и ориентацией на чистоту и святость ($\beta=0{,}494$), глобальной идентичностью ($\beta=0{,}352$) и тревогой по поводу будущего человечества ($\beta=0{,}409$), идентификацией с Россией ($\beta=0{,}527$), а также внутригрупповым доверием ($\beta=0{,}262$). Иными словами, глобальная и гражданская идентификация, социальное доверие и религиозность снижают подверженность личности негативным переживаниям в связи с новостями о глобальных рисках. Напротив, ее повышают неуверенность в будущем своей страны, чувство несправедливости и стремление следовать традициям своей группы.

Таблица 4.2

Влияние социально-психологических характеристик на выраженность психофизиологических индикаторов возбуждения во время чтения новостных текстов о глобальных рисках

	B	S. E.	β	t	p
1. Предикторы изменения ширины зрачка во время чтения новостных текстов о глобальных рисках (R=0,501; R^2=0,251; F=4,214; p=0,002)					
(Константа)	–0,815	0,92		–0,885	0,38
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами	0,447	0,256	0,243	1,75	0,085
Социальный цинизм (SAS)	0,435	0,209	0,239	2,081	0,042
Контроль над судьбой (SAS)	–0,498	0,224	–0,274	–2,229	0,029
Зависимость от судьбы (SAS)	0,401	0,192	0,245	2,089	0,041
Ориентация на гармонию в отношениях между людьми (SAS)	–0,483	0,211	–0,286	–2,291	0,025
2. Предикторы изменения RR – интервала между сердечными сокращениями во время чтения новостных текстов о глобальных рисках (R=0,544; R^2=0,296; F=5,297; p<0,001)					
(Константа)	–43,06	19,426		–2,217	0,03
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	7,264	2,75	0,339	2,641	0,01
Глобальная социальная идентичность	–6,611	3,004	–0,271	–2,201	0,031
Идентификация с Россией	5,083	2,466	0,241	2,061	0,043
Социальная сложность (SAS)	12,17	3,991	0,336	3,049	0,003
Шкала чистоты и святости (MFQ)	–7,502	2,652	–0,321	–2,829	0,006
3. Предикторы изменения КГР во время чтения новостных текстов о глобальных рисках (R=0,776; R2=0,601; F=6,037; p<0,001)					
(Константа)	5,611	1,856		3,023	0,004
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами	0,815	0,273	0,406	2,989	0,005
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	–1,678	0,354	–0,567	–4,739	***
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,882	0,185	0,588	4,771	***

Продолжение таблицы 4.2

3. Предикторы изменения КГР во время чтения новостных текстов о глобальных рисках (R=0,776; R2=0,601; F=6,037; p<0,001)					
Идентификация с Россией	–0,337	0,18	–0,230	–1,877	0,068
Шкала заботы (MFQ)	–0,118	0,047	–0,306	–2,515	0,016
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	–0,41	0,221	–0,216	–1,852	0,071
Социальная сложность (SAS)	–0,586	0,261	–0,247	–2,248	0,03
Экстраверсия	–0,406	0,129	–0,419	–3,152	0,003
Добросовестность	0,259	0,119	0,236	2,181	0,035
Открытость к новому опыту	0,308	0,137	0,275	2,248	0,03

Примечание: B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии; S. E. – стандартная ошибка среднего; P – статистическая значимость; *** – p<0,001.

Предикторами изменения ширины зрачка во время чтения новостных текстов о глобальных рисках (R=0,501; R^2=0,251; F=4,214; p=0,002) оказались религиозный авторитаризм (β=0,243), высокий социальный цинизм, то есть низкое институциональное доверие (β=0,239), а также низкая ориентация на гармонию в отношениях (β=–0,286) и низкий контроль над своей судьбой (β=–0,274). Интервал между сердечными сокращениями обратно зависит (R=0,544; R^2=0,296; F=5,297; p<0,001) от ориентации на чистоту и святость в моральных оценках (β=–0,271) и силы глобальной социальной идентичности (β=–0,321). Его увеличение, то есть снижение ЧСС, прямо связано с готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (β=0,339), социальной сложности, которую можно интерпретировать как готовность к неопределенности (β=–0,336) и силы идентификации с Россией (β=0,241). Наконец, выраженность электродермальных показателей эмоционального возбуждения испытуемых прямо связана (R=0,810; R^2=0,656; F=6,046; p<0,001) с религиозным авторитаризмом (β=0,406), готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (β=0,588), добросовестностью (β=0,236) и открытостью новому опыту (β=0,275). Напротив, ее снижают ориентация на радикальные решения, то есть допустимость выживания одних за счет других (β=–0,567), идентификация с Россией (β=–0,230), ориентация на заботу о людях (β=–0,306), вера в вознаграждение усилий

(β=–0,216), социальная сложность (β=–0,247), а также экстраверсия (β=–0,419).

Полученные данные хорошо согласуются с результатами другого нашего исследования (N=547; Нестик, Журавлев, 2018), в котором были выявлены группы убеждений, играющие разные функции при совладании с информацией о глобальных рисках. Первая из них выполняет защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов: недоверие к социальным институтам и убеждение в предопределенности судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения. Вторая группа убеждений выполняет стабилизирующую функцию, способствует совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение приверженности традиционным групповым нормам (религиозность, ориентация на уважение к авторитетам, чистоту и святость в моральных оценках). Наконец, третья группа убеждений выполняет функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности (убеждение в способности человека определять свое настоящее и будущее, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в социальную сложность и готовность к обсуждению путей предотвращения катастроф). Результаты эксперимента показывают, что первая и вторая группы убеждений усиливают подверженность эмоциональному воздействию новостей о глобальных рисках, тогда как третья снижает ее.

В ходе эксперимента были выявлены различия в восприятии новостных текстов о разных типах глобальных рисков (тексты в каждой серии были отобраны с учетом экспертной оценки их эмоциональности и сложности, а также предъявлялись испытуемым в случайном порядке). Испытуемые более негативно оценивали свои эмоциональные переживания при восприятии текстов об угрозе ядерной войны (W Кендалла=0,145; χ^2=15,690; p<0,001). При этом психофизиологические индикаторы эмоциональной реакции оказались противоречивыми. Различий в изменении ширины зрачка при чтении текстов о климатических изменениях, угрозах развития искусственного интеллекта и ядерной войны не было выявлено (p=0,758). При этом были обнаружены значимые различия в показателях кожно-гальванической реакции, которая оказалась сильнее в ответ на тексты, посвященные угрозам искусственного интеллекта, таким как вторжение в личную жизнь, манипулирование и репрессии (W=0,07; χ^2=7,804;

p=0,020). Были выявлены различия в изменениях частоты сердечных сокращений (ЧСС): наиболее высокими показатели ЧСС оказались при чтении текстов, посвященных последствиям глобального изменения климата (SDNN RR: W=0,100; χ^2=7,579; p=0,023; SDNN HR: W=0,107; χ^2=8,119; p=0,017).

Полученные нами данные могут указывать на то, что информация о понятных испытуемым экзистенциальных рисках, относительно которых в обществе достигнут консенсус, вызывает наиболее сильные и осознаваемые переживания. Напротив, информация о рисках, последствия которых остаются неопределенными и по-разному оцениваются в обществе, сопровождается неосознаваемыми аффективными реакциями, указывающими на имплицитные процессы переработки значимой для личности информации.

Анализ Big Data для выявления особенностей переживания катастроф, связанных с глобальными рисками, пользователями социальной сети Twitter

На основе анализа Big Data нами были выявлены особенности переживания событий, связанных с глобальными рисками, пользователями социальной сети Twitter.

Для данного исследования был выбран известный набор данных CrisisLexT6[1] (Olteanu et al., 2014). Набор состоит из 60000 сообщений в социальной сети Twitter на английском языке, промаркированных по релевантности и сгруппированных по 6 чрезвычайным происшествиям, имевшим место в США, Канаде и Австралии в период с 2012 по 2013: теракт во время Бостонского Марафона (n=5648), взрыв нитрата аммония на заводе удобрений в Западном Техасе (n=5246), ураган Сэнди – один из крупнейших по разрушительности в истории США (n=6138), сверхмощный торнадо, ударивший по городу Мур в штате Оклахома (n=4827); наводнения в канадской Альберте, вызвавшие эвакуацию 100 тыс. жителей (n=5189); тропический циклон Освальд и связанные с ним наводнения в австралийском Квинсленде (n=5414). Для каждого происшествия из всех твитов, к нему относящихся, были выбраны только релевантные. Для психолингвистического анализа использовался пакет LIWC 2015 v. 1.6; также для анализа текстов была применена предобученная нейросетевая модель из фреймворка Flair от Zalando Research (Akbik et al., 2019).

1 URL: https://crisislex.org/data-collections.html.

Исходя из предыдущих исследований (Нестик, Журавлев, 2018), нами были сформулированы две гипотезы. Во-первых, в соответствии с теорией темпорального конструирования (Liberman, Trope, 2014), мы предположили, что обсуждение крупных природных катастроф в социальных сетях происходит на наиболее высоком уровне абстракции и в наибольшей степени связано с будущим, что будет проявляться в преобладании маркеров когнитивных процессов, а также в меньшей выраженности маркеров негативных эмоциональных переживаний и социальных отношений. Во-вторых, в соответствии с теорией управления ужасом смерти (Solomon, 1991) и теорией фокуса регуляции (Higgins, 1998; Vaughn, 2018; Гершкович и др., 2019), мы предположили, что природные катастрофы в большей степени, чем социальные, будут актуализировать групповую идентификацию и соблюдение норм, что будет проявляться в более частом употреблении местоимения «Мы» и маркеров мотива групповой аффилиации, а также абсолютистской лексики («всегда», «все»), лексики долженствования («следует», «должны») и отрицания («никогда»).

Выборка была разделена на две группы: твиты, связанные с антропогенными катастрофами (n=10894), и твиты по поводу природных бедствий (n=21568). Все выявленные нами различия значимы на уровне $p<0{,}001$, но показатель эффекта масштаба d Коэна оказался низким и колеблется в пределах от 0,10 до 0,28. Оказалось, что в сообщениях о теракте в Бостоне и взрыве на заводе удобрений преобладает ориентация на прошлое ($t=10{,}78$), тогда как в сообщениях о наводнениях, ураганах и торнадо преобладает ориентация на настоящее ($t=-18{,}31$) и будущее ($t=-8{,}61$). Как мы и предполагали, в сообщениях об антропогенных катастрофах меньше маркеров когнитивных процессов ($t=-7{,}61$) и больше маркеров негативных эмоций ($t=14{,}12$). В сообщениях о природных бедствиях чаще употребляются местоимения первого лица множественного числа ($t=-6{,}15$), в них больше лингвистических маркеров мотивации групповой принадлежности ($t=-10{,}51$), долженствования ($t=-15{,}88$), абсолютистской лексики ($t=-6{,}42$) и отрицания ($t=-8{,}24$).

Помимо теорий темпорального конструирования, управления ужасом смерти и фокуса регуляции, полученные данные могут иметь и другие объяснения. Преобладание в твитах о природных катастрофах лингвистических маркеров ориентации на будущее может объясняться тем, что интенсивность большинства природных бедствий

Таблица 4.3

Различия в выраженности психолингвистических характеристик сообщений в Твиттере, посвященных антропогенным (n=10894) и природным катастрофам (n=21568)

Категории лингвистических маркеров (по пакету LWIC) и примеры индикаторов	Тип катастрофы	M (% от всех слов)	SD	S.E.	t	df	p	Разность средних	S.E. разности средних	95% CI (ниж.; верх.)
Ориентация на прошлое (focus past): ago, did, talked	Антропогенные катастрофы	2,14	3,587	0,034	10,78	32460,00	***	0,438	0,041	0,358; 0,518
	Природные катастрофы	1,70	3,390							
Ориентация на настоящее (focuspresent): today, is, now	Антропогенные катастрофы	5,60	6,165	0,059	–18,31	32460,00	***	–1,427	0,078	– 1,579; –1,274
	Природные катастрофы	7,02	6,852							
Ориентация на будущее (focus future): may, will, soon	Антропогенные катастрофы	1,31	2,886	0,028	–8,61	32460,00	***	–0,326	0,038	– 0,400; –0,252
	Природные катастрофы	1,64	3,382							
Риск (risk): danger, doubt	Антропогенные катастрофы	0,50	1,738	0,017	–18,80	32460,00	***	–0,497	0,026	– 0,549; –0,446
	Природные катастрофы	0,99	2,470	0,017						
Когнитивные процессы (cogproc): cause, know, ought	Антропогенные катастрофы	5,02	6,078	0,058	–7,61	32460,00	***	–0,568	0,075	– 0,714; –0,422
	Природные катастрофы	5,59	6,475	0,044						

Негативные эмоции (negemo): hurt, ugly, nasty	Антропогенные катастрофы	3,03	4,373	0,042	14,12	32460,00	***	0,691	0,049	0,595; 0,787
	Природные катастрофы	2,34	4,052	0,028						
Местоимения 1 лица мн. ч. (we): we, us, our	Антропогенные катастрофы	0,56	1,961	0,019	−6,15	32460,00	***	−0,153	0,025	− 0,202; −0,104
	Природные катастрофы	0,72	2,201	0,015						
Мотивация групповой принадлежности (affiliation): ally, friend, social	Антропогенные катастрофы	1,70	3,518	0,034	−10,51	32460,00	***	−0,480	0,046	− 0,570; −0,391
	Природные катастрофы	2,18	4,062	0,028						
Долженствование (discrep): should, would	Антропогенные катастрофы	0,50	1,763	0,017	−15,88	32460,00	***	−0,424	0,027	− 0,477; −0,372
	Природные катастрофы	0,92	2,491	0,017						
Абсолютистская лексика (certain): always, never	Антропогенные катастрофы	0,87	2,306	0,022	−6,42	32460,00	***	−0,190	0,030	− 0,248; −0,132
	Природные катастрофы	1,06	2,623	0,018						
Отрицание (negate): no, not, never	Антропогенные катастрофы	0,63	2,036	0,020	−8,24	32460,00	***	−0,230	0,028	− 0,285; −0,175
	Природные катастрофы	0,86	2,533	0,017						

Примечание: *** – $p<0,001$.

нарастает постепенно, что дает возможность для прогнозирования и рекомендаций.

Если в твитах, посвященных непредвиденным социальным катастрофам, советы и предостережения составляют около 3%, то в твитах по поводу ураганов и землетрясений они составляют до 31% (Olteanu et al., 2015). Бóльшая ориентация на прошлое в обсуждении терактов и взрывов связана также с их более сильным травмирующим эмоциональным воздействием, запускающим посттравматический синдром у вторичных жертв (Tarabrina, Bykhovets, 2016). Выявленные нами различия в уровне эмоциональности сообщений о социальных и природных катастрофах хорошо согласуются с данными о том, что в социальных сетях при обсуждении непредвиденных антропогенных катастроф люди чаще говорят о человеческих жертвах и выражают сопереживание, чем при обсуждении природных бедствий (Olteanu et al., 2015).

Результаты нашего исследования переживания антропогенных и природных катастроф, проведенного с опорой на большие данные, указывают на то, что обсуждение уже случившихся или происходящих чрезвычайных ситуаций может оказывать влияние на психологические состояния и процессы, воздействующие в свою очередь на отношение к глобальным рискам.

Информация о происходящих природных бедствиях обладает большим потенциалом для сплочения, чем информация о социальных катастрофах, но при этом может в большей степени усиливать поддержку рестриктивных норм, приверженность радикальным решениям, ослабляя сопереживание потерпевшим. Между тем в условиях климатического кризиса особенно важным становится такое информирование о природных рисках, которое поддерживает межгрупповое доверие, готовность к нестандартным решениям и эмпатию.

ГЛАВА 5

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Проведенные нами ранее эмпирические исследования показывают, что готовность личности поддерживать те или иные действия, направленные на предотвращение глобальных угроз, определяется образом мира и представлениями об обществе (Нестик, Журавлев, 2018).

Были выделены три группы убеждений, выполняющих разные психологические функции при совладании с информацией о глобальных угрозах. Первая из них выполняет защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов: убежденность в несправедливости общества, недоверие к социальным институтам, а также убеждение в предопределенности судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения.

Вторая группа убеждений выполняет стабилизирующую функцию, способствует совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение приверженности групповым нормам: религиозность, ориентация на уважение к авторитетам, чистоту и святость в моральных оценках усиливают убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и более жесткому контролю за гражданами для предотвращения катастрофы. Консервативные убеждения способствуют повышению управляемости и мобилизации общества перед лицом беды, но при этом сдвигают общественное сознание к «ограничительным» мерам, которых может оказаться недостаточно. Так, например, один лишь рестриктивный подход к предотвращению техногенных рисков ослабляет социальное доверие и затрудняет публичный диалог, необходимый для выработки правил использования новых технологий.

Наконец, третья группа убеждений выполняет функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности. Относящиеся к этой группе убеждения в способности человека определять свое настоящее и будущее, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в социальную сложность, в наличие множества различных решений в одной и той же ситуации, а также вера в справедливость мира поддерживают ориентацию на прогнозирование и предотвращение глобальных угроз через сотрудничество, помогают не поддаваться соблазну упрощенных, популистских, радикальных решений. Именно опыт успешной кооперации, социальное доверие и ценность заботы о людях необходимо поддерживать при информировании о глобальных рисках.

До сих пор изучалась связь социальных норм, представлений о мире и политических убеждений с оценкой тех или иных конкретных глобальных рисков (см., напр.: Johnson, Swedlow, 2020; Kahan, 2012; van Valkengoed, Steg, 2019). Однако связь образа мира с различными характеристиками отношения личности к глобальным рискам в целом остается значительно менее изученной, особенно в кросс-культурных исследованиях.

Отношение к глобальным рискам, представления о мире и социальное доверие у российских, китайских и французских студентов

Для изучения связи между представлениями о мире и отношением к глобальным рискам нами в 2019 г. было проведено кросс-культурное исследование среди молодежи России (N=696; 35,6% – мужчины; средний возраст – 22,9; SD=6,09), Китая (N=272; 39,3% – мужчины; средний возраст – 20,6; SD=3,10)[1] и Франции (N=177; 32,9% – мужчины; средний возраст – 20,3; SD=2,90).

Для измерения отношения к глобальным рискам использовалась 28-пунктная сокращенная версия опросника «Отношение к глобальным рискам» Т. А. Нестика (Нестик, Журавлев, 2018). При апробации сокращенной версии на русскоязычной выборке (N=2244; 36% – мужчины; средний возраст – 22,8 при SD=6,6) были получены хорошие показатели соответствия (χ^2=672,372; df=258; CMIN/df=2,606; p<0,001; RMR=0,055; CFI=0,980; GFI=0,979; RMSEA=,027;

1 Авторы благодарят за помощь в сборе данных студентку факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова Ли Яньжань.

Hi 90=0,029; Pclose=1). Согласованность шкал краткой версии находится в пределах от 0,546 до 0,892. Аффективные компоненты отношения к глобальным рискам измеряются шкалой тревоги по поводу глобальных рисков (3, α Кронбаха =0,778; M=3,09; SD=1,122). К когнитивным компонентам относятся: убеждение в необходимости сотрудничества для предотвращения глобальных рисков (3, α Кронбаха =0,724; M=3,83; SD=0,937); фаталистическое игнорирование, то есть сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (3, α Кронбаха =0,674; M=2,99; SD=0,994); религиозный авторитаризм, то есть вера в возвращение к традиционным религиозным ценностям (3, α Кронбаха =0,563; M=2,17; SD=0,897); радикальные решения, то есть допустимость выживания одних за счет других (3, α Кронбаха =0,650; M=2,20; SD=0,961); негативное отношение к алармизму СМИ по поводу глобальных угроз (3, α Кронбаха=0,546; M=3,23; SD=0,892); апокалиптизм, то есть ожидание близкого конца человеческого рода (3, α Кронбаха =0,601; M=2,04; SD=0,859). К поведенческим компонентам относятся готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (4, α Кронбаха =0,892; M=2,94; SD=1,280), а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (3, α Кронбаха =0,849; M=2,20; SD=1,155).

Адаптация опросника «Отношение к глобальным рискам» на китайском и французском языках включала этап прямого и обратного перевода носителями языка. Апробация методики на китайской выборке (N=214; 39,3% – мужчины, средний возраст – 20,7 лет, SD=3,08) показала, что наиболее удачным является решение из 8 шкал, объединенных в 3 фактора, входящих в общую латентную переменную третьего уровня (χ^2=266,797; df=205; CMIN/df=1,301; p=0,002; RMR=0,034; CFI=0,995; GFI=0,918; RMSEA=0,038; Hi 90=0,050; Pclose=0,954). Шкала тревоги по поводу глобальных рисков была выделена в самостоятельный фактор (3, α=0,761; M=2,93; SD=0,946). Второй латентный фактор готовности к сотрудничеству для предотвращения глобальных рисков и действиям по защите себя и близких от их последствий объединил шкалы ориентации на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения (3, α=0,814; M=3,70; SD=0,925), готовности к участию в общественных мероприятиях для предотвращения глобальных рисков (4, α=0,789; M=3,55; SD=0,886) и готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (4, α=0,832; M=3,39; SD=0,878). Наконец, в ла-

тентный фактор фатализма вошли шкалы апокалиптизма (3, α=0,672; M=2,58; SD=0,902), ориентации на радикальные решения (3, α=0,773; M=2,41; SD=0,885), религиозного традиционализма (2, α=0,683; M=2,31; SD=1,010) и фаталистического игнорирования глобальных рисков (3, α=0,618; M=2,96; SD=0,790).

При апробации методики на французской выборке (N=170; 32,7% – мужчины; средний возраст 19,7, SD=4,1) удовлетворительного показателя стандартизированной RMR достичь не удалось. Наиболее пригодной оказалась модель, включающая семь шкал (χ^2=331,776; df=262; CMIN/df=1,266; p=0,002; RMR=0,136; CFI=0,956; GFI=0,880; RMSEA=0,038; Hi 90=0,051; Pclose=0,941). При этом в ходе конфирматорного факторного анализа шкала апокалиптизма была исключена из методики, так как показала низкую согласованность и незначимую дисперсию. Три шкалы вошли в модель в качестве самостоятельных факторов: религиозный традиционализм, то есть вера в необходимость возвращения к традиционным религиозным ценностям (2, α=0,763; M=1,99; SD=1,205); радикальные решения, то есть допустимость выживания одних за счет других (5, α=0,652; M=1,89; SD=0,724); фаталистическое игнорирование глобальных рисков (4, α=0,686; M=2,37; SD=0,881). Другие четыре шкалы были объединены в общий фактор ориентации на предотвращение глобальных рисков и защиту от их последствий: тревога по поводу глобальных рисков (4, α=0,704; M=3,68; SD=0,938); необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (4, α Кронбаха =0,724; M=3,63; SD=0,782); готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (4, α=0,867; M=3,40; SD=0,997), а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (3, α=0,779; M=2,55; SD=0,999).

Для измерения социально-психологических характеристик личности на русскоязычной выборке использовалась сокращенная версия методики «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации Н. Н. Лебедевой и А. Н. Татарко, а также «Опросник моральных оснований (MFQ)» Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. В исследовании на китайской и французской выборках использовалась сокращенная версия методики «Социальных аксиом» (Bond, Leung, 2010), ее адаптированная французская версия (Genoud, Ogay, 2007), а также адаптированные версии «Опросника моральных оснований» Дж. Хайдта на китайском и французском языках[1]. Для изме-

1 URL: https://moralfoundations.org/questionnaires.

рения веры в справедливый мир нами использовалась 6-балльная шкала «Общая вера в справедливость мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер и др., 2013; Dalbert, 1999), а также ее французская адаптированная версия (Bollmann et al., 2015). Для измерения веры в справедливый мир на китайской выборке использовалась 6-балльная шкала «Вера в справедливость для других людей в настоящем» (Zhou et al., 2015), представляющая собой китайскую адаптацию шкалы общей веры в справедливость мира К. Далберт.

Перед проведением статистической обработки все три выборки были перевзвешены для обеспечения сопоставимости по полу и возрасту. Анализ значимых различий по критерию Краскела–Уоллиса показал, что российские студенты в наибольшей степени ориентированы на необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков (см. таблицы 5.1–5.2). По сравнению с французскими и российскими студентами, китайская молодежь менее встревожена глобальными угрозами, однако более ориентирована на действия по защите себя и своих близких от их последствий ($p<0,001$). Французские студенты испытывают наибольшую тревогу по поводу глобальных угроз и менее склонны к фаталистическому игнорированию глобальных рисков, но при этом в меньшей степени поддерживают возврат к традиционным ценностям и радикальные решения для предотвращения катастрофы ($p<0,001$). По характеристикам образа мира также были выявлены значимые различия. Французские студенты в суждениях о социальных явлениях оказались в наибольшей степени ориентированными на либеральные моральные ценности, они характеризуются наименьшей значимостью чистоты и святости в моральных оценках ($p<0,001$) и наименьшей религиозностью ($p<0,027$). Китайские студенты в наибольшей степени ориентированы на консервативные ценности в моральных оценках ($p<0,001$), они в наименьшей мере верят в общую справедливость мира и характеризуются высоким показателем веры в контроль судьбы, но при этом демонстрируют наиболее высокое ингрупповое и аутгрупповое доверие, а также наименьшие показатели социального цинизма, то есть более склонны доверять социальным институтам ($p<0,001$). Образ мира российских студентов характеризуется наибольшей верой в справедливый мир, наиболее высокой социальной сложностью, наименьшим уважением к авторитетам и наибольшим социальным цинизмом ($p<0,001$). Полученные нами данные хорошо

Таблица 5.1

Различия в отношении к глобальным рискам
у российских, китайских и французских студентов

Характеристики отношения к глобальным рискам	Описательные статистики					Критерий Краскела–Уоллиса	
	Выборка	N	M	SD	RMSE	Средний ранг	χ^2 (p)
Тревога по поводу глобальных рисков	Россия	696	3,39	1,141	0,043	595,6	64,78 p<0,001
	Франция	177	3,67	0,926	0,070	682,9	
	Китай	272	2,92	0,936	0,057	443,66	
	Всего	1145	3,32	1,091	0,032		
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	Россия	696	3,94	0,866	0,033	621,77	45,224 p<0,001
	Франция	177	3,50	0,950	0,071	449,85	
	Китай	272	3,71	0,904	0,055	528,35	
	Всего	1145	3,82	0,904	0,027		
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	Россия	696	2,14	0,882	0,033	579,05	27,581 p<0,001
	Франция	177	1,96	1,226	0,092	463,86	
	Китай	272	2,32	0,998	0,061	628,53	
	Всего	1145	2,15	0,976	0,029		

Характеристики отношения к глобальным рискам	Описательные статистики					Критерий Краскела–Уоллиса	
	Выборка	N	M	SD	RMSE	Средний ранг	χ^2 (p)
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	Россия	696	2,18	1,009	0,038	567,63	41,558 p<0,001
	Франция	177	1,85	0,748	0,056	457,77	
	Китай	272	2,40	0,876	0,053	661,74	
	Всего	1145	2,18	0,957	0,028		
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	Россия	696	2,93	0,943	0,036	602,35	57,31 p<0,001
	Франция	177	2,34	0,885	0,067	400,66	
	Китай	272	2,92	0,790	0,048	610,05	
	Всего	1145	2,84	0,924	0,027		
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	Россия	696	3,33	0,931	0,035	550,88	15,478 p<0,001
	Франция	177	3,22	1,226	0,092	554,53	
	Китай	272	3,55	0,863	0,052	641,62	
	Всего	1145	3,37	0,973	0,029		
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	Россия	696	2,38	0,959	0,036	494,32	179,738 p<0,001
	Франция	177	2,42	1,117	0,084	524,15	
	Китай	272	3,35	0,875	0,053	806,12	
	Всего	1145	2,61	1,048	0,031		

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; RMSE – среднеквадратичная ошибка.

Таблица 5.2

Различия в характеристиках образа мира
у российских, китайских и французских студентов

Социально-психологические характеристики	Описательные статистики					Критерий Краскела–Уоллиса	
	Выборка	N	M	SD	RMSE	Средний ранг	χ^2 (p)
Общая вера в справедливый мир	Россия	696	3,13	1,028	0,039	619,39	37,164 p<0,001
	Франция	177	2,59	1,254	0,094	472,95	
	Китай	272	2,35	2,038	0,124	519,4	
	Всего	1145	2,86	1,409	0,042		
Шкала заботы (MFQ)	Россия	696	4,33	1,026	0,039	611,64	44,187 p<0,001
	Франция	177	4,26	1,173	0,088	598,87	
	Китай	272	3,99	0,830	0,050	457,29	
	Всего	1145	4,24	1,017	0,030		
Шкала справедливости (MFQ)	Россия	696	4,58	0,967	0,037	610,49	68,906 p<0,001
	Франция	177	4,57	1,241	0,093	645,47	
	Китай	272	4,16	0,863	0,052	429,9	
	Всего	1145	4,47	1,006	0,030		
Шкала лояльности (MFQ)	Россия	696	3,73	1,021	0,039	566,05	5,413 p=0,067
	Франция	177	3,65	1,111	0,083	542,3	
	Китай	272	3,87	0,824	0,050	610,75	
	Всего	1145	3,75	0,994	0,029		

Социально-психологические характеристики	Описательные статистики					Критерий Краскела–Уоллиса	
	Выборка	**N**	**M**	**SD**	**RMSE**	**Средний ранг**	χ^2 (p)
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	Россия	696	2,88	1,010	0,038	494,01	107,2 p<0,001
	Франция	177	3,36	1,118	0,084	650,37	
	Китай	272	3,69	1,128	0,068	724,76	
	Всего	1145	3,15	1,111	0,033		
Шкала чистоты и святости (MFQ)	Россия	696	4,09	1,104	0,042	627,38	83,684 p<0,001
	Франция	177	3,21	1,166	0,088	373,87	
	Китай	272	3,95	0,847	0,051	563,44	
	Всего	1145	3,92	1,103	0,033		
Прогрессивизм (MFQ)	Россия	696	0,88	0,805	0,031	632,09	136,678 p<0,001
	Франция	177	1,01	1,091	0,082	654,4	
	Китай	272	0,24	0,646	0,039	368,83	
	Всего	1145	0,75	0,871	0,026		
Социальный цинизм (SAS)	Россия	696	3,26	0,847	0,032	632,85	100,941 p<0,001
	Франция	177	3,08	1,148	0,086	605,65	
	Китай	272	2,77	0,599	0,036	398,61	
	Всего	1145	3,11	0,874	0,026		

Продолжение таблицы 5.2

Социально-психологические характеристики	**Описательные статистики**					**Критерий Краскела–Уоллиса**	
	Выборка	**N**	**M**	**SD**	**RMSE**	**Средний ранг**	χ^2 (p)
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	Россия	696	3,73	0,917	0,035	642,99	91,232 p<0,001
	Франция	177	3,33	1,177	0,088	529,05	
	Китай	272	3,25	0,715	0,043	422,51	
	Всего	1145	3,56	0,945	0,028		
Социальная сложность (SAS)	Россия	696	4,02	0,852	0,032	636,91	111,101 p<0,001
	Франция	177	3,76	1,291	0,097	602,08	
	Китай	272	3,51	0,683	0,041	390,54	
	Всего	1145	3,86	0,925	0,027		
Контроль судьбы (SAS)	Россия	696	2,26	0,998	0,038	529,02	59,702 p<0,001
	Франция	177	2,24	1,109	0,083	538,84	
	Китай	272	2,75	0,801	0,049	707,77	
	Всего	1145	2,37	0,995	0,029		
Религиозность (SAS)	Россия	696	2,67	1,138	0,043	566,33	7,234 p=0,027
	Франция	177	2,52	1,376	0,103	534,13	
	Китай	272	2,81	0,863	0,052	615,35	
	Всего	1145	2,68	1,124	0,033		

Социально-психологические характеристики	Описательные статистики					Критерий Краскела–Уоллиса	
	Выборка	**N**	**M**	**SD**	**RMSE**	**Средний ранг**	χ^2 (p)
Ингрупповое доверие (WVS)	Россия	696	3,44	0,743	0,028	540,82	17,611 p<0,001
	Франция	177	3,40	1,217	0,091	610,71	
	Китай	272	3,62	0,694	0,042	630,8	
	Всего	1145	3,48	0,827	0,024		
Аутгрупповое доверие (WVS)	Россия	696	2,35	0,868	0,033	500,92	93,91 p<0,001
	Франция	177	2,65	1,041	0,078	630,13	
	Китай	272	2,91	0,713	0,043	720,25	
	Всего	1145	2,53	0,895	0,026		

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; RMSE – среднеквадратичная ошибка.

согласуются с результатами международного исследования Edelman Trust Barometer, указывающего на высокое институциональное доверие в Китае и низкие его показатели в России (Edelman Trust, 2019).

Сопоставление результатов регрессионного анализа методом обратных шагов, проведенного на китайской, французской и российской выборках, показывает, что ряд социально-психологических характеристик личности являются инвариантными предикторами отношения к глобальным рискам во всех трех культурах (см. таблицы 5.3–5.5).

Так, предикторами *тревоги по поводу глобальных рисков* во всех трех группах респондентов оказалась тревога личности по поводу своего будущего (β=0,425 в Китае, β=0,251 во Франции и β=0,339 в России), глобальная идентичность (соответственно β=0,143, β=0,224 и β=0,200), а также феномены, связанные с недоверием к людям или социальным институтам: социальный цинизм (β=0,160 в Китае, β=0,183 во Франции) и низкое ингрупповое доверие в России (β=–0,127).

Предикторами убеждения в *необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения* глобальных рисков оказались глобальная идентичность (β=0,132 в Китае, β=0,231 во Франции и β=0,113 в России), а также феномены, связанные с толерантностью к неопределенности: социальная сложность (β=0,317 в Китае; β=0,352 во Франции) и прогрессивизм, то есть ориентация на либеральные моральные основания, в России (β=0,218).

Убеждение в необходимости *возвращения к традиционным религиозным ценностям для предотвращения катастрофы* во всех трех странах оказалось прямо связано с верой в контроль судьбы (β=0,387 в Китае, β=0,161 во Франции и β=0,102 в России) и обратно связано с ориентацией на либеральные моральные основания (соответственно β=–0,189, β=–0,319 и β=–0,304).

Среди предикторов *ориентации на радикальные решения,* то есть допустимость выживания одних за счет других, во Франции и России оказалось низкое внутригрупповое доверие (β=–0,210 во Франции и β=–0,109 в России) и социальный цинизм (β=0,164 в России). В Китае наиболее весомой детерминантой такой ориентации оказалась вера в контроль судьбы, то есть фаталистические установки (β=0,443).

Фаталистическое игнорирование, то есть сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой,

Таблица 5.3

Социально-психологические предикторы отношения к глобальным рискам у китайских студентов (N=272)

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Тревога по поводу глобальных рисков	R^2=0,382; (R=0,631; S. E.=0,736; F=24,903; p<0,001)	(Константа)	1,181	0,367		3,215	0,001
		Социальный цинизм (SAS)	0,249	0,084	0,160	2,983	0,003
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	–0,208	0,077	–0,158	–2,683	0,008
		Религиозность (SAS)	0,199	0,059	0,184	3,375	0,001
		Общая вера в справедливый мир	0,051	0,025	0,112	2,092	0,037
		Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,217	0,071	–0,165	–3,061	0,002
		Глобальная идентичность (GSI)	0,171	0,073	0,143	2,335	0,02
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,3	0,038	0,425	7,928	0
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	R^2=0,448 (R=0,681; S. E.=0,672; F=28,438; p<0,001)	(Константа)	0,888	0,347		2,556	0,011
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,143	0,073	0,113	1,971	0,05
		Социальная сложность (SAS)	0,419	0,073	0,317	5,762	0
		Контроль судьбы (SAS)	–0,196	0,059	–0,173	–3,311	0,001
		Религиозность (SAS)	–0,125	0,054	–0,120	–2,324	0,021
		Общая вера в справедливый мир	0,084	0,023	0,189	3,684	0
		Ингрупповое доверие (WVS)	0,202	0,081	0,155	2,488	0,013
		Аутгрупповое доверие (WVS)	0,117	0,069	0,092	1,698	0,091
		Глобальная идентичность (GSI)	0,152	0,072	0,132	2,108	0,036

Продолжение таблицы 5.3

Характеристики отношения к глобальным рискам	**R^2**	**Предикторы**	**B**	**S. E.**	**β**	**t**	**Знач.**
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	R^2=0,362 (R=0,612; S. E.=0,797; F=31,786; p<0,001)	(Константа)	1,275	0,368		3,463	0,001
		Социальная сложность (SAS)	–0,481	0,076	–0,329	–6,29	0
		Контроль судьбы (SAS)	0,483	0,069	0,387	6,996	0
		Религиозность (SAS)	0,371	0,062	0,321	6,032	0
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,291	0,085	–0,189	–3,437	0,001
		Аутгрупповое доверие (WVS)	0,147	0,074	0,105	1,98	0,049
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	R^2=0,373 (R=0,620; S. E.=0,694; F=33,202; p<0,001)	(Константа)	1,792	0,276		6,492	0
		Социальная сложность (SAS)	–0,431	0,065	–0,336	–6,659	0
		Контроль судьбы (SAS)	0,485	0,062	0,443	7,825	0
		Религиозность (SAS)	0,18	0,054	0,177	3,352	0,001
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,133	0,071	–0,098	–1,879	0,061
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,085	0,035	0,129	2,462	0,014
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	R^2=0,375 (R=0,624; S. E.=0,624; F=28,150; p<0,001)	(Константа)	1,576	0,309		5,097	0
		Контроль судьбы (SAS)	0,288	0,056	0,292	5,117	0
		Религиозность (SAS)	0,157	0,049	0,172	3,182	0,002
		Ингрупповое доверие (WVS)	0,149	0,072	0,131	2,072	0,039
		Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,205	0,064	–0,185	–3,221	0,001
		Глобальная идентичность (GSI)	–0,141	0,06	–0,14	–2,365	0,019
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,171	0,031	0,287	5,494	0

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	R^2=0,417 (R=0,655; S. E.=0,659; F=33,252; p<0,001)	(Константа)	0,609	0,297		2,053	0,041
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,21	0,069	0,173	3,02	0,003
		Социальная сложность (SAS)	0,275	0,07	0,218	3,923	0
		Религиозность (SAS)	−0,166	0,049	−0,166	−3,374	0,001
		Общая вера в справедливый мир	0,043	0,022	0,102	1,974	0,049
		Аутгрупповое доверие (WVS)	0,172	0,063	0,142	2,731	0,007
		Глобальная идентичность (GSI)	0,351	0,068	0,318	5,167	0
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	R^2=0,417 (R=0,655; S. E.=0,659; F=33,252; p<0,001)	(Константа)	1,557	0,336		4,63	0
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,134	0,075	0,109	1,79	0,075
		Контроль судьбы (SAS)	0,142	0,066	0,13	2,164	0,031
		Религиозность (SAS)	0,146	0,057	0,145	2,557	0,011
		Прогрессивизм (MFQ)	0,22	0,074	0,162	2,954	0,003
		Аутгрупповое доверие (WVS)	−0,263	0,071	−0,214	−3,691	0
		Глобальная идентичность (GSI)	0,188	0,07	0,169	2,702	0,007
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,174	0,036	0,264	4,794	0

Таблица 5.4

Социально-психологические предикторы отношения к глобальным рискам у французских студентов (N=177)

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Тревога по поводу глобальных рисков	R^2=0,165 (R=0,428; S. E.=0,847; F=9,867; p<0,001)	(Константа)	2,454	0,226		10,85	0
		Социальный цинизм (SAS)	0,145	0,07	0,183	2,066	0,04
		Контроль судьбы (SAS)	–0,145	0,071	–0,173	–2,044	0,042
		Глобальная идентичность (GSI)	0,188	0,063	0,224	2,986	0,003
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,149	0,044	0,251	3,416	0,001
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	R^2=0,333 (R=0,587; S. E.=0,799; F=30,974; p<0,001)	(Константа)	1,493	0,218		6,842	0
		Социальная сложность (SAS)	0,262	0,052	0,352	5,068	0
		Глобальная идентичность (GSI)	0,205	0,061	0,231	3,365	0,001
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,116	0,04	0,185	2,867	0,005
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	R^2=0,532 (R=0,742; S. E.=0,839; F=30,196; p<0,001)	(Константа)	1,415	0,232		6,111	0
		Социальная сложность (SAS)	–0,224	0,071	–0,24	–3,178	0,002
		Контроль судьбы (SAS)	0,177	0,091	0,161	1,959	0,052
		Религиозность (SAS)	0,612	0,067	0,694	9,067	0
		Общая вера в справедливый мир	–0,127	0,063	–0,13	–2,006	0,046
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,16	0,064	–0,142	–2,496	0,013
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,118	0,064	–0,116	–1,841	0,067
		Глобальная идентичность (GSI)	0,128	0,07	0,115	1,833	0,068

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	R^2=0,191 (R=0,462; S. E.=0,679; F=9,507; p<0,001)	(Константа)	1,55	0,197		7,869	0
		Социальная сложность (SAS)	0,106	0,055	0,183	1,927	0,056
		Контроль судьбы (SAS)	0,114	0,056	0,167	2,028	0,044
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,222	0,05	–0,319	–4,419	0
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,131	0,049	–0,21	–2,705	0,008
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,077	0,035	0,159	2,217	0,028
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	R^2=0,133 (R=0,378; S. E.=0,825; F=14,844; p<0,001)	(Константа)	2,438	0,183		13,32	0
		Контроль судьбы (SAS)	0,259	0,058	0,324	4,454	0
		Глобальная идентичность (GSI)	–0,254	0,059	–0,316	–4,339	0
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	R^2=0,426 (R=0,665; S. E.=0,941; F=27,752; p<0,001)	(Константа)	0,325	0,268		1,21	0,228
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,247	0,068	0,237	3,644	0
		Прогрессивизм (MFQ)	0,18	0,067	0,158	2,696	0,008
		Аутгрупповое доверие (WVS)	0,174	0,081	0,146	2,156	0,032
		Глобальная идентичность (GSI)	0,303	0,079	0,269	3,857	0
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,154	0,047	0,193	3,256	0,001
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	R^2=0,347 (R=0,601; S. E.=0,917; F=24,870; p<0,001)	(Константа)	0,264	0,237		1,114	0,267
		Религиозность (SAS)	0,179	0,051	0,219	3,48	0,001
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,111	0,065	–0,107	–1,728	0,086
		Глобальная идентичность (GSI)	0,348	0,067	0,338	5,193	0
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,219	0,046	0,302	4,785	0

Таблица 5.5

Социально-психологические предикторы отношения к глобальным рискам у российских студентов (N=696)

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Тревога по поводу глобальных рисков	R^2=0,196 (R=0,451; S. E.=1,018; F=25,482; p<0,001)	(Константа)	2,484	0,215		11,554	0
		Социальный цинизм (SAS)	–0,163	0,05	–0,130	–3,239	0,001
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,15	0,052	0,130	2,869	0,004
		Социальная сложность (SAS)	–0,15	0,057	–0,124	–2,657	0,008
		Религиозность (SAS)	0,123	0,037	0,126	3,309	0,001
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,178	0,054	–0,127	–3,294	0,001
		Глобальная идентичность (GSI)	0,228	0,044	0,200	5,157	0
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,264	0,03	0,339	8,812	0
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	R^2=0,151 (R=0,400; S. E.=0,795; F=18,942; p<0,001)	(Константа)	2,969	0,165		18,018	0
		Социальный цинизм (SAS)	–0,085	0,037	–0,089	–2,27	0,024
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,197	0,038	0,225	5,234	0
		Религиозность (SAS)	0,051	0,03	0,069	1,725	0,085
		Прогрессивизм (MFQ)	0,233	0,039	0,218	5,947	0
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,108	0,042	–0,101	–2,567	0,01
		Глобальная идентичность (GSI)	0,098	0,034	0,113	2,848	0,005
		Тревога по поводу будущего (DF)	0,065	0,023	0,109	2,757	0,006

Характеристики отношения к глобальным рискам	R^2	Предикторы	B	S. E.	β	t	Знач.
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	R^2=0,409 (R=0,645; S. E.=0,676; F=61,922; p<0,001)	(Константа)	1,7	0,135		12,603	0
		Социальный цинизм (SAS)	–0,072	0,035	–0,074	–2,074	0,038
		Социальная сложность (SAS)	–0,111	0,035	–0,119	–3,163	0,002
		Контроль судьбы (SAS)	0,088	0,029	0,102	2,983	0,003
		Религиозность (SAS)	0,269	0,026	0,355	10,149	0
		Общая вера в справедливый мир	0,141	0,028	0,172	5,074	0
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,331	0,034	–0,304	–9,612	0
		Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,092	0,031	–0,094	–2,941	0,003
		Глобальная идентичность (GSI)	0,101	0,029	0,115	3,441	0,001
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	R^2=0,044 (R=0,222; S. E.=0,986; F=9,106; p<0,001)	(Константа)	2,433	0,199		12,253	0
		Социальный цинизм (SAS)	0,183	0,042	0,164	4,322	0
		Общая вера в справедливый мир	–0,086	0,039	–0,091	–2,222	0,027
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,117	0,047	–0,094	–2,496	0,013
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,136	0,051	–0,109	–2,655	0,008
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	R^2=0,167 (R=0,417; S. E.=0,869; F=24,590; p<0,001)	(Константа)	1,833	0,159		11,508	0
		Социальный цинизм (SAS)	0,284	0,042	0,269	6,755	0
		Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,077	0,039	0,08	1,955	0,051
		Контроль судьбы (SAS)	0,2	0,037	0,214	5,365	0
		Религиозность (SAS)	–0,104	0,033	–0,126	–3,106	0,002
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,113	0,043	–0,096	–2,642	0,008
		Глобальная идентичность (GSI)	–0,145	0,036	–0,152	–3,981	0

Продолжение таблицы 5.5

Характеристики отношения к глобальным рискам	**R^2**	**Предикторы**	**B**	**S. E.**	**β**	**t**	**Знач.**
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	R^2=0,259 (R=0,515; S. E.=0,798; F=42,081; p<0,001)	(Константа)	2,497	0,163		15,353	0
		Социальный цинизм (SAS)	–0,09	0,037	–0,088	–2,428	0,015
		Контроль судьбы (SAS)	–0,097	0,034	–0,107	–2,837	0,005
		Религиозность (SAS)	0,157	0,03	0,197	5,222	0
		Прогрессивизм (MFQ)	0,229	0,039	0,199	5,848	0
		Ингрупповое доверие (WVS)	–0,098	0,04	–0,086	–2,435	0,015
		Глобальная идентичность (GSI)	0,392	0,034	0,42	11,685	0
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	R^2=0,216 (R=0,470; S. E.=0,847; F=39,783; p<0,001)	(Константа)	1,878	0,157		11,995	0
		Социальная сложность (SAS)	–0,184	0,039	–0,18	–4,731	0
		Общая вера в справедливый мир	0,177	0,033	0,198	5,303	0
		Прогрессивизм (MFQ)	–0,113	0,042	–0,095	–2,696	0,007
		Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,112	0,039	–0,105	–2,885	0,004
		Глобальная идентичность (GSI)	0,387	0,036	0,403	10,742	0

во всех трех странах оказалось обратно связано с выраженностью глобальной идентичности (β=–0,140 в Китае, β=–0,316 во Франции и β=–0,152 в России) и прямо связано с контролем судьбы (соответственно β=0,292, β=0,324 и β=0,214).

Предикторами *готовности участвовать в общественных инициативах,* направленных на предотвращение глобальных рисков, оказалась глобальная идентичность (β=0,318 в Китае, β=0,269 во Франции и β=0,420 в России), а также феномены, связанные с верой личности в способность влиять на свое будущее: вера в награду за усилия в Китае (β=0,173) и Франции (β=0,237), а также низкий контроль судьбы в России (β=0, – 107). Другим предиктором ориентации на совместные действия для предотвращения глобальных угроз оказались феномены, связанные с социальным доверием: аутгрупповое доверие в Китае (β=0,142) и Франции (β=0,146) и низкий социальный цинизм в России (β=–0,088).

Наконец, предикторами *готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких* во всех трех странах оказалась глобальная идентичность (β=0,169 в Китае, β=0,338 во Франции и β=0,403 в России), а также социально-психологические характеристики, связанные с ориентацией на консервативные ценности: религиозность в Китае (β=0,145) и Франции (β=0,219), а в России низкая социальная сложность (β=–0,180) и низкий прогрессивизм (β=–0,095). При этом в Китае и России предиктором ориентации на защиту себя и своих близких оказалось низкое доверие к другим социальным группам (соответственно β=–0,214 и β=–0,105).

Проведенное нами кросс-культурное исследование подтверждает предположение о существовании культурно-универсальных социально-психологических предпосылок отношения личности к глобальным рискам, к которым можно отнести силу глобальной идентичности, ориентацию на консервативные моральные ценности и уровень религиозности, а также убеждение в способности влиять на свое будущее. К специфическим, культурно обусловленным предикторам отношения к глобальным рискам можно отнести веру в справедливость мира и ориентацию на либеральные моральные основания.

Социально-психологические предикторы отношения к ядерной угрозе и оценки допустимости использования оружия массового уничтожения у российской и китайской молодежи

Для изучения социально-психологических предпосылок отношения личности к ядерной угрозе и оценки допустимости использования оружия массового уничтожения нами в 2019 г. было проведено кросскультурное исследование молодежи Китая (N=100; 36% – мужчины; средний возраст – 24 года)[1] и России (N=148; 55% – мужчины; средний возраст – 19,5 лет). Перед проведением статистических процедур выборки были перевзвешены для обеспечения сопоставимости по полу и возрасту.

Для выявления отношения к ядерной угрозе мы использовали адаптированный ранее «Опросник отношения к ядерным проблемам» М. Ньюкомба (Журавлев и др., 2016; Newcomb, 1986), включающий в себя три субшкалы: «Озабоченность угрозой ядерной войны» (Россия: N=632, 3 пункта, α Кронбаха=0,711; M=3,00; SD=1,098; Китай: N=100, α Кронбаха =0,613; M=3,28; SD=0,828), «Страх перед ядерной войной» (Россия: N=632, 2 пункта, α Кронбаха =0,695; M=1,74; SD=0,960; Китай: N=100, α Кронбаха =0,570; M=3,09; SD=0,903); «Поддержка развития ядерной энергетики» (N=632, 4 пункта, α Кронбаха =0,580; M=2,76; SD=0,831). Для оценки допустимости применения ядерного оружия была разработана шкала из 4 утверждений (например, «Использование ядерного оружия не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах», «Если существует угроза национальной безопасности, правительство имеет право пойти на применение ядерного оружия» и др.), согласие с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале (Россия: 4 пункта, N=464, α Кронбаха =0,707; M=2,34; SD=0,999; Китай: 3 пункта, N=100, α Кронбаха =0,640; M=2,82; SD=0,769).

Для измерения характеристик социальной идентичности нами использовалась «Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарленда в адаптации Т.А. Нестика (McFarland, Brown, Webb, 2013; Нестик, Журавлев, 2018; Россия: N=698, α Кронбаха =0,900; M=25,39; SD=7,42; Китай: N=100, α Кронбаха =0,830; M=2,93; SD=0,652). В каждом из 9 пунктов шкалы предлагается оценить по шкале от 1 до 5, насколько предложенное высказывание соответствует отношению

1 Авторы благодарят за помощь в сборе данных студентку факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Ли Яньжань.

респондентов к 1) своему ближайшему окружению, 2) гражданам их страны и 3) человечеству в целом. Для измерения культурных характеристик нами был выбран опросник Г. Хофстеда (в редакции Values Survey Module, 1994), имеющий как русскоязычную, так и китайскую версии. Также использовалась адаптированная нами методика «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton, Knox, Keilinwilliam, 1986; Журавлев и др., 2016).

На основании предшествующих исследований (Журавлев и др., 2016) нами было выдвинуто предположение о том, что оправданность нанесения опережающего ядерного удара прямо связана с фаталистическими установками и уровнем маскулинности. Кроме того, мы предположили, что тревога по поводу ядерной угрозы прямо связана с глобальной идентичностью.

Как показал анализ значимых различий, по сравнению с российскими студентами, представители китайской молодежи более озабочены ядерной угрозой ($Z=-2{,}605$), испытывают более выраженный страх по поводу ядерной войны ($Z=-8{,}986$) и в меньшей степени поддерживают развитие ядерной энергетики ($Z=-2{,}857$). Вместе с тем они более склонны считать допустимым нанесение превентивного ядерного удара ($Z=-3{,}571$). Китайские респонденты характеризуются более выраженной глобальной идентичностью ($Z=-3{,}206$), но при этом также более высокой идентификацией себя с гражданами своей страны ($Z=-3{,}518$). По культурным измерениям Г. Хофстеда нами также были выявлены значимые различия. Вопреки нашим ожиданиям, у представителей китайской молодежи оказался более низким, чем у россиян, уровень дистанции власти ($Z=-2{,}516$) и долгосрочной ориентации ($Z=-3{,}835$). Данные особенности могут объясняться особенностями выборки (городская молодежь), а также трансформацией ценностей у китайской молодежи, которую отмечают исследователи (Лю, Афонасенко, 2011; Chen, French, 2008).

Линейный регрессионный анализ по китайской выборке ($R=0{,}613$; $R^2=0{,}375$; $F=9{,}178$; $p<0{,}001$) показал, что предикторами оправданности применения ядерного оружия является страх по поводу возможности ядерной войны ($\beta=0{,}192$), поддержка ядерной энергетики ($\beta=0{,}207$), низкое избегание неопределенности по методике Г. Хофстеда ($\beta=-0{,}208$), низкий «гедонизм» по методике С. Гамильтона, то есть стремление успеть перед концом света взять

Таблица 5.6

Отношение к ядерной угрозе и социально-психологические характеристики у представителей китайской и российской молодежи

Социально-психологические характеристики	Китай (N=100)		Россия (N=148)		Значимость различий			
	M	SD	M	SD	U Манна–Уитни	W Вилкоксона	Z	p
Озабоченность ядерной угрозой	3,28	0,838	3,01	1,086	5963,5	16989,5	–2,605	0,009
Страх по поводу ядерной войны	3,09	0,903	1,84	0,945	2499,5	13525,5	–8,986	0
Поддержка развития ядерной энергетики	2,93	0,584	3,13	0,829	5826,5	10876,5	–2,857	0,004
Оправданность применения ядерного оружия	2,82	0,769	2,41	0,954	5428,5	16454,5	–3,571	0
Глобальная идентификация	2,93	0,652	2,58	0,906	5625,5	16651,5	–3,206	0,001
Идентификация с людьми из непосредственного круга общения	3,80	0,633	4,12	0,795	5167,5	10217,5	–4,035	0
Идентификация с гражданами своей страны	3,17	0,653	2,81	0,836	5453	16479	–3,518	0
Дистанция власти	13,50	46,567	28,11	53,532	6006,5	11056,5	–2,516	0,012
Индивидуализм	89,93	44,890	79,85	54,687	6585,5	17611,5	–1,473	0,141
Маскулинность	54,09	76,111	70,27	96,854	6383	11433	–1,837	0,066
Избегание неопределенности	55,32	58,185	62,04	77,103	7277	12327	–0,222	0,824
Долгосрочная ориентация	43,59	23,209	55,56	22,191	5363,5	10413,5	–3,835	0

от жизни все (β=–0,155), высокая «поддержка устрашения», то есть вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну (β=0,169) и «фаталистический теизм», то есть убеждение, что «все в руках Господа» (β=0,350).

Регрессионный анализ на российской выборке (R=0,437; R^2=0,191; F=6,720; p<0,001) показал, что оправданность применения ядерного оружия связана с низкой озабоченностью ядерной угрозой (β=–0,171), «поддержкой устрашения», то есть верой в то, что угроза ответного удара предотвратит войну (β=0,150), «элиминационизмом», то есть убеждением, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли упреждающим ядерным ударом (β=0,250), «надеждой на выживание», то есть верой в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну (β=0,141). При этом поддержка применения ядерного оружия выше среди мужчин, чем среди женщин (β=–0,176).

Предикторами страха по поводу ядерной войны (R=0,471; R^2=0,222; F=9,010; p<0,001) у китайских респондентов являются маскулинность (β=0,326), «гедонизм», то есть стремление успеть перед концом света взять от жизни все (β=0,276), а также «надежда на выживание», то есть вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну (β=0,276).

У российских студентов страх возможной ядерной войны связан (R=0,529; R^2=0,280; F=5,969; p<0,001) с низкой глобальной идентификацией (β=–0,194) при высокой идентификации с гражданами своей страны (0,261), «поддержкой устрашения», то есть верой в то, что угроза ответного удара предотвратит войну (β=0,140), низкой дистанцией власти (β=–0,236) и высоким избеганием неопределенности (β=0,236), низким «романтизмом», то есть неверием в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта (β=–0,162), при низком «фаталистическом гедонизме», то есть низком стремлении успеть перед концом света взять от жизни все (β=–0,170) и высоком «фаталистическом альтруизме», то есть признанием своей неспособности предотвратить ядерную войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя (β=0,156). Кроме того, страх ядерной войны выше у женщин, чем у мужчин (β=0,320).

Таким образом, первая наша гипотеза частично подтвердилась: наличие фаталистических установок среди предикторов оправданности использования ядерного оружия у китайских респондентов хорошо согласуется с результатами наших предшествующих иссле-

Таблица 5.7

Предикторы оправданности применения ядерного оружия у представителей китайской молодежи

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	1,102	0,412		2,676	0,009
Страх по поводу ядерной войны	0,165	0,076	0,192	2,166	0,033
Поддержка развития ядерной энергетики	0,273	0,118	0,207	2,326	0,022
Избегание неопределенности	–0,003	0,001	–0,208	–2,448	0,016
«Фаталистический гедонизм» (стремление успеть перед концом света взять от жизни все)	–0,107	0,06	–0,155	–1,777	0,079
«Поддержка устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну)	0,113	0,062	0,169	1,825	0,071
«Фаталистический теизм» (убеждение, что «все в руках Господа»)	0,223	0,057	0,35	3,926	0

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$, $R=0,613$, $R^2=0,375$, $F=9,178$.

Таблица 5.8

Предикторы оправданности применения ядерного оружия у представителей российской молодежи

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	2,339	0,374		6,257	0
Озабоченность ядерной угрозой	–0,15	0,069	–0,171	–2,185	0,031
«Поддержка устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну)	0,113	0,058	0,15	1,939	0,055
«Элиминационизм» (убеждение, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли упреждающим ядерным ударом)	0,207	0,064	0,25	3,215	0,002
«Надежда на выживание» (вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну)	0,101	0,055	0,141	1,822	0,071
Пол респондента	–0,334	0,144	–0,176	–2,322	0,022

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$, $R=0,437$, $R^2=0,191$, $F=6,720$.

Таблица 5.9

Предикторы страха по поводу возможности ядерной войны у представителей китайской молодежи

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	1,517	0,356		4,266	0
Маскулинность	0,004	0,001	0,326	3,473	0,001
«Фаталистический гедонизм» (стремление успеть перед концом света взять от жизни все)	0,191	0,075	0,239	2,547	0,012
«Надежда на выживание» (вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну)	0,224	0,074	0,276	3,029	0,003

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0{,}001$, $R=0{,}471$, $R^2=0{,}222$, $F=9{,}010$.

дований, проведенных на более крупных российских молодежных выборках: фатализм в сочетании с верой в возможность выживания и сильной гражданской идентичностью являются элементами «синдрома сторонника ядерной атаки» (Журавлев и др., 2016). Проведенный нами анализ показывает, что тревога по поводу ядерной угрозы оказывает разнонаправленное влияние на допустимость использования ядерного оружия: в Китае она усиливает готовность к превентивному удару, тогда как в России, напротив, чем выше тревога в связи с гонкой вооружений, тем менее оправданным кажется их использование. Учитывая более высокий уровень этой тревоги среди китайских респондентов, можно предположить нелинейную связь между тревогой по проводу войны и готовностью к радикальным решениям. Пока вероятность войны оценивается низко, тревога перед ней снижает оправданность применения ядерного оружия, когда же вероятность оценивается как высокая, тревога начинает повышать поддержку крайних мер. Данное предположение нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке.

Избегание неопределенности выполняет схожие психологические функции и в России, и в Китае, снижая ориентацию на радикальные решения: если среди китайской молодежи оно снижает оправданность применения ядерного оружия, то среди российских респондентов оно же повышает страх ядерной войны, негативно связанный с оправданностью ядерного удара. Это хорошо согласуется

Таблица 5.10

Предикторы страха по поводу возможности ядерной войны у представителей российской молодежи

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	0,839	0,424		1,98	0,05
Глобальная идентификация	–0,202	0,114	–0,194	–1,766	0,08
Идентификация с гражданами своей страны	0,295	0,122	0,261	2,409	0,017
Дистанция власти	–0,004	0,001	–0,236	–3,171	0,002
Избегание неопределенности	0,003	0,001	0,236	3,233	0,002
«Романтизм, то есть вера в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта	–0,128	0,061	–0,162	–2,094	0,038
«Фаталистический гедонизм» (стремление успеть перед концом света взять от жизни все)	–0,136	0,061	–0,170	–2,248	0,026
«Поддержка устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну)	0,105	0,056	0,140	1,868	0,064
«Фаталистический альтруизм» (признание своей неспособности предотвратить ядерную войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя)	0,114	0,056	0,156	2,024	0,045
Пол респондента	0,602	0,14	0,320	4,312	0

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0{,}001$, $R=0{,}529$, $R^2=0{,}280$, $F=5{,}969$.

с кросс-культурными исследованиями, указывающими на то, что избегание неопределенности снижает готовность к рискованным решениям (Xie et al., 2018).

Вопреки нашим ожиданиям, маскулинность, то есть установка на конкуренцию, не связана с оправданностью нанесения ядерного удара ни в Китае, ни в России. Однако она оказалась среди предикторов страха ядерной войны у китайских респондентов, повышающего оправданность использования ядерного оружия. По-видимому, маскулинность влияет не на моральную оценку ядерной войны, а на оценку напряженности в международных отношениях. Также не подтвердилась наша гипотеза о том, что отношение к ядерной

угрозе прямо связано с уровнем глобальной идентичности. Такая связь была обнаружена только на российской выборке, и она оказалась обратной. Наоборот, возможность ядерной войны вызывает тем большую тревогу, чем выше личностная идентификация себя со своей страной. Можно предположить, что в отличие от отношения к природным глобальным рискам (Нестик, Журавлев, 2018), тревога по поводу ядерной угрозы обостряется в ситуации межгрупповой напряженности, противопоставления «Мы» и «Они».

В целом проведенное исследование позволяет выделить ряд универсальных предикторов отношения личности к ядерной угрозе, к числу которых можно отнести уровень фатализма, тревогу по поводу возможного применения ядерного оружия, уровень избегания неопределенности, а также веру в возможность выживания в ядерной войне.

ГЛАВА 6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАДЕЖДЫ И ОПТИМИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

Надежда и оптимизм как социально-психологические явления

Массовые риски и угрозы в современном мире закономерно приобретают глобальный характер. Адекватная реакция на них, сохранение жизнестойкости, способности совладания с угрозами становятся важнейшими факторами поддержания ресурсов жизнедеятельности личности и групп. Влияние глобальных явлений и процессов на социально-психологические характеристики личности и группы изучались в мировой и отечественной социальной психологии (напр.: Емельянова, Белых, 2019; Журавлев, Нестик, Соснин, 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Joffe, 2003; Reese et al., 2015; Smith, Leiserowitz, 2014; Turchin, Denkenberger, 2018; Zollo, Quattrociocchi, 2018; и др.). Как было показано, существующие глобальные риски (техногенные, экологические, эпидемические и др.) в условиях недостатка информации или, наоборот, информационных перегрузок могут негативно отразиться на психическом и психологическом здоровье людей. В связи с этим актуальной задачей становится изучение социально-психологических факторов оптимистичного восприятия будущего в условиях глобальных рисков и угроз.

Оптимизм является традиционным предметом изучения не только в психологии (Джидарьян, 2001; Муздыбаев, 2003; Посохова, 2009, Селигман, 2013; и др.), но и в поведенческой экономике (Балацкий, 2010; Кесельман, Мацкевич, 1998; и др.), культурологии (Канаш, 2013; Темницкий, 2016; Bennett, 2011) и в социологии (Горбачева и др., 2018; Зарубина, 2016; и др.). В социогуманитарных науках оптимизм трак-

---

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Емельянова Т. П., Нестик Т. А., Белых Т. В.* Социально-психологические факторы надежды и оптимизма в условиях глобальных рисков: поколенческий подход // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 28–39.

туется как своеобразное расширение границ позитивного (Посохова, 2009, с. 13), как показатель, характеризующий «веру в завтрашний день» (Горбачева и др., 2018, с. 119). К. Муздыбаев считает, что оптимистами нужно считать людей, придерживающихся в целом положительных ожиданий в жизни (Муздыбаев, 2003, с. 88).

Было выделено и описано несколько разновидностей феномена оптимизма в сфере социальных отношений (Канаш, 2013). Употребляемый в общественных науках термин «социальный оптимизм» используется преимущественно для обозначения уровня удовлетворенности актуальным и ожидаемым благополучием, для оценки общего позитивного восприятия жизни у индивидов и их групп (Посохова, 2009, с. 119).

С оптимизмом тесно связан феномен надежды (Климонтова и др., 2015; Муздыбаев, 1999). Ряд специалистов трактует надежду, как составную часть оптимизма. Однако надежду правомерно рассматривать и как самостоятельный феномен. С нашей точки зрения, оптимизм можно трактовать как личностную и групповую диспозиционную характеристику, а надежду – как один из компонентов образа будущего (Нестик, 2014). На макросоциальном уровне оптимизм и надежда обусловлены условиями жизни общества и групп: безопасностью, свободой, справедливостью, благосостоянием (Канаш, 2013). Еще на заре социологии Э. Дюркгейм считал надежду существенным человеческим ресурсом в ситуации общественной аномии (Дюркгейм, 1996). Оптимизм и надежда детерминируются множеством социальных, экономических, социально-психологических и национально-культурных факторов. По мнению Т. В. Канаш, существуют различия в детерминации надежды и оптимизма в западных и восточных культурах: в западных культурах они базируются на активности и самостоятельности людей, а в восточных – на ожидании реализации желаний и вере в лучшее будущее (Канаш, 2013). Как было неоднократно показано в эмпирических исследованиях, социально-демографические факторы, в частности, возраст людей, детерминируют уровень социального оптимизма – молодое поколение значимо опережает по этому показателю старшие поколения (Темницкий, 2016). Однако это не универсальный фактор, он корректируется национально-культурными характеристиками. По данным А. Л. Темницкого, «в России так же, как в Болгарии и Украине, с возрастом снижаются уровни оптимизма, а в Финляндии и ряде других стран (Швейцарии, Норвегии, Германии) такой закономерности не наблюдается» (там же, с. 24).

Вопрос о факторах оптимистичного восприятия будущего своей страны является актуальным, особенно в условиях социальной турбулентности. Выявление социально-психологических предикторов оптимизма и надежды позволит лучше понять механизмы этих явлений.

Социально-психологические механизмы позитивного и негативного восприятия будущего России в условиях глобальных рисков

Целью исследования явилось изучение социально-психологических механизмов позитивного и негативного восприятия будущего России. В рамках исследования мы ставили перед собой несколько *задач:* 1) выявить социально-демографические характеристики респондентов с позитивным и негативным восприятием будущего России; 2) доказать связь особенностей восприятия будущего России с социальной идентичностью, отношением личности к глобальным угрозам, рискам и катастрофам, способами совладания с угрозами и ответственностью; 3) выявить предикторы социального оптимизма у представителей трех поколений россиян.

Исследование проводилось с применением следующих *методик*. Анкета была разработана авторами совместно с исследовательской группой ЦИРКОН (2019)[1]. Опросник включает в себя следующие блоки: социально-демографические характеристики, удовлетворенность материальным положением и его прогноз, отношение к глобальным угрозам, рискам и катастрофам, способы совладания с угрозами, ответственность. Для измерения отношения личности к глобальным рискам использовалась сокращенная версия опросника Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018). При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS v. 20.0.

Исследование было проведено среди жителей следующих федеральных округов: Сибирский (Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область, Красноярский край, Томская область), Центральный (Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Москва и Московская область, Тульская область), Южный (Волгоградская область, Краснодарский край, Крым), Северо-Западный (Вологодская область, Калининградская область, Мурманская область, Санкт-Петербург), Северо-Кавказ-

1 Авторы выражают благодарность И. В. Задорину и коллективу ИГ «Циркон» за помощь в разработке анкеты и сборе данных.

ский (Карачаево-Черкесская область, Ставропольский край), Приволжский (Нижегородская область, Республика Татарстан, Самарская область, Удмуртская область), Дальневосточный (Приморский край, Хабаровский край), Уральский (Свердловская область, Челябинская область). В исследовании приняли участие 1600 респондентов. По модальности чувств в отношении будущего (один из вопросов анкеты «Какие чувства у вас вызывает будущее нашей страны через 5–6 лет»? – пять вариантов ответов) респонденты были разделены на пять групп (таблица 6.1).

Таблица 6.1

Количественные характеристики общей выборки исследования

Количественные характеристики	**Чувства, возникающие при мыслях о будущем страны через 5–6 лет**				
	Скорее страх и опасения	Скорее надежду и уверенность	Что-то среднее между страхом и уверенностью	Никаких подобных чувств не испытываю	Затрудняюсь ответить
Количество	352	461	504	229	54
Доля в выборке	22,0%	28,8%	31,5%	14,3%	6,4%

Из общего массива были выбраны данные респондентов, испытывающих «скорее надежду и уверенность» (N=461) и «скорее страх и опасения» (N=352), составивших подвыборку (N=813 человек), из которых 45,4% – мужчины, 54,6% – женщины в возрасте от 18 до 92 лет.

Первый этап исследования был посвящен анализу социально-демографических характеристик респондентов двух групп. Результаты представлены в таблице 6.2.

Полученные данные свидетельствуют о том, что позитивное восприятие будущего России чаще встречается среди мужчин, чем среди женщин ($p<0,010$), а также среди молодежи ($p<0,010$). Для представителей старшего возраста (45–59 лет), напротив, в большей степени характерно негативное представление будущего, внушающее страх и опасения. Между группами респондентов с позитивным и негативным восприятием будущего не выявлено значимых различий по уровню образования и сферам занятости населения.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в группе с оптимистичным восприятием будущего чаще встречаются ре-

Таблица 6.2

Социально-демографические характеристики респондентов с позитивным или негативным восприятием будущего России (N=813)

Социально-демографические характеристики	**Негативное восприятие будущего (N=352)**		**Позитивное восприятие будущего (N=461)**		**Значимость различий**	
	N	%	n	%	φ*	p
Пол						
Мужской	137	38,9	232	50,3	3,251	0,010
Женский	215	61,1	229	49,7	3,251	0,010
Возрастные группы						
18–24 года	31	8,8	92	20,0	4,592	0,010
25–34 года	61	17,3	94	20,4	1,116	–
35–44 года	61	17,3	69	15,0	0,890	–
45–59 лет	107	30,4	107	23,2	2,303	0,050
60 лет и старше	92	26,0	99	21,4	1,526	–
Состав семьи (из кого, кроме вас, состоит ваша семья) – сделано несколько выборов каждым респондентом						
Больше ни из кого, я одинок/одинока	66	13,0	65	9,6	1,839	0,050
Еще супруга/супруги	206	40,6	249	36,8	1,154	–
Еще дети	157	31,0	204	30,1	0,375	–
Еще родители (или один из родителей)	47	9,3	88	13,0	1,912	0,050
Еще родители супруга/супруги (или один из родителей)	4	0,8	10	1,5	1,41	–
Еще другие родственники более старших поколений (дедушки, бабушки, дяди, тети и т. п.)	7	1,4	6	0,9	0,800	–
Еще другие родственники моего поколения (братья, сестры и т. п.)	9	1,8	19	2,8	1,790	–
Еще другие родственники более младшего поколения (племянники, зятья, свекрови и т. п.)	5	1,0	18	2,7	2,213	0,050
Затрудняюсь ответить	6	1,2	18	2,7	1,773	–

Продолжение таблицы 6.2

Социально-демографические характеристики	Негативное восприятие будущего (N=352)		Позитивное восприятие будущего (N=461)		Значимость различий	
	N	%	n	%	φ*	p
Статус населенного пункта						
Столичный город	70	19,9	69	14,8	1,837	0,050
Областной центр	70	19,9	114	24,7	1,625	–
Районный центр, малый город, поселок городского типа	97	27,6	132	28,6	0,325	–
Сельский населенный пункт	106	30,1	125	27,1	0,932	–
Затрудняюсь ответить	9	2,5	21	4,8	1,523	–

Примечание: n – количество респондентов в подгруппе; % – доля респондентов, входящих в подгруппу; φ* – значение критерия углового преобразования Фишера; p – уровень значимости различий.

спонденты, проживающие с родителями или с другими родственниками более младшего поколения (племянники, зятья, свекрови и т. п.). Одинокие люди и жители столичных городов чаще встречаются в группе с негативным восприятием будущего ($p<0,050$).

Следующий блок исследования был посвящен оценке отношения респондентов к своему социальному статусу и оценке удовлетворенности жизнью. Результаты сравнения по U-критерию Манна–Уитни представлены в таблице 6.3.

Полученные данные свидетельствуют о том, что люди, которые могут себе позволить товары длительного пользования, но покупка новой машины пока для них невозможна, чаще встречаются в группе с позитивным восприятием будущего ($p<0,010$). В группе респондентов с негативным восприятием будущего России значительно чаще встречаются люди с недостатком денег на еду или одежду ($p<0,010$).

Удовлетворенность жизнью значимо выше в группе с позитивным восприятием будущего ($p<0,010$). Респонденты этой группы значимо чаще оценивают свое материальное положение как среднее, хорошее или очень хорошее ($p<0,010$, $p<0,010$, $p<0,050$ соответственно). Респонденты с негативным восприятием будущего значимо чаще оценивают свое материальное положение как плохое и очень плохое

Таблица 6.3

Оценка отношения к своему социальному статусу респондентов с позитивным или негативным восприятием будущего России (N=813)

Отношение к социальному статусу	**Негативное восприятие будущего (N=352)**		**Позитивное восприятие будущего (N=461)**		**Значимость различий**	
	N	%	n	%	φ*	p
Материальное положение						
Не хватает денег даже на еду	21	6,0	7	1,5	3,518	0,010
Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	89	25,3	46	10,0	5,792	0,010
Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна	163	46,3	230	49,9	1,017	–
Можем позволить себе товары длительного пользования, но покупка новой машины пока невозможна	55	15,6	120	26,0	3,645	0,010
Можем позволить себе практически всё, кроме покупки квартиры или дачи	14	4,0	28	6,1	1,356	–
Можем позволить себе всё, в том числе покупку квартиры или дачи	2	0,6	6	1,3	1,045	–
Затрудняюсь ответить	8	2,2	24	5,2	2,204	0,050
Удовлетворенность жизнью						
Вполне удовлетворен	51	14,5	103	22,4	2,868	0,010
Скорее удовлетворен	135	38,4	271	58,8	5,807	0,010
Скорее не удовлетворен	125	35,5	72	15,6	6,569	0,010
Совершенно не удовлетворен	34	9,6	8	1,7	5,241	0,010
Затрудняюсь ответить	7	2,0	7	1,5	0,537	–
Оценка материального положения						
Очень хорошее	3	0,9	14	3,0	2,232	0,050
Хорошее	48	13,6	126	27,3	4,874	0,010

Продолжение таблицы 6.3

Отношение к социальному статусу	**Негативное восприятие будущего (N=352)**		**Позитивное восприятие будущего (N=461)**		**Значимость различий**	
	N	%	n	%	φ*	p
Среднее	185	52,6	280	60,7	2,303	0,010
Плохое	98	27,8	33	7,3	8,025	0,010
Очень плохое	17	4,8	6	1,3	3,009	0,050
Затрудняюсь ответить	1	0,3	2	0,4	0,240	–
Прогноз материального положения через год						
Безусловно лучше	11	3,1	47	10,2	4,182	0,010
Наверное, лучше	62	17,6	179	38,8	6,767	0,010
Так же, как и сейчас	150	42,6	175	38,0	1,328	–
Наверное, хуже	70	19,9	27	5,9	6,131	0,010
Безусловно, хуже	26	7,4	0	0	–	–
Затрудняюсь ответить	33	9,4	33	7,2	1,130	–

($p<0,010$, $p<0,050$ соответственно). Позитивный прогноз на материальное положение через год чаще дают респонденты с оптимистичным настроем на будущее ($p<0,010$), ожидают ухудшение материального положения чаще респонденты с негативным восприятием будущего ($p<0,010$).

Следующий этап исследования был посвящен выявлению структуры социальной идентичности у респондентов с позитивным и негативным восприятием будущего. Респондентам предлагалось выбрать из списка вариант того, кем они лично себя чувствуют (ощущают) в первую очередь. Результаты представлены в таблице 6.4.

В структуре социальной идентичности у всех респондентов первые ранговые места занимают россияне и жители города, села, поселка, района. При этом респонденты с позитивным восприятием будущего значительно чаще ассоциируют себя с россиянами ($p<0,010$), а респонденты с негативным восприятием будущего – с жителями города, села, поселка, района ($p<0,050$).

В таблице 6.5 представлены результаты исследования связи ряда социально-психологических характеристик респондентов (оза-

Таблица 6.4

Структура социальной идентичности у респондентов с позитивным или негативным восприятием будущего России (N=813)

Объекты идентичности	Негативное восприятие будущего (N=352)		Позитивное восприятие будущего (N=461)		Значимость различий	
	n	%	n	%	φ*	p
Жители города, села, поселка, района	133	37,8	144	31,2	1,964	0,050
Жители региона (области, края, республики)	25	7,1	37	8,0	0,494	–
Россиянин, гражданин России	145	41,2	240	52,1	3,094	0,010
Гражданин СНГ, Союза стран бывшего СССР	13	3,7	10	2,2	1,257	–
Европеец, житель Европы	3	0,9	3	0,7	0,311	–
Азиат, житель Азии	0	0	2	0,4	–	–
Гражданин мира, житель планеты Земля	18	5,1	18	3,9	0,819	–
Затрудняюсь ответить	15	4,2	7	1,5	2,430	0,010

боченность будущим страны, доверие, идентичность) с позитивным и негативным восприятием будущего России.

Согласно представленным данным, у респондентов с позитивным восприятием будущего в большей степени выражены идентификация с человечеством ($p<0,001$), гордость за российское гражданство ($p<0,001$), связь будущего с судьбой своего города ($p<0,010$), доверие к людям и институциональное доверие ($p<0,001$).

Следующий блок исследования посвящен оценке отношения к глобальным угрозам, рискам и катастрофам по методике «Отношение к глобальным рискам» в двух группах респондентов. Значимые различия вычислялись по U-критерию Манна–Уитни. Результаты показывают, что респонденты обеих групп обеспокоены экологическими и природными рисками. При этом респонденты с позитивным восприятием меньше тревожатся по поводу возможности вооруженных конфликтов ($p<0,050$), они значимо меньше обеспокоены глобальными экологическими угрозами ($p<0,010$),

Таблица 6.5

Единение с людьми и доверие респондентов с позитивным и негативным восприятием будущего России (N=813)

Шкалы	Негативное восприятие будущего (N=352)		Позитивное восприятие будущего (N=461)		Значимость различий	
	M	SE	M	SE	U	p
Идентификация с человечеством	2,79	0,08	3,24	0,06	57882,5	0,001
Гордость за российское гражданство	3,53	0,07	4,04	0,05	61828,0	0,001
Связь будущего с судьбой своего города	3,52	0,08	3,89	0,05	68376,0	0,002
Доверие к людям	2,83	0,07	3,43	0,05	57508,0	0,001
Институциональное доверие	2,21	0,07	3,10	0,06	46534,0	0,001
Озабоченность будущим России	3,46	0,07	3,56	0,05	75420,0	0,444

Примечание: M – среднее значение; SE – стандартная ошибка среднего; U – значение U-критерия Манна–Уитни; p – уровень значимости различий.

а также перспективами экономического упадка и криминализации ($p<0,001$), чем респонденты с негативным восприятием будущего России. Данные свидетельствуют о том, что у респондентов, настроенных на лучшее будущее, значимо меньше выражена тревога по поводу любых глобальных рисков ($p<0,001$) и в большей степени проявляются понимание необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения рисков ($p<0,050$), фаталистическое игнорирование угроз – сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой ($p<0,001$), готовность к радикальным решениям ($p<0,001$), вера в возможность выживания в глобальной катастрофе при соответствующей подготовке ($p<0,010$), готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких ($p<0,050$), готовность к действиям для предотвращения глобальных рисков и защиты от их последствий себя и своих близких ($p<0,050$), чем у респондентов с негативным восприятием будущего.

Второй этап исследования был посвящен проведению множественного линейного регрессионного анализа для выявления предик-

Таблица 6.6

Социально-психологические предикторы позитивного восприятия будущего России (N=813)

Социально-психологические предикторы	**B**	**SE**	β	**t**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	−0,084	0,021	−0,197	−4,051	***
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	0,056	0,025	0,108	2,276	0,023
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	−0,041	0,021	−0,099	1,942	0,053
Гордость за российское гражданство	0,037	0,021	0,091	1,729	0,084
Институциональное доверие	0,094	0,019	0,253	4,954	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$.

торов оптимизма и надежды на лучшее будущее. Результаты анализа для шкалы «Позитивное восприятие будущего России» ($R=0,438$; $R^2=0,191$; $F=6,853$; $p\leq0,001$) представлены в таблице 6.6.

Предикторами позитивного восприятия будущего России для всей подвыборки оказались низкая тревога по поводу глобальных рисков (−0,197), фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой ($\beta=0,108$), неготовность к радикальным решениям: недопустимость выживания одних за счет других ($\beta=0,099$), гордость за российское гражданство ($\beta=0,091$; на уровне тенденции), институциональное доверие ($\beta=0,253$).

Для того, чтобы получить сравнительные результаты социально-психологических предикторов надежды на лучшее будущее, выборка была разбита на группы по принадлежности респондентов к поколениям. Данные представлены в таблице 6.7.

Каждая группа была подвергнута множественному линейному регрессионному анализу по отдельности. Предикторами позитивного восприятия будущего России ($R=0,583$; $R^2=0,340$; $F=2,885$; $p\leq0,001$) у представителей поколения беби-бумеров (N=210) оказались низкая тревога по поводу глобальных рисков ($\beta=-0,314$), неготовность к радикальным решениям: недопустимость выживания од-

Таблица 6.7

Количественные характеристики выборки исследования по поколениям

Количественные характеристики	**Поколения в России**				
	Z (2003–2023 г. р.; 16 лет и младше)	Y (1985–2002 г. р.; 17–34 года)	X (1964–1984 г. р.; 35–55 лет)	Беби-бумеры (1944–1963 г. р.; 56–75 лет)	«Молчаливое» поколение (1924–1943 г. р.; 76–95 лет)
Количество	0	278	297	210	28
Доля в выборке	0	34,2%	36,5%	25,8%	3,5%

Примечание: «Молчаливое поколение» ввиду малочисленности в выборке не учитывалось в дальнейшем анализе. Поколение Z не было представлено в выборке.

них за счет других (β=–0,385), гордость за российское гражданство (β=0,246), институциональное доверие (β=0,236).

Предикторами позитивного восприятия будущего России (R=0,482; R^2=0,232; F=2,631; p≤0,001) у респондентов поколения X (N=297) явились фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (β=0,232), институциональное доверие (β=0,264), низкая ответственность за поступки перед поколениями близких и далеких предков (родителями, дедами и прадедами) (β= – 0,163; на уровне тенденции).

Предикторами позитивного восприятия будущего России (R=0,514; R^2=0,265; F=3,006; p≤0,001) у представителей поколения Y (N=278) стали низкая тревога по поводу глобальных рисков (β=–0,249), религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям (β=0,188), гордость за российское гражданство (β=0,184), институциональное доверие (β=0,232).

Коллективные чувства в отношении будущего, которые порождаются его слабой предсказуемостью, существованием разнообразных рисков и угроз, являются важным фактором жизнедеятельности личности и групп, их веры в лучшее будущее. Негативный эмоциональный фон пагубно сказывается не только на психофизическом состоянии людей, но и влияет на глобальные процессы в обществе, воздействуя на все стороны и уровни социальных отношений и процессов – личностные, межличностные, групповые, на жизнеспособность общества в целом. Как показывают исследования, «основной вклад в формирование генерализованной тревоги по поводу буду-

щего вносят социально-психологические процессы, а не личностная тревожность» (Нестик, Журавлев, 2018, с. 138). В нашей работе мы продолжали это направление исследований и стремились ответить на вопрос «от обратного» – каковы социально-психологические факторы и источники надежды на лучшее?

Из всей выборки наших респондентов (N=1600) на первом этапе исследования были выделены две группы с противоположными оценками будущего России в перспективе пяти–шести лет – группа, которая смотрит в будущее с надеждой и уверенностью (461 чел.), и группа, испытывающая страх и опасения (352 чел.) относительно будущего. Был проведен сравнительный анализ данных двух групп по шкале «Глобальная социальная идентификация», по опроснику Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам», по шкалам институционального доверия и доверия к людям, шкалам ответственности перед предыдущими и последующими поколениями, удовлетворенности жизнью, по блоку социально-демографических характеристик.

Отмечено, что позитивное восприятие будущего значимо более характерно для мужчин, чем для женщин. Возможно, этот эффект объясняется тем, что в периоды социально-экономической турбулентности тревога женщин за благополучие семьи и детей возрастает. Впрочем, этот вывод нуждается в дополнительном уточнении. Анализ принадлежности к возрастной группе показывает, что социальные оптимисты преобладают в самой юной группе наших респондентов, и это согласуется с данными других авторов (Горбачева и др., 2018; Темницкий, 2016). Для молодежи 18–24 лет, по наблюдениям социологов, характерен в целом более высокий уровень ориентации на свои силы, на убежденность в том, что материальных успехов люди должны добиваться сами, у них более высокий жизненный тонус, который позволяет им психологически легче переживать трудности, чаще пребывать в хорошем настроении (Темницкий, 2016, с. 21).

Анализ социально-демографических факторов также показывает, что социальными оптимистами чаще являются респонденты, проживающие с родителями или с родственниками более младшего поколения (племянники, супруги детей и т. п.). Одинокие люди значимо чаще испытывают страхи и опасения по поводу будущего. Таким образом, было показано, что наличие в семье близких родственников способствует надеждам на лучшее будущее. Примечательно, что меньший оптимизм отличает жителей столичных городов, по сравнению с жителями других населенных пунктов, – результат,

нуждающийся в дальнейшем анализе. Сейчас можно только предположить, что столичные жители ведут более напряженный образ жизни, испытывая эмоциональные перегрузки, что отражается на общем фоне мировосприятия.

Материальное положение респондентов предсказуемо оказалось значимым фактором оценки будущего – среди оптимистов более велика доля состоятельных людей. Результаты многих социологических исследований с этим согласуются. Очевидно, что «подушка безопасности» и устойчивое финансовое положение предопределяют у таких людей веру в лучшее будущее на среднесрочную перспективу, что подтверждается и значимо более высокой удовлетворенностью жизнью у этих респондентов.

Респонденты с позитивным восприятием будущего значимо чаще ассоциируют себя с человечеством, россиянами ($p<0,010$), связывают свое будущее с судьбой своего города, испытывают гордость за российское гражданство. Эти результаты свидетельствуют о том, что социальные оптимисты пребывают в гармонии со своим общественным статусом и гражданской принадлежностью. Их внутреннее благополучие подтверждается и значимо более высоким уровнем доверия к людям, а также институционального доверия, чем у респондентов, испытывающих страхи и опасения за будущее страны. Таким образом, по результатам нашего исследования можно составить предварительный социально-психологический портрет человека, сохраняющего веру в лучшее будущее страны на среднесрочную перспективу.

Сравнительный поколенческий анализ предикторов социального оптимизма показывает некоторые различия между поколениями беби-бумеров, поколений X и Y. Представители поколения бебибумеров, в отличие от двух младших, категорически не допускают, что ради спасения всего человечества можно пожертвовать интересами отдельных стран и категорий людей. Этот гуманистически ориентированный предиктор, вероятно, объясняется богатым опытом пережитого, трудными обстоятельствами собственной жизни и свойственной зрелой личности эмпатией.

Для поколения X специфичным стало так называемое фаталистическое игнорирование – стремление сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких перед лицом неизбежной катастрофы. Для поколения, вступающего в пору зрелости, чувствующего ответственность за своих еще не вполне самостоятельных детей

и стареющих родителей, этот прогностический признак вполне объясним.

У представителей поколения Y предиктором позитивного восприятия будущего России, в отличие от старших поколений, оказался религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям. Мы объясняем появление этого признака попыткой опереться на нравственные ценности религии в поисках позитивных основ жизни. Это не означает, что молодое поколение становится религиозным. Статистика и социология этого не подтверждают. Но надежда и вера в лучшее будущее зависят от презумпции существования универсальных моральных основ в обществе. Однако этот вывод нуждается в дополнительных доказательствах.

Респондентов всех трех поколений объединяет то, что общими предикторами надежды и веры в лучшее будущее России являются гордость за свое российское гражданство, институциональное доверие в сочетании с невысоким уровнем тревоги по поводу глобальных рисков.

Оптимизм и надежда являются важными психологическими ресурсами личности и общества. В исследовании было показано, что доля респондентов, сохраняющих веру и надежду на лучшее будущее нашей страны через несколько лет, составляет только 28,8% общей выборки (N=1600). Тем более важно понимать, каковы факторы оптимистичного настроя людей и социально-психологические предикторы, обусловливающие его.

Дальнейшие исследования социального оптимизма должны помочь ответить на вопросы: какие типы оптимизма в большей степени присущи разным поколениям (направленный на успех или оборонительный), какие из его функций преобладают в российской действительности (адаптивная, мотивационная, регулятивная и креативная), является ли надежда, как полагал Э. Дюркгейм (Дюркгейм, 1996), важным экзистенциальным ресурсом в современной ситуации общественной турбулентности и можно ли психологическими средствами помочь людям преодолеть страхи и тревоги.

ГЛАВА 7

СВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ СО СТРАХОМ СМЕРТИ, СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ И АВТОРИТАРНЫМИ УСТАНОВКАМИ

Экзистенциальные глобальные риски и страх личной смерти

Глобальные угрозы все чаще освещаются СМИ, используются в предвыборных кампаниях, занимают ключевое место не только в международной, но и внутренней политике стран. Позиция политических лидеров и национальных элит при разработке ответа на глобальные вызовы формируется с учетом ожиданий и ценностей более широких социальных групп. Онлайн-опрос, проведенный агентством ComRes по заказу Фонда глобальных вызовов (Global Challenges Foundation) в 2018 г. среди более 10 тыс. жителей десяти стран, свидетельствует о растущей озабоченности рядовых граждан глобальными рисками. Как показало исследование, 59% опрошенных согласны с тем, что мир сегодня находится в большей опасности, чем два года назад. Наибольшее число таких ответов было получено в Бразилии (75%), России (69%) и Германии (69%). В целом по выборке наибольшую озабоченность у респондентов вызывают политическое насилие, оружие массового уничтожения, экологические угрозы и природные катастрофы, изменение климата, угроза пандемий и эпидемий (Attitudes to global risk and governance survey, 2018).

Неверие в способность общества ответить на большие вызовы порождает новые виды депрессивных расстройств (Clayton et al., 2017; Scher, 2018), усиливает переживание несправедливости и провоцирует асимметричные ответы молодого поколения на последствия недальновидной политики элит. При низком социальном доверии формируются условия для солидаризации молодежи на основе кол-

Глава представляет собой расширенную и доработанную версию статьи: *Нестик Т. А., Николаев Е. Л.* Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 811–820.

лективных страхов, а не на основе коллективных мечтаний и позитивных целей. При этом в российском обществе расширяется основа для поддержки быстрых, радикальных, авторитарных мер предотвращения глобальных рисков.

Пытаясь обратить внимание общества на глобальные риски, традиционные СМИ и социальные медиа превращаются в фабрику страхов, сопровождая новости картинками из фильмов о катастрофах, образами угасания и смерти (Kuška, 2011). При этом публикации о климатической катастрофе часто сопровождаются изображениями, напоминающими о смерти: фотографии погибших животных, разрушенных ураганами жилищ и т. д.

В соответствии с положениями теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона о групповой идентификации и стремлении следовать групповым ценностям и нормам как защитам от страха смерти (Harvell, Nisbett, 2016) можно предположить, что привлечение внимания к экзистенциальным рискам с помощью напоминаний о конечности человеческого существования будет приводить к сдвигу общественного мнения в сторону консервативных установок. При этом для социальных групп с консервативным мировоззрением более вероятна стратегия совладания с угрозой через рестриктивные меры, различного рода запреты и ограничения в областях, связанных с риском.

В научной литературе неоднократно уже высказывались суждения о том, что при информировании о глобальных угрозах запугивание менее эффективно, чем разъяснение выгод от природосберегающего поведения, обращение к ценностям социальной ответственности и взаимопомощи (Нестик, Журавлев, 2018). Между тем до сих пор не изученной остается связь характеристик отношения к глобальным экзистенциальным рискам с отношением к личной смерти, а также с жизнеспособностью и предпочитаемыми стратегиями копинга.

Отношение к глобальным рискам, страх смерти и проактивный копинг российских студентов

Целью первого проведенного нами эмпирического исследования стало выявление связи между отношением к глобальным рискам, отношением личности к смерти и стратегиями проактивного копинга.

В рамках исследования нами были выдвинуты *несколько гипотез.* Во-первых, вслед за рядом авторов, мы предположили, что можно выделить как адаптивные, здоровые установки в отношении смер-

ти, так и деструктивные для жизнеспособности человека страхи (Чистопольская и др., 2019). Во-вторых, мы предположили, что защитные характеристики отношения личности к своей смерти будут связаны с убеждением в необходимости возврата к традиционным ценностям для предотвращения глобальных катастроф. В-третьих, мы выдвинули предположение о том, что характеристики отношения к глобальным рискам могут быть связаны с проактивным копингом, то есть проактивными стратегиями поведения и саморегуляции для достижения долгосрочных целей (Белинская и др., 2018). Поэтому мы предположили, что оптимизм в отношении глобального будущего, выраженность убеждения в необходимости сотрудничества для предотвращения глобальных рисков и готовность участвовать в нем будут тесно связаны с проактивным совладанием.

Участниками исследования стали студенты гуманитарных и медицинских факультетов вузов гг. Москвы, Астрахани и Чебоксар (N=521; 40% – мужчины; средний возраст – 20,3 лет). Опрос проводился в мае–июне 2019 г. путем самостоятельного заполнения участниками бумажной версии анкеты в присутствии организаторов исследования.

Для измерения отношения к личной смерти использовались адаптированные К.А. Чистопольской краткие версии методики «Отношение к смерти» (Death Attitude Profile-Revised, DAP-R) П. Вонга и опросника «Страх личной смерти» (Fear of Personal Death Scale, FPDS) В. Флориан и С. Кравец (Чистопольская и др., 2017; Florian, Karvetz, 1983; Wong et al., 1994). Для измерения стратегий проактивного копинга использовалась краткая версия «Опросника проактивного копинга» Э. Гринглосс, адаптированная Е. П. Белинской, А. В. Вечериным и Е. Р. Агадуллиной (Белинская и др., 2018; Greenglass et al., 1999). Для измерения показателей жизнеспособности применялась скрининговая версия теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина (Осин, 2013). Для измерения характеристик отношения личности к глобальным рискам использовался опросник Т.А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018). Опросник позволяет измерить различные компоненты отношения: аффективные (тревога в отношении глобальных рисков); когнитивные (убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков; фаталистическое игнорирование; религиозный авторитаризм как средство спасения; допустимость радикальных решений и выживания одних за счет дру-

гих; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм), а также поведенческие компоненты (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких).

Связь отношения к смерти с проактивным совладанием и жизнестойкостью. Чтобы определить конструктивные и деструктивные характеристики отношения к смерти среди наших респондентов, мы выявили корреляционные связи отношения к смерти со стратегиями проактивного копинга, а также с общим уровнем жизнестойкости (см. таблицу 7.1). С конструктивными стратегиями совладания оказались сильнее всего связаны нейтральное принятие смерти, избегание темы смерти, страх в связи с последствиями смерти для личности, страх в связи с последствиями смерти для близких. Наиболее выраженные негативные корреляции с показателями жизнестойкости были выявлены у страха смерти, принятия смерти как бегства, а также страха забвения после смерти. Наименее выраженными оказались связи жизнестойкости со страхом в связи с трансцендентальными последствиями смерти, а также в связи с последствиями смерти для личности, для тела и для близких (см. таблицу 7.2).

В ходе линейного регрессионного анализа ($R=0,496$; $R^2=0,246$; $F=16,659$; $p<0,001$) был выявлен значимый негативный вклад в уровень жизнестойкости у страха смерти, принятия смерти как бегства, а также страха забвения после смерти, при этом положительную связь с жизнестойкостью имеют избегание темы смерти, принятие-приближение и страх в связи с последствиями смерти для тела.

Отношение к смерти и отношение личности к глобальным рискам. Результаты структурного моделирования в программе IBM Amos v. 20 ($\chi^2=98,371$; $df=61$; $CMIN/df=1,613$; $p=0,002$; $RMR=0,112$; $CFI=0,986$; $GFI=0,979$; $RMSEA=0,034$; $Hi\ 90=0,046$; $Pclose=0,985$) показали, что отношение к личной смерти оказывает влияние на характеристики отношения личности к глобальным рискам (см. таблицу 7.3).

Так, тревога по поводу глобальных рисков связана преимущественно с адаптивными характеристиками отношения к смерти: с избеганием темы смерти, страхом в связи с последствиями смерти для личности, страхом в связи с последствиями смерти для близких, страхом в связи с трансцендентальными последствиями смерти. Эти страхи выполняют мобилизующую функцию и связаны с конструктивными стратегиями совладания. Адаптивные характеристики отношения к смерти также усиливают убеждение в необходимости со-

Таблица 7.1

Связь характеристик отношения к смерти со стратегиями совладания
(N=521; результаты корреляционного анализа по критерию Спирмена)

Характеристики отношения к смерти	**Проактивное совладание**	**Превентивное совладание**	**Планирование**	**Поиск инструментальной поддержки**	**Поиск эмоциональной поддержки**	**Рефлексивное совладание**	**Жизнестойкость (HS)**
Принятие приближения смерти	0,044	0,069	0,091*	0,079	0,096*	0,002	–0,027
Избегание темы смерти	0,073	0,114**	0,053	0,068	0,199**	0,011	0,06
Страх смерти	–0,105*	–0,009	0,014	0,03	0,162**	–0,041	–0,220**
Принятие смерти как бегства	–0,158**	–0,054	0,03	–0,027	–0,054	–0,031	–0,326**
Нейтральное принятие	0,097*	0,076	0,052	0,07	0,022	0,150**	0,017
Страх в связи с последствиями смерти для личности	0,067	0,127**	0,127**	0,098*	0,138**	0,091*	–0,152**
Страх в связи с последствиями смерти для тела	–0,08	–0,016	0	0,024	0,096*	–0,107*	–0,121**
Страх в связи с трансцендентальными последствиями смерти	0,03	0,046	0,088*	0,067	0,171**	–0,022	–0,156**
Страх в связи с последствиями смерти для близких	0,059	0,079	0,057	0,141**	0,163**	0,111*	–0,101*
Страх забвения	–0,111*	–0,031	0,041	0,017	0,001	–0,109*	–0,310**

Примечание: * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$.

Таблица 7.2

Влияние характеристик отношения к смерти на уровень жизнестойкости личности (N=521)

Независимые переменные	**B**	**S. E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	3,56	0,124		28,797	***
Принятие приближения смерти	0,052	0,016	0,148	3,213	0,001
Избегание темы смерти	0,056	0,015	0,169	3,713	***
Страх смерти	–0,069	0,019	–0,205	–3,724	***
Принятие смерти как бегства	–0,125	0,018	–0,321	–7,029	***
Нейтральное принятие	–0,024	0,016	–0,062	–1,543	0,123
Страх в связи с последствиями смерти для личности	–0,008	0,019	–0,022	–0,411	0,681
Страх в связи с последствиями смерти для тела	0,041	0,017	0,123	2,466	0,014
Страх в связи с трансцендентальными последствиями смерти	–0,014	0,017	–0,048	–0,827	0,408
Страх в связи с последствиями смерти для близких	–0,022	0,015	–0,070	–1,497	0,135
Страх забвения после смерти	–0,093	0,017	–0,250	–5,624	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$.

трудничества для предотвращения рисков: нейтральное принятие, страх в связи с последствиями смерти для личности, избегание темы смерти, страх в связи с последствиями смерти для близких. С такого рода адаптивными страхами смерти связано желание участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных угроз: его предикторами оказались страх в связи с последствиями смерти для личности и страх в связи с последствиями смерти для близких.

Тревога по поводу глобальных рисков связана с беспокойством за значимых других и может играть конструктивную, мобилизующую роль. Ее противоположностью является апокалиптизм, то есть убежденность в неминуемом конце существования человечества, усиливаемая дезадаптивными установками по отношению к личной смерти. Предикторами апокалиптизма оказались принятие смерти как бегства, избегание темы смерти, страх в связи с последствиями смерти для тела, страх забвения после смерти.

Таблица 7.3

Влияние характеристик отношения к смерти на отношение личности к глобальным рискам (N=521, регрессионные коэффициенты)

Зависимые переменные	Независимые переменные	B	S. E.	C. R.	β	p
Тревога по поводу глобальных рисков (R^2=0,186)	Избегание темы смерти	0,066	0,022	2,992	0,121	0,003
	Страх в связи с последствиями смерти для личности	0,083	0,027	3,021	0,143	,003
	Страх в связи с последствиями смерти для близких	0,084	0,023	3,592	0,159	***
	Страх в связи с трансцендентальными последствиями смерти	0,076	0,022	3,457	0,157	***
Необходимость сотрудничества для предотвращения глобальных рисков (R^2=0,153)	Нейтральное принятие	0,099	0,019	5,306	0,199	***
	Страх в связи с последствиями смерти для личности	0,075	0,020	3,665	0,167	***
	Избегание темы смерти	0,050	0,017	2,931	0,117	0,003
	Страх в связи с последствиями смерти для близких	0,065	0,019	3,518	0,161	***
Необходимость возвращения к традиционным ценностям и ужесточения контроля (R^2=0,249)	Принятие-приближение смерти	0,170	0,019	8,872	0,338	***
	Избегание темы смерти	0,113	0,019	6,009	0,238	***
	Страх в связи с последствиями смерти для тела	0,054	0,018	2,951	0,113	0,003

Продолжение таблицы 7.3

Зависимые переменные	Независимые переменные	B	S. E.	C. R.	β	p
Апокалиптизм (R^2=0,170)	Принятие смерти как бегства	0,140	0,023	6,189	0,243	***
	Избегание темы смерти	0,082	0,020	4,121	0,166	***
	Страх в связи с последствиями смерти для тела	0,050	0,021	2,339	0,099	0,019
	Страх забвения после смерти	0,090	0,022	4,019	0,162	***
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (R^2=0,088)	Страх в связи с последствиями смерти для личности	0,136	0,027	5,094	0,238	***
	Страх в связи с последствиями смерти для близких	0,050	0,024	2,081	0,097	0,037
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (R^2=0,090)	Избегание темы смерти	0,049	0,018	2,778	0,097	0,005
	Страх в связи с последствиями смерти для близких	0,046	0,023	2,024	0,095	0,043
	Страх забвения после смерти	0,055	0,019	2,920	0,097	0,004
	Страх в связи с последствиями смерти для личности	0,085	0,025	3,330	0,158	***
Фаталистическое игнорирование глобальных рисков (R^2=0,126)	Нейтральное принятие	0,111	0,021	5,375	0,211	***
	Страх в связи с последствиями смерти для тела	0,074	0,019	3,869	0,162	***
	Избегание темы смерти	0,053	0,019	2,844	0,118	0,004
	Принятие смерти как бегства	0,096	0,021	4,523	0,183	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, CR – критическое отношение B/SE, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$.

Сравнение полученных коэффициентов детерминации показывает, что наиболее высоким оказался вклад отношения к смерти в поддержку возвращения к традиционным ценностям и ужесточения контроля над гражданами для предотвращения катастрофы (R^2=0,249). Предикторами необходимости возврата к традиционным ценностям оказались принятие приближения смерти, избегание темы смерти, а также страх в связи с последствиями смерти для тела.

Взаимодействие адаптивных и дезадаптивных страхов смерти сужает круг людей, ради которых человек готов к активным действиям для защиты от глобальных рисков, или даже способствует фаталистическому отказу от каких-либо действий перед лицом возможной катастрофы. Так, готовность респондентов к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких оказалась связана со страхом в связи с последствиями смерти для личности, избеганием темы смерти, страхом в связи с последствиями смерти для близких и страхом забвения после смерти. Среди предикторов фаталистического игнорирования глобальных рисков оказались нейтральное принятие, страх в связи с последствиями смерти для тела, избегание темы смерти и принятие смерти как бегства.

Отношение к глобальным рискам, проактивный копинг и жизнеспособность личности. Для проверки гипотезы о связи отношения к глобальным рискам с конструктивными стратегиями совладания мы использовали корреляционный анализ и линейный регрессионный анализ. Наиболее выраженные и многочисленные корреляции с показателями жизнестойкости и конструктивными стратегиями копинга продемонстрировали оптимизм в отношении глобального будущего, вера в необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения, религиозный авторитаризм, то есть вера в возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами как способы избежать катастрофы, готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (см. таблицу 7.4). Больше всего негативных связей с конструктивными стратегиями совладания и жизнестойкостью оказалось у фаталистического игнорирования, то есть сосредоточения на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой, а также у апокалиптизма, то есть ожидания близкого конца человеческого рода. Тревога по поводу глобальных рисков играет амбивалентную роль в психологическом благополучии личности: с одной стороны, она негативно связана с показателями жизнестой-

Таблица 7.4

Связь характеристик отношения к глобальным рискам с жизнестойкостью и стратегиями совладания (N=521; результаты корреляционного анализа по критерию Спирмена)

Характеристики отношения к глобальным рискам	**Проактивное совладание**	**Превентивное совладание**	**Планирование**	**Поиск инструментальной поддержки**	**Поиск эмоциональной поддержки**	**Рефлексивное совладание**	**Жизнестойкость (HS)**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,091*	0,134**	0,124**	0,110*	0,166**	0,088*	-0,115**
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,228**	0,213**	0,166**	0,199**	0,173**	0,205**	0,01
Фаталистическое игнорирование	–0,019	–0,06	0,022	0,036	0,084	–0,078	-0,128**
Религиозный авторитаризм	0,170**	0,137**	0,176**	0,131**	0,119**	0,01	0,061
Радикальные решения	0,006	0,036	0,103*	0,02	-0,090*	–0,013	0,011
Оптимизм в отношении глобального будущего	0,230**	0,148**	0,150**	0,162**	0,096*	0,157**	–0,012
Апокалиптизм	–0,05	0,005	0,086*	0,002	0,099*	-0,089*	-0,118**
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	0,231**	0,258**	0,217**	0,213**	0,172**	0,160**	0,036
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,212**	0,278**	0,262**	0,215**	0,190**	0,151**	0,043

Примечание: * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$.

кости, с другой стороны, она оказалась прямо связанной с конструктивными стратегиями совладания.

На выбор стратегий проактивного совладания положительно влияют оптимизм в отношении глобального будущего, религиозный авторитаризм, готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких. Негативно с ним связаны ориентация на радикальные решения, то есть допустимость выживания одних за счет других, а также ожидание близкого конца человеческого рода (см. таблицу 7.5).

Отношение к смерти и авторитаризм правого толка в условиях пандемии

Целью второго эмпирического исследования стало выявление связи между характеристиками отношения к смерти, тревогой по поводу

Таблица 7.5

Влияние характеристик отношения к глобальным рискам на проактивное совладание (N=521, результаты линейного регрессионного анализа)

Предикторы проактивного совладания	**B**	**S.E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	2,075	0,144		14,428	***
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами	0,113	0,034	0,149	3,267	0,001
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	–0,066	0,037	–0,077	–1,758	0,079
Оптимизм в отношении глобального будущего	0,154	0,037	0,177	4,129	***
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	–0,108	0,032	–0,150	–3,383	0,001
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	0,098	0,036	0,148	2,708	0,007
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,088	0,039	0,126	2,24	0,026

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, p – статистическая значимость, *** – $p<0,001$, S.E. – стандартная ошибка среднего, $R=0,383$, $R^2=0,147$, $F=14,750$.

глобальных рисков и ориентацией на авторитарные ценности в условиях глобального кризиса – пандемии COVID-19.

Во-первых, опираясь на результаты первого исследования, мы *предположили,* что деструктивные страхи смерти (принятие смерти как бегства, избегание мыслей о смерти, страх забвения после смерти, страх последствий для тела) повышают ориентацию на авторитаризм правого толка. Во-вторых, мы выдвинули предположение о том, что в условиях пандемии авторитарные установки усиливаются, если личность испытывает тревогу по поводу глобальных рисков, но не считает себя способной влиять на ситуацию и не использует конструктивные стратегии совладания. В-третьих, мы предположили, что авторитаризм правого толка в условиях пандемии будет прямо связан с выраженностью гражданской идентичности.

Участниками исследования стали взрослые россияне (N=271; 27,1% – мужчины; средний возраст – 31,6 лет). Среди них 79% указали, что находятся в условиях вынужденной самоизоляции или карантина, а 12,5% отметили, что из-за пандемии COVID-19 потеряли работу. Опрос проводился в апреле 2020 г. путем самостоятельного заполнения участниками онлайн-версии анкеты с соблюдением принципов информированного согласия[1].

Для измерения авторитаризма правого толка мы использовали Краткий опросник авторитарности правого толка Б. Альтемейера, адаптированный Ю. Д. Чертковой и соавт. (Чертковая, 2017). Для измерения отношения к личной смерти использовались краткие версии методики «Отношение к смерти» (DAP-R) П. Вонга и опросника «Страх личной смерти» В. Флориан и С. Кравец (Чистопольская и др., 2017). Для измерения стратегий совладания использовалась методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского (Amirkhan, 1990).

Для измерения тревоги по поводу глобальных рисков использовалась субшкала тревоги из опросника «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018). Для измерения убеждения личности в способности влиять на распространение пандемии COVID-19 была разработана шкала из трех утверждений, степень согласия с которыми респонденту предлагалось оценить по 5-балльной шкале («Я верю в то, что мои действия оказывают влияние на распространение эпидемии»; «Действия, которые я мог бы предпринять, слиш-

1 Авторы выражают благодарность Ю. В. Тарасиной за помощь в сборе данных.

ком ничтожны, чтобы повлиять на распространение и последствия эпидемии»; «Если я буду стараться следовать правилам гигиены и соблюдать карантин, то мой пример будет побуждать моих знакомых и коллег тоже что-то сделать для этого»; α Кронбаха =0,682; M=3,22; SD=0,841). Для измерения выраженности гражданской идентичности участникам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России» и «Моя судьба тесно связана с будущим России» (α Кронбаха =0,716; M=3,03; SD=1,094).

Сформулированные нами гипотезы в целом подтвердились. Результаты линейного регрессионного анализа (R=0,687; R^2=0,458; F=33,66; p<0,001) показывают, что на выраженность авторитаризма правого толка Б. Альтмейера положительно влияют принятие приближения смерти, избегание темы смерти, а также страх в связи с последствиями смерти для тела. При этом была выявлена прямая связь авторитаризма правого толка с тревогой по поводу глобальных рисков и гражданской идентичностью, а также его отрицательная связь с верой личности в способность своими действиями влиять на распространение пандемии и ориентацией на поиск социальной поддержки для совладания с трудностями (см. таблица 7.6).

Таблица 7.6

Предикторы авторитаризма правого толка
(N=271, результаты линейного регрессионного анализа)

Предикторы	**B**	**S. E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	0,873	0,245		3,565	0
Страх в связи с последствиями смерти для тела	0,047	0,023	0,101	2,088	0,038
Принятие-приближение смерти	0,173	0,028	0,286	6,068	0
Избегание темы смерти	0,134	0,026	0,244	5,137	0
Поиск социальной поддержки	–0,024	0,008	–0,147	–3,028	0,003
Идентификация со своей страной	0,307	0,04	0,367	7,777	0
Самоэффективность: вера в свою способность оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	–0,158	0,051	–0,145	–3,069	0,002
Тревога по поводу глобальных рисков	0,11	0,044	0,121	2,504	0,013

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость, *** – p<0,001.

Конструктивные и деструктивные характеристики отношения личности к глобальным рискам и личной смерти

Выдвинутые нами гипотезы в первом и втором исследованиях в целом подтвердились. Полученные данные подтверждают гипотезу о существовании конструктивных и деструктивных страхов смерти. К адаптивным характеристикам отношения к смерти можно отнести нейтральное принятие смерти, избегание темы смерти, страх в связи с последствиями смерти для личности, страх в связи с последствиями смерти для близких. При этом подтверждается высказывавшееся ранее другими авторами предположение о том, что избегание темы смерти является защитной, а не деструктивной установкой, так как помогает человеку действовать в сложной ситуации без тревоги (Чистопольская и др., 2019). К дезадаптивным характеристикам можно отнести страх смерти, принятие смерти как бегства, а также страх забвения после смерти, которые можно рассматривать как невротические. Полученные данные в целом согласуются с результатами исследования, проведенного ранее К.А. Чистопольской и ее коллегами, в ходе которого к адаптивным были отнесены страх последствий смерти для личности, страх последствий для близких и нейтральное принятие смерти, к дезадаптивным – принятие смерти как бегства и страх забвения, а к защитным – страх смерти, избегание темы смерти, принятие приближения смерти, а также страх трансцендентных последствий и страх последствий для тела (Чистопольская и др., 2019).

Как показали результаты первого исследования, среди характеристик отношения личности к глобальным рискам сильнее всего с отношением к смерти связана ориентация на возврат к традиционным ценностям для предотвращения глобальной катастрофы. Во втором исследовании было обнаружено, что характеристики отношения к смерти (принятие приближения смерти, избегание темы смерти, а также страх в связи с последствиями смерти для тела) являются предикторами авторитаризма правого толка. Выявленные в первом и втором исследовании связи соответствуют эффектам, хорошо описанным в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона: после напоминания о смерти или угрозах для жизни у испытуемых усиливаются групповая идентичность и аутгрупповая агрессия, возрастает конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам (Harvell, Nisbett, 2016; McGregor et al., 1998; Nelson et al., 1997; Solomon, Greenberg, Pyszczynski, 1991).

Адаптивные характеристики отношения к смерти (нейтральное принятие смерти, страх последствий смерти для личности и для близких) усиливают убеждение в необходимости сотрудничества для предвидения и предотвращения глобальных рисков, а также готовность участвовать в предотвращении катастроф.

Дезадаптивные и защитные характеристики отношения к смерти (принятие смерти как бегства, избегание мыслей о смерти, страх забвения после смерти, страх последствий для тела) усиливают апокалиптизм и фаталистическое игнорирование глобальных рисков.

Полученные нами данные указывают на то, что напоминание о смерти в новостях по поводу глобальных рисков может сдвигать общественное мнение в сторону консервативных установок, а также способствуют развитию деструктивных для жизнеспособности личности фаталистических установок.

Консервативные установки, с одной стороны, способствуют управляемости и мобилизации общества перед лицом приближающейся угрозы, с другой – сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию, провоцируя рестриктивные стратегии ответа на угрозы, различного рода ограничения и запреты. Такого рода охранительные установки в условиях экзистенциального риска для человечества могут препятствовать неадаптивной активности, то есть восхождению к риску, необходимому для поиска новых решений, направленных на предотвращение глобальной угрозы (Петровский, 2010).

Известно, что фатализм негативно влияет на аналитические способности, снижает мотивацию к сложным когнитивным операциям (Rönnlund, 2019; Zajenkowski, 2016). Кроме того, эмпирические исследования показывают, что стремление избежать негативного исхода снижает креативность (Friedman, Foerster, 2005). Это дает основания предполагать, что пугающие заголовки и изображения в новостях о глобальных рисках могут снижать способность аудитории к поиску сложных решений, направленных на предотвращение угрозы, и делают россиян более подверженными манипуляциям на почве страхов обещаниями простых и быстрых действий.

Между тем многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном изменении климата, свидетельствуют о том, что запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улуч-

шить свою жизнь (Нестик, Журавлев, 2018; Myers et al., 2012; Rakow, Heard, Newell, 2015).

Проведенное нами исследование впервые проливает свет на конструктивные и деструктивные с точки зрения жизнеспособности личности характеристики отношения к глобальным рискам. К первым можно отнести оптимизм в отношении глобального будущего, ориентацию на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения глобальных угроз, веру в необходимость возвращения к традиционным религиозным ценностям, а также готовность к участию в предотвращении глобальных рисков и защите от них себя и своих близких. Деструктивными для жизнеспособности можно признать поддержку радикальных решений для предотвращения катастроф, апокалиптизм и фаталистическое игнорирование.

Второе исследование, проведенное нами в апреле 2020 г., то есть в начале глобального кризиса, связанного с пандемией COVID-19, показало, что тревога по поводу глобальных рисков в сочетании с низкой самоэффективностью, то есть неверием личности в свою способность влиять на распространение пандемии, усиливает авторитарные установки. Полученные нами результаты хорошо согласуются с данными ряда исследований, посвященных психологическим последствиям природных бедствий, в которых было показано, что чувство беспомощности перед лицом природной катастрофы усиливает авторитаризм правого толка (Russo et al., 2020). По-видимому, этот эффект можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности.

Вопреки ожиданиям, нами не было выявлено связи авторитаризма правого толка с избеганием проблем, однако была обнаружена его обратная связь с поиском социальной поддержки и прямая связь с гражданской идентичностью. Ряд исследований, рассматривающих авторитаризм в контексте теории привязанности, показывает, что дефицит социальной поддержки и низкая воспринимаемая безопасность межличностных отношений при коллективной травме могут быть предпосылкой усиления авторитарных установок (Mayseless, Popper, 2007; Sochos, 2019). Можно предположить, что в условиях, когда личность не рассматривает свой социальный капитал в качестве надежной защиты от глобальных рисков, решение проблем связывается с более широкой группой членства, то есть защитные функции выполняет гражданская идентификация, усиливающая приверженность традиционным нормам и ценностям.

В целом тревога по поводу глобальных рисков может играть как конструктивную роль в поддержании жизнеспособности, так и разрушать ее. Она негативно связана с принятием риска, понимаемым как готовность видеть в вызовах возможности для развития (Осин, 2013; Maddi, 2004). При этом она связана с превентивным и проактивным совладанием, то есть может преодолеваться через конструктивные стратегии копинга. Предыдущие исследования показали, что на готовность к действиям для предотвращения угроз влияет не сама по себе тревога в отношении будущего, а ряд конструктивных установок в отношении мира: социальное доверие, глобальная и локальная идентичность, вера в возможность влиять на будущее, принятие сложности человеческого поведения (Нестик, Журавлев, 2018).

***

В ходе проведенных эмпирических исследований нами показано, что страх смерти усиливает поддержку возврата к традиционным ценностям для предотвращения глобальной катастрофы. Выделенные нами конструктивные и деструктивные для жизнеспособности личности характеристики отношения к глобальным рискам открывают путь для прояснения механизмов формирования депрессий, связанных с пандемиями, приближением климатической катастрофы и других глобальных угроз.

В заключение хотелось бы наметить ряд направлений дальнейшего исследования в данной области, которые представляются нам перспективными.

Во-первых, несмотря на рост числа исследований роли ценностей и идеологических предпочтений в восприятии последствий изменения климата, практически не изученными остаются кросс-культурные различия в механизмах превентивного и проактивного копинга, связанных с реакцией на новости о глобальных рисках. Особого внимания в этой связи заслуживают групповые формы совладания, в том числе коллективный проактивный копинг.

Во-вторых, необходимы дальнейшие исследования, для того чтобы выяснить, как выраженность коллективизма/индивидуализма и ориентации на ценности выживания/самовыражения влияют эффекты управления страхом смерти под влиянием новостей о приближающемся глобальном кризисе.

В-третьих, требуют дальнейшего исследования условия, при которых проявляются позитивные функции страха смерти: мы все

еще мало знаем о том, как страх последствий смерти для личности и для близких влияет на ответственность перед будущими поколениями, экологические установки личности и природоохранное поведение.

Наконец, для более полного понимания социально-психологических механизмов, связывающих отношение к личной смерти и к глобальным угрозам, необходимо выделение и исследование типов отношения личности к экзистенциальным глобальным рискам, таким как ядерная война, пандемии и непредвиденные последствия развития новых технологий.

ГЛАВА 8

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕД ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ И БУДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Загрязнение окружающей среды, безуспешные попытки сдержать выбросы парниковых газов и сокращение биологического разнообразия, растущие государственные долги, которые ложатся налоговым бременем на плечи будущих поколений, – все это обостряет проблему ответственности ныне живущих людей перед будущим. Необходимость долгосрочно ориентированного ответа на глобальные угрозы делает актуальными идеи космизма и глобальной ответственности, разработанные в концепциях этики будущего К.-О. Апеля и Г. Йонаса, а также в трудах российских мыслителей – Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, Е. И. и Н. К. Рерихов, Н. Г. Холодного, Н. Н. Моисеева (Пушкина, 2015). Наиболее разработанными в настоящее время являются этико-философские и юридические аспекты ответственности перед будущими поколениями, тогда как психологические механизмы этого феномена, – как и в целом психологические аспекты этики будущего, – все еще недостаточно изучены.

Цель настоящей главы – проанализировать содержание и психологические функции феномена ответственности перед прошлыми и будущими поколениями, а также представить результаты проведенных нами поисковых эмпирических исследований, проливающих свет на его социально-психологические предпосылки.

Исследования ответственности перед будущими поколениями в социальных науках и психологии

Постнеклассический подход к определению ответственности, развиваемый в работах К.-О. Апеля и Г. Йонаса, расширяет ее до гло-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Нестик Т. А., Дмитриева Ю. А., Кузнецова О. Е., Ларина Г. Н., Николаев Е. Л.* Ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями: теоретико-эмпирическое исследование // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 29–41.

бальных масштабов (Беляев, 2012). К.-О. Апель обосновывает необходимость планетарной этики, указывая на возросшую связанность людей на планете: теперь мы отвечаем не только за себя, но и друг за друга, за совместные действия (Апель, 2001). При этом ответственность все больше связана с будущим: с долгосрочными последствиями наших действий, будущим наших детей и внуков, будущими поколениями людей. Согласно Г. Йонасу, принцип ответственности предполагает *ответственность перед будущим:* мы отвечаем не только за свою жизнь, но и за выживание всего человечества, так как сегодня каждый ответственен за возможные необратимые последствия развития технологий, а также политических и экономических решений, принимаемых в обществе (Йонас, 2004).

Классическое понимание ответственности было обращено к прошлому, то есть к принятию человеком на себя ответственности за очевидные последствия своих действий. Иными словами, с точки зрения морали и юридических норм ответственность наступает после поступка. Новая этика обращена к будущему: в условиях растущей неопределенности и сложности мира традиционная мораль уже не справляется с регуляцией поведения, ответственность человека смещается на предвидение отдаленных последствий, она наступает до поступка (Беляев, 2012).

В *юриспруденции* ставится вопрос о появлении нового субъекта конституционно-правовых отношений – будущих поколений (Зорькин, 2011; Чуличкова, 2015). Для этого обосновывается идея «права по описанию», которое не предполагает существования лица, обладающего защищенным интересом, в момент совершения действий, защищающих его интерес; а также интерпретация прав будущих поколений как коллективных прав (Прокофьев, 2013).

Ответственность человека перед будущими поколениями стала предметом *социологических исследований.* Ответственность перед будущими поколениями прямо связана с внутренним локусом контроля, доверием к другим людям, религиозностью. Она выше у женщин, чем у мужчин, а также отрицательно связана с доверием к государству (Безрукова, 2015). Ответственность перед будущими поколениями может быть одной из составляющих профессиональной ответственности личности (Емельянова и др., 2018). По-видимому, ответственность перед будущими поколениями определяется также исторической ответственностью, которая может быть сопряжена не только с чувством долга, но и с переживанием вины.

В психологии развития ответственность перед будущими поколениями рассматривается как один из признаков *генеративности* личности – ориентации на заботу о других людях в зрелом возрасте (Kotre, 1996). Понятие генеративности было предложено Э. Эриксоном в его теории психоэмоционального развития и связано с переживанием человеком своей роли продолжателя рода, производителя материальных и духовных ценностей (Эриксон, 1996). С точки зрения эриксоновской концепции ответственность перед будущими поколениями связана с целостностью личности, потребностью человека быть нужным, стремлением преодолеть конечность своего существования. Существуют эмпирические подтверждения гипотезы о том, что напоминания о смерти провоцируют ориентацию на генеративное поведение (Maxfield et al., 2014). Для измерения генеративности разработаны специальные шкалы, в том числе «Шкала генеративности Лойолы» (LGS) (McAdams, St Aubin, 1992), «Индекс генеративных ролей» (Hamby et al., 2015), «Шкала социальной генеративности» (Morselli, Passini, 2015) и др.

Люди с высокой генеративностью характеризуются более высоким альтруизмом, высокой гражданской активностью, ориентацией на заботу об окружающей среде, более высокими моральными установками (Полякова, Стрижицкая, 2017; Alisat et al., 2014). Как показывают эмпирические исследования, генеративность является устойчивой личностной характеристикой, прямо связанной с доброжелательностью, добросовестностью, экстраверсией и открытостью к новому и негативно связанной с невротизмом (Einolf, 2014). Переживание ответственности перед будущими поколениями связано с памятью о прародителях и с представлениями респондентов о том, какой вклад они могут внести в жизнь собственных внуков, а также с работой в социальной сфере, проявлением социальной активности и наличием знакомых, которые оказали влияние на ход жизни (Полякова, Стрижицкая, 2017). Забота о будущих поколениях прямо связана с ориентацией на учет последствий своих действий, просоциальными установками (низкие показатели социальной дистанции, доминантности и предубежденности по отношению к этническим меньшинствам), а также субъективной значимостью политики (Morselli, Passini, 2015).

Ответственность личности перед другими поколениями как социально-психологический феномен

С социально-психологической точки зрения ответственность перед другими поколениями можно определить как осознание и пе-

реживание личностью своих обязательств перед уже ушедшими или еще не родившимися людьми, способность держать ответ перед представителями других поколений как значимыми Другими.

Ответственность перед другими поколениями является формой социальной ответственности личности, как и другие виды ответственности, она предполагает сочетание личной инициативы и выбора с осознанием необходимости и долга. С одной стороны, ответственное поведение опирается на способность к сопереживанию, в том числе людям, уже умершим или еще не родившимся, а с другой стороны – на волевые качества: настойчивость, смелость, выдержку (Быков, 2006; Муздыбаев, 2010 (1986)). Расширение человеком радиуса своей ответственности в прошлое и будущее указывает на личностную зрелость, готовность к личному выбору (Леонтьев, 2005). Она формируется вместе со способностью личности не только соответствовать социальным нормам, но и самостоятельно выбирать сферы и инстанции, перед которыми она отвечает (Арендт, 2013; Дементий, 2005, 2010).

Чувство ответственности перед другими поколениями можно отнести к «мировоззренческим чувствам» по С. Л. Рубинштейну, в котором проявляется отношение не только к кому-то из известных человеку предков и воображаемых потомков, но и обобщенное отношение к миру и своему положению в нем. Оно выполняет целый ряд *психологических функций:* актуализирует историческую память личности и коллективную память группы, обеспечивает трансляцию ценностей и облегчает социализацию, поддерживает самооценку личности и защищает позитивную групповую идентичность, участвует в процессах совладания с трудными ситуациями, индивидуальной и групповой рефлексии, поддерживает долгосрочную ориентацию и преадаптацию к социальным изменениям. По-видимому, важнейшей социально-психологической функцией чувства ответственности перед другими поколениями является включение микрогрупповой идентичности, то есть личностной индентификации себя со своими близкими, друзьями и коллегами, в культурно-исторический контекст более широких социальных групп членства. Благодаря чувству ответственности перед предшествующими и последующими поколениями личность признает себя как *соавтора коллективной исторической судьбы.*

Если рассматривать чувство ответственности другими поколениями как готовность к ответу, то есть как установочное обра-

зование, то в ее структуре можно выделить *ценностно-смысловые, аффективные, когнитивные и предповеденческие компоненты.* К ценностно-смысловым относится значимость связи между поколениями, ценность наследия, которое оставляет человек после своей смерти, а также ценность заботы о будущем тех социальных групп, в которые включает себя личность. К аффективным компонентам можно отнести выраженность и модальность переживаний, связанных с воображаемым ответом личности за свои действия, которые адресованы представителям других поколений как значимым Другим: гордости, долга, сострадания, сожаления, стыда, вины и т. д. Когнитивные компоненты включают в себя убеждение в существовании моральной ответственности поколений друг перед другом; протяженность прошлого и будущего, на которые распространяется ответственность; представления о последствиях безответственного поведения по отношению к будущим поколениям; прототипические образы индивидов и групп, которые воспринимаются в качестве ролевых моделей ответственного и безответственного поведения; представления о том, в какой степени поддерживается такого рода ответственное поведение групповыми нормами, а также оценка собственной способности влиять на будущее других поколений – в том числе на память об ушедших, на условия жизни и ценности еще не родившихся и т. д. Наконец, среди предповеденческих компонентов можно выделить склонность личности к оценке себя с точки зрения представителей других поколений, воображаемому включению других поколений в рефлексию своих поступков, ориентацию на учет последствий для будущих поколений при целеполагании и принятии решений, готовность обсуждать индивидуальную и коллективную ответственность перед прошлыми и будущими поколениями с другими людьми, использовать ее в качестве аргумента при оказании социального влияния.

Можно выделить *внутриличностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные предпосылки* чувства ответственности перед другими поколениями. На внутриличностном уровне это позитивная этническая, территориальная, поколенческая, гражданская и глобальная идентичность, уровень доверия к людям и вера в справедливость мира, ориентация на ценности заботы и справедливости, способность к сопереживанию, глубина исторической памяти и позитивная оценка своего прошлого, тревога по поводу будущего и ориентация на учет будущих последствий, внутренний локус контро-

ля и высокая самоэффективность. Среди межличностных факторов чувства ответственности перед другими поколениями следует учитывать опыт межпоколенных коммуникаций в семье и наличие значимых других среди представителей других поколений. К групповым факторам относится уровень групповой рефлексивности и наличие коммеморативных образов, уровень внутригруппового доверия, глубина коллективной памяти и наличие травмирующего исторического опыта, характеристики коллективного образа будущего, в том числе протяженность групповых целей и мечтаний, уровень воспринимаемой угрозы для группового ценностно-нормативного единства и самого существования группы. К межгрупповым факторам можно отнести поколенческие авто- и гетеростереотипы, результаты межгруппового сравнения, в том числе представления членов группы о том, насколько лучше или хуже будут жить они и их потомки по сравнению с другими группами и предшествовавшими поколениями. Среди социетальных, или макропсихологических, факторов можно выделить уровень коллективизма, институционального доверия, долгосрочной ориентации, ориентации на постматериалистические ценности.

Социально-психологические предикторы чувства ответственности перед будущими поколениями

Целью серии проведенных нами поисковых исследований было изучение связи чувства ответственности перед будущими поколениями с ценностными ориентациями, представлениями о мире и отношением личности к глобальным рискам[1].

Первое исследование проводилось нами среди студентов технических факультетов вузов г. Москвы (N=250; 53% – мужчины; средний возраст – 21,5 лет) и было направлено на изучение связи чувства ответственности перед будущими поколениями с ценностными ориентациями и характеристикам и образа мира.

Для измерения ответственности перед будущими поколениями нами использовалась «Шкала социальной генеративности» Д. Морселли и С. Пассини (Morselli, Passini, 2015). Шкала представляет собой 6 утверждений (например, «Своими действиями я помогаю сделать мир лучше для будущих поколений»), соответствие которых

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных Т. А. Линник, Е. О. Петровой и А. С. Яроцкой.

представлению респондентов о себе предлагается оценить по 7-балльной шкале. При адаптации на российской выборке с использованием процедуры прямого и обратного перевода шкала показала высокую согласованность (N=1488, 42% – мужчины, 58% – женщины; 6; α Кронбаха=0,854; M=4,60; SD=1,255), конфирматорный факторный анализ в программе IBM Amos v. 20 подтвердил однофакторное решение (χ^2=3,849; df=5; CMIN/df=0,770; p=0,571; RMR=0,018; CFI=1; GFI=0,999; RMSEA<0,001; Hi 90=0,031; Pclose=0,999). Для измерения ценностных ориентаций нами использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций (PVQ21)» Ш. Шварца, а также «Опросник моральных оснований» (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения характеристик образа мира мы использовали опросник «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также шкалу «Общая вера в справедливость мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер.

Как показал линейный регрессионный анализ (R=0,496; R^2=0,246; F=15,905, p<0,001), предикторами социальной генеративности оказались ориентация на ценность доброжелательности (β=0,113*[1]), ориентация при моральной оценке социальных явлений на ценности справедливости (β=0,169**) и лояльности своей группе (β=0,173**), а также вера в социальную сложность мира, то есть убеждение в том, что поступки людей не всегда последовательны (β=0,184**), и вера в справедливость мира (β=0,180**).

Результаты исследования показывают, что чувство ответственности перед будущими поколениями опирается как на консервативные (лояльность к своей группе), так и на либеральные ценности и представления (справедливость, социальная сложность). По-видимому, это объясняется тем, что доброжелательность в отношении будущих поколений предполагает расширение границ «своей группы» за пределы настоящего и круга известных людей. Такой шаг в неизвестность позволяют сделать, с одной стороны, вера в предсказуемость и справедливость социального мира, ориентация на справедливость как признание прав ныне живущих и будущих людей, а с другой стороны – готовность к неопределенности, признание сложности и разнообразия человеческого поведения.

Целью второго исследования было выявление связи ответственности перед будущими поколениями с отношением личности

1 Здесь и далее: * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001.

к смерти и стратегиями проактивного копинга. Участниками исследования стали студенты гуманитарных и медицинских факультетов вузов гг. Москвы, Астрахани и Чебоксар (N=521; 40% – мужчины; средний возраст – 20,3 лет). В соответствии с положениями теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона о групповой идентификации и стремлении следовать групповым ценностям и нормам как защитах от страха смерти (Denying death, 2016) мы предположили, что предикторами заботы о будущих поколениях будут защитные характеристики отношения личности к своей смерти. Заботу о будущих поколениях можно рассматривать как проявление проактивного копинга, то есть проактивных стратегий поведения и саморегуляции для достижения долгосрочных целей (Белинская и др., 2018). Поэтому мы предположили, что выраженность социальной генеративности будет тесно связана с проактивным совладанием. Наконец, мы предположили, что проявление заботы о будущих поколениях может быть связано с социальным доверием, прежде всего с доверием социальным институтам, поддерживающим накопление общественных благ, преемственность поколений и историческую память.

Для измерения ответственности перед будущими поколениями мы, как и в первом исследовании, использовали «Шкалу социальной генеративности» Д. Морселли и С. Пассини. Для измерения отношения к личной смерти использовались краткие версии методики «Отношение к смерти» (DAP-R) П. Вонга и опросника «Страх личной смерти» В. Флориан и С. Кравец (Чистопольская и др., 2017). Для измерения стратегий проактивного копинга использовалась краткая версия «Опросника проактивного копинга» Э. Гринглосс, адаптированная Е. П. Белинской, А. В. Вечериным и Е. Р. Агадуллиной, а также скрининговая версия теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина. Для измерения доверия использовались шкалы из World Values Survey, измеряющие социальное доверие (N=1465; 6 пунктов; α Кронбаха =0,719; M=2,94; SD=0,683) и институциональное доверие (N=1459; 4 пункта; α Кронбаха =0,800; M=2,16; SD=0,821).

Результаты структурного моделирования в целом подтверждают наши гипотезы (χ^2=9,310; df=10; CMIN/df=0,931; p=0,503; RMR= 0,020; CFI=1; GFI=0,996; RMSEA<0,001; Hi 90=0,045; Pclose=0,973; см. рисунок 8.1). Предикторами социальной генеративности оказались страх смерти (β=0,103**), проактивное совладание, то есть близкая к феномену самоэффективности уверенность в способнос-

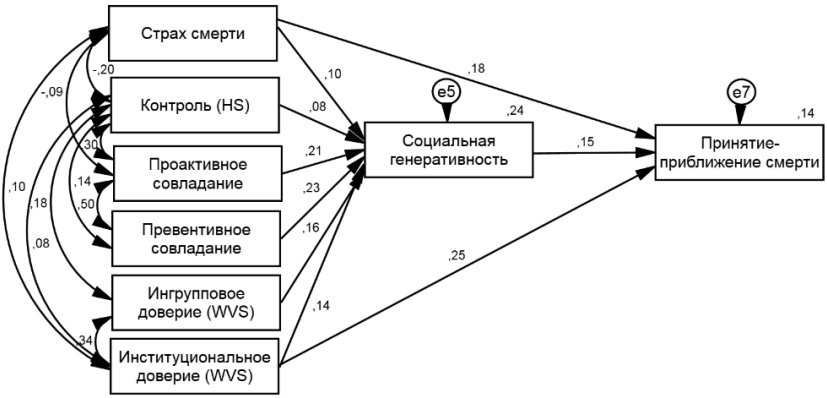


Рис. 8.1. Путевая модель связи социальной генеративности с проактивным копингом и отношением к личной смерти (N=521)

ти справиться с будущими трудными ситуациями (β=0,214***), превентивное совладание, то есть способность предвосхищать трудные ситуации (β=0,229***), контроль, то есть принятие ответственности за свою жизнь (β=0,081*), а также уровень внутригруппового доверия (β=0,161***) и доверия к социальным институтам (β=0,138***). При этом оказалось, что сама социальная генеративность наряду со страхом смерти и институциональным доверием выступает в роли предиктора по отношению к принятию приближения смерти, то есть отношению к смерти как к переходу в счастливую загробную жизнь (β=0,146***).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что забота о будущих поколениях прямо связана с оценкой личностью своей способности влиять на будущее и может играть защитную роль в отношении страха смерти, то есть повышает веру в то, что просоциальное поведение способствует благополучию в загробной жизни.

Третье исследование было направлено на выявление связи ответственности перед прошлыми и будущими поколениями с отношением личности к глобальным рискам. Участниками исследования стали студенты вузов гг. Москвы, Курска, Челябинска и Архангельска (N=705, 34% – мужчины, средний возраст – 22,4 лет). Для изме-

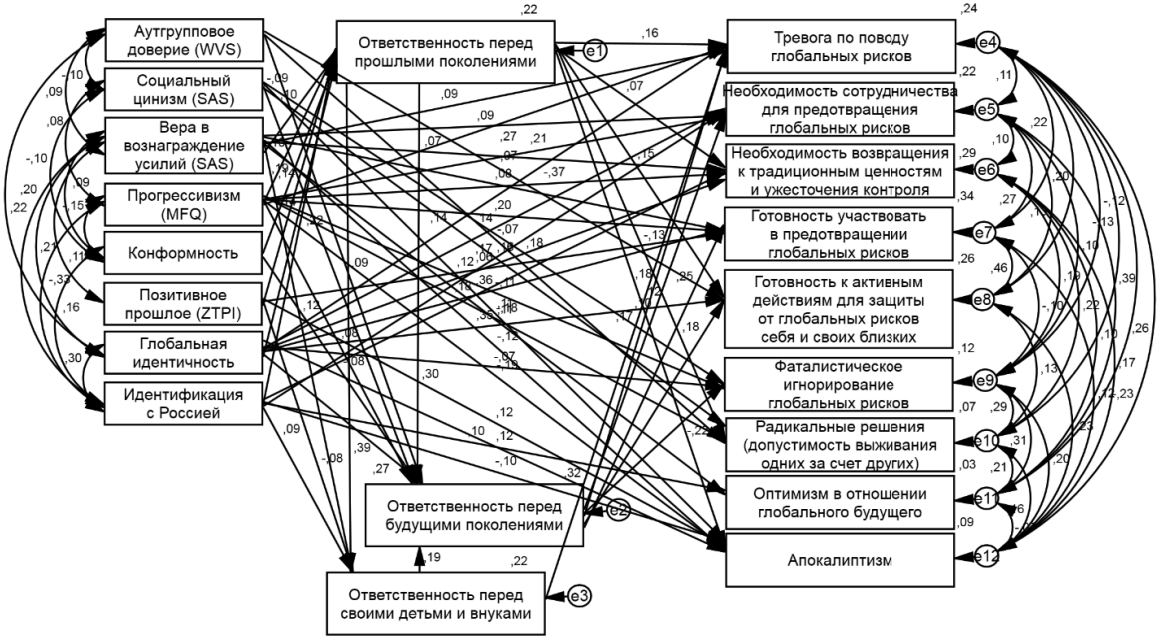
рения ответственности перед прошлыми и будущими поколениями людей мы предложили респондентам оценить по 5-балльной шкале выраженность своего чувства ответственности перед представителями 10 категорий людей: прошлые поколения людей; ваши отдаленные предки; ваши бабушки и дедушки; ваши родители; люди, живущие сейчас на земле; люди вашего поколения; ваши дети; ваши внуки; ваши отдаленные потомки; будущие поколения людей. Последующий факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс позволил объединить данные утверждения в три фактора, объясняющие 71,7% дисперсии: 1) ответственность перед прошлыми поколениями (N=712; 4 пункта; α Кронбаха =0,809; M=3,47; SD=0,942); 2) ответственность перед нынешними и будущими поколениями людей (N=712; 3 пункта; α Кронбаха =0,786; M=3,19; SD=0,975); 3) ответственность перед собственными детьми и внуками (N=712; 2 пункта; α Кронбаха=0,871; M=4,20; SD=1,073). Пункт «ваши отдаленные потомки» был исключен, так как имел высокие веса во втором и третьем факторах. По оставшимся 9 пунктам конфирматорный факторный анализ в программе Amos v. 20 подтвердил решение из трех факторов, входящих в общую латентную переменную (N=961, 43% – мужчины, 57% – женщины; χ^2=8,039; df=14; CMIN/df=0,574; p=0,887; RMR=0,014; CFI=1; GFI=0,998; RMSEA<0,001; Hi 90=0,015; Pclose=1). Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности в анкету были включены шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза в адаптации Т. А. Нестика (6 пунктов; α Кронбаха =0,891; Нестик, 2017; Нестик, Журавлев, 2018), разработанные нами скрининговые шкалы идентификации с россиянами (2 пункта; α Кронбаха =0,850) и с родным городом (2 пункта; α Кронбаха =0,885), «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации Н. Н. Лебедевой и А. Н. Татарко; шкала социального доверия из опросника World Values Survey, краткая версия «Портретного опросника ценностных ориентаций» Ш. Шварца, Опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева, а также Стэнфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной. Для измерения отношения личности к глобальным рискам использовался опросник Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018).

В качестве основной гипотезы нами было выдвинуто предположение о том, что ответственность перед будущими поколениями

и собственными детьми усиливает тревогу по поводу глобальных рисков, а также прямо влияет на готовность участвовать в их предотвращении. Мы предположили, что ответственность перед предыдущими поколениями связана с консервативными ценностями, позитивной оценкой прошлого и гражданской идентичностью, тогда как предикторами ответственности перед будущими поколениями является глобальная идентичность и либеральные ценности. Кроме того, мы предположили, что ответственность перед прошлыми поколениями, а также перед собственными детьми и внуками усиливает чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями людей.

Для проверки гипотез использовалось структурное моделирование в программе IBM Amos v. 20. В целом наша гипотеза о связи ответственности перед будущими поколениями и характеристиками отношения к рискам подтвердилась. В путевой модели, которая в наибольшей степени соответствует данным (χ^2=150,482; df=91; CMIN/df=1,654; p<0,001; RMR=0,045; CFI=0,981; GFI=0,979; RMSEA=0,030; Hi 90=0,039; Pclose=1; см. рисунок 8.2) тревога по поводу глобальных рисков прямо связана с ответственностью перед прошлыми поколениями (β=0,159***), перед будущими поколениями (β=0,182***), а также перед собственными детьми и внуками (β=0,165**). При этом если готовность к действиям по защите себя и своих близких от последствий глобальных рисков определяется не только ответственностью перед будущими поколениями (β=0,189***), но и перед предками (β=0,145***), то предиктором готовности участвовать в коллективных мероприятиях по предотвращению глобальных рисков является только ответственность перед нынешними и будущими поколениями (β=0,255***). Ответственность перед прошлыми поколениями ослабляет допустимость радикальных решений и выживания за счет других (β=0,130***), но при этом усиливает выраженность апокалиптизма (β=0,123***) и веры в необходимость возвращения к традиционным ценностям и более жесткого контроля за гражданами (β=0,07*). Напротив, чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями ослабляет фаталистическое игнорирование глобальных рисков как неизбежных (β=–0,220***) и усиливает убеждение в необходимости сотрудничества для их прогнозирования и предотвращения (β=0,099**).

Оказалось, что ответственность перед прошлыми поколениями прямо связана с ориентацией на конформность (β=0,189***) и отрица-



X2=150,482; df=91; CMIN/DF=1,654;
p=,000; RMR=,045; CFI=,981; GFI=,979; RMSEA=,030;
Hi 90=,039; Pclose=1,000.

Рис. 8.2. Путевая модель связи чувства ответственности перед прошлыми и будущими поколениями с характеристиками отношения к глобальным рискам (N=705)

тельно связана с прогрессивизмом (β=–0,097**), который интерпретируется в теории моральных оснований Дж. Хайдта как преобладание индивидуалистической ориентации на заботу и справедливость над коллективистической ориентацией на лояльность своей группе, уважение к авторитетам и религиозные нормы. В число предикторов ответственности перед предками также входят идентификация себя с россиянами (β=0,219***), глобальная идентичность (β=0,145***), позитивная оценка своего прошлого (β=0,139***) и вера в награду за усилия (β=0,103**).

На выраженность чувства ответственности перед нынешними и будущими поколениями влияют ответственность перед предками (β=0,296***) и ответственность перед своими детьми и внуками (β=0,189***). Другими ее предикторами являются глобальная идентичность (β=0,271***), высокое аутгрупповое доверие (β=0,095**) и низкие показатели социального цинизма, то есть недоверия к социальным институтам (β=–0,093**), высокая выраженность прогрессивизма (β=0,084**) и низкие показатели ориентации на конформность (β=0,080*). Чувство ответственности перед собственными детьми и внуками оказалось прямо связано с ответственностью перед предками (β=0,392***), идентификацией с россиянами (β=0,087*), верой в награду за усилия (β=0,120***) и отрицательно связано с позитивной оценкой своего прошлого (β=–0,078*), что может объясняться желанием респондентов обеспечить детям лучшие условия для жизни и развития, чем были у них.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что ответственность перед будущими поколениями связана с социальным доверием и глобальной идентичностью и усиливает преадаптивные установки в отношении глобальных рисков (Асмолов и др., 2017; Нестик, Журавлев, 2018), то есть поддерживает веру в возможность прогнозирования и предотвращения глобальных угроз через сотрудничество и поиск сложных решений в условиях неопределенности. Ответственность перед предшествующими поколениями связана с ориентацией на консервативные ценностные ориентации и по отношению к тревоге перед глобальными рисками выполняет одновременно мобилизующую и стабилизирующую функции: она повышает значимость глобальных рисков, но при этом удерживает от радикальных решений и подкрепляет приверженность традиционным нормам и ценностям для защиты от катастроф и их последствий.

***

В заключение хотелось бы выделить несколько перспективных, на наш взгляд, направлений дальнейшего исследования чувства ответственности перед другими поколениями как социально-психологического феномена.

Во-первых, необходимы специальные исследования, направленные на прояснение психологических функций ответственности перед прошлыми поколениями. Особый интерес представляет их вклад в жизнестойкость и стратегии совладания с трудными ситуациями, а также их связь с детско-родительскими отношениями в семье, опытом общения с бабушками и дедушками, опытом работы в разновозрастных трудовых коллективах. В каких именно ситуациях ответственность перед старшими родственниками и предшествующими поколениями становится релевантной для личности и повышает личностный потенциал? В каких случаях апелляция к ответственности перед прошлыми поколениями более действенна, чем обращение к ответственности перед будущими? Какой вклад в формирование чувства ответственности перед прошлыми поколениями вносят коллективные переживания, а также содержание коллективной памяти и поддерживающие ее коммеморативные культурные практики, например, изучение истории в школе, праздник Победы, религиозные праздники, рассказывание семейных историй? Как чувство ответственности перед прошлыми поколениями связано с групповыми ценностями и характеристиками культуры, такими как уровень коллективизма, дистанция власти, толерантность к неопределенности?

Во-вторых, необходимо уточнить связь чувства ответственности перед будущими поколениями с другими нравственно-психологическими характеристиками личности, такими как стадии нравственного развития, используемые стратегии отчуждения моральной ответственности, уровень эмпатии и альтруизма, просоциальные установки, толерантность к разнообразию. Какую роль чувство ответственности перед будущими поколениями играет в преодолении эффектов дисконтирования будущего при разрешении социальных дилемм, разработке долгосрочно ориентированных стратегических решений? В чем состоят различия между механизмами формирования индивидуального и коллективного чувства ответственности перед будущими поколениями людей? Каков вклад этого переживания в поддержание позитивной групповой идентичности в условиях

растущей неопределенности будущего? Большой интерес представляет связь чувства ответственности перед будущими поколениями с характеристиками образа коллективного будущего (Нестик, 2014).

Наконец, по мере нарастания сложности социальных проблем и глобальных вызовов мы все более нуждаемся в разработке психологически обоснованных институциональных стимулов и образовательных программ, развивающих чувство ответственности перед будущими поколениями. По-видимому, такие программы должны опираться на развитие способности личности к включению своей жизненной истории в нарративы более широких социальных групп, убеждения в способности повлиять на свое настоящее и будущее, повышение осознанности долгосрочных последствий своих поступков и «радиуса» их влияния на людей, с которыми человека связывают слабые связи. Широкие возможности в этой работе открывают цифровые технологии, в том числе использование виртуальной реальности, искусственного интеллекта и больших данных для моделирования последствий принимаемых решений, визуализации сценариев будущего, вероятность которого повышает или снижает человек своим поведением.

ГЛАВА 9

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРШИМ И БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ

Ответственность как социально-психологическая характеристика поколения

Глобальные экологические, технологические, информационные угрозы обращают на себя пристальное внимание не только политиков, ученых, технических специалистов, но и обычных людей, получающих соответствующую информацию из СМИ, интернета и других источников. Ощущение угрозы порождает как беспокойство за собственное благополучие, так и переживание тревоги за поколения людей, которым предстоит жить в будущем. Феномен ответственности за благополучие младших поколений изучается в психологии уже более полувека, начиная с работы Э. Эриксона (Erikson, 1968), которым был введен термин «генеративность», означающий заботу о будущих поколениях, проявляющуюся у зрелой личности. Со временем это понятие получило различные трактовки, включая разведение личностной и социальной генеративности (Полякова, 2019; Milfont, Sibley, 2011), были обнаружены связи этого феномена с другими психологическими явлениями. Так, получены корреляции генеративности с экстраверсией и открытостью, с компетентностью, стремлением к достижениям, альтруизмом и доверием (Cox et al., 2010). Кроме того, было показано, что генеративность обладает сильной связью с заботой об окружающей среде и экологическими обязательствами (Milfont, Sibley, 2011). В исследованиях Т. А. Нестика (Нестик и др., 2019) установлен ряд предикторов чувства социальной ответственности у россиян: глобальная идентификация и социальное доверие, проактивный копинг, страх смерти, ориентация на ценности доб-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Емельянова Т. П., Белых Т. В.* Ответственность молодежи по отношению к старшим и будущим поколениям // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2020. № 2. С. 34–45.

рожелательности, справедливости, лояльности своей группе, а также вера в сложность и справедливость мира. Влияние социального контекста на выраженность генеративности был доказан (Полякова, Стрижицкая, 2017) посредством анализа особенностей семейной (степень знания о предках и готовность к прародительским отношениям) и внесемейной сфер (она выше среди участников волонтерской деятельности и специалистов профессий «человек–человек»).

Между тем открытым остается вопрос о возможных различиях в выраженности социальной генеративности и ответственности перед другими поколениями у разных поколений россиян. На наш взгляд, особый интерес представляет сопоставление по этому параметру молодежных поколений (Y и Z), которые будут определять социальную политику в скором будущем. Поколения Y и Z были выделены в рамках теории поколений, разработанной американскими учеными – драматургом и историком У. Штраусом и демографом Н. Хоувом (Strauss, Howe, 1991) и адаптированной в России Е. Шамис и А. Антиповым (Шамис, Антипов, 2007). Несмотря на близость по возрасту и по условиям политической и экономической социализации, представители поколений Y и Z, как показало наше исследование (Емельянова и др., 2019), различаются по их отношению к экологическим рискам. Убежденность в существовании реальной угрозы экологического кризиса значимо выше у представителей поколения Z. Кроме того, у них более выражена и убежденность в предельном количестве природных ресурсов. Они значимо чаще выражают уверенность в недостаточной способности природы к самовосстановлению, в конечном счете, в неизбежности масштабной экологической катастрофы при отсутствии изменений в деятельности людей. Подобные проэкологические убеждения заставляют думать и о выраженной озабоченности этого поколения будущим в целом. Сопоставление поколений Y и Z в плане ответственности перед представителями других поколений могло бы косвенно свидетельствовать о динамике этого явления в молодежной среде.

Поскольку уже было доказано существование социально-психологических предикторов чувства ответственности перед другими поколениями (Нестик и др., 2019; Нестик, Журавлев, 2018), в программу нашего исследования для сопоставления поколений были включены такие социально-психологические характеристики, как тревога по поводу глобальных рисков, ценностные ориентации, ингрупповое и аутгрупповое доверие, ориентация на лояльность своей группе, ориентация на справедливость и на уважение авторитетов, на чистоту и святость, а также прогрессивизм.

Эмпирическое исследование ответственности перед предшествующими и будущими поколениями у представителей поколений Y и Z

Целью исследования явилось изучение содержания, структуры и предикторов феномена ответственности перед предшествующими и будущими поколениями у представителей поколений Y и Z.

Исследование было проведено среди работающей молодежи и студентов гуманитарных факультетов вузов Курска, Челябинска и Арзамаса (N=461; 36,3% – мужчины; 63,7% – женщины; в возрасте от 15 до 35 лет)[1]. В выборке были выделены две подгруппы: поколение Y (1984–1998 г. р.: 21–35 лет; N=169) и поколение Z (1999–2004 г. р.: 15–20 лет; N=292). В исследовании применялся метод опроса, который проводился посредством заполнения печатных бланков анкет.

Для изучения содержания и структуры феномена ответственности перед предшествующими и будущими поколениями использовались методики «Ответственность перед предшествующими и будущими поколениями» (Нестик и др., 2019) и «Шкала социальной генеративности» в адаптации Т. А. Нестика (Нестик и др., 2019; Morselli, Passini, 2015). Для измерения социально-психологических характеристик была использована шкала «Глобальная социальная идентификация» (Global Social Identification – GSI). Для измерения ценностных и моральных ориентаций использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций» (Portrait Values Questionnaire – PVQ21) Ш. Шварца, а также «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire – MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения характеристик образа мира использовались опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey – SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также шкала «Общая вера в справедливость мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер. Для измерения отношения личности к глобальным рискам использовался опросник Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018). Для оценки доверия использовались шкалы из World Values Survey. При обработке данных применялся пакет статистических программ SPSS v. 20.0.

---

1 Авторы выражают благодарность руководителю исследовательского проекта РНФ № 18-18-00439 Т. А. Нестику за организацию сбора данных для данного исследования.

В таблице 9.1 представлены результаты исследования структуры чувства ответственности у представителей поколений Y и Z за свои действия перед людьми из различных групп с помощью методики «Ответственность перед предшествующими и будущими поколениями» (Нестик и др., 2019).

Полученные данные свидетельствуют о том, что как у представителей поколения Y, так и у представителей поколения Z в наибольшей степени выражена ответственность перед своими детьми и внуками, а также перед родителями.

Таблица 9.1

Выраженность чувства ответственности у представителей поколений Y и Z за свои действия перед людьми из различных поколенческих групп (N=461; 5-балльная шкала)

Значимые Другие	**Поколение Z (N=292)**		**Поколение Y (N=169)**		**Значимость различий**	
	M	SE	M	SE	**U**	**p**
Ответственность перед прошлыми поколениями	3,61	0,06	3,37	0,08	21404	**0,017**
Прошлые поколения	3,13	0,07	2,73	0,10	20493	**0,002**
Отдаленные предки	2,85	0,07	2,64	0,10	22325	**0,081**
Бабушки и дедушки	4,04	0,07	3,80	0,10	22561	**0,101**
Родители	4,43	0,06	4,31	0,09	23266	0,229
Ответственность перед будущими поколениями	3,22	0,05	3,19	0,08	24180	0,719
Люди, живущие сейчас на Земле	3,22	0,06	3,17	0,09	24368,5	0,817
Люди Вашего поколения	3,12	0,07	3,13	0,09	24401,5	0,836
Отдаленные потомки	3,25	0,07	3,27	0,10	24653	0,987
Будущие поколения людей	3,31	0,07	3,21	0,09	23458,5	0,362
Ответственность перед своими детьми и внуками	4,18	0,07	4,11	0,09	23028	0,203
Ваши дети	4,26	0,07	4,24	0,09	23944,5	0,549
Ваши внуки	4,10	0,07	3,98	0,10	22857	0,154

Примечание: M – среднее значение, SE – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

Выявлены значимые различия в выраженности ответственности перед прошлыми поколениями у представителей поколений Y и Z (на уровне значимости $p<0,050$). При этом выраженность ответственности перед прошлыми поколениями (на уровне значимости $p<0,010$) выше у представителей поколения Z, чем у поколения Y. Представители поколения Z также в большей степени чувствуют свою ответственность перед отдаленными предками, а также перед бабушками и дедушками (на уровне тенденций $p=0,081$ и $p=0,101$ соответственно).

В психологии развития ответственность перед будущими поколениями рассматривается как один из признаков генеративности личности – ориентации на заботу о других людях. Люди с высокой генеративностью характеризуются более высоким альтруизмом, высокой гражданской активностью, ориентацией на заботу об окружающей среде, более высокими моральными установками (Нестик и др., 2019; Cox et al., 2010; Morselli, Passini, 2015). Переживание ответственности перед будущими поколениями связано с памятью о прародителях и с представлениями респондентов о том, какой вклад они могут внести в жизнь собственных внуков (Полякова, Стрижицкая, 2017).

Для оценки генеративности нами была использована «Шкала социальной генеративности» в адаптации Т. А. Нестика (Нестик и др., 2019; Morselli, Passini, 2015), результаты представлены в таблице 9.2.

Значимых различий в выраженности составляющих социальной генеративности и в общей генеративности у представителей поколений Y и Z выявлено не было.

Согласно полученным данным, социальная генеративность у представителей поколений Y и Z соответствует уровню развития – выше среднего (4,57 и 4,70 баллов из 7, соответственно). Это свидетельствует о том, что для представителей обоих поколений характерны такие черты, как альтруизм, высокая гражданская активность, ориентация на заботу об окружающей среде (Полякова, Стрижицкая, 2017; Cox et al., 2010; Lawford et al., 2015; Milfont, Sibley, 2011).

Для исследования представления о предмете ответственности (то, за что респонденты чувствуют свою ответственность) был использован опросник, содержавший варианты – «за то, что происходит в мире, за то, что происходит в России, за то, что происходит в вашем городе, за то, что происходит в том доме (на той улице), где вы проживаете» (5-балльная шкала).

Таблица 9.2

Выраженность генеративности у представителей поколений Y и Z (N=461; 7-балльная шкала)

Утверждения	Поколение Z (N=292)		Поколение Y (N=169)		Значимость различий	
	M	SE	M	SE	U	p
Шкала социальной генеративности	4,70	0,07	4,57	0,11	24227,5	0,746
1. Своими действиями я помогаю сделать мир лучше для будущих поколений	4,43	0,09	4,26	0,13	23763,5	0,500
2. Я несу личную ответственность за улучшение той местности, где я живу	4,99	0,09	4,93	0,13	24542	0,922
3. Я жертвую частью своего комфорта для того, чтобы содействовать развитию последующих поколений	3,93	0,09	3,93	0,14	24536,5	0,919
4. Я чувствую ответственность за благополучие будущих поколений	4,68	0,10	4,62	0,13	24498	0,897
5. Я стремлюсь сделать что-то такое, что останется даже после моей смерти	5,17	0,10	4,91	0,15	23180	0,269
6. Я помогаю людям становиться лучше	4,98	0,09	4,76	0,13	23574	0,415

Примечание: M – среднее значение, SE – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

Согласно полученным данным, уровень ответственности у представителей обоих поколений возрастает по мере уменьшения глобальности предмета ответственности, то есть наибольший груз ответственности представители поколений Y и Z чувствуют за происходящее в их доме, на их улице. В наименьшей степени они ощущают ответственность за то, что происходит в мире. При этом ответственность поколения Z за то, что происходит в мире, значимо выше, чем у представителей поколения Y (на уровне значимости $p<0,010$).

Для исследования ценностных ориентаций нами использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций» (Portrait Values Questionnaire – PVQ21) Ш. Шварца.

Результаты сопоставления (U-критерия Манна–Уитни) ценностных ориентаций у представителей поколений Y и Z свидетельствуют о том, что для поколения Z в наибольшей степени характерны следующие ценностные ориентации: самостоятельность, достижения (причем данная ценность в большей степени выражена у поколения Z, чем у поколения Y на уровне значимости $p<0{,}001$), универсализм (в большей степени выражена у поколения Z, чем у поколения Y на уровне значимости $p<0{,}050$).

Для поколения Y в наибольшей степени характерны следующие ценностные ориентации: конформность, безопасность, самостоятельность.

Результаты анализа показывают, что следующие ценностные ориентации на уровне тенденции в большей степени характерны представителям поколения Z, чем поколения Y: традиции, универсализм, гедонизм, достижения, власть.

Для обнаружения факторов, связанных с ответственностью представителей обоих поколений перед предшествующими и будущими поколениями, был проведен корреляционный анализ данных (таблица 9.3) по шкалам «Ответственность перед прошлыми поколениями» и «Ответственность перед своими детьми и внуками» (Нестик и др., 2019) и результатов по методикам, раскрывающим такие социально-психологические особенности двух поколений, как отношение к глобальным рискам, социальная генеративность («Шкала социальной генеративности»), социальные аксиомы (SAS) и моральные основания (MFQ). Первые пять утверждений принадлежат методике Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам», два – опроснику «Социальные аксиомы» (SAS) и четыре – «Опроснику моральных оснований» (MFQ).

Таким образом, по результатам корреляционного анализа выявлены значимые положительные корреляции шкалы «Ответственность перед прошлыми поколениями» со шкалами, представленными в таблице 9.3.

Между тем значимых положительных корреляций шкалы «Ответственность перед своими детьми и внуками» оказалось меньше – этот вид ответственности, в отличии от первой, слабо связывается с религиозным авторитаризмом, религиозностью, уважением к авторитетам и готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (возможно, в силу отсутствия родительского опыта).

Таблица 9.3

Результаты корреляционного анализа шкал «Ответственность» с отношением к глобальным рискам, социальными аксиомами и моральными основаниями личности (N=463)

Социально-психологические характеристики	**Шкала «Ответственность перед прошлыми поколениями»**		**Шкала «Ответственность перед своими детьми и внуками»**	
	R	**p**	**r**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,448	0,001	0,429	0,001
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,289	0,001	0,306	0,001
Религиозный авторитаризм	0,292	0,001	0,145	0,002
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,314	0,001	0,191	0,001
Религиозность (SAS)	0,302	0,001	0,188	0,001
Ориентация на гармонию между людьми (SAS)	0,412	0,001	0,313	0,001
Шкала заботы (MFQ)	0,349	0,001	0,253	0,001
Шкала лояльности (MFQ)	0,444	0,001	0,355	0,001
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,396	0,001	0,194	0,001
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,325	0,001	0,288	0,001

Примечание: r – коэффициент корреляции по Спирмену, p – уровень статистической значимости корреляций.

Следующий этап исследования был посвящен проведению множественного линейного регрессионного анализа для выявления социально-психологических предикторов ответственности перед другими поколениями. Результаты анализа для шкалы «Ответственность перед прошлыми поколениями» у респондентов поколения Y ($R=0,642$; $R^2=0,412$; $F=3,244$; $p\leq0,001$) представлены в таблице 9.4.

Предикторами ответственности перед прошлыми поколениями у поколения Y оказались тревога по поводу глобальных рисков ($\beta=0,324$), отсутствие готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких ($\beta=-0,244$), ингрупповое доверие ($\beta=0,198$).

Таблица 9.4

Социально-психологические предикторы ответственности перед прошлыми поколениями у поколения Y (N=169)

Социально-психологические предикторы	**B**	**SE**	β	**t**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,329	0,098	0,324	3,352	0,001
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	–0,253	0,100	–0,244	–2,526	0,013
Ингрупповое доверие (WVS)	0,208	0,122	0,198	1,701	0,091

Примечание: B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость.

Результаты анализа для шкалы «Ответственность перед прошлыми поколениями» у респондентов поколения Z (R=0,639; R^2=0,408; F=7,642; p≤0,001) представлены в таблице 9.5.

Предикторами ответственности перед прошлыми поколениями у поколения Z оказались тревога по поводу глобальных рисков (β=0,101), необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (β=0,161), готовность к активным действиям

Таблица 9.5

Социально-психологические предикторы ответственности перед прошлыми поколениями у поколения Z (N=292)

Социально-психологические предикторы	**B**	**SE**	β	**t**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,098	0,057	0,101	1,724	0,086
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,211	0,092	0,161	2,309	0,022
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	0,231	0,072	0,214	3,234	0,001
Шкала справедливости (MFQ)	–0,091	0,035	–0,379	–2,617	0,009
Шкала лояльности (MFQ)	0,068	0,021	0,293	3,248	0,001
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,036	0,020	0,167	1,776	0,077

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость.

для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (β=0,214), отсутствие ориентации на справедливость (β=–0,379), ориентация на лояльность (β=0,293), на чистоту и святость (β=0,167) как моральное основание.

Результаты анализа для шкалы «Ответственность перед своими детьми и внуками» у респондентов поколения Y (R=0,572; R^2=0,327; F=2,958; p≤0,001) представлены в таблице 9.6.

Таблица 9.6

Социально-психологические предикторы ответственности перед своими детьми и внуками у поколения Y (N=169)

Социально-психологические предикторы	**B**	**SE**	β	**t**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,223	0,113	0,204	1,978	0,050
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,291	0,153	0,239	1,906	0,059
Фаталистическое игнорирование	–0,243	0,108	–0,209	–2,251	0,026
Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,294	0,140	–0,241	–2,105	0,037
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	–0,116	0,043	–0,429	–2,720	0,007
Прогрессивизм (MFQ)	–0,180	0,071	–0,473	–2,546	0,012

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость.

Предикторами ответственности перед своими детьми и внуками у поколения Y оказались тревога по поводу глобальных рисков (β=0,271), ингрупповое доверие (β=0,204), необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (β=0,239), отсутствие фаталистического игнорирования (β=–0,209), отсутствие аутгруппового доверия (β=–0,241), отсутствие ориентации на уважение к авторитетам (β=–0,429), чистоту и святость (β=–0,048), прогрессивизм (β=–0,473).

Результаты анализа для шкалы «Ответственность перед своими детьми и внуками» у респондентов поколения Z (R=0,570; R^2=0,324; F=5,554; p≤0,001) представлены в таблице 9.7.

Предикторами ответственности перед своими детьми и внуками у поколения Z оказались тревога по поводу глобальных рисков (β=0,271), ингрупповое доверие (β=0,238), справедливость (β=0,307),

Таблица 9.7

Социально-психологические предикторы ответственности перед своими детьми и внуками у поколения Z (N=292)

Социально-психологические предикторы	**B**	**SE**	β	**t**	**p**
Тревога по поводу глобальных рисков	0,329	0,076	0,271	4,320	0,001
Ингрупповое доверие (WVS)	0,355	0,097	0,238	3,648	0,001
Шкала справедливости (MFQ)	0,093	0,047	0,307	1,981	0,049
Шкала лояльности (MFQ)	0,078	0,028	0,271	2,808	0,005
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	–0,060	0,029	–0,214	–2,062	0,040
Шкала чистоты и святости (MFQ)	–0,059	0,027	–0,218	2,169	0,031
Прогрессивизм (MFQ)	–0,094	0,051	–0,254	–1,829	0,069

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка среднего, p – статистическая значимость.

лояльность (β=0,271) как моральное основание, отсутствие ориентации на уважение к авторитетам (β=0, – 0,0214), вера в чистоту и святость (β=0, – 0,0218), отсутствие ориентации на прогрессивизм (β=0, – 0,0254).

Согласно полученным результатам, в структуре ответственности перед другими поколениями у молодежи поколений Y и Z оказалось много общего. Так, у представителей обоих поколений в наибольшей степени выражена ответственность перед своими детьми и внуками, а также перед родителями. По отношению к более ранним поколениям и к людям, с которыми они не связаны узами родства, ответственность наших респондентов проявилась в меньшей степени. Слабее всего она перед отдаленными предками и людьми своего поколения. Первое может указывать на слабость семейной памяти и семейных традиций, а второе – на особенности идентификации со своим поколением. При этом выраженность социальной генеративности, то есть ориентации на заботу о будущих поколениях, выше среднего (4,57 и 4,70 баллов из 7 соответственно у представителей поколений Y и Z). Наибольший груз ответственности представители обоих поколений чувствуют за происходящее в их доме, на их улице. Уровень ответственности за происходящее в их городе и стране у наших респондентов ниже.

Между тем были отмечены и существенные различия в переживании ответственности у представителей двух поколений, что может косвенно свидетельствовать о поколенческой динамике. Выраженность ответственности перед поколением родителей выше (на уровне значимости $p<0{,}010$) у представителей поколения Z, чем у поколения Y. Представители поколения Z также в большей степени чувствуют свою ответственность перед отдаленными предками, а также перед бабушками и дедушками. Ответственность поколения Z за то, что происходит в мире, значимо выше, чем у представителей поколения Y (на уровне значимости $p<0{,}010$).

Что касается обнаруженных предикторов чувства ответственности перед другими поколениями, наших респондентов объединяет тревога по поводу глобальных рисков, что вполне предсказуемо. Для представителей обоих поколений факторами ответственности перед своими детьми и внуками выступают ингрупповое доверие при отсутствии ориентации на уважение к авторитетам, на веру в чистоту и святость в сочетании с отрицанием благ прогресса (прогрессивизма). Сопоставляя же предикторы ответственности перед своими детьми и внуками у двух поколений, можно обнаружить и различия. У поколения Y наблюдается своеобразная амбивалентность: убежденность в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения рисков в сочетании с отсутствием аутгруппового доверия.

Анализ предикторов чувства ответственности перед предшествующими поколениями показал, что, кроме тревоги по поводу глобальных рисков, в этом пункте поколения Y и Z ничто не объединяет. Поколение Z отличается отсутствием ориентации на справедливость мира, но при этом готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких, в отличие от поколения Y.

У представителей поколения Z шире диапазон ответственности перед другими поколениями и «по географии», и ретроспективно во времени. При этом они полагаются больше на ингрупповую поддержку, активные действия, не доверяя авторитетам, представителям других социальных групп и не веря в справедливость мира. Это может объясняться не только юным возрастом, но и уже сложившейся структурой их ценностных ориентаций, в которой значимо выше в сравнении с поколением Y ценности достижения, универсализма, самостоятельности. По мнению социологов, у поколения Z больше амбиций: изменить мир к лучшему хотят больше половины из них,

тогда, как в поколении Y таких около трети. Поколение Z можно назвать первым поколением глобалистов: они рассматривают границы между странами как пережиток прошлого (Шамис, Антипов, 2007). При этом они реалисты и не склонны идеализировать настоящее и будущее человечества.

Несмотря на близость поколенческой перспективы, миллениалы по своей картине мира во многом не похожи на младшее поколение. Они более склонны смотреть в будущее с оптимизмом. Представители поколения Y стараются как можно дальше отодвинуть наступление взрослого этапа жизни, когда необходимо полностью брать на себя ответственность за происходящее. склонны оттягивать переход во взрослую жизнь на более долгий срок, дольше оставаться жить в родительском доме. Крайне важным для этого поколения является самовыражение. Для поколения Y (по нашим данным) в наибольшей степени характерны следующие ценностные ориентации: конформность, безопасность, самостоятельность. Между тем для них характерны чувства неудовлетворенности и пустоты, они стремятся оставаться собой, а не следовать ожиданиям общества (Шамис, Антипов, 2007; Strauss, Howe, 1991). Они ценят психологический комфорт, а не обязательства перед другими. Этим во многом объясняются регистрируемые нами низкое аутгрупповое доверие и отсутствие ориентации на уважение к авторитетам как предикторы ответственности перед своими детьми и внуками, а также ингрупповое доверие в качестве предиктора ответственности перед прошлыми поколениями.

В исследовании впервые были показаны особенности структуры социальной ответственности по отношению к разным поколенческим когортам у двух поколений молодежи, социально-психологические факторы, связанные с ней, и ее предикторы. Подводя итоги, необходимо отметить, что поколения Y и Z, обладая достаточно высоким уровнем генеративности, ищут собственные пути обеспечения благополучного будущего для своих детей и внуков. Одним из значимых предикторов ответственности для них являются внутригрупповое доверие и лояльность. Испытывая тревогу по поводу глобальных рисков, они переживают чувство ответственности перед старшими поколениями, но не полагаются на авторитеты, не верят в справедливость мира, отрицают прогрессивизм, а рассчитывают только на собственные силы и возможности. Старшим поколениям необходимо принимать во внимание эти особенности для предотвращения возможных межпоколенческих барьеров.

ГЛАВА 10

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕХНОГЕННЫХ РИСКОВ

Роль профессиональной ответственности в предотвращении глобальных рисков

Восприятие личностью и группами глобальных техногенных и антропогенных рисков становится все более актуальной проблемой современного мира. Развитие технологий в ядерной энергетике, помимо очевидных ресурсных преимуществ, содержит и глобальные угрозы (Психологические исследования глобальных процессов, 2018; Труды психологической службы..., 2007; Труды психологической службы..., 2010). Проактивное поведение специалистов, работающих в данной отрасли, в отношении потенциальных экологических рисков и угроз жизни людей, готовность к управлению подобными рисками становятся первоочередными задачами уже на этапе обучения соответствующих специалистов. Культура безопасности включает как составную часть высокую степень профессиональной ответственности работников.

Согласно Федеральным нормам и правилам в области использования атомной энергии «Общие положения обеспечения безопасности атомных станций» (НП-001-15), под культурой безопасности понимается набор характеристик и особенностей деятельности организаций и поведения отдельных лиц, который устанавливает, что вопросам обеспечения безопасности АС, как обладающим высшим приоритетом, уделяется внимание, определяемое их значимостью. Одним из путей формирования и поддержания культуры безопасности, в соответствии с представленным документом, является строгое соблюдение дисциплины при четком распределении полномочий и персональной ответственности руководителей и исполнителей.

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Емельянова Т. П., Белых Т. В., Пащенко-де Превиль Е. В.* Формирование профессиональной ответственности как фактор предотвращения техногенных рисков // Вестник УРАО. 2018. № 3. С. 10–16.

В атомной энергетике роль личности как участника производства и организатора собственной профессиональной жизни возрастает, так как цена человеческих ошибок в этой отрасли чрезвычайно высока (Психологические методы в работе с кадрами на АЭС, 1990; Труды психологической службы..., 2007; Труды психологической службы..., 2010). Во всех видах деятельности в атомной энергетике и промышленности от субъекта деятельности требуется высокий профессионализм, умноженный на ответственное отношение к своей работе. Профессиональная ответственность рассматривается В. А. Бодровым и Л. И. Дементий как свойство личности, отражающее отношение субъекта труда к его содержанию и результатам, к другим субъектам и самому себе в процессе труда (Бодров, 1991; Дементий, 2000). Характер этого отношения обусловливается необходимостью четкого и полного соблюдения профессиональных требований, а также готовностью специалиста предоставить отчет о полученных результатах.

Проблема репрезентации профессиональной ответственности в обыденном сознании специалистов является актуальной и практически значимой, так как именно социальные представления личности выступают одной из ключевых детерминант ее поведения. Согласно теории С. Московичи, они общезначимы и создают общее пространство повседневности, детерминирующее поведение людей.

Эмпирическое исследование социальных представлений студентов о профессиональной ответственности

Основной целью исследования было изучение социальных представлений (СП) студентов о профессиональной ответственности. Задачи исследования состояли в том, чтобы 1) выявить содержание и ядерные элементы СП студентов о профессиональной ответственности; 2) уточнить зону потенциальных изменений содержания СП о профессиональной ответственности; 3) выделить студентов с представлением о том, что соблюдение принятых правил и норм является сутью профессиональной ответственности, выявить личностные особенности этих студентов.

Выборка включала студентов, обучающихся по специальности «атомная энергетика», чье профессиональное сознание должно обеспечивать в их будущей деятельности, связанной с повышенным

риском, четкое и ответственное выполнение служебных обязанностей. По специально разработанной исследовательской программе были опрошены 120 студентов (103 юноши и 17 девушек) 3–5 курсов дневного отделения физико-энергетического факультета Обнинского института атомной энергетики (ИАТЭ) Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) «МИФИ». Эмпирическое исследование проведено с применением следующих методик: 1) Тест смысложизненных ориентаций (СЖО); 2) Пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка»; 3) Тест уровня субъективного контроля – УСК; 4) Шкалы для выявления структуры СП о профессиональной ответственности; 5) Ответы на вопрос «Какими качествами обладает человек с высоким уровнем профессиональной ответственности?» были обработаны с помощью программного обеспечения EVOC 2000. Данные, полученные в ходе тестирования, подвергались статистической обработке в стандартных программах SPSS 20.0, MS Excel.

Для решения первой задачи выявления ядерных элементов СП студентов о профессиональной ответственности был проведен поисковый этап исследования с помощью интервью и последующего контент-анализа, который показал, что СП содержат три основных предметных блока: 1) суть профессиональной ответственности, 2) факторы, влияющие на формирование профессиональной ответственности, 3) люди, перед которыми должен нести ответственность специалист производства. Респондентам предлагалось оценить по 7-балльной шкале наиболее важные элементы СП о профессиональной ответственности. Мы следовали идее Ж.-К. Абрика, который предложил считать показателями центральности элементов СП их значимость для респондентов (Abric, 2003a, b). Расчет коэффициента позитивных ответов (отражающих субъективную значимость) производился по формуле Абрика в модификации Т. П. Емельяновой для каждого предметного блока СП (Емельянова, 2006).

Выявлено, что ядерными элементами СП в первом блоке (суть профессиональной ответственности) являются профессиональный уровень работника (84,2 баллов), качество работы (83,3), уровень ответственности (79,2). В структуре второго блока СП (формирование профессиональной ответственности) ядерными выступили такие элементы, как личностные качества (76,7) и обучение (71,7). В связи с высокой значимостью обучения для формирования профессиональной ответственности была использована шкала для выявления того,

какие именно факторы учебной деятельности, по мнению студентов, влияют на формирование профессиональной ответственности. Было обнаружено, что центральными элементами во втором блоке структуры СП (формирование профессиональной ответственности в обучении) является соблюдение принятых правил и норм (65,8) и соблюдение дисциплины (62,5). При анализе содержания третьего блока в структуре СП (люди, перед которыми должен нести ответственность специалист производства) было выявлено, что центральными элементами этого блока являются элементы «руководство» (85,0), «клиенты» (66,7) и «коллеги» (60,8).

Для решения второй задачи уточнения зоны потенциальных изменений содержания СП ответы студентов на вопрос «Какими качествами обладает человек с высоким уровнем профессиональной ответственности?» были обработаны с помощью программного обеспечения EVOC 2000. На пересечении показателей частотности и среднего ранга приведенных ответов, согласно методическому приему П. Вержеса (Vergès, 1992, 1994), находятся центральные элементы СП, как было показано в исследовании Е. Пащенко-де Превиль (Пащенко-де Превиль, 2012). По мнению студентов, речь идет о человеке с развитым чувством ответственности, пунктуальном, обязательном и хорошо образованном, что в целом подтверждает данные, полученные с помощью коэффициента Абрика. По мнению П. Вержеса, качества, приведенные достаточно большим количеством студентов, но в последних рангах: целеустремленность, решительность, профессионализм и др., а также качества, которые называются в первых рангах, но малым количеством респондентов: уверенность, четкость, эрудированность и др., – могут служить источником возможных изменений представления (Vergès, 1992, 1994).

Решение третьей задачи состояло в выявлении личностных особенностей студентов-физиков, для которых соблюдение принятых правил и норм либо является, либо не является сутью профессиональной ответственности. Поскольку строгое соблюдение дисциплины, профессиональных правил и норм, согласно документам, считается основой ответственного профессионального поведения сотрудников АС, в рамках нашего исследования из выборки были выделены студенты (первая группа), которые скорее не согласны с тем, что соблюдение принятых правил и норм является сутью профессиональной ответственности. Их оказалось 11 чел., они оценили соответствующее утверждение опросника в 1–4 балла (из 7). Ре-

спондентов с противоположной позицией (вторая группа) оказалось большинство – 92 чел. (они оценили это утверждение в 6–7 баллов).

В таблицах 10.1–10.3 представлены результаты исследования личностных особенностей студентов этих двух групп: группа 1 (скорее не согласны) и группа 2 (скорее согласны).

Полученные нами результаты содержания СП студентов-энергетиков о профессиональной ответственности позволяют судить о том, насколько адекватными и зрелыми являются убеждения студентов, получающих профессию, потенциально связанную с возможностью техногенных рисков. Важно, что официально закрепленное требова-

Таблица 10.1

Различия данных о личностных особенностях студентов по тесту «Большая пятерка» (с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни)

Шкалы опросника	**Группа 1**	**Группа 2**	**Значимость различий**
	Сред. знач.	Сред. знач.	
Шкала «Нейротизм»	33,91	29,52	**0,039**
Шкала «Экстраверсия»	42,00	42,36	0,642
Шкала «Открытость»	37,36	38,70	0,619
Шкала «Дружелюбие»	39,82	43,74	**0,035**
Шкала «Добросовестность»	36,36	39,37	**0,014**

Таблица 10.2

Различие данных по тесту СЖО в двух группах студентов (с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни)

Субшкалы теста СЖО	**Группа 1**	**Группа 2**	**Значимость различий**
	Сред. знач.	Сред. знач.	
Субшкала «Цели в жизни»	30,64	32,70	0,302
Субшкала «Процесс жизни»	29,82	30,86	0,511
Субшкала «Результативность жизни»	23,36	26,07	**0,091** (на уровне тенденции)
Субшкала «Локус контроля – Я»	19,91	21,92	0,188
Субшкала «Локус контроля – жизни»	31,09	32,30	0,510

Таблица 10.3

Различие данных по методике УСК в двух группах студентов (с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни)

Шкалы методики	Группа 1	Группа 2	Значимость различий
	Сред. знач.	Сред. знач.	
Шкала интернальности в области достижений	6,09	8,29	0,015
Шкала интернальности в области неудач	7,00	7,96	0,111
Шкала интернальности в области производственных отношений	4,82	5,70	0,016

ние по безопасности, а именно соблюдение установленных правил и норм деятельности, усвоено студентами. Так в центральной части структуры СП о профессиональной ответственности (блок «формирование профессиональной ответственности в обучении») первые позиции по значимости занимают «соблюдение принятых правил и норм» и «соблюдение дисциплины». Во второй группе студентов, для которых эти требования являются максимально значимыми, в структуре их личности значимо более выражена (чем в первой группе) такая черта, как добросовестность (данные теста «Большая пятерка»). Этих студентов отличают также более высокая степень осмысленности жизни (тест СЖО) и большие значения интернальности (в том числе в области производственных отношений), то есть они принимают ответственность за события своей жизни на себя, объясняя их своим поведением, способностями, чертами личности (тест УСК). Нужно заметить, что в содержании СП студентов не представлен такой важный элемент, как саморефлексия в процессе деятельности (самокритичность, самоконтроль и др.). Думается, подобная «лакуна» в представлении может быть связана с недостатком личного трудового опыта, со сосредоточенностью студентов на получении знаний, профессиональной компетенции больше, чем на рефлексивной стороне их будущей деятельности.

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, нами раскрыто содержание СП студентов-энергетиков о профессиональной ответственности: оно центрировано на пунктуальности, образованности, профессиональном уровне работника и соблюдении дисциплины, кроме того, сутью профессио-

нальной ответственности подавляющее большинство студентов считает соблюдение установленных норм и правил, что соответствует официальным требованиям безопасности.

Во-вторых, зона потенциальных изменений (периферическая часть в структуре) СП студентов о профессиональной ответственности содержит такие элементы, как целеустремленность, трудолюбие, решительность, четкость, то есть качества, вырабатываемые в процессе трудовой деятельности, которые можно считать «зоной развития» будущего профессионала для обеспечения безопасности.

В-третьих, у студентов с различным представлением о том, является ли соблюдение принятых правил и норм сутью профессиональной ответственности, обнаружены различия в личностных особенностях, в частности, в уровне интернальности, степени осмысленности жизни, добросовестности и др.; эти результаты могут быть использованы как в воспитательной работе со студентами, так и при оценке профессиональной пригодности.

ГЛАВА 11

ОТНОШЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Религиозная идентичность и отношение к глобальным рискам

Актуальность проблемы исследования связана с все более острым переживанием глобальных геополитических, социальных, экономических и технологических рисков в российском обществе (Нестик, Журавлев, 2018). Однако социально-психологические механизмы формирования отношения личности и социальных групп к глобальным рискам до сих пор нуждаются в разработке. Не раскрытым остается характер влияния религиозной, гражданской и глобальной идентичности на отношение к глобальным рискам, а также его связь с другими социально-психологическими характеристиками групп. Для выявления различий в отношении к глобальным рискам у молодежи в зависимости от специфики религиозной/светской ментальности респондентов было предпринято сравнительное исследование групп студентов двух университетов: православного и светского (все с гуманитарным профилем обучения).

Образование в православных вузах предполагает не только преподавание богословских дисциплин, но и соответствующую мировоззренческую направленность при изучении других дисциплин. В православном вузе обучаются студенты преимущественно из воцерковленных семей. В светских же вузах учится молодежь с разной ментальностью, но, учитывая общую долю воцерковленных людей в обществе (около 4%), можно допустить, что верующих православных в группе студентов светских вузов присутствует статистически незначимая доля. Тот факт, что особенности ментальности православных верующих (Рязанцев и др., 2014; Хухлаев, Шорохова, 2016)

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Емельянова Т. П., Белых Т. В.* Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 40–50.

обусловливают их восприятие и оценку социальной действительности, лег в основу идеи нашего исследования.

Целью исследования было выявление различий в отношении к глобальным рискам у молодежи в зависимости от их религиозности. Гипотеза состояла в том, что отношение к глобальным рискам у студентов светского и православного университетов различается по ряду компонентов и образует связи с их идентичностью, которая является важной мировоззренческой характеристикой, с одной стороны, и с толерантностью к неопределенности, во многом обусловливающей продуктивное личностное развитие и сопротивляемость стрессам, с другой (Леонтьев, 2015).

Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов: результаты эмпирического исследования

Исследование осуществлялось с помощью прямого анкетирования, которое проводилось посредством заполнения печатных бланков анкет.

Общий объем выборки составил N=127. Группа студентов светского вуза (далее – группа 1) представлена подвыборкой n=69 (в возрасте от 16 до 31 года). Из них: 71% – девушки, 29% – юноши. Группа студентов православного вуза (далее – группа 2), представлена подвыборкой n=58 (в возрасте от 17 до 29 лет). Из них: 52% – девушки, 48% – юноши.

Для изучения отношения личности к глобальным рискам использовался опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика (Нестик, Журавлев, 2018), позволяющий измерить аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты отношения личности к глобальным рискам и их предотвращению. Для измерения характеристик социальной идентичности была использована методика «Структура идентичности» Н. И. Даудрих (Даудрих, 2002). В рамках данной методики респондентам предлагалось оценить, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. С целью оценки толерантности к неопределенности применялась методика «Толерантность к неопределенности» (Нестик, Журавлев, 2018), позволяющая измерить ее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS v. 20.0.

Результаты и их интерпретация

В таблице 11.1 представлены результаты оценки компонентов отношения респондентов двух групп к глобальным рискам.

Таблица 11.1

Значения компонентов отношения респондентов к глобальным рискам студентов светского (группа 1) и православного (группа 2) университетов

Компоненты отношения к глобальным рискам	**Группа 1**		**Группа 2**		**Значимость различий**	
	X_1	m_1	X_2	m_2	**U**	**p**
Аффективный компонент						
Тревога по поводу глобальных рисков	3,41	0,14	3,67	0,12	1780,5	0,284
Когнитивный компонент						
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	4,15	0,08	3,92	0,09	1560,5	0,045
Фаталистическое игнорирование	3,21	0,09	2,95	0,10	1529,0	0,032
Религиозный авторитаризм	2,59	0,10	3,71	0,09	550,5	0,001
Радикальные решения	2,33	0,08	2,27	0,11	1763,5	0,386
Оптимизм в отношении глобального будущего	3,72	0,08	3,54	0,09	1673,0	0,149
Апокалиптизм	2,54	0,11	2,97	0,12	1474,0	0,010
Поведенческий компонент						
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	3,53	0,15	3,60	0,13	1955,0	0,824
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	3,59	0,11	3,48	0,11	1783,0	0,386

Примечание: X – среднее значение, m – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

Полученные данные свидетельствуют о том, что значимых различий в аффективном и поведенческом компонентах отношения к глобальным рискам и их предотвращению у респондентов православного и светского вузов не выявлено. При этом обращает на себя внимание тот факт, что тревога по поводу глобальных рисков у всех респондентов, как и готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких выражены на уровне выше среднего.

Различия в отношении к глобальным рискам у студентов светской и православной ментальности выявлены в рамках когнитивного компонента. Так, студенты светского вуза значимо чаще отмечают необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных угроз, чем студенты православного вуза (U=1560,5, p=0,045). При этом необходимость сотрудничества как стратегия реагирования на глобальные угрозы занимает первое ранговое место у всех респондентов. Для всех респондентов вне зависимости от религиозности характерен оптимизм в отношении глобального будущего.

Религиозный авторитаризм как стратегия предотвращения глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами в наибольшей степени разделяется студентами православного вуза (U=550,5, p=0,001). В свою очередь, для студентов светского вуза в большей степени характерно фаталистическое игнорирование глобальных рисков за счет сосредоточения на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (U=1529,0, p=0,0321). Апокалиптизм как ожидание близкого конца человеческого рода выбирается респондентами не часто, при этом данный выбор чаще наблюдается у студентов православного вуза (U=1474,0, p=0,010). Радикальные решения, то есть допустимость выживания одних за счет других является наиболее редко выбираемой стратегией реагирования на глобальные риски среди всех респондентов вне зависимости от их религиозности.

В таблице 11.2 представлены результаты оценки компонентов толерантности к неопределенности у респондентов светских и православных вузов.

Согласно данным, представленным в таблице 10.2, значимых различий в оценках усредненных показателей компонентов толерантности к неопределенности у студентов светских и православных вузов выявлено не было. Для определения конкретных характеристик каждого из компонентов толерантности к неопределенности, по которым могут различаться студенты светских и православных вузов, в таблицах 11.3–11.5 представлены усредненные оценки обеих групп по отдельным суждениям каждого компонента. В таблице 11.3 представлены суждения, входящие в аффективный компонент толерантности к неопределенности, и их усредненные оценки респондентами светских и православных вузов.

Согласно представленным данным, на уровне тенденции (U=1643,0, p=0,075) представители православного вуза чаще испы-

Таблица 11.2

Показатели толерантности к неопределенности у респондентов светских и православных вузов

Компоненты толерантности к неопределенности	Группа 1		Группа 2		Значимость различий	
	X_1	m_1	X_2	m_2	U	P
Когнитивный компонент	35,25	0,53	36,03	0,65	1897,0	0,614
Аффективный компонент	33,20	0,78	31,64	0,79	1639,0	0,287
Поведенческий компонент	39,93	0,85	38,17	0,79	1753,0	0,229

Примечание: X – среднее значение, m – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

Таблица 11.3

Результаты оценки суждений, входящих в аффективный компонент толерантности к неопределенности, респондентами светских и православных вузов

Суждения, входящие в аффективный компонент толерантности к неопределенности	Группа 1		Группа 2		Значимость различий	
	X_1	m_1	X_2	M_2	U	p
9. Меня привлекают ситуации, которые можно по-разному истолковать	4,87	0,19	4,72	0,21	1915,5	0,673
10. Если я оказываюсь в ситуации, которую невозможно контролировать, я нервничаю	4,58	0,22	4,83	0,23	1817,0	0,364
11. Сложная, непредсказуемая ситуация, как правило, вызывает тревогу и опасение	4,61	0,19	5,09	0,20	1666,5	0,099
12. Мне доставляет удовольствие решение проблем, которые не имеют однозначных решений	4,70	0,16	4,60	0,20	1983,5	0,931
13. Мне не нравится попадать в ситуации, развитие которых непредсказуемо	4,36	0,19	4,45	0,21	1960,0	0,840
14. Трудно делать выбор, когда результат не ясен	4,65	0,18	5,17	0,18	1643,0	0,075
15. Когда невозможно спрогнозировать дальнейшее развитие событий, это вызывает азарт и предвкушение	4,32	0,18	4,09	0,21	1830,5	0,399
16. Я люблю, когда ясно, что нужно делать и как именно	5,52	0,17	5,76	0,18	1792,5	0,295

Примечание: X – среднее значение, m – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

тывают трудности при выборе в ситуации неопределенности, чем студенты светского вуза.

В таблице 11.4 представлены суждения, входящие в когнитивный компонент толерантности к неопределенности, и их усредненные оценки респондентами светских и православных вузов.

Согласно представленным данным, студенты светского вуза значительно чаще отмечают безграничность возможностей современного мира, чем студенты православного вуза (U=1529,5, p=0,020).

Таблица 11.4

Результаты оценки суждений, входящих в когнитивный компонент толерантности к неопределенности, респондентами светских и православных вузов

Суждения, входящие в когнитивный компонент толерантности к неопределенности	**Группа 1**		**Группа 2**		**Значимость различий**	
	X_1	m_1	X_2	m_2	**U**	**p**
1. Жизнь настолько непредсказуема, что точно спрогнозировать что-либо практически невозможно	4,71	0,18	4,90	0,17	1890,5	0,584
2. Если знать причины, лежащие в основе поступков людей, то их поведение легко предсказать	5,30	0,13	4,88	0,18	1726,0	0,165
3. Возможности, раскрывающиеся перед человеком в современном мире, практически безграничны	5,29	0,15	4,66	0,21	1529,5	0,020
4. Каждая ситуация может быть истолкована множеством способов	5,74	0,12	5,84	0,12	1882,5	0,548
5. В любой сложной ситуации можно найти единственно верное решение	3,58	0,18	3,36	0,22	1820,5	0,373
6. Многие из важных решений бывают основаны на неполной или противоречивой информации	4,43	0,16	4,67	0,19	1823,0	0,377
7. Не бывает таких ситуаций, развитие событий в которых невозможно проконтролировать	3,41	0,19	3,09	0,21	1754,5	0,224
8. Большая часть событий в жизни происходит сама по себе, и попытки контролировать ситуацию оказываются бессмысленны	3,36	0,16	3,29	0,21	1898,5	0,611

Примечание: X – среднее значение, m – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

В таблице 11.5 представлены суждения, входящие в поведенческий компонент толерантности к неопределенности, и их усредненные оценки респондентами светских и православных вузов.

Согласно полученным данным, на уровне тенденции (U=1639,5, p=0,075) представители православного вуза чаще, чем студенты светского вуза, предпочитают не предпринимать действия в ситуации неопределенности. В свою очередь, студенты светского вуза чаще готовы действовать в непредсказуемой ситуации, чем студенты православного вуза (U=1552,5, p=0,027).

Таблица 11.5

Результаты оценки суждений, входящих в поведенческий компонент толерантности к неопределенности, респондентами светских и православных вузов

Суждения, входящие в когнитивный компонент толерантности к неопределенности	**Группа 1**		**Группа 2**		**Значимость различий**	
	X_1	m_1	X_2	M_2	**U**	**p**
17. Я избегаю ситуаций и проблем, не имеющих единственного верного решения	3,42	0,16	3,47	0,17	1946,0	0,781
18. Самое тяжелое для меня в сложной и непонятной ситуации – это бездействие	5,00	0,20	5,12	0,23	1891,5	0,589
19. Если ситуация выходит из-под контроля и становится непредсказуемой, то лучше уйти и не вмешиваться	3,26	0,19	3,43	0,19	1882,0	0,556
20. Когда неизвестно, как себя вести, то лучше вообще ничего не делать	2,91	0,18	3,47	0,23	1639,5	0,075
21. Разнообразие возможностей современной жизни заставляет действовать более активно	5,55	0,12	5,09	0,19	1663,0	0,092
22. В сложной, непредсказуемой ситуации главное – это действовать	5,17	0,15	4,59	0,20	1552,5	0,027
23. В непонятной, противоречивой ситуации я выжидаю: авось рассосется	3,17	0,20	3,02	0,18	1924,5	0,706
24. Если информация о чем-либо неполна или противоречива, то это шанс проявить личную инициативу и самостоятельность	4,97	0,15	4,76	0,20	1883,0	0,558

Примечание: X – среднее значение, m – стандартная ошибка среднего, U – значение U-критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости различий.

Следующий этап исследования был посвящен выявлению структуры социальной идентичности у респондентов светского и православного вузов. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. Для выявления структуры идентичности применялся коэффициент позитивных ответов (КПО). Расчет коэффициента позитивных ответов для каждого суждения из списка КПО (i) производился по следующей формуле:

$$КПО\ i=(n\ (4)+n\ (5))\ /\ N*100,$$

где n (4) – число ответов «часто», n (5) – число ответов «всегда», N – общее число ответов.

Сравнительный анализ двух групп студентов выполнялся с помощью критерия φ* – углового преобразования Фишера.

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) показал совпадение структуры социальной идентичности у групп студентов православного и светского вузов на уровне значимости не менее $p<0{,}010$. Однако были выявлены статистически значимые различия в частоте выбора субъектов социальной идентичности у двух рассматриваемых групп.

Жирным шрифтом выделены наиболее высокие коэффициенты позитивных ответов по субъектам идентичности. В структуре социальной идентичности у 1-й и 2-й групп респондентов вне зависимости от религиозности первые места занимают единомышленники (75,4 и 82,1 соответственно) и друзья (74,1 и 84,1).

Третье ранговое место в структуре социальной идентичности у студентов православного университета занимают люди той же религии (73,2), при этом выборов данного субъекта идентичности у студентов светского университета значимо меньше (на уровне значимости $p<0{,}010$). Семья для студентов православного университета занимает четвертое ранговое место (71,4), пятое и шестое – люди той же профессии (57,4) и люди, имеющие те же проблемы (58,8). Причем людей той же профессии и со схожими проблемами значительно чаще с собой идентифицируют студенты православного университета, чем светского (на уровне значимости $p<0{,}050$ и $p<0{,}010$ соответственно).

Для студентов светского университета, в свою очередь, третье ранговое место в структуре идентичности занимает семья (59,4), чет-

Таблица 11.6

Результаты выявления структуры социальной идентичности у респондентов светского и православного вузов

Субъекты идентичности	Затруднились ответить (%)		КПО		Значимость различий	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	φ*	p<
1. Семья	0	3,5	**59,4**	**71,4**	1,407	–
2. Друзья	0	0	**84,1**	**74,1**	1,387	–
3. Соседи	18,8	27,6	8,9	9,5	0,103	–
4. Единомышленники	5,8	3,5	**75,4**	**82,1**	0,900	–
5. Люди вашего возраста	1,5	3,5	**42,6**	32,8	0,992	–
6. Люди вашего достатка	20,3	32,8	**40,0**	20,5	2,049	0,050
7. Коллеги	17,4	8,6	38,6	47,2	0,912	–
8. Люди вашей профессии	23,2	20,7	39,6	**57,4**	1,852	0,050
9. Имеющие те же проблемы	10,1	12,1	35,5	**58,8**	2,492	0,010
10. Люди вашей национальности	21,7	31,0	35,2	30,0	0,532	–
11. Люди вашей религии	23,2	3,5	28,3	**73,2**	4,858	0,010
12. Человечество	21,7	27,6	31,5	19,0	1,410	–
13. Россияне	17,4	20,7	33,3	26,1	0,797	–
14. Европейцы	24,7	26,3	32,7	16,7	1,808	0,050
15. Советские люди	17,4	20,7	15,8	17,4	0,217	–
16. Горожане	20,6	32,8	27,8	20,5	0,814	–

Примечание: ТСР – коэффициент позитивных ответов, φ* – критерий углового преобразования Фишера, p – уровень значимости различий.

вертое и пятое ранговое место – люди того же возраста (42,6) и того же достатка (40,0). Причем с людьми схожего достатка чаще себя идентифицируют студенты светского университета, чем православного (на уровне значимости $p<0,050$). Студенты православного университета значительно реже идентифицируют себя с европейцами, чем представители светского университета (на уровне значимости $p<0,050$).

Для выявления связей между показателями отношения к глобальным рискам и социально-психологическими особенностями

студентов двух вузов был применен корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), который показал наличие корреляционных связей между оценками респондентов по методике «Отношение к глобальным рискам» и методике «Толерантность к неопределенности» в каждой из групп респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у студентов светского университета существует положительная корреляционная связь между фаталистическим игнорированием (сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой) и когнитивным компонентом толерантности к неопределенности (r_s=0,263, p<0,050). То есть чем выше у студентов светского университета уровень осознания неопределенности внешней среды, тем выше сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой. Также выявлена отрицательная обратная связь между фаталистическим игнорированием и аффективным компонентом толерантности к неопределенности (r_s=–0,247, p<0,050), то есть фаталистическое игнорирование связано с ослаблением аффективного компонента толерантности к неопределенности (эмоционального отношения к неопределенности внешней среды).

Данные показывают, что у студентов православного университета обнаружена положительная связь между оптимизмом в отношении глобального будущего и поведенческим компонентом толерантности к неопределенности (r_s=0,205, p<0,050), а также на уровне тенденции положительная связь между оптимизмом в отношении глобального будущего и аффективным компонентом толерантности к неопределенности (rs=0,239, p=0,073).

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволил обнаружить наличие корреляционных связей между оценками респондентов по методике «Отношение к глобальным рискам» и методике «Социальная идентичность» в каждой из групп респондентов. В группе студентов светского университета выявлены отрицательные связи между готовностью участвовать в предотвращении глобальных рисков (поведенческий компонент) и выбором социальной идентичности с людьми той же национальности (p=0,043), религии (p=0,075) и россиянами (p=0,045).

В той же группе студентов по результатам корреляционного анализа обнаружены следующие связи между составляющими когнитивного компонента отношения к рискам и субъектами социальной идентичности: положительные связи между религиозным автори-

таризмом и выбором социальной идентичности со светскими людьми (p=0,001); положительные связи между оптимизмом в отношении глобального будущего и выбором социальной идентичности с соседями (p=0,027) и единомышленниками (p=0,046).

У студентов православного университета выявлены положительные связи между аффективным компонентом отношения к глобальным рискам (тревога по поводу глобальных рисков) и выбором социальной идентичности с людьми той же профессии (p=0,011) и горожанами (p=0,048), а также положительные связи между готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких и выбором социальной идентичности с единомышленниками (на уровне тенденции).

В той же группе респондентов по результатам корреляционного анализа обнаружены следующие связи между составляющими когнитивного компонента отношения к рискам и субъектами социальной идентичности: положительные связи между необходимостью сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков и выбором социальной идентичности с людьми со схожими проблемами (p=0,035); отрицательные связи между фаталистическим игнорированием и выбором социальной идентичности с семьей (p=0,004) и людьми того же вероисповедания (p=0,035); положительные связи между религиозным авторитаризмом и выбором социальной идентичности с коллегами (p=0,035) и людьми того же вероисповедания (p=0,003).

Таким образом, наша гипотеза частично подтвердилась. Обнаружилось, что отношение к глобальным рискам у студентов светского и православного университетов различается по содержанию когнитивного компонента этого отношения, но значимо не различается по показателям аффективного и поведенческого компонентов. Религиозный авторитаризм как стратегия предотвращения глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами предсказуемо высок у православных студентов. Их постулат – необходимость возврата к традиционной религии и ценностям («на все воля божья») и вера в мудрость государственных лидеров. Для светских студентов более характерно видение угроз с фаталистической точки зрения – не следует тревожиться по поводу того, на что невозможно повлиять, лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких. Студенты светского университета также в большей степени верят в возможность предотвра-

щения глобальных катастроф с помощью поддержания баланса сил, сотрудничества и компромиссов, чем студенты православного университета. При этом необходимость сотрудничества как стратегия реагирования на глобальные угрозы занимает первое ранговое место у респондентов обеих групп. Для всех респондентов вне зависимости от религиозности характерен также оптимизм в отношении глобального будущего. В целом же можно видеть, что тревога по поводу глобальных рисков у респондентов обеих групп, как и готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких выражены на уровне выше среднего.

Обнаруженные корреляционные связи позволяют допустить, что у студентов светского университета важным фактором развития фаталистического видения угроз является толерантность к неопределенности, осознание и принятие непредсказуемости и противоречивости происходящего в жизни. Кроме того, они чаще готовы действовать в непредсказуемой ситуации, чем православные студенты.

Структура социальной идентичности в двух группах студентов имеет как общие, так и различные черты. При совпадении первой и второй позиций в иерархии предпочтений (единомышленники и друзья) у светских студентов третье место занимает семья, а у православных – люди той же религии. Религиозная идентичность для современной православной молодежи, как было показано в исследованиях, имеет ярко выраженный социальный характер (Хухлаев, Шорохова, 2016), поэтому нами был предпринят корреляционный анализ связей идентичности с отношением к глобальным рискам. Одним из факторов приверженности религиозному авторитаризму в отношении глобальных рисков, как было показано, является как раз социальная идентичность с людьми того же вероисповедания, а выбор единомышленников оказался фактором готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких. Что касается идентичности светских студентов как фактора отношения к рискам, то отсутствие идентичности с людьми той же национальности, религии и россиянами является предиктором готовности участвовать в предотвращении глобальных рисков. Возможно, такого типа готовность предполагает, по мнению студентов, более глобальную идентичность?

Результаты исследования подтвердили факт влияния ментальности (религиозной и светской) на восприятие и интерпретацию

глобальных рисков студенческой молодежью. Противодействие глобальным рискам студенты с религиозным и светским мировоззрением видят по-разному: православные студенты в обращении к традиционным религиозным ценностям в жизни и политике в то время, как светские студенты надеются на предотвращение глобальных угроз с помощью политических компромиссов, сохранения баланса сил и международного сотрудничества. Между тем для молодежи вне зависимости от степени религиозности характерно амбивалентное переживание глобальных угроз – с одной стороны, тревога, а с другой, оптимизм в отношении глобального будущего и готовность участвовать в предотвращении рисков.

РАЗДЕЛ II

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭСКАЛАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ РИСКОВ

ГЛАВА 12

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЭКОНОМИЧЕСКИМ САНКЦИЯМ КАК ИНСТРУМЕНТУ ПРИНУЖДАЮЩЕЙ ДИПЛОМАТИИ

Социально-психологические предпосылки готовности личности оправдывать использование санкций для предотвращения глобальных рисков

Санкции нередко рассматриваются в качестве сигнала, указывающего на то, что своими действиями правительство той или иной страны создает риски для своих граждан, региона или всего мира. Сама угроза применения санкций или применение незначительных символических мер – средство послать сигнал стране-цели о серьезности намерений инициаторов (напр.: Bapat et al., 2013). В целом триада «принуждение–сдерживание–посылка сигнала» (coerce, constraint, signal) является своего рода функциональным эталоном санкций и аналитической моделью их изучения (напр.: Giumelli, 2016).

Санкции стали связывать с предотвращением глобальных рисков, в том числе – с вопросами о правах человека, соблюдении договора о нераспространении ядерного оружия или в перспективе все более вероятного их использования под предлогом борьбы с сокращением выбросов парниковых газов. Между тем всеобъемлющие санкции против Северной Кореи или, например, Ирака в 1991 г., привели к колоссальному падению качества жизни и росту смертности в этих странах.

С конца 1990-х популярность приобрело понятие «точечных санкций». Предполагалось, что ограничения следует фокусировать на конкретных лицах и организациях, а не стране в целом, чтобы сократить ущерб для населения (напр.: Drezner 2015; Tourinho, 2015). Глобализация финансовой мощи США и новые инструменты мониторинга транзакций существенно повысили возможности отслеживать сделки, а значит, и фокусировать санкции на более узкой груп-

пе лиц. В политических целях такие инструменты были опробованы американцами после 2001 г. на фоне борьбы с международным терроризмом (напр.: Zarate, 2013). Впрочем, точечные санкции также могут наносить серьезный ущерб правам человека, вполне сопоставимый со всеобъемлющими санкциями. Ситуация в области применения санкций осложняется в эпоху кибервойн и информационных операций, а также в связи с возможностью наложения так называемых «киберсанкций» (Guardian of The Galaxy EU, 2019).

Подрывая ресурсную базу политического режима, санкции создают условия для народных волнений и последующей смены власти. Однако исследования говорят скорее об обратном – санкции вполне могут дать возможность политической элите консолидировать свои позиции и повысить свою легитимность (Grauvogel, Soest, 2014).

Проведенный нами анализ научной литературы, посвященной проблеме санкций как виду дипломатического принуждения, показал, что они являются предметом политологического анализа, тогда как эмпирические социологические и социально-психологические исследования крайне редки. Например, показано, что поддержка санкций выше в странах с «жесткой» культурой, где ниже терпимость к отклонениям от принятых социальных норм (Onderco, 2017); готовность уступить санкционному давлению возникает лишь в том случае, когда источник санкций рассматривается как стратегический партнер (Grossman et al., 2018); а влияние угрозы применения санкций на поведение личности зависит от ее представлений об эффективности санкций (Yamamoto, Suzuki, 2018).

Между тем растущая вероятность использования экономических санкций в связи с климатическим кризисом и противостоянием блоков стран, возглавляемых США и Китаем, требует эмпирического изучения социально-психологических механизмов их оправдания, а также их субъективной значимости для личности. Анализ социально-психологических факторов готовности личности оправдывать использование санкций для предотвращения глобальных рисков позволяет выделить два основных ее механизма: через глобальную идентификацию и сопереживание членам аутгруппы или через повышение релевантности гражданской идентичности и тревогу по поводу будущего.

Для изучения социально-психологических предпосылок отношения личности к санкциям нами было проведено исследование, участниками которого стали студенты технических и гуманитар-

ных факультетов вузов гг. Москвы, Курска и Новосибирска (N=483; 36,2% – мужчины; средний возраст – 19,3 года; SD=2,02), а также 96 руководителей линейного и среднего звена, работающих в российских организациях (48% – мужчины; средний возраст – 32,9 лет; SD=5,03). Общая численность выборки составила 579 человек (37,5% мужчин; средний возраст – 21,5; SD=5,8).

Мы предположили, что готовность оправдывать применение санкций для предотвращения глобальных рисков связана с глобальной идентичностью и либеральными моральным основаниями в оценке социальных явлений. Кроме того, нами были выдвинуты гипотезы о том, что поддержка санкций как инструмента принуждающей дипломатии связана с социальным цинизмом и социальной сложностью в представлениях об обществе, выраженностью гражданской идентичности, низким уровнем доверия к другим социальным группам, а также с ориентацией на консервативные моральные основания в оценке социальных явлений.

Для измерения отношения личности к экономическим санкциям как инструменту дипломатического принуждения была разработана методика «Отношение к экономическим санкциям», первоначально включавшая 36 утверждений, согласие с которыми мы просили респондентов оценить по 5-балльной шкале. В ходе проверки шкал на согласованность и конфирматорного факторного анализа методика была сокращена до 21 пунктов, объединенных в 4 шкалы: 1) тревога по поводу последствий санкций, наложенных на страну (7 пунктов; α Кронбаха =0,760; M=2,77; SD=0,839; примеры утверждений «Меня тревожат новости о новых санкциях, наложенных на нашу страну», «Я слежу за новостями о санкциях, наложенных на нашу страну»); 2) признание нахождения под санкциями ущербом для репутации (3 пункта; α Кронбаха =0,621; M=2,84; SD=1,011; примеры: «Мне стыдно за нашу страну каждый раз, когда я слышу о наложенных на нее санкциях»; «Я переживаю о том, как бы наше правительство своими действиями не спровоцировало еще большего ужесточения санкций»); 3) оправданность использования санкций для защиты национальных интересов (6 пунктов; α Кронбаха =0,697; M=2,79; SD=0,790; примеры: «Я считаю оправданным введение санкций против государства, которое ввело санкции по отношению к нашей стране»; «Вполне допустимо использовать санкции против компаний другого государства, если они затрудняют развитие отечественных компаний»); 4) оправданность санкций как наказания за нарушение

международных соглашений (5 пунктов; α Кронбаха =0,792; M=3,88; SD=0,876; примеры: «Я считаю оправданным применение санкций против государства, нарушающего гражданские права и свободы»; «Можно применять санкции против государства, действия которого усугубляют климатическую и экологическую ситуацию в мире (например, посредством выброса парниковых газов, вырубки лесов, уничтожения редких видов животных, загрязнения рек и водоемов и т. п.)»; «Санкции совершенно оправданны, если применяются против государства, которое вторглось на территорию другой страны, нарушив нормы международного права»). При этом от шкал «Эффективность экономических санкций» и «Негативное отношение к санкциям как инструменту дипломатического принуждения» пришлось отказаться в связи с их низкой согласованностью. Конфирматорный факторный анализ, проведенный с помощью программы Amos v. 22, подтвердил четырехфакторное решение, все дисперсии факторов значимы, модель соответствует критериям пригодности (χ^2=178,791; df=143; CMIN/df=1,250; p=0,023; RMR=0,058; CFI=0,988; GFI=0,973; RMSEA=0,021; Hi 90=0,030; Pclose=1).

Для измерения доверия использовались шкалы из World Values Survey, измеряющие социальное доверие (N=1465; 6 пунктов; α=0,719; M=2,94; SD=0,683) и институциональное доверие (N=1459; 4 пункта; α=0,800; M=2,16; SD=0,821). Для измерения ценностных ориентаций нами использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций» Ш. Шварца (Ten-Item Values Inventory, TIVI; Sandy et al., 2016), а также «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения социальной идентичности нами использовалась скрининговая версия шкалы глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза (2 пункта; N=1577; α Кронбаха =0,892; M=2,21; SD=1,366; «Для меня важно чувство принадлежности к мировому сообществу», «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете» – Нестик, Журавлев, 2018), а также разработанная нами скрининговая шкала идентификации с россиянами (2 пункта; N=1569; α Кронбаха =0,891; M=2,62; SD=1,607; «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Моя судьба тесно связана с будущим России»). Для измерения характеристик образа мира мы использовали опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также шкалу «Общая вера в справедливость

мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер. Для измерения уровня макиавеллизма нами использовался опросник «Темная дюжина» в адаптации Т. В. Корниловой (Корнилова и др., 2015). Наконец, для измерения воспринимаемой силы норм в российском обществе мы использовали шкалу «Жесткости–мягкости культуры» М. Гельфанд в русскоязычной адаптации Анны Мандель (Tightness–Looseness Scale, TLS; Gelfand et al., 2011; Mandel, Realo, 2015).

Как показал линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R=0{,}463$; $R^2=0{,}211$; S. E.=0,895; $F=53{,}346$; $p<0{,}001$), *признание нахождения под санкциями ущербом для репутации страны* прямо связано с глобальной идентичностью ($\beta=0{,}409$) и социальным цинизмом, то есть убеждением в несправедливости устройства общества ($\beta=0{,}069$), а также обратно связано с выраженностью идентификации с Россией ($\beta=-0{,}229$).

Таблица 12.1

Социально-психологические предикторы признания нахождения под санкциями ущербом для репутации страны (N=579)

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	2,121	0,224		9,456	0
Глобальная идентичность	0,345	0,031	0,409	11,113	0
Идентификация с Россией	–0,199	0,032	–0,229	–6,211	0
Социальный цинизм (SAS)	0,093	0,049	0,069	1,879	0,061

Примечание: $R=0{,}463$; $R^2=0{,}211$; S. E.=0,895; $F=53{,}346$; $p<0{,}001$.

Предикторами *тревоги по поводу последствий санкций,* наложенных на страну ($R=0{,}526$; $R^2=0{,}268$; S. E.=0,720; $F=29{,}831$; $p<0{,}001$), являются глобальная идентичность ($\beta=0{,}332$), жесткость культуры, то есть представление о том, насколько россияне требовательны к соблюдению принятых в стране норм поведения ($\beta=0{,}074$), низкая социальная сложность, то есть низкая выраженность убеждения в том, что люди могут вести себя по-разному в разных ситуациях ($\beta=-0{,}141$), ориентация на моральные основания чистоты и святости ($\beta=0{,}129$), низкая значимость ценности конформности ($\beta=-0{,}096$) и универсализма ($\beta=-0{,}079$), а также информированность о санкциях, наложенных на нашу страну ($\beta=0{,}312$).

Таблица 12.2

Социально-психологические предикторы тревоги по поводу последствий санкций, наложенных на страну (N=579)

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	1,28	0,258		4,964	0
Глобальная идентичность	0,233	0,026	0,332	8,891	0
Жесткость культуры (TLS)	0,091	0,046	0,074	1,986	0,048
Социальная сложность (SAS)	–0,159	0,042	–0,141	–3,772	0
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,028	0,008	0,129	3,376	0,001
Конформность (TIVI)	–0,067	0,026	–0,096	–2,523	0,012
Универсализм (TIVI)	–0,05	0,023	–0,079	–2,113	0,035
Информированность о санкциях, наложенных на нашу страну	0,262	0,031	0,312	8,474	0

Примечание: $R=0,526$; $R^2=0,268$; S. E.=0,720; $F=29,831$; $p<0,001$.

Убеждение в *оправданности ответных санкций для защиты национальных интересов* связано ($R=0,454$; $R^2=0,193$; S. E.=0,707; $F=15,029$; $p<0,001$) с верой в зависимость от судьбы ($\beta=0,116$), высоким доверием к социальным институтам ($\beta=0,177$), ориентацией на ценность власти ($\beta=0,115$), значимостью моральных оснований лояльности к своей группе ($\beta=0,140$), чистоты и святости ($\beta=0,153$) при низком доверии к другим социальным группам ($\beta=-0,074$), низкой социальной сложности ($\beta=-0,073$), низкой ориентации на ценность универсализма ($\beta=-0,094$) и низкой ориентации на учет последствий будущего ($\beta=-0,123$). При этом чем выше возраст респондентов, тем более они склонны оправдывать ответные санкции для защиты национальных интересов ($\beta=0,083$).

Предикторами *оправданности санкций как наказания за нарушение международных соглашений* ($R=0,464$; $R^2=0,204$; S. E.=0,778; $F=19,842$; $p<0,001$) являются глобальная идентичность ($\beta=0,106$), убеждение в социальной сложности ($\beta=0,120$), добросовестность ($\beta=0,111$), высокая значимость заботы о людях ($\beta=0,188$) и справедливости ($\beta=0,170$) при низкой значимости уважения к авторитетам ($\beta=-0,137$), низкой доброжелательности ($\beta=-0,070$) и низкой ориентации на ценность универсализма, то есть принятия других точек зрения ($\beta=-0,094$).

Таблица 12.3

Социально-психологические предикторы оправданности ответных санкций для защиты национальных интересов (N=579)

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	2,357	0,301		7,821	0
Социальная сложность (SAS)	–0,075	0,04	–0,073	–1,857	0,064
Зависимость от судьбы (SAS)	0,105	0,036	0,116	2,941	0,003
Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,076	0,04	–0,074	–1,876	0,061
Доверие к социальным институтам (государству, СМИ, бизнесу)	0,173	0,04	0,177	4,308	0
Власть (TIVI)	0,077	0,027	0,115	2,907	0,004
Универсализм (TIVI)	–0,056	0,024	–0,094	–2,364	0,018
Шкала лояльности (MFQ)	0,029	0,010	0,140	2,976	0,003
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,03	0,009	0,153	3,27	0,001
Ориентация на учет последствий будущего (CFC)	–0,133	0,042	–0,123	–3,178	0,002
Возраст респондента	0,011	0,005	0,083	2,196	0,028

Примечание: R=0,454; R^2=0,193; S.E.=0,707; F=15,029; p<0,001.

Таблица 12.4

Социально-психологические предикторы оправданности санкций как наказания за нарушение международных соглашений (N=579)

Предикторы	B	S.E.	β	t	p
(Константа)	1,76	0,234		7,531	0
Социальная сложность (SAS)	0,136	0,048	0,120	2,851	0,005
Глобальная идентичность	0,077	0,028	0,106	2,792	0,005
Добросовестность (TIPI)	0,072	0,024	0,111	2,927	0,004
Доброжелательность (TIPI)	–0,053	0,028	–0,07	–1,884	0,06
Универсализм (TIVI)	–0,062	0,025	–0,094	–2,47	0,014
Шкала заботы (MFQ)	0,045	0,011	0,188	4,086	0
Шкала справедливости (MFQ)	0,039	0,011	0,170	3,696	0
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	–0,027	0,008	–0,137	–3,501	0,001

Примечание: R=0,464; R^2=0,204; S.E.=0,778; F=19,842; p<0,001.

Для оценки *готовности руководителей к соблюдению санкционных ограничений при взаимодействии с деловыми партнерами* мы предъявляли респондентам описание ситуации: «Представьте, что вы – руководитель компании, партнер которой попал под санкции другой страны. У вас есть возможность заключить с ним очень выгодный контракт в обход санкций, но в случае заключения такого контракта ваша компания сама рискует попасть под санкции». На выбор предлагались три варианта решения: заключить прямой договор, совершить сделку через подставные компании, отказаться от сделки. Как показал регрессионный анализ ($R=0,499$; $R^2=0,211$; S. E.=0,661; $F=6,557$; $p>0,001$), готовность соблюдать санкционные ограничения при взаимодействии с деловыми партнерами прямо зависит от ингруппового доверия, то есть доверия семье, друзьям, лично знакомым людям (0,249), социального цинизма, то есть низкого доверия социальным институтам и убеждения в несправедливости устройства общества (0,200), а также от информированности о санкциях, наложенных на нашу страну (0,234) и выраженности тревоги по поводу их последствий (0,421).

На основании полученных данных можно предположить, что чем больше руководители сталкиваются с негативными последствиями экономических санкций и чем больше они опасаются подвести людей, входящих в ближний круг общения, тем больше они склонны избегать нарушения санкционного режима.

Таблица 12.5

Социально-психологические предикторы ориентации руководителей на соблюдение санкционных ограничений при взаимодействии с деловыми партнерами (N=96)

Предикторы	B	S. E.	β	t	P
(Константа)	–1,017	0,685		–1,485	0,142
Ингрупповое доверие (WVS)	0,301	0,121	0,249	2,498	0,015
Социальный цинизм (SAS)	0,184	0,091	0,200	2,027	0,046
Информированность о санкциях, наложенных на нашу страну	0,166	0,076	0,234	2,177	0,032
Тревога по поводу последствий санкций, наложенных на страну	0,332	0,084	0,421	3,941	0

Примечание: $R=0,499$; $R^2=0,211$; S. E.=0,661; $F=6,557$; $p>0,001$.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что экономические санкции воспринимаются как значимый фактор для экономики и репутации страны лишь при высокой выраженности глобальной идентичности. Чем выше институциональное доверие и ниже аутгрупповое, а также чем выраженнее ориентация на консервативные ценности при моральной оценке явлений, тем выше поддержка санкций как инструмента защиты национальных интересов.

При этом сочетание ингруппового доверия и социального цинизма, информированности о санкциях и озабоченности их последствиями снижает готовность руководителей к нарушению санкционных ограничений при взаимодействии с партнерами.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что готовность оправдывать использование санкций для защиты от глобальных рисков, – таких как распространение оружия массового поражения или действия, усугубляющие климатическую и экологическую ситуацию в мире, – определяется преимущественно глобальной идентификацией и ориентацией на либеральные моральные основания (высокой значимостью заботы о людях и справедливости при низкой значимости уважения к авторитетам). Однако при восприятии глобальных рисков в качестве угрозы национальным интересам поддержка санкций против других государств может в большей степени определяться консервативными моральными основаниями (лояльность своей группе, чистота и святость) и низким аутгрупповым доверием.

Исследование эффективности вторичных экономических санкций

Как правило, эффективность санкций ассоциируется со способностью страны-инициатора или коалиции таких стран повлиять с помощью санкций на внешнюю или внутреннюю политику страны-цели. Иными словами, базовым критерием эффективности служит степень влияния санкций на «поведение» страны-цели. Г. Хафбауэр и его коллеги в 1990 г. констатировали, что лишь треть санкционных мер приводит к успеху (Hufbauer et al., 1990). Последующие оценки были более пессимистичными – в 1997 г. Р. Пейп раскритиковал результаты Хафбауэра, зафиксировав смену «поведения» лишь в 5% случаев (Pape, 1997). В 1999 г. Д. Дрезнер ввел понятие «парадокса санкций», обнаружив, что ограничительные меры гораздо эф-

фективнее против союзников. Однако против оппонентов они дают обратный результат (Drezner, 1999). Способность санкций повлиять на политический курс страны-цели вызывает сомнения в более поздних работах (напр., Hufbauer et al., 2009, Rosenberg et al., 2016). К эффективности санкций можно подойти и с точки зрения того ущерба, который они могут нанести стране-цели. Санкции используются в качестве инструмента сдерживания экономического и военного потенциала страны-цели. А значит, они могут приносить политические дивиденды даже тогда, когда страна-цель не меняет свой курс. Исследование ущерба от санкций – распространенная исследовательская стратегия (напр., Neuenkirch, Neumeier, 2015).

Компании и корпорации могут оказываться и под вторичными санкциями. Под вторичными санкциями понимаются ограничительные меры американских правительственных структур против отдельных компаний за нарушение уже существующих санкционных программ. Угроза вторичных мер выходит далеко за рамки границ национального государства, против которого введены ограничения и касается международного бизнеса в целом. А значит, эффективность санкций можно оценить в совершенно ином ключе – с точки зрения способности государственных регуляторов изменить поведение компаний под угрозой применения вторичных санкций.

Вместо привычной связки «государство-государство» мы сосредоточили внимание на анализе влияния санкций на поведение бизнеса, то есть рассмотрели их эффективность в связке «государство-бизнес» (Timofeev, 2019). Нами был проанализирован опыт США в применении вторичных санкций против американского и зарубежного бизнеса за нарушение санкционного законодательства. Были поставлены два исследовательских вопроса. Первый – почему бизнес нарушает санкции США? Являются ли такие нарушения преднамеренными или случайными? Второй – насколько сильно влияют вторичные санкции (штрафы) на дальнейшее соблюдение бизнесом санкционных законов. Меняют ли они поведение бизнеса в сторону лояльности режимам санкций США или, наоборот, бизнес продолжает нарушать «правила игры»?

Мы предположили, что за нарушением режимов санкций США со стороны бизнеса лежат рациональные мотивы, то есть бизнес действует преднамеренно с целью максимизации прибыли. Однако штрафы властей США существенно меняют поведение бизнеса в сторону соблюдения законов, так как порождают риск значитель-

ных потерь. Для проверки гипотезы была создана количественная база данных, в которой отражено 205 случаев штрафных мер властей США против бизнеса за последние 10 лет (2009–2019 гг.). Источником для базы данных послужили материалы расследований Минфина США против юридических и физических лиц, на которые были наложены штрафные санкции. База данных состоит из 73 переменных. Полученные данные обработаны методами частотного анализа (Timofeev, 2019).

Проведенный анализ не подтвердил гипотезу о преднамеренном характере нарушений со стороны бизнеса. Хотя такие нарушения присутствуют, они не являются преобладающей практикой. В то же время данные подтверждают вторую гипотезу: компании существенно меняют свое поведение в сторону соблюдения американских режимов санкций. Исследование дает принципиально новую картину эффективности санкций США как мирового лидера по числу случаев их применения. Если в связке «государство–государство» они скорее не эффективны, то в связке «государство–бизнес» они показывают высокую эффективность.

Намечая перспективы дальнейших исследований, хотелось бы выделить проблемы, решение которых будет приобретать все большую актуальность. Во-первых, необходимо продолжить уточнение социально-психологических факторов воспринимаемой значимости санкций среди граждан страны-адресата, в том числе таких, как уровень популизма, патернализма, авторитаризма правого толка. Во-вторых, перспективным направлением исследований является прояснение связи между отношением к санкциям и межгрупповыми эмоциями (стыд, гордость, вина), а также коллективным нарциссизмом. В-третьих, все большее значение приобретает вопрос о том, как опыт переживания глобальных угроз, в том числе таких, как изменение климата и пандемии, будет влиять на готовность оправдывать все более жесткие санкции? Наконец, необходимы дальнейшие исследования для получения более полного представления о психологических факторах нарушения компаниями санкционных режимов.

ГЛАВА 13

ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К ВОЙНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Значительная часть истории человечества связана с вооруженными конфликтами и войнами, некоторые из которых оказывались опустошительными по числу жертв. Наибольшее число жертв обычно связывают с международными конфликтами, однако и внутристрановые конфликты могут быть чрезвычайно кровопролитными. Так, например, существуют данные, согласно которым во время гражданской войны в Соединенных Штатах Америки погибло 620000 человек. Эта цифра превышает число погибших в Корейской, Вьетнамской, Первой и Второй Мировой войнах (Statista, 2020).

Отношение общества к войне как средству разрешения социальных, политических и экономических противоречий в значительной степени определяет вероятность возникновения войн. Поэтому изучение социальных установок личности в отношении войны сохраняет свое значение и в XXI в. Особое значение исследования такого рода приобретают в странах, где военные конфликты происходили достаточно часто. Люди, которые проживают в таких странах, имеют сформированные социальные установки в отношении различных способов разрешения международного конфликта, которые, судя по всему, отражаются в их поведении и имеют определенные психологические предикторы.

Кроме того, по сравнению с мирной жизнью, военные события, чаще запоминаются людьми как значимые, определяя содержание коллективной памяти и способы интерпретации будущего, что подтверждается исследованиями, которые были проведены аналитическим центром Юрия Левады «Левада-центр» в течение последних лет (Левада-центр, 2014, 2017).

Новости о военных конфликтах на территории соседних стран оказываются значимыми для нас даже в тех случаях, когда мы на-

ходимся перед лицом других серьезных угроз. Так, в октябре 2020 г. «Левада-центр» провел опрос, в рамках которого респондентам задавали вопрос «Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?». Второе место (19% от общего числа опрошенных) по частоте выбора заняло событие «Вооруженные столкновения в Нагорном Карабахе» (Левада, 2020).

Значимость событий, связанных с военным разрешением конфликта в России, указывает на то, что данные события имеют большое значение для жителей нашей страны. Памятные даты (например, Великая Отечественная война), события, связанные с ними (парад Победы, Бессмертный полк), так или иначе отражают сформировавшееся в обществе отношение к войне. Возникают вопросы: являются эти социальные установки специфическими или они характерны для жителей любой страны? как эти социальные установки влияют на поведение людей? каковы предикторы данных социальных установок?

Психологические исследования отношения личности и группы к войне имеют длительную историю и начались около 80 лет назад. Особую популярность они приобрели во время Второй мировой войны. С тех пор исследовательский интерес к данной проблематике лишь возрастал. Чаще всего подобного рода исследования проводятся в США, кроме того, в исследованиях участвуют психологи из Израиля, Австрии и других стран.

Современные исследования, связанные с изучением социальных установок в отношении войны, опираются на ряд теорий, по-разному интерпретирующих причины войны. В одном из проведенных недавно исследований психологи изучали, как суждения о поступках солдат на войне связаны с отношением людей к войне (Watkins, Goodwin, 2020). На основании полученных данных авторы пришли к выводу о том, что на суждения о действиях солдат влияет оценка войны как более или менее справедливой. Важное место в исследованиях отношения личности к войне занимают факторы, влияющие на оценку последствий военных конфликтов. Так, например, разработана шкала, измеряющая готовность к прощению в том числе и у людей, которые пострадали в войне (Stammel et al., 2017).

Изучение отношения личности и группы к войне сопряжено с разрешением целого ряда теоретических и методологических проблем, которые будут рассмотрены нами ниже.

Проблема дифференциации отношения личности к миру и войне в социально-психологических исследованиях

С момента обращения психологов к изучению социальных установок в отношении войны в 1930-е годы остается спорной проблема разграничения отношения к войне и миру. Одни исследователи рассматривают эти феномены как самостоятельные, другие же считают их противоположными полюсами одной шкалы. Так, например, Д. Дроба предложил шкалу для изучения милитаризма–пацифизма (Droba, 1931). С помощью данной шкалы было опрошено 1000 респондентов. В результате проведенного исследования были получены следующие результаты: люди с более высоким уровнем образования, студенты, которые обучаются на старших курсах и демонстрируют интерес к точным наукам, а также женщины демонстрируют больший пацифизм, чем остальные группы, которые принимали участие в исследовании. Кроме того, более высокий уровень пацифизма был также выявлен у людей, которые придерживались социалистических политических убеждений. Более убежденными милитаристами оказались респонденты, придерживающееся католической и лютеранской религиозной ориентации, и люди, которые имеют отношение к военной службе (Droba, 1931).

В другом исследовании приняло участие 866 студентов колледжей и университетов, которым была предложена шкала отношения к войне (Stagner, 1942). В результате были выявлены особенности, связанные с гендерными и возрастными характеристиками испытуемых: так, мужчины в возрасте старше 40 лет имели более высокие значения по шкале поддержки войны как способа разрешения конфликтов, по сравнению с мужчинами 39 лет и младше. В группе женщин значения были существенно ниже, чем в группе мужчин. Милитаристские установки имели тенденцию к снижению у мужчин в процессе обучения: например, в замере, который проводился в сентябре, показатели милитаризма были выше, чем в замере, который проводился в декабре. Однако наиболее высокой поддержка войны оказалась у женщин, которые демонстрировали высокий уровень патриотизма: их милитаризм был выше, чем у двух групп мужчин. Кроме того, также были обнаружены связи с политическими предпочтениями и принадлежностью к определенной религиозной и этнической группе. Так, было установлено, что сторонники Лэндона демонстрируют более высокий уровень милитаризма, по сравне-

нию со сторонника Рузвельта. Также протестанты демонстрировали более высокий уровень поддержки войны по сравнению с католиками. Самый низкий уровень милитаризма был установлен у людей, которые относили себя к этнической группе евреев. Также, по сравнению с другими группами, поддержка войны оказалась выше среди членов общества военных ветеранов.

Дальнейшее развитие методов социально-психологических исследований и формирование новых теорий повлияло и на изучение отношения личности к войне. Так, в одном из исследований для изучения того, как люди относятся к миру и войне, психологи применили теорию социальных представлений (Wagner et al., 1996). Они сравнивали представления о войне и мире у жителей двух стран — Испании и Никарагуа. Было установлено, что «ядра» социальных представлений о войне, выявленных у жителей двух стран, относительно схожи. Но этот результат характерен только для слов и ассоциаций, связанных с аффективным контекстом. Сами исследователи связывают это с обсуждением войны и мира в средствах массовых коммуникаций и предыдущим коллективным опытом, с историей страны: если эта тема войны не является актуальной для СМИ, а коллективная память не отягощена военным опытом, то и сформированное ядро социальных представлений о войне у жителей такой страны также отсутствует.

Дальнейшие исследования расширили представления о связи отношения к войне и миру с различными социально-психологическими характеристиками личности. Так, серия исследований показала, что милитаристские установки связаны с такими психологическими характеристиками, как авторитаризм и догматизм, религиозный фундаментализм, а также отношение к мигрантам и электоральное поведение (Vail, Motyl, 2010).

Однако интерпретация милитаризма и пацифизма как противоположных полюсов одной шкалы не позволяет ответить на вопросы о том, существуют ли люди, которые могут позитивно относиться как к войне, так и к миру или, напротив, иметь негативные установки по отношению как к войне, так и к миру.

Некоторые исследователи настаивают на том, что мир и война не всегда противоположны друг другу (Galtung, 1985). Так, с точки зрения Й. Галтунга, их соотношение можно представить в виде двух основных измерений. Полюсами первого из них являются прямое насилие (например, неприкрытое насилие, такое как война, ко-

торое подразумевает быстрое причинение вреда) и отсутствие насилия (негативный мир). На полюсах второго измерения оказываются структурное насилие (скрытое насилие, которое медленно наносит вред через социальные отношения, такие как эксплуатация и порабощение) и его отсутствие (позитивный мир, который предполагает социальную справедливость и гармонию.

Результаты проведенных исследований подтверждают данную позицию и демонстрируют, что социальные установки в отношении к войне не всегда противоположны поддержке мира. Некоторые из исследователей предлагают выделять несколько возможных вариантов доминирующих социальных установок в отношении войны и мира. Среди них называют: милитаристов (предпочитают войну и отвергают мир), пацифистов (предпочитают мир и отвергают войну), воинствующих пацифистов (предпочитают мир и войну), а также равнодушных (не хотят ни мира, ни войны). Соотношение уровней пацифизма и милитаризма определяет поддержку войны и готовность к различным способам мирного разрешения конфликта (Bizumic et al., 2013).

Социальные установки в отношении войны и мира связаны с разными личностными характеристиками. Предикторами отношения к миру оказались эгалитаризм, значимость эмпатии и заботы, тогда как предпосылками отношения к войне являются гражданская идентификация и авторитаризм правого толка (Van der Linden et al., 2017).

Отношение личности к войне в целом и установки в отношении конфликтов с участием своей страны

Исследования отношения личности к войне можно объединить в две основных группы. Первая из них связана с изучением социальных установок в отношении конкретных военных конфликтов, тогда как исследования второй группы посвящены отношению личности к самой идее войны, то есть в центре внимания здесь оказывается генерализованное отношение к войнам в целом.

В *первой группе* исследований рассматриваются преимущественно социальные установки людей в отношении участия своей страны в различных военных операциях.

Так, результаты психологических исследований, которые были посвящены изучению отношения людей к *войне в Персидском заливе,* продемонстрировали, что оно зависело от страны проживания ре-

спондентов, в которой проводилось исследование. Например, жители Австралии одобряли эту войну (Heskin, Power, 1994). Авторы использовали в качестве теоретического основания исследования теорию социальной идентичности. Они опросили 356 студентов, которые заполнили шкалы, связанные с милитаризмом, оправданием войны в Персидском заливе и некоторыми другими психологическими переменными. Кроме того, респондентов просили оценить понятие «Австралия» по шкалам семантического дифференциала и указать пол. В ходе исследования измерялась также выраженность консерватизма и либерализма. Результаты проведенного исследования подтвердили, что консерватизм и либерализм вносили самый значимый вклад в уровень поддержки войны. Именно эти показатели также оказались предикторами восприятия войны в Персидском заливе как экологической проблемы. Связи с полом в целом получились достаточно ожидаемые: так, у мужчин поддержка войны оказалась выражена сильнее, чем у женщин.

Между тем американские студенты относились к войне в Персидском заливе не так однозначно. Некоторые результаты исследований продемонстрировали, что студенты поддерживали ее (Doty et al., 1997). Авторы провели два исследования: первое было проведено в октябре 1990 г., второе – весной 1996 г. Во всех исследованиях испытуемых предлагалось заполнить опросник, связанный с измерением правого авторитаризма и поддержки агрессивной политики США во время кризиса и во время войны в Персидском заливе. В целом респонденты одобряли более агрессивные действия в ответ на возможные действия со стороны Ирака. Спустя время (во втором замере) для респондентов была характерна большая степень выраженности злорадства и меньшая степень выраженности сожаления. Кроме того, у испытуемых при втором замере также сохранялась поддержка возможной агрессивной ответной политики США, которая включала в качестве одного из возможных вариантов использование ядерного оружия.

Другие исследования, напротив, показали, что студенты демонстрировали негативные социальные установки к войне в Персидском заливе (Duncan, Stewart, 1995). Чем определяется такая разница в оценке войны? В данном исследовании психологи сосредоточились на связи между антивоенным протестным поведением студентов и их родителей. Исследователи обращают внимание на то, что поведение студентов во время войны в Персидском заливе тесно

связано с поведением родителей во время войны во Вьетнаме. Кроме того, на него влияют милитаризм, политическое сознание, авторитаризм и ряд других показателей. Результаты, которые были получены в настоящем исследовании, также подтверждают предположение о том, что готовность родителей к участию в коллективных действиях для поддержки или, напротив, выражения протеста против войны напрямую определяет отношение студентов к войне в Персидском заливе. Однако были и различия: так, опыт участия в протестах против войны во Вьетнаме у родителей приводил к низкому уровню авторитаризма, что было связано с негативными установками в отношении данной войны, а эти установки в свою очередь приводили к коллективной активности у детей таких родителей. Причем такой связи не наблюдалось в случае наличия у родителей опыта поддержки войны во Вьетнаме.

Исследование социальных установок в отношении *войны на Ближнем Востоке* показало, что поддержка или протест зависели от страны, в котором проводилось исследование. Так, немецкие респонденты демонстрировали положительное отношение к войне в Афганистане (Cohrs et al., 2005). Эти установки были связаны с их уровнем правого авторитаризма и ориентацией на социальное доминирование. Социальные установки в отношении данной войны были также связаны с ценностями испытуемых. Так, было установлено, что ценности сохранения были связаны с правым авторитаризмом, а ценности самовозвышения – с ориентацией на социальное доминирование. Причем все три группы ценностей: самовозвышение, сохранение и самопреодоление – предсказывают отношение к войне в Афганистане. Если самовозвышение и сохранение повышают поддержку войны, то самопреодоление – снижает. Студенты из США имели разнонаправленные социальные установки по отношению к событиям в Афганистане. Так, они негативно относились к различным видам помощи, которую могла оказать их страна Афганистану. В то же время люди, которые позитивно относились к тому, что любая информация о них может быть доступна специальным службам, а также люди, которые поддерживали борьбу с терроризмом, демонстрировали более позитивное отношение к военным операциям в Афганистане (Henderson-King et al., 2004).

В еще одном исследовании было установлено, что часть американских студентов демонстрировала поддержку *войне в Ираке* после событий, связанных с 11 сентября 2001 г. (Crowson et al., 2005). Эти

социальные установки также были связаны с уровнем правого авторитаризма и ориентацией на социальное доминирование. В целом авторы приходят к выводу о том, что правый авторитаризм действительно является предиктором поддержки войны в Ираке, однако ориентация на социальное доминирование также играет значимую роль, особенно в том случае, когда респонденты оценивают, насколько необходимо соблюдать права человека.

Респонденты из Австралии демонстрировали скорее нейтральное отношение к войне в Ираке (Heaven et al., 2006). Как и в других подобных исследованиях, было установлено, что социальные установки в отношении войны в Ираке хорошо предсказываются ориентацией на социальное доминирование и правым авторитаризмом. Но исследователи также отмечают, что ориентация на социальное доминирование и правый авторитаризм могут усиливаться национальной идентичностью, а ориентация на социальное доминирование может ослабляться стремлением к международной гармонии и равенству.

Кроме того, социальные установки американских студентов менялись со временем. Например, студенты демонстрировали нейтральное отношение к военной операции в Ираке сразу после того, как войска США вошли в Ирак в марте 2005 г. (McFarland, 2005). В этом исследовании, помимо правого авторитаризма и ориентации на социальное доминирование, также измерялись выраженность патриотизма, воспринимаемой угрозы со стороны Ирака, а также заботы о гражданских правах. Оказалось, что отношение к военной операции в Ираке зависело от восприятия Ирака как угрожающего государства, а также уровня патриотизма. Забота о гражданских правах, напротив, снижала поддержку войны в Ираке.

Другое исследование, которое также было проведено в сентябре 2005 г., показало достаточно умеренный уровень поддержки военной операции в Ираке (Crowson, 2009a). Однако данные, которые были получены в конце весны – начале лета 2007 г., показали снижение этой поддержки. В данном исследовании было обнаружено, что позитивное отношение к этой операции связано с национализмом, уровнем ориентации на социальное доминирование, а также восприятием вмешательства ООН как неоправданного.

Выявленные связи отношения к войне в Ираке с социально-психологическими характеристиками личности подтвердились и в другом исследовании (Crowson, 2009b). Было установлено, что правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование могут быть

предсказаны социальными верованиями – так, вера в опасный мир предсказывает правый авторитаризм, который, в свою очередь, усиливает поддержку военных действий в Ираке. Вера в конкурентный мир предсказывает ориентацию на социальное доминирование, которая, в свою очередь, усиливает поддержку ограничения прав и свобод.

Исследования социальных установок в отношении *войны на территории Югославии* показали, что отношение к войне зависят от поддержки международных организаций. Например, немецкие студенты демонстрировали положительное отношение к вмешательству ООН в военный конфликт на территории Югославии (Cohrs, Moschner, 2002). Кроме того, в исследовании также измерялась осведомленность о ходе данного военного конфликта. Для этого был сконструирован специальный опросник, который включал в себя ложные и истинные утверждения. Как оказалось, поддержка данной военной операции была связана с тем, что люди, которые демонстрировали позитивные социальные установки, действительно оценивали данную военную операцию как полезную и адекватную. Кроме того, именно для них был характерен высокий уровень авторитаризма.

Ко *второй группе* исследований относятся работы, посвященные изучению общих социальных установок в отношении войне. Они отражают скорее общее отношение людей к идее насилия и его применения как одного из возможных способов разрешения международных конфликтов. Большинство данных исследований посвящены восприятию войны как эффективного или неэффективного способа разрешения конфликтов, степени оправданности ее использования с точки зрения морали.

Так, результаты исследований продемонстрировали существование кросс-культурных различий в отношении к войне и его зависимости от участия страны в военных операциях. В странах, которые чаще принимают участие в военных операциях, уровень поддержки военных действий чаще бывает нейтральным или положительным. Например, американские студенты характеризуются более высокой выраженностью милитаристских установок (Benjamin, 2006). В данном случае исследователи изучали связь между отношением к насилию (война тут рассматривается как один из факторов насилия) и правым авторитаризмом. Результаты исследования продемонстрировали достаточно высокий уровень корреляции поддержки насилия и уровня авторитаризма правого толка. В другом исследовании были выявлено нейтральное отношение американской молодежи

к войне (Weise et al., 2008). В данном случае исследователи опирались на теорию управления страхом смерти. В других исследованиях американские студенты также демонстрировали нейтральное или умеренно положительное общее отношение к войне (Bizumic et al., 2013; Jones-Wiley et al., 2007). Результаты сравнительного исследования отношения к войне у американских студентов и студентов из Ирана показали, что американские студенты демонстрировали более позитивные общие социальные установки в отношении войны по сравнению с выборкой студентов из Ирана (Torabian, Abalakina, 2012). Авторы предполагают, что это может быть связано с тем, что студенты из Ирана пережили опыт войны на себе лично, поэтому демонстрировали к ней более негативное отношение, по сравнению с выборкой студентов из США, у которых подобного опыта не было.

Проведенный нами анализ показывает, что чаще всего психологи изучают отношение личности к локальным военным конфликтам. Причем такие исследования проводятся либо в период военных действий, либо спустя определенное время после их окончания. Количество исследований, которые посвящены отношению к войнам в целом, значительно меньше. Поэтому нами было принято решение сосредоточиться именно на данном проблематике исследований.

Измерение отношения личности к войне в современных психологических исследованиях

Как правило, в большинстве исследований, посвященных изучению социальных установок в отношении войны, используются опросники. Примером может служить опросник, разработанный для измерения отношения к войне как одной из форм проявления насилия (Anderson et al., 2006). В данной методике респондентам предлагаются утверждения, в которых война оценивается с различных позиций (например: «Убийство мирных жителей – это неизбежная часть войны», «Война в целях самообороны – это правильно»). Часть этих утверждений связана с военной промышленностью страны, часть – с допустимостью использования оружия против граждан страны, а часть – касается использования вооруженной полиции в борьбе со студентами, которые уничтожают собственность университета. Утверждения, которые предъявляются участникам исследования, необходимо оценить по стандартной шкале Лайкерта от 1 – «абсолютно не согласен» – до 7 – «абсолютно согласен».

В других исследованиях используются шкалы, содержащие прямые и обратные утверждения для измерения отношения к миру и войне (напр., Bizumic, 2013: «Самое важное в мире – это жизнь», «Иногда сохранение мира тормозит прогресс страны»; «Иногда война необходима, чтобы добиться справедливости», «От войны больше потерь, чем выгод»). Респонденты должны воспользоваться шкалой от «–4» – «абсолютно не согласен» – до «+4» – «абсолютно согласен».

Использование разных шкал для измерения установок в отношении войны и мира характерно и для других исследований. Например, разработана методика для измерения отношения к войне и миру (Jagodic, 2000), которая включает в себя 5 отдельных субшкал: 1) моральные основания войны (например: «Участие в войне – это уникальный опыт»); 2) оправдание войны со стороны своей группы (например: «Война имела позитивные последствия для моего народа»); 3) лояльность и чувство долга в отношении войны (например: «Я бы хотел, чтобы мой отец был героем войны»); 4) отношение к возможному миру (например: «В мире всегда будут происходить войны»). Утверждения оцениваются по 3-балльной шкале: 1 – «полностью не согласен», 2 – «частично согласен», 3 – «полностью согласен».

В других исследованиях авторы в большей степени обращают внимание на социальные установки в отношении войны, измеряя выраженность милитаризма. Так, разработана методика, включающая шкалы позитивного или негативного отношения к войне, необходимости, обоснованности войны и возможности ее избежать (Jones-Wiley et al., 2007: «Каждый мужчина должен пойти в армию, как только начнется война» (позитивная оценка войны), «Когда люди станут действительно цивилизованными, войны не будет» (возможность избежать войны)). Респондентам предлагается оценить эти и другие утверждения по 5-балльной шкале Лайкерта от 1 – «совершенно не согласен» – до 5 – «совершенно согласен».

В целом можно отметить, что представленные опросники содержат в себе ряд утверждений, с которыми респонденту предлагается ознакомиться и решить, насколько он с ними согласен или нет (по стандартной 5-балльной или 7-балльной шкале). Опросники, которые используются в различных исследованиях, различаются между собой по ряду параметров (например, по количеству шкал).

Некоторые опросники создаются специально для измерения аттитюдов к войне (Bizumic, 2013; Jagodic, 2000; Jones-Wiley et al., 2007).

В одних опросниках используется единая шкала для измерения социальных установок в отношении войны (Bizumic, 2013; Jones-Wiley et al., 2007; Torabian, Abalakina, 2012), в других – совокупность шкал, которые направлены на измерение отношения к войне по различным основаниям (Jagodic, 2000). Примером может служить методика с тремя субшкалами (Torabian, Abalakina, 2012), измеряющая моральные основания («Смерть людей на войне – аргумент против войн»), лояльность и чувство долга («Если будет нужно, я с гордостью буду защищать страну»), а также отношение к возможному миру («Не всегда удается найти мирный способ решения проблемы»). Респондентам предлагается оценить данные и другие утверждения по 5-балльной шкале от 1 – «категорически не согласен» – до 5 – «полностью согласен».

Социальные установки в отношении войны могут рассматриваться как один из факторов более общего отношения к насилию, наряду с отношением к смертной казни, физическому наказанию детей, насилию между супругами (Anderson et al., 2006).

Как можно предположить, эти опросники имеют некоторую культурную специфику. Специфика культуры проявляется, во-первых, в степени поддержки войны, а во-вторых, в направленности дискурса (то есть в критериях, по которым люди обсуждают войну). Например, в опросниках, которые используются в США, наиболее часто обсуждаются такие темы, как необходимость введения войск на территорию другой страны для защиты граждан США, возможность использования атомного и ядерного оружия против жителей других стран, если на данной территории проживают террористы и т. д. Поэтом для измерения отношения к войне среди россиян нами была разработана авторская методика.

Структура отношения личности к войне и его социально-психологические предпосылки

Первоначально при создании этой методики были проанализированы опросники, которые использовались в зарубежных исследованиях для изучения общих социальных установок в отношении войны (Bizumic, 2013; Jones-Wiley et al., 2007; Torabian, Abalakina, 2012). Кроме того, чтобы учесть российскую культурную специфику, был проведен анализ обсуждения военных действий в различных социальных сетях и сетевых сообществах.

Первоначально нами был сформулирован набор утверждений, который отражал установки в отношении войны и военных действий. Некоторые утверждения были взяты из опросников, которые использовались в зарубежных исследованиях. Также были заимствованы утверждения, которые оказались близки по содержанию к темам обсуждения военных действий в России.

В результате данные утверждения описывали пять основных тем:

1. *Эффективность войны как способа разрешения международных конфликтов.* Данная тема посвящена описанию войны как одного из возможных способов разрешения международных конфликтов. Утверждения касались оценки возможности использования оружия, национальных вооруженных сил, оценки войны как одного из потенциальных факторов, которые осложняют отношения между странами, как устаревшего способа разрешения противоречий между странами. На эту тему было сформулировано 8 утверждений (например: «В случае возникновения международных конфликтов страна должна использовать национальные вооруженные силы, а не надеяться на переговоры с врагами» (прямое), «Любой международный конфликт можно решить, не прибегая к военным действиям и использованию оружия» (обратное)).
2. *Моральная оценка войны.* Данная тема описывала войну с точки зрения моральных норм, распространенных в обществе. Утверждения были посвящены оценке войны как способа санкционированного убийства, защиты слабых, повода для гордости человека, явления, противоречащего нормам отношений между людьми и т. д. На эту тему было сформулировано 6 утверждений (например: «Некоторые войны можно оправдать» (прямое), «Война – это обычное убийство, санкционированное властью» (обратное)).
3. *Экономические последствия войны.* Данная тема описывала войну с точки зрения различных (в том числе и экономических) последствий для страны. Утверждения касались оценки различных экономических и политических последствий войны для страны, всего сформулировано 9 утверждений (например: «Война приносит пользу странам-участникам» (прямое), «Война разрушает экономику стран-участниц» (обратное)).

4. *Социальные последствия.* Данная тема описывала войну с точки зрения последствий для общества. На эту тему сформулировано 4 утверждения (например: «Война объединяет людей, живущих в одной стране, делает их более сплоченными» (прямое), «Война вызывает изоляцию страны от окружающего мира, подрывает ее престиж в международном сообществе» (обратное)).
5. *Гуманитарные последствия войны.* Данная тема была посвящена описанию последствий войны для конкретных людей. Утверждения касались оценки войны и ее влияния на жизнь обычных людей. На эту тему сформулировано 6 утверждений (например: «Война развивает в человеке лучшие качества» (прямое), «Война приводит к гибели большого количества людей» (обратное)).

На первом этапе в эмпирическом исследовании приняло участие 978 респондентов. Участниками оказались 499 мужчин и 479 женщин (соответственно 51,0 и 49,0%). Возраст респондентов, участвовавших в исследовании, составлял от 18 до 75 лет (M=42,9; SD=12,87). Исследование проводилось среди пользователей социальных сетей, для привлечения которых нами были разосланы сообщения администраторам определенных групп. Группы выбирались по принципу обсуждаемой тематики (политика и экономика, война и военные действия на территории других стран). В конечном итоге в исследовании приняли участие члены групп следующих социальных групп: «Мне реально нравится Путин! (Политика, Россия)», «Коротко о Главном | Политика». Все респонденты участвовали в данном исследовании на добровольной основе. Респондентам предлагались ознакомиться с утверждениями и дать им оценку по 7-балльной шкале (1 – «абсолютно не согласен», 7 – «абсолютно согласен»).

Для проверки возможности выделения в получившихся данных факторной структуры и проведения процедуры факторного анализа проведены основные тесты. В частности, был проведен тест адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина (KMO – 0,963). Кроме того, нами был проведен тест Бартлетта (ξ^2=17450,593, df=528, p<0,001).

В процессе эксплораторного факторного анализа была выделена шестифакторная структура опросника. В целом полученная структура соответствовала теоретическим представлениям о структуре отношения личности к войне. Однако, утверждения, связанные с гуманитарными последствиями, образовали два разных фактора – позитивные и негативные гуманитарные последствия войны.

На основании результатов проведенного эксплораторного факторного анализа отобраны шестнадцать утверждений в соответствии со значением нагрузок. Отбирались те утверждения, нагрузки которых на один фактор были больше чем 0,5. Также утверждение не должно было иметь одновременно высокие нагрузки на несколько факторов. Итоговый вариант шкалы содержал в себе шестнадцать утверждений, которые образовывали шесть основных факторов:

1. *Эффективность войны как способа разрешения международных конфликтов.* В данный фактор вошли четыре утверждения, два из которых были прямыми («Война – лучшее средство разрешения международных конфликтов», «В современном мире война необходима для решения проблем, возникающих в отношениях между государствами»). Два утверждения были обратными («Страны, вступившие в конфликт между собой, должны избегать войны любой ценой», «Международные конфликты должны разрешаться путем переговоров, без использования оружия»).
2. *Моральная оценка войны.* Этот фактор был образован тремя утверждениями, все утверждения были обратными («Война – это демонстрация слабости, неспособности достичь своей цели иным путем», «Война – это обычное убийство, санкционированное властью», «Войне нет оправданий»).
3. *Экономические последствия войны.* В данный фактор вошли три утверждения, два из которых были прямыми (например, «Война способствует прогрессу», «Война способствует экономическому развитию стран-участников»), одно утверждение было обратным («Война разрушает экономику стран-участниц»).
4. *Социальные последствия.* Данный фактор был образован двумя утверждениями («Война позволяет защитить слабых, добиться соблюдения прав человека», «Война позволяет защитить людей, пострадавших от несправедливости»), все утверждения были прямыми.
5. *Позитивные гуманитарные последствия войны.* В данный фактор вошли два утверждения («Война развивает в человеке лучшие качества», «Участие в военных действиях – это полезный опыт, который позволяет человеку лучше понять жизнь»), все утверждения были прямыми.

6. *Негативные гуманитарные последствия войны.* Данный фактор содержал также два утверждения, они были обратными («Война пробуждает в человеке самые худшие качества», «Война делает людей циничными, лишает их веры в доброту и справедливость окружающего мира»).

После этого был проведен конфирматорный факторный анализ, результаты которого в целом показывали достаточный уровень соответствия полученным эмпирическим данным. Более подробное описание процедуры, связанной с разработкой и апробацией опросника, а также результатов исследования и его обсуждения представлены ранее в отдельной статье (Неврюев, 2018).

Затем, на следующем этапе, была изучена связь общих социальных установок в отношении войны и некоторых индивидуально-психологических характеристик личности. В частности, мы предположили, что низкая жизнестойкость и отчуждение человека от собственной личности, от общественной жизни, от межличностных отношений связаны с положительным отношением к войне. Опрос среди 1427 респондентов в возрасте от 18 до 80 лет с последующим структурным моделированием подтвердил данные гипотезы. Однако было и исключение: так, согласно полученным данным, низкое отчуждение от общества связано с позитивными социальными установками в отношении войны (Гулевич, Неврюев, 2016).

Была изучена связь между отношением к войне и идеологическими установками (правым авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование в области международных отношений). В данном случае была использована не классическая шкала ориентации на социальное доминирование, а ее модифицированная версия. Предыдущие исследования, связанные с использование модифицированного варианта шкалы, продемонстрировали, что в этом виде данная шкала в большей степени отвечает целям и задачам настоящего исследования. Кроме того, на основании теоретического анализа также была протестирована двойная мотивационно-когнитивная модель Дж. Даккита, которая, помимо идеологических переменных, включала в себя социальные верования (веру в опасный и конкурентный мир). В этом исследовании было сделано предположение о том, что социальные верования позитивно связаны с идеологическими переменными, а они, в свою очередь, позитивно свя-

заны с общими социальными установками в отношении войны. В исследовании приняли участие 897 респондентов в возрасте от 18 до 80 лет. Результаты подтвердили поставленные гипотезы, однако было установлено, что социальные верования могут иметь не только опосредованные, но и прямые связи с отношением к войне. Если вера в опасный мир была негативно связана с поддержкой войны, то вера в конкурентный мир, напротив, была связана с ней позитивно. Направленность таких связей может быть объяснена самими верованиями – так, человек, который представляет мир вокруг себя опасным, воспринимает войну как еще один источник опасности. В то же время человек, который воспринимает мир как «поле для боя», воспринимает войну как способ повышения статуса своей группы и получения этой группой больших возможностей. Более подробное описание процедуры, результатов исследования, а также его обсуждения представлены в статье (Gulevich et al., 2020).

Также была изучена связь отношения к войне с другими социальными верованиями (вера в справедливый мир) и гражданской идентичностью (патриотизм и национализм). Поскольку в период проведения данного исследования шел военный конфликт на территории Сирии, в батарею опросников был также включен вопрос об отношении респондентов к различным формам участия России в данном конфликте. В качестве гипотез тестировались следующие предположения: вера в справедливый мир предсказывает гражданскую идентичность (национализм и патриотизм). Эти виды гражданской идентичности, в свою очередь, по-разному предсказывают общее отношение к войне: если патриотизм предсказывает негативные аттитюды, то национализм, напротив, предсказывает позитивные аттитюды. В данном исследовании приняло участие 595 человек, которые заполняли опросники веры в справедливый мир, национализма и патриотизма, отношения к войне в целом и отношения к различным формам участия России в конфликте, который на тот момент времени проходил на территории Сирии. Результаты проведенного исследования частично подтвердили наши гипотезы. Однако если связь между патриотизмом и отношением к войне действительно была, то связь между национализмом и установками в отношении войны отсутствовала. Более подробное описание процедуры, результатов исследования, а также его обсуждения представлены в статье (Неврюев, Гулевич, Некрасова, 2018).

***

Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных отношению личности и группы к войне, в этой области по-прежнему есть вопросы, прояснение которых остается делом будущего. Распространение новых видов оружия, появление различных направлений, связанных с доказательством правоты своей точки зрения (как на уровне отдельных социальных групп, так и на уровне государств в целом) заставляют исследователей обновлять свой инструментарий и раскрывать новые психологические механизмы формирования отношения людей к военным действиям. Требуются дополнительные исследования для выявления причин, подталкивающих граждан к поддержке ввода войск в другую страну, если ее жители совершают террористические акты, оправданию ввода войск на территорию других стран в рамках миротворческих спецопераций.

Вероятно, такое отношение действительно может быть связано как с опытом участия страны в военных действиях, так и с опытом участия в вооруженных конфликтах конкретных людей, которые демонстрируют в исследованиях данные социальные установки. Анализ имеющихся данных также позволяет предположить, что опросники, которые используются в зарубежных исследованиях имеют специфику, связанную с дискурсом СМИ и событиями того исторического периода, в рамках которого они разрабатывались. Иными словами, инструментарий исследования отношения к войнам неизбежно будет развиваться.

Серия исследований, которая кратко описана в данной главе, демонстрирует, что отношение к войне связано как с индивидуально-психологическими, так и с социально-психологическими особенностями людей.

Проведенный теоретический анализ, а также наши эмпирические исследования демонстрируют, что тема отношения к войне является по-прежнему актуальным объектом для исследования. Можно выделить несколько перспективных направлений исследований в этой области.

Во-первых, в дальнейшем необходимо изучить разницу между отношением к различным видам военных действий. Так, например, некоторые страны используют уже не человеческие ресурсы в военных действиях, а механизмы, которые выполняют ту или иную работу. Если с точки зрения человека, который принимает участие в войне, убийство – это серьезное моральное препятствие, то у механизмов,

которые выполняют эту работу, таких препятствий нет. Каким образом люди воспринимают данные военные действия и какие социальные установки в отношении к ним демонстрируют?

Во-вторых, необходимо прояснить, каким образом представления об «армии» и «законном вооруженном формировании» влияют на отношение к войне. В некоторых европейских опросниках на эту тему используются утверждения, связанные с необходимостью службы в армии, участия в военных действиях и т. д. В современной России, как показывают результаты социологических исследований, все больше людей согласны с тем, что признаком настоящего мужчины является служба в армии, однако при ответе на вопрос, куда следует направить средства, 80% респондентов выбирают не военную сферу, а повышение уровня благосостояния страны (Левада, 2019). Каким образом в сознании людей происходит такое расхождение и как оно связано с социальными установками в отношении войны?

В-третьих, требует более тщательного изучения различия между конструированием представлений о войне и формированием отношения к ней. В последнее время средства массовой информации в рамках политических ток-шоу, новостей и других программ формируют у зрителей представление о допустимости или даже необходимости войны на территории других стран. При этом, как показывают проведенные исследования, точки зрения людей о том или ином событии зависят еще и от того, какой источник информации они используют (например, новости по телевизору или новость в паблике социальной сети). Вероятно, разные средства массовой коммуникации формируют различные социальные установки в отношении войны в целом и участия России в локальных военных конфликтах. Как именно информационная политика различных СМИ и обсуждение в социальных медиа влияют на отношение россиян к войне? Эти и многие другие вопросы требуют более тщательного изучения в ходе дальнейших исследований.

ГЛАВА 14

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Глобализация, возникшая изначально в сфере экономических отношений, сохраняет свою экономическую детерминацию, но, в связи с расширяющимися возможностями электронных средств коммуникаций, неуклонно распространяется на различные сферы человеческой жизнедеятельности. Практически ни одно современное государство не свободно от влияния глобальных процессов и не может считать себя закрытой и/или самодостаточной системой. Неуклонно растет и усиливается влияние крупных транснациональных корпораций на национальные экономики, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем, изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются многие мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы большого количества людей (Психологические исследования..., 2018).

Коррупция как глобальный социально-психологический феномен

Рассматривая глобализацию как доминирующую тенденцию современного мирового развития, нельзя не отметить как ее позитивные аспекты, так и негативные проявления. В контексте последних можно обратить внимание на расширение коррупционных связей между представителями различных стран. Коррупция не только продолжает оставаться острой проблемой современного мирового сообщества, но и имеет тенденцию к усилению, становясь привычной частью повседневного взаимодействия значительного количества людей во многих странах. Сегодня нет практически ни одной страны в мире, которая могла бы заявить о полном контроле над ней, а в некоторых случаях можно даже говорить о криминализации национальных

экономик. Таким образом, спецификой современного этапа развития коррупции выступает ее ярко выраженный международный характер. Как следствие, подходы к исследованию коррупции выделяются своим разнообразием, – она рассматривается как исторически обусловленный социально-психологический феномен, общенациональная государственная проблема, источник прямой угрозы экономической безопасности государств, глобальная общемировая проблема (Д. И. Аминов, Е. А. Вандышева, А. Л. Журавлев, И. А. Сапсай, В. Р. Соловьев, В. А. Соснин, Й. Ламмерс, Э. Мигел, С. Роуз-Аккерман, Р. Фисман, А. А. Цвырко, А. В. Юревич и др.).

Социальная актуальность коррупции для психологического исследования определяется тем, что, несмотря на негативное отношение к коррупции как социальному явлению, основная масса населения продолжает включаться в коррупционные взаимоотношения. Ранее проведенные исследования позволяют говорить о том, что лишь десятая часть респондентов осознает *социальные последствия коррупции,* такие как: рост социального неравенства, увеличение социальной напряженности, снижение качества государственных услуг, дисфункции системы государственного управления, снижение имиджа власти и общественной морали.

Тем не менее за последние десятилетия коррупция в России переросла в системную проблему, которая представляет угрозу национальной безопасности. К примеру, в 1999 г. заместитель генерального прокурора России Ю. Я. Чайка отмечал, что Россия входит в десятку наиболее коррумпированных стран мира. В свою очередь, в 2006 г. первый заместитель Генпрокурора РФ А. Буксман заявил, что по некоторым экспертным оценкам объем рынка коррупции в России оценивается более чем в 240 млрд долларов, что говорит об его существенном увеличении. По последним данным, за восемь месяцев 2019 г. общий ущерб от коррупции, только лишь по оценке завершенных уголовных дел, составляет порядка 102 миллиардов рублей, а теневой оборот в экономике страны достигает более 20 трлн руб. в год, что превышает третью часть всех денежных доходов россиян за 2018 г. (Генпрокуратура назвала ущерб..., 2019).

К дополнительному *экономическому* ущербу от коррупции относится снижение собираемости налогов и сборов, возрастание бюджетного дефицита, подавление конкуренции, рост теневой экономики, отток квалифицированных кадров за рубеж (Юревич, Журавлев, 2012). К *психологическим* последствиям коррупции можно отнести форми-

рование феноменов «корпоративизации коррупции» (С. П. Глинкина) и «принуждения к коррупции» (Я. А. Макеев), превращение коррупционного поведения в «образ жизни» (С. В. Алексеев), падение международного имиджа страны, связанного с причислением России к «системно коррумпированным» государствам (И. С. Нинейко), где количество желающих дать взятку превышает «коррупционный спрос» (С. В. Алексеев).

В целом, с психологической точки зрения, коррупция угнетает субъективное благополучие человека и деформирует правосознание молодежи (Китова, 2016б). Последняя позиция выступила основанием для обращения к анализу представлений молодежи о коррупции и коррупционных правонарушениях. В частности, в данной главе рассматриваются представления студентов о личностных характеристиках коррупционера, что свойственно современным исследованиям (Безродная, 2010; Lascomes, Tomescu-Hatto, 2008; Philip, 2006; Rabl, 2011). Важно отметить, что эти представления могут оказывать существенное воздействие на поведение молодых людей в будущем (Узденов, Китова, 2009). Между тем именно молодежь определяет качество воспроизводства социальной структуры российского общества (Горшков, Шереги, 2010).

Эмпирическое исследование представлений российской молодежи о коррупции и личностных характеристиках коррупционеров

Всего в исследовании приняли участие 816 человек, из них в пилотажной его части были задействованы 239 человек (студенты московских вузов), в основной – 577. Участники основной части исследования – это представители трех городов России: Москвы – 207 человек, Иркутска – 172, Черкесска – 198.

Результаты пилотажного этапа исследования. На первом этапе осуществлен пилотажный анализ представлений молодежи о коррупции и ее социальных проявлениях. Опрос проводился при непосредственном взаимодействии с респондентами. Это позволило не только получить ответы на заранее сформулированные в опросном листе позиции, но и обсудить в устной форме дополнительную информацию и проблемы, которые вызывают затруднения или сомнения. В пилотажной части исследования все вопросы, включенные в опросный лист, носили открытый характер и были сформулированы в виде незавершенных предложений. Для примера можно

привести несколько типовых вопросов: «Коррупция – это...», «Последствиями коррупции являются...», «Коррупционер – это...» и т. д. (подробнее см.: Китова, 2016б). Цель данного этапа заключалась в получении наиболее развернутых ответов респондентов для анализа основных особенностей представлений молодежи о коррупции и ее социальных проявлениях. По завершении опроса студентам предлагалось указать некоторые социально-демографические сведения о себе, такие как: пол, возраст (полных лет) и место работы (при наличии).

Проведенный опрос позволил сделать некоторые предварительные выводы, учтенные при разработке основного опросного листа. По результатам пилотажного исследования выявлено, что студенты:

- воспринимают коррупцию как крупную социально-экономическую проблему, представляющую угрозу устойчивому развитию социальных институтов и государства в целом;
- способны описать десятки форм проявления коррупции, но при этом она чаще воспринимается как взяточничество, отмывание денег, мошенничество, вымогательство, значительно реже ассоциируется с насильственными преступлениями, связанными с причинением вреда жизни и/или здоровью человека – грабежами, убийствами, посягательствами на свободу граждан;
- среди причин распространения коррупции называют социально-экономические, культурно-исторические и политические факторы, а среди способов противодействия ее распространению – более 30 позиций, которые ориентированы на использование экономических (1 ранг), административных (2) и уголовных (3) механизмов противодействия;
- недостаточно осознают социальные (не экономические) последствия коррупции, такие как рост социального неравенства и напряженности в общественных отношениях или же снижение имиджа государственной власти, на которые указали лишь 2% студентов.

Определяющими при выборе методологических подходов к изучению представлений студентов о личностных характеристиках коррупционера нами были выделены три наиболее значимые позиции, выявленные в ходе пилотажной части исследования.

Во-первых, выяснилось, что респонденты разграничивают *внешние* (социальные, экономические, политические и т. д.) и *внутренние*

(индивидуально-психологические характеристики человека) факторы, обуславливающие коррупционное поведение личности.

Во-вторых, установлен *эффект противоречивой оценки* коррупционных правонарушений. Так, студенты оправдывают коррупцию как социальное явление, обосновывая ее низким уровнем жизни, который присущ и основной массе населения, и должностным лицам. Но при обсуждении *частных* преступлений коррупция рассматривается как проявление личностных характеристик человека, которые оцениваются ими крайне негативно. Таким образом, в целом терпимое отношение к коррупции как к самобытной особенности общественных отношений обретает резко негативный, осуждающий характер при оценке конкретного человека, совершившего коррупционное правонарушение, то есть коррупционер, если его вина объявлена, непременно подвергается осуждению.

В-третьих, коррупционные ситуации и правонарушения, которые описываются студентами, *отражают бытовой уровень* коррупции, реализуемый на уровне межличностного взаимодействия. В частности, студенты демонстрируют незначительную осведомленность о более высоких уровнях проявления коррупции, связанных с административной или так называемой «верхушечной» сферами коррупционных правонарушений, такими как бюджетные преступления, сговор должностных лиц, хищение природных ресурсов, причинение существенного вреда законным интересам государства и т. д. Такая ситуация проявляет себя тем, что студенты рассматривают коррупцию как *межличностное взаимодействие* человека, предлагающего взятку, и человека, ее (взятку) принимающего, без осознания ущерба, наносимого интересам третьей стороны – бизнесу, обществу и государству.

При таком подходе к оценке коррупции студенты воспринимают ее как негативное социальное явление, но не всегда способны идентифицировать участников коррупционных отношений, если такого рода акция происходит в рамках традиционно одобряемого уважительного взаимодействия, связанного с добровольным выражением (или принятием) «благодарности» за оказанную помощь или предоставленную услугу.

Иными словами, случаи бытовой коррупции «по договоренности сторон» не всегда квалифицируются (осознаются) студентами как коррупционные правонарушения, если они осуществляются на условиях обоюдного согласия и приносят удовлетворение обе-

им сторонам (участникам) коррупционной «сделки». В этом случае важно напомнить, что, если студенты осознают такое соглашение сторон как коррупционное правонарушение, то они негативно оценивают всякую коррупцию, при этом осуждению подвергаются обе стороны коррупционного взаимодействия (предлагающая взятку и ее получающая). Описанная ситуация переводит предлагаемое нами исследование в русло анализа психологических (не правовых) оценок личности коррупционера. Таким образом, исследование направлено на выявление обыденных представлений молодежи о коррупции и коррупционных правонарушениях (Климовицкий, Карепова, 2016), которые не всегда соотносимы с правовой реальностью (Хубиева, Китова, 2009).

Полученные в ходе пилотажного исследования эмпирические результаты были весьма полезны для разработки окончательного варианта программы исследования, которая включала в себя 8 самостоятельных блоков, направленных на выявление различных аспектов проблемы. В целом респонденты ответили на 29 вопросов о коррупции, ее причинах, последствиях и предполагаемых способах противодействия. Комплексная программа исследования, ее обоснование, структура и содержание, представлены в печати (подробнее см.: Китова, 2019). Опрос проводился анонимно. В рамках данной главы нами рассматривается один из блоков программы, ориентированный на изучение *представлений молодежи о личностных характеристиках коррупционера*. В связи с отражением в представлениях молодежи бытового уровня коррупции программа была ориентирована на анализ прежде всего феномена *взяточничества* и изучение представлений респондентов о психологических аспектах дачи и/или получения взятки. *Предметом* исследования является *эмоциональный фон* (компонент) отношения к человеку, который, по мнению респондентов, признается в совершении коррупционного правонарушения. Полученные результаты помогут лучше понять происходящие в современном обществе социальные процессы и будут полезны при разработке *программ противодействия* коррупции в молодежной среде (подробнее см.: Социально-психологические исследования, 2017).

Отношение к коррупции и коррупционным правонарушениям. Ответы на вопрос «Как вы относитесь к коррупции?» позволили выявить, что основная часть респондентов относится к ней крайне негативно (67%). Тем не менее около трети респондентов не испы-

тывают эмоциональных переживаний по поводу коррупции, воспринимая ее как уже традиционно сложившуюся составляющую жизнедеятельности российского общества (28%), и лишь незначительная часть респондентов затруднилась дать однозначный ответ (4%). Вместе с тем каждый сотый студент осмысленно оценивает коррупцию как позитивное явление (1%). Основанием для такой оценки служит убеждение в том, что коррупция выступает удобным способом оперативного решения многих повседневных проблем (см. рисунок 14.1).

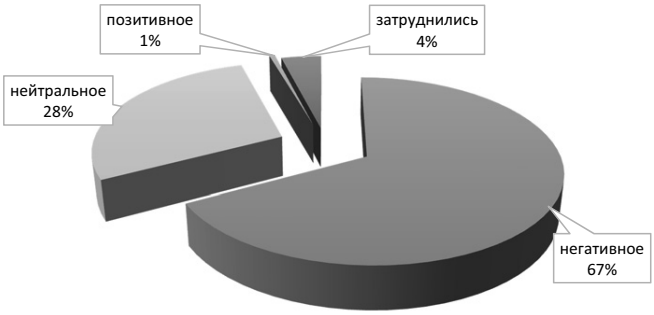


Рис. 14.1. Распределение модальности отношения студентов к коррупции и коррупционным правонарушениям (%)

Анализ ответов на вопрос «Приходилось ли вам давать взятку?» показал, что 63% студентов не считают себя участниками коррупционных взаимоотношений, при этом интересно, что третья часть студентов (31%) утверждает, что им приходилось выражать благодарность, но они не стали бы считать это взяткой. Последний факт еще раз указывает на то, что респонденты не всегда могут достоверно идентифицировать свое участие в коррупционных взаимоотношениях, воспринимая такие отношения как часть традиционных особенностей социального взаимодействия. Остальная часть студентов или не участвовала в коррупционных сделках (3%), или же затруднилась определить степень своего участия (3%) в таких отношениях (см. рисунок 14.2).

Студентам также предлагалось ответить на вопрос о наличии/отсутствии специфических психологических особенностей у коррупционера (рисунок 14.3). Как оказалось 61% студентов склонны полагать, что коррупционер обладает определенным *набором лич-*

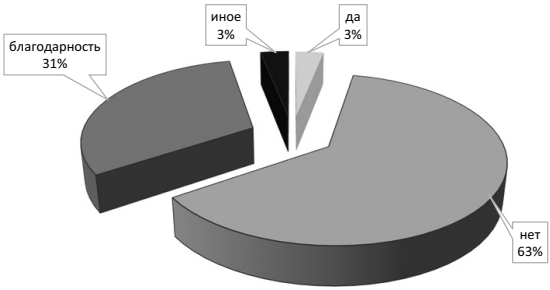


Рис. 14.2. Распределение ответов студентов об участии в коррупционных отношениях (%)

ностных характеристик. В случае, когда студенты считали, что специфических свойств (качеств) у коррупционера нет, или утверждали, что каждый коррупционер, как и любой другой человек, имеет свои уникальные, неповторимые особенности, им предлагалось пропустить вопросы, связанные с описанием личностных особенностей коррупционера. Таких студентов оказалось достаточно большое количество – 39%. Приведем типичный ответ одного из студентов: «...вообще, отношение коррупционера к жизни, так же как и его характеристики, могут быть любыми».

Тем студентам, которые указали на наличие типичных особенностей у коррупционера (61%, или 352 человека) предлагалось описать предполагаемые ими свойства.

Качественный анализ психологических особенностей коррупционера. Анализ представлений студентов о личностных характеристиках коррупционера показал, что респонденты называют и (или) описывают не менее 50 его свойств (см. рисунок 14.3).

Из представленных студентами характеристик закономерно вытекают два общих вывода. Во-первых, все личностные качества коррупционера, названные студентами, носят негативный характер. Во-вторых, эти характеристики затрагивают самые различные сферы личности: мировоззренческие, профессиональные, коммуникативные, эмоциональные, социальные, поведенческие и т.д. Таким образом, выявленные нами характеристики коррупционера могут быть сгруппированы по *мировоззренческим* и *профессионально-личностным* основаниям.

Мировоззренческие позиции коррупционера в представлениях студентов. Студентам, которые считали, что характерные особенности

Рис. 14.3. Личностные характеристики коррупционера в представлениях студентов

у коррупционера существуют, предлагалось оценить эти особенности по нескольким направлениям, среди которых: отношение к своей профессии, отношение к предлагающему взятку, отношение к самому себе, отношение к стране. Оценки производились по 7-балльной шкале (см. рисунок 14.4). Студентам предлагалось последовательно определить модальность психологических характеристик коррупционера (позитивная, нейтральная, негативная), а затем оценить степень ее выраженности (1 – незначительное проявление; 2 – явное присутствие; 3 – высокая выраженность). Полученные результаты сведены в таблицу 14.1.

Мировоззрение человека, если отталкиваться от классических психологических концепций, связано, прежде всего, с отношением человека к окружающей его действительности и к самому себе. В данном исследовании в качестве мировоззренческих маркеров выделены характерные особенности отношения коррупционера к своей профессии, к людям, которые предлагают определенное денеж-

По отношению к себе

Негативные			**Нейтральные**	**Позитивные**		
-3	**-2**	**-1**	0	1	2	3

Рис. 14.4. Пример шкалы для оценки выраженности личностных характеристик коррупционера (балл)

Таблица 14.1

Распределение модальности оценок студентов мировоззренческих позиций коррупционера (%)

Шкала оценок	Характер отношения						
	Негативное			Нейт.	Позитивное		
	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
к своей профессии	18,7	25,1	–	37,6	–	–	18,0
к предлагающему взятку	6,2	–	–	53,9	5,4	20,0	13,3
к самому себе	7,2	5,9	–	53,3	–	14,0	19,0
к стране	20,5	–	5,9	60,6	–	7,2	5,8

ное вознаграждение, а также к самому себе и стране. Такой подход к проблеме позволяет зафиксировать целостный «образ мира» личности, начиная с оценки самого себя, осуществляя переход к оценке своей профессии и людей, с которыми приходится взаимодействовать, завершая этот процесс оценкой страны в целом.

Как оказалось, наиболее выраженные негативные оценки получает отношение коррупционера к своей профессии («–3» – 18,7%, «–2» – 25,1%) и к стране (например, крайняя негативная позиция «–3» набирает 20,5%), которые представляют его, по мнению студентов, безответственным, безразличным, беспринципным (см. рисунок 14.4). Важно отметить, что студенты предполагают, что коррупционер испытывает позитивное отношение к людям, предлагающим взятку, и так считают 38,7% («+1» – 5,4%; «+2» – 20,0%; «+3» – 13,3%) студентов. Еще 23% студентов («+2» – 14,0%; «+3» – 19,0%) склонны считать, что коррупционер позитивно относится к самому себе и своей профессии, предоставляющей возможность получать определенные выгоды, не предусмотренные трудовым договором. По этому же основанию 14% студентов («+2» – 7,2%; «+3» – 5,8%) указывают на удовлетворенность коррупционера государством, его позитивное отношение к стране за возможность получать неучтенные доходы.

Обобщая позитивные оценки отношения коррупционера к миру и себе, можно отметить, что значительная часть студентов полагает, что часть людей, участвующих в получении взятки, вполне удовлетворена и своей профессией, и своими взаимоотношениями с окру-

жающими, и государством, которое, в сравнении с некоторыми другими странами[1], проявляет относительную терпимость к данному явлению. Это первая позиция, а вторая связана с тем, что, по мнению студентов, позитивное отношение коррупционера к людям, предлагающим взятку, выражено более остальных, включая и его отношение к самому себе. В этой связи можно привести ряд шутливых высказываний, которые позволяют точнее и ярче оценить позиции студентов: «к предлагающему взятку он относится лучше, даже чем к самому себе», «больше себя он ценит тех, кто приносит взятку», «милее всего дары приносящий» и т. д.

Обобщенные результаты оценок студентов мировоззренческих позиций коррупционера представлены на рисунке 14.5. В качестве общего вывода по результатам этого этапа исследования можно указать на высокий уровень равнодушия (нейтрального, безоценочного отношения) к проблеме коррупции со стороны коррупционеров (по мнению студентов). Нейтральные оценки представлены на рисунке 14.5 серединными позициями. Только единожды обнаруживает себя случай, когда негативное отношение превосходит нейтральные позиции – это касается оценки отношения коррупционера к своей профессии, которая беспокоит студентов, не позволяет им оставаться равнодушными. Видимо, это связано с тем, что респонденты, находясь в вузе на этапе освоения специальности, серьезно относятся к своей профессии.

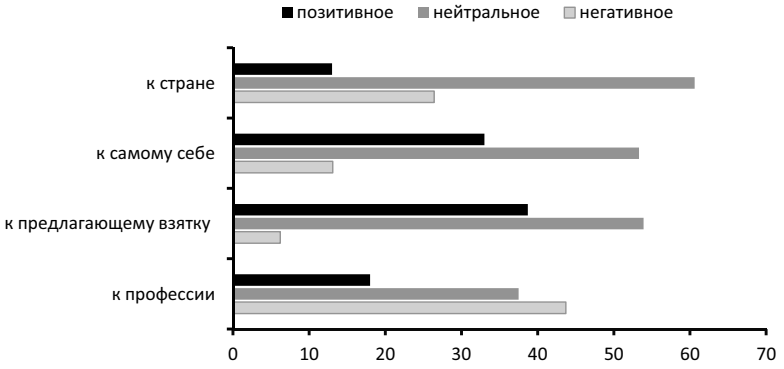


Рис. 14.5. Отношение коррупционера к себе, другим, профессии и стране (%)

1 К примеру, в Китае и Таиланде за взятку в особо крупном размере предусмотрена смертная казнь в виде расстрела.

Негативные позиции высказываются студентами и в связи с отношением коррупционера к стране. Позитивные оценки коррупционера, как уже отмечалось выше, связываются с внешними условиями (позиция – страна), с самооценкой, оценкой своей профессии и отношением к лицам, предлагающим взятку. Для разъяснения последней позиции важно указать на результаты предыдущих исследований, которые показали, что 93,7% студентов считают инициаторами коррупционных сделок на бытовом уровне самих граждан, высказывающих свою признательность человеку, который помогает (лишь 6,3% студентов считают такого рода сделки вынужденными или совершенными по принуждению, см.: Китова 2019). Возможно, что именно представления студентов о добровольности такого рода сделок, склоняет их к мнению о позитивном отношении коррупционера к лицам, высказывающим им благодарность: по принципу – мог бы и не приносить.

Отношения студентов к участникам коррупционного взаимодействия. Следующий вопрос был предложен студентам, которые признали себя участвовавшими в коррупционных следках. Вопрос звучал таким образом: «Если вам приходилось давать взятку, что вы при этом чувствовали?». Для ответа на этот вопрос студентам также предлагалось изначально оценить эмоциональный фон отношения (негативный, нейтральный, позитивный), а затем указать интенсивность переживаний (слабая – 1; умеренная – 2; сильная – 3). Полученные ответы сведены в таблицу 14.2.

На этом этапе важно выделить высокий уровень нейтрального отношения к своим поступкам среди лиц, передавших (по самооценке) взятку (82,7%), и такой же уровень равнодушия они испытыва-

Таблица 14.2

Распределение эмоциональных оценок
по отношению к субъектам коррупционных преступлений (%)

Оценка по отношению	**Выраженность**						
	Негативные			Нейт.	Позитивные		
	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3
к себе	3,6	3,2	3,2	82,7	1,3	2,7	3,2
к коррупционеру	14,8	15,4	16,3	53,7	0,7	1,1	15,8
к стране	20,3	6,8	1,3	49,5	0,8	7,4	13,9

ли к человеку, принимавшему взятку (53,7%), и к стране (49,5). Выраженные негативные оценки у них вызывают и сам коррупционер, и государство, которое, по их оценкам, не может достаточно эффективно противостоять коррупции. При ответах на эти вопросы снова проявила себя группа респондентов, которых вполне устраивает возможность коррупционного решения бытовых проблем. На этот раз они проявили себя через позитивную оценку уровня распространения коррупции в стране 17,6% («+1» – 0,7%; «+2» – 1,1%; «+3» – 15,8%), а также позитивное отношение к коррупционерам – людям, с которыми можно оперативно решать текущие вопросы жизнеустройства. Также очевидно, что уровень позитивного отношения к коррупционерам среди студентов несколько выше, чем такое же отношение к стране, и составляет 22,1% («+1» – 0,8%; «+2» – 7,4%; «+3» – 13,9%). Подобное отношение может быть обусловлено и сочувственным отношением к коррупционеру как человеку вынужденному прибегать к поиску дополнительных источников доходов из-за низкого уровня заработной платы, которая наблюдается у большинства российских служащих, – такого рода мнения были выявлены в пилотажной части исследования (Китова, 2016а).

Общим итогом этого этапа выступает выявленный у основной части студентов нейтральный фон отношения к коррупционерам, к самой коррупции как социальному явлению и своему участию в такого рода отношениях (рисунок 14.6). Наиболее негативные оценки у студентов вызывает личность коррупционера и социально-экономические условия жизнедеятельности российского общества (осознаются как страна в целом). Своей *ответственности* за развитие коррупционных правонарушений студенты практически не выражают, что может быть обусловлено как *непониманием* факта своего участия в коррупционных отношениях, так и признанием того, что это участие, если оно и случилось, имеет *вынужденный* характер. Итогом такого восприятия и оценки ситуации выступает тот факт, что негативизм к коррупции со стороны студентов проявляется (выплескивается) в отношении коррупционера и государства, что позволяет говорить о *внешнем локусе контроля* при объяснении коррупции и ее социальных последствий. Такой эффект, как известно, проявляет себя в поиске виновных в сложившихся обстоятельствах за пределами собственной зоны ответственности.

Оценки личностных качеств коррупционера. На следующем этапе исследования студентам предлагалось оценить степень выраженнос-

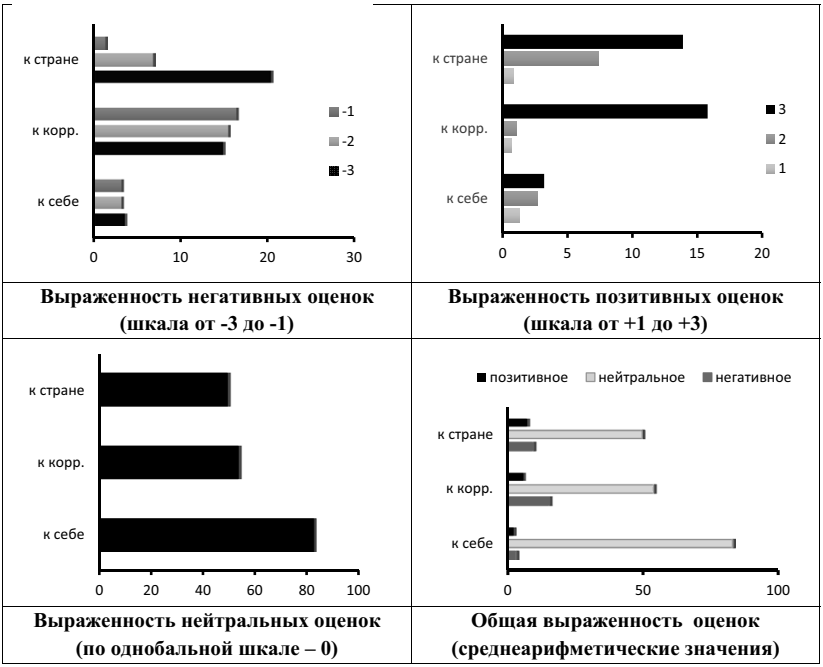


Рис. 14.6. Распределение выраженности характеристик субъектов коррупционных правонарушений

ти личностно-психологических характеристик человека, принявшего взятку, по следующим пяти основаниям: профессиональная компетентность, уровень интеллекта, коммуникабельность, нравственные характеристики и уровень самообладания. Оценка происходила по семибалльной шкале от 1 до 7 (1 – минимальная выраженность признака, 7 – максимальная его выраженность). В таблице 13.3 представлены как результаты ответов респондентов, так и шкала оценки выраженности психологических характеристик личности.

Для удобства анализа полученных результатов определим (условно) серединную позицию шкалы, которая представлена цифрой «4», как среднее проявление признака, тогда позицию «1–3» можно расценивать как низкую выраженность психологических признаков, а «5–7» – как высокую. При таком подходе становится очевидным, что в целом коррупционер воспринимается как человек со средними или ниже среднего способностями практически по всем направле-

Таблица 14.3

Распределение эмоциональных оценок
по отношению к субъектам коррупционных преступлений (%)

Характеристики	**Выраженность признака**						
Шкала выраженности	1	2	3	4	5	6	7
Профессиональная компетентность	25,8	24,1	18,7	12,5	6,2	6,9	6,0
Уровень интеллекта	–	18,8	20,0	13,3	12,8	13,5	20,1
Коммуникабельность	6,6	–	26,1	32,7	–	13,5	20,4
Нравственные характеристики	27,0	26,3	25,8	13,3	–	–	6,7
Уровень самообладания	27,7	5,7	20,6	25,3	12,4	–	7,4

ниям оценок. Так, низкие и средние оценки коррупционеры получают по критериям профессиональной компетентности – 81,1%, уровня интеллекта – 52,1%, коммуникабельности – 65,4%, способности к самообладанию – 79,3% и нравственных характеристик – 92,4%. Представляется, что есть необходимость дополнительного акцентирования внимания на том, что наиболее низкие оценки коррупционера связаны с его нравственными качествами, что губительно для общественных отношений (Купрейченко, Журавлев, 2010).

В процессе дополнительного анализа полученных результатов важно обратить внимание и на особенности позитивных характеристик коррупционера (хотя и не многочисленных), где нравственные оценки все же представлены. Так, высоко оценили нравственные характеристики коррупционера – 6,7% студентов, профессиональную компетентность – 19,1% и уровень самообладания – 19,7%. Наиболее высоко оцениваются студентами такие характеристики коррупционера, как коммуникабельность (33,7%) и уровень интеллекта (46,4%). Здесь стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что уровень интеллекта коррупционера не получил низких оценок (то есть оценки «1»).

Сгруппируем для наглядности личностные характеристики коррупционера по усредненным баллам, рассчитанным по описанному выше принципу: «1–3» – низкие показатели, «4» – средние, «5–7» высокие (см. рисунок 14.7).

Из рисунка 14.7 следует, что коррупционер оценивается студентами как человек со слабо выраженными личностными *досто-*

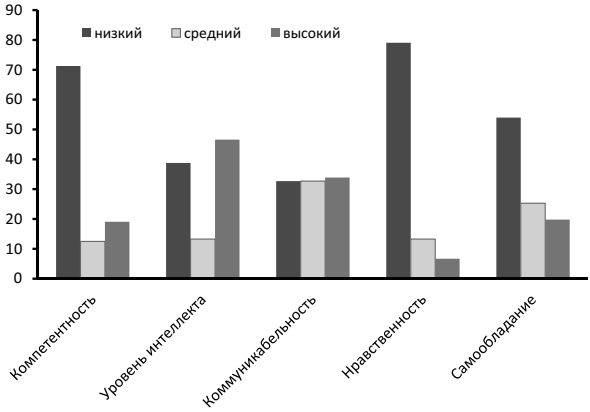


Рис. 14.7. Распределение уровня выраженности личностных характеристик коррупционера, по мнению студентов (%)

инствами (или *преимуществами*), – низкие оценки превалируют над высокими по всем позициям, за исключением уровня интеллекта. Наиболее низкий уровень приписывается его нравственным качествам, наиболее высокий (относительно остальных позиций) – уровню интеллекта. Противоречия возникают при оценке его коммуникабельности (способности к общению) – здесь студенты практически разделились на три примерно равнозначные подгруппы, демонстрируя несопоставимые между собой оценки его способности к общению, присваивая коррупционеру как низкие и средние, так и высокие проявления данного признака. Эти результаты требуют отдельного изучения, но в качестве предварительной гипотезы можно предположить, что коррупционер способен к управлению коммуникативными процессами и может осознанно избирать стиль поведения в зависимости от различных обстоятельств или избранных тактик поведения (уговаривать, убеждать, запугивать, игнорировать, очаровывать, демонстрировать нежелание решать проблему и т. д.). В целом, опираясь на результаты анализа оценок студентами личностных характеристик коррупционера, можно описать его как в меру умного (иногда с очень высоким уровнем интеллекта), относительно коммуникабельного, но недостаточно профессионального и нравственного человека, с различным уровнем развития способностей к волевой саморегуляции (самообладанию).

Социально-демографические характеристики коррупционера. Ниже приводятся материалы, отражающие представления студентов о социально-демографических особенностях среднестатистического коррупционера, такие как: возраст, пол, образование, семейное положение, уровень жизни (рисунок 14.8).

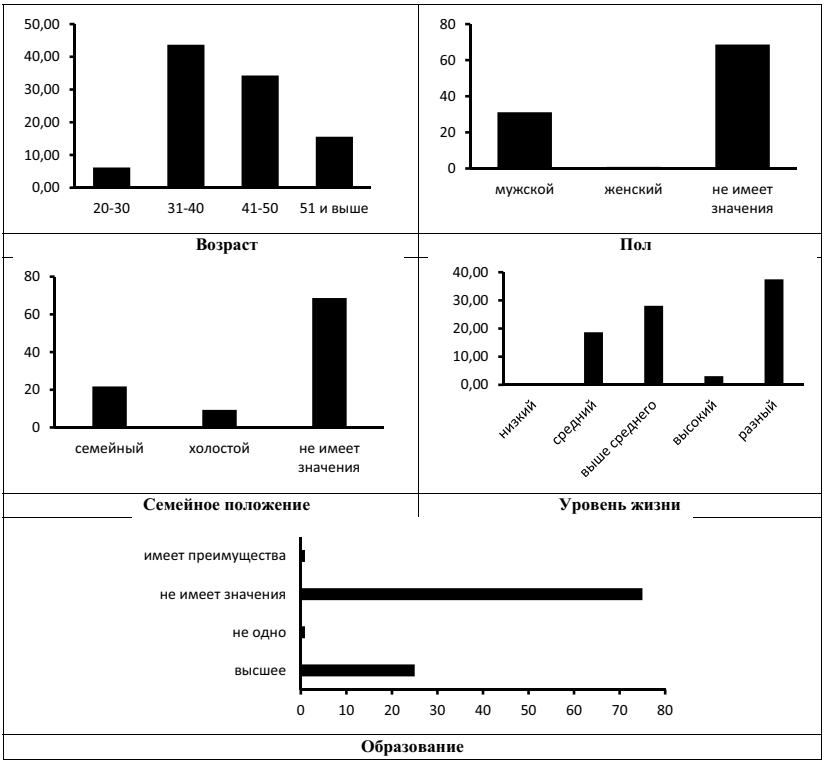


Рис. 14.8. Распределение социально-демографических характеристик коррупционера, по мнению студентов (%)

Судя по ответам студентов, среднестатистического российского коррупционера можно представить как человека в *возрасте* от 30 до 50 лет (на это указывают 78% студентов), *пол* которого не имеет определяющего значения (хотя студенты чаще указывают на мужской – 31,2% и ни разу отдельно на женский), чаще семейный, чем холостой (хотя принципиального значения *семейное положение* также не имеет).

Уровень жизни коррупционера определяется студентами в основном как средний или выше среднего (18,7% и 28,8% соответственно): на низкий уровень жизни коррупционера указали менее 1% студентов, а на высокий – 3,3%. Значительная часть студентов (37,5%) определила данные позиции в обобщающей форме, указав на то, что уровень жизни коррупционеров может быть «разным». Важно особо указать и на то, что, по мнению студентов, лишь небольшая доля коррупционеров имеет высокий уровень жизни (3,3%). Это обстоятельство снова косвенно подтверждает обоснованные выше позиции о том, что студенты говорят о бытовом уровне проявления коррупции.

Весьма сдержанные оценки получает и *уровень образования* коррупционера, который чаще определяется как не имеющий какого-либо значения (74,8%), либо как высшее (24,6%). Менее одного процента студентов склоны выделять коррупционера как человека, имеющего какое-либо преимущество по уровню своего образования, например, как обладателя не одного образования, а нескольких или же как наделенного определенными образовательными преимуществами (обучение в престижных вузах, наличие ученой степени, частые повышения квалификации и т.д.).

Социально-психологические представления о коррупции. В заключение студентам предлагалось выразить свое мнение в связи с изучаемой проблемой коррупции. Вопрос звучал таким образом: «Что бы вы хотели высказать еще относительно обсуждаемой проблемы?». В сформулированных студентами мнениях (оценках) звучат самые разные *эмоциональные реакции,* начиная от безысходности в оценке ситуации – «почти невозможно ничего исправить», до полной удовлетворенности ситуацией – «все хорошо». Мнения студентов, которые терпимо относятся или проявляют равнодушие к коррупции, выражается через суждения типа «ничего не стал бы менять». Часть студентов высказывает некоторые *рациональные предложения* – «ужесточить отношение к коррупции, как в Китае», демонстрируя при этом крайне неприязненное отношение к коррупционерам: «Ненавижу двуличных людей, такие не должны находиться на должностях». Также звучат высказывания, облаченные в рамки философских рассуждений: «...это Россия, народ терпеливый». Представленные суждения студентов, как и проанализированная выше совокупность материалов, позволяют заключить, что отношение молодежи к коррупции носит сложный, размытый, иногда даже запутанный, но в целом негативный характер.

Региональные особенности отношения к коррупции. Представленные ниже результаты отражают психологические особенности отношения к коррупции студентов из различных городов России. Анализ полученных различий, показывает, что отношение студентов разных городов к коррупции в целом носит негативный характер *независимо от региона* проживания, хотя и имеет некоторые особенности. Так, негативные оценки коррупции наиболее резко выражены в Москве, несколько меньше – в Иркутске, а на юге России, в частности в Черкесске, проявляется наиболее толерантное отношение к ней. Модальность этих отношений различается по уровню выраженности всех трех оценочных позиций (негативных, нейтральных и позитивных), и наверняка имеет различия в трактовке психологических особенностей личности коррупционера. Необходимость выявить и описать эти различия представляется нам планом дальнейших исследований.

При оценке студентами своего отношения к личности коррупционера они приводят более 50 характеристик, которые практически все носят негативный характер, а наиболее низкие значения связаны с оценкой нравственных качеств коррупционера. Организационные и профессиональные способности коррупционеров оцениваются студентами как слабо выраженные или среднего уровня, а максимально высокие оценки получают интеллектуальные способности коррупционера. Противоречивые оценки респондентов связаны с описанием коммуникативной компетентности коррупционера: среди описаний встречаются как позитивные оценки, – студенты отмечают его коммуникабельность, общительность, обаяние, так и негативные, указывающие на его грубость, наглость, циничность, лживость и т. д.

Выявленные факты свидетельствуют о низкой правовой осведомленности молодых людей и необходимости профилактических мероприятий, которые должны быть организованы на уровне государства и его социальных институтов, прежде всего образовательных. Неадекватная оценка правовых признаков коррупции может быть опасна как для самой развивающейся личности, так и для общества в целом. В частности, наличие искаженных правовых представлений может приводить к непреднамеренному нарушению законодательства, что сохраняет проблему исследования на уровне глобальных угроз человечеству.

ГЛАВА 15

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Задача среднесрочного и долгосрочного прогнозирования развития страны не является новой для социальных наук, однако становится все более актуальной в связи с переходом к новому технологическому укладу. Формирование цифровой экономики происходит сегодня в ситуации «шока будущего», когда общество не успевает договариваться о правилах использования новых технологий, таких как дополненная реальность, искусственный интеллект, «интернет всего» и «потоковая» аналитика больших данных, робототехника, редактирование генома, использование новых материалов и др. Увеличивающийся техно-гуманитарный дисбаланс, а также разрыв между технологическим оптимизмом и социальным пессимизмом требуют все более пристального внимания не только к растущим технологическим возможностям и рискам, но и к последствиям технологий для отношений между людьми. Несмотря на все большую «одержимость будущим» технократических элит и части российской молодежи, до сих пор инновационно-технологический форсайт и публичные дискуссии о будущем были сконцентрированы в основном на развитии технологий и новых рынках, тогда как изменениям в психологии и социальном поведении уделялось значительно меньше внимания (Нестик, 2018а).

В литературе, посвященной прогнозированию социальных последствий внедрения новых технологий, получает признание необходимость разработки психологических подходов, которые дополняли бы социологический анализ взаимодействия общества и технологий, сконцентрированный на больших группах (Bögel, Upham, 2018). До сих пор внимание к социально-психологическим аспектам внедрения тех-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.

нологий было связано в основном с поведением потребителей, между тем для понимания психологических механизмов принятия новых технологий обществом необходимы исследования более широкого круга участников: исследователей и разработчиков, руководителей инновационно-технологических компаний, сотрудников розничных подразделений, политиков и чиновников, вовлеченных в регулирование технологий, технологических блогеров и активистов.

В инженерной мысли получает широкое признание подход к дизайну как культурной практике, позволяющей решать сложные, не имеющие очевидного решения социальные проблемы через вовлечение в разработку ключевых заинтересованных сторон, совместное социотехническое экспериментирование (Engeler, 2017; Wahl, Baxter, 2008). Именно такой подход реализуется в технологии дизайна мышления, а также в нарративных технологиях дизайна будущего. В основе этих подходов к разработке социотехнических систем лежат несколько принципов. Во-первых, это принцип человеко-центрированного, ценностно-ориентированного дизайна, который уже на этапе разработки устройства или программы предполагает учет ценностей пользователей и их право информированного выбора. Во-вторых, это принципы непрерывного совместного экспериментирования и диалога с заказчиками и пользователями. В-третьих, это не только стремление увидеть инновации с точки зрения повседневности, жизненного мира конечных пользователей, но и ориентация на учет долгосрочных социальных последствий внедрения технологии.

Все большее внимание психологическим и социальным последствиям технологических инноваций уделяется в исследованиях будущего. Так, в критических исследованиях будущего, концепциях социального форсайта и интегрального будущего основное внимание уделяется не внешним, объективным изменениям в технологиях, экономике, демографии и т. д., а внутренним, психологическим изменениям (Slaughter, 2008). В концепции многоуровневого каузального анализа С. Инаятуллы обосновывается необходимость перехода от поверхностного анализа трендов к диалогу различных идеологических и ценностных позиций, в котором конструируются альтернативные версии развития технологий (Inayatullah, 2010). Нарративный подход предоставляет возможность участникам осознать когнитивные и культурные факторы, влияющие на конструируемый ими образ будущего, увязать последствия технологий с конкретными людьми, предметами и событиями, образующими повседневность будущего (Stackelberg, McDowell, 2015).

Тем не менее как за рубежом, так и в России до сих пор отсутствует научно обоснованная методология анализа возможного влияния новых технологий на отношения между людьми, групповую динамику и макропсихологические характеристики общества (Журавлев, Нестик, 2016). На наш взгляд, в отличие от решения других традиционных задач научно-технологического прогнозирования, ключевую роль в разработке такой методологии может играть именно психологическая наука. Цель настоящей главы – наметить некоторые принципы и направления такого прогнозирования.

Принципы социально-психологического прогнозирования влияния новых технологий на человека

Очевидно, что подход психологов к прогнозированию социальной динамики должен опираться на *принцип многоуровневой организации совместной жизнедеятельности,* то есть учитывать все *уровни социально-психологического анализа,* выделенные в свое время В. Дуазом: личностный, межличностный, внутригрупповой, межгрупповой, организационный и макропсихологический (социетальный, геополитический, глобальный). Как подсказывает нам экологическая теория У. Бронфенбреннера, микро-, мезо- и экзосистемы дополняют и компенсируют воздействие друг на друга. На наш взгляд, негативные последствия технологических или экономических изменений на индивидуальном уровне могут быть компенсированы позитивными последствиями на том же уровне или уровне групповом. Так, например, в ходе анализа социально-психологических последствий распространения интернета и цифровых технологий на личностном уровне можно выделить, с одной стороны, снижение способности к запоминанию, так называемый «эффект Google», то есть иллюзию собственной компетентности за счет доступа к знаниям в сети (Fisher et al., 2015), затруднения в чтении длинных текстов и синдром дефицита внимания (Kapp, 2012), низкие показатели в решении силлогизмов и большую подверженность когнитивным искажениям (Barr et al., 2015), а с другой – улучшение способности личности распределять внимание, развитие пространственного мышления и детализированности при обработке визуальной информации (Солдатова и др., 2017). Кроме того, сокращение способности к запоминанию на индивидуальном уровне компенсируется развитием транзакционной памяти на уровне межличностном и групповом, когда опыт ре-

шения сложных задач распределен между узкоспециализированными участниками сетевого сообщества (Журавлев, Нестик, 2010). Все более важными становятся метакогнитивные компетенции: знание того, кто знает; умение обеспечить взаимодополнительность своих и чужих компетенций. Сокращение времени на принятие решения, а также многократно возросшая когнитивная нагрузка компенсируются возросшей доступностью экспертов друг для друга, появившейся возможностью мгновенно обратиться за советом к большому числу участников сети. Как на индивидуальном, так и на групповом уровне воздействие новых технологий нужно рассматривать не с точки зрения каких-то отдельно взятых характеристик и процессов (памяти, внимания, сплоченности, доверия и т.д.), а с точки зрения *взаимодействия различных функциональных систем,* динамически формируемых для *преадаптации* к возрастающей сложности и неопределенности условий совместной жизнедеятельности.

Учет всех уровней социально-психологического анализа позволяет указать на *границы управляемости социальных изменений,* которая часто переоценивается технократическими элитами российского общества. Например, такой подход обнаруживает ограничения методов управления, казавшихся эффективными на уровне малой группы и даже крупной организации, при переносе их на уровень межгрупповых отношений и уровень макропсихологических процессов. Более того, один и тот же, казалось бы, психологический феномен имеет *разные функции на разных уровнях анализа.* Например, феномен регрессии, как правило негативно оцениваемый при изучении массового сознания, на индивидуальном уровне может быть не только способом совладания (Журавлев, Харламенкова, 2017), но и механизмом развития (Александров и др., 2017).

Социально-психологическое прогнозирование влияния технологий на социальные явления и процессы может опираться на достижения целого ряда других научных направлений, отталкиваясь от которых мы можем дополнить принцип многоуровневого анализа рядом других.

Так, на макропсихологическом уровне анализа важное значение приобретает *принцип самосбывающихся и самоотменяющихся пророчеств:* необходимо учитывать влияние коллективных образов технологического будущего на поведение социальных групп, хорошо обоснованное в рамках социологии будущего (Б. Адам, Дж. Ури, Дж. Бекерт, Ю. Левада, Л. Гудков и др.), а также в конструкционист-

ских подходах к форсайт-исследованиям, предложенных Р. Слотером и С. Инаятуллой.

На уровне межгрупповых отношений важно учитывать *принцип включенности технологий в процессы межгрупповой дифференциации и интеграции:* во взаимодействие между инновационными и консервативными группами потребителей, описанное в теории распространения инноваций Э. Роджерса, а также согласование интересов разных социальных групп при выработке правил функционирования новых технологий, проанализированное в рамках теории социального конструирования технологии В. Байджкера и Т. Пинча (Журавлев, Нестик, 2016).

При формировании прогноза развития российского общества под влиянием новых технологий психологи не могут не учитывать то, *как коллективный образ будущего влияет на социальное поведение в настоящем.* Важным направлением исследований должно стать уточнение психологических функций и анализ динамики различных компонентов коллективного образа будущего в условиях неопределенности. В содержании коллективного образа будущего можно выделить шесть основных феноменов: во-первых, это *коллективные цели и планы,* объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, *групповые ожидания,* то есть представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах, в-третьих, *коллективные надежды,* то есть представления членов группы о вероятном положительном для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного будущего; в-четвертых, *коллективные страхи,* то есть разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации; в-пятых, *групповые мечты,* то есть представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; наконец, в-шестых, *коллективные идеалы,* то есть представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации. Учет динамики данных компонентов образа будущего, а также динамики *социально-психологических типов отношения к коллективному будущему* позволит существенно уточнить психологический прогноз развития российского общества (Нестик, 2018б).

При социально-психологическом прогнозировании влияния технологических изменений на повседневную жизнь общества необходимо учитывать *социально-психологические характеристики социальных групп с разным отношением к изменениям:* «визионеров», то есть представителей политических, научных и культурных элит, которые существенно влияют на коллективное воображение о будущем; «передовых» социальных групп, которые непосредственно включены в создание социальных и технологических инноваций (команды технологических стартапов, социальные предприниматели и т. п.); «консервативных» групп российского общества, в силу идеологических взглядов, поколенческих особенностей и объективного положения в системе экономических отношений не заинтересованных в изменениях.

Наконец, необходимо учитывать, что новые технологии и их влияние на общество не только могут быть латентными, скрытыми от публичного дискурса, но и оказываются вовлеченными в конструирование социальных проблем через публикации в СМИ и социальные медиа. При этом наиболее остро обсуждаются те технологии, которые затрагивают традиционные ценности и нормы, регулирующие телесность человека, создают реальную или воображаемую угрозу для сохранения позитивной групповой идентичности (Журавлев, Нестик, 2016). Как видно из исследований внедрения технологий, опирающихся на концепцию социальных представлений С. Московичи, научные открытия и технические решения принимаются общественным сознанием через уже знакомые, укорененные в коллективной памяти темы «свой/чужой», «природное/искусственное» и т. п., которые облегчают обсуждение и закрепление представлений о малопонятных, новых технологиях в непрофессиональной среде (Емельянова, Вопилова, 2018). Таким образом, при прогнозировании влияния новых технологий на общество необходимо учитывать принцип их *искаженной репрезентации в массовом сознании:* некоторые технологии влияют на общество еще до своего появления в непосредственном повседневном опыте, через социальные представления и воображаемые сценарии будущего, как это произошло в свое время с космическими технологиями, затем с генно-модифицированными продуктами а сегодня происходит с робототехникой и искусственным интеллектом.

При прогнозировании воздействия технологий на общество принципиально важно учитывать тот факт, что *технологии, входящие*

в один «пакет» с точки зрения ученых и инженеров, в представлениях и субъективном опыте людей могут быть не связаны или противопоставляться друг другу. Результаты наших эмпирических исследований отношения молодежи к новым технологиям позволяют говорить о существовании разных типов технологий, готовность использовать которые определяется разными социально-психологическими характеристиками личности (Нестик, Журавлев, 2018а): «технологии киборгизации» (вживляемые микрочипы и механические устройства, нейроинтерфейсы, устройства дополненной реальности, персональные консультанты на основе искусственного интеллекта, андроиды-помощники и т. п.); «технологии умного города» (электромобили, каршеринг, домашние 3D-принтеры, «умная» одежда, телемедицина, умный дом, беспилотное такси и т. п.); «диагностика здоровья» (выявление генетической предрасположенности к заболеваниям, носимые медицинские датчики здоровья, бытовые датчики токсинов и т. п.); «технологии генной инженерии» (ЭКО-зачатие, редактирование генома будущего ребенка, ГМО в пищевых продуктах).

На уровне группы и межличностных отношений новые технологии можно рассматривать как культурные орудия, использование которых меняет когнитивные процессы и отношения между людьми в соответствии с положениями культурно-исторической школы (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов и др.). При прогнозировании последствий развития технологий важно оценивать различные сценарии их «объективации» через включение в рутинные процессы повседневной жизни, а также превращение в символические средства конструирования групповой идентичности, что хорошо описывает теория одомашнивания технологий Р. Сильверстоуна. Таким образом, можно выделить еще один принцип: *последствия использования новых технологий нельзя рассматривать вне культурного контекста,* без учета кросс-культурных различий. Как убедительно показывают исследования представителей цифровой антропологии (Miller et al., 2016), селфи и использование социальных сетей в рамках совершенно разных культурных практик, в одних странах поддерживая коллективизм и сильные социальные связи (например, на Филиппинах, в Турции, Италии, Бразилии), в других – выступая как инструмент индивидуализации (например, в индустриальных районах Китая). Несмотря на то, что цифровые технологии долгое время было принято рассматривать как глобали-

зующие и деиндивидуализирующие, в действительности оказалось, что они способны выражать и усиливать привязанность к родным местам, поддерживать локальность и отличительность (Запорожец, Лапина-Кратасюк, 2015).

Опираясь на положения акторно-сетевой теории Б. Латура, М. Каллона и Дж. Ло, можно сформулировать *принцип активности технических артефактов:* сами технические устройства, программы и облачные сервисы необходимо рассматривать не только как объекты, но и как нечеловеческие акторы, участвующие в совместной жизнедеятельности. Этот принцип можно использовать при разработке прогнозов на основе мультиагентного математического моделирования взаимодействия человека и новых технологий. Анализ взаимодействия между технологиями и человеком как субъект-субъектного следует понимать, на наш взгляд, не как технологический детерминизм программ (Manovich, 2013), а как новый тип совместности, при котором механизмы социального познания, в том числе атрибутивные процессы, наделяют субъектностью «умные вещи». То есть артефакты становятся активными единицами социальных отношений не в силу своей автономности, а наоборот, в силу включенности в сеть отношений между людьми. Чем доступнее люди друг для друга благодаря коммуникационным технологиям, тем больше у них возможностей для вплетения предметов в ткань совместных историй и замыслов, для превращения в культурные орудия ради изменения самих себя.

Большим эвристическим потенциалом обладают положения отечественной концепции воспринимаемых качеств объектов среды, разработанной В. Н. Носуленко (Носуленко, 2009; Nosulenko, Samoylenko, 2001), а также близкой к ней теории аффордансов, предложенной Д. Норманом на основании экологического подхода Дж. Гибсона (Норман, 2006; Heras-Escribano, De Pinedo-García, 2018). С учетом этих подходов можно сформулировать еще один принцип прогнозирования: *новые технологии будут влиять на индивидуальную и совместную деятельность через субъективно значимые, воспринимаемые качества, а не через функционал, спроектированный разработчиками.* Иными словами, влияние искусственного интеллекта и устройств дополненной реальности на взаимодействие человека с миром будет определяться возможностями, «степенями свободы», релевантными для пользователей соответствующих программ и технических решений.

Включение умных устройств в жизненные ситуации людей *будет придавать им новые воспринимаемые качества и функции*. То есть включение технологий в жизнь общества не ограничивается продуманными дизайнерами «пользовательскими историями», на самом деле люди меняют технологии, включая их в совместное целеполагание, групповые когнитивные процессы и межличностные коммуникации.

Кроме того, следует принимать во внимание самоорганизующийся характер техносферы: человек организует мир, а созданный им мир организует себя и его (Сергеев, 2019; Сергеев, 2020). *Понимание технологий людьми не является необходимым условием не только их использования, но и даже их совершенствования.* Экспериментальные социально-психологические исследования подтверждают предположение культурных антропологов о том, что технические усовершенствования постепенно накапливаются от поколения к поколению пользователей без понимания причинно-следственных связей, на которых основано действие устройства (Derex et al., 2019).

На личностном уровне социально-психологического прогнозирования необходимо учитывать предпосылки готовности человека воспользоваться новой технологией или изменить свое поведение под ее влиянием. Как показывают многочисленные исследования принятия новых цифровых, энергетических и биологических технологий, проведенные на основе концепции спланированного поведения И. Айзена, при прогнозировании пользовательских решений необходимо учитывать не только представление личности о полезности устройства или программы и вероятности получения позитивного эффекта при их использовании, но и два других основания: представление о том, как к этой технологии относятся значимые другие и соответствует ли ее использование сложившимся социальным нормам, а также оценку самоэффективности, собственной способности контролировать достижение результата, например, оценку достаточности имеющихся знаний и навыков для использования нового устройства (Журавлев, Нестик, 2016).

Безусловно, речь здесь идет лишь о тех случаях, когда пользователь сознательно делает свой выбор: например, переходить ли на новое программное обеспечение, садиться ли в самоуправляемое такси и т. п. Между тем внедрение новых технологий может не оставлять выбора, как это происходило в России с внедрением энергосберегающих ламп. Кроме того, для такого выбора может не быть повода

в силу того, что технология латентна, скрыта от внимания пользователя, как это произошло при переходе к использованию искусственного интеллекта для обработки поисковых запросов в интернете. В этой связи можно сформулировать еще один принцип: при социально-психологическом прогнозировании влияния новых технологий на общество *необходимо учитывать наличие пользовательского выбора и разный уровень его осознанности.* Можно предположить, что чем меньше осознанность использования технологии, тем быстрее будет меняться поведение личности под его влиянием.

Какие исследовательские стратегии позволят сделать обоснованным социально-психологический прогноз взаимодействия человека и новых технологий? Очевидно, что в данном случае необходимо сопоставление психологических характеристик личности и группы до и после перехода к использованию новых технологий.

Важным шагом в этом направлении стали *лонгитюдные исследования* на больших выборках, которые пока опровергают распространенные в обществе представления о негативном влиянии цифровых технологий на развитие личности. Так, например, лонгитюдное исследование 1815 подростков с замерами в 8/9 и 15 лет показало, что игра в компьютерные шутеры не влияет на уровень агрессии и подверженность депрессивным расстройствам (Etchells et al., 2016). Сопоставление трех лонгитюдных выборок в Великобритании и США с общей численностью участников 355358 позволило установить статистически значимое негативное воздействие цифрового экранного времени на психологическое благополучие подростков, однако его вклад в дисперсию значений оказался ничтожно мал, на уровне 0,4% (Orben, Przybylski, 2019). Однако, как показывает зарубежный и российский опыт, такие исследования возможны в исключительных случаях, при наличии серьезной грантовой поддержки. И конечно, такого масштаба психологические исследования на малых и крупных социальных группах остаются задачей будущего.

Бóльшие возможности для эмпирической проверки прогнозов открывает *анализ больших данных* (Нестик, Журавлев, Юревич, 2018). Например, анализ «цифровых следов» сотен тысяч интернет-пользователей позволяет решать задачу, трудно реализуемую через самоотчеты респондентов, – определение связи динамики социально-психологических характеристик личности с изменениями в макропсихологических характеристиках общества (см., напр.: Obschonka et al., 2018). Развитие интернета вещей, потоковая анали-

тика и анализ больших данных, бесконтактная диагностика психофизиологических индикаторов, психологическое профилирование по цифровым следам – всё это позволит со временем получать более точную и комплексную картину изменений социально-психологических характеристик личности и группы под влиянием новых технологий. По-видимому, такие исследования станут возможными вместе с развитием рынка анонимизированных личных данных, участвовать в котором на основании информированного согласия смогут как отдельные люди, так и сообщества. При условии доверия к данному социальному институту можно ожидать бурного развития гражданской науки в социальных и психологических исследованиях, – то есть энтузиастов, помогающих собирать данные, – подобного тому, что можно наблюдать сегодня в биологии и астрономии. Очевидно, существенную роль в изучении влияния технологий на общество смогут играть не только пользовательские сообщества, но и крупные волонтерские движения.

Другое направление – изучение социальных изменений методом *естественного эксперимента.* Чрезвычайно важными объектами социально-психологического исследования при этом становятся социальное предпринимательство и проекты реформирования малых городов, переходящих от промышленного к постиндустриальному развитию.

Еще одним основанием для построения прогнозов может быть выявление *изменчивого и стабильного,* шире – культурно инвариантного, в закономерностях индивидуального и коллективного поведения. Как известно, низкая воспроизводимость результатов психологических исследований (по разным оценкам, от 30 до 50%) объясняется не только методологическими и методическими ошибками, но и динамикой социальных процессов. Социальная психология исторична, она конструирует закономерности человеческого поведения, опираясь на образ мира, сложившийся в определенных культурно-исторических условиях (Gergen, 1997). В этой связи социально-психологический подход к долгосрочному прогнозированию развития общества может отталкиваться от воспроизводимых экспериментальных данных, закономерностей, эмпирически подтвержденных в разные эпохи новейшей истории (таких как эффект конформности С. Милгрэма и др.). Очевидно, что здесь психологи вновь сталкиваются с давно сформулированной задачей – уточнить *степень подверженности историческим изменениям различных*

психологических феноменов. Благодаря лонгитюдным исследованиям, – а в последние годы также и в связи с анализом больших данных, – психологической науке уже немало известно об относительной изменчивости или стабильности различных психологических характеристик личности. Однако на уровне межличностных, групповых и межгрупповых отношений задача выявления стабильного и изменчивого оказывается значительно сложнее. Социально-психологические закономерности, многократно подтвержденные в истории психологической науки, могут оставаться неизменными по своей сути, но иначе проявляться в условиях новых технологий. Например, развитие социальных сетей существенно усилило эффект влияния меньшинства, эмоционального заражения, сдвига к риску и поляризации в гомогенных социальных группах и т. п. (Михеев, Нестик, 2017; Bessi, 2016).

Возможные последствия новых технологий и перспективные направления социально-психологических исследований

Подводя итоги, можно выделить *несколько перспективных направлений социально-психологических исследований* в области взаимодействия человека с новыми технологиями. Не претендуя на полноту анализа возможных последствий развития новых технологий, мы наметим некоторые из них на разных уровнях социально-психологического анализа.

На *внутриличностном* уровне развитие цифровых технологий открывает путь к повышению осознанности человеком не только своего прошлого и будущего, но и тех межличностных и внутригрупповых отношений, которые ранее оставались за рамками нашего внимания.

Развитие интернета вещей, персональных помощников и возможностей для тонкой настройки окружающего личность цифрового мира при помощи самообучающихся алгоритмов приведет к формированию расширенного образа Я, включающего в себя более отчетливое представление о том, как нас воспринимают окружающие, каково наше физическое и эмоциональное состояние. Под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и дополненной реальности можно ожидать расширения возможностей для конструирования своей идентичности, управления впечатлением. Развитие постгеномных технологий, в том числе диагностика и редактирование генома, не только расширит возможности для выбора гендерной

идентичности, но и откроет путь к конструированию родственных связей, выбору того или иного образа будущего своего рода. По всей видимости, эти технологические изменения сделают еще более востребованными процессуальные подходы к изучению личности (Журавлев, Харламенкова, 2018; Костромина, Гришина, 2018), а также поставят целый ряд социально-психологических проблем. Как увеличение осознанности и управляемости эмоциональных состояний повлияет на близкие межличностные отношения? Каковы социально-психологические предпосылки стремления личности больше знать о себе или, наоборот, сократить доступность информации о себе как для других, так и для самой себя? Как будут разрешаться внутрисемейные конфликты, связанные с разным отношением к цифровой памяти, когда часть семьи стремится забыть, а другая часть желает помнить? Уже сегодня у пользователей социальных сетей появляется возможность в режиме реального времени сравнивать себя с другими людьми по гораздо большему числу физических, психологических и социальных параметров, чем это было возможно в доцифровом мире. С одной стороны, у людей появляется больше оснований для чувства депривации и несправедливости, с другой стороны, происходит десенсибилизация, формируется нечувствительность к чужому мнению. Требуются специальные исследования того, как эти изменения скажутся на развитии личности.

Алгоритмы и виртуальные помощники все сильнее влияют на поведение пользователей цифровых технологий. Сегодня вновь приобретают актуальность исследования конформности и подчинения, однако в роли авторитетного другого будут выступать не экспериментаторы, а киберфизические системы, искусственный интеллект или специалисты по большим данным, психологически бесконечно далекие для обывателя. Чрезвычайно важно изучить, как все большая «искусственность» управляемой нейросетями повседневной жизни повлияет на фундаментальные психологические феномены – объяснение человеком своих успехов и неудач, веру в способность влиять на свое будущее, убеждение в справедливости мира, доверие к социальным институтам.

На уровне *межличностных отношений* уже сегодня мы можем заметить, как цифровые технологии меняют границы интимного и публичного, внутреннего и внешнего. Анализ цифровых следов и бесконтактная психофизиологическая диагностика, дополненная реальность и искусственный интеллект, распознающий чувства собе-

седника лучше, чем он сам, – все это делает открытыми не только поступки, но и намерения. По-видимому, можно ожидать усложнения или, наоборот, упрощения атрибутивных процессов межличностного восприятия, роста толерантности в отношениях при одновременном снижении уровня межличностной эмпатии. Как увеличение информированности людей о поведении и психологических состояниях друг друга повлияет на динамику деловых и интимно-личностных отношений? Будут ли переноситься модели взаимодействия с голосовыми помощниками на взаимодействие с другими людьми? Как повлияет на близкие межличностные отношения существенное расширение и большая дифференцированность круга социального сравнения? Будем ли мы по-прежнему более склонны объяснять поведение других людей их личностными качествами, а не обстоятельствами?

На уровне малых и больших контактных групп мы видим ряд процессов, аналогичных тем, которые уже отметили в связи с личностью: благодаря цифровым технологиям облегчается конструирование групповой идентичности. В социальных сетях жизненный цикл формирования воображаемых сообществ может составлять несколько часов. Групповая идентификация строится на общности отношения к конкретным событиям, на коллективных чувствах, группы становятся более «текучими».

Развитие робототехники привлекает внимание исследователей к тому, как люди взаимодействуют в мультиагентных человеко-машинных системах, в том числе с социальными роботами. Особенно перспективными в этом направлении представляются модели «межличностного» восприятия роботов, а также исследования психологии взаимодействия людей с роевым интеллектом. Вместе с тем недостаточно внимания уделяется тому, какое влияние слабый (специализированный) искусственный интеллект может оказывать на групповую динамику, как он участвует в групповой рефлексии, формировании ситуативной осознанности и ментальных моделей. Возникает ряд вопросов, связанных с управлением смешанными коллективами, участниками которых являются роботы, а также использованием голосовых помощников, персонифицированных экспертных систем при принятии групповых решений. Как эти изменения в составе участников малых групп повлияют на эффективность тех или иных стилей лидерства? Как изменятся традиционные социально-психологические эффекты, наблюдаемые при принятии ре-

шений, такие как влияние меньшинства, сдвиг к риску и поляризация, эффект общего знания и другие?

На уровне *межгрупповых отношений* развитие алгоритмов может ослабить одни предрассудки, но при этом усилить другие. Цифровые технологии делают более доступной информацию о представителях своей и чужой группы, тем самым расширяя число оснований для социальной категоризации и межгруппового сравнения. Как участие искусственного интеллекта в анализе информации повлияет на эффекты межгрупповой стереотипизации, ингруппового фаворитизма?

Можно ожидать, что информационные войны и рост напряженности в обществе будут подстегивать друг друга, снижая доверие к социальным институтам, – в том числе через использование «дипфейка», искусственно сгенерированных новостей, аудио- и видеоматериалов. В этих условиях особое теоретическое и прикладное значение приобретает проблема социально-психологических механизмов конструирования позитивного коллективного образа будущего, положительных коллективных эмоций и надгрупповой идентичности в условиях фрагментации сети.

В очень отдаленной перспективе, в случае появления сильного ИИ и цифровых личностей, может возникнуть и еще одна задача для социальной психологии: изучение механизмов межличностных и межгрупповых отношений людей, их цифровых копий, полностью искусственных разумов и т. п. В менее отдаленной перспективе межгрупповые отношения будут обостряться между людьми, «выигравшими» и «проигравшими» в результате очередной волны автоматизации и трансформации профессий. Кроме того, неравенство в доступе к новым технологиям среди различных социальных групп будет подстегивать развитие аномии и провоцировать на несимметричные ответы.

Неизученным остается влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию специализированного (слабого) ИИ. Между тем, значимость этой проблемы уже сегодня определяется не только растущим влиянием технологий машинного обучения на поведение интернет-пользователей, но и в связи с разворачивающейся конкуренцией между Китаем, Россией, США и Европой в области создания ИИ. Использование ИИ в системах стратегической безопасности и кибероружия требует учета культурных и психологических особенностей взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Если влияние культурных особенностей обучающих

выборок, а также кросс-культурных различий самих разработчиков и заказчиков ИИ на работу таких систем подтвердится, то возникает еще один вопрос: как эти различия повлияют на взаимодействие между двумя и более конкурирующими системами ИИ?

На уровне *общества* в поле зрения социальных психологов попадают макропсихологические последствия развития новых технологий. По-видимому, здесь возможны разные сценарии развития событий в зависимости от того, удастся ли преодолеть устойчивое сочетание технооптимизма и социального пессимизма, которое характерно для эпохи постмодерна. Не менее важным является вопрос о том, будет ли развитие технологий способствовать «смягчению» культуры, росту толерантности к нарушению социальных норм, как это происходило на протяжении последних двухсот лет (Jackson et al., 2019). Действительно, использование криптовалют и токенов, ожидание избытка благ, произведенных роботами, и сокращение стоимости энергии, – все это делает популярной идею социальной сингулярности, в соответствии с которой дальнейшее развитие технологий будет сопровождаться демократизацией и децентрализацией общества (Borders, 2018).

Тем не менее в эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, с новыми технологиями связываются надежды на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Крах явно завышенных сегодня ожиданий в отношении алгоритмов может повлечь за собой обрушение доверия к организациям, их использующим, и дальнейшее снижение доверия социальным институтам в целом (Нестик, Журавлев, 2018б).

На социетальном уровне необходимо уточнение возможных последствий использования новых образовательных технологий в условиях перехода к «цифровому миру». Речь идет о развитии смешанного и дистанционного обучения (массовых открытых онлайн-курсов, а также так называемого «микро-обучения» через мобильные приложения, обеспечивающих непрерывный доступ к знаниям, необходимым в данный момент для решения конкретной задачи), использовании возможностей социальных сетей для совместных

образовательных проектов, а также для расширения среды ближайшего развития («социального обучения» через общение с экспертами, подобранными автоматизированной системой, а также через доступ к образовательному контенту, создаваемому участниками профессиональных сообществ на основе своего личного опыта), использование технологий искусственного интеллекта и психологического профилирования по цифровым следам для автоматизированного определения персональной образовательной траектории. Обсуждается возможность частичного или даже полного перехода на дистанционные формы обучения в школах и университетах. Между тем для определения условий и границ эффективности данных подходов к обучению детей и взрослых необходимы комплексные лонгитюдные психологические исследования.

Приходится признать, что развитие цифровых технологий углубляет культурный разрыв между теми, кто готов к неопределенности и выбору, и теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать (Леонтьев и др., 2015). Искусственный интеллект дает возможность личности переложить ответственность за свои действия на обезличенный алгоритм и его разработчиков. Ограничения, навязываемые алгоритмами, чаще всего неизвестны пользователям, даже если они описаны в пользовательской документации. Лишь треть интернет-пользователей утверждают, что когда-либо читали соглашения о предоставлении услуг и использовании персональных данных. При этом анализ цифровых следов на серверах показывает, что на самом деле соглашения читают менее 1% пользователей (Ipsos MORI, 2014). Более того, алгоритмы превращаются в «архитектуру выбора», подталкивающую нас к решениям, которые должны повысить качество нашей жизни (Талер, Санстейн, 2017). Даже если в основе такого цифрового патернализма будут либеральные ценности (что кажется маловероятным в культурах с вертикальным коллективизмом), использование алгоритмов, корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать снижению осознанности и рефлексивности общества. В этой связи одним из ключевых критериев для оценки рискогенности новых технологий можно считать степень снижения или повышения способности человека к преадаптации (Асмолов и др., 2017).

В условиях разрыва между технологическим оптимизмом и социальным пессимизмом технологии становятся дегуманизирующей и обезличивающей силой, стирающей различия между людьми

и культурами (Лепский, 2019, 2020а; Смирнов, 2019). Особенно опасными в долгосрочной перспективе следует признать технологии, использование которых сокращает культурное разнообразие и вариативность, снижает способность людей генерировать непредсказуемые творческие решения в нестандартных ситуациях.

Использование «умных материалов» позволит автоматически конфигурировать помещения, в которых находится человек или группа, с учетом личностных особенностей и психологических требований решаемой в данный момент задачи (от расположения и цвета стен до формы коммуникаций с людьми за пределами комнаты). Особенно перспективными представляются прикладные разработки, позволяющие проектировать архитектурные и дизайнерские решения на основе результатов не только социально-психологических, но и нейропсихологических исследований. С внедрением умных материалов существенно возрастут возможности влияния на поведение горожан посредством непрерывного перепроектирования их непосредственной жизненной среды. Поэтому возрастет востребованность дальнейших психологических исследований восприятия естественной среды и когнитивного дизайна. Очевидно, что в данной области психологи нуждаются в тесном сотрудничестве с представителями отделений физических наук, химии и новых материалов, а также со специалистами в области урбанистики.

По-видимому, ключевой проблемой для социальной психологии, связанной с развитием новых технологий, является стимулирование граждан «умного города» к осознанному выбору. Для ответа на этот вызов необходимо совмещение ценностно-ориентированного дизайна программ и технических устройств с гуманитарными технологиями поддержки рефлективности и выбора.

ГЛАВА 16

ОТНОШЕНИЕ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН

Индивидуальные ценности как предпосылки отношения личности к технологическим инновациям

Стремительное развитие новых технологий создает для россиян как новые возможности, так и новые угрозы. При этом оценка новых технологий и их возможного влияния на общество зависит от ценностей, на которые опираются эксперты, разработчики и конечные пользователи. Несмотря на то, что в последние годы исследователи неоднократно обращались к проблеме социокультурной обусловленности и специфики инноваций (см., напр.: Лебедева, 2009; Лебедева, Бушина, 2015; Лебедева, Татарко, 2007; Татарко и др., 2020; Федотова, 2016; Westwood, David, 2003), связь между ценностями и отношением личности к новым технологиям остается по-прежнему недостаточно изученной.

Предшествующие исследования выявили связь инновационности личности с индивидуалистическими ценностными ориентациями, такими как самостоятельность, стимуляция, достижения и власть (Лебедева, Федотова, 2016). Показано, что технологический оптимизм и готовность использовать новые технологии положительно связаны с индивидуализмом и долгосрочной ориентацией, и отрицательно – с избеганием неопределенности и дистанцией власти (Социокультурные факторы инновационной активности..., 2019; Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса, 2020). Принято считать, что технологические инновации распространяются через покупателей-первопроходцев, характеризующихся готовностью идти вопреки сложившимся в обществе традициям (Chesbrough, Crowther, 2006). Между тем некоторые технологии могут выбираться пользова-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Нестик Т. А.* Отношение к новым технологиям и ценностные ориентации россиян // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 54–82.

телями на основании их полезности для общества, то есть на оценку технологий влияет уровень выраженности эгоистических и альтруистических ценностей (Merk, Pönitzsch, 2016; Pidgeon et al., 2012). Выявлены различия в отношении к новым технологиям у пользователей с гуманитарным и техническим образованием, указывающие на роль профессиональных ценностей в оценке влияния новых технологий на общество и готовности их использовать (Сычев, Почебут, 2018).

Если принять за основу когнитивные аспекты отношения к новым технологиям, то его феноменологию можно представить на континууме, крайними полюсами которого являются технологический оптимизм и технологический пессимизм. Для аффективных и поведенческих компонентов отношения личности к новым технологиям ранее нами предлагалось рассматривать в качестве полюсов воображаемой шкалы технофилию и технофобию (Нестик, 2016, 2018; Нестик, Журавлев, 2018). Техноптимизм – это мировоззренческая и жизненная позиция, в соответствии с которой техническим достижениям и научно-техническому прогрессу в целом придается первостепенное значение в преодолении социальных проблем; техноптимизм сопровождается переоценкой скорости развития технологий. Технопессимизм – система взглядов, в соответствии с которыми научно-технический прогресс рассматривается в качестве главной причины нарушения баланса в отношениях общества и природы, появления и резкого обострения экологических, ресурсных, социальных и многих других проблем (Чумаков, 2007). Технофилия – позитивное отношение к большинству технологий, удовольствие от использования новых технологий, готовность к приобретению опыта их использования (Amichai-Hamburger, 2009; Osiceanu, 2015). Принято считать, что ее противоположностью является технофобия. Технофобия – это внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; страх или тревога, связанная с использованием технологии; враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии (Brosnan, 1998). Тем не менее наши совместные исследования показывают, что технофобы практически не отличаются от технофилов по интенсивности использования некоторых новых технологий (Солдатова и др., 2017). Более того, технофобия может сочетаться с техноптимизмом: положительно оценивая вклад технологий в повышение качества жизни, мы можем бояться войти в лифт, опасаться скачивать предлагаемое нам приложение и т. п. Все это ставит под сомнение возможность рассматривать технофилию и технофобию как разные полюса одной и той же шкалы.

В зависимости от особенностей той или иной технологии, ее использование может быть в большей или меньшей степени связано с ценностью общения, принадлежности к группе, справедливости (Журавлев, Нестик, 2016, 2018; Нестик, Журавлев, 2018, 2019). Предшествующие исследования были сфокусированы преимущественно на изучении влияния ценностных ориентаций на общее отношение личности к новым технологиям. Они показали, что доверие, ценности и переживания людей значительно сильнее определяют принятие технологий, чем осведомленность о них (Нестик, 2018; Cormick, 2019). Вместе с тем не уточненной остается связь индивидуальных ценностей с различными компонентами отношения личности к новым технологиям: когнитивными (технооптимизм), аффективными (технофобия, технофилия) и конативными (готовность использовать новые технологии).

Готовность россиян использовать новые технологии и предпочитаемые критерии их оценки

Для уточнения связи этих феноменов с ценностными ориентациями личности нами совместно с АЦ НАФИ[1] в мае 2019 г. было проведено популяционное исследование (N=1600; 45,2% – мужчины, 54,8% – женщины; средний возраст=45,5 лет, SD=16), посвященное отношению россиян к внедрению новых технологий в повседневную жизнь. В опросе приняли участие респонденты из 150 населенных пунктов в 50 регионах России. Программа исследования была разработана Т. А. Нестиком совместно с Т. А. Аймалетдиновым.

На основании исследований, проведенных ранее, мы предположили, что отношение к новым технологиям в целом и критерии их оценки связаны с ценностными ориентациями личности и уровнем социального доверия. В соответствии с результатами исследований влияния индивидуальных ценностей на инновационность и креативность личности (Лебедева, Бушина, 2015) мы предположили, что ценности открытости изменениям (самостоятельность, стимуляция) способствуют позитивным установкам по отношению к новым технологиям, а ценности сохранения (безопасность, конформность, традиция) могут препятствовать им. Также было выдвинуто предположение о том, что технофобия и технофилия являются

1 Автор выражает благодарность АЦ НАФИ и лично Т. А. Аймалетдинову за сотрудничество при разработке программы исследования, а также за разрешение на вторичный анализ собранных данных.

не противоположными полюсами одной шкалы, а разными феноменами, которые могут сочетаться друг с другом.

Ценностные ориентации измерялись с помощью 10-пунктной версии «Портретного опросника ценностных ориентаций» Ш. Шварца (Ten-Item Values Inventory, TIVI; Магун, Руднев, 2007; Руднев, 2013; Sandy et al., 2016). Для измерения отношения к новым технологиям мы использовали несколько методик: шкалу технооптимизма из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017), сконструированные нами скрининговые шкалы технофобии (3 пункта, α Кронбаха =0,680; M=2,73; SD=1,193; примеры: «Иногда я испытываю тревогу, когда сталкиваюсь с чем-то, основанным на современных технологиях», «У меня был неудачный опыт использования современных технологий») и технофилии (4 пункта, α Кронбаха =0,852; M=3,57; SD=1,198; примеры: «Я хотел бы опробовать технические новинки в своей повседневной жизни», «Я получаю удовольствие, когда удается опробовать новое техническое устройство или программу»). Для измерения готовности применять новые технологии использовался суммарный показатель положительных ответов респондента на вопрос «Если бы у вас была такая возможность, захотели бы вы использовать перечисленные технологии в повседневной жизни (для себя или членов своей семьи)?». Участникам исследования предлагался список из 12 технологий (например, «Умный дом, в котором отопление и освещение регулируются автоматически», «Консультация у врача по видеосвязи: из дома с помощью компьютера», «Автомобиль без водителя, везущий вас туда, куда вы скажете», «Генетически модифицированные продукты питания с улучшенными свойствами» и др.). Показатель варьировал от 2 до 12 (M=8,43; SD=1,81). Для выявления критериев, принимаемых респондентами во внимание при использовании новых технологий, мы предложили респондентам оценить по 5-балльной шкале значимость 14 критериев в воображаемой ситуации принятия решения о покупке нового высокотехнологичного устройства (например: «Этой технологией выгодно пользоваться (соотношение цены и пользы)», «Использование этой технологии ни у кого не вызовет осуждения/непонимания», «Эта технология вызывает удивление и любопытство у окружающих» и т. п.). Для измерения социального доверия респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями «Большинству людей можно доверять» и «Уверен, что правительство не допустит, чтобы новые технологии использовались во вред интересам граждан».

Частотный анализ показал, что наиболее востребованными у россиян являются технологии, связанные с заботой о здоровье, облегчающие поиск информации и помогающие в быту (см. таблицу 16.1). Наиболее востребованными оказались технологии, основанные на использовании систем искусственного интеллекта: умный дом, в котором отопление и освещение регулируются автоматически (59,9% опрошенных россиян), и персональный консультант – программа в телефоне, которая сама находит нужную вам информацию, если вы ее спросите (59,5%). Наибольшее неприятие вызвали автомобиль без водителя, везущий вас туда, куда вы скажете (21,2%) и генетически модифицированные продукты питания с улучшенными свойствами (17%). Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами наших предшествующих исследований, показавших,

Таблица 16.1

Доля (%) россиян, которые готовы воспользоваться данной технологией (N=1600)

Новые технологии	%
Умный дом, в котором отопление и освещение регулируются автоматически	59,9
Персональный консультант (программа в телефоне, которая сама находит нужную вам информацию, если вы ее спросите)	59,5
Браслет, непрерывно измеряющий состояние вашего здоровья и передающий данные врачу	57,7
Выявление генетической предрасположенности человека к тем или иным заболеваниям	57
Одежда из «умных» материалов, меняющая свойства в зависимости от погоды	54,7
Консультация у врача по видеосвязи: из дома с помощью компьютера	42,1
Доставка нужных вам товаров или почты с помощью беспилотного летательного аппарата, прилетающего туда, куда вы скажете	38
Очки, которые сами находят в интернете полезную информацию о любом предмете или человеке, на которых вы смотрите	38
Автомобиль с электрическим двигателем	36,9
Миниатюрные устройства, надев которые, можно отдавать команды компьютеру силой мысли	32,3
Автомобиль без водителя, везущий вас туда, куда вы скажете	21,2
Генетически модифицированные продукты питания с улучшенными свойствами	17

что наибольшее отторжение вызывают технологии, создающие воспринимаемую угрозу перехвата инициативы, потери контроля человеком над ситуацией или своим телом (Нестик, 2018; Нестик, Журавлев, 2018, 2019; Нестик, Солдатова, 2017).

Факторный анализ критериев, принимаемых респондентами во внимание при использовании новых технологий, с помощью метода главных компонент с вращением Варимакс позволил выявить 5 факторов, объясняющих 68,7% дисперсии: 1) выгода использования (21,5% объясненной дисперсии), 2) безопасность (19,5%), 3) престиж (14,8%), 4) доверие разработчикам (12,9%), 5) влияние значимых других (11,6%).

На основании выделенных нами факторов критериев оценки с помощью кластерного анализа методом к-средних были выделены пять социально-психологических типов оценивания личностью новых технологий: «индифферентные» (7%), «ориентированные на влияние значимых других» (23%), «разборчивые» (35%), «прагматики» (18%), «ориентированные на безопасность» (17%).

Представители «индифферентного типа» (N=107; 61% – женщины, 68,4% – без высшего образования; средний возраст 52,7 лет) характеризуются наиболее низкой значимостью всех критериев. Анализ значимых различий показывает (см. таблицу 16.2), что они в наименьшей степени информированы о новых технологиях, наименее ими интересуются и в наименьшей степени проявляют готовность ими пользоваться. Это может объясняться как низким технооптимизмом в этой группе, так и тем фактом, что более половины из ее представителей проживают в селах и малых городах (52%), то есть имеют довольно ограниченный доступ к использованию новых технологий.

Респонденты, отнесенные нами к типу «ориентированных на влияние значимых других» (N=350; 47,7% – мужчины; 52,3% – женщины, 69,2% – без высшего образования; средний возраст 44,3 года) отличаются от других типов более выраженной значимостью престижа и критериев, связанных с наличием знакомых экспертов, к которым можно обратиться за советом и помощью, а также наличием людей, которые советуют воспользоваться этой технологией. Среди них более 34% проживают в крупных городах численностью более 500 тыс. человек, чуть более половины (51%) – люди в возрасте до 45 лет. Они проявляют умеренный интерес к новым технологиям, характеризуются выраженным технооптимизмом и технофилией, более других типов ориентированы на ценности достижений и власти.

Таблица 16.2

Значимость критериев оценки новых технологий
(результаты факторного анализа)

Критерии	Факторы				
	1. Выгода и понятность	2. Безопасность	3. Престиж	4. Доверие к разработчикам	5. Влияние значимых других
Я понимаю принцип действия этой технологии (как она работает)	0,739				
Использование этой технологии помогает мне в достижении значимых для меня целей.	0,685				
Этой технологией выгодно пользоваться (соотношение цены и пользы)	0,616				
Эта технология надежна, проверена опытом других людей		0,819			
Эта технология безопасна для меня и окружающих		0,791			
Этой технологией легко научиться пользоваться	0,504	0,581			
Эта технология вызывает удивление и любопытство у окружающих			0,833		
Пользоваться этой технологией престижно			0,811		
Использование этой технологии ни у кого не вызовет осуждения/ непонимания	0,534		0,595		
Я доверяю разработчикам и производителям этой технологии				0,745	
У меня достаточно знаний, чтобы пользоваться этой технологией	0,509			0,628	
Использование этой технологии доставляет мне удовольствие				0,595	
Есть люди, которые разбираются в этой технологии, и к которым я всегда смогу обратиться за советом и помощью					0,813
Мне советуют воспользоваться этой технологией люди, к мнению которых я прислушиваюсь					0,729

Таблица 16.3

Социально-психологические типы оценивания новых технологий (результаты кластерного анализа)

Факторы	1. Индифферентные (N=107)	2. Ориентированные на влияние значимых других (N=350)	3. Разборчивые технооптимисты (N=518)	4. Прагматики (N=275)	5. Ориентированные на безопасность (N=259)
1. Выгода и понятность	1,63	3,71	4,8	4,48	3,08
2. Безопасность	2,06	3,94	4,81	4,55	3,2
3. Престиж	1,68	3,82	4,47	2,18	2,86
4. Доверие к разработчикам	1,66	3,65	4,58	3,83	2,85
5. Влияние значимых других	1,87	4,08	4,71	3,63	2,74

Респонденты, объединенные в тип «разборчивых» (N=518; 43,9% – мужчины; 56,1% – женщины, 70,9% – без высшего образования; средний возраст 45,2 года), имеют наиболее высокие показатели значимости всех критериев. Они характеризуются самым высоким технооптимизмом, технофилией и в то же время – относительно выраженной технофобией. Готовность использовать новые технологии связана у них с наиболее высоким уровнем доверия к людям и государству.

Представители типа «прагматики» (N=275; 42% – мужчины; 58% – женщины, 40% – с высшим образованием; средний возраст – 42,4 года) характеризуются наибольшим вниманием к выгоде от использования новых технологий и их надежности, несколько в меньшей степени они опираются на доверие к разработчикам и наличие социальной поддержки. Из всех критериев престиж для них имеет наименьшее значение. Они характеризуются относительно высоким технооптимизмом и умеренной технофилией, высокой готовностью использовать новые технологии и низкой технофобией. При наиболее высоком уровне ориентации на ценность самостоятельности они значительно менее, чем «разборчивые технооптимисты», доверяют людям и государству.

Наконец, представители типа «ориентированные на безопасность» (N=259; 51,2% – мужчины; 72,6% – не имеют высшего об-

Таблица 16.4

Социально-психологические характеристики типов оценивания новых технологий (результаты анализа значимых различий)

Социально-психологические характеристики	1. Индифферентные (N=107)		2. Ориентированные на влияние значимых других (N=350)		3. Разборчивые (N=518)		4. Прагматики (N=275)		5. Ориентированные на безопасность (N=259)		Критерий Краскела–Уоллиса	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	χ^2	P
Интерес к новым технологиям	1,99	1,29	2,82	1,32	3,09	1,41	2,88	1,31	2,63	1,37	1,99	0
Информированность о новых технологиях	1,74	0,94	2,27	0,91	2,43	0,96	2,26	0,91	2,17	1,00	1,74	0
Готовность использовать новые технологии	7,51	2,02	8,46	1,81	8,76	1,82	8,64	1,55	8,10	1,73	67,622	0
Технооптимизм	2,88	0,82	3,56	0,67	3,71	0,74	3,49	0,84	3,29	0,79	2,88	0
Технофобия	2,76	1,31	2,80	1,06	2,81	1,27	2,48	1,17	2,70	1,09	2,76	0,002
Технофилия	2,11	1,18	3,69	0,96	4,16	1,00	3,57	1,13	3,02	1,01	2,11	0
Конформность	0,34	1,12	0,17	1,04	0,20	1,13	0,37	1,09	0,35	1,08	34,0	0,056
Традиции	0,27	1,07	–0,02	1,04	0,00	1,16	0,00	1,28	0,02	1,15	38,0	0,325

Социально-психологические характеристики	1. Индифферентные (N=107)		2. Ориентированные на влияние значимых других (N=350)		3. Разборчивые (N=518)		4. Прагматики (N=275)		5. Ориентированные на безопасность (N=259)		Критерий Краскела–Уоллиса	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	χ^2	P
Доброжелательность	0,45	0,96	0,23	0,88	0,34	0,86	0,33	1,01	0,24	0,99	69,3	0,113
Универсализм	0,33	1,10	0,14	0,97	0,27	1,01	0,30	1,30	0,27	1,02	52,6	0,053
Самостоятельность	0,10	1,09	0,27	0,89	0,35	0,93	0,42	1,10	0,23	1,02	91,8	0,001
Стимуляция	–1,04	1,35	–0,65	1,17	–0,87	1,37	–0,92	1,39	–0,65	1,28	45,9	0,006
Гедонизм	0,00	1,43	0,06	0,92	0,09	1,14	0,23	1,22	0,07	1,08	57,4	0,232
Достижения	–0,60	1,17	–0,26	1,05	–0,36	1,15	–0,63	1,23	–0,46	1,11	82,6	0
Власть	–0,49	1,38	–0,33	1,11	–0,47	1,23	–0,61	1,14	–0,59	1,16	63,5	0,002
Безопасность	0,65	1,33	0,40	0,99	0,44	0,98	0,51	1,14	0,52	1,15	40,1	0,223
Генерализованное доверие к людям	2,23	1,35	2,90	1,26	3,02	1,53	2,45	1,21	2,47	1,28	60,3	0
Доверие к правительству	2,59	1,49	3,28	1,29	3,35	1,58	2,46	1,41	2,73	1,39	85,9	0

разования; средний возраст – 45,5 лет) характеризуются большей значимостью безопасности и выгоды при оценке новых технологий, тогда как другие критерии для них не имеют значения. Они проявляют относительно низкий интерес к новым технологиям и умеренный техноoптимизм, а также низкое социальное доверие.

Таким образом, проведенный нами анализ типов оценивания новых технологий россиянами указывает на связь готовности к их использованию с высоким уровнем доверия, но с разными ценностными ориентациями.

Ценностные ориентации как предикторы техноoптимизма, технофилии и технофобии

Для того чтобы уточнить характер и направленность связей между отношением к новым технологиям и ценностными ориентациями личности, был проведен множественный линейный регрессионный анализ, в котором зависимыми переменными последовательно выступали готовность к использованию новых технологий, технофилия и технофобия. Мы предположили, что готовность использовать новые технологии, техноoптимизм и технофилия связаны с ориента-

Таблица 16.5

Социально-психологические предикторы готовности использовать новые технологии (результаты регрессионного анализа)

Предикторы	**B**	**S.E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	11,5	0,713		16,14	0
Конформность	–0,323	0,08	–0,102	–4,031	0
Самостоятельность	0,255	0,089	0,072	2,869	0,004
Техноoптимизм	0,81	0,116	0,179	6,959	0
Выгода и понятность технологии	0,249	0,113	0,073	2,209	0,027
Доверие к разработчикам	0,2	0,115	0,059	1,748	0,081
Информированность о новых технологиях	0,518	0,102	0,14	5,052	0
Возраст	–0,449	0,071	–0,165	–6,29	0
Пол	0,296	0,177	0,042	1,673	0,095
Уровень дохода	0,288	0,095	0,077	3,034	0,002

цией на самостоятельность и низкой конформностью, тогда как технофобия связана с ценностями традиций и доверием.

Как и ожидалось, предикторами готовности использовать новые технологии (R=0,662; R^2=0,434; F=121,414; p<0,001) оказались технооптимизм (β=0,179), низкая конформность (β=–0,102), высокая ориентация на самостоятельность (β=0,072), выгода и понятность технологии (β=0,073), доверие к разработчикам (β=0,059). Она прямо связана с информированностью о новых технологиях (β=0,140), уровнем доходов (β=0,077) и полом (β=0,042), а отрицательно – с возрастом респондентов (β=–0,165).

Предикторами технофилии (R=0,482; R^2=0,227; F=46,73; p<0,001) оказались доверие к разработчикам (β=0,267), технооптимизм (β=0,255), информированность о новых технологиях (β=0,197), ориентация на ценность самостоятельности (β=0,072), престиж (β=0,110) и надежность (β=0,110). Она негативно связана с конформностью (β=–0,106) и гедонизмом (β=–0,069), а также возрастом респондентов (β=–0,046).

Наконец, предикторами технофобии (R=0,485; R^2=0,218; F=29,877; p<0,001) оказались престиж и социальная желательность технологий (β=0,129), влияние значимых других (β=0,078), ориентация на традиции (β=0,067), генерализованное доверие к людям (β=0,057) и до-

Таблица 16.6

Социально-психологические предикторы технофилии (результаты регрессионного анализа)

Предикторы	**B**	**S.E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	–0,047	0,163		–0,292	0,77
Конформность	–0,111	0,023	–0,106	–4,794	0
Самостоятельность	0,084	0,025	0,072	3,361	0,001
Гедонизм	–0,072	0,022	–0,069	–3,209	0,001
Технооптимизм	0,379	0,032	0,255	11,927	0
Надежность и безопасность	0,111	0,028	0,095	3,911	0
Престиж и социальная желательность	0,108	0,023	0,110	4,62	0
Доверие к разработчикам	0,296	0,03	0,267	9,852	0
Информированность о новых технологиях	0,24	0,027	0,197	8,846	0
Возраст	–0,041	0,019	–0,046	–2,129	0,033

Таблица 16.7
Социально-психологические предикторы технофобии
(результаты регрессионного анализа)

Предикторы	**B**	**S.E.**	β	**t**	**p**
(Константа)	3,423	0,218		15,684	0
Технооптимизм	–0,559	0,041	–0,371	–13,747	0
Технофилия	0,154	0,033	0,152	4,701	0
Традиции	0,069	0,026	0,067	2,609	0,009
Самостоятельность	–0,075	0,03	–0,064	–2,502	0,012
Престиж и социальная желательность	0,129	0,032	0,129	4,079	0
Доверие к разработчикам	–0,14	0,038	–0,124	–3,686	0
Влияние значимых других	0,081	0,034	0,078	2,376	0,018
Информированность о новых технологиях	–0,072	0,04	–0,058	–1,812	0,07
Возраст	0,084	0,024	0,092	3,491	0
Пол	0,149	0,059	0,063	2,518	0,012
Генерализованное доверие к людям	0,049	0,022	0,057	2,202	0,028
Доверие к государству как регулятору новых технологий	0,059	0,021	0,075	2,81	0,005
Интерес к новым технологиям	–0,049	0,026	–0,057	–1,879	0,06

верие к государству как регулятору новых технологий (β=0,075), возраст (β=0,092) и пол (β=0,063). Напротив, технофобия негативно связана с самостоятельностью (β=–0,064), доверием к разработчикам (β=–0,124) и информированностью о новых технологиях (β=–0,058), интересом к информации о них (β=–0,057). Технофобия негативно связана с технооптимизмом (β=–0,371), но положительно связана с технофилией (β=0,152).

Для дальнейшей проверки нашей гипотезы о возможности совмещения высокого уровня технофилии и технофобии у одних и тех же людей, был проведен кластерный анализ методом k-средних. Были выделены четыре типа отношения к новым технологиям среди россиян: технофилы (28,8%); тревожные сторонники технического прогресса (32,9%); технофобы (14,1%); безразличные к технологиям (24,2%).

В первый тип «технофилов» (N=450; 54,3% – мужчины; 40,4% имеют высшее образование; 64% в возрасте до 45 лет; 34% проживают в крупных городах, где более 500 тыс. жителей) вошли респонденты с наиболее высокими показателями технооптимизма и технофилии.

Ко второму типу «тревожных сторонников технического прогресса» (N=504; 57% – женщины; 28,3% имеют высшее образование; 54% в возрасте более 45 лет; 29% проживают в крупных городах, где более 500 тыс. жителей) были отнесены респонденты с выраженной технофилией, которая сочетается с относительно высоким показателем технофобии.

Для представителей третьего типа «технофобов» (N=214; 67% – женщины; 28,2% имеют высшее образование; 66% в возрасте более 45 лет; 35% проживают в крупных городах, где более 500 тыс. жителей) характерна высокая выраженность технофобии при низких показателях технооптимизма и технофилии.

Наконец, «безразличные к технологиям» (N=367; 55% – женщины; 24,4% имеют высшее образование; 60% в возрасте более 45 лет; 34% проживают в крупных городах, где более 500 тыс. жителей) характеризуются умеренным технологическим оптимизмом при низких показателях технофобии и технофилии.

Анализ значимых различий показал ($p<0,001$), что по сравнению с другими типами, «технофилы» характеризуются наиболее высокой ориентацией на ценности открытости к изменениям, самопреодоления и самоутверждения, а также наиболее низкой значимостью ценностей сохранения. Оценивая новые технологии, они особое значение придают выгоде и безопасности, а также доверию к разработчикам.

Таблица 16.8

Типы отношения к новым технологиям

	1. Технофилы (N=450)	**2. Тревожные сторонники технического прогресса (N=504)**	**3. Технофобы (N=214)**	**4. Безразличные к технологиям (N=367)**
Технооптимизм	4,08	3,5	2,66	3,26
Технофобия	1,63	3,69	3,96	2
Технофилия	4,49	4,24	2,04	2,48

По сравнению с другими типами, «тревожные сторонники технического прогресса» характеризуются умеренными показателями ценностей открытости к изменениям и сохранения, а при оценке технологий ориентируются прежде всего на их безопасность, а также наличие социальной поддержки.

«Технофобы» проявляют самую низкую ориентацию на ценности открытости к изменениям и самоутверждения, а самую высокую – на ценности сохранения и самопреодоления. При оценке новых технологий для них наибольшее значение имеет безопасность.

Наконец, «безразличные к технология», проявляют умеренную ориентацию на ценности сохранения и самопреодоления и несколько в меньшей степени – на ценности самоутверждения и открытости к изменениям. При оценке новых технологий для них важнее всего безопасность и выгода.

При анализе типов отношения к новым технологиям была выявлена возможность сочетания технофилии и технофобии у одних и тех же респондентов. Регрессионный анализ также указывает на то, что данные феномены не являются взаимоисключающими. По-видимому, технофобия может выполнять функцию мобилизации ресурсов при овладении новой технологией, а также поддержания бдительности в отношении труднопредсказуемых последствий развития технологий. Иными словами, в сочетании с высоким технооптимизмом и технофилией определенный уровень технофобии может выполнять конструктивные функции и поддерживать жизнеспособность личности в условиях общества риска.

Для проверки гипотезы о том, что ценности открытости изменениям (самостоятельность, стимуляция) способствуют позитивным установкам по отношению к новым технологиям, а ценности сохранения (безопасность, конформность, традиция) препятствуют им, было проведено структурное моделирование (см. рисунок 16.1). Наилучшие показатели пригодности продемонстрировала модель, согласующаяся с нашей гипотезой (χ^2=26,587; df=20; CMIN/df=1,329; p=0,147; RMR=0,026; GFI=0,997; CFI=0,999; RMSEA=0,015; Lo 90=0,000; Hi 90=0,028; Pclose=1,000). Ценности сохранения являются предиктором технофобии (β=0,133), снижают технооптимизм (β=–0,085), информированность о новых технологиях (β=–0,089) и готовность использовать новые технологии (β=–0,088). Ценности открытости к изменениям усиливают технофилию (β=0,150) и интерес к новым технологиям (β=0,071), но при этом негативно связа-

Таблица 16.9

Социально-психологические характеристики типов отношения к новым технологиям (результаты анализа значимых различий)

Социально-психологические характеристики	1. Технофилы (N=450)		2. Тревожные сторонники технического прогресса (N=504)		3. Технофобы (N=214)		4. Безразличные к технологиям (N=367)		Критерий Краскела–Уоллиса	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	χ^2	P
Открытость к изменениям	–0,05	0,86	–0,25	0,75	–0,61	0,99	–0,36	0,90	65,957	***
Сохранение	0,07	0,75	0,23	0,67	0,64	0,77	0,29	0,71	88,303	***
Самопреодоление	0,16	0,81	0,26	0,68	0,55	0,85	0,32	0,76	36,424	***
Самоутверждение	–0,15	0,80	–0,24	0,71	–0,61	0,83	–0,27	0,77	49,46	***
Выгода и понятность технологии	4,38	0,77	4,16	0,89	3,39	1,38	3,56	1,15	157,737	***
Надежность и безопасность	4,37	0,84	4,29	0,81	3,71	1,21	3,71	1,19	109,822	***
Престиж и социальная желательность	3,54	1,15	3,87	1,01	2,87	1,26	2,98	1,16	173,034	***
Доверие к разработчикам	4,19	0,77	3,99	0,83	3,01	1,26	3,20	1,13	266,017	***
Социальная поддержка	4,00	1,08	4,17	0,89	3,41	1,32	3,41	1,20	122,868	***

ны с технофобией (β=–0,080). Ценности самоутверждения прямо связаны с технофилией (β=0,068), тогда как ценности самопреодоления не вносят никакого прямого или опосредованного статистически значимого вклада в отношение к новым технологиям.

Как и ожидалось, технооптимизм и технофилия усиливают готовность использовать новые технологии (соответственно β=0,186 и β=0,235), тогда как технофобия снижает технооптимизм (β=–0,246), интерес к новым технологиям (β=–0,95), а также информирован-

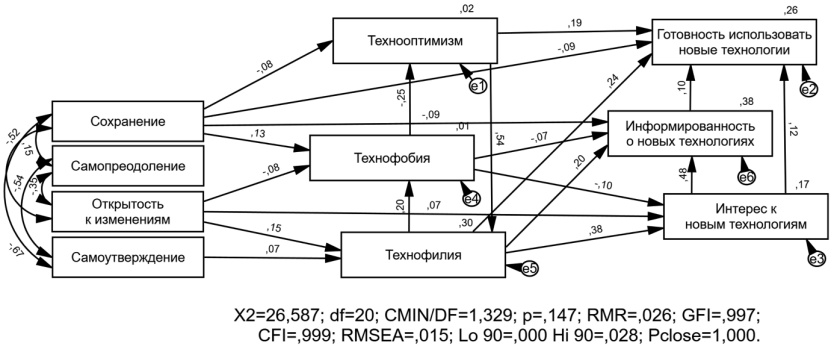


Рис. 16.1. Связь ценностных ориентаций с характеристиками отношения личности к новым технологиям (графическое представление результатов структурного моделирования)

ность о них (β=–0,74). При этом не было обнаружено прямого влияния технофобии на готовность использовать новые технологии. Более того, между технофилией и технофобией обнаружена прямая связь (β=0,198). По-видимому, технофилия, то есть стремление к получению удовольствия от опробования новых устройств, становится источником не только позитивного, но и негативного пользовательского опыта. Другое возможное объяснение состоит в том, что технофилия провоцирует завышенные ожидания в отношении скорости развития технологий и их возможностей. В предшествующих исследованиях был обнаружен феномен «инновационных технологических страхов», характерных для наиболее инновационно настроенной части молодежи. Студенты, отличавшиеся наиболее высокой готовностью к использованию систем искусственного интеллекта, были больше озабочены вероятностью захвата власти машинами, выходом ИИ из-под контроля человека (Нестик, Журавлев, 2018). Иными словами, технофилы более склонны приписывать новым технологиям как положительные, так и отрицательные сверхспособности.

Учитывая возможность сочетания технофилии и технофобии, мы предположили, что технофобия является модератором связи между технофилией и интересом к новым технологиям, а также между технофилией и готовностью пользоваться ими. С помощью статистического пакета Medmod программы Jamovi был выявлен эффект модерации со стороны технофобии: связь между технооптимизмом и интересом к новым технологиям зависит от уровня технофобии

(Технофилия * Технофобия B=–0,0625; станд. ошибка=0,0196; 95% CI: (–0,100; –0,0277), Z=–3,18; p=0,001; Bootstrap=1000). Оказалось, что при низком уровне технофилии технофобия повышает интерес к новым технологиям, а при высоком – снижает. Аналогичный, но более слабый эффект со стороны технофобии был обнаружен при анализе связи между технофилией и готовностью использовать новые технологии (Технофилия * Технофобия B=–0,104; станд. ошибка=0,0518; 95% CI: (–0,212; –0,00470), Z=–2,0; p=0,045; Bootstrap=1000).

Таким образом, было показано, что позитивное отношение личности к новым технологиям поддерживается ценностями открытости к изменениям и отрицательно связано с ценностями сохранения. Нам удалось прояснить соотношение когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов отношения личности к новым технологиям. Были выделены социально-психологические типы оценивания новых технологий («индифферентные», «ориентированные на влияние значимых других», «разборчивые», «прагматики», «ориентированные на безопасность»), а также социально-психологические типы отношения личности к новым технологиям («технофилы», «тревожные сторонники технического прогресса», «технофобы» и «безразличные к технологиям»). Выявлены социально-психологи-

Таблица 16.10а

Влияние взаимодействия технофилии и технофобии на интерес к новым технологиям

Показатели эффекта модерации						
	B	SE	95% CI Lower	95% CI Upper	Z	p
Технофилия	0,4331	0,0261	0,382	0,4847	16,61	<0,001
Технофобия	–0,1403	0,0283	–0,195	–0,0839	–4,95	<0,001
Технофилия * Технофобия	–0,0625	0,0196	–0,100	–0,0277	–3,18	0,001
Влияние технофилии на интерес к новым технологиям при низком (–1SD) и высоком (+1SD) уровнях технофобии						
Уровень технофобии	B	SE	95% CI Lower	95% CI Upper	Z	p
Средний	0,433	0,0263	0,380	0,486	16,5	<0,001
Низкий (–1SD)	0,507	0,0346	0,445	0,576	14,6	<0,001
Высокий (+1SD)	0,359	0,0355	0,288	0,428	10,1	<0,001

Таблица 16.10b

Влияние взаимодействия технофилии и технофобии на готовность использовать новые технологии

Показатели эффекта модерации						
	B	SE	95% CI Lower	95% CI Upper	Z	p
Технофилия	1,143	0,0695	1,011	1,27600	16,44	<0,001
Технофобия	–0,395	0,0745	–0,539	–0,25105	–5,30	<0,001
Технофилия * Технофобия	–0,104	0,0518	–0,212	–0,00470	–2,00	0,045
Влияние технофилии на готовность использовать новые технологии при низком (–1SD) и высоком (+1SD) уровнях технофобии						
Уровень технофобии	B	SE	95% CI Lower	95% CI Upper	Z	p
Средний	1,14	0,0697	1,009	1,27	16,4	<0,001
Низкий (–1SD)	1,27	0,0954	1,067	1,44	13,3	<0,001
Высокий (+1SD)	1,02	0,0910	0,836	1,20	11,2	<0,001

ческие предикторы технооптимизма, технофобии, технофилии и готовности использовать новые технологии.

***

На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что технофилия и технофобия являются не противоположными полюсами одной шкалы, а разными феноменами, связанными друг с другом. В сочетании с высоким технооптимизмом и технофилией определенный уровень технофобии может выполнять конструктивные функции и поддерживать жизнеспособность личности в условиях общества риска.

Намечая перспективы исследований в данной области, можно сформулировать несколько направлений, актуальность которых будет расти в ближайшие годы.

Во-первых, чрезвычайно важным является прояснение не только соотношения компонентов отношения личности к новым технологиям, но и его динамики. Особую значимость в этой связи приобретает изучение изменений в уровне технооптимизма, технофилии и технофобии в ходе первичной и вторичной социализации. Перспективными в данном направлении являются исследования отно-

шения школьников, их родителей и педагогов к цифровым технологиям при переходе из младших классов в среднюю школу, а также исследования динамики реагирования сотрудников крупных организаций на автоматизацию бизнес-процессов.

Во-вторых, становится актуальной задача нахождения эмпирических индикаторов сбалансированного отношения личности к новым технологиям. Прежде всего, необходимость такого баланса связана с увеличивающимся техно-гуманитарным дисбалансом, когда развитие технологий опережает способность людей договариваться о правилах их использования. С одной стороны, поддержка техно-оптимизма и технофилии необходима для инновационного развития нашей страны. С другой стороны, определенный уровень критического отношения к возможностям новых технологий будет способствовать принятию более ответственных решений при внедрении в повседневную жизнь. Но есть и другая причина перспективности поиска баланса между технофобией и технофилией. Подобно тому, как баланс между различными характеристиками человека к прошлому, настоящему и будущему способствует психологическому благополучию (Zimbardo, Boyd, 2008), можно предположить, что крайние формы технофилии и технофобии разрушительны для взаимоотношений личности с другими людьми и обществом в целом.

В-третьих, необходимо продолжить уточнение причин технофобии и разработать инструменты для более дифференцированной оценки ее уровня. Важно уточнить, какую роль в ее формировании играет уверенность личности в своих силах, негативный опыт взаимодействия с устройствами и программами, генерализация представлений о знакомой технологии на другие технологии, а также воздействие средств массовой информации и социальных медиа. Но еще более важной задачей является прояснение той роли, которую в формировании технофобии играют значимые другие, а также субъективные нормы, то есть представления об отношении к тем или иным технологиям окружающих людей.

ГЛАВА 17

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РИСКОВ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вспомогательные репродуктивные технологии и связанные с ними риски[1]

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), получившие широкое распространение в последние десятилетия, представляют собой явление, которое вызывает бурные дискуссии в обществе, ставит ряд этических, психологических, юридических и экономических проблем, а также порождает опасения и даже страхи (Ткач, 2013; Emelyanova, Vopilova, 2016). Несмотря на то, что в мире живет уже 4 миллиона детей, рожденных с помощью ЭКО (без учета использования других технологий), специалисты разных профилей сталкиваются с проблемами, возникающими в связи с применением ВРТ: социологи и психологи обращают внимание на сложности во взаимоотношениях между донорами и реципиентами половых клеток, суррогатными матерями и принимающими семьями (Емельянова, Вопилова, 2018; Курленкова, 2016; Нестик, 2018; Ткач, 2013; Kronberger, Wagner, 2007), медики обсуждают клинические сложности применения ВТР (Исупова, 2014). Демографы рассуждают о возможных проблемах «непонятной» популяции «из пробирки» (Русанова, 2013), юристы предлагают пути легализации новых типов отношений и урегулирования коллизий. Общество озабочено рисками и этическими издержками использования ВРТ, вопросами допустимости применения тех или иных методов. Особенно проблемными называют генетический скрининг и редактирование генома, суррогатное материнство, эксперименты по использованию

1 Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Емельянова Т. П., Мишарина А. В., Вопилова И. Е.* Репрезентация рисков применения вспомогательных репродуктивных технологий // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4. С. 63–80.

искусственной матки, донорство спермы, эксперименты над человеческими эмбрионами и др.

В целом отношение в обществе к технологическим рискам приближается к состоянию «сингулярности», то есть наука не имеет моделей, чтобы предсказать, что именно будет происходить при широком внедрении новых технологий, заметны признаки техно-гуманитарного дисбаланса: скорость развития технологий опережает способность общества к их осмыслению и выработке социальных норм их применения. Многочисленные работы о репрезентации людьми таких новых технологий (медицинские, цифровые, нано- и ГМО: Нестик, Журавлев, 2018; Castro, Gomes, 2005; Kronberger, Wagner, 2007; Moloney, Walker, 2000; Moloney, Williams, Blair, 2012) свидетельствуют о том, что их восприятие в значительной степени определяется институциональным и межгрупповым доверием. Результаты зарубежных и отечественных исследований дают возможность охарактеризовать отношение различных категорий населения к новым технологиям, но не отвечают на вопрос о социально-психологических типах и механизмах отношения личности и группы к технологическим рискам.

Наше предыдущее исследование представлений о ВРТ в российском обществе (Емельянова, Вопилова, 2018) дает основание говорить о том, что эти репрезентации внутренне противоречивы и эмоционально заряжены, а одним из механизмов конструирования нового социального представления об ЭКО и суррогатном материнстве является закрепление этих представлений на таких базовых категориях, как «свой»/«чужой», «естественное–природное»/«неестественное–искусственное», «счастье–радость»/«несчастье–беда». Механизм закрепления непосредственно затрагивает (и ставит под вопрос их привычное понимание) такие категории, как «ребенок», «мать», «семья», «родство». Поскольку репродуктивные технологии затрагивают наиболее чувствительные области человеческих отношений, настоящее исследование было посвящено изучению факторов восприятия людьми ВРТ как рискованных технологий.

Эмпирическое исследование социальных представлений о рисках использования вспомогательных репродуктивных технологий

С *целью* изучения оценки рисков применения вспомогательных репродуктивных технологий нами было проведено поисковое эмпирическое исследование.

В *задачи* исследования входило выявление уровня осведомленности о ВРТ и его связи с оценкой этих технологий как рискован-

ных; обнаружение эмпирических типов респондентов с различным отношением с новым репродуктивным технологиям, а также анализ выявленных типов с точки зрения восприятия респондентами ВРТ как рискованных технологий.

Участникам было предложено заполнить авторскую анкету, содержавшую опросники общей осведомленности о ВРТ, отношения к ВРТ (56 утверждений), построенные на основе пилотного исследования; шкалу оценки рисков, связанных с репродуктивными технологиями; сведения о респонденте. Полученные данные были обработаны с помощью кластерного анализа, анализа распределения по процентам, анализа средних, статистических критериев выявления различий: критерий Краскела–Уоллиса, критерий тенденций Джонкира.

В исследовании приняло участие 59 человек в возрасте от 22 до 67 лет. Все респонденты имеют высшее образование, 8 человек являются аспирантами либо имеют ученую степень.

Поскольку тема ВРТ является относительно новой, вызывающей живой интерес публики, но при этом недостаточно освещаемой профессионалами, мы предположили, что отношение к этим технологиям во многом будет связано с реальной степенью осведомленности об этих методах. В авторской анкете среди прочих находился блок тестовых проб, выявляющих уровень знаний респондентов о ВРТ, в виде десяти заданий определить или описать ту или иную технологию с вариантами ответов, среди которых только один был правильным. Например: «Технология, позволяющая редактировать геном, называется...». В итоге обработки данных был посчитан общий балл верных ответов для каждого респондента, и далее с помощью вычисления стандартного отклонения определялся критерий для выделения групп респондентов – высоко осведомленных, средне осведомленных, низко осведомленных.

Как оказалось, среди наших респондентов уровень реальной осведомленности заметно различается. Больше половины респон-

Таблица 17.1

Распределение выборки по уровню осведомленности о ВРТ

Группы по уровню знаний о ВРТ	**Доля в выборке**
Низко осведомленные	22%
Средне осведомленные	53%
Высоко осведомленные	25%

дентов (53%) попали в группу средне осведомленных, остальные разделились на практически равные части низко осведомленных (22%) и высоко осведомленных (25%).

При сравнении мужчин и женщин были обнаружены статистически значимые различия (критерий Краскела–Уоллиса) по уровню знаний о ВРТ ($p<0,05$).

Женщины оказались более осведомленными о репродуктивных технологиях. Среди мало осведомленных доля респондентов-мужчин в 3,5 раза превышает долю женщин. При этом почти треть женщин (30%) попала в группу высоко осведомленных, а среди мужчин в эту группу не вошел ни один респондент (таблица 17.2).

Таблица 17.2

Распределение респондентов разных полов по уровню осведомленности о ВРТ

Группа по уровню знаний о ВРТ	**Пол**	
	Мужской	Женский
Низко осведомленные	56%	16%
Средне осведомленные	44%	54%
Высоко осведомленные	0%	30%

При сравнении уровня знаний о ВРТ между респондентами с различным семейным положением значимых различий обнаружено не было.

Для уточнения разброса мнений респондентов в соответствии с их оценкой ВРТ был проведен кластерный анализ ответов в специальном блоке опросника, представлявшем собой набор из 56 утверждений и составленном на базе качественного этапа исследования (интервью). С этими утверждениями респондентам было предложено выразить степень своего согласия, используя 5-балльную шкалу от 1 до 5, где 1 – не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – не уверен, 4 – скорее согласен, 5 – согласен.

В результате проведенного кластерного анализа были выделены четыре типа респондентов.

При помощи процедуры построения усредненного профиля был проведен качественный анализ особенностей отношения к ВРТ у представителей каждого из типов респондентов. Выделились респонденты, полностью поддерживающие все ВРТ (их наибольшая

Таблица 17.3

Типы респондентов с разным отношением к ВРТ

Типы	Доля в выборке
1. Противники редактирования человеческого генома	8%
2. Сторонники редактирования человеческого генома	19%
3. Противники любых ВРТ	12%
4. Сторонники любых ВРТ	61%

доля – 61%), и респонденты, полностью их отвергающие (их 12%). Кроме того, оказалось, что одна из технологий вызывает наибольшие разногласия – это генетическая инженерия (вмешательство в структуру гена либо отбор генного материала для получения потомства с более высокими умственными и физическими способностями, определенными внешними качествами и т. д.). Сторонники этих методов составили тип, названный нами «Сторонники редактирования человеческого генома» (19%). Противники этих методов, напротив, очень лояльны к любым другим технологиям, помогающим получить потомство бесплодным семьям, но не приемлют генную инженерию – они получили название «Противники редактирования человеческого генома» (8%).

По-разному распределились по типам мужчины и женщины. Так, более половины мужчин (56%) попали в тип «Сторонники любых ВРТ», около трети (33%) – в тип «Сторонники редактирования человеческого генома» и лишь 11% – в тип «Противники любых ВРТ». При этом ни один мужчина не попал в тип «Противники редактирования человеческого генома». Относительно женщин распределение получилось следующее: подавляющее большинство (62%) попали в самый многочисленный тип «Сторонники любых ВРТ», между остальными типами распределение произошло почти равномерно.

Приведем более подробное описание типов респондентов через их оценки предложенных утверждений о ВРТ.

Тип 1. «Противники редактирования человеческого генома»

Респонденты, относящиеся к этому типу, обнаружили избирательность оценок различных видов ВРТ. Так, представители этого типа высказали высокую степень согласия с утверждениями, связанны-

ми с поддержкой ЭКО, суррогатного материнства и других репродуктивных технологий: «ЭКО дает людям шанс стать родителями» (ср. балл – 4,6), «Новые технологии в репродуктивной сфере – это большое достижение цивилизации» (ср. балл – 4,6), «ЭКО способствует сохранению семьи» (ср. балл – 4,4), «Суррогатные матери делают нужное и полезное дело» (ср. балл – 4) и низкие баллы по утверждениям, в которых осуждаются искусственные способы репродукции: «Дети из пробирки не могут вырасти нормальными» (ср. балл – 2,2), «Нужно родить и вырастить столько детей, сколько даст Бог, не прибегая к контрацепции и абортам» (ср. балл – 1,4), «Кровное родство важнее всего» (ср. балл – 1,4). Но в то же время в их ответах прослеживается категорическое несогласие с методами редактирования человеческого генома. В высокой степени они согласны с утверждениями типа «Редактирование генома с целью „усиления“ выгодных параметров у людей (например, улучшения мыслительных способностей или физической выносливости) нужно запретить» (ср. балл – 4,6), «Проводя генетические эксперименты, ученые слишком много на себя берут» (ср. балл – 4,2) и низкие баллы утверждениям такого плана: «Для защиты будущего ребенка от заболеваний можно прибегать к редактированию его генома» (ср. балл – 2), «Применение ВРТ не связано с этическими проблемами» (ср. балл – 2).

Тип 2. «Сторонники редактирования человеческого генома»

К этому типу относятся респонденты, позитивно смотрящие на методы генной инженерии. Все они в высокой степени согласны с утверждениями: «Редактирование человеческого генома имеет большие перспективы в лечении генетических заболеваний» (ср. балл – 4,3), «Возможность редактировать человеческий геном – это настоящий прорыв в науке» (ср. балл – 4,3), «Я одобряю применение генетического скрининга у эмбрионов для заблаговременного выявления патологий» (ср. балл – 4), но не согласен с утверждениями, осуждающими такие технологии: «С развитием репродуктивных технологий человечество обречено на вымирание» (ср. балл – 1,6), «Большинство детей, рожденных при помощи ЭКО, – инвалиды» (ср. балл – 1,5). Примечательно, что при общей весьма лояльной позиции к ВРТ респонденты этой группы не одобряют суррогатное материнство. Все утверждения, поддерживающие эту методику, получили у респондентов этого типа оценку «Скорее не согласен»:

«Суррогатные матери делают нужное и полезное дело» (ср. балл – 2), «В целом я положительно отношусь к суррогатному материнству» (ср. балл – 2,1).

Тип 3. «Противники любых ВРТ»

В этот тип попали респонденты, согласившиеся с большинством утверждений, которые отражают страхи, сомнения и недоверие к вспомогательным репродуктивным технологиям: «Я опасаюсь, что новые технологии в этой области приведут к плохим последствиям в будущем» (ср. балл – 5), «Широкое распространение репродуктивных технологий опасно для общества» (ср. балл – 4,7), «Суррогатное материнство не допустимо ни при каких обстоятельствах» (ср. балл – 4,6). Также они отрицают возможные преимущества этих технологий, не соглашаясь с соответствующими утверждениями: «Развитие репродуктивных технологий способно решить демографические проблемы» (ср. балл – 1,4).

Тип 4. «Сторонники любых ВРТ»

К этому типу относится большая часть респондентов – 61%. Все респонденты этого типа лояльны к любым видам ВРТ – суррогатному материнству, ЭКО и др. Это выражается в высокой степени согласия с такими утверждениями, как «Если люди не могут иметь ребенка, то ЭКО и другие технологии для них – хорошая возможность» (ср. балл – 4,8), «Новые технологии в репродуктивной сфере – это большое достижение цивилизации» (ср. балл – 4,8), «Я одобряю применение генетического скрининга у эмбрионов для заблаговременного выявления патологий» (ср. балл – 4,4), а также полным несогласием с утверждениями, отвергающими ВРТ: «Дети из пробирки не могут вырасти нормальными» (ср. балл – 1,1), «Суррогатное материнство недопустимо ни при каких обстоятельствах» (ср. балл – 1,36), «С развитием репродуктивных технологий человечество обречено на вымирание» (ср. балл – 1,5).

Для уточнения характеристик каждого из типов были подсчитаны доли респондентов с разным уровнем осведомленности о ВРТ (таблица 17.4).

Как видно из таблицы 17.4, уровень знаний о ВРТ у представителей различных типов не одинаков. При проверке различий критерием Джонкира была подтверждена статистическая значимость

Таблица 17.4

Уровень осведомленности о ВРТ респондентов четырех типов

Уровень знаний о ВРТ	Типы респондентов			
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
Низко осведомленные	40%	37%		19%
Средне осведомленные	40%	36%	100%	50%
Высоко осведомленные	20%	27%		31%

этих различий ($p<0,05$). Примечательно, что наибольшее количество высоко осведомленных респондентов (31%) и наименьшее количество низко осведомленных по сравнению с другими кластерами (19%) оказалось в типе «Сторонников ВРТ».

Как оказалось, все 100% ярых противников любых ВРТ (тип 3) являются средне осведомленными. То есть их информированность явно не достаточна, чтобы полностью разобраться в вопросе, но имеющиеся у них фрагментарные знания дали основания для формирования предубеждений.

Специальный блок опросника был посвящен оценкам рисков использования ВРТ. Нужно заметить, что связи между уровнем осведомленности и склонностью видеть риски в применении ВРТ не было обнаружено. То есть независимо от уровня знаний люди были склонны видеть или не видеть риски в применении вспомогательных репродуктивных методов. Можно предположить, что склонность оценивать ВРТ как рискованные технологии зависит не от уровня знаний, а от их интерпретации и сочетания с другими установками респондента. Для выяснения того, какие риски респонденты считают более существенными, был применен специальный блок вопросов и утверждений на тему рискованности ВРТ. Затем были рассчитаны доли оценок рисков для каждого из четырех типов респондентов.

Можно заметить (таблица 17.5), что «скорее рискованными» ВРТ признают не только их противники, но и сторонники. Так, четверть респондентов 4-го типа и 27% респондентов 2-го типа, в целом поддерживающие применение этих технологий, тем не менее считают их рискованными для пользователей ВРТ. Значительная часть сторонников ВРТ затрудняется с оценкой рисков, вероятно, не исключая их.

Таблица 17.5

Доля оценок представителей разных типов
(по вопросу № 1, в %)

Вопрос № 1. «По вашему мнению, насколько рискованными являются вспомогательные репродуктивные технологии для людей, которые прибегают к их использованию?»				
Оценка по шкале от 1 до 5 баллов	Распределение ответов по типам			
	Противники редактирования человеческого генома	Сторонники редактирования человеческого генома	Противники любых ВРТ	Сторонники любых ВРТ
1. Очень рискованными			42%	
2. Скорее рискованным	60%	27%	29%	25%
3. Трудно определить	40%	55%	29%	42%
4. Скорее не рискованным		18%		28%
5. Совсем не рискованным				5%

Таблица 17.6

Доля оценок представителей разных типов
(по вопросу № 2, в %)

Вопрос № 2. «По вашему мнению, насколько рискованными являются вспомогательные репродуктивные технологии для человечества в целом?»				
Оценка по шкале от 1 до 5 баллов	Распределение ответов по типам			
	Противники редактирования человеческого генома	Сторонники редактирования человеческого генома	Противники любых ВРТ	Сторонники любых ВРТ
1. Очень рискованными			72%	
2. Скорее рискованным	40%	27%	14%	17%
3. Среднее между рискованными и нерискованными	60%	46%	14%	39%
4. Скорее не рискованным		18%		33%
5. Совсем не рискованным		9%		11%

При оценке рисков для человечества в целом наблюдается заметный рост этих оценок (72%) у респондентов 3-го типа («Противники ВРТ») по сравнению с их оценками рисков для пользователей ВРТ (42%). То есть их оценка риска имеет скорее глобальный, чем конкретный характер.

Нерискованными для человечества эти методы в целом считают представители типов «Сторонники ВРТ» и «Сторонники редактирования человеческого генома». Однако и среди них значительна доля сомневающихся (соответственно 39% и 46%), и она сопоставима с долей тех, кто не видит рисков.

Два утверждения касались, пожалуй, наиболее чувствительной темы – рисков для здоровья детей, рожденных при помощи ВРТ.

В риск внутриутробных патологий верит меньшая доля даже тех респондентов, которые являются противниками ВРТ и, в частности, генной инженерии. Примечательно, что сомневающихся больше всего среди сторонников генной инженерии, по-видимому, ратуя за смелые технические эксперименты, они не теряют бдительности.

Риск нарушений в физическом и интеллектуальном развитии детей, зачатых при помощи ВРТ, предполагает меньшая доля даже тех респондентов, которые не являются поборниками новых технологий, а противники генной инженерии вообще таких рисков не видят. При сравнении двух утверждений о здоровье детей, зачатых при помощи ВРТ, большинство респондентов верит скорее во внутриутробные патологии, чем в нарушения в физическом и интеллектуальном развитии (таблицы 17.7–17.8).

Группа «Противников ВРТ» в большинстве своем видит в применении этих технологий опасность гуманитарной катастрофы (скорее согласны – 43% и полностью согласны – 29%). В то же время «Сторонники ВРТ» практически не предполагают, что применение ВРТ приведет к гуманитарной катастрофе (только 8% дали ответ «скорее согласен», остальные не согласны в разной степени).

Дополнительные вопросы, связанные с разными аспектами применения ВРТ, позволили получить уточняющие сведения о позициях каждого типа респондентов. Так, противники любых ВРТ на 100% не разделяют мнение, что развитие ВРТ в будущем избавит человечество от большинства наследственных заболеваний, они также не верят в то, что развитие ВРТ в будущем приведет к полному решению проблемы бесплодия, кроме того, больше половины из них (58%) думают, что развитие ВРТ в будущем грозит появлением му-

Таблица 17.7

Доля оценок представителей разных типов
(по утверждению № 1, в %)

Утверждение № 1. «Дети, зачатые при помощи вспомогательных репродуктивных технологий, имеют более высокий риск развития внутриутробных патологий, чем дети, рожденные без помощи ВРТ»				
Оценка по шкале от 1 до 5 баллов	Распределение ответов по типам			
	Противники редактирования человеческого генома	Сторонники редактирования человеческого генома	Противники любых ВРТ	Сторонники любых ВРТ
1. Полностью не согласен				28%
2. Скорее не согласен	60%	36%	29%	56%
3. В чем-то согласен, а в чем-то не согласен	20%	55%	43%	11%
4. Скорее согласен	20%	9%	14%	5%
5. Полностью согласен			14%	

Таблица 17.8

Доля оценок представителей разных типов
(по утверждению № 2, в %)

Утверждение № 2. «Дети, зачатые при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), имеют более высокий риск нарушений в физическом и интеллектуальном развитии, чем дети, рожденные без помощи ВРТ»				
Оценка по шкале от 1 до 5 баллов	Распределение ответов внутри кластеров			
	Противники редактирования человеческого генома	Сторонники редактирования человеческого генома	Противники любых ВРТ	Сторонники любых ВРТ
1. Полностью не согласен	20%		14%	44%
2. Скорее не согласен	40%	45%	43%	42%
3. В чем-то согласен, а в чем-то не согласен	40%	36%	14%	11%
4. Скорее согласен		18%	14%	3%
5. Полностью согласен			14%	

Таблица 17.9

Доля оценок представителей разных типов
(по утверждению № 3, в %)

Утверждение № 3. «Развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в будущем приведет к гуманитарной катастрофе»				
Оценка по шкале от 1 до 5 баллов	Распределение ответов по типам			
	Противники редактирования человеческого генома	Сторонники редактирования человеческого генома	Противники любых ВРТ	Сторонники любых ВРТ
1. Полностью не согласен		10%		20%
2. Скорее не согласен	60%	45%	29%	47%
3. В чем-то согласен, а в чем-то не согласен	20%	45%		25%
4. Скорее согласен	20%		42%	8%
5. Полностью согласен			29%	

тантов. Сторонники ВРТ и генной инженерии предсказуемо значительно более оптимистичны в этих вопросах, хотя и среди них находится немало сомневающихся. Не высказывают определенного мнения по поводу риска появления мутантов из-за внедрения технологий 25% сторонников ВРТ и 55% сторонников генной инженерии. Думается, что, несмотря на разнообразие позиций в отношении ВРТ и генной инженерии, в оценке их рисков можно проследить некоторые закономерности: есть тенденция к «глобализации» рисков для человечества в целом (риск для конкретных людей оценивается ниже), у всех респондентов присутствуют страхи перед возможностью появления мутантов и переживание опасности гуманитарной катастрофы вследствие применения ВРТ.

В результате проведенного исследования было показано, что среди наших респондентов – людей с высшим образованием – преобладают те, кто верит в возможности новых репродуктивных технологий – «Сторонники любых ВРТ» (61%). Они более осведомлены в предмете, видят меньше рисков, но осторожность в оценках сохраняют. Среди них значительная часть не отрицает категорично ни риска технологий для людей, которые прибегают к их использованию, ни риска для человечества в целом, ни возможных негативных по-

следствий в виде гуманитарной катастрофы и появления мутантов. Небольшая группа респондентов, поддерживающих технологии генной инженерии (19%), близка по позиции к большинству. У остальных 20% респондентов более выражено ощущение рискованности ВРТ и неверие в то, что они принесут благо человечеству в будущем.

Полученные результаты ставят перед исследователями новые вопросы: каковы различия в оценках рисков между людьми с разным уровнем образования? как влияют личностные особенности на оценку рисков новых технологий? влияет ли опыт (собственный и близких людей) на отношение к ВРТ?

Учитывая, что любые новые технологии в медицине поначалу с трудом завоевывали признание публики (это касалось и донорства крови, и трансплантации органов, и других методов), вероятно, требуется время для того, чтобы ВРТ доказали свою эффективность и потенциал в современном обществе.

ГЛАВА 18

АНАЛИЗ БОЛЬШИХ ДАННЫХ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ И РИСКИ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Анализ цифровых следов человека: новые возможности для социальных наук

Формирование «интернета всего», накопление «цифровых следов» индивидуальной и совместной жизнедеятельности в сети людей и умных вещей сегодня ставит перед социальными науками задачу переописания всей социальной действительности на основе данных о реальном поведении людей (Берроуз, Севидж, 2016; Нестик, 2017). Не только в социальных науках, но и в гуманитарном знании – истории, археологии, культурной антропологии, лингвистике, теории литературы и искусствоведении – анализ больших данных позволяет обнаруживать закономерности, ранее невидимые глазу исследователя (Погорский, 2014).

Ключевые *отличия больших данных* от традиционных «малых данных» в психологии и социальных науках сводятся к тому, что они огромны по объему и, как правило, не могут быть обработаны на персональном компьютере; они меняются в режиме реального времени и часто требуют изменения алгоритмов обработки; они разнообразны по составу, включают государственную статистику, тексты и метаданные, одним словом, требуют агрегирования совершенно разных по структуре массивов информации, что затрудняет использование универсального алгоритма их добычи и анализа.

Для сбора «цифровых следов» используются программы-краулеры, автоматически отыскивающие и скачивающие данные по заданным критериям, а при изучении социальных сетей – приложения,

---

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Анализ больших данных в психологии и социогуманитарных науках: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т.40. № 6. С. 5–17.

которые подключаются через интерфейс Twitter, Facebook, «В контакте» и других сетей (API – application programming interface), в том числе различные автоматизированные опросы, предоставляющие мгновенную обратную связь респондентам. В психологических исследованиях для анализа больших данных используют в основном статистические пакеты R и реже Python. Применяются логистический регрессионный анализ, деревья решений, иерархический кластерный анализ и др. Хотя некоторые методы анализа, предполагающие разбивку всей совокупности данных на независимые выборки с последующие метаанализом полученных результатов, допускают использование и привычных инструментов, таких как SPSS. Для определения эмоциональной окрашенности текстов и выделения лингвистических маркеров психологических характеристик используются специальные программы, например, Linguistic Inquiry and Word Count, или Text Analysis, Crawling and Interpretetion Tool, а также другие психолингвистические анализаторы (Смирнов, 2014).

Вместе с распространением технологий Big Data и «интернета всего» меняются скорость, масштабы и методы сбора данных в психологических исследованиях (Kosinski et al., 2016). Радикально меняется относительная доступность для изучения четырех типов данных, выделенных Р. Кеттелом: L-данных (объективных фактов о жизни и поведении) и Т-данных (результаты тестов) становится гораздо больше, чем Q-данных (опросников, основанных на самоотчетах респондентов) и О-данных (оценок человека другими знающими его людьми). Семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях, а также обработка «цифровых следов», которые человек оставляет в реальном мире, соприкасаясь с сетью электронных устройств, не говоря уже о показаниях сенсора движения в смартфоне и триангуляции его положения по системам GPS, – все это уже сегодня позволяет более точно оценивать некоторые психологические характеристики человека, чем с помощью стандартизированных психологических опросников (Lambiotte, Kosinski, 2014). В мире интернета вещей вся жизнь человека становится цифровой, доступной для наблюдений и диагностики – со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями. При этом появляется возможность не только судить о прошлом человека, но и предсказывать его поведение. В связи с тем, что фокус внимания исследователей смещается с объяснения поведения на его прогнозирование, некоторые эксперты говорят о возможности преодоления кризиса воспроизводимости результатов психологических исследований с помощью больших данных (Kosinski, 2019).

Следует признать, что использование больших данных в психологических научных исследованиях затруднено целым рядом *барьеров*.

Во-первых, большой объем данных создает иллюзию их полноты, тогда как на самом деле они не обеспечивают репрезентативности и регулярности в охвате, например, они могут не учитывать характеристики людей, отсутствующих в социальных сетях; при лингвистическом анализе алгоритм может не читать какой-то части текстов, тогда как мы считаем корпус полным (Корытникова, 2015).

Во-вторых, алгоритмы соотнесения цифровых следов с социально-демографическими и психологическими характеристиками, как правило, являются коммерческой тайной, что затрудняет не только воспроизводимость полученных результатов, но и стандартизацию процедур обработки данных. Разработка таких алгоритмов финансируется компаниями для решения узко направленных маркетинговых или управленческих задач, которое не требует комплексной психологической диагностики, соблюдения строгих критериев надежности и научно обоснованной интерпретации. В итоге создаются обучающие выборки, учитывающие в основном демографические показатели или построенные на популярных типологиях личности, а у программистов возникает иллюзия того, что нейросеть сама найдет все необходимые маркеры и психологи здесь не нужны.

В-третьих, платформы, обрабатывающие большие данные, периодически изменяют алгоритмы расчета, что приводит к ошибкам в прогнозных моделях, не говоря уже о том, что при сборе и обработке столь разнородных массивов накапливаются шумы, смещения выборки, ошибки измерения и ложные корреляции (Джапек и др., 2015).

В-четвертых, формулировка задач и интерпретация аналитиком результатов анализа больших данных не свободны от множества когнитивных искажений, некоторые из которых становятся даже более вероятными, чем при работе с малыми данными. Безусловно, анализ больших данных расширяет возможности количественных методов проверки психологических гипотез. Вместе с тем обращение психологов к Big Data повышает востребованность качественных методов анализа и теоретического обоснования полученных результатов. Не случайно перспективы использования больших данных в социальных науках связывают с необходимостью дополнять их качественными, этнографическими исследованиями.

В-пятых, большие данные не бывают абсолютно «сырыми», они хранятся с определенной целью, включены в систему политических

и экономических отношений, содержат преднамеренные и непреднамеренные пропуски. Иными словами, надежные психометрические алгоритмы не защищают исследователя от искаженных данных (Kosinski, 2019).

В-шестых, еще одним ограничением являются этические и юридические проблемы, связанные с использованием больших данных в психологических исследованиях. Соблюдение принципа информированного согласия в таких исследованиях не всегда возможно, а традиционное обезличивание данных не исключает возможности идентификации личности по совокупности цифровых следов, что заставляет в ряде случаев прибегать к шифрованию и уникальным ключам, чтобы ограничить использование данных. Ограничения, накладываемые этическими комитетами социальных сетей на доступ исследователей к данным, не всегда действенны. Так, например, в 2018 г. получил продолжение скандал, связанный с использованием больших данных во время президентских выборов в США. Как оказалось, компания Cambridge Analytica, специализирующаяся на психологическом профилировании по цифровым следам, незаконно получила доступ к 50 миллионам личных страниц Facebook (Rosenberg et al., 2018). Появление владельцев данных (интернет-гигантов, социальных сетей, банков и страховых компаний, платежных систем и т. п.), которые, возможно, знают своих пользователей лучше, чем они сами, создает целый ряд этических и социальных проблем, не говоря о фобиях слежения в интернете, которыми тоже придется заниматься психологам.

Наконец, еще один барьер связан с тем, что анализ больших данных – задача, посильная только междисциплинарным командам психологов, лингвистов, программистов и математиков. На наш взгляд, освоение больших данных психологами затруднено не столько необходимостью обучения дополнительным навыкам (Толстова, 2015), сколько относительной замкнутостью академического психологического сообщества.

Психологические исследования с использованием больших данных

На наш взгляд, по дизайну исследования работы психологов с использованием больших данных можно разделить на четыре основных группы. Во-первых, исследования, опирающиеся на вторичный ана-

лиз уже собранных и структурированных данных; во-вторых, краудсорсинговые проекты, позволяющие собрать очень большие выборки участников исследования (Crump et al., 2013), а также сопоставить «цифровые следы» пользователей социальных сетей с их ответами на стандартизированные опросники (Ледовая и др., 2017а). В-третьих, это исследования психологических феноменов с использованием «цифровых следов» и алгоритмов машинного обучения, позволяющих анализировать неструктурированные текстовые и визуальные данные без проведения опросов (Al-Mosaiwi, Johnstone, 2018). В-четвертых, исследования, в которых сбор данных организован как естественный эксперимент (Salganik, 2018) или, например, с помощью очков расширенной реальности, смартфонов и планшетов.

Благодаря социальным сетям и инструментам краудсорсинга, таким как «Механический турок» компании Amazon, психологам стало легче собирать большие выборки. К давно открытым многолетним базам социологических опросов, таким как World Values Survey, International Social Survey, European Social Survey и Eurobarometer[1], добавляются новые, собственно психологические (Journal of Open Psychology Data, Cognitive Economics Project, International Test on Risk Attitude и др.). Например, в Experience Project, социальной сети, существовавшей с 2007 по 2016 гг., – содержатся 66 миллионов жизненных историй и описаний различных эмоциональных переживаний, составленных участниками. Speech Home Project содержит 200 тыс. часов записей речи детей до 3 лет. Объем данных, накопленных когнитивными психологами и нейробиологами в рамках проекта Human Connectome Project, приближается к петабайту. На сайте myPersonality. org были собраны и до недавнего времени находились в открытом доступе более 6 миллионов результатов тестов (в том числе 3,1 млн результатов по тесту Big5) вместе с 4 миллионами личных страниц в Facebook. Доступность психологических данных растет вместе с переходом психологии к модели «Открытая наука». Все больше журналов требуют размещения в открытом доступе баз с сырыми данными, а такие как «Cortex», «Attention Perception & Psychophysics», «AIMS Neuroscience» и «Experimental Psychology» – даже предварительной публикации и одобрения дизайна исследования до проведения эксперимента.

Наибольшую известность получили исследования поведения пользователей сетевых сообществ (Тищенко, 2013) и социальных

1 URL: http://www.re3data.org.

сетей (Агадуллина, 2015), а также психологическое профилирование личности по цифровым следам на основе модели «Большой пятерки», быстро взятое на вооружение в политических, маркетинговых и корпоративных проектах (Войскунский, 2018; Ледовая, 2017а).

Технологии анализа цифровых следов как маркеров психологических характеристик были разработаны при изучении сообщений блогеров в Twitter и опирались преимущественно на компьютерную лингвистику. Прорывом в этой области стало сопоставление личных страниц в Facebook с ответами их владельцев на стандартизированные психологические опросники, осуществленное в рамках проекта MyPersonality.org, работы Психометрического центра Кембриджского университета и проекта «World Well-Being Project» Центра позитивной психологии Университета Пенсильвании. Начав в 2007 г. с рассылки приглашения 150 друзьям в социальной сети, М. Косинский и Д. Стилвелл за четыре года методом снежного кома собрали более 6 миллионов участников исследования (Kosinski et al., 2016). Уже к 2013 г. им удалось обеспечить прогностическую валидность отметок «like» для шкал пятифакторной модели личности Big Five до 0,43, а при оценке политических убеждений и социально-демографических характеристик коэффициенты составляли от 0,7 до 0,9 (Kosinski et al., 2013). Оказалось достаточно информации всего о 70 лайках, сделанных человеком в Facebook, чтобы предсказывать его политические предпочтения, отношение к здоровью и алкоголю точнее, чем это делают его сослуживцы, а информация о 300 лайках позволяет делать это лучше, чем его жена или муж (Youyou et al., 2015). Проведенный в 2017 г. метаанализ исследований, посвященных связи цифровых следов с «Большой пятеркой», показывает, что их предсказательная сила колеблется от 0,29 для доброжелательности до 0,40 для экстраверсии, то есть не уступает стандартизированным опросникам (Azucar et al., 2017). Разработаны алгоритмы, позволяющие судить об уровне интеллекта, удовлетворенности жизнью, склонности к самораскрытию и самомониторингу, ценностных ориентациях личности и характеристиках временной перспективы.

Для психологического профилирования личности используются не только лингвистические маркеры и сетевой анализ, но и фотографии, размещенные на страницах Instagram и Facebook, видеозаписи, аудиозаписи речи, видеоблоги и датчики движения в смартфонах. Для получения цифровых маркеров психологических характерис-

тик исследователи чаще всего совмещают 1) компьютерный анализ текста (чаще всего – LIWC), системы автоматизированного распознавания речи и невербального поведения, 2) самоотчеты испытуемых и экспертные оценки, в том числе кодирование данных экспертами, а также 3) машинное обучение. Растущее количество видеокамер в городах и совершенствование алгоритмов автоматизированного распознавания психологических состояний по поведенческим индикаторам превращают анализ потокового видео в наиболее перспективное направление психометрических исследований (Kosinski, 2019).

Сетевой анализ и автоматизированный анализ естественного языка позволяют изучать психологические феномены без проведения опросов. В качестве иллюстрации возможностей и ограничений такого подхода можно привести исследования распространения лжи в социальных сетях. Например, команда исследователей из Массачусетского университета проанализировала 120000 новостей, которыми 4,5 млн раз поделились 3 млн пользователей Twitter в 2006–2017 гг. (Vosoughi et al., 2018). Сообщения были разделены на правдивые и ложные с опорой на 6 независимых фактчекинговых организаций. После выявления и устранения сообщений, сгенерированных ботами, оказалось, что ложные новости отличаются большей новизной, распространяются в 6 быстрее и с в 10 раз большим охватом, чем правда. Исследование показало, что в основе распространения дезинформации в сети лежат психологические закономерности массового сознания, а не только злой умысел «фабрик троллей». Ложные новости были связаны с лингвистическими маркерами удивления, страха и отвращения в перепостах, а правдивые новости – с предвосхищением, досадой, радостью и доверием. При этом авторы исследования признают необходимость проведения интервью и экспериментов для интерпретации полученных данных. Еще одним примером исследования, проведенного без использования опросов, на этот раз в области клинической психологии, стало определение депрессии и склонности к суициду по цифровым следам. Исследователи отобрали три группы интернет-форумов, две из которых включали сообщества людей, проходящих лечение депрессивных расстройств, а также сообщества, для которых характерна идеализация смерти. Третья, контрольная группа была представлена нейтральными форумами, посвященными женской и мужской тематике, карьере и профессиональному развитию. Автоматизиро-

ванный анализ текстов показал, что на форумах первых двух групп в 3 раза чаще используется абсолютистская лексика: такие слова, как «всегда», «никогда», «совсем» и т. п. (Al-Mosaiwi, Johnstone, 2018).

Известным примером экспериментального психологического исследования, основанного на сборе больших данных, стал проект, в котором зрительное восприятие изучалось с помощью игры в мобильном приложении. Пользователи должны были «просвечивать» сканером багаж пассажиров в аэропорту, что позволило зафиксировать более миллиарда зрительных реакций. При этом исследователям не только удалось изучить, как влияют отвлекающие внимание раздражители на восприятие редко предъявляемых стимулов, но и динамику процесса тренировки внимания (Mitroff et al., 2015). Как правило, при проведении таких экспериментов исследователи не раскрывают свои цели участникам. Например, в январе 2012 г. исследователи из Корнельского университета провели эксперимент среди 689003 пользователей сети Facebook. Для изучения эмоционального заражения они манипулировали доступностью контента пользователям: те, кому были более доступны негативные сообщения друзей, сами чаще писали негативно окрашенные тексты (Kramer et al., 2014). Поскольку интернет-пользователи не всегда в полной мере отдают себе отчет в том, что являются участниками эксперимента, использование этого метода остается дискуссионным.

Проведенный Институтом психологии РАН экспертный опрос, посвященный будущему психологии, свидетельствует о том, что революция больших данных долгое время оставалась практически не замеченной в российском академическом сообществе (Журавлев и др., 2016). Тем не менее проведенный нами анализ базы Web of Science показывает, что за последние 5 лет число психологических исследований с использованием Big Data выросло в 20 раз (Зуев, Нестик, 2018). Сегодня большие данные все более активно используются не только в кибер- и медиапсихологии, но и в психиатрии, исследованиях памяти, внимания и зрительного восприятия (Jones, 2017), организационной и экономической психологии (Putka, Oswald, 2015). Благодаря все новым и новым открытым базам данных расширяются возможности для оценки эффективности тех или иных методов лечения в психиатрии (Stewart, Davis, 2016), совместный анализ больших данных в психогенетических исследованиях проливает свет на новые закономерности (Karlsson Linner et al., 2019). Анализ социальных сетей позволяет выявлять цифровые маркеры суицидальных

состояний, шизофрении, тревожных и депрессивных расстройств (Monteith et al., 2015). В организационной психологии открывается не только возможность для разработки новых методов оценки кандидатов при приеме на работу, но и для исследования того, как групповые феномены (внутригрупповое доверие, сплоченность, групповые представления и ментальные модели) влияют на совместную деятельность на основе данных о реальном поведении членов малой группы (Guzzo et al., 2015).

В настоящее время оценку индивидуальных психологических характеристик по цифровым следам можно считать решенной научной задачей, что, в прочем, не отменяет необходимости уточнения соответствующих моделей для русскоязычного кластера интернета (Ледовая и др., 2017b). На наш взгляд, фундаментальный прорыв необходим и может быть достигнут в другой области – при прогнозировании *динамики* межличностных и групповых психологических и макропсихологических феноменов на основе цифровых следов реального поведения.

Перспективные направления социально-психологических исследований на основе больших данных

В заключительной части главы мы хотели бы наметить несколько *перспективных направлений исследований* динамики социально-психологических процессов с использованием анализа больших данных.

Во-первых, накапливающиеся на протяжении жизни человека цифровые следы становятся важным источником информации о динамике социально-психологических личностных характеристик. На личностном уровне социально-психологического анализа лингвистические маркеры постов в социальной сети, тематика групп, на которые подписан пользователь, а также граф его контактов могут указать на изменения в характеристиках социальной идентичности, ценностных ориентациях, а также изменения социальных ролей в сетевых сообществах. Например, с цифровыми следами могут быть сопоставлены выявленные нами на основе самоотчетов интернет-пользователей роли в сетевом сообществе, такие как «творец», «защитник», «тролль», «наставник», «посредник», «наблюдатель», «собеседник», «актер», «манипулятор», «друг» (Солдатова и др., 2017). Появляется возможность для уточнения моделей многих социально-психологических процессов: формирования цен-

ностных ориентаций, вторичной социализации, социального сравнения и относительной депривации, формирования социального капитала личности и др.

Анализ цифровых следов открывает путь к решению задачи, трудно реализуемой через самоотчеты респондентов, – определению связи динамики социально-психологических характеристик личности с изменениями в макропсихологических характеристиках общества (о макропсихологии см.: Журавлев и др., 2017; Макропсихология..., 2009). Такого рода работы уже появились: например, исследование, проведенное среди 380 тыс. жителей Англии и Уэльса, показало, что в тех регионах страны, которые во время индустриальной революции пережили подъем и затем спад угольной промышленности, до сих пор сохраняются более низкие показатели сознательности и удовлетворенности жизнью, более высокие показатели невротизма, тревоги и депрессии (Obschonka et al., 2018).

Во-вторых, относительно мало разработанной, но все более актуальной становится проблема прогнозирования динамики межличностных процессов по цифровым следам. Внимание академических исследователей до сих пор было сосредоточено в основном на изучении личностных характеристик интернет-пользователей. Между тем на межличностном уровне и уровне малых групп семантический анализ текстов сообщений, мониторинг структуры социальной сети и интенсивности обмена сообщениями в мессенджерах делает возможным оценку и прогнозирование стадий развития межличностных отношений. Со временем можно ожидать появления облачных сервисов, которые будут предлагать семьям и парам, связанным романтическими отношениями, не только оценку совместимости и признаков супружеской измены, но и прогноз потенциальных конфликтов, развитие эмоционального интеллекта и сензитивности к состояниям друг друга на основе мониторинга их сетевой активности. В последние годы появилось множество сайтов и мобильных приложений, обещающих своим пользователям подбор потенциальных партнеров на основе больших данных (eHarmony, Hinge, WhosHere, Skout, Tinder и др.). При этом эксперименты показывают, что сообщение пользователям об их совместимости действует как самосбывающееся пророчество вне зависимости от того, насколько они в действительности совместимы (Rudder, 2014). Согласно исследованию использования больших данных в сфере романтических отношений, проведенному eHarmony совместно с Лондонским имперским кол-

леджем, в ближайшие 10 лет для оценки совместимости и изучения межличностных отношений будут все больше использоваться умные вещи – от носимых гаджетов до умных домов (Deign, 2017). Эта динамично развивающаяся область прикладных разработок, часто сомнительных с точки зрения обоснованности исходных предположений и интерпретации данных, остается вне зоны внимания серьезных академических исследователей.

В-третьих, анализ цифровых следов, накопленных проектными командами и организациями в ходе совместной деятельности, открывает путь к изучению групповой динамики и влияния групповых социально-психологических феноменов на результаты совместной деятельности. Первые шаги в этом направлении уже делают разработчики корпоративного программного обеспечения. Так, например, Microsoft Delve строит графы связей между сотрудниками и анализирует содержание всех коммуникаций в интегрированной среде Microsoft – в том числе посредством мессенджера Yammer; сервис TrustVault оценивает структуру социальной сети, лидерское поведение и уровень внутригруппового доверия на основе анализа переписки сотрудников; Syndio позволяет проводить опросы среди сотрудников и сопоставлять их данные с сетевой активностью, измеряя таким образом отношение к работодателю. А приложения MoodMetrix и Attitude Heatmap, разработанные компанией KeenCorp в партнерстве с Omniscien Technologies, на основе психолингвистического анализа электронной почты и мессенджеров оценивают эмоциональное состояние коллектива и вовлеченность сотрудников. Динамику эмоционального состояния можно ежедневно отслеживать на уровне всего коллектива, отдельного департамента и даже конкретной команды из минимум 10 участников. Разработчики программы утверждают, что личная информация полностью защищена: данные анонимизируются, тексты сообщений кодируются и обрабатываются в агрегированном виде. Сопоставление цифровых следов в корпоративных мессенджерах и социальных сетях с результативностью проектных команд, экспертными оценками руководителей и данными опросов сотрудников позволяет разработать алгоритм, на основе которого можно будет не только оценивать социально-психологический климат в коллективе, но и прогнозировать успешность проектных команд. Анализ текстов может пролить свет на целый ряд групповых процессов, находящихся в фокусе внимания современной психологии малых групп и организаци-

онной психологии. Как формируется и меняется психологический контракт в малых группах и организациях? Как изменяется транзакционная память команды при частичном изменении состава участников? Каковы стадии формирования групповой идентичности, внутригруппового доверия, разделяемых членами группы ментальных моделей и ситуационной осведомленности? Какова последовательность стадий принятия организационных изменений в разных корпоративных культурах? Каковы факторы эффективности лидерского поведения в виртуальных, распределенных командах, участники которых работают удаленно? Совмещение опросов, анализа дискурса и кейс-стади с анализом больших данных позволяет прояснить закономерности групповой рефлексии и ее влияние на эффективность совместной деятельности.

В-четвертых, большие данные дают возможность для изучения групповых процессов, разворачивающихся одновременно в сетевом пространстве и пространстве реальном. Анализ меток геолокации в сообщениях пользователей социальных сетей открывает новые возможности для исследователей в сфере социальной психологии города, психологии криминального поведения, а также изучения межэтнической напряженности и агрессии. Появляется возможность строить географические карты, отображающие распространение нетерпимости в локальных сообществах. Становится возможным изучение динамики межгрупповых отношений с учетом региональных особенностей и микроконтекста социальной ситуации. Геометки сообщений, триангуляция звонков и точек подключения к сети носимых гаджетов, датчики движения в смартфонах – все это со временем расширит возможности не только для изучения массовидных феноменов, в том числе социальных движений, изменения поведения толпы под влиянием одновременно и реальных и виртуальных сообщений разного психологического содержания, но и для изучения воздействия различных условий проживания в городе на психологическое благополучие горожан, различные психологические типы отношения жителей к новым транспортным, телемедицинским и архитектурным технологиям «умного города».

В-пятых, чрезвычайно перспективны цифровые исследования динамики психологических процессов в больших социальных группах, в том числе изучение изменений макропсихологических характеристик отдельных регионов и общества в целом. Сопоставление данных психолингвистического анализа текстов интернет-пользова-

телей, административной статистики и результатов репрезентативных социологических опросов за большие периоды времени позволяет разработать объяснительные и прогнозные модели динамики макропсихологического состояния отдельных регионов, а также давать прогноз влияния макропсихологических показателей на социально-экономическую и политическую ситуацию. Сочетание анализа цифровых следов, анализа дискурса и социально-психологических онлайн-опросов расширяет возможности для изучения сложных психологических феноменов массового сознания: коллективных переживаний, – в том числе мировоззренческих чувств, – социальных представлений, коллективной памяти, коллективного образа будущего. До сих пор исследователи были сосредоточены в основном на динамике относительно простых групповых феноменов в социальных сетях: эмоциональном заражении и распространении мемов (напр.: Spitzberg, 2014), информационных каскадах в связи с теми или иными обсуждаемыми событиями (напр.: Burnap et al., 2014), групповой поляризации и возникновения «эхо-камер» (Bessi, 2016), распространении слухов и ложной информации (Михеев, Нестик, 2017), тогда как исследования более сложных явлений, таких как коллективная память и социальные представления, относительно редки (Candia et al., 2019). Между тем автоматизированный анализ текстов пользователей форумов и социальных сетей, а также публикаций в СМИ приближает нас к решению более сложных научных проблем: например, какие социально-психологические факторы влияют на динамику доверия к социальным институтам; каким образом содержание коллективной памяти влияет на социальные представления о будущем, какие групповые социально-психологические характеристики влияют на динамику вовлечения жителей региона в использование технологических инноваций и на развитие производительных сил регионов страны.

Особое внимание необходимо обратить не только на механизмы распространения тревожных состояний и коллективных страхов, но и на социально-психологические закономерности распространения позитивной информации, позитивной оценки коллективного прошлого, формирования позитивной гражданской идентичности и ответственности за происходящее в стране. Например, цифровые следы позволяют изучать динамику коллективных переживаний во время праздников и траура, формирование генерализованной надежды, феномены «большого оптимизма» и «защитного пессимизма»,

психологические функции коллективного образа ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего. Одним из прикладных приложений этой работы может быть прогнозирование психологического воздействия «мнемонических войн» и информационных кампаний, направленных на изменение отношения общества к своему коллективному прошлому и будущему. В результате таких междисциплинарных исследований может быть разработана модель формирования групповой жизнеспособности в цифровой среде, устойчивости крупных социальных групп к информационным угрозам в условиях растущей неопределенности.

Большие данные не только позволяют заглянуть в сегодняшнее состояние российского общества, но и проливают свет на феномены исторической психологии. Например, растет число исследований динамики макропсихологических показателей, выполненных с использованием базы текстов 1800–2000 гг. Google Ngrams (см., напр.: Velichkovsky et al., 2019). Использование исторических больших данных в психологических исследованиях имеет свои недостатки и ограничения (см. критический анализ: Pettit, 2016). Тем не менее их можно использовать для изучения содержания коллективной памяти и ее динамики, а также для изучения изменений коллективного образа будущего.

Большой интерес представляют в этой связи новые возможности для анализа визуальных сообщений. Сочетание автоматизированного распознавания изображений и экспертных оценок позволяет исследовать динамику социальных представлений и сложных коллективных эмоциональных переживаний, оценивать различия в визуальной репрезентации сложных явлений представителями разных социальных групп, жителями разных регионов. Методологические основания такого анализа для этого уже разработаны в рамках визуальной социологии, а также социальной психологии изображений (Manovich, 2017; Moliner, 2016).

Риски, связанные с внедрением технологий анализа больших данных

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на некоторые фундаментальные *психологические проблемы и риски,* тесно связанные с внедрением технологий анализа больших данных в повседневную жизнь общества.

Можно ожидать изменений в процессах социального сравнения и социального влияния, так как для личности открывается возможность оценивать себя и других на основе сопоставления с данными о поведении большинства, а сами основания для сравнения становятся более произвольными, легко настраиваемыми с учетом контекста той или иной ситуации. Кроме того, большие данные в «цифровом обществе» превращаются в еще одно основание для формирования стереотипов, когда интерпретация аутгруппового поведения на основе цифровых следов оказывается искаженной сформировавшимися ранее предубеждениями или используется для их подтверждения. Большие данные превращаются в критерий оценки личностью социальных ситуаций: как большая или меньшая рельефность этой информации будет сказываться на процессах социального познания?

Еще одной важной психологической проблемой становится растущая прозрачность жизни человека в деловой и личной сферах. Доступность цифровых следов личности другим людям и организациям не только будет служить основанием для формирования новых социальных фобий, но и повлияет на нравственно-психологические аспекты межличностных отношений. Например, можно ожидать изменения критериев доверия и недоверия, формирования новых составляющих социальной зрелости и ответственности личности, когда атрибутивные процессы в межличностном и межгрупповом восприятии основываются не только на уже совершенных поступках, но и на цифровых следах намерений. Развитие технологий бесконтактной автоматизированной психологической диагностики существенно повлияет на такие характеристики личности, как готовность к самораскрытию и управление впечатлением, а также формы проявления «темной триады» личностных черт.

Динамика межличностных отношений, отраженная в цифровых следах, станет доступна для более дифференцированной оценки и рефлексии сторонами, что может повлечь за собой изменения в скорости протекания внутригрупповых процессов. Уже начавшийся переход крупных компаний к непрерывной оценке деятельности своих сотрудников на основе потоковой аналитики создает ряд психологических проблем в области организационного поведения. Например, как сокращение цикла оценки деятельности сотрудника, а также расширение круга людей и групп, которые могут оценивать ее эффективность, пользуясь потоковой аналитикой, повлия-

ет на мотивацию, приверженность и удовлетворенность работой? Как будет меняться ролевая структура и социально-психологический климат рабочих групп в условиях, когда коллектив будет получать свой групповой психологический профиль и обратную связь на свои действия в режиме реального времени, а не с месячной или недельной задержкой? Как командные ментальные модели, включающие в себя представления о работе с большими данными и «цифровых двойниках» объекта управления, будут сказываться на организации совместной деятельности и межгрупповых отношениях?

Большие данные и алгоритмы их обработки «фетишизируются» и используются как средство политического воздействия, что приводит к переоценке их возможностей в решении социальных проблем. Фрустрация завышенных ожиданий может привести к кризису доверия не только технологии анализа больших данных, но и к обрушению доверия к социальным институтам, которые эти технологии используют.

Формирование рынков данных обострит проблему дефицита межгруппового доверия в отношениях между различными группами горожан, разработчиками систем искусственного интеллекта и технократическими элитами. В эпоху информационных войн с использованием машинного обучения на основе больших данных формирование институционального доверия становится все более трудной социально-психологической задачей. Благодаря большим данным представление общества о самом себе становится более динамичным, появляются новые средства как для верификации социальных представлений, так и для манипулирования ими.

Особое значение в этих условиях приобретает цифровая память и социально-психологические механизмы реконструирования коллективного прошлого, отраженного в цифровых следах миллионов людей. Можно предположить, что невозможность стереть цифровые следы не только индивидуальных, но и групповых поступков повлияет на осмысление коллективного прошлого, настоящего и будущего, а также вызовет к жизни новые формы мнемонических войн.

Дальнейшее развитие интернета вещей и лавинообразное вторжение алгоритмов в повседневную жизнь горожан не только дает в руки психологов новые методы исследований, но и делает невозможным изучение традиционных социально-психологических феноменов без учета того влияния, которое оказывает на них цифровая среда.

ГЛАВА 19

ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Внедрение систем искусственного интеллекта и социальное доверие

Утвержденная Президентом РФ в октябре 2019 г. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. устанавливает в качестве показателя, характеризующего рост спроса на технологии искусственного интеллекта, увеличение количества организаций, в том числе организаций социальной сферы, и государственных органов, использующих искусственный интеллект для повышения эффективности своей деятельности. Между тем форсированное внедрение систем искусственного интеллекта в работу государственных служб требует высокого доверия граждан к государству. Это хорошо видно по данным исследования BCG Digital Government Benchmarking: наиболее быстрыми темпами системы искусственного интеллекта (ИИ) внедряются в государственном управлении стран с высоким доверием к социальным институтам – в Индии, Китае, Индонезии и Объединенных Арабских Эмиратах (Carrasco et al., 2019). Не случайно использование компьютерного зрения для распознавания лиц прохожих на улицах вызывает ожесточенные публичные дискуссии в западноевропейских СМИ, тогда как в то же самое время в Китае внедряется система обязательного распознавания лиц для всех пользователей мобильной связи (Kuo, 2019).

Низкое институциональное доверие, характерное для большинства стран (Edelman trust barometer, 2019), усиливает техно-гуманитарный дисбаланс, когда внедрение новых технологий опережает способность общества договариваться о правилах их использования. Технологический оптимизм российской молодежи, в том числе среди

руководителей государственных учреждений, оказывается компенсацией социального пессимизма: алгоритмы и системы ИИ рассматриваются как лекарство от коррупции, воспринимаются в качестве «протезов» для плохо работающих судов, медицинских и образовательных учреждений.

Остается открытым вопрос о том, будет ли развитие технологий способствовать «смягчению» культуры, росту толерантности к нарушению социальных норм, как это происходило на протяжении последних двухсот лет (Jackson et al., 2019). Действительно, использование криптовалют и токенов, ожидание избытка благ, произведенных роботами, и сокращение стоимости энергии, – все это делает популярной идею социальной сингулярности, в соответствии с которой, дальнейшее развитие технологий будет сопровождаться демократизацией и децентрализацией общества (Borders, 2018).

Сегодня обсуждение ИИ в мировых СМИ носит сенсационный характер, подогревает ожидания радикальных изменений, страхи и необоснованные надежды: большинство считает, что развитие технологий ИИ еще больше увеличит пропасть, разделяющую бедных и богатых, но при этом переоценивает возможности таких систем (Edelman AI Survey, 2019). Алгоритмы и BigData «фетишизируются», их возможности в решении социальных проблем переоцениваются (Levy, Johns, 2016; Smith, 2016). При этом экспериментальные исследования показывают, что в условиях неопределенности и дефицита времени у человека возникает сверхдоверие к системам ИИ и роботам (Robinette, 2017; Wagner et al., 2018). Доверие к AI возрастает, если программа комментирует свои действия (Chen et al., 2017; Pynadath et al., 2018). Тем не менее готовность использовать системы ИИ в наибольшей степени определяется не их понятностью для личности, а ее доверием к их разработчикам и другим пользователям (Нестик, Журавлев, 2018).

В отличие от европейских стран и США, в российском массовом сознании последствия автоматизации труда пока недооцениваются. Как показал опрос россиян, проведенный ВЦИОМ по репрезентативной выборке в декабре 2017 г., 74% убеждены, что в обозримом будущем их рабочее место не смогут занять роботы (Роботизация работы..., 2017). При этом 73% вообще никогда не задумывались об этой проблеме. Большинство (62%) считают тенденцию к замене людей на рабочих местах роботами неправильной, причем наиболее категорично это мнение отстаивает именно молодежь, а не старшее по-

коление (так считают 70% в группе 18–24 года по сравнению с 55% в группе 45–59 лет). Общероссийский репрезентативный опрос, проведенный в сентябре 2019 г. Институтом психологии РАН и ГК «Циркон», показал, что непредвиденные негативные последствия развития технологий беспокоят лишь 56% россиян, причем в наименьшей степени об этом задумываются люди в возрасте от 18 до 24 и от 35 до 44 лет.

Ситуация осложняется так называемым «эффектом ИИ»: пользователи не знают о том, где используется AI, причем, чем чаще используется эта технология, тем менее она заметна для человека. Так, например, большинство интернет-пользователей не отдают себе отчета в том, что технологии ИИ применяются в поисковых запросах, формировании ленты новостей и рекомендациях потенциальных друзей в социальных сетях (Zhang, Dafoe, 2019).

Развитие цифровых технологий углубляет культурный разрыв между теми, кто готов к неопределенности и выбору, и теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать. Искусственный интеллект дает возможность личности переложить ответственность за свои действия на обезличенный алгоритм и его разработчиков. Ограничения, навязываемые алгоритмами, чаще всего неизвестны пользователям, даже если они описаны в пользовательской документации. Лишь треть интернет-пользователей утверждают, что когда-либо читали соглашения о предоставлении услуг и использовании персональных данных. При этом анализ цифровых следов на серверах показывает, что на самом деле соглашения читают менее 1% пользователей (Ipsos MORI, 2014). Более того, алгоритмы превращаются в «архитектуру выбора», подталкивающую нас к решениям, которые должны повысить качество нашей жизни (Талер, Санстейн, 2017). Даже если в основе такого цифрового патернализма будут либеральные ценности (что кажется маловероятным в культурах с вертикальным коллективизмом), использование алгоритмов, корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать снижению осознанности и рефлексивности общества (Журавлев, Нестик, 2019а). С этой точки зрения, ключевые этические дилеммы, стоящие перед руководителями в условиях форсированной цифровой трансформации, сводятся к выбору между скоростью внедрения общественно полезных систем ИИ и их обсуждением с различными заинтересованными сторонами, а также между использованием систем ИИ как «замены» субъективности

человека или использованием их для развития критического мышления пользователей и повышения осознанности решений, принимаемых гражданами.

Психологические исследования показывают, что доверие к киберфизическим системам отличается от доверия людям и легко сменяется абсолютным недоверием (Jian et al., 2000). Обвал доверия к искусственному интеллекту и основанным на нем робототехническим системам может повлечь за собой еще больший кризис доверия к социальным институтам – государству, бизнесу и общественным организациям. Хрупкость доверия к автоматизированным системам ставит перед руководителями государственных служб задачу не только информировать граждан о том, какие программные решения используются в цифровых государственных услугах, но и о том, каковы этические принципы чиновников, имеющих доступ к данным, и сотрудников компаний, непосредственно управляющих автоматизированными системами.

Одна из причин тревоги по поводу развития искусственного интеллекта связана с так называемой проблемой «черного ящика»: не только политики и обыватели, но и сами разработчики не могут в точности объяснить логику, лежащую в основе тех или иных заключений, сделанных самообучающейся нейросетью. Влияние таких алгоритмов на общество трудно оценить, так как их коды защищены коммерческой тайной, а истинные цели часто неясны. Сегодня число корпоративных и отраслевых этических кодексов, регулирующих разработку и использование ИИ, переросло за сотню (Jobin et al., 2019). К сожалению, эксперименты показывают, что знакомство разработчиков с подобными нормативными документами не повышает их готовность следовать предписанным правилам (McNamara et al., 2018).

В этих условиях особенно важной становится роль некоммерческих организаций гражданского общества в поддержании практик диалога о будущем технологий в условиях цифровой трансформации, форсированной государством и крупными компаниями. Правила использования технологий умного и безопасного города, таких как распознавание лиц прохожих или создание цифровых портфолио для каждого ребенка, требуют публичного обсуждения с участием всех заинтересованных сторон.

Современные технологии все чаще позволяют скрыть использование ботов во взаимодействии с пользователями. Известно, что до-

верие к роботам и программам выше в том случае, когда оказываемая ими услуга похожа на взаимодействие с человеком (Calhoun et al., 2019). Внедрение ИИ в сферу государственных услуг может быть сопряжено с искушением не информировать граждан о том, что с ними взаимодействует именно робот. Так, серия экспериментов показала, что люди более склонны к кооперации с ботами, выдающими себя за людей, а при раскрытии информации о том, что партнер является ботом, доверие снижается. Более того, раскрывшие себя боты при взаимодействии с людьми обучаются не ждать от своих партнеров готовности к сотрудничеству (Ishowo-Oloko et al., 2019). Эти психологические закономерности ставят госслужащих перед выбором между эффективностью услуги и ее прозрачностью для пользователей. Особенно сложным такой выбор становится в сфере здравоохранения и при чрезвычайных ситуациях, когда рекомендации бота и доверие к ним могут спасти человеческую жизнь.

Безусловно, системы искусственного интеллекта могут повысить внимание руководителей российских организаций к этическим аспектам принимаемых ими решений. В повседневной жизни мы то и дело сталкиваемся со случаями нарушения социальных норм, если не видим возможности повлиять на ситуацию, то прибегаем к множеству стратегий отчуждения моральной ответственности (Bandura, 2002): ссылаемся на корпоративные правила или высокие нравственные цели; используем эвфемизмы, описывая свое поведение («воздержался» вместо «промолчал»); прибегаем к выгодному сравнению, сопоставляя свое поведение с гораздо более предосудительными поступками («ну, не украли же»); перекладываем ответственность на других людей («так решило руководство»); игнорируем последствия («это она так говорит, никто не знает, что там случилось на самом деле»); обесчеловечиваем тех, кто пострадал от безответственного поведения («с такими людьми приходится работать») или делаем их виновниками случившегося («никто его не пытался ввести в заблуждение, это был его выбор»). В основе этих защитных механизмов лежит наше стремление сохранить положительную самооценку. Растущая цифровая «прозрачность», «квантифицируемость» нашей жизни и поддержка принятия решений с помощью систем ИИ могут ослабить убедительность некоторых из таких стратегий самооправдания, а также сделать их более осознаваемыми для нас самих.

В ближайшие годы можно ожидать появления основанных на технологиях искусственного интеллекта программ, которые выполня-

ют функции «когнитивных протезов»: например, помогают преодолеть откладывание на потом, компенсировать свойственную людям недооценку будущего, визуализировать сценарии развития событий (Lieder et al., 2019). В частности, такие программы предлагается использовать, чтобы психологически «приблизить» катастрофические последствия изменения климата (Rolnick et al., 2019; Schmidt et al., 2019).

Исследования отношения личности к коллективному будущему показывают, что готовность всматриваться в будущее своей группы прямо связана с уверенностью личности в способности влиять на настоящее (Нестик, 2014; Нестик, 2018). Основанием для конструирования будущего организациями гражданского общества являются прежде всего локальная идентичность – интерес к судьбе конкретного места, территории, микрорайона, города. Вызовом становится обсуждение более абстрактного будущего региона, страны и тем более – будущего мира в целом, казалось бы, мало зависящее от действий отдельных организаций и людей. Цифровые следы коллективных действий, моделирование будущего конкретного места или явления в зависимости от глобальных изменений с помощью цифровых двойников и мультиагентных моделей – все это позволяет сделать более осознаваемой и релевантной для жителей связь между их поступками и отдаленным будущим широких социальных категорий.

Системы искусственного интеллекта в поликультурном обществе

Разработка правил использования интеллектуальных систем затрудняется культурными различиями в представлениях о нравственном и безнравственном поведении. Об этом свидетельствует известный эксперимент «Моральная машина», участниками которого в 240 странах было принято 39,6 миллионов решений о том, кем должен пожертвовать самоуправляемый автомобиль: пешеходами, продолжив движение, или пассажирами, врезавшись в ограждение. Большинство участников жертвовали животными в пользу людей, преступниками в пользу законопослушных граждан, а также стремились спасти большее число жизней. Как оказалось, индивидуальные различия в поле, уровне доходов, религиозности и политических взглядах не влияют на выбор, тогда как культурные различия в решении задачи оказались существенными. Так, в странах с высоким

уровнем коллективизма, где благополучие группы более значимо, чем безопасность отдельной личности, испытуемые менее склонны руководствоваться численностью спасенных жизней, а также более склонны спасать пожилых людей ценой жизни молодых. Кроме того, оказалось, что в странах с высоким ВВП на душу населения, высокой законопослушностью и институциональным доверием участники эксперимента были более склонны жертвовать жизнями пешеходов, переходящих дорогу в неположенном месте. Иными словами, с точки зрения жителей стран с плохо работающими социальными институтами, искусственный интеллект не должен учитывать законопослушность граждан при принятии решения в условиях неизбежного столкновения. Наконец, в странах с высокой разницей в доходах между бедными и богатыми испытуемые чаще предпочитали спасать высокостатусных людей ценой жизни низкостатусных (Awad et al., 2018). При этом в странах Северной Америки и Европы чаще предпочитали не вмешиваться в действия машины и жертвовать пешеходами, в странах Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока предпочитали спасать пешеходов и пожилых людей, а в странах Латинской Америки и Южной Африки чаще жертвовали пожилыми в пользу молодых, низкостатусными в пользу людей высокого социального статуса, а также мужчинами ради женщин.

Очевидно, что государственное регулирование использования систем искусственного интеллекта не может полагаться исключительно на мнение большинства. Истории известны многочисленные примеры того, как сильно общественное мнение зависит от психологических механизмов отчуждения моральной ответственности, коллективных страхов и конформности. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить историю холокоста, маккартизм, борьбу за избирательные права женщин, а также тот факт, что до сих пор общественное мнение в большинстве стран не поддерживает пересадку органов умерших для спасения живых. Тем не менее у регуляторов рынка ИИ нет возможности ориентироваться исключительно на этические теории без учета мнения избирателей. Возможный путь к решению этой проблемы лежит в создании этической инфраструктуры, обеспечивающей обсуждение этических проблем развития ИИ с опорой на делиберативные формы демократии, так называемые мини-публики, ассамблеи граждан, общественные группы и городские советы (Руденко, 2018). Например, закон № 49, принятый Городским советом, утвержденный мэром Нью-Йорка в 2018 г.

и направленный на предотвращение дискриминации посредством алгоритмов, используемых государственными службами, стал основанием для создания общественной группы экспертов, проводящих анализ правовых и этических аспектов работы городских систем автоматизированного принятия решений (NYC Automated Decision Systems Task Force Report, 2019). Выработка норм в области развития ИИ может опираться на поиск соответствия между этическими теориями и мнением граждан: например, практически все этические концепции и результаты международных опросов сходятся в том, что число спасенных жизней – важный критерий для решений, принимаемых на дороге самоуправляемыми автомобилями (Savulescu et al., 2019).

Диалог власти и организаций гражданского общества при внедрении систем искусственного интеллекта

Сегодня становится возможным поиск и привлечение к разработке решений широкого круга экспертов как внутри правительства, так и в гражданском обществе (Noveck, 2015). Особенно важными в этой области становятся системы поддержки коллективного интеллекта – использование ИИ в краудсорсинговых сообществах и публичных дебатах. Например, платформа Assembl с помощью технологий ИИ поддерживает обмен мнениями в муниципальных сообществах метрополии Большого Парижа; с помощью технологий ИИ, предоставляемых компанией Insights. US, Госдепартамент США собирает и анализирует предложения по совершенствованию процедуры выдачи паспортов, а платформа POPVOX на основе ИИ позволяет повысить эффективность взаимодействия избирателей с конгрессменами в США при разработке новых законодательных инициатив (Verhulst et al., 2019).

Такого рода инструменты могут быть использованы и для выработки правил внедрения систем искусственного интеллекта в повседневную жизнь. Одна из ключевых ролей здесь может принадлежать некоммерческим организациям гражданского общества.

Под влиянием цифровых технологий расширяются возможности для конструирования альтернативных образов будущего, для генерации различных культурных орудий социальных изменений и преадаптации (Асмолов, 2019; Асмолов, Асмолов, 2019). В инженерной мысли получает широкое признание подход к дизайну как куль-

турной практике, позволяющей урегулировать сложные, не имеющие очевидного решения, социальные проблемы через вовлечение в разработку ключевых заинтересованных сторон, совместное социотехническое экспериментирование (Wahl, Baxter, 2008; Engeler, 2017). Именно такой подход реализуется в технологии дизайна мышления, а также в нарративных технологиях дизайна будущего. В основе этих подходов к разработке социотехнических систем лежат несколько принципов. Во-первых, это принцип человеко-центрированного, ценностно-ориентированного дизайна, который уже на этапе разработки устройства или программы предполагает учет ценностей пользователей и их право информированного выбора. Во-вторых, это принципы непрерывного совместного экспериментирования и диалога с заказчиками и пользователями. В-третьих, это не только стремление увидеть инновации с точки зрения повседневности, жизненного мира конечных пользователей, но и ориентация на учет долгосрочных социальных последствий внедрения технологии. Новые технологии не только облегчили масштабные эксперименты в городском дизайне, но и подстегивают непрерывное социальное экспериментирование. Возможность быстро проверить востребованность и реализуемость своей идеи, найти единомышленников и вовлечь широкий круг участников в доработку и осуществление, – все это облегчает социальное предпринимательство (Manzini, 2015). По существу, благодаря персонализации «настроек» социальных сетей и облачных сервисов, все мы стали социальными дизайнерами. В этой ситуации одной из задач некоммерческих организаций и социальных предпринимателей становится проактивный дизайн – помощь в конструировании моделей ответственного социального поведения, устойчивых в долгосрочной перспективе.

Основанные на искусственном интеллекте системы будут вовлекаться в социальные эксперименты через субъективно значимые, воспринимаемые их качества, а не через функционал, спроектированный разработчиками. Иными словами, влияние искусственного интеллекта и устройств дополненной реальности на взаимодействие человека с миром будет определяться возможностями, «степенями свободы», релевантными для пользователей соответствующих программ и технических решений. На возможность такого развития событий указывает отечественная концепция воспринимаемых качеств объектов среды, разработанная В. Н. Носуленко (Носуленко, 2009), а также близкая к ней теория аффордансов, предложенная Д. Нор-

маном на основании экологического подхода Дж. Гибсона (Норман, 2006; Heras-Escribano, De Pinedo-García, 2018).

Безусловно, целенаправленность такого рода социального экспериментирования будет зависеть от цифровой компетентности личности (Солдатова и др., 2017). Однако, по-видимому, социальный ароморфоз, сопровождающийся увеличением сложности социальных систем, будет происходить вне зависимости от того, насколько российское общество информировано о возможностях и ограничениях цифровых технологий. Понимание технологий людьми не является необходимым условием не только их использования, но и даже их совершенствования. Экспериментальные социально-психологические исследования подтверждают предположение культурных антропологов о том, что технические усовершенствования постепенно накапливаются от поколения к поколению пользователей без понимания причинно-следственных связей, на которых основано действие устройства (Derex et al., 2019).

Создание систем ИИ требует больших обучающих выборок, накопление и обработка которых часто оказываются недоступными не только для организаций некоммерческого сектора, но и для коммерческих корпораций. Например, обучение полностью автономной интеллектуальной системы для безошибочного вождения автотранспорта требует проезда от 500 млн до 1 млрд миль (Kalra, Paddock, 2016). Для создания и обучения искусственного интеллекта необходимы широкие партнерства между НКО, государственными службами и частными компаниями. Это означает переход к платформенной организации работы, возможно, с использованием децентрализованных реестров данных. На этом примере можно видеть, что развитие новых технологий требует не только и не столько технических навыков, сколько готовности к сотрудничеству.

По мере развития технологий ИИ и роста спроса на обучающие выборки будет меняться характер проблем, связанных с доверием. Сегодня они определяются стремлением частных компаний и государства получить доступ к личным данным интернет-пользователей. В связи с этим будет расти внимание личности к соотношению между приобретаемой ценностью и ценностью своих персональных данных, передаваемых при покупке. Однако развитие цифровых платформ гражданского общества для реализации социальных изменений будет требовать готовности их участников делиться данными для обучения систем ИИ. Если сегодня камнем преткновения

является цифровая безопасность личности и сохранение права на неприкосновенность личной жизни, то в дальнейшем все более актуальной дилеммой станет выбор между закрытостью и осознанным, активным участием в создании цифровой инфраструктуры общества. Волонтерство, вовлечение в гражданские инициативы будет предполагать готовность личности к раскрытию своих цифровых следов ради повышения точности систем ИИ, снабжения данными самообучающихся интеллектуальных систем. Иными словами, социальные изменения станут синонимом изменений цифровых, «топливом» для которых станут цифровые следы жизни миллионов людей. В этих условиях защита прав и свобод личности будет обеспечиваться целенаправленным инвестированием персональных данных, то есть их осознанным раскрытием, а не утаиванием.

Развитие ИИ повлияет на все социальные институты, в том числе – на некоммерческие организации (НКО). Сегодня НКО, работающие в России, сталкиваются с целым рядом ограничений: недоверие со стороны городского населения, избирательность поддержки НКО со стороны государства, сезонность в притоке добровольцев, отсутствие квалифицированных кадров и трудности в их поиске, связанные с существенными различиями в организации деятельности между разными типами НКО. Очевидно, что цифровые технологии, в том числе системы ИИ, облегчают решение части этих проблем: делают работу НКО более прозрачной для общества, позволяют быстро находить волонтеров через различные цифровые платформы, облегчают планирование проектов и опережающую, предсказательную аналитику их эффективности.

С другой стороны, цифровые технологии могут затруднить деятельность НКО. Во-первых, это связано со всё более жестким технологическим соперничеством между контролирующими государственными службами и организациями гражданского общества (Асмолов, 2019). Такое технологическое противостояние может затруднять доступ к данным и обмен ими, координацию усилий некоммерческих организаций, повышать уязвимость лидеров некоммерческих организаций по отношению к различным формам давления.

Во-вторых, новые технологии открывают широкие возможности для разрушения доверия к структурам гражданского общества через информационные операции. Использование ИИ позволяет перевести информационные войны в полностью автоматизированный режим, когда нейросети сами скачивают метаданные «мише-

ней» и анализируют их психологический профиль по цифровым следам в поиске уязвимостей, затем генерируют искусственный видеоконтент с учетом этих психологических профилей, организуют армию ботов для его вброса в социальные сети, таргетируют сообщения для тех пользователей, которые с наибольшей вероятностью перешлют эту информацию своим друзьям, а затем проводят автоматизированную оценку разрушительного воздействия информационной кампании на общество (Knight, 2019; Memes That Kill, 2018).

Для защиты от лжи используются все более совершенные технические решения, основанные на машинных алгоритмах. Например, выдача ссылок на первоисточник и альтернативные версии новостного сообщения помогают пользователям более критично отнестись к информации, а автоматическое выявление и блокирование ложных сообщений средствами самой социальной сети затрудняет их распространение. Между тем некоммерческие организации могут дополнить эти инженерные решения более сложными социальными технологиями, повышающими рефлексивность сообщества. Примером могут быть гражданские инициативы по фактчекингу, а также социальные проекты, направленные на обучение интернет-пользователей распознаванию ложных новостей (Perez, 2019). Так, многообещающим инструментом снижения подверженности воздействию лжи являются «прививки от фейков», например, онлайн-игры, в которых на примерах ложных новостей раскрываются типичные механизмы манипуляции общественным мнением (Roozenbeek, van der Linden, 2019). В условиях низкого социального доверия представители некоммерческих организаций могли бы стать лидерами мнений в социальных сетях, привлекающими внимание к онлайн-платформам для повышения медиаграмотности россиян.

По-видимому, путь к преодолению социального пессимизма лежит через превращение ИИ из «протеза» для плохо работающих социальных институтов в посредника, позволяющего людям дальше заглядывать в совместное будущее, лучше понимать друг друга, поддерживающего в нас сопереживание и способность к диалогу для выработки этически взвешенных решений.

Социально-психологические аспекты этических проблем, связанных с массовым внедрением систем искусственного интеллекта: результаты эмпирического исследования

Для изучения влияния социально-психологических характеристик личности на готовность использовать технологии ИИ в различных сферах жизнедеятельности, оценку связанных с ним рисков, а также значимость этических принципов развития ИИ нами в 2019 г. было проведено анкетирование, в котором участвовали студенты гуманитарных и технических вузов гг. Москвы, Курска и Екатеринбурга (N=550; 49,6% – мужчины; средний возраст – 21,13 лет, медианный – 20 лет).

Для измерения готовности использовать технологии ИИ мы предлагали респондентам список из 30 задач с просьбой оценить по 5-балльной шкале готовность доверить ИИ их решение (α=0,939). Для измерения поддержки использования технологий ИИ государственными службами респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить желательность использования ИИ при решении 17 различных задач в сфере государственных услуг (α=0,898). При составлении данного перечня мы опирались на результаты международного исследования уровня развития цифровых услуг, проводимого BCG (BCG Digital Government Benchmarking, 2019). Для оценки уровня позитивного отношения личности к технологиям ИИ использовался прием семантического дифференциала (4 биполярных шкалы, α=0,738), а также 14-пунктная «Шкала негативного отношения к роботам» Т. Номуры (Nomura et al., 2006; 3 субшкалы с значениями α от 0,665 до 0,727). Для измерения отношения личности к новым технологиям использовалась шкала технооптимизма из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017; Нестик, Журавлев, 2018).

Для измерения доверия использовались шкалы из World Values Survey, измеряющие социальное доверие (N=1465; 6 пунктов; α=0,719; M=2,94; SD=0,683) и институциональное доверие (N=1459; 4 пункта; α=0,800; M=2,16; SD=0,821). Для измерения ценностных ориентаций нами использовались краткий «Портретный опросник ценностных ориентаций» Ш. Шварца (Ten-Item Values Inventory, TIVI; Sandy et al., 2016), а также «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева. Для измерения характеристик образа мира мы использовали опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бон-

да и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также шкалу «Общая вера в справедливость мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер.

Для выявления *содержания представлений российской молодежи об искусственном интеллекте* нами использовался прием ассоциативного эксперимента. При обработке полученных результатов была применена методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом, и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы (Бовина, 2011; Vergès, 1992)[1].

Как видно из таблицы 19.1, в ядро представления об искусственном интеллекте вошли киберфизические системы, причем наиболее прототипическим оказался образ ИИ как робота, хотя в современных робототехнических системах пока еще крайне редко используются решения, основанные на искусственном интеллекте, и в случае с человекоподобными роботами мы, как правило, имеем дело с аниматроникой. Иными словами, представления молодежи об искусственном интеллекте объективируются в фигуре умного робота, а не облачных, невидимых алгоритмов.

Ядро социального представления нейтрально, тогда как его периферия, напротив, амбивалентна по своему содержанию, она включает как позитивные, так и негативные оценки последствий развития ИИ. Это указывает на продолжающийся процесс формирования отношения общества к ИИ и его последствиям, в котором сталкиваются как технооптимистические, так и технопессимистические образы будущего.

Посредством кластерного анализа методом k-средних, проведенного на выборке российских студентов (N=544), мы выявили *четыре социально-психологических типа отношения личности к использованию технологий ИИ*. В первый кластер «Сторонники использования ИИ в общественных сервисах» (29%) попали респонденты, поддерживающие широкое внедрение ИИ в работу государственных учреждений, в том числе в судах и органах охраны правопорядка, но при этом более сдержанно оценивающие свою готовность пользоваться технологиями ИИ в повседневной жизни. Во второй кластер «Противники широкого использования ИИ» (18%) были объединены респонденты, не готовые доверить ИИ выполнение каких-либо

1 Автор главы выражает благодарность студентке факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова К. Р. Бачуриной за помощь в обработке данных и категоризации ассоциаций.

Таблица 19.1

Прототипический анализ социальных представлений студентов об искусственном интеллекте (N=550)

	Элементы структуры представления*	**Средний ранг**	**Частота ($N_{ответов}$=1404)**
Ядро социального представления (1 группа)	Роботехнические системы и техника (роботы, самоуправляемые автомобили, роботехника, машины)	1,61	233
	ИИ как умная система (обладающий умом, разумом, сверхразум, рациональность, умные девайсы (дом, мебель)	1,85	89
	Программирование (программы, программные коды, программирование, запрограммированность)	1,86	59
	Компьютерная система (компьютеры, чипы, computer vision)	1,90	77
Потенциальная зона изменения представления (2 группа)	Искусственная жизнь (искусственный, искусственная жизнь, небиологического происхождения)	1,67	3
	ИИ как решение (решение конкретных задач, решение проблемы, решение задач с поиском оптимального результата)	1,69	13
	Нейросеть (нейросети, нейронная сеть и связь, нейросеть для разной деятельности, нейротехнологии, искусственные нейросети, Neural networks)	1,74	46
	Кинофильмы (фильмы: «Терминатор», «Матрица», «Искусственный интеллект», «Двухсотлетний человек», «Превосходство», «Я робот», «фильм 2000 года», «Бегущий по лезвию», «Железный человек», сериал «Черное зеркало», «Westworld»)	1,74	31
	Система (система, система управления чем-либо разработанная на биологических или нечетких правилах, с возможностью дополнительного обучения и самообучения, сложная система, поисковая система)	1,75	16
	ИИ как замена (замена человеческого труда, замена человеку, замена человека в различных сферах, сокращение рабочих мест, замена ручного труда на машинный, замена ручного и аналитического труда)	1,82	11

Продолжение таблицы 19.1

	Элементы структуры представления*	**Средний ранг**	**Частота ($N_{ответов}$=1404)**
Потенциальная зона изменения представления (2 группа)	Прогресс и развитие (научно-технический прогресс и его совершенствование, развитие прогресса, развитие общества/человечества/информации, развитие)	1,87	54
	Фантастика (научная фантастика, фантастика)	1,90	10
	Инновации и новое (инновация, инновационные технологии, новый вид разумной деятельности, новые разработки, новые произведения музыки и искусства, новая форма жизни, что-то новое необычное)	1,90	42
	Машинное обучение и самообучение (машинное обучение (ML), обучение, самообучение, глубинное обучение (Deep Learning), самообучение техники)	1,92	38
	Известные личности и персонажи (Татьяна Черниговская, Айзек Азимов, Саймак Клиффорд, персонажи: Йогурт из сериала «Любовь. Смерть. Роботы», Гидеон из сериала «Флеш», Агент Смит, Джарвис, Альтрон, американская группа «Big Data»)	1,93	29
	Недостатки ИИ (тупой, ненадежный, дискриминация (почему женский голос), вредность, сломался)	1,94	50
Потенциальная зона изменения представления (3 группа)	Помощники (чат-боты, Алиса, Siri, голосовые помощники и консультанты, гугл-ассистент, помощь)	1,95	111
	Будущее (будущее, недалекое светлое будущее)	2,01	92
	Технологии (новые современные и высокие технологии)	2,01	87
	Возможности и преимущества ИИ (скорость, точность, интересный, перспективно, работа, появление новых профессий для людей, новые возможности)	2,17	113

	Элементы структуры представления*	Средний ранг	Частота ($N_{ответов}$=1404)
Периферическая система социального представления (4 группа)	Интернет (Skynet, интернет-ресурсы, интернет вещей, реклама, социальные сети, сервисы в интернете)	2,00	25
	Автоматизация (упрощение рутинной жизни людей)	2,03	31
	Научная область (наука, дисциплина, исследования, космос, марксизм, медицина, космос и творчество)	2,12	50
	Данные и их обработка (большие данные, обработка данных, анализ данных, информация, обработка большого объема информации)	2,15	40
	Угроза и опасность (уничтожение человечества, восстание машин, страх, опасение)	2,30	43
	Алгоритм (сложный алгоритм программы, алгоритмическое мышление, алгоритмизация)	2,55	11

Примечание: * – условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 54; средний ранг <1,94; условия включения понятия в зону 2: частота <54; средний ранг <1,94; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 54; средний ранг ≥ 1,94; условия включения понятия в зону 4: частота <54; средний ранг ≥ 1,94.

значимых для себя задач и считающие нежелательным использование ИИ государственными учреждениями. Третий кластер «Инновационные пользователи» (25%) включает в себя респондентов, характеризующихся наиболее высоким доверием к ИИ во всех сферах жизнедеятельности, в том числе к ИИ в роли личного коуча. В четвертый кластер «Умеренные технооптимисты» (28%) вошли респонденты, умеренно положительно относящиеся к использованию ИИ в повседневной жизни при работе с данными и в общественных сервисах, однако считающие нежелательным внедрение ИИ в области контроля за гражданами.

Анализ значимых различий показал, что противники широкого внедрения ИИ в жизнь общества (N=100; 62% – женщины) отличаются от других групп технопессимизмом, негативной оценкой технологий ИИ и неприятием «проявления» эмоций со стороны ИИ, а также наиболее низким социальным доверием. Они в большей степени ориентированы на ценности конформности и традиций, но при этом

Таблица 19.2

Социально-психологические типы отношения к использованию технологий ИИ (средние значения, N=544)

Сферы использования систем ИИ	**1. Сторонники использования ИИ в общественных сервисах (N=155)**	**2. Противники широкого использования ИИ (N=100)**	**3. Инновационные пользователи (N=137)**	**4. Умеренные технооптимисты (N=152)**
ИИ для комфорта в повседневной жизни	3,79	2,42	4,39	3,54
ИИ в общественных услугах	4,51	2,78	4,67	3,84
ИИ для контроля граждан	3,71	1,94	4,05	2,44
ИИ как персональный помощник по работе с данными	3,69	2,58	4,26	3,57
ИИ как личный коуч и психотерапевт	2,74	1,82	3,94	2,95
ИИ как помощник в межличностных отношениях	1,68	1,27	3,12	2,36

менее озабочены различными рисками, связанными с развитием ИИ, и менее высоко оценивают значимость различных этических принципов, которые должны его регулировать. Интересно, что негативное отношение к технологиям ИИ не влечет за собой отказ от пользования ими: среди респондентов данного типа 71% имеют опыт общения с чат-ботами или пользования виртуальными голосовыми помощниками (например, Siri, Alisa, Alexa и т. п.).

Наоборот, инновационные пользователи (N=137; 56,9% – мужчины) по сравнению с другими группами характеризуются наиболее высоким технооптимизмом и наиболее низкой озабоченностью вероятностью ошибок ИИ и его негативным воздействием на общество. Они более ориентированы на достижения, склонны верить в наличие множества различных решений в ситуации неопределенности (социальная сложность), характеризуются высокой значимостью справедливости как морального основания и наиболее высоким социальным цинизмом, то есть более склонны считать общество несправедливым.

Для сторонников использования ИИ в общественных сервисах (N=155; 52,9% – женщины) характерны наиболее высокое внутригрупповое доверие, одновременно высокая ориентация на моральные основания справедливости и чистоты/святости. Респонденты этой группы наиболее высоко оценивают значимость защиты ИИ прав и свобод личности, они более других групп озабочены возможным негативным влиянием ИИ на общество, возможностью ошибок ИИ, приводящих к несправедливым решениям и угрозе для людей, а также целенаправленным использованием ИИ в качестве оружия. Среди респондентов данного типа 78,1% имеют опыт использования голосовых помощников на основе ИИ.

Умеренные технооптимисты (N=152; 50% – мужчины) характеризуются высоким аутгрупповым доверием, так же как и сторонники использования ИИ в общественных услугах, они озабочены возможностью ошибок и сбоев в работе алгоритмов. Примечательно, что нами не было выявлено значимых различий между группами ни в опыте использования систем ИИ, ни в уровне информированности о развитии технологий ИИ, ни в инновационных личностных характеристиках (таких, как открытость новому опыту, ориентация на ценности самостоятельности, риска-новизны и гедонизма).

Проведенный нами анализ типов отношения к использованию ИИ в повседневной жизни позволяет сделать вывод о том, что готов-

Таблица 19.3

Социально-психологические характеристики типов отношения к использованию технологий ИИ (средние значения, N=544)

Личностные характеристики	1. Сторонники использования ИИ в общественных сервисах (N=155)	2. Противники широкого использования ИИ (N=100)	3. Инновационные пользователи (N=137)	4. Умеренные технооптимисты (N=152)	F	p
	M (SD)					
Технооптимизм	3,69 (0,52)	3,46 (0,49)	3,90 (0,51)	3,58 (0,55)	16,243	***
Негативное отношение к ситуациям взаимодействия с AI (NARS)	2,00 (0,72)	2,61 (0,80)	1,89 (0,78)	2,12 (0,68)	20,328	***
Негативное отношение к влиянию AI на общество (NARS)	2,60 (0,84)	3,11 (1,15)	2,36 (0,86)	2,77 (0,81)	14,184	***
Негативное отношение к эмоциям во взаимодействии с ИИ	2,93 (0,92)	3,47 (1,04)	2,42 (0,88)	2,93 (0,79)	26,284	***
Ингрупповое доверие (WVS)	3,77 (0,80)	3,39 (0,77)	3,63 (0,80)	3,53 (0,73)	5,245	0,001
Аутгрупповое доверие (WVS)	2,53 (0,78)	2,25 (0,78)	2,63 (0,78)	2,66 (0,76)	6,423	***
Социальный цинизм (SAS)	3,30 (0,71)	3,14 (0,76)	3,40 (0,74)	3,17 (0,87)	3,148	0,025
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	3,80 (0,70)	3,52 (0,93)	3,74 (0,90)	3,88 (0,78)	4,06	0,007
Социальная сложность (SAS)	4,17 (0,65)	3,53 (1,00)	4,24 (0,75)	4,17 (0,74)	20,384	***
Шкала справедливости (MFQ)	4,87 (0,78)	4,53 (1,00)	4,88 (0,89)	4,77 (0,90)	3,823	0,01
Шкала чистоты и святости (MFQ)	4,57 (0,87)	4,10 (1,03)	4,23 (1,11)	4,25 (0,95)	5,413	0,001
Конформность (PVQ)	−0,20 (1,12)	0,03 (1,21)	−0,49 (1,33)	−0,11 (1,24)	4,061	0,007

Традиции (PVQ)	–0,59 (1,49)	–0,52 (1,38)	–1,17 (1,52)	–0,76 (1,39)	5,304	0,001
Достижения (PVQ)	0,10 (0,99)	0,05 (1,09)	0,42 (1,09)	0,40 (1,00)	4,7	0,003
Шкала социальной генеративности	4,67 (1,13)	4,15 (1,37)	4,71 (1,22)	4,67 (1,07)	5,556	0,001
Позитивная оценка технологий ИИ	4,88 (0,98)	3,96 (1,18)	5,20 (1,15)	4,68 (1,04)	26,86	***
Значимость заботы ИИ о будущих поколениях и планете	4,94 (1,06)	4,43 (1,31)	5,00 (1,00)	4,89 (0,88)	6,595	***
Значимость защиты ИИ прав и свобод личности	4,97 (1,06)	4,43 (1,31)	4,79 (1,01)	4,87 (0,88)	5,595	0,001
Озабоченность негативным влиянием ИИ на общество	3,64 (0,88)	3,43 (1,19)	3,17 (1,04)	3,48 (0,94)	5,714	0,001
Озабоченность возможностью ошибок ИИ, приводящих к несправедливым решениям и угрозе для людей	3,68 (0,73)	3,44 (1,09)	3,42 (1,00)	3,66 (0,80)	3,411	0,017
Озабоченность целенаправленным использованием ИИ против людей	3,79 (0,81)	3,29 (1,15)	3,54 (0,99)	3,67 (0,83)	6,416	***

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; F – F-критерий ANOVA; p – статистическая значимость; *** – $p<0,001$.

ность к использованию ИИ и поддержка его внедрения в работу государственных служб связаны не с информированностью о технологических прорывах или инновационностью личности, а с уровнем социального доверия и надеждой на повышение справедливости общества с помощью технологий ИИ.

Нами был подтвержден так называемый *«эффект ИИ»,* который заключается в том, что чем более привычными для пользователей являются цифровые сервисы, использующие ИИ, тем менее они кажутся связанными с ИИ (McCorduck, 2004; Zhang, Dafoe, 2019). Чаще всего наши респонденты приписывали использование технологии ИИ таким сервисам, как виртуальные помощники Siri и Алиса (93,6%), самоуправляемые автомобили (76,7%), «социальные роботы», способные общаться с человеком (71,3%), а также умные звуковые колонки с «начинкой» от Яндекс, Google, Xiaomi, Apple и др. (57,5%). Реже всего с технологией ИИ ассоциируются обработка поисковых запросов Google (49,8%), рекомендации фильмов для просмотра в онлайн-кинотеатрах типа ivi.ru, Netflix и т. п. (47,1%), формирование ленты новостей в Яндексе и Google (47,1%), формирование списка знакомых в социальных сетях для приглашения в друзья (34,7%), онлайн-переводчики типа Google Translate и др. (33,1%), а также добавление тегов к фотографиям в Facebook (17,8%). Робототехнические системы с высокой автономностью также не воспринимаются как носители технологий ИИ: лишь 49,8% опрошенных связывают с ИИ беспилотные летательные аппараты, не требующие контроля со стороны человека, и еще меньше, 31,1% наделяют ИИ промышленных роботов, используемых на производственных предприятиях. Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами проведенного в 2018 г. репрезентативного опроса в США, согласно которому, большинство американцев не связывают с ИИ обработку поисковых запросов, рекомендации фильмов в онлайн-кинотеатрах и интернет-переводчики, несмотря на то, что 85% из них пользуются данными цифровыми услугами (Zhang, Dafoe, 2019).

На наш взгляд, это указывает на наличие «слепого пятна» в общественном мнении по поводу развития ИИ: оставаясь незамеченными, системы ИИ выпадают из публичного дискурса, направленного на выработку правил использования новых технологий. Иными словами, этические аспекты использования искусственного интеллекта осмысляются фрагментарно, они проблематизируются в связи со стереотипизированными образами ИИ (робот-андроид, голо-

совой помощник, автомобиль без водителя), тогда как большинство других социальных контекстов применения ИИ остаются за рамками общественного внимания.

Результаты факторного анализа с вращением Варимакс позволили выделить 6 факторов *готовности личности использовать технологии ИИ,* объясняющие 57,5% дисперсии значений, которые в дальнейшем мы использовали как отдельные шкалы. В первый фактор «ИИ для комфорта в повседневной жизни» (16,4% дисперсии; 16 пунктов; α=0,929; M=3,63; SD=0,911) вошли задачи, связанные с автоматизацией медицины, транспорта, розничной торговли, гостиничного обслуживания и работами по дому. Второй фактор «ИИ в общественных услугах» (16,4% дисперсии; 10 пунктов; α=0,906; M=4,00; SD=1,025) объединил задачи, связанные с деятельностью государственных учреждений: например, анализ данных для оптимизации дорожного движения в городах, голосовые помощники для ответа на наиболее часто возникающие вопросы граждан, расчет пенсий и социальных выплат для граждан, выявление потенциальных злоупотреблений и коррупции на государственной службе и т. п. В третий фактор «ИИ для контроля граждан» (8,2% дисперсии; 7 пунктов; α=0,857; M=3,13; SD=1,134) вошли задачи, связанные с правосудием и государственным контролем, такие как определение виновности или невиновности в ходе судебных заседаний, определение того, кому можно выдать визу и вид на жительство, наблюдение за правопорядком в общественных местах, реестр граждан, в котором каждому начисляются баллы за отсутствие нарушений закона, полезная общественная деятельность, своевременная выплата кредитов и т. п. Четвертый фактор «ИИ как персональный помощник по работе с данными» (8% дисперсии; 6 пунктов; α=0,789; M=3,62; SD=0,936) включает в себя задачи, связанные с поиском и защитой данных: например, отбор информации для персональной новостной ленты в Интернете; поиск в социальных сетях потенциальных друзей и коллег со схожими интересами; защита персональных данных от хакеров. Пятый фактор «ИИ как личный коуч и психотерапевт» (7,1% дисперсии; 5 пунктов; α=0,762; M=2,97; SD=0,990) объединил задачи, связанные с личностным развитием и решением психологических проблем: услуги бота-психотерапевта (помощь в осознании ситуации, психодиагностика и т. п.), эмоциональная поддержка в трудных ситуациях, о которых не хочется рассказывать друзьям и близким, услуги персонального тренера, услуги «персо-

нального стилиста» (помощь в подборе одежды, прически, макияжа и т. п.). Наконец, в шестой фактор «ИИ как помощник в межличностных отношениях» (4,5% дисперсии; 3 пункта; α=0,759; M=2,25; SD=1,031) вошли задачи, связанные с построением интимных, семейных и рабочих отношений: например, помощь в поиске подходящих партнеров для создания семьи, помощь в поиске и отборе сотрудников для проекта.

Для выявления *опасений по поводу воздействия технологий ИИ на общество* мы предлагали респондентам оценить по 5-балльной шкале степень озабоченности 20 различными рисками, связанными с развитием ИИ. Факторный анализ с вращением Варимакс позволил объединить 20 рисков развития ИИ в три фактора, объясняющих 58% дисперсии значений и использованных в дальнейшем как отдельные шкалы.

Первый фактор «Озабоченность негативным влиянием ИИ на общество» (объясняет 24,5% дисперсии; 8 пунктов; α=0,890; M=3,41; SD=1,039) включает в себя опасения, связанные с воздействием ИИ на судьбу человечества: интеллектуальная, духовная и физическая деградация людей, которые все больше зависят от ИИ; использование ИИ для манипулирования сознанием людей; выход ИИ из-под контроля человека («восстание машин») и т. п. Во второй фактор «Озабоченность возможностью ошибок ИИ» (6 пунктов; α=0,840; M=3,55; SD=0,945) вошли риски, связанные с возможными искажениями в работе ИИ, которые ведут к несправедливым решениям или создают угрозу для людей: несправедливость и непрозрачность использования ИИ при вынесении приговоров в судах; возможность ошибок при диагностике заболеваний с помощью ИИ; угроза со стороны самоуправляемых автомобилей для пассажиров, пешеходов и других участников дорожного движения и т. п. Третий фактор «Озабоченность целенаправленным использованием AI против людей (15,4% дисперсии; 6 пунктов; α=0,843; M=3,59; SD=0,989)» объединил риски, связанные с использованием ИИ в качестве оружия: использование ИИ в гонке вооружений между крупными державами и обеспечении стратегической безопасности; создание автономных военных роботов, которые могут самостоятельно атаковать врага; нарушение неприкосновенности частной жизни и гражданских свобод при использовании ИИ для слежки и т. п.

Для выявления *представлений об этических принципах развития ИИ* мы предлагали респондентам оценить по 5-балльной шка-

Таблица 19.4

Результаты факторного анализа значимости рисков, связанных с внедрением ИИ в повседневную жизнь общества (с использованием метода главных компонент и вращения Варимакс)

Риски, связанные с внедрением ИИ в повседневную жизнь общества	**Факторы**		
	1	2	3
15. Сокращение живого общения между людьми при использовании ИИ	0,867		
14. Интеллектуальная, духовная и физическая деградация людей, которые все больше зависят от ИИ	0,854		
17. Новые психологические расстройства, вызванные использованием ИИ	0,774		
16. Использование ИИ для манипулирования сознанием людей	0,768		
18. Увеличение социальной несправедливости из-за неравенства в доступе к технологиям ИИ	0,729		
20. Выход ИИ из-под контроля человека («восстание машин»)	0,694		
19. Сокращение ресурсов планеты и вред окружающей среде	0,626		
12. Рост безработицы, вызванный автоматизацией	0,559		
2. Несправедливость и непрозрачность использования ИИ при вынесении приговоров в судах		0,812	
3. Возможность ошибок при диагностике заболеваний с помощью ИИ		0,751	
10. Принятие ИИ таких решений, которые противоречат человеческим ценностям		0,700	
1. Несправедливость алгоритмов, используемых работодателями для поиска и отбора кадров		0,667	
13. Катастрофические последствия сбоев / ошибок ИИ		0,648	
11. Создание автономных военных роботов, которые могут самостоятельно атаковать врага		0,492	
6. Использование ИИ для создания и распространения ложной и порочащей информации в сети			0,744
8. Нарушение неприкосновенности частной жизни и гражданских свобод при использовании ИИ для слежки			0,699
7. Использование ИИ для совершения кибератак на государственные учреждения, компании, общественные организации и отдельных людей			0,685
9. Использование ИИ в гонке вооружений между крупными державами и обеспечении стратегической безопасности			0,671
4. Незаконное получение и использование личных данных при обучении ИИ			0,596
5. Угроза со стороны самоуправляемых автомобилей для пассажиров, пешеходов и других участников дорожного движения		0,454	0,470

ле степень значимости 13 правил, на которые должен опираться ИИ в принятии решений. С помощью факторного анализа с вращением Варимакс эти принципы были включены в четыре фактора, объясняющих 67% дисперсии значений. Первый фактор «Значимость защиты ИИ прав и свобод личности (4; α=0,956; M=3,99; SD=2,052)» объединил принципы, связанные с уважением к личности: уважение чести и достоинства человека, запрет на действия, которые могут ограничивать демократические свободы личности и т. п. Второй фактор «Значимость заботы ИИ о будущих поколениях и планете» (3 пункта; α=0,952; M=4,02; SD=2,067) включает в себя принципы, связанные с заботой о безопасности человека: запрет на такое повышение эффективности производственных процессов, которое сопряжено с негативными социальными и экологическими последствиями; робот не должен причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; запрет на действия, которые могут нанести вред отдаленным поколениям людей. В третий фактор «Значимость приоритетного внимания ИИ к потребностям определенных категорий людей и живых существ» (3 пункта; α=0,912; M=3,77; SD=1,965) вошли принципы, связанные с приоритетами наименее защищенных категорий людей или наиболее высоко стоящих в иерархии: при взаимодействии с людьми роботы должны в первую очередь выполнять указания вышестоящих руководителей, а затем – их подчиненных; робот должен в первую очередь заботиться о безопасности детей, беременных женщин, больных и пожилых людей, а во вторую очередь – всех остальных. Наконец, четвертый фактор «Значимость соответствия ИИ интересам владельцев и их культурным традициям» (3 пункта; α=0,882; M=3,33; SD=1,861) объединил принципы, связанные с защитой владельцев ИИ, их национальных интересов и культурных традиций: роботы и программы должны в первую очередь защищать интересы своего владельца и его семьи, а во вторую очередь – интересы других людей; роботы и программы должны защищать национальные интересы той страны, в которой они разработаны и используются; алгоритмы обработки данных и действия роботов должны учитывать принятые в обществе традиции, ценности и религиозные нормы.

Одним из ключевых нравственно-психологических аспектов использования ИИ в повседневной жизни является готовность общества и отдельных пользователей предоставить ИИ самостоятельность в этически спорных ситуациях. Для того, чтобы выявить *представ-*

ления респондентов о желательной степени самостоятельности ИИ в решении этических проблем, мы предлагали им выбрать в качестве наиболее предпочтительного один из четырех вариантов того, как ИИ или робот должны принимать решения этически спорных ситуациях. Отвечая на вопрос, большинство респондентов (34,9%) выбрали вариант «самостоятельный поиск решения в соответствии с этическими принципами, закрепленными в программе». Примерно такое же число респондентов (30,5%) выбрали вариант «решения, разработанные роботом или ИИ в диалоге с человеком». Наименее предпочтительными оказались варианты «распоряжения, отданные человеком» и «набор вариантов действий, жестко ограниченный программистами», набравшие соответственно 18,9% и 15,8%. На наш взгляд, преимущественная поддержка первых двух вариантов указывает на то, что ИИ рассматривается российской молодежью как более надежный, менее подверженный искажениям моральный субъект, чем человек.

Для того, чтобы выявить социально-психологические характеристики личности, связанные с поддержкой каждого из четырех вариантов принятия решений ИИ, мы провели анализ значимых различий с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Как мы и ожидали, респонденты, предпочитающие «Набор вариантов действий, жестко ограниченный программистами» (N=86; 48% – мужчины), по сравнению с другими группами характеризуются наиболее низким технооптимизмом и негативным отношением к проявлению эмоций со стороны ИИ. Их отличает наиболее низкий уровень аутгруппового доверия, при этом в оценке нравственности тех или иных социальных явлений они ориентированы на моральные основания лояльности своей группе и уважения к авторитетам. Среди представителей данного типа 45,3% считают, что в случае причинения системой ИИ вреда человеку ответственность ложится на плечи производителя системы, а 62,8% убеждены в том, что роботы никогда не должны получить права, аналогичные правам граждан и юридических лиц. При этом 61,6% не хотели бы, чтобы, если у них однажды появится персональный помощник, основанный на искусственном интеллекте, он обладал сознанием и внутренними переживаниями.

Респонденты, выбравшие вариант «самостоятельный поиск решения в соответствии с этическими принципами, закрепленными в программе» (N=190; 44,7% – мужчины), наоборот, характеризуются наиболее высоким технооптимизмом, более высоким аутгруппо-

вым доверием, низким социальным цинизмом и наиболее высокой ориентацией на ценность универсализма, то есть считают, что у всех должны быть равные возможности в жизни. Среди представителей данного типа 33,7% считают, что в случае причинения системой ИИ вреда человеку ответственность ложится на плечи производителя системы, 18,4% – на тех, кто больше всего виноват в причинении вреда. В данном типе респондентов 39,5% убеждены в том, что роботы могут получить юридические права в отдаленном будущем. При этом 53,7% хотели бы, чтобы ИИ в качестве их личного помощника обладал сознанием и внутренними переживаниями.

Участники исследования, выбравшие вариант «распоряжения, отданные человеком» (N=103; 42,7% – мужчины), характеризуются наиболее высокой ориентацией на лояльность своей группе и наиболее низкой значимостью ценности универсализма, а также наиболее низким доверием к разработчикам систем ИИ. Среди представителей данного типа 42,7% считают, что в случае причинения системой ИИ вреда человеку ответственность ложится на плечи производителя, 14,6% возлагают ее на тех, кто внес наибольший вклад в ее обучение, 14,6% считают, что ответчиком должна быть страховая компания, так как такие опасные системы должны работать только при условии страхования вреда. В данном типе 54,4% респондентов убеждены в том, что роботы никогда не должны получить права, аналогичные правам граждан и юридических лиц. При этом 64,1% предпочли бы в качестве личного помощника такой ИИ, который не обладает сознанием.

Наконец, респонденты, выбравшие вариант «решения, разработанные роботом в диалоге с человеком» (N=166; 41% – мужчины), характеризуются высоким уровнем технооптимизма и социального цинизма, а также наиболее высокой верой в возможность влияния человека на свою судьбу. Они в большей степени, чем другие респонденты, доверяют разработчикам систем ИИ, поддерживают использование ИИ в судах и органах охраны правопорядка, а также более готовы использовать ИИ как персонального помощника при работе с данными и личного коуча. При этом для них наиболее значимы принципы приоритетного внимания ИИ к потребностям определенных категорий людей и живых существ, а также соответствия ИИ интересам владельцев и культурным традициям. Среди представителей данного типа 32,5% считают, что в случае причинения системой ИИ вреда человеку отвечать должен производитель, 19,9%

Таблица 19.5

Социально-психологические характеристики и предпочитаемые основания для принятия решений ИИ в этически спорных ситуациях (средние значения, N=545)

Характеристики отношения к ИИ	Набор вариантов действий, жестко ограниченный программистами (N=86)	Самостоятельный поиск решения в соответствии с этическими принципами, закрепленными в программе (N=190)	Распоряжения, отданные человеком (N=103)	Решения, разработанные роботом в диалоге с человеком (N=166)	F	p
Технооптимизм	3,53	3,72	3,66	3,70	2,745	0,042
Негативное отношение к ситуациям взаимодействия с ИИ (NARS)	2,34	1,97	2,29	2,06	6,819	0
Негативная оценка влияния ИИ на общество (NARS)	2,96	2,51	2,83	2,63	5,918	0,001
Негативное отношение к эмоциям во взаимодействии с ИИ	3,35	2,71	3,07	2,76	11,499	0
Аутгрупповое доверие (WVS)	2,27	2,68	2,40	2,59	7,034	0
Доверие разработчикам систем ИИ	2,8	3,11	2,71	3,19	7,031	0
Социальный цинизм (SAS)	3,19	3,16	3,37	3,37	3,063	0,028
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	3,47	3,86	3,73	3,81	4,544	0,004
Контроль над судьбой (SAS)	2,72	2,70	2,85	2,94	2,611	0,051
Шкала лояльности (MFQ)	4,00	3,69	4,03	3,88	3,504	0,015
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	3,39	2,90	3,21	3,00	4,822	0,003
Универсализм (PVQ)	0,22	0,50	–0,02	0,24	3,969	0,008

Продолжение таблицы 19.5

Характеристики отношения к ИИ	Набор вариантов действий, жестко ограниченный программистами (N=86)	Самостоятельный поиск решения в соответствии с этическими принципами, закрепленными в программе (N=190)	Распоряжения, отданные человеком (N=103)	Решения, разработанные роботом в диалоге с человеком (N=166)	F	p
Позитивная оценка технологий ИИ	4,33	4,93	4,54	4,75	5,607	0,001
Значимость приоритетного внимания ИИ к потребностям определенных категорий людей и живых существ	4,37	4,41	4,59	4,75	3,971	0,008
Значимость соответствия ИИ интересам владельцев и культурным традициям	3,91	3,84	4,15	4,19	3,335	0,019
Готовность использовать технологии ИИ для повышения комфорта в повседневной жизни	3,33	3,78	3,41	3,76	9,402	0
Поддержка использования ИИ в сфере общественных услуг	3,75	4,17	3,87	4,07	5,002	0,002
Поддержка использования ИИ для контроля граждан	2,71	3,21	2,97	3,24	5,863	0,001
Готовность использовать ИИ как персонального помощника при работе с данными	3,23	3,68	3,53	3,78	8,268	0
Готовность использовать ИИ как персонального коуча и психотерапевта	2,45	3,10	2,80	3,11	12,368	0
Готовность использовать ИИ как помощника в сфере межличностных отношений	1,85	2,27	2,05	2,30	5,326	0,001

полагают, что ответственность ложится на страховую компанию, а 12,7% возлагают вину на тех, кто обучал ИИ. Отвечая на вопрос о том, должны ли системы ИИ получить юридические права, в данном типе респондентов 33,7% допускают такую возможность в отдаленном будущем, а еще 37,7% затруднились с ответом. При этом 56,6% хотели бы, чтобы ИИ в роли их личного помощника обладал сознанием.

В целом из проведенного нами сопоставления данных групп можно сделать вывод о том, что готовность рассматривать системы искусственного интеллекта в качестве юридических и моральных субъектов или партнеров по принятию этических решений тесно связана с доверием к людям вообще и к разработчикам ИИ в частности, универсализмом и верой в возможность влиять на свое будущее. Партнера в ИИ способны увидеть те, кто видит потенциальных партнеров в пока еще не знакомых им людях. И наоборот, для тех, кто не доверяет людям и миру, система ИИ – всего лишь инструмент в их собственных или чужих руках.

Одной из ключевых задач исследования было *выявление социально-психологических факторов, определяющих значимость различных этических принципов использования ИИ.* Мы предположили, что значимость этих принципов будет зависеть от разных социально-психологических предикторов: чем более высокой будет ориентация на консервативные моральные основания, тем более предпочтительными будут принципы, связанные с приоритетной защитой владельца ИИ и его близких, культурных традиций и национальных интересов страны, в которой ИИ разрабатывался или используется. Мы также предположили, что значимость защиты ИИ прав и свобод личности будет прямо связана с либеральными моральными основаниями заботы о людях и справедливости.

Для проверки данных гипотез было использовано структурное моделирование в программе Amos v. 20. Модель, показавшая наилучшее соответствие данным (χ^2=238,413; df=126; CMIN/df=1,892; p<0,001; CFI=0,972; GFI=0,960; RMSEA=0,040; Hi 90=0,048; Pclose=0,981), в целом подтверждает наши предположения. Значимость принципа защиты ИИ прав и свобод личности прямо зависит от выраженности ориентации на справедливость как моральное основание (β=0,180), ценность универсализма (β=0,120) и социальную сложность, то есть убеждение в непоследовательности человеческого поведения и наличии множества альтернативных решений одних

и тех же проблем (β=0,242). Эта же группа ценностных ориентаций влияет на значимость заботы ИИ о будущих поколениях и планете: ее предикторами являются универсализм (β=0,101), справедливость (β=0,145) и социальная сложность (β=0,280). Социальная сложность и ориентация на справедливость прямо влияют на озабоченность возможностью использования ИИ как оружия против людей (соответственно β=0,254 и β=0,102).

Напротив, предикторами значимости соответствия ИИ интересам владельцев и культурным традициям являются ориентация на лояльность группе в моральных оценках (β=0,158), общая вера в справедливость мира (β=0,112) и социальный цинизм (β=0,110), то есть негативный взгляд на природу человека и недоверие социальным институтам. Значимость приоритетного внимания ИИ к потребностям определенных категорий людей и живых существ прямо зависит от ориентации на моральные основания заботы (β=0,151) и святости/деградации (β=0,102), а также социальной сложности (β=0,141) и социального цинизма (β=0,118).

Можно предположить, что при внедрении систем ИИ сталкиваются две системы ценностей. Либеральная система ориентирована на защиту прав личности и восстановление справедливости через равенство возможностей, обеспечиваемое искусственным интеллектом. Консервативная система ориентирована на защиту групповых интересов и восстановление справедливости через расстановку приоритетов в работе киберфизических систем.

Анализ регрессионных связей также показывает, что наряду с технооптимизмом доверие разработчикам систем ИИ вносит наибольший вклад в позитивную оценку технологии ИИ (соответственно β=0,307 и β=0,139), в готовность пользоваться технологиями ИИ в повседневной жизни (соответственно β=0,273 и β=0,315) и желательность внедрения ИИ в работу государственных служб (соответственно β=0,237 и β=0,221). При этом уровень информированности о развитии технологий ИИ не оказывает статистически значимого влияния на готовность их использовать. Эти данные ставят под сомнение распространенную в СМИ точку зрения о том, что изменить отношение общества к внедрению цифровых технологий поможет прежде всего научно-техническое просвещение. По-видимому, при освещении в СМИ передовых разработок в области ИИ, а также их внедрения в деятельность государственных органов основное внимание должно уделяться не технической надежности

Таблица 19.6

Социально-психологические предикторы отношения личности к внедрению технологий ИИ в повседневную жизнь общества (N=550)

Характеристики отношения к ИИ	Предикторы	B	β	S. E.	C. R.	p
Готовность использовать системы ИИ в повседневной жизни	Доверие к разработчикам систем ИИ	0,241	0,315	0,028	8,538	***
	Технооптимизм	0,383	0,273	0,052	7,391	***
	Социальная сложность (SAS)	0,211	0,231	0,033	6,313	***
	Уважение к авторитетам (MFQ)	–0,056	–0,081	0,022	–2,514	0,012
	Справедливость (MFQ)	0,062	0,072	0,028	2,228	0,026
Позитивная оценка технологии ИИ	Технооптимизм	0,697	0,307	0,092	7,587	***
	Доверие к разработчикам систем ИИ	0,172	0,139	0,05	3,446	***
	Социальная сложность (SAS)	0,140	0,095	0,058	2,399	0,016
Желательность внедрения ИИ в работу государственных служб	Общая вера в справедливость мира	0,133	0,119	0,038	3,535	***
	Доверие к разработчикам систем ИИ	0,278	0,221	0,05	5,581	***
	Технооптимизм	0,547	0,237	0,091	5,991	***
	Чистота и святость (MFQ)	0,128	0,100	0,044	2,909	0,004
	Социальная сложность (SAS)	0,214	0,142	0,059	3,66	***

Продолжение таблицы 19.6

Характеристики отношения к ИИ	Предикторы	B	β	S. E.	C. R.	p
Озабоченность негативным влиянием ИИ на общество	Технооптимизм	–0,306	–0,173	0,059	–5,154	***
	Доверие к разработчикам систем ИИ	–0,122	–0,126	0,03	–4,086	***
	Социальная сложность (SAS)	0,169	0,146	0,047	3,577	***
	Социальный цинизм (SAS)	0,079	0,066	0,039	2,057	0,04
	Общая вера в справедливость мира	0,073	0,086	0,028	2,67	0,008
	Чистота и святость (MFQ)	0,074	0,076	0,033	2,243	0,025
	Уважение к авторитетам (MFQ)	0,061	0,071	0,03	2,041	0,041
Озабоченность возможностью ошибок ИИ, приводящих к несправедливым решениям и угрозе для людей	Социальная сложность (SAS)	0,216	0,199	0,045	4,78	***
	Технооптимизм	–0,114	–0,069	0,053	–2,152	0,031
Озабоченность целенаправленным использованием ИИ против людей	Социальная сложность (SAS)	0,284	0,254	0,046	6,163	***
	Справедливость (MFQ)	0,107	0,102	0,032	3,337	***
Значимость заботы ИИ о будущих поколениях и планете	Социальная сложность (SAS)	0,359	0,280	0,047	7,591	***
	Универсализм	0,084	0,101	0,027	3,061	0,002
	Справедливость (MFQ)	0,174	0,145	0,042	4,192	***
	Технооптимизм	–0,136	–0,069	0,054	–2,501	0,012

Характеристики отношения к ИИ	Предикторы	B	β	S. E.	C. R.	p
Значимость защиты ИИ прав и свобод личности	Универсализм	0,098	0,120	0,027	3,682	***
	Социальная сложность (SAS)	0,306	0,242	0,046	6,609	***
	Справедливость (MFQ)	0,213	0,180	0,04	5,272	***
	Общая вера в справедливость мира	–0,060	–0,064	0,026	–2,325	0,02
Значимость соответствия ИИ интересам владельцев и культурным традициям	Лояльность (MFQ)	0,194	0,158	0,043	4,503	***
	Общая вера в справедливость мира	0,118	0,112	0,037	3,185	0,001
	Социальный цинизм (SAS)	0,164	0,110	0,054	3,022	0,003
	Техноoптимизм	–0,203	–0,093	0,074	–2,756	0,006
Значимость приоритетного внимания ИИ к потребностям определенных категорий людей и живых существ	Забота (MFQ)	0,175	0,151	0,042	4,212	***
	Чистота и святость (MFQ)	0,110	0,102	0,038	2,888	0,004
	Социальный цинизм (SAS)	0,154	0,118	0,045	3,444	***
	Социальная сложность (SAS)	0,177	0,141	0,045	3,948	***

Примечание: B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка среднего; CR – критическое отношение B/SE; p – статистическая значимость; *** – $p<0,001$.

систем, а мотивам и нравственным ценностям разработчиков и непосредственных пользователей.

В целом полученные нами результаты указывают на то, что этические принципы внедрения систем ИИ зависят не только от моральных оснований личности, но и от представлений о мире и доверия людям. Высокий социальный цинизм повышает вероятность использования ИИ в интересах определенных групп людей, а не всего общества. Иными словами, есть основания предполагать, что в обществе с низким социальным доверием внедрение ИИ будет усиливать рост социального неравенства и коррупции, а не устранять их.

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

ГЛАВА 20

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Согласно отчету Всемирного экономического форума, в 2020 г. в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биоразнообразия и экологические катастрофы, вызванные деятельностью человека (WEF, 2020). Согласно докладу Всемирной климатологической организации, средняя температура в мире выросла на 1,1 °C с начала доиндустриального периода и на 0,2 °C по сравнению с периодом 2011–2015 гг. (WMO, 2019). Между тем, по сравнению с многочисленными исследованиями экологических и экономических последствий изменения климата, можно отметить крайне недостаточное внимание ученых к изучению его психологических эффектов. Действительно, прогнозирование психологических последствий изменения климата затруднено целым рядом обстоятельств: предположительный характер исследований, связанный с недостатком данных о непосредственном влиянии опыта переживания климатических изменений на психологическое состояние и поведение; фрагментарность и недостаточная географическая репрезентативность данных, используемых для соотнесения климатических условий и поведения людей; крайне небольшое число экспериментальных исследований в данной области; недостаточный учет влияния возможных опосредующих переменных и социально-психологических механизмов, объясняющих изменения в поведении под влиянием климата (Evans, 2019). Кроме того, исследования, посвященные данной проблематике, сфокусированы прежде всего на негативных последствиях из-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Влияние изменения климата на человека: психологический анализ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 99–109.

менения климата для психологического здоровья, качества жизни и жизнеспособности общества. Значительно меньше внимания уделяется комбинированному воздействию отрицательных и положительных последствий изменения климата на психологическое состояние человека и общества. Наконец, крайне малочисленны попытки рассмотреть социально-психологические механизмы, лежащие в основе жизнеспособности больших социальных групп перед лицом глобального изменения климата.

С нашей точки зрения, основные психологические последствия изменения климата можно сгруппировать в три категории: во-первых, *тревожные и депрессивные состояния,* а также рост фаталистических настроений; во-вторых, *изменения когнитивных и аффективных процессов, связанные с непосредственным или косвенным воздействием неблагоприятных геофизических факторов,* в том числе – снижение когнитивных способностей, нейродегенеративные заболевания, повышение импульсивности и агрессивности поведения под влиянием высоких температур, загрязнения воздуха и т. п.; в-третьих, *обострение переживания несправедливости и дальнейшее снижение социального доверия,* в том числе – доверия к социальным институтам, рост приверженности консервативным ценностям, подверженности популизму и поддержки авторитарных политиков.

Цель настоящей главы состоит в том, чтобы раскрыть содержание и взаимосвязь различных психологических последствий изменения климата, предложить количественные индикаторы для их оценки и наметить перспективные направления междисциплинарных исследований в данной области.

Экологические депрессии и психологические последствия природных бедствий

В краткосрочной перспективе психологические последствия изменения климата связаны прежде всего с *ростом тревоги по поводу будущего, дистресса в связи с последствиями природных бедствий, а также ностальгии и депрессии по поводу утраты привычной окружающей среды.*

Наши собственные исследования, как и опросы, проведенные зарубежными коллегами, показывают, что тревога по поводу изменения климата более характерна для женщин, для жителей малых населенных пунктов, для людей с низким социально-экономичес-

ким статусом (Емельянова и др., 2019; Нестик, Журавлев, 2018; Нестик, Задорин, 2020; Clayton et al., 2017). Американская психологическая ассоциация отмечает распространение новых видов расстройств, связанных с изменением климата (Clayton et al., 2017; Scher, 2018), психотерапевты все чаще сталкиваются с экологическими депрессиями (Baker, 2011; Davenport, 2017; Dockett, 2019; Harrington, 2020; Head, 2016). Особенно уязвимыми к такого рода депрессиям оказываются люди с выраженным чувством связи с природой. В одном из исследований были выделены три типа озабоченности по поводу изменения климата: эгоистический, ориентированный на учет последствий для себя и близких; альтруистический, характеризующийся заботой о будущих поколениях; и биосферный, связанный с переживаниями за судьбу природы, растений и животных. Именно респонденты, для которых характерен биосферный тип озабоченности последствиями изменения климата, оказались наиболее подверженными переживанию чувства безысходности и депрессии (Helm et al., 2018). Алармистские заголовки и изображения мертвых животных в новостных публикациях об изменении климата также могут негативно сказываться на жизнестойкости личности (Нестик, Николаев, 2020).

Одной из психологических особенностей глобальных рисков является их негативное влияние на воспринимаемую человеком способность влиять на собственное будущее (Нестик, Журавлев, 2018). Эмпирические исследования указывают на то, что учащение экстремальных погодных явлений и природных бедствий может приводить к росту тревожных расстройств, проявлений дисстресса, депрессивным расстройствам, посттравматическому синдрому, вторичным психологическим травмам, переживаниям чувства вины, алкогольной и наркотической зависимости, а также мыслям о самоубийстве. При этом наиболее подвержены этим аффектам оказываются женщины, дети, пожилые люди, а также уязвимые и маргинализированные социальные группы – люди с низким достатком, больные хроническими заболеваниями, этнические меньшинства, наркозависимые и т. д. (Hayes et al., 2018; Hayes, Poland, 2018; Swim et al., 2009). Наиболее типичными реакциями на природное бедствие оказываются проявления дисстресса: бессонница, чувство дезориентации, вспышки гнева и т. д. По данным наблюдений в США, до 54% взрослых и до 45% детей страдают от депрессий после природных бедствий (Harrington, 2020). Среди жителей регионов, которые подверглись воздействию урагана Катрина, в 2 раза выросло количество само-

убийств, каждый шестой проявлял признаки посттравматического расстройства, а 49% были подвержены тревожным или депрессивным состояниям (Clayton et al., 2017). Среди жителей Австралии, пострадавших от лесных пожаров, у 15,6% наблюдался синдром посттравматического расстройства даже спустя 3–4 года после трагических событий (Bryant et al., 2014).

Переживания стресса и ностальгии, связанные с изменениями в привычном природном окружении, получили название «психотерратического синдрома», а чувство потери личностно-значимого места, возникающее у жителей, не меняющих места жительства, в научной литературе все чаще называется «соластальгией» (Albrecht, 2011; Clayton et al., 2017; Galway et al., 2019). Для измерения этих психологических феноменов уже разработаны методики (Higginbotham et al., 2006). Дистресс и экологические депрессии притупляют чувство ответственности людей за собственное будущее, подрывает веру в способность защитить себя и свою семью, что в итоге снижает готовность адаптироваться к изменению климата (van Valkengoed, Steg, 2019).

Воздействие неблагоприятных геофизических условий жизнедеятельности на когнитивные и аффективные процессы

При долгосрочном воздействии экстремальных температур и загрязнения воздуха можно ожидать не только снижения субъективного благополучия, но и ряда негативных *изменений в когнитивных и аффективных процессах*.

Экспериментальные исследования показывают, что в условиях повышенной температуры возрастает раздражительность и склонность к агрессивному поведению (Miles-Novelo, Craig, 2019). Так, например, полицейские, выполнявшие тренировочные упражнения в помещении с температурой 27 °C, по сравнению с их коллегами в комнате с 21 °C, чаще рассматривали действия подозреваемых как агрессивные и представляющие угрозу, при этом они на 25% чаще доставали оружие из кобуры (Vrij et al., 1994). Испытуемые, которым предъявляли изображения жары и ее последствий, чаще интерпретировали нейтральные выражения лица как агрессивные и были более склонны к агрессивным мыслям (Wilkowski et al., 2009). Повышение температуры влечет за собой рост смертности среди мужчин, связанной с транспортными происшествиями, убийствами, гибелью в воде, а также самоубийствами (Parks et al., 2020). Ретроспективный

анализ данных за 50 лет, основанный на статистике ФБР в США, дает основания для предположения, что повышение среднегодовой температуры на 1 °C ведет к росту числа убийств на 6% (Anderson, DeLisi, 2011). Данные, собранные по 60 странам, показывают, что изменение климата приводит к росту насилия, особенно в бедных государствах с политической нестабильностью (Mares, Moffett, 2016). Метаанализ 60 эмпирических исследований подтверждает, что влияние климата на частоту конфликтов имеет высокую статистическую значимость ($p<0,0001$), причем каждое увеличение температуры на одну сигму, то есть на одно стандартное отклонение от нормы, соответствует увеличению на 4% медианной частоты межличностных конфликтов и на 14% – частоты межгрупповых конфликтов (Hsiang et al., 2013). Сценарный анализ, проведенный с привлечением экспертов в области наук о земле, политологии и экономики, позволяет ожидать, что при глобальном потеплении на 2 °C вероятность вооруженных конфликтов внутри страны (в том числе гражданских войн) вырастет на 13%, а при потеплении до 4 °C – на 26% (Mach et al., 2019).

В долгосрочной перспективе можно ожидать и других негативных психологических эффектов, вызванных изменением геофизических условий жизнедеятельности. Исследования указывают на то, что дети особенно склонны к переживанию тревоги в связи с изменением климата, подвержены развитию тревожных расстройств, посттравматического синдрома, расстройства сна, фобий и депрессии после природных бедствий, что может сказываться на их эмоциональной саморегуляции, когнитивных способностях и академической успеваемости (Burke et al., 2018). Сокращение продолжительности и обеднение содержания рекреационной активности под открытым небом может привести к замедлению когнитивного и социоэмоционального развития детей (Evans, 2019). Исторические примеры XX в. показывают, что дети матерей, переживших голод, на 250% более склонны к антисоциальному поведению (Miles-Novelo, Craig, 2019).

Наконец, повышение концентрации углекислого газа в атмосфере ведет к ухудшению когнитивных функций человека, снижает способность к концентрации и принятию стратегических решений (Van Susteren, 2018). Кроме того, высокие температуры и ухудшение состояния воздуха могут привести к росту числа неврологических заболеваний (Ruszkiewicz et al., 2019). Например, исследования указывают на то, что рост концентрации в воздухе частиц пыли диаметром менее 2,5 μm (микрон) ведет к повышению риска заболеваний

болезнью Альцгеймера (Jung et al., 2015). Загрязнение воздуха приводит к росту числа заболеваний аутистического спектра на 12–15% (Becerra et al., 2013). Сравнение различных регионов в США и Дании показывает, что высокий уровень загрязнения воздуха озоном и пылью объясняет рост на 31,4% числа биполярных психических расстройств, на 104,3% – шизофрении, на 68,3% – депрессий, на 209,6% – личностных расстройств (Khan et al., 2019). Оказалось, что перепады температур приводят к росту числа госпитализаций с диагнозом деменции, а увеличение средней температуры летом на 1,5 °C связано с ростом числа таких диагнозов на 12% (Wei et al., 2019).

Социально-психологические последствия изменения климата

Еще более существенное влияние на общество будут иметь социально-психологические последствия изменения климата. Основанием таких изменений в социально-психологических установках и представлениях является *недостаточная эффективность социальных институтов, призванных защитить людей от нежелательных последствий изменения климата, сопряженная со снижением уровня доходов населения, а также с ростом воспринимаемого уровня климатической иммиграции*. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 30% опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО. Согласно результатам опроса по репрезентативной общероссийской выборке, проведенного нами в сентябре 2019 г. совместно с ИГ «Циркон» (N=1600), только 26,2% респондентов считают, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся. Наше исследование показало, что глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования коллективных страхов в избирательных

компаниях и общественно-политических движениях. Поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы, тем выше, чем меньше респонденты опасаются риска диктатуры, чем больше их беспокоят глобальные риски и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе (Нестик, Задорин, 2020). В условиях коллапса институционального доверия и роста социального неравенства нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков может приводить к росту макиавеллизма, убеждения в том, что ради спасения все средства хороши.

Выявленная нами связь тревоги по поводу глобальных рисков с поддержкой авторитарных руководителей и сдвигом к традиционным ценностям хорошо согласуется с теорией «управления ужасом конечности существования» (Solomon et al., 1991): напоминание об экзистенциальных угрозах для человечества провоцирует рост приверженности личности нормам и ценностям своей группы, делает людей более склонными к противопоставлению Мы и Они. С этой точки зрения нагнетание в СМИ тревоги по поводу глобальных экзистенциальных рисков можно рассматривать как одну из предпосылок «консервативной революции» в развитых странах.

Полученные в наших исследованиях данные указывают на то, что напоминание о смерти в новостях по поводу глобальных рисков может сдвигать общественное мнение в сторону консервативных установок, а также способствует развитию деструктивных для жизнеспособности личности фаталистических убеждений (Нестик, Журавлев, 2018). Консервативные установки, с одной стороны, способствуют управляемости и мобилизации общества перед лицом приближающейся угрозы, с другой – сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию, провоцируя рестриктивные стратегии ответа на угрозы, различного рода ограничения и запреты. Повышение управляемости и солидаризация при этом носят временный характер, так как возвращение к традиционным природоохранным практикам в эпоху антропоцена более невозможно.

Воспринимаемое неравенство снижает готовность людей к совместным действиям для преодоления негативных последствий изменения климата. Например, в экспериментах с решением дилемм по поводу ресурсов готовность испытуемых к кооперации снижалась, если условия взаимодействия казались им неравными (Aquino et al., 1992). Способность локальных сообществ восстанавливаться после

ураганов и наводнений зависит от воспринимаемого уровня социальной поддержки и воспринимаемого уровня неравенства (Kaniasty, Norris, 2009; Lowe et al., 2018). Низкий уровень социального доверия будет затруднять информирование граждан об угрозах, а также снижать общественную поддержку мер, принимаемых государством для адаптации к климатическим изменениям.

Важно принимать во внимание тот факт, что уровень социального доверия и вера в социальную справедливость оказывают влияние на так называемые дескриптивные нормы – представления о том, что будут делать другие люди в условиях изменения климата. Метаанализ, проведенный на основе 106 эмпирических исследований, показывает, что именно такие дескриптивные нормы сильнее всего влияют на готовность личности к изменению своего поведения для адаптации к климатическим изменениям (van Valkengoed, Steg, 2019). Иными словами, вера в то, что большинство окружающих не станут ничего менять в своем образе жизни, пока не станет слишком поздно, а власти не придут на помощь в трудную минуту, является мощным социально-психологическим фактором, снижающим способность страны или региона адаптироваться к изменениям климата.

Снижение доверия к социальным институтам под влиянием климатических изменений будет усугубляться ростом вынужденной миграции. По различным прогнозам, число климатических мигрантов составит от 25 миллионов до 1 миллиарда к 2050 г. (IOM outlook on migration, 2014). Можно ожидать усиления миграционных потоков в Россию из менее благополучных регионов, где доступ к питьевой воде сократится: Центральной Азии, Кавказа, Монголии, Северного Китая (Russia..., 2009). Вероятно обострение межэтнической напряженности в малых городах и сельских населенных пунктах, прежде всего в Сибирском, Дальневосточном и Южном федеральных округах. Миграционный фактор, сопряженный с экономической нестабильностью и ростом чувства социальной несправедливости среди россиян, может вызвать рост экстремистских установок в молодежной среде.

Наши исследования показывают, что представители поколения Z, родившиеся после 2000 г., по сравнению с поколением Y, более озабочены экологическими рисками (Емельянова и др., 2019). Между тем ослабление экологических общественных организаций в России и преследования экоактивистов (Цепилова, 2019) сокращают возможности для конструктивного стратегического диалога и поиска сложных решений с учетом всех заинтересованных сторон.

Следует учитывать также возможное расширение социальной базы для террористических организаций. С одной стороны, в последние годы активность экотеррористов снизилась, а природные бедствия создают для террористических организаций логистические проблемы и затрудняют рекрутирование новых членов (Telford, 2020). С другой стороны, изменение климата обостряет социально-экономические проблемы, способствует росту численности безработной молодежи, оторванной от семьи, а также нередко служит оправданием для применения государством насилия в отношении иммигрантов и собственных граждан. Все это дает основания для прогнозирования роста числа террористических организаций, использующих «климатическую повестку» для оправдания несимметричного ответа на действия региональных и федеральных властей.

Тем не менее изменения климата могут иметь и ряд положительных социально-психологических последствий: некоторые исследователи прогнозируют усиление процессов солидаризации в атомизированном обществе, рост значимости различных общественных движений, профессиональных ассоциаций, корпоративных и глобальных сетевых сообществ, участие в которых поможет личности почувствовать возможность влияния на происходящее (Reese, Menzel, 2020).

Возможные количественные индикаторы для оценки психологических последствий изменения климата

Проведенный нами анализ позволяет выделить количественные индикаторы, которые можно использовать при моделировании социально-психологических последствий изменения климата. При выделении таких показателей необходимо учитывать, с одной стороны, объективные трудности выявления невротических расстройств и неврологических заболеваний из-за нежелания людей обращаться за психологической помощью, а с другой стороны – большой разброс в количественных оценках зависимости психологических изменений от роста температуры или уровня загрязнения окружающей среды. Формирование системы таких индикаторов может опираться на уже разработанные ранее в Институте психологии РАН подходы к оценке макропсихологического состояния российского общества (Журавлев, Юревич, 2009; Лебедев, 2018; Юревич, 2014; Юревич и др., 2007; Юревич, Юревич, 2018).

На наш взгляд, могут быть выделены три группы показателей в соответствии с определенными нами ранее категориями психологических последствий изменения климата. К первой группе показателей можно отнести заболеваемость психическими расстройствами и зависимостями, смертность от самоубийств, уровень депрессии среди интернет-пользователей, выявляемый на основании автоматизированного анализа их текстов, а также индекс социального оптимизма по данным репрезентативных социологических опросов (например, доля респондентов, верящих в то, что их дети будут жить лучше, чем они сами; соотношение долей респондентов, считающих, что худшее уже позади или еще впереди, и т. п.). Косвенными индикаторами этой группы показателей являются уровень спроса на антидепрессанты и успокоительные средства, а также зарегистрированное потребление алкоголя на одного жителя старше 15 лет.

Ко второй группе показателей, отражающих социально-психологические характеристики общества, можно отнести индекс устойчивости института семьи (соотношение браков и разводов), индекс социального сиротства, а также показатели, рассчитываемые на основании социологических опросов: индекс межэтнической напряженности, уровень доверия к социальным институтам, уровень удовлетворенности своей жизнью. При этом измерение макропсихологического состояния общества по данным опросов должна опираться не только на оценку респондентами текущего положения, но и их оценку будущего (Лебедев, 2018; Нестик, 2014; Юревич, 2014; Ushakov, Grigoriev, 2016).

К третьей группе, связанной с непосредственным влиянием геофизических факторов на нервную систему, можно отнести заболеваемость болезнями нервной системы, уровень общего интеллекта интернет-пользователей, выявляемый на основании автоматизированного анализа их текстов, смертность от убийств, смертность от транспортных несчастных случаев.

***

Намечая перспективы исследований, необходимых для долгосрочного прогнозирования социально-психологических последствий изменения климата, можно выделить несколько направлений.

На протяжении длительного времени в центре внимания исследователей находились психологические факторы, определяющие готовность личности к участию в предотвращении изменения климата.

Однако осознание того, что рубеж в 2 °С, зафиксированный в Парижских соглашениях 12 декабря 2015 г., скорее всего, будет перейден, все более актуальным становится исследование социально-психологических предпосылок адаптации к изменению климата. В этой связи чрезвычайно важной оказывается разработка социальной психологии устойчивого развития, а также жизнеспособности крупных социальных групп.

Ранее проведенный нами анализ позволяет выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций (Нестик, 2016). Необходимы комплексные исследования того, как эти и другие социально-психологические характеристики меняются в российских регионах, подвергшихся наиболее сильному воздействию природных бедствий и экстремальных погодных явлений. Особого внимания в этой связи заслуживают групповые формы совладания, в том числе коллективный проактивный копинг.

Исследования в области психологии глобальных рисков пока еще крайне разрозненны: мы до сих пор не знаем, как именно подверженность одним рискам, например, глобальным эпидемиям, влияет на отношение личности к другим, таким как изменение климата, экономические кризисы или непредвиденные последствия развития новых технологий. Необходимы дополнительные исследования, которые позволили бы пролить свет на то, каково влияние подверженности различным социально-политическим, техногенным, эпидемическим и экологическим рискам на восприятие тех или иных последствий изменения климата разными социальными группами.

Необходимо уточнить, какую роль в восприятии личностью последствий изменения климата будет играть социальное сравнение своей группы с другими, в том числе теми, которые проживают в других регионах России. Климатические изменения будут по-разному

проявляться в географически близких регионах, различающихся гидрогеологическими условиями, рельефом, плотностью населения, характером застройки и другими характеристиками. Сформированные СМИ генерализованные представления о климатической катастрофе будут меняться с учетом сравнения людьми своих условий жизнедеятельности с условиями, в которых живут их родственники, друзья, знакомые, а также другие пользователи социальных сетей.

Нуждаются в уточнении механизмы, связывающие отношение личности к изменению климата и другие социально-психологические и экономико-психологические феномены: доверие к социальным институтам внутри страны и международным организациям, коллективный образ будущего и горизонт планирования при принятии экономических решений, инвестиционное поведение, отношение к страхованию и кредитам. Крайне недостаточно изучено влияние изменения климата на характеристики этнической, гражданской и глобальной идентичности, а также психологические предпосылки чувства ответственности перед представителями других поколений. Разработка данных направлений невозможна без комплексных междисциплинарных исследований, объединяющих психологов, специалистов в области экономических наук, международных отношений и политологии.

Наконец, все более очевидна необходимость разработки системных и мультиагентных моделей, а также «цифровых двойников» сложных социальных систем, позволяющих прогнозировать не только экономические, но и более широкий спектр социальных, демографических и психологических последствий различных сценариев изменения климата. Важную роль при этом могут играть исследования динамики макропсихологических характеристик россиян на основе больших данных – цифровых следов интернет-пользователей, в том числе использование автоматизированного анализа естественного языка. Решение этой задачи требует объединения усилий специалистов в области наук о земле, математиков, экономистов, психологов, лингвистов и представителей других естественно-научных и гуманитарных отраслей знания.

ГЛАВА 21

ОТНОШЕНИЕ К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ РИСКАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z

«Антропоцентрическое» экологическое сознание как характеристика поколения

Глобальные экологические изменения и их рефлексия обществом все чаще привлекают внимание не только экономистов, политологов, экологов, но и психологов (Емельянова, 2016; Кряж, 2013а, б; Нестик, Журавлев, 2018а, б). Понятие экологического сознания, которое трактуется с различных сторон: с позиции построения образа будущего, с точки зрения экономики, со стороны этических оценок (Лапчинская, 2001; Медведев, Алдашева, 2001; Dunlap, 2000). В последние десятилетия «антропоцентрическое» экологическое сознание начинает постепенно уступать место «экоцентрическому» экологическому сознанию. Взамен восприятию человека как высшей ценности природы, на смену чисто прагматическому характеру его взаимодействия с природой и отношению к природе как к объекту воздействия человека формируется взгляд, согласно которому человек не противопоставляется природе, природа и природные объекты оцениваются как субъекты взаимодействия с человеком. «Антропоцентрическое» экологическое сознание в последние десятилетия оценивается специалистами как несущее угрозы и риски будущему человечества. В настоящее время экологические ценности становятся трендом, появляются экологические продукты, натуральная косметика, одежда и сумки из переработанных материалов. Мы предположили, что современный «экоцентрический» тип экологического сознания в значительной мере присущ молодым поколениям российского общества (Y и Z), и именно на представителях этих

Емельянова Т. П., Нестик Т. А., Белых Т. В. Отношение к экологическим рискам среди представителей поколений Y и Z // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 62–82.

поколений правомерно изучать социально-психологические закономерности и историческую динамику экологической позиции людей.

Поколения Y и Z были выделены в рамках теории поколений, разработанной американскими учеными – драматургом и историком У. Штраусом и экономистом и демографом Н. Хоувом и адаптированной в России (Шамис, Антипов, 2007). Согласно теории поколений, существуют поколения людей, выросших в разные исторические периоды и имеющих различные системы ценностей, при этом люди, выросшие в одну эпоху, обладают схожими поведенческими характеристиками в социокультурной среде.

Представители поколения Y выросли уверенными в собственной ценности. В связи с тем, что внешняя среда вокруг них менялась очень быстро в период их взросления, им стали присущи такие черты, как желание получать немедленное вознаграждение за проделанную работу и практически абсолютное неверие в отдаленную перспективу. Важной особенностью представителей Z является то, что данное поколения – цифровое. Первое поколение, родившееся во времена глобализации и постмодернизма, а также в период, когда вопросам безопасности уделяется большое внимание. Они более самостоятельны, серьезнее нацелены на получение хорошего образования и на успешную карьеру, более ответственны в отношении финансов, здоровья и соблюдения моральных норм, а также крайне внимательно относятся к вопросам охраны окружающей среды.

Эмпирическое исследование оценки экологических угроз и социально-психологических характеристик молодых поколений россиян

Целью исследования явилось изучение связи между следованием новой экологической парадигме, оценкой экологических угроз и социально-психологическими характеристиками представителей поколений Y и Z.

Предметом исследования стала экологическая позиция представителей поколений Y и Z.

Нами была выдвинута *гипотеза* о том, что проэкологические убеждения более выражены у поколения Z, чем у поколения Y, и связаны с низким социальным доверием и тревогой по поводу будущего.

Задачи исследования: 1) сравнить выраженность проэкологических убеждений у представителей поколений Y и Z; 2) выявить социально-психологические основания озабоченности поколения Z

экологическими рисками; 3) раскрыть связи между проэкологическими убеждениями и отношением к глобальным рискам у представителей двух поколений.

Исследование было проведено среди студентов гуманитарных факультетов вузов Курска, Челябинска и Арзамаса (N=463; 36,3% – мужчины; 63,7% – женщины; в возрасте от 15 до 35 лет). В выборке были выделены две подгруппы: поколение Z (1999–2004 г. р.: 15–20 лет; N=292) и поколение Y (1984–1998 г. р.: 21–35 лет; N=169).

В исследовании применялся метод опроса, который проводился посредством заполнения печатных бланков анкет. Для оценки проэкологических убеждений использовались шкалы «Новая экологическая парадигма» Р. Данлапа в русскоязычной адаптации И. В. Кряж (Кряж, 2013б; Dunlap et al., 2000). Данная методика позволяет измерить по 5-балльной шкале ориентацию личности на экологические убеждения: веру в ограниченность ресурсов, признание экологических прав других биологических видов, представления о хрупкости/уязвимости природного баланса и т. п. Для оценки отношения личности к глобальным рискам использовался 47-пунктная методика Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (Нестик, Журавлев, 2018б), 5-балльные субшкалы которой измеряют аффективный, когнитивный и поведенческий аспекты отношения к природным и антропогенным глобальным угрозам. Для оценки тревоги по поводу будущего использовалась 7-балльная шкала «Темное будущее» З. Залесского в адаптации Т. А. Нестика (там же). Для оценки уровня ответственности перед будущими поколениями использовалась 7-балльная шкала «Социальная генеративность» в адаптации Т. А. Нестика (Нестик и др., 2019; Morselli, Passini, 2015), а также «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта и соавторов в адаптации О. А. Сычева (Сычев и др., 2014; Graham, Haidt, Nosek, 2009), разработанный для выявления критериев оценки этически спорных социальных явлений. Для изучения характеристик образа мира мы использовали опросник «Социальные аксиомы» (the Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой (Татарко, Лебедева, 2008; Leung, Bond, 2004), разработанный для изучения представлений личности о причинно-следственных связях между социальными явлениями и процессами, а также 6-балльную шкалу «Общая вера в справедливость мира» К. Далберт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер и др., 2013; Dalbert, 1999).

При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS v. 20.0.

В таблицах 21.1–21.2 представлены результаты изучения «проэкологических убеждений» (термин Р. Данлапа – Dunlap et al., 2000, p. 434) представителей поколений Y и Z с помощью шкалы «Новая экологическая парадигма» Данлапа (в адаптации И. В. Кряж).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в мировоззренческих проэкологических убеждениях как у представителей поколения Y, так и у представителей поколения Z центральное место занимают антиантропоцентризм, биоцентризм, признание экологических прав других биологических видов: средние значения по ним выше, чем по другим субшкалам. При этом уверенность в существовании реальной угрозы экологического кризиса выше у представителей

Таблица 21.1

Выраженность ориентации на проэкологическое мировоззрение у представителей поколений Y и Z (N=463; 5-балльная шкала)

Проэкологические убеждения	**Поколение Z (N=292)**		**Поколение Y (N=169)**		**Значимость различий**	
	M	SE	M	SE	U	P
Интегральный показатель мировоззренческих проэкологических убеждений	3,55	0,03	3,48	0,04	22810	0,176
Убеждение в существовании экологических пределов роста	3,19	0,04	3,04	0,06	22226	0,073
Антиантропоцентризм, биоцентризм, признание экологических прав других биологических видов	3,80	0,04	3,78	0,06	24328,5	0,800
Представления о хрупкости/уязвимости природного баланса	3,66	0,04	3,56	0,07	24022,5	0,634
Убеждение в том, что человеческий вид зависит от экологических систем и не может быть выведен из-под действия природных ограничений	3,35	0,04	3,46	0,05	22575	0,123
Представления о том, что существует реальная угроза экологического кризиса	3,75	0,05	3,58	0,07	22344,5	0,089

Примечание: M – среднее значение; SE – стандартная ошибка среднего; U – значение U-критерия Манна–Уитни; p – уровень значимости различий.

Таблица 21.2

Результаты оценки проэкологических убеждений у представителей поколений Y и Z (N=463; 5-балльная шкала)

Проэкологические убеждения	Поколение Z (N=292)		Поколение Y (N=169)		Значимость различий	
	M	SE	M	SE	U	p
Убеждение о существовании экологических пределов роста						
Предельное количество людей на Земле	3,25	0,07	2,82	0,010	20456	0,002
Предельное количество природных ресурсов	3,28	0,07	2,95	0,11	21957	0,048
Ограниченность пространства и ресурсов	3,60	0,07	3,24	0,11	21017,5	0,007
Антиантропоцентризм, биоцентризм, признание экологических прав других биологических видов						
Право людей изменять природную среду ради удовлетворения потребностей	2,50	0,07	2,67	0,10	22229,5	0,077
Право на существование животных и растений	4,16	0,07	4,04	0,11	23925,5	0,678
Право людей управлять остальной природой	2,28	0,06	2,01	0,09	21275	0,011
Представления о хрупкости/уязвимости природного баланса						
Негативные последствия воздействия людей на природу	3,68	0,07	3,56	0,11	23792,5	0,678
Устойчивость природного равновесия перед воздействием современных промышленных стран	2,49	0,07	2,29	0,09	22157,5	0,076
Хрупкость способности природы к самовосстановлению	3,77	0,07	3,40	0,11	21314	0,014

Продолжение таблицы 21.2

Проэкологические убеждения	Поколение Z (N=292)		Поколение Y (N=169)		Значимость различий	
	M	SE	M	SE	U	p
Убеждение в том, что человеческий вид зависит от экологических систем и не может быть выведен из-под действия природных ограничений						
Уверенность в том, что человеческая изобретательность не позволит сделать землю непригодной для жизни	2,95	0,07	2,71	0,10	22369	0,083
Подчиненность людей законам природы	3,78	0,07	3,66	0,10	23723,5	0,550
Уверенность в том, что люди достаточно узнают о законах природы, чтобы управлять ею	2,77	0,07	2,56	0,10	22780	0,157
Убеждения о том, что существует реальная угроза экологического кризиса						
Люди сильно злоупотребляют возможностью использовать окружающую среду	3,85	0,07	3,58	0,11	22636	0,122
Уверенность в преувеличении экологического кризиса, угрожающего человечеству	2,49	0,07	2,31	0,09	22854	0,170
Неизбежность масштабной экологической катастрофы	3,89	0,07	3,48	0,11	20476,5	0,002

Примечание: M – среднее значение; SE – стандартная ошибка среднего; U – значение U-критерия Манна–Уитни; p – уровень значимости различий.

поколения Z (на уровне тенденции p=0,089). Также представители поколения Z в большей степени убеждены в существовании экологических пределов роста, чем представители поколения Y (на уровне тенденции p=0,073).

Согласно представленным данным, убежденность в ограниченности пространства, предельном количестве людей на Земле (на уровне значимости p<0,010), а также в предельном количестве природных ресурсов (на уровне значимости p<0,050) значимо выше у представителей поколения Z, чем у представителей поколения Y.

Представители поколения Z реже отмечают право изменять природную среду ради удовлетворения потребностей, чем представители поколения Y (на уровне тенденций p=0,077), при этом они чаще подчеркивают право людей управлять природой, чем представители поколения Y (на уровне значимости p<0,050).

Представители поколения Z чаще выражают уверенность в хрупкости способности природы к самовосстановлению, чем представители поколения Y (на уровне значимости p<0,050). При этом представители поколения Z чаще выражают уверенность в устойчивости природного равновесия перед воздействием современных промышленных стран, чем поколение Y (на уровне тенденций p=0,076). Представители поколения Z в большей степени уверены в том, что человеческая изобретательность не позволит сделать землю непригодной для жизни, чем представители поколения Y (на уровне тенденций p=0,083). Уверенность в неизбежности масштабной экологической катастрофы при отсутствии изменений в деятельности людей также в значительно большей степени свойственна представителям поколения Z, чем представителям поколения Y (на уровне значимости p<0,010).

Одна из задач исследования состояла в том, чтобы прояснить социально-психологические основания озабоченности поколения Z экологическими рисками, так ярко проявившейся в движении, возглавляемом шведской активисткой Гретой Тунберг. Мы предположили, что ключевыми причинами являются низкое социальное доверие и тревога по поводу собственного будущего. Множественный линейный регрессионный анализ методом обратных шагов подтвердил нашу гипотезу ($R=0,486$; $R^2=0,236$; $F=17,477$; $p<0,001$).

Предикторами общей ориентации личности на новую экологическую парадигму (таблица 21.3) оказались тревога по поводу будущего ($\beta=0,152$), социальный цинизм, то есть убеждение в несправед-

Таблица 21.3

Социально-психологические предикторы общей ориентации личности на новую экологическую парадигму (N=463)

Социально-психологические предикторы	B	**S. E.**	β	**t**	**P**
Аутгрупповое доверие (WVS)	–0,053	0,027	–0,088	–1,989	0,047
Социальный цинизм (SAS)	0,087	0,028	0,152	3,111	0,002
Зависимость от судьбы (SAS)	–0,092	0,027	–0,166	–3,419	0,001
Шкала заботы (MFQ)	0,017	0,007	0,141	2,43	0,015
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	–0,03	0,007	–0,235	–4,455	***
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,031	0,007	0,262	4,334	***
Шкала социальной генеративности	0,045	0,019	0,111	2,42	0,016
Темное будущее (шкала З. Залесского)	0,055	0,018	0,152	3,129	0,002

Примечание: B – коэффициент регрессии; β – стандартизированный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка среднего; p – статистическая значимость; *** – p<0,001.

ливости общества (β=0,152), низкое аутгрупповое доверие (β=–0,088), низкая ориентация на уважение к авторитетам как моральному основанию (β=–0,235) и низкая выраженность веры в зависимость от судьбы (β=–0,166). Среди других выявленных нами предпосылок озабоченности экологическими рисками оказались ориентация на моральные основания заботы (β=0,141) и чистоты-святости (β=0,262), а также социальная генеративность, то есть ориентация на заботу о будущих поколениях (β=0,111).

Для обнаружения факторов проявления позитивных экологических убеждений был проведен корреляционный анализ данных по шкале «Новая экологическая парадигма» («НЭП») и методик, раскрывающих такие социально-психологические особенности двух поколений, как отношение к глобальным рискам, социальная генеративность, выбор социальных аксиом и моральных оснований.

По результатам корреляционного анализа (таблица 21.4) выделены следующие значимые корреляции между данными по шкалам методик «Новая экологическая парадигма» («НЭП») и «Отношение к глобальным рискам»: положительные связи между интегральным показателем мировоззренческих проэкологических убеждений и шкалами, отражающими тревогу по поводу глобальных рисков, не-

Таблица 21.4

Корреляционные связи интегрального показателя выраженности проэкологических установок по шкале «НЭП» с отношением к глобальным рискам, с социальными аксиомами и моральными основаниями личности (N=463)

Социально-психологические характеристики	r_s	p
Тревога по поводу глобальных рисков	0,318	0,001***
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	0,167	0,001***
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	–0,144	0,002**
Радикальные решения	–0,250	0,001***
Оптимизм в отношении глобального будущего	–0,175	0,001***
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	0,175	0,001***
Социальный цинизм (SAS)	0,205	0,001***
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,172	0,001***
Ориентация на гармонию между людьми (SAS)	0,139	0,003**
Социальная сложность (SAS)	0,347	0,001***
Шкала заботы (MFQ)	0,273	0,001***
Шкала справедливости (MFQ)	0,323	0,001***
Шкала лояльности (MFQ)	0,092	0,048*
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,295	0,001***
Прогрессивизм (MFQ)	0,278	0,001

Примечание: r_s – значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена; p – уровень значимости корреляций; * – $p<0,050$; ** – $p<0,010$; *** – $p<0,001$.

обходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения, фаталистическое игнорирование, радикальные решения, оптимизм в отношении глобального будущего, готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков. Выявлены положительные связи между интегральным показателем мировоззренческой экологической установки и шкалами «Социальных аксиом», отражающими социальный цинизм, веру в вознаграждение усилий, ориентацию на гармонию между людьми, социальную сложность. Обнаружены положительные связи между интегральным показателем мировоззренческой экологической установки и такими шкалами методики

«Моральные основания», как ориентация на заботу о людях, справедливость, лояльность к групповым нормам, чистота и святость.

Сравнительный анализ данных выраженности позитивных экологических убеждений показывает, что у представителей обоих поколений центральное место в структуре экологического сознания занимают антиантропоцентризм, биоцентризм, признание экологических прав других биологических видов. При этом убежденность в существовании реальной угрозы экологического кризиса значимо выше у представителей поколения Z. Кроме того, у них значимо более выражена и убежденность в ограниченности пространства, в предельном количестве людей на Земле и предельном количестве природных ресурсов. Они значимо чаще выражают уверенность в недостаточной способности природы к самовосстановлению, в конечном счете, в неизбежности масштабной экологической катастрофы при отсутствии изменений в деятельности людей. Представители поколения Z, таким образом, выражают крайнюю озабоченность экологией, для них прогрессивная экологическая позиция – фактор выживания. Они не просто посвящены в существующие экологические проблемы, но активно участвуют в их обсуждении и в волонтерской деятельности в области экологии.

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследований, свидетельствующих о том, что значимость экологических ценностей и заботы о будущих поколениях наиболее высока среди представителей поколения Z, родившихся после 2000 г. (Masdar Gen Z Global Sustainability Survey, 2016). Исследование Pew Research, проведенное в США в 2018 г., показало, что 81% подростков верят в глобальное потепление, а 65% считают человеческую деятельность его основной причиной, что на 10% больше, чем в среднем по общей выборке (Pew, 2018).

Анализ предикторов общей ориентации личности на новую экологическую парадигму, то есть проэкологические убеждения, показал, что это тревога по поводу будущего, социальный цинизм, то есть убеждение в несправедливости общества, низкое аутгрупповое доверие, слабая ориентация на уважение авторитетов как морального основания.

Анализ таких факторов наличия позитивных экологических убеждений, как отношение к глобальным рискам, социальная генеративность, выбор социальных аксиом и моральных оснований позволил обнаружить, что интегральный показатель мировоззрен-

ческих проэкологических убеждений положительно связан с ориентацией на гармонию между людьми, с социальной сложностью (то есть убежденностью в существовании разных способов решения проблемы), с тревогой по поводу глобальных рисков, с необходимостью сотрудничества для их прогнозирования и снижения, с оптимизмом в отношении глобального будущего и готовностью участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также с проявлениями заботы, справедливости и лояльности. Таким образом, наши респонденты, учитывая экологические риски, все же настроены оптимистично и готовы к активному сотрудничеству во имя их предотвращения, верят в действенность моральных норм по отношению к природе. Социальное доверие также должно, по их убеждению, способствовать снижению экологических угроз.

Резко критическое отношение к антропоцентризму в отношении к природе и осознание угрозы экологического кризиса связываются в сознании респондентов с убеждением в том, что существует множество путей решать возникшие проблемы, то есть с неоднозначностью ситуации («Социальная сложность»), с верой в продуктивность предпринимаемых усилий, а также с ориентацией на гармонию между людьми.

Согласно результатам нашего исследования, можно думать, что экологическое сознание в среде молодежи обнаруживает определенную динамику от более старшего поколения к младшему. Представители поколения Z больше озабочены экологическими угрозами, они убеждены в ограниченности природных ресурсов и возможностях природы для самовосстановления. При этом оптимизм представителей обоих поколений и вера в действенность моральных норм, сотрудничества и позитивных отношений между людьми дают основания для надежды на их жизнеспособность в преодолении вызовов времени. Нашими респондентами были студенты университетов, то есть наиболее просвещенная часть молодежи. В качестве перспективы исследований в этом направлении важно изучить структуру и факторы экологического сознания разных социальных групп молодежи, а также представителей других поколений. Необходимо также продолжить исследование социально-психологических факторов, определяющих те или иные особенности экологического сознания и оценки экологических угроз.

ГЛАВА 22

ОТНОШЕНИЕ К АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «TWITTER»

Особенности развития атомной отрасли в условиях глобальных энергетических вызовов

Развитие глобальных процессов сопровождается рядом технологических вызовов стратегического характера, важнейшим из которых выступает энергетический. Так, С. В. Селютин отмечает, что непрерывный рост мировой экономики актуализирует проблему *перспективного* обеспечения мирового хозяйства энергоресурсами. Возрастающие энергетические потребности различных государств усиливают экономическую конкуренцию на международной арене, нагнетают политическую напряженность, в частности, уже спровоцировали «арабскую весну» и «сланцевую революцию», вызвали усиление «фронта» энергетического противостояния в Арктике, обострили конкуренцию в сфере разработок альтернативных источников энергии (Селютин, 2014).

Среди ведущих мировых источников энергии особое место принадлежит атомной энергетике, удельный вес атомной отрасли (АО) в мировом энергетическом секторе достигает 15% и продолжает увеличиваться. По данным всемирной ядерной ассоциации (World Nuclear Association), в 2019 г. в различных странах мира эксплуатировались 456 атомных реакторов и еще 72 энергоблока находились в стадии строительства.

Тем не менее развитие атомной промышленности связано с целым рядом *глобальных вызовов*, среди которых такие, как доступ к атомной энергии политически нестабильных режимов, высокие фиксированные затраты, необходимые для поддержания и развития индустрии, истощение углеводородных источников, неустойчивая конъюнктура мировых рынков, негативное воздействие энергети-

ческого сектора на окружающую среду. Кроме того, строительство новых АЭС вызывает протесты со стороны населения. Противоречивое отношение людей к развитию атомной энергетики переводит проблему в русло исследований социально-психологической науки.

После техногенных катастроф, случившихся на Чернобыльской атомной станции в СССР (1986) и на АЭС «Фукусима-1» в Японии (2011), во всем мире возросло настороженное отношение к выработке электричества с помощью атомных станций. Аналитик по энергетическому рынку крупнейшей международной финансовой корпорации «JP Morgan» К. Роджерс отмечает, что «хотя новые АЭС стали намного безопаснее, память о крупных ядерных авариях живет долго, что вполне обоснованно» (Oil boffins go nuclear..., 2007, p. 20). Наряду с представленными фактами важно отметить и то, что Россия занимает ведущие позиции в мире по производству ядерной энергии и вместе с США, Францией, Японией и Китаем входит в пятерку международных лидеров. Данная позиция актуализирует проблему изучения отношения к атому среди россиян – жителей страны, которая является крупным игроком на мировом энергетическом рынке и которая на собственном опыте знает о последствиях аварии на ядерном реакторе.

Теоретико-методологические аспекты изучения отношения населения к атомной отрасли

В рамках психологических концепций «отношение» принадлежит «к категории понятий высокого уровня обобщения» (Карпова и др., 2020, с. 7), которое теряет свою целостность и концептуальную значимость при дроблении на содержательные или структурные компоненты. Как следствие, конкретизация феномена отношения может быть осуществлена лишь условно, с целью, например, реализации практических возможностей для регулирующего воздействия на характер конкретных отношений человека, групп или общества к тем или иным социальным явлениям (идеологическим, экономическим, политическим и т. д.). Такая ситуация вызывает необходимость анализа «отношений» с выделением составляющих его элементов, что будет способствовать более полному пониманию природы конкретных социальных и психологических явлений, а также выявлению обуславливающих их факторов. Это первая теоретико-методологическая позиция исследования.

Вторая позиция соотносится с социальным контекстом использования понятия «отношение», который связан с исследовательским интересом к содержанию отношений, возникающих в процессе взаимодействия человека и общества (в еще более широком контексте – мира). С одной стороны, отношения формируются в условиях конкретной социальной среды и исторической эпохи, с другой, сущностные характеристики отношений человека определяются его субъективными (индивидуально-личностными) характеристиками – интересами, взглядами, мотивами, ожиданиями, намерениями и т. д. Как отмечал В. Н. Мясищев, «индивид представляет собой прежде всего сложную динамическую систему отношений, обусловленную всей историей общественного развития человека» (Мясищев, 1960, с. 168). Изучение характера таких взаимных обусловленностей позволит получить богатый психологический материал для понимания и оценки позиций/диспозиций, которые лежат в основе общественных умонастроений.

Третья авторская позиция связана с тем, что феномен отношений включает в себя все три основные сферы психологической конституции личности: эмоциональную, когнитивную и мотивационную (или поведенческую, в зависимости от того, проявилось ли отношение человека через некую социальную активность или нет, так как по различным причинам мотивационный потенциал личности может оставаться нереализованным, сохраняющимся на уровне установочных состояний). В контексте исследовательского анализа *когнитивный* компонент может быть изучен через *тестирование* знаний об объекте или путем оценки степени *осознания* субъектом особенностей объекта отношения – сущности, значения, потенциальных угроз, перспектив использования и т. д.; *эмоциональный* компонент может быть рассмотрен посредством оценки *степени выраженности* позитивных или негативных высказываний в речи/текстах, а также их нейтрального фона или амбивалентности. Определенные способы реагирования на сам объект отношения или информацию о нем могут стать основанием для *прогнозирования* мотивационно-поведенческих установок, поступков или действий человека (группы, общества). Для их выявления будет полезно обратиться к психологическим технологиям анализа эмоционального фона высказываний, что позволит оценить выраженность *намерений* (побудительных сил) субъекта, их интенсивность и направленность.

Такого рода высказывания о когнитивных, эмоциональных и мотивационных составляющих можно обнаружить и у основателя психологической концепции отношений В. Н. Мясищева, который писал об этом следующим образом:

– относительно *когнитивного* компонента: «Суждение и мысль личности, будучи включенными в систему отношений, оказываются действенным фактором. Перестройка их неизбежно влечет за собой перестройку всей системы отношений личности в целом» (Мясищев, 1960, с. 133–134);
– относительно *эмоционального* компонента: «Эмоция как целостная реакция личности выражает и формирует эмоциональное отношение...» (там же, с. 154);
– относительно *мотивационного* компонента: «Мотив как основание действия, решения или усилия является не чем иным, как выражением отношения к объекту действия, выступая субъективно как желание, стремление, потребность, сознание долга, необходимость и т. д.» (там же, с. 119).

Эти три компонента отношения представляют собой, с точки зрения В. Н. Мясищева, «процессуальное *триединство,* которое выражается потенциально в отношении к каждому объекту и проявляется в различных отношениях, в интересах, в той или иной эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке, в той или иной степени действенной активности – влечения, желания, стремления или потребности» (там же, с. 154). Таким образом, выделение когнитивных, эмоциональных и мотивационно-поведенческих компонентов психологического отношения субъектов к его объекту выступает одной из *важных задач* в изучении психологических составляющих социальных явлений.

Четвертая позиция анализа сопряжена с практической значимостью феномена отношений, который включает не только биологические и психологические компоненты, но и их проявления в поведении и деятельности человека (групп/общества). С психологической точки зрения здесь важно рассматривать (изучать и анализировать) эти проявления как результат «всего *прижизненного опыта,* активности человека» (Карпова и др., 2020, с. 9), как систему временных (динамических/изменчивых) связей человека со всей действительностью в целом или с ее отдельными сторонами.

Пятая теоретическая позиция исследования соотносится с анализом системных свойств феномена «отношения», в частности его *иерархичности.* Это связано с тем, что наиболее значимое отношение «в большей мере определяет психическую активность субъекта, выражающуюся в его поведении/деятельности» (Карпова и др., 2020, с. 12). В связи с данным положением возникает необходимость выявления психологических позиций респондентов, которые являются *доминирующими* в характере их отношений к различным социальным сторонам жизнедеятельности общества. Можно предположить, что наиболее значимые (доминирующие) компоненты отношений будут оказывать существенное влияние на формирование общественного мнения и социальные оценки основной совокупности россиян как в повседневной жизнедеятельности, так и при оценке конкретных социальных явлений, в частности от состояния и деятельности атомной промышленности.

Все описанные выше теоретико-методологические позиции позволяют отрефлексировать те смыслы, которыми наделяется феномен «отношение» в рамках представленного исследования, а также показать значимость психологической концепции отношения как в контексте теоретических исследований, так и в рамках прикладных, ориентированных на использование возможностей этого феномена в социальной практике. Представленный подход позволяет сформулировать *цель исследования*, которая состоит в выявлении психологических особенностей отношения населения к *атомной энергетике.*

Использование современных *цифровых технологий* позволяет изучать через интернет особенности протекания *массовых психологических* процессов социального развития общества (Субъект труда..., 2019; Психологические исследования..., 2018; Журавлев, Китова, 2020б). В современной научной литературе описаны многие представленные в работе *технологии* психологического анализа цифровой информации, среди которых наиболее распространенными являются анализ *запросов* пользователей поисковых систем, *автоматизированный анализ* текстовых сообщений в социальных сетях и (или) их *эмоционального фона,* а также *библиографический анализ* текстов большого объема, включая структурно-смысловое их содержание (Журавлев, Китова, 2020а, б).

Объектом исследования выступили пользователи социальной сети «Twitter» на всей территории России, *предметом* анализа стало

содержание запросов и сообщений (твитов), в тексте которых присутствует слово «атом». Сообщения извлекались из *открытых источников* в интернете, собрано и обработано 235 сообщений (твитов). *Автоматизированный анализ* сообщений предварялся сбором твитов на территории России (без разбиения информации по регионам), далее производилась очистка от повторяющихся твитов и сообщений, содержащих рекламную информацию, оставшиеся сообщения анализировались через разбиение текста на токены и был выполнен их морфологический анализ, на заключительном этапе проводилась оценка тональности текстов – *машинный анализ* (разработчик программных инструментов – М.А. Китов). Избранный подход связан с тем, что характер эмоциональных оценок достаточно ярко проявляется в коротких текстах, какими являются сообщения в Твиттере, что позволяет максимально точно (точность выше 98%) идентифицировать эмоциональный фон посредством использования *нейросетевых моделей* (подробнее см.: Журавлев, Китова, 2020а). Задача нейросетевой модели была направлена на выявление оценочных суждений и их отнесение к конкретным эмоциональным фонам – *позитивному, нейтральному* или *негативному.* Разделение сообщений по смысловым группам производилась посредством экспертного анализа с помощью ручной разметки (подробнее см.: Журавлев, Китова, 2020а). На завершающем этапе для анализа сообщений и обобщения результатов использовался контент-анализ (Подробнее о методе см.: Социальная психология ..., 2002, с. 43–47).

Анализ сообщений об атоме в социальной сети «Twitter»

Для анализа *когнитивного* компонента сообщений можно обратиться к списку наиболее популярных слов, которые встречались в твитах и были связаны со словом «атом». В таблице 22.1 приводится взвешенный список из 30 наиболее популярных слов (от высокочастотных к менее употребляемым).

Если обратиться к частоте использования слов, то очевидно, что первые три слова (мирный, мир, все) указывают на *глобальный характер* явления и необходимость использования атома (атомной энергии) исключительно в *мирных* целях. На этот же факт указывает отсутствие в списке наиболее употребляемых пользователями терминов со скрытыми или явными *милитаристскими* контекстами – угроза, уничтожение, истребление, вооружение, война, взрыв,

Таблица 22.1

Частота использования слов в сообщениях пользователей социальной сети «Twitter», содержащих высказывания об атоме

№ п/п	Список слов	Частота использования слов	№ п/п	Список слов	Частота использования слов
1	Мирный	159	2	Советский	40
3	Мир	111	4	Россия	40
5	Все	110	6	Технологии	39
7	Водород	89	8	Всех	39
9	Люди	81	10	Разных	38
11	Космос	77	12	Ядерное	37
13	Молекула	75	14	Вселенная	37
15	Каждый	71	16	Расщепление	36
17	Электрон	70	18	Цель	35
19	Атомная	65	20	Планета	31
21	Наука	56	22	Страна	20
23	Бензин	44	24	Союз	17
25	Другие	43	26	Времена	16
27	Всем	42	28	Эпоха	14
29	Связь	42	30	Ядерный	11

смерть, вражда, разруха, жертвы и т. д., что еще раз подтверждает мирную коннотацию слова «атом» в сознании пользователей социальной сети, которая находит свое выражение в первой тройке анализируемых слов.

Далее было произведено смысловое группирование перечисленных в таблице 22.1 слов (включая и первые три слова). Представленные ниже подгруппы слов организованы не только по *смысловым* категориям, но одновременно были выделены и их иерархические позиции, которые упорядочены в зависимости от их популярности – частоты употребления. В целом было выделено шесть таких подгрупп. Группирование слов производится вокруг одного из них, которое занимает ведущую позицию в частотном рейтинге.

1. Первая подгруппа объединяет живые проявления природы, для которых атомная энергия таит потенциальный источник

угрозы, причем даже самому факту их существования (включая человека). Вместе с тем атомная энергия создает большие *возможности* для повышения качества жизни людей. Эту категорию слов можно определить как общую ***полезность,*** которая составляет 26,8% и включает такие слова как *«все – люди – каждый – другие – всем – всех – разных»* (количество повторов – 424).

2. Вторая категория слов объединена под общим названием ***наука***. Она, как оказалось, ассоциируется у пользователей с продолжительным периодом времени для выработки и систематизации объективных знаний об атоме, достигая 20,6%. Категория образована суммированием частоты встречаемости таких слов, как *«водород – молекула – электрон – наука – расщепление»* (количество повторов – 326).
3. Третье место в высказываниях пользователей приходится на обсуждение ***технологий,*** связанных с комплексом инженерных и технологических разработок, позволяющих использовать научные знания об атоме для решения прикладных/повседневных и практических задач человечества. На такое содержание указывает следующий ряд используемых слов: *«космос – атомная* (*электростанция*) *– бензин – связь – технологии – ядерное* (*оружие*) *– ядерный* (*реактор*)», которые составляет 19,8% от общего количества употребленных в сообщениях слов (число повторов – 315);
4. ***Способы*** и ***цели*** использования атомной энергии лаконично находят свое воплощение в двух словах *«мирный» и «цель»,* что выступает ведущим психологическим фоном отношения к атому, который сосредоточен в первых трех словах с наибольшей частотой употребления (*мирный – мир – все*). Они в общей совокупности еще более усиливают отношение к характеру использования атомной энергии, который ассоциируется исключительно с решением мирных проблем человечества. Эти два ключевых слова («мирный» и «цель») по частоте своего употребления занимают 12,2% в твитах (количество повторов – 194).
5. На ***глобальный*** характер влияния атома и его возможность оказать воздействие на все мировое пространство указывает такая триада слов, как *«мир – планета – Вселенная»,* общая совокупность таких повторов составляет 11,3% (их абсолютное количество – 179).

6. Становление и развитие атомной отрасли пользователи довольно четко увязывают с национальными и культурными границами нашего ***государства***, *с* учетом произошедших в последние десятилетия исторических изменений, связанных со смещением географических границ нашей страны. Так, разговоры об атоме связаны с такими политическими субъектами, как *«Советский* (*союз*) – *Россия* – *Страна* (*наша*) – *Союз* (*Советский*)», что составляет 7,4% от общего количества анализируемых слов (число повторов – 117).
7. Освоение ядерной энергии также характеризуется пользователями как ***эпохальное явление***, которому исторически предшествовал *продолжительный* период научных поисков, а само явление определяется как *выдающееся* событие в истории развития человечества. Данный характер отношениям пользователей придают предложения с такими словами, как *«эпоха – время»,* что составляет 1,9% от общей совокупности (количество повторов – 30).

Далее был выполнен *экспертный анализ* содержания текстов сообщений (твитов) и их группирование по смысловым категориям. Предполагалось, что обращение лишь к частотному анализу слов для оценки смысловой направленности твитов может оказаться недостаточным для формулирования окончательных выводов. Примеры группирования сообщений в зависимости от их смысловой нагрузки представлены в таблице 22.2.

Как оказалось, пользователи осознают значимость развития атомной энергетики для международного *престижа* государства, для *развития* самой страны и ее регионов, «атом» вызывает воспоминания о достижениях в науке и технологических разработках в СССР, ими продумываются *перспективы* развития отрасли и *угрозы, признаётся* высокая ответственность работы с ядерными технологиями. Важно отметить, что опасения пользователей не ассоциируются с применением *ядерного оружия,* что, видимо, связано с тем, что общество осознало бессмысленность такого использования ядерной энергии. В частности, можно обратить внимание на твит, довольно точно характеризующий данную мысль: «В атомной войне победит только атом». Вместе с тем пользователями сети признается и осознается важное значение ядерного потенциала государства для сдерживания внешней агрессии. Здесь также в качестве примера можно привести твит, который представлен в шутливой форме:

Таблица 22.2

Смысловые категории сообщений пользователей социальной сети «Twitter»

№ п/п	Смысловые категории	Примеры сообщений
1	Международные отношения	Мне кажется, если Иран сделает себе не очень мирный атом, то всем будет не очень весело Мирный атом – это одно, а атомная бомба – другое
2	Гордость за страну	Мы-то на самом деле развиваем мирный атом и лет 20 как обскакали в этом направлении всех Газ (1), нефть (2), питьевая вода (3), лес (4), атом (5), космос (6), Арктика (7) – И всё это есть у РОССИИ!
3	Гордость за регион	В моем городе 145 НИИ, около 40 ВУЗов, а еще у нас впервые в СССР расщепили атом
4	Воспоминания об СССР	ГОЭЛРО, индустриализация, атом, космос. Пятилетки, которые реально выполнялись Советские люди уже вовсю покоряли космос и мирный атом, строили пилотируемые орбитальные и автоматические межпланетные станции
5	Общество	Какая печальная эпоха, когда легче разбить атом, чем отказаться от предрассудков (Альберт Эйнштейн)
6	Перспективы	Мирный атом никуда не ушел и не собирается, его убирают только в ряде стран ЕС и Японии
7	Угрозы	Люди настолько глупы, что слабо оценивают опасность атомной энергетики Атом подчинен, пока люди контролируют его Раз уж про атом, то был Чернобыль
8	Философия	Как вы представляете себе Вселенную? Я представляю себе космос в известных нам пределах так, как мы видим мельчайшие частицы вроде протонов и электронов, даже не атомов Я блуждающий атом человеческой цивилизации
9	Сдерживание внешней агрессии	Там, где есть ядерное оружие, есть и мирный атом
10	Эволюционный итог развития человечества	История – продолжительная прогулка от Адама до атома
11	Научные интерпретации проблемы	Фактически все, что есть в природе, – это постоянно меняющийся атом

«Там, где есть ядерное оружие, есть и мирный атом!». Атом и атомная энергия рассматриваются и как итог историогенеза человечества, и как результат развития научного потенциала государства, что вызывает *позитивные эмоциональные* отклики у пользователей, связанные с осознанием важности проблемы и ее разработки в целях развития государства и общества.

«Атом» в юмористическом контексте

Термин «атом» прочно интегрирован в мировоззрение населения и воспринимается как привычная и неотъемлемая часть повседневной жизни современного человека. Для подтверждения данной позиции в таблице 22.3 представлены особенности *непринужденного употребления* слова «атом» пользователями сети в юмористическом контексте.

Таблица 22.3

Термин «атом» в юмористическом контексте

№ п/п	Виды	Примеры сообщений
1	Повседневное общение	Мне так одиноко, Лосяш, словно я моноструктурный атом Контролируемая оппозиция – это, так сказать, мирный атом
2	Стихи	Ток стране дает АЭС, Свет, тепло и техпрогресс Согласитесь, важный фактор – У кого в руках реактор
3	Песни	Брось на меня еще взгляд, уходя, Ведь в каждый твой атом влюбленный я
4	Проза	Самое мое большое разочарование за неделю – это то, что я не куплю украшений из танзанита, потому что не будет ДЕНЕГ, а за те, что у меня есть сейчас, я, чисто теоретически, могу купить только один его АТОМ, и то – не факт
5	Лаконичные высказывания	Всего лишь одна атомная бомба может испортить вам целый день Единственно твердая валюта на сегодняшний день – оружейный плутоний
6	Анекдоты	– Вы кто? – Мирный атом. – А почему с топором? – Как мало вы знаете про мирный атом!
7	Черный юмор	Две головы хорошо, но безопасный атом – лучше! Каждому купившему АЭС – саркофаг в подарок

Таким образом, можно отметить, что атомная промышленность со всеми ее возможностями и угрозами, ее историей становления и развития стала неотъемлемой частью народного сознания, которое находит свое выражение в когнитивном, эмоциональном и поведенческом (настороженном состоянии) компонентах отношения психологии пользователей. В высказываниях пользователей сети находит отражение привычное восприятие слова «атом» в повседневной жизни, признание необходимости атомной промышленности в жизнедеятельности человека (ток стране дает АЭС) и обеспечения безопасности государства (важный фактор, в чьих руках реактор), осознание опасных последствий халатного к нему отношения, что особенно ярко представлено в «черном юморе» (пункт 7, таблица 22.3).

Количественные характеристики твитов

Приведем количественные характеристики (частота упоминания) твитов, причем с учетом их отнесения к разным смысловым категориям (учитывались только абсолютные значения) – от наиболее обсуждаемых проблем к менее упоминаемым темам, что позволяет выделить *иерархическую* структуру отношения к атому. Было подсчитано количество твитов, содержащих конкретные ключевые слова. Так, обнаружено 52 твита со словом «мир», 45 – со словом «страна», 40 – со словом СССР, 31 твит содержит слово «регион», 20 – «общество», 13 – «перспективы», 7 – «угрозы». Анализ распределения частоты (иерархии) упоминаний твитов, относящихся к разным тематическим подгруппам, показал следующие результаты. В структуре отношения к атомной энергии у пользователей социальной сети «Twitter» можно выделить две наиболее яркие особенности. Первая связана с тем, что более половины проблем, затрагиваемых пользователями социальной сети в твитах, связано с обсуждением *территорий,* обеспечивающих развитие атомной отрасли – в мире, в России, в СССР, в регионе. В общей сложности количество таких сообщений достигает 81,3% от общего числа всех сообщений. Вторая особенность связана с сосредоточенностью обсуждений пользователей на анализе социальных процессов в *обществе*, *перспектив* развития атомной энергетики и необходимости помнить об *опасном* разрушительном потенциале неподконтрольной атомной энергии, что составляет 29,7% от всех высказываний пользователей. При этом, если объединить проблемы, связанные с обсуждением территорий, становится

очевидно, что удельный вес этой тематической подгруппы превосходит другие составляющие подгруппы почти в три раза.

Количественный анализ эмоционального фона твитов

Методически группирование по эмоциональной тональности текстов первоначально производится сверточной нейронной сетью, количественный анализ осуществляется по трем независимым вероятностным шкалам: «положительной», «отрицательной» и «нейтральной». Визуализация результатов выполнена посредством преобразования данных в единую шкалу слов с отрицательными, нейтральными или позитивными тональностями в диапазоне от –1 до 1 (от самого отрицательного к самому положительному). Такого рода инструменты статистики и обработки естественного языка позволяют анализировать большие массивы текстов, включая веб-страницы, онлайн-новости, тексты дискуссионных групп в Интернете, онлайн-обзоры, веб-блоги, социальные медиа и т. д.

Обратимся к полученным данным. Так, общий эмоциональный фон высказываний пользователей социальной сети «Twitter» показал, что количество негативных твитов достигает 33,1% (общее количество – 78), нейтральных 12,8% (общее количество – 30) и позитивных – 54,1% (общее количество – 127). Выраженность эмоционального фона этих сообщений представлена в таблице 22.4.

Как оказалось, *положительный эмоциональный* фон высказываний респондентов (диапазон от 0,19621 до 0,01709) связан с оценкой повседневной *пользы* от АЭС для человека и человечества, с *воспоминаниями* о первых разработках, инициированных в СССР; восприятием современного ядерного *потенциала* России и оценкой его *использования* в мирных целях. *Нейтральный* эмоциональный фон (диапазон от 0,00604 до –0,00546) связан с обсуждениями *текущих ситуаций* в стране и мире, соотносимыми с работой атомной отрасли и носящими информационный характер. *Негативные* оценки пользователи социальной сети проявляют (диапазон от –0,01342 до –0,38844) при определении возможностей потери *контроля* над атомом в силу различных причин и при высказывании своего отношения к уже известным *техногенным катастрофам*, связанным с авариями на АЭС.

Таким образом, характер отношения к атомной энергии в целом отличается умеренно выраженным, но негативным эмоциональным

фоном, который можно определить как *настороженный*. Такая оценка в принципе понятна и связана с мощным энергетическим потенциалом атома, признаков же недоверия к самой атомной отрасли или персоналу, задействованному в обеспечении деятельности АЭС, в твитах не обнаружено. Важно и то, что негативные эмоциональные фоны не присутствуют при оценке современной ситуации с атомом в России, что говорит об удовлетворенности пользователей сети текущими условиями и об отсутствии соответствующих страхов и опасений, связанных с деятельностью атомной промышленности и возможными угрозами, исходящими от этой деятельности. Возможно, причина такого уравновешенного отношения находит свое отражение в содержании уже приводившегося твита – «в атомной войне победит только атом», такое понимание ситуации вселяет уверенность, что безответственное отношение к атомной энергии исключается ввиду самой природы этой энергии.

Атом воспринимается пользователями социальной сети «Twitter» как итог продолжительного периода *научных* изысканий в истории развития человечества, которые привели к разработке атомных технологий и осознанию необходимости использования атома в мир-

Таблица 22.4

Эмоциональный фон твитов
с «пошаговым» распределением степени выраженности[1]

№ п/п	Общий фон твитов	Выраженность фона (от и до)	Количество твитов
1	Положительный	0,19621/0,10678	31
2	Положительный	0,09123/0,01709	47
3	Нейтральный[2]	0,00604/–0,00546	30
4	Негативный	–0,01342/–0,03454	11
5	Негативный	–0,05129/–0,098554	25
6	Негативный	–0,10033/–0,14457	51
7	Негативный	–0,15094/–0,16515	23
8	Негативный	–0,30309/–0,38844	17

1 Длина шага равна 0,1.

2 В подгруппе нейтральных твитов сгруппированы как положительные, так и негативные твиты, величина которых не достигает значения 0,1.

ных целях. Атомная энергия также оценивается пользователями в русле современных *технологий,* которые обеспечили (и продолжают обеспечивать) *человечество* важными ресурсами жизнедеятельности. Отмечается связь атомной отрасли с конкретным государством, которым является современная *Россия* и ее исторический предшественник – *Советский Союз* (эта позиция обнаруживает себя и в эмоциональных оценках пользователей, например, как гордость за страну/регион).

Содержательная интерпретация твитов позволила выявить смысловые категории, связанные с *международными отношениями;* чувством *гордости* за страну и регион; *воспоминаниями* об СССР как основателе атомной энергетики; размышлениями об *обществе, перспективах* и *угрозах* (как необходимости помнить о разрушительных способностях атомной энергии) развития отрасли, а также с *философскими мыслями* о жизни и своем месте в мире, внешних *угрозах, истории* и *научном* восприятии природных явлений.

В ходе исследования установлено, что интерес к «атому» носит *глобальный* характер (1), ярко выражен, связан с оценкой *территорий* (2), которые сужаются от планетарного уровня до *конкретных* мест проживания и проблем *частного порядка* (3), включая *размышления* о возможных техногенных угрозах и их последствиях для человека и природы в целом. Таким образом, наиболее выраженные опасения в связи с атомной энергетикой сосредоточены на наиболее крупных проблемах, которые могут нанести урон планетарного масштаба.

Анализ *эмоционального фона* твитов выявил высокий уровень *доверия* к атомной промышленности как высокотехнологичной и важнейшей части современной российской экономики, что связано и с высокой оценкой профессиональных качеств персонала, допущенного к работе с атомной энергией, и осознанием чрезвычайной опасности халатного отношения к ней. Тем не менее общий уровень отношения к атому можно определить как *умеренно-напряженный*, точнее, пользователи считают развитие атомной промышленности сложным, но необходимым обстоятельством жизнедеятельности человека.

С *прикладной* точки зрения деятельность атомной индустрии вызывает напряженное отношение жителей всей планеты, что выступает значимым фактором развития отрасли, а позитивный имидж такой деятельности в обществе оказывает существенное влияние не только на социальное и психологическое самочувствие населе-

ния, но и на развитие самой отрасли и международный престиж государства в целом – все это должно оставаться предметом пристального внимания и ученых, и практиков. По результатам исследования, важным направлением поддержания позитивного отношения человека к атомной промышленности может стать регулярное взаимодействие ответственных представителей отрасли с населением, *демонстрация мер* по обеспечению ее *безопасности* и *подконтрольности,* особенно на крупных объектах.

Хотелось бы выделить некоторые *следствия и перспективы* выполненного и представленного исследования. Как отмечал В. Н. Мясищев, «отношения могут быть устойчивые или неустойчивые, варьируя от моментальной ситуативной лабильности до высокой стабильности» (Карпова и др., 2020, с. 11). Таким образом, даже выявленные ведущие компоненты возникшего отношения к атомной отрасли не всегда остаются неизменными, такое отношение «непрерывно меняется, находясь в единстве с другими отношениями» (там же, с. 11). Как отмечают авторы, при изменении одного из компонентов отношения изменяются и другие, «что обусловлено целостностью как сущностным свойством отношений личности» (там же). При этом, как считал В. Н. Мясищев, стабильные отношения могут быть и инертно-стойкими. Представленные положения практически указывают на необходимость продолжения исследований отношения населения к атомной энергии (промышленности) с целью выявления динамики этих отношений и их взаимосвязи с изменяющейся социальной реальностью в обществе и мире. Во-первых, такого рода исследования целесообразно было бы организовать в режиме регулярно проводимого мониторинга общественного мнения об атомной энергетике.

Во-вторых, развитие цифровых технологий предоставляет возможность современному научному сообществу в интернет-пространстве проводить исследования отношения населения к важным или знаковым *событиям,* происходящим в жизни общества, что может стать наиболее технологически привлекательным способом изучения общественного мнения, а также одним из принципиальных условий обеспечения устойчивого развития не только отрасли, но и общества в целом.

ГЛАВА 23

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «TWITTER» В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И ОПЫТ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Общественное настроение и сетевые сообщества как социально-психологические феномены

В *социальной психологии* под общественным настроением понимают преобладающие в обществе *чувства* по отношению к *общественно значимым явлениям,* а также *коллективные психические состояния,* преобладающие в такой период (Куликов, 2008). Его исследование заключалось в поиске его принципиальных отличий от настроения личности, выделения его свойств, функций, определения соотношения с общественным сознанием и мнением (Парыгин, 1999).

Среди *свойств общественного настроения* были выделены такие, как «способность к многократному увеличению энергии составляющих группу индивидов»; «заразительность, способность передаваться от одних групп к другим», определяемая процессами взаимодействия в группе; его возможность переходить из одной формы в другую, а также быстрой трансформация в действие и импульсивность (там же, 1999, с. 314–316).

Подвижность и динамизм *общественного настроения* особенно ярко проявляют себя в кризисные периоды существования общества, в связи с резонансными социальными *событиями, угрозами или рисками* (Нестик, Журавлев, 2018). Именно этим оно принципиально отличается от *общественного мнения* – менее динамичного феномена; между ними существует сложное противоречивое соотношение, связанное с иррациональностью первого и инертностью второго. Из-

---

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Общественное настроение и субъектность сетевого сообщества в период пандемии COVID-19: на примере социальной сети «Твиттер» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 154–188.

за такой подвижности во времени возможно усиление неосознаваемой составляющей настроения (Lippman, 1995). К *функциям* общественного настроения относятся: регуляция психической активности людей, формирование установки при восприятии информации, ценностная ориентация или направленность внимания и деятельности (Куликов, 2008).

Общественное настроение как предмет научного исследования появился в работах по *социальной психологии* с самого начала ее становления. Классики *социологии, экономической науки, философии* акцентировали внимание на *превалирующем настроении чувств и умов классов, задающих тон общественной жизни, общественное или массовое настроение* – такие понятия встречаются в трудах Г. В. Плеханова (Плеханов, 1957), В. М. Бехтерева (Бехтерев, 1994) и др. Так, Бехтерев в свое время в основе объяснения природы общественных настроений полагал *внушение* и *подражание,* позже им был предложен *закон ритма*. Л. Н. Войтоловский писал о *заражении* масс теми или иными настроениями и подчеркивал невозможность анализа социума без понимания законов, по которым формируются настроения (Войтоловский, 1924).

Общественное настроение является *междисциплинарным понятием,* в последнее время оно востребовано не только социальными психологами и социологами, но также и экономистами в связи с изучением ими *экономического благополучия* социальных групп или оценки *эффективности различных видов деятельности* (Егорышев, 2015).

Социологические исследования общественного настроения были начаты позднее, чем в социальной психологии. Причиной этого было то, что это понятие считалось именно психологическим, в то время как социология больше концентрировалась на анализе *общественного сознания* и *мнения* (Уледов, 1968). Однако эта научная дисциплина значительно продвинулась в его изучении. Так, было показано, что *общественное настроение* – это *продукт прошлого опыта* группы, имеющий способность *определять действия* и *поведение* людей, отличающийся качествами *неотложенности* и *актуализированности,* а также склонностью к *перепадам,* а регулятором общественных настроений может выступить *национально-объединительная идея* (Тощенко, Харченко, 1996). Последняя идея сочетается с психологическим толкованием роли *национальной идеи* в развитии социального и индивидуального *благополучия* и *жизнеспособности* (Журавлев, Юревич, 2014).

Краткий анализ исследований *общественного настроения* позволяет заключить следующее: *во-первых,* работа по его изучению актуальна в период важных общественных событий, отличающихся эмоциональным знаком – как радостным, позитивным (например, праздники; см. подробнее: Воловикова, 2016), так и отрицательным, сопряженным с переживанием тревоги, страха, горя и неопределенности. *Во-вторых,* представляет интерес изучение общественных настроений в социальных группах с различным жизненным опытом, который способен определять не только его модальность, но и способ презентации.

Необходимо также отметить, что *сетевые интернет-сообщества,* заявившие о себе как *новый вид больших социальных групп* во время глобального развития современной коммуникации, могут представлять собой релевантный объект для анализа *общественных настроений.* Например, пользователи, имеющие аккаунты в социальных сетях, располагают возможностью оперативно и прямо выражать свои взгляды и настроения онлайн по поводу различных инфоповодов. Вообще агрегация пользователей вокруг такого информационного сообщения или пользователя, генерирующего подобные сообщения, отражает, собственно, сам процесс формирования сетевого сообщества в интернете. Такое сообщество имеет ядро – *инфоповод* (это может быть и информация, и сама фигура блоггера), ближайшую периферию, распространяющую информацию, и дальнюю, которая ее потребляет и заинтересована в ней (Бреслер, 2014). Такой социальной сетью, наглядно демонстрирующей эти процессы, является Твиттер (подробнее о сообществах в Твиттере см.: Ковалева, 2019).

Актуальным вопросом исследования сетевых интернет-сообществ является проблема поиска новых форм субъектности, формирующихся в *цифровом обществе. Субъектность* в своем классическом понимании рассматривается как взаимосвязанность и взаимозависимость, способность к совместной деятельности и переживанию чувства «мы» (Журавлев, 2002 и др.). Однако ее развитие в современной ситуации остается пока изученным недостаточно – наметились лишь первые шаги в этой области. Так, к настоящему времени получены эмпирические данные о типах субъектности членов сетевого сообщества на примере социальной сети «Твиттер». Показано, что его структура соответствует теоретической модели ядра, ближней и дальней периферии, а факторы субъектности и полученные на их основе ее типы имеют как ставшие классическим (по Журавлеву) содержание, так и специфическое именно для интернет-сообщества (Ковалева, 2020).

Опираясь на такое свойство *общественного настроения,* как его возможность отражать *готовность к действию* (Тощенко, Харченко, 1996), можно рассмотреть данный конструкт как маркер *предсубъектности сетевого интернет-сообщества,* отражающий начальный уровень его организации. Одним из принципиальных вопросов при изучении новых видов больших социальных групп остается характер их совместных действий. Действительно, является ли онлайн-деятельность *сообщества* единственной формой самовыражения его представителей, обретающей свои специфические свойства в связи с ее осуществлением в виртуальной среде, а само сообщество при этом становится субъектом, или задача сообщества – это всё-таки выход в оффлайн? Ответы эти вопросы требуют специального дополнительного исследования. Однако анализ *общественного настроения большой социальной группы* – пользователей социальной сети – может частично пролить свет на понимание совместной деятельности этого вида групп.

Настоящее исследование состоялось в период новой глобальной угрозы – пандемии коронавируса COVID-19, объявленной ВОЗ 11 марта 2020 г. COVID-19 создал вызов всему глобальному мировому сообществу, вызвав заболевание с нетипичным течением, к которому оказались не готовы ни уровень современной медицины, ни организация здравоохранения в самых развитых странах.

Для психологической науки представляет наибольшую актуальность то, что вирус продемонстрировал не только недочеты системы медицинской помощи, но и фактически за очень короткое время трансформировал *общественные практики* в международном масштабе. Карантин и самоизоляция изменили привычный ритм и способ жизнедеятельности жителей большинства стран, пораженных COVID-19, которым потребовалось срочно вырабатывать новые способы социальных контактов, профессиональной деятельности, семейного взаимодействия, досуга, отдыха, спортивных занятий, что в совокупности не могло не повлиять на эмоциональное состояние людей. COVID-19 оказался маркером *социальной зрелости общества,* его *жизнеспособности* не в медицинском аспекте, а как *субъекта,* способного к самореализации и достижению своих целей и интересов. И разумеется, вирус стал *глобальным инфоповодом* – любая новость и информация о нем активно обсуждается в СМИ, в том числе в социальных сетях, которые постепенно становятся частью медийного пространства.

Эмпирическое исследование общественного настроения в социальной сети «Твиттер» в период пандемии коронавируса

Нами было проведено оперативное исследование *общественного настроения* как маркера *потенциальной субъектности сетевого интернет-сообщества* в социальной сети «Твиттер» в период глобального вызова – пандемии COVID-19. Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Активность пользователей социальной сети является *способом проявления* и *регуляции общественного настроения* в период пандемии.
2. В *общественном настроении* пользователей социальной сети в период пандемии проявлялся их опыт, полученный в подобных ситуациях (прежде всего, в сравнении с условиями проживания после аварии на Чернобыльской АЭС).
3. В период глобальных вызовов, каким является пандемия COVID-19, возможна актуализация высших чувств – *оптимистической триады* как способа совладания с пониженным настроением.

Использовался метод онлайн-опроса. Выборку респондентов составили пользователи социальной сети «Твиттер» – в 6 блиц-опросах, возможность которых предоставляет социальная сеть (о каждом подробнее ниже), участвовало 223, 224, 274, 78, 127 и 381 человек, соответственно. Опрос проводился с аккаунта одного из авторов данной главы. Всего в исследовании участвовало 1307 человек, однако указанные выборки могут частично пересекаться, поскольку вопросы 1–3 и 4–5 публиковались в виде ветки сообщений, следующих одно за другим. Некоторые опросы сопровождались комментариями пользователей, которые также анализировались. Опросы проводились в период с 30.04.2020 г. (начало пика эпидемии в России) и до 06.05.2020 г.

1. Первый опрос был направлен на изучение общего внимания к информации в социальной сети и ее привлекательности: «*Помогал ли вам Твиттер получать информацию о коронавирусе?*». Варианты ответа – «Да»; «Нет, все-таки СМИ» (N=223).
2. Второй опрос был направлен на получение информации о динамике общественного настроения в Твиттере: «*Почувствовали ли вы изменение настроения у пользователей Твиттера?*». Варианты ответа – «Да, стало лучше»; «Да, стало хуже»; «Нет» (N=224).

3. Третий опрос был направлен на изучение роли Твиттера в поддержании настроения во время самоизоляции: «*Помог ли вам Твиттер поддерживать свое настроение во время самоизоляции?*». Варианты ответа – «Да»; «Нет» (N=274). После этого трэда следовала просьба написать, что нового заметили респонденты во взаимодействиях в Твиттере и настроении «твиттерян»? Было получено 42 ответа.
4. Четвертый опрос был обращен к прошлому опыту пользователей Твиттера: *«Большая просьба поучаствовать в опросе тех, кто имеет опыт проживания на зараженных территориях после Чернобыля, возможно, проживал кто-то из близких, и вы знаете его мнение! Используете ли вы этот опыт сейчас во время самоизоляции?»*. Варианты ответа – «Да, использую»; «Нет, сейчас все другое» (N=78).
5. Пятый опрос конкретизировал предыдущий и также обращен к опыту пользователей, но уже не только проживавших на зараженных территориях: *«В те годы* (*имеется в виду период после аварии на Чернобыльской АЭС*) *исследования показывали, что у людей изменилось отношение к природе в связи с ее заражением и недоступностью. Сейчас на самоизоляции вы замечаете такое?»*. Варианты ответа – «Да, замечаю»; «Нет, не изменилось» (N=127).
6. Шестой вопрос был направлен на изучение структуры оптимистической триады в период самоизоляции: *«Настроение сейчас плохое* (*использовалось более сильное жаргонное выражение для привлечения внимания пользователей*) *из-за этого вируса. Что нам поможет?»*. Варианты ответа – «Вера»; «Надежда»; «Любовь» (N=381).

При анализе данных использовался пакет Statistica – сравнение распределений по методу χ^2 Пирсона, а также элементы контент-анализа.

Активность пользователей русскоязычного сегмента интернета (Рунета) показана на диаграмме (рисунок 23.1), полученной с помощью сервиса поисковой системы Google[1].

График показывает, что самая высокая частота запросов со словом *коронавирус* приходится на 31 марта 2020 г., а рост интереса начался за две недели до этого, 17 марта 2020 г., когда цифра прироста и общее число заболевших было еще незначительно по сравнению со странами Европы и Китаем. Это может свидетельствовать об осознании проблемы и начале *динамики общественного настроения*. Пик

1 URL: https://trends.google.com.

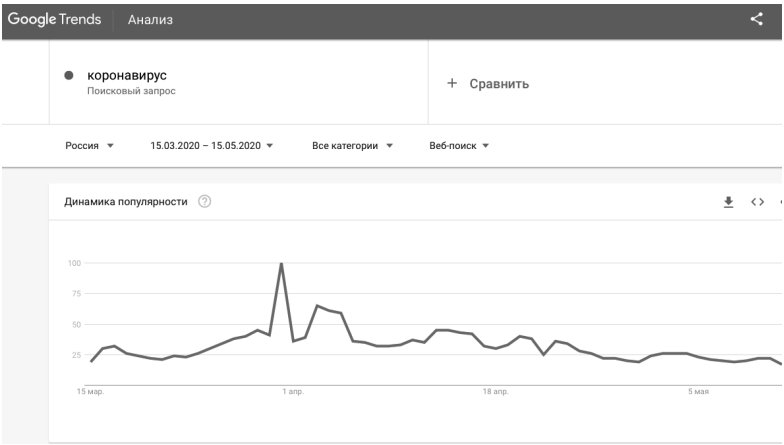


Рис. 23.1. Частота запросов по ключевому слову «коронавирус» в России с начала марта по середину апреля 2020 г.

запросов приходится на момент введения самоизоляции в Москве (введена 30 марта 2020 г.).

Ответы на первый, второй и третий вопросы представлены в таблице 23.1. С помощью критерия χ^2 Пирсона проверялось отличие полученных распределений от равномерного с поправкой на непрерывность.

Таблица 23.1

Количество положительных и отрицательных ответов на первый, второй и третий вопросы с критерием проверки равномерности распределения ответов (объем выборки представлен для каждого вопроса отдельно)

	Да	**Нет**	χ^2
1. Помогал ли вам Твиттер получать информацию о коронавирусе? (N=223)	163	60	6,638 ($p \leq 0,01$)
2. Почувствовали ли вы изменение настроения у пользователей Твиттера? (N=224)	Да, стало лучше – 61 Да, стало хуже – 74	89	5,686 ($p \geq 0,05$) – да, лучше/хуже 6,635 ($p \leq 0,01$) – да (в целом)/нет
3. Помог ли вам Твиттер поддерживать свое настроение во время самоизоляции? (N=274)	214	60	86,500 ($p \leq 0,01$)

Таким образом, по первому и третьему вопросам полученные распределения значимо отличается от равномерного, что свидетельствует о достоверном преобладании полученных ответов «Да».

Полученное распределение ответов по второму вопросу, имевшему три варианта ответа, показало следующее. Распределение ответов «Да, стало лучше» и «Да, стало хуже» не отличается от равномерного, что свидетельствует о том, что ни одно из мнений об изменении настроений в Твиттере не является преобладающим. Однако при объединении ответов «Да» независимо от полюса и сравнении их с ответом «Нет» получено значимое различие. Это означает, что число пользователей, отметивших изменение настроения, значимо выше, а вот отсутствие различий между позитивным и негативным полюсом, по всей видимости, свидетельствует о поляризации настроений.

После этого респонденты давали ответы на открытый вопрос: «*В чем именно, по вашему мнению, заключаются изменения в настроении и взаимодействии в Твиттере во время самоизоляции?*». Получено 42 содержательных ответа, которые сгруппированы в таблице 23.2.

С помощью контент-анализа были выделены составляющие высказываний пользователей, содержательно отражающие изменения настроения. Среди позитивных характеристик общественного настроения в социальной сети назывались следующие – *больше смеяться, на одной волне, больше внимания друг к другу, больше шутить, меньше обсуждать политические события и проблемы, стали добрее, появилась надежда, злость поубавилась, больше людей стало подписываться, больше юмора, отзывчивость, неравнодушие, уважение, благодарность, самоирония.*

Среди негативных характеристик общественного настроения – *пессимизм, опасения, хамство, обвинения, дезинформирование друг друга, снижение активности, озабоченность, токсичность, озлобленность, негативные эмоции, возмущенность, напряжение, ожидание, контрастность, радикальность, депрессии, усиление пошлости, нетерпимость, нервозность, снижение веселья* (иллюстрация представлена на рисунке 23.2).

Позитивные характеристики настроения (всего 15), которые были названы пользователями, могут быть объединены в следующие *категории:*

– *отношений* к себе и друг к другу (***на одной волне***, ***отзывчивость***, ***неравнодушие*** и др. – всего 8);

Таблица 23.2

Содержание ответов на открытый вопрос об изменениях в настроении и взаимодействии в Твиттере (сгруппированы по позитивному/негативному полюсам и нейтральным оценкам)

Позитивный полюс (всего 12) – (...) тупых стало меньше, стали ***больше смеяться***. – Со многими ***на одной волне***. – Заметила, что люди в ленте стали проявлять ***больше внимания*** друг к другу, стали беспокоиться о своих друзьях по переписке, стали ***больше шутить***, чтобы поднять настроение друг другу, и стали ***меньше обсуждать политические события*** и проблемы. – Бабы твиттерские стали ***добрее***. – Как-то ***добрее*** все стали. – ***Надежда*** на лучшее, наверное. Но вот ***злость поубавилась***. – Понравилось, что ***больше людей стало подписываться***, включая тысячников (*блоггеры, имеющие больше 1000 подписчиков*), что приятно. – ***Больше юмора*** на тему алкоголя и вируса. – Люди стали ***добрее***, ***отзывчивее*** и ***неравнодушнее***. – ***Возросло число читателей*** у медиков, ведущих аккаунты. Выросло ***уважение*** и ***благодарность*** к ним. – Стало больше ***самоиронии***, как попытки скрыть усталость от негатива и самоизоляции.
Негативный полюс (всего 21) – Динамика сходит на нет. Большей частью сквозит ***пессимизм*** и ***опасение*** за ближайшее будущее. – Стало больше ***хамства***. – Ну, и как итог: во всем ***виноваты*** москвичи и сами знаете, кто. Остальные просто ангелы. – Некоторые товарищи, которых я уважала и считала «со мной одной крови», в условиях эпидемии оказались ***«не айс»***. Бывает... – ...увы, неприличные картинки стали появляться чаще. Я это не люблю. К сожалению, мои подписчики этим тоже грешат. – Больше ***дезинформации***, чем полезного контента. – ***Меньше активности***. – Некоторые стали чересчур ***озабоченные*** (...) и вообще много твитов по анатомии тела обоих полов. Потом беспрецедентное обжорство и питие, в чем был сам грешен, и наконец сам то я всегда найду соринку в чужом глазу, а в своем бревна не увижу. – Пара человек отправились в ЧС (*ЧС – черный список, возможность заблокировать не понравившегося пользователя*) – Практически 90% контента стало ***токсичным***. – ***Озлобленность***, ***негативные эмоции***, **возмущения** безосновательные. – Наверное, сильное ***напряжение*** даже в твитах. Как **ожидание**. Только никто не знает, чего ждать.

– До самоизоляции в Твиттере как-то веселее было, люди были не такие **нервные**, больше позитива было.
– ***Контрастно-кардинально-радикально*** стало: то есть грустить, то до ***депрессии,*** смеяться так до «под столом» (*интернет мем – очень сильный смех*), как-то во все виртуальные ***тяжкие***.
– Еще какая-то ***нетерпимость***, когда предлагаешь посмотреть на вопрос с нескольких сторон, вдруг оказываешься (...).
– Жрать и пить стали больше, шутить стали меньше.
– Народ стал ***злее***, причем намного... везде вижу эту ***нервозность***, и в социальных сетях, и в реале.
– Обычные участники начинают несколько ***нервничать***, по-моему.
– ***Как с цепи сорвались***.
– Стало ***меньше смешных*** видео.
– Ярко проявилась позиция «***все беды*** от москвичей»

Нейтральные оценки (всего 9)
– Кто был дураком, таким и остался. Ничего не изменилось.
– Нового ничего!! Бесы как всегда бесятся)).
– Честно говоря, ничего особо не заметил, все, как всегда, обсуждение, правда, ложь, фейки, явь, веселье, дискуссии и спор до (...).
– Люди разделились: 1) Кто безоговорочно поддерживает решение властей, даже несмотря на несоответствие законодательству; 2) Кто не против мер, но в рамках Конституции и действующего законодательства; 3) Кто против любых ограничений, и считающих вирус придуманным властью.
– Ничего.
– Появилось больше серпасто-молоткастых, решили, что это их шанс.
– Кто был человеком, тот им и остался. Проверку на вшивость многие прошли успешно, вшей у многих больше, чем казалось. Прекрасное время для анализа.
– Секта окрошечников в этом году рано активизировалась (*о юмористических шуточных твиттеровских войнах и их смыслах см.: Ковалева, 2019*).
– Человек познается в беде. Одни стали злые, нервные, обвиняющие. Другие наоборот, поменяли приоритеты, прислушались к голосу разума, стали добрее.
– В общей массе люди стали добрее, но не все, кто-то сбрендил окончательно. Поэтому, сразу определила их в ЧС. Параллельно с наступлением на нас вируса – мы твиттерские эволюционировали (я надеюсь!) Плохо это или «никак» – покажет время!

Примечания: ответы приведены в основном без редакции, в соответствии с тем, как они были даны пользователем, при необходимости в квадратных скобках курсивом даются пояснения, по возможности, грамматические ошибки исправлены; ненормативные выражения заменены многоточием в круглых скобках (употребление обсценной лексики является типичным явлением для социальных сетей).

– *действия* (***меньше обсуждать, больше подписываться, больше шутить*** и др. – всего 4);
– *позитивных состояний* (***надежда, убавилась злость, больше юмора*** – всего 3).

Негативные характеристики настроения (всего 20), которые были названы пользователями, могут быть объединены в следующие *категории:*

– негативных состояний (***пессимизм, опасения, нервозность*** и др. – всего 16);
– действия (***обвинения, дезинформирование*** – всего 2);
– *отношений* к себе и друг к другу (***хамство, усиление пошлости*** – всего 2).

Из представленных данных видно, что позитивные и негативные характеристики настроений группируются по одинаковым категориям, которые, однако, количественно различаются на этих двух полюсах. Негативное настроение лучше дифференцируется, четче осознается, вербализуется и, соответственно, переживается как конкретное состояние. Таким образом, можем предварительно заключить, что в стрессовой ситуации с высокой степенью неопределенности, к которым относится пандемия, человек начинает тоньше реагиро-

Рис. 23.2. Иллюстрация самоизоляции, предложенная одним из пользователей сети

вать на негативную информацию и выявлять ее с целью самозащиты и обеспечения безопасности себя и своих близких.

Если исходить из того, что *общественное настроение* является маркером *субъектности сообщества,* то, по всей видимости, не всякая его характеристика и не любым способом выраженная. Так, позитивное настроение, которое, по нашим данным, воспринимается через категории отношений и действий, скорее сблизит людей, сформирует их взаимозависимость и будет способствовать взаимодействию. Примечательно, что категория отношений на негативном полюсе по частоте стоит на последнем месте. Категории действия к тому же по-разному наполнены на двух полюсах. На негативном – это действия по отношению к другим людям (обвинять, дезинформировать), на позитивном – это общая активность, свидетельствующая о новых формах поведения, направленного на что-то хорошее (шутить, подписываться). Поляризация настроений не может не приводить к напряженным отношениям и даже конфликтам, которые и отмечали пользователи, выражавшие настроения отрицательного характера.

По нашему мнению, если *общественное настроение* наиболее ярко проявляется в особые, кризисные ситуации, то оно скорее отражает *динамику потенциальной субъектности сообщества* – часть сообщества может быть «занята» *отреагированием* негативных настроений, необходимым для перехода к дальнейшей регуляции по аналогии с известными в психотерапевтической практике «стадиями горевания» (Ворден, 2015). Другая же, более активная часть может демонстрировать способы совладания с негативной ситуацией, к которым со временем могут обратиться и другие члены сообщества.

Таким образом, результаты этой части работы показывают большую значимость социальной сети в информировании пользователей в условиях пандемии по сравнению со средствами массовой информации. Можно отметить также тенденцию к поляризации изменившегося *общественного настроения,* которое меняется в обе стороны – позитивные настроения показывают зависимость от взаимного отношения пользователей, а негативные воспринимаются сразу как эмоциональные состояния.

Далее респондентам были предложены еще несколько вопросов (представлены в таблице 23.3). Они были адресованы тем пользователям, кто имел опыт проживания на зараженных территориях после аварии на Чернобыльской АЭС (или знал о таком опыте

Таблица 23.3

Количество положительных и отрицательных ответов на четвертый и пятый вопросы с критерием проверки равномерности распределения ответов (объем выборки представлен для каждого вопроса отдельно)

	Да	Нет	χ^2
4. Используете ли вы или нет свой опыт, полученный во время проживания на зараженных территориях после аварии на ЧАЭС? (N=78)	65	13	32,000 (p≥0,01)
5. После аварии на ЧАЭС у многих людей изменилось отношение к природе в связи с ее недоступностью, заметили ли вы сейчас, во время самоизоляции, у себя изменение отношения к природе? (N=127)	50	77	5,32 (p≥0,05)

близких). Им предлагалось ответить, используют ли они свой опыт сейчас, во время пандемии.

Таким образом, полученные распределения ответов значимо отличаются от равномерного, что свидетельствует о достоверном преобладании ответов на четвертый вопрос «Нет» и на пятый – «Нет, не изменилось».

Актуальность сравнения с ситуацией после аварии на Чернобыльской АЭС возникла в связи с тем, что в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН ранее был выполнен цикл исследований, направленный на анализ различных социально-психологических феноменов, возникших во время проживания на территориях радиоактивного заражения (Журавлев и др., 1995; Журавлев, Сумарокова, 1992; Хащенко, 2002). Но до настоящего момента, то есть возникновения пандемии, не было возможности сравнить эти данные с подобными им, поскольку не было условий, хотя бы в чем-то сходных с ранее пережитыми ограничениями. Сегодня, во время эпидемии COVID-19, в связи с высокой контагиозностью вируса население большинства регионов России столкнулось с необходимостью самозащиты от заражения – ношения масок, перчаток, соблюдения социальной дистанции и самоизоляции, а по телевизору демонстрировали дезинфекционные мероприятия на улицах городов России. Более того, если трагедия на Чернобыльской АЭС коснулась в основном Европейской территории бывшего СССР, то COVID-19 распространился, пусть и с разной степенью интенсивности, по всей стране.

Однако, как видно из полученных данных, опыт того времени не оказался востребован у пользователей социальной сети. Этому можно предварительно выдвинуть несколько объяснений. Во-первых, временная удаленность события, и во-вторых, разделение в сознании последствий техногенной катастрофы и того, что вирус сам, по сути, является природным явлением.

При ответе на следующий вопрос ожидалось, что пользователи будут отмечать нехватку элементов природы в своей жизни в связи с самоизоляцией (прогулок, свежего воздуха), но таких данных также получено не было.

Однако нами был подмечен интересный факт, который может стать отправной точкой для дальнейших размышлений. Если во время преодоления последствий чернобыльской аварии отмечалось формирование особого отношения к природе, отличавшегося не просто анимизмом – одушевлением природных явлений, а приданием им особого смысла, наделением субъектным началом (подробнее см.: Журавлев, 1996; и др.), то сейчас отмечалось нечто другое. Во время пандемии как в СМИ, так и в социальных сетях массово распространялись видеоролики о «восстановлении природы» – по причине того, что люди оказались «заперты» в своих домах, на улицах городов в самых разных странах мира стали замечать диких животных. Также появлялись различные футуристические тексты и видеоролики, рассказывающие и демонстрирующие, что станет с Землей, если человек еще некоторое время пробудет в самоизоляции – как очистится воздух, вода и др., то есть в массовое сознание внедрялась мысль о позитивной стороне пандемии. Можно предположить, что именно это и проявилось в нашем опросе – несколько человек в комментариях отмечали, что им стало *жалко* природу, что они заметили, какой вред наносит человек окружающей среде – такие комментарии дало 20–25% респондентов.

Таким образом, нами установлено, что самоизоляция не актуализировала опыт прежних кризисных ситуаций, у людей не возникло сходных переживаний в связи с очевидными дефицитами – невозможностью бывать на природе. Однако о пассивности экологического сознания было бы говорить неверно. Скорее, наши результаты позволяют предположить, что во время ситуаций-вызовов, имеющих различное смысловое содержание, будут активизироваться разные его аспекты. Так, в период после чернобыльской аварии люди осознавали, что природа страдает, как и они сами, поэтому, возможно,

и происходило отождествление природы с человеком, ее субъективизация. Сейчас, во время пандемии, когда люди ограничены в своих контактах с природой, но с самой природой при этом все обстоит в порядке, происходит осознание ее возможного отдыха, репарации в связи с временным отсутствием контакта между ней и человеком. В таком отношении присутствуют признаки *личностной зрелости* и *рациональной психологической защиты* – люди нашли несомненный плюс в их самоизоляции, что возможно также помогает им регулировать свое настроение.

Однако вопрос, какой же все-таки исторический опыт актуализировала пандемия COVID-19, остается, и ответить на него будет необходимо. Если обратить внимание на то, что авария на ЧАЭС воспринималась как событие, хотя и очень масштабное, также ставшее глобальной проблемой человечества, в определенной мере локальное по территории, а аналогичным событием могло стать только такое, которое затрагивает всех без исключения. И таким событием для пользователей социальных сетей стала *война,* причем в самых разных своих формах.

С помощью поисковой системы Твиттера нами был проанализирован контент, связанный одновременно с двумя словами – *коронавирус* и *война*. Были найдены 126 твитов, в которых встречались в различных контекстах оба эти слова и которые были ретвитнуты (повторены другими пользователями) 4656 раз. Первый твит с таким содержанием был опубликован 21.01.2020 г., последний – на момент написания данной работы, 14.05.2020 г. На эти твиты было дано 556 комментариев с обсуждением предложенных высказываний.

В них вирус сравнивали с войной *бактериологической; химической; экономической; информационной; «войной миров»*; *мировой войной; войной религий, верящих в коронавирус; «запланированной спецоперацией»; войной будущего; сам вирус назывался войной.* В других можно было встретить обсуждение этих двух понятий, причем как с позитивной, объединительной позиции – «вирус – война, и нам надо в ней выстоять», так и с другой, не соглашающейся с первой: «вирус – это не война – это болезнь», однако это не отменяло само сравнение.

Таким образом, актуализирован был опыт войны, в том числе встречались сравнения с Великой Отечественной войной, Победой над фашизмом (что в свою очередь может объясняться близостью Дня Победы 9 мая).

Использованные сравнения и эпитеты также имели характер поляризации, что отражало остроту проблематики. Вирус был воспринят пользователями как нападение, угроза, стимулировал к борьбе, солидарности, но одновременно и к нежеланию таких усилий, сопротивлению этому вынужденному стрессу. Такая расщепленность вполне согласуется с полюсами общественного настроения, рассмотренными выше.

Полученные результаты также говорят в пользу *двойственности субъектности сетевого сообщества* в рассматриваемом периоде, когда одна часть сообщества готова к борьбе с угрозой, а другая выражает неготовность или противодействие такой позиции. Нельзя исключать, что эти процессы являются «нормальными», то есть соответствуют ситуациям с *высокой степенью новизны и неопределенности,* которые актуализируют только *некоторые стороны опыта* и не соответствуют ему в полной мере, каковой, собственно, и является ситуация с новым вирусом COVID-19.

Последний вопрос был направлен на изучение уровня актуальности составляющих оптимистической триады (Джидарьян, 2014). Вопрос звучал так – *Что больше поможет для регуляции негативного настроения во время эпидемии COVID-19?* На выбор предлагались три высших чувства – *вера, надежда* или *любовь.* Полученные результаты представлены в таблице 23.4.

С помощью критерия χ^2 проверялось отличие полученного распределения от равномерного. $\chi^2_{(эмп.)}=8{,}25 > \chi^2_{(теор.)}=5{,}991$ ($p \geq 0{,}05$).

Таким образом, полученное распределение ответов отличается от равномерного, что свидетельствует о том, что пользователи при регуляции своего настроения опираются на чувства *веры, надежды* и *любви* по-разному – в большей степени на *любовь,* затем на *веру,* и только потом на *надежду.*

Таблица 23.4

Количество положительных ответов на шестой вопрос с распределением по высшим чувствам (N=381)

	Число выборов
Вера	122
Надежда	107
Любовь	152

При интерпретации этих данных перед нами стояла задача выделить в многообразии описания этих трех переживаний (Джидарьян, 2014) то, что может составлять их сущность в такой кризисный момент, как пандемия, и объяснить тот порядок, в котором они предпочитались респондентами. Другой задачей было перенести выбор респондентов на объяснение их настроения, показать те ориентиры, которые составляют основу их душевных стремлений, и охарактеризовать, таким образом, общественное настроение в целом.

Если говорить о *любви,* то главное, что видится в этом чувстве, – это направленность на другого человека, представление о нем как о ценности, объекте внимания, беспокойства. Представляется, что болезнь, которая несет в себе угрозу здоровью и жизни, каковой и является новый вирус, заставил людей задуматься о своих близких, их безопасности, актуализировал страх их страданий и потери, и, таким образом, обострил это чувство. По-видимому, в проявлениях заботы друг о друге большинство пользователей, которые и сделали этот выбор, видят основу своего позитивного настроения и выхода из этой ситуации в целом.

Главное в *вере,* по мнению И. А. Джидарьян, – это ее стержневое и смысловое наполнение – вера в себя при одновременном поиске смысла происходящего, обретение самоэффективности и достоинства. Вера – это деятельное, ищущее переживание. Его второе место в нашем опросе по частоте выбора свидетельствует о том, что пользователей, сделавших этот выбор, не покинула внутренняя уверенность в благополучном исходе ситуации, они верят в возможность правильных решений, в то, что им есть на что или на кого положиться. В период эпидемии такой настрой может свидетельствовать о доверии выбранным мерам борьбы с ней, готовности участвовать в них, о возможных внутренних исканиях и рефлексии смысла ситуации в целом.

Говоря о *надежде,* необходимо, с одной стороны, подчеркнуть ее позитивную сущность, настрой на преодоление ситуации, но, с другой, ее выбор свидетельствует о том, что пользователи могут в большей степени, чем другие, находиться в ситуации отчаяния и безнадежности. Стоит обратить внимание на то, что среди них присутствуют и те, кто переживает ситуацию с пандемией именно как потрясение.

Представляется, что опрос, проведенный нами по шестому вопросу, можно в некоторой степени считать *проективным.* Респон-

денты, делавшие выбор между тремя известными чувствами, не знали точных описаний, к которым мы прибегли при интерпретации. Для более точной диагностики необходимо использовать другие методы. Однако представляется, что наш расчет на быстрый спонтанный ответ позволил диагностировать доминирующие настроение и ориентиры, которые каждый респондент выбирал для себя, исходя из своих внутренних представлений об этих высших чувствах и своей бессознательной потребности в них. Как было показано выше, бессознательный компонент общественного настроения усиливается при его несовпадении с отстающим общественным мнением, которое, как правило, еще не успевает сформироваться и запаздывает в кризисных ситуациях.

Если характеризовать по данному опросу *общественное настроение* в целом, то необходимо отметить, что данный вопрос вызвал интерес и привлек наибольшее число пользователей. Это может означать «попадание» в тему, совпадение предложенных выборов с внутренними настроениями пользователей, наличии в их переживаниях названных высших чувств. Само общественное настроение, таким образом, может быть описано через структуру оптимистической триады, которая, во-первых, является актуальной, а во-вторых, представляет собой комплекс переживаний, в котором главное место занимает чувство тревоги и беспокойства за близких, затем следует уверенность в правильности выбранного пути и, наконец, ожидание благополучного исхода при восприятии ситуации как потрясения в настоящий момент.

Косвенно такая структура свидетельствует и об уровне субъектности сетевого сообщества, в которой базовым, ведущим признаком является взаимосвязанность и взаимозависимость людей. Именно об обострении чувств к ближнему и говорит ведущее место любви среди трех составляющих оптимистической триады (это соответствует результатам, полученным и при проверке первой гипотезы). Таким образом, удовлетворяется первый критерий субъектности (подробнее о критериях и признаках см.: Журавлев, 2002, с. 60–64).

Вторым признаком субъектности является совместная активность, деятельность членов сообщества. Вера как активное переживание, подразумевающее и собственный вклад в дело, и доверие Другому, и активное осмысление, поиск, может в какой-то мере соотноситься с этим критерием.

Третий признак субъектности – рефлексия состояния сообщества, переживание «чувства мы», по нашему мнению, в большей степени также соответствует Вере (и результатам, полученным при доказательстве второй гипотезы), однако если учесть поляризацию сообщества, высокую степень неопределенности ситуации, конфликтность в осмыслении своего прошлого (разное отношение к сравнению с войной, например), то нельзя исключить, что надежда отражает ту самую растерянность, которая сопровождает часть сообщества в новой для него ситуации, возможно, именно они делали такой выбор.

Представляется, что полученные результаты свидетельствуют о том, что *общественное настроение* сетевого интернет-сообщества, представленного пользователями социальной сети, является наглядной моделью для изучения различных социальных процессов в целом. Первое, на что можно обратить внимание, – это доверие информации, которую предоставляют различные ресурсы и сами пользователи в Твиттере. Таким образом, целесообразно было бы не только анализировать, но и генерировать соответствующий контент для регуляции общественных настроений в кризисные периоды. Собственно, такую роль уже выполняют сами пользователи, активно создающие различные мотиваторы и демотиваторы, как правило, ироничного, критичного или юмористического характера. Однако эта сторона работы могла бы быть взята на вооружение специальными структурами, ведущими психокоррекционную работу, для организации таковой в интернете совместно с исследователями. Иерархия высших чувств, полученная в нашей работе, могла бы, в частности, стать ориентиром для разработки предлагаемых стратегий совладания.

Поляризация *общественного настроения,* отмеченная в полученных результатах, может способствовать не только тому, чтобы обращать внимание на возможные конфликты в подобных ситуациях-вызовах, но и стать основой для диалога. Разъяснение «нормальности» такой ситуации, ее сущности, положительных следствий – возможного сближения мнений – может служить рекомендацией для средств массовой коммуникации при организации своих стратегий подачи и анализа информации, а также выбора тем для обсуждения. Необходима демонстрация путей выхода из негативного настроения по классическим психокоррекционым схемам – переживания горя, подстройки, переформулирования проблемы и др., но направленным уже на большие группы населения.

РАЗДЕЛ IV

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

ГЛАВА 24

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Вспышка COVID-19, возникшая в КНР в начале декабря 2019 г., быстро получила освещение в мировых СМИ и стала рассматриваться как глобальная угроза. С учетом быстрого распространения заболевания Всемирная организация здравоохранения вынуждена была признать эпидемиологическую обстановку пандемией, институционально закрепив таким образом уже сформированное в экспертном сообществе отношение к данной угрозе как к одному из экзистенциальных глобальных рисков. К апрелю 2020 г. более 2,6 миллиардов жителей земли оказались в условиях вынужденного социального дистанцирования и самоизоляции (Van Hoof, 2020).

Несмотря на опыт борьбы с другими эпидемиями, накопленный за последние 20 лет, социальные институты большинства стран оказались плохо подготовленными к данной угрозе. До тех пор, пока основной задачей правительств является сдерживание распространения патогена, публичные дискуссии сосредоточены на непосредственных последствиях карантинных мер для экономики и психологического состояния людей, находящихся на карантине. Тем не менее уже сегодня очевидно, что пандемия будет иметь не только краткосрочные, но и долгосрочные последствия для человека и общества.

Цель данной главы – проанализировать возможные *социально-психологические механизмы* влияния пандемии и связанного с ней экономического кризиса на российское общество. Последствия пандемии рассмотрены на нескольких уровнях социально-психологического анализа: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом и макропсихологическом, то есть в масштабах всего общества.

---

1 Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Нестик Т. А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 47–82.

Социально-психологические последствия пандемии

На уровне *личности* одним из наиболее серьезных последствий пандемии является переживание стресса во время вынужденной самоизоляции или карантина, а позднее – возможное развитие посттравматического стрессового расстройства. Исследования, проведенные среди людей, находившихся на карантине в связи с эпидемиями MERS, SARS, H1N1 и Эболы, показывают, что до 30% из них проявляли симптомы ПТСР, причем у 10% они наблюдались даже через 3 года после травмирующих событий (Brooks et al., 2020). Обследования, проведенные среди жителей Китая, показывают, что закрытие городов для сдерживания COVID-19 вызвало симптомы посттравматического стресса, депрессию и тревожные расстройства (Wang et al., 2020; Zhang et al., 2020). Психологические работы показывают также рост суицидальных мыслей в период пандемии. Так, среди американских респондентов, рекрутированных через краудсорсинговую платформу mTurk, 45% респондентов отметили наличие мыслей о суициде в связи с пандемией, а 9% целенаправленно пытались заразиться COVID-19 (Ammerman et al., 2020).

Роль страха в поддержании карантина и социального дистанцирования носит амбивалентный характер. С одной стороны, ряд исследований показывает, что тревога по поводу пандемии, а также тревожность как личностная черта прямо связаны с соблюдением правил предосторожности (Zettler et al., 2020). Предварительные данные показывают, что в условиях пандемии страх заражения сильнее влияет на соблюдение мер предосторожности, чем политические убеждения (Harper et al., 2020). С другой стороны, длительное переживание тревоги и страха по поводу COVID-19 в условиях неопределенности будущего приводят к истощению психологических ресурсов личности, вызывают деструктивные стратегии совладания, могут вести к тяжелым формам тревожных и депрессивных расстройств (Ahorsu et al., 2020). Кроме того, тревога в условиях самоизоляции приводит к росту категорического и личностно-суеверного мышления, что повышает подверженность личности манипуляциям и вере в конспирологические теории (Бойко и др., 2020).

Переживание тревоги и страха по поводу возможности заражения COVID-19 усиливается не только условиями вынужденной самоизоляции, но и осознанием глобальных масштабов происходящего, что провоцирует катастрофизацию образа коллективного будуще-

го. Проведенные нами ранее эмпирические исследования показывают, что отношение личности к глобальным угрозам определяется образом мира и представлениями об обществе (Нестик, Журавлев, 2018). Мы выделили три группы убеждений, выполняющих разные психологические функции при совладании с информацией о глобальных угрозах.

Первая из них выполняет защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов: убежденность в несправедливости общества, недоверие к социальным институтам, а также убеждение в предопределенности судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают поддержку радикальных и насильственных мер для предотвращения катастрофы.

Вторая группа убеждений выполняет стабилизирующую функцию, способствует совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение приверженности групповым нормам: религиозности, ориентации на уважение к авторитетам, чистоте и святости в моральных оценках, усиливает убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и более жесткому контролю за гражданами для предотвращения катастрофы. Консервативные убеждения способствуют повышению управляемости и мобилизации общества перед лицом беды, но при этом сдвигают общественное сознание к «ограничительным» мерам, которых может оказаться недостаточно. Так, например, один лишь рестриктивный подход к предотвращению техногенных рисков ослабляет социальное доверие и затрудняет публичный диалог, необходимый для выработки правил использования новых технологий.

Наконец, третья группа убеждений выполняет функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности. Относящиеся к этой группе убеждения в способности человека определять свое настоящее и будущее, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в социальную сложность, в наличие множества различных решений в одной и той же ситуации, а также вера в справедливость мира поддерживают ориентацию на прогнозирование и предотвращение глобальных угроз через сотрудничество, помогают не поддаваться соблазну упрощенных, популистских, радикальных решений. Именно *опыт успешной кооперации, социальное доверие* и *ценность заботы о людях* необходимо поддерживать при информировании о глобальных рисках.

Начиная с 23 января, когда на карантин был закрыт китайский город Ухань, и до середины марта 2020 г. число сообщений в российских СМИ, которые были посвящены коронавирусу, увеличилось в 13 раз, а в зарубежных СМИ каждая третья публикация к этому времени была посвящена COVID-19 (Шкуренко, 2020). Тревожные сообщения в СМИ и социальных медиа усиливают негативные последствия эпидемий, расширяя число «вторичных жертв» (Тарабрина, 2009; Garfin et al., 2020; Hong, Collins, 2006; McDonnell et al., 2012; Ng et al., 2018), подобно тому, как это происходит при освещении массовых убийств в медиа (Thompson et al., 2019). Зарубежные исследования социальных сетей показывают, что пугающие новости, даже если они заведомо неправдоподобны, пересылаются в несколько раз быстрее и со значительно большим охватом, чем положительная и достоверная информация (Vosoughi et al., 2018). В результате СМИ и социальные медиа превращаются в «фабрику тревоги».

Регулярно обновляемая информация о числе заболевших и количестве летальных случаев на первых страницах газет и в Яндексе напоминает россиянам о смерти. Пугающее число смертельных исходов и сообщения о конкретных людях, умерших от коронавируса, могут вызвать психологические эффекты, описанные в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона. При напоминании о конечности существования и событиях, потенциально опасных для жизни, у людей отмечается стремление поддержать положительную самооценку, подчеркнуть позитивную групповую идентичность, у них повышается конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам, актуализируются групповые стереотипы, а также отмечается склонность к импульсивному потреблению (Denying death..., 2016; Greenberg, 2008; Greenberg et al., 1986). Эти эффекты повышают подверженность личности манипуляциям, а также облегчают сдвиг ценностных ориентаций в сторону авторитаризма правого толка. В исследовании, проведенном нами в апреле 2020 г. (N=271), было обнаружено, что низкая оценка личностью способности своими действиями влиять на распространение пандемии COVID-19, тревога по поводу глобальных рисков, страх смерти, а также низкая ориентация на поиск социальной поддержки в сочетании с сильной гражданской идентичностью являются предикторами авторитаризма правого толка. В ряде работ, посвященных психологическим последствиям природных бедствий, было показано, что чувство беспомощности перед лицом природной ката-

строфы усиливает авторитаризм правого толка (Russo et al., 2020). По-видимому, этот эффект можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности.

В *межличностных отношениях* последствиями пандемии может стать травмирующий опыт конфликтов с близкими во время карантина, рост уровня домашнего насилия. Исследования, посвященные психологическим последствиям природных катастроф, свидетельствуют о росте конфликтов в семьях и числа случаев насилия над детьми (Schumacher et al., 2010; Stark, Ager, 2011). Как показывают статистические данные, собранные в Китае в первой четверти 2020 г., после карантина следует ожидать роста числа разводов (Moser et al., 2020; Yu, Liu, 2020). Ряд исследований показывает, что посттравматический синдром усиливается, если личность испытывает дефицит социальной поддержки от окружающих и низко оценивает сплоченность общества (Johns et al., 2012; Lê et al., 2013). Чувство одиночества усиливает симптомы психологического неблагополучия и тревогу по поводу финансовых проблем в период пандемии COVID-19 (Okruszek et al., 2020).

Продолжительный опыт социального дистанцирования может привести к росту социальных фобий – страхов, связанных с межличностным общением. Как известно из опыта экономических кризисов, наиболее распространенной стратегией является ориентация на помощь родственников и друзей. В условиях низкого генерализованного доверия, по-видимому, можно ожидать усиления тесных, эмоциональных, доверительных связей с близкими и уже знакомыми людьми и ослабления так называемых «слабых связей» (Granovetter, 1973). Исследование в 39 странах показало, что в обществах, исторически более подверженных эпидемиям, а также другим природным и антропогенным угрозам, отмечается меньшая проактивность в завязывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию (Thomson et al., 2018). Иными словами, в условиях пандемии и последующего экономического кризиса будет происходить обеднение разнообразия персональной социальной сети и сужение круга контактов. Это, в свою очередь, может затруднить социальные и технологические инновации, ослабить поиск новых решений и управление знаниями в организациях (Нестик, 2013).

Исследования показывают, что поведение в условиях неопределенности в значительной степени зависит от дескриптивных норм,

то есть представления людей о том, как ведут или будут вести себя большинство окружающих (Schultz et al., 2007). Такие представления играют важную роль в формировании отношения к глобальным рискам. Именно дескриптивные нормы оказались наиболее сильным предиктором готовности личности к изменению своего поведения для адаптации к изменению климата (Doherty, Webler, 2016; van Valkengoed, Steg, 2019). Как показал проведенный нами в апреле 2020 г. опрос среди российских интернет-пользователей (N=1666), 45% респондентов считают, что нельзя полагаться на то, что люди будут соблюдать правила предосторожности во время эпидемии; 42,3% сомневаются, что их соотечественники, заболевшие во время эпидемии, и их близкие станут соблюдать карантин; а 45,4% убеждены, что в случае эпидемии большинство людей не станут сообщать о том, что они заболели, чтобы не оказаться на карантине.

На уровне *группы и организации* негативные переживания, связанные с последствиями пандемии, запускают разнонаправленные групповые процессы. С одной стороны, они повышают сплоченность группы перед лицом общей опасности, с другой стороны, они затрудняют групповое принятие решений и коммуникации, сдвигая группу к чрезмерно консервативным или, напротив, рискованным стратегиям поведения.

Переживания пандемической угрозы усиливают групповую идентификацию, что в свою очередь может затруднять конструктивный поиск решений проблем, возникающих в связи с влиянием пандемии на экономику. Эксперименты показывают, что высокая значимость групповой идентичности провоцирует аффективное совладание с критической ситуацией: члены группы мобилизуются для коллективных действий через чувство группового гнева или тревоги. То есть актуализация групповой идентичности упрощает эмоционально-фокусированный копинг и ослабляет проблемно-фокусированный (Van Zomeren et al., 2008). Проблемно-фокусированный копинг подразумевает продумывание шагов по целенаправленному изменению реальности, взвешивание альтернатив и выбор оптимального способа действий. Эмоционально-фокусированный копинг, напротив, затрудняет рефлексию, оценку инструментальной полезности действий и облегчает подверженность упрощенным, популистским решениям при реагировании на ситуацию.

Известно, что переживаемый стресс повышает потребность членов группы в определенности, простых и окончательных решениях

(так называемое «need for closure»). Возрастает стремление к единству мнений и предпочтений, групповое давление и конформность. Если члены группы уже выработали очень устойчивые предпочтения, то стресс приводит к их еще большему «замораживанию» и тем самым – к снижению готовности соглашаться с другими мнениями. В противном случае стресс побуждает группу к установлению единогласия за счет более сильного давления на меньшинство или за счет роста конформности меньшинства. Оба этих процесса приводят к сосредоточению власти в руках нескольких наиболее влиятельных членов группы, что проявляется в асимметрии процессов общения внутри нее (De Grada et al., 1999). Возрастает и влияние лидеров на установление правил коммуникации (Pierro et al., 2003). В целом стресс приводит к «зашориванию группового разума», то есть отторжению непопулярных в группе точек зрения, ориентации на авторитарное лидерство и сложившиеся групповые нормы (Kerr, Tindale, 2004).

Психологические исследования показывают, что в состоянии тревоги малые группы становятся более конформными в отношении авторитетных мнений, чаще упрощают ситуацию и реже учитывают альтернативные точки зрения (Rhee, 2007). В результате резко возрастает вероятность ошибки лидера. Растет приверженность ранее принятым решениям, тревога сковывает воображение и затрудняет поиск нестандартных путей выхода из ситуации. При этом снижается способность команды к оценке долгосрочных последствий своих действий. Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание группы к ближайшему будущему. Тем не менее они запускают защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Наши предшествующие исследования показали, что нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности (Нестик, 2014).

В сетевых сообществах тревога повышает вероятность поляризации и вызывает формирование «эхокамер», провоцирует эффект самоподтверждения первоначально сформированного мнения, а также способствует формированию системы убеждений, затрудняющей критический анализ информации. Как показывают исследования в области дезинформации по поводу заболеваний, эти эффекты уси-

ливают негативное отношение к вакцинации и приверженность конспирологическим теориям (Wang et al., 2019).

Ранее проведенный нами анализ позволяет выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы в условиях глобальных рисков: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций (Нестик, 2016). Для поддержки этих механизмов руководителям российских организаций необходимо не только фасилитировать регулярную рефлексию действий своего коллектива в условиях кризиса, но и демонстрировать заботу о сотрудниках, целенаправленно давать возможность участникам совещаний делиться своими чувствами по поводу происходящего.

В ближайшие месяцы можно с уверенностью прогнозировать рост *межгрупповой напряженности,* связанной с пандемией и с ее социально-экономическими последствиями. Как показывает история человечества, все известные историкам эпидемии сопровождались вспышками ксенофобии, межгрупповой напряженностью и поиском врагов (Snowden, 2019).

Опыт наблюдений, проводившихся во время эпидемий SARS, MERS и Эболы, свидетельствует о том, что стигматизации подвергаются не только заболевшие как непосредственный источник опасности, но и врачи, члены их семей (Brooks et al., 2020). Уже сейчас мы можем наблюдать проявления стигматизации в отношении людей, которые входят в продуктовый магазин без маски, пожилых людей, а также жителей крупных городов. В перспективе стигматизированными могут оказаться люди, которые в силу разных причин не имеют права на свободное перемещение в период карантина и оказываются «пораженными в правах». Безусловно, проявления стигматизации должны более широко обсуждаться и учитываться в рамках информационной компании по сдерживанию пандемии (UNICEF..., 2020).

В связи с введением цифровых пропусков переживание социального неравенства будет усиливаться. Эта система, которая в дальнейшем может быть увязана с результатами медицинского тестирования на наличие антител, может привести к росту воспринимаемого неравенства в обществе. Учитывая вероятность ошибок в результатах тестов, нельзя исключать роста агрессии в отношении людей, получивших разрешение на работу (Nelson, Osman, 2020). Уже сегодня использование QR-кодов для контроля перемещений граждан в России приводит к дискриминации тех, кто не обладает нужным уровнем цифровой грамотности или не имеет смартфона. Наиболее уязвимыми в условиях кризиса оказываются категории людей с низким социально-экономическим статусом, мигранты и этнические меньшинства. Опыт Сингапура и Великобритании указывает на то, что риск заболевания коронавирусом особенно велик среди трудовых мигрантов. Так, например, в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии заболеваемость COVID-19 среди этнических меньшинств в два раза превышает средний уровень по всему населению (Hirsch, 2020).

Под влиянием экономического кризиса социальное неравенство в мире еще больше усилится: с каждым процентом сокращения мирового ВВП за черту бедности будут переходить около 10 млн человек (Ahmed et al., 2020). Воспринимаемое неравенство будет снижать готовность людей к совместным действиям для сдерживания распространения патогена. Например, в экспериментах с решением дилемм по поводу ресурсов готовность испытуемых к кооперации снижалась, если условия взаимодействия казались им неравными (Aquino et al., 1992). Исследования последствий природных катастроф показывают, что способность локальных сообществ восстанавливаться после ураганов и наводнений зависит от уровня социальной поддержки и воспринимаемого уровня неравенства (Kaniasty, Norris, 2009; Lowe et al., 2018). Репрезентативные опросы в США показывают, что генерализованное социальное доверие снижает воспринимаемый уровень стресса и тревоги в условиях пандемии COVID-19, при этом среди людей, склонных доверять другим, меньше тех, кто убежден в том, что власти избыточно реагируют на эпидемиологическую угрозу (Rainie, Perrin, 2020). Есть основания полагать, что низкий уровень социального доверия будет снижать общественную поддержку мер, принимаемых государством для преодоления последствий пандемии.

Тревога, связанная с новостями о росте числа заболевших и умерших во время пандемии COVID-19, повышает чувствительность

личности к негативной информации, заставляя переоценивать другие угрозы – преступность, рост безработицы (Chevallier et al., 2020; Lieder et al., 2018). В ситуации неконтролируемой опасности люди склонны искать могущественного врага, которому можно приписать причины происходящего, повышая тем самым свою самооценку и воспринимаемый уровень контроля над ситуацией (Sullivan et al., 2010). Этот защитный механизм не только вносит лепту в распространение конспирологических теорий происхождения пандемии, но и усиливает межгрупповую напряженность в обществе после ее окончания.

Для прогнозирования влияния пандемии на *общество в целом* необходимо принять во внимание тот факт, что подавляющее большинство стран вошли в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия. Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия занимает последнее место: лишь 30% опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО. Согласно результатам опроса по репрезентативной общероссийской выборке, проведенного нами в сентябре 2019 г. совместно с ИГ «Циркон» (N=1600), только 26,2% респондентов считают, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся. Наше исследование показало, что глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования коллективных страхов в избирательных кампаниях и общественно-политических движениях. Поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы, тем выше, чем больше их беспокоят глобальные риски и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе.

Массовый характер психологической травматизации в ходе пандемии и связанного с ней экономического кризиса влечет за собой

негативные изменения ключевых макропсихологических показателей: снижения психологической устойчивости и социально-психологического благополучия (Лебедев, 2018; Юревич, 2019; Юревич и др., 2007). В этих условиях можно ожидать, с одной стороны, повышения социального цинизма и веры в опасный мир, а с другой – роста популярности лидеров, обращающихся к моральным ценностям. Обнаружена прямая связь тревоги по поводу COVID-19 с ориентацией на заботу о людях и консервативные моральные основания лояльности, уважения к авторитетам и чистоты/святости (Harper et al., 2020). Одним из механизмов, повышающих доверие к представителям власти в условиях пандемии, является прототипическое лидерство и доверие к источникам информации, опирающимся на моральные аргументы. Как показывают исследования, в условиях неопределенности особенно привлекательными являются «прототипические» лидеры, демонстрирующие свое сходство с типичными представителями группы, ссылающиеся на групповые ценности, а также использующие в своей речи инклюзивное местоимение «мы» (Hogg, van Knippenberg, 2003). Кроме того, ряд исследований указывает на то, что доверие выше к тем сообщениям, которые опираются на моральную аргументацию (Everett et al., 2018).

Есть основания ожидать, что под влиянием пандемии произойдут изменения в политических установках россиян: раздражение в отношении опрометчивых авторитарных решений, принимаемых отдельными российскими политиками, подрывает доверие к государству, но при этом поддержка самого авторитарного подхода к управлению и консервативных политических ценностей будет расти. Серия исследований показывает, что при росте воспринимаемой угрозы общество становится более готовым к отказу от свобод в пользу безопасности, гарантируемой государством (Doty et al., 1991; McCann, 1997; Willer, 2004). Анализ реакции обществ на угрозы, связанные с изменением климата, природными бедствиями и эпидемиями в 1949–2016 гг., показывает, что интенсивность эпидемиологической угрозы снижает уровень прозрачности выборов, гражданских свобод и участия в политической жизни (Kusano, Kemmelmeier, 2020). Как показало экспериментальное исследование, проведенное в США и Польше, тревога по поводу пандемии COVID-19 провоцирует снижение толерантности к неопределенности, сдвиг к консервативным ценностям и поддержку авторитарных кандидатов в президенты (Karwowski et al., 2020).

Как повысить жизнеспособность российского общества в условиях пандемии?

Использование одних лишь технических средств выявления и блокирования дезинформации и конспирологических теорий в условиях низкого доверия к государству может приводить к обратным результатам, подстегивая поляризацию, недоверие к власти, СМИ, интернет-компаниям и цифровым технологиям. Сомнительные посты можно не блокировать полностью, а автоматически снабжать тегом «может содержать ложные сведения», что, как показывают исследования, существенно снижает число дальнейших перепостов (Wang et al., 2019).

В одном из исследований было показано, что на соблюдение мер, направленных на борьбу с пандемией, сильнее всего влияют оценка риска, связанного с COVID-19, и доверие к науке, которое опосредует влияние других факторов, таких как консервативные политические взгляды, религиозность, вера в конспирологические теории и интеллектуальное любопытство (Plohl, Musil, 2020). Учитывая, что в России по разным оценкам от 30 до 38% взрослых не уверены в безопасности вакцинации (ВЦИОМ, 2019; Gallup, 2019), основные усилия необходимо сосредоточить на повышении доверия к ученым, врачам и руководителям системы здравоохранения. Необходимо расширить число волонтерских фактчекинговых сообществ в социальных сетях, сформировать круг экспертов, готовых в течение нескольких часов реагировать на появляющиеся в сети слухи квалифицированным опровержением.

Для противодействия стигматизации необходимо избегать обезличивания заболевших людей в новостных сводках, а также увязывания их с теми или иными социально-демографическими категориями. Вместо обозначения «случаи с COVID» или «шашлычники» необходимо рассказывать о «людях, заболевших коронавирусом». Недопустима публикация в открытом доступе информации о конкретном доме или подъезде, в котором проживают заболевшие люди. Вместо этого необходимо указывать и постоянно обновлять сведения о числе заболевших жителей по каждому микрорайону и округу города. Необходимо освещать личные истории заболевших людей и врачей, давать им возможность публично рассказывать о развитии ситуации, своих переживаниях, страхах и надеждах. От политики замалчивания страхов и предрассудков как можно скорее необходи-

мо переходить к открытому обсуждению проявлений стигматизации и дискурса ненависти, для борьбы с которыми важно привлечь уважаемых людей искусства, религиозных деятелей, журналистов и блогеров.

Исследования показывают, что в том случае, когда нагнетание тревоги в отношении масштабных угроз вызывает ощущение беспомощности, это провоцирует защитные реакции, схожие с когнитивным диссонансом (Нестик, Журавлев, 2018). Противоречие между тревогой и кажущимся отсутствием возможности влиять на ситуацию разрешается за счет занижения вероятности риска и тяжести его последствий, а также использования стратегий депроблематизации: «пусть этим занимаются специализированные службы»; «это естественный процесс, который сам пройдет»; «есть более серьезные социальные проблемы, которые нужно решать» и т. д. В итоге запугивание приводит к обратным эффектам – вместо мобилизации общества на всеобщую борьбу с пандемией оно усиливает отрицание ситуации, фатализм и недоверие к официальной информации.

Исследования показывают, что подчеркивание негативных последствий несоблюдения требований врачей и власти в условиях пандемии COVID-19 менее эффективно, чем призывы защитить близких и друзей. Так, в информационной кампании, направленной на повышение готовности граждан соблюдать правила социального дистанцирования, использовались утилитаристская и моральная стратегии. Для первой из них основными аргументами являлись негативные последствия неосторожного поведения. При второй моральной стратегии акцент делался на чувстве ответственности личности перед близкими и знакомыми людьми. Несмотря на то, что большинство участников исследования считали утилитаристские сообщения более эффективными, результаты экспериментов показали, что апелляция к чувству морального долга сильнее влияет на их поведение, чем указания на угрозу личному благополучию (Everett et al., 2020).

Для сокращения числа вторичных жертв в условиях пандемии необходимо использовать не штрафы за нарушение норм карантина, а стимулы к его соблюдению. Прежде всего, необходимо поддерживать сопереживание и разъяснять, как именно соблюдение карантина помогает человеку контролировать ситуацию. Как показало онлайн-исследование, проведенное на американской выборке, наибольший отклик получили сообщения с призывом оставаться дома из сострадания к людям, уязвимым в отношении COVID-19 (Blagov,

2020). В целом соблюдение мер предосторожности в условиях пандемии оказалось прямо связано с доброжелательностью и добросовестностью, что может указывать на принципиально важную роль сострадания и самоэффективности, то есть убеждения личности в способности влиять на распространение болезни и вероятность собственного заражения.

Наше исследование, проведенное совместно с ЦСП «Платформа» и компанией OMI (N=1043) по квотной выборке среди жителей российских городов в мае 2020 г., показало, что предикторами соблюдения санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии являются доверие к социальным институтам, вера личности в свою способность защитить от заражения себя и близких, а также сопереживание другим (Исследование социальных эффектов..., 2020).

Полученные нами данные хорошо согласуются с данными, полученными в других странах. Так, исследование, проведенное в Китае, показывает, что убеждение в контролируемости угрозы COVID-19 позитивно влияет на психологическое благополучие и повышает готовность следовать правилам предосторожности (Li et al., 2020). Как оказалось, отказ от соблюдения правил предосторожности прямо связан с уверенностью в невозможности контролировать заражение. При этом испытуемые с низкой оценкой вероятности заражения COVID-19 склонны объяснять ее собственными характеристиками, такими как возраст и соблюдение гигиены, а респонденты, высоко оценивающие вероятность своего заражения, называют в качестве причин внешние обстоятельства – недостаточные действия властей, несоблюдение другими людьми правил гигиены и т. п. (Dunning, Pownall, 2020). Как показывают исследования, сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств (King et al., 2016), а также мотивацию к социальному дистанцированию в условиях пандемии COVID-19 (Pfattheicher et al., 2020).

С учетом результатов исследований психологических закономерностей отношения людей к эпидемическим угрозам можно выделить две основные задачи частных и государственных информационных кампаний, связанных с COVID-19: поддержка веры людей в собственные силы и сопереживания другим. Во-первых, необходимо поддерживать уверенность граждан в том, что они могут повлиять

на вероятность собственного заражения, защитить близких, повысить шансы на сохранение работы или новое трудоустройство. Во-вторых, требуются специальные программы, направленные на поддержку сопереживания не только заболевшим и врачам, но и другим людям, оказавшимся в трудных условиях, – соседям, коллегам по работе или профессии; необходимо стимулирование участия пользователей социальных сетей в коллективных акциях социальной помощи.

Руководителям компаний, чьи сотрудники сейчас работают удаленно, необходимо регулярно проводить видеообсуждения не только рабочих вопросов, но и текущей ситуации, чтобы люди могли высказывать свои тревоги и надежды, убедиться в том, что компания о них заботится. Обмен эмоциями, который сопровождается переосмыслением групповых целей, облегчает конструирование членами группы позитивной идентичности, восстановление позитивного отношения к ней и миру после коллективной травмы (Rime et al., 2010).

При информировании граждан об имеющихся у государства возможностях поддержки нуждающихся не следует подчеркивать необходимость отказа от трат ради улучшения ситуации в будущем. Исследования в области психологии дисконтирования будущего показывают, что при отсутствии альтернативы «здесь и сейчас» люди склонны к более рациональным решениям (Berns et al., 2007). Иными словами, при разъяснении экономической политики государства нужно сравнивать суммы возможных субсидий и выплат через несколько месяцев и через год, а не противопоставлять выплату 10 тысяч рублей каждому взрослому сейчас и сокращающиеся возможности государственного бюджета в будущем.

Альтернативой алармизму в освещении ситуации СМИ, комментариях руководителей и экспертов должна стать логика позитивных целей: не снижение числа погибших, а число спасенных жизней и рабочих мест, примеры самоотверженности врачей, сопереживания, заботы друг о друге и социальной ответственности граждан, четкие инструкции исполнительной власти в сочетании с демонстрацией доверия к гражданам.

Необходимо публичное обсуждение будущего страны после пандемии в традиционных СМИ и социальных медиа. Уже сегодня необходимо широкое информирование граждан о плане выхода российской экономики из карантина, а также критериях, на основании

которых будет приниматься решение о переходе от одной стадии плана к другой. Принципиально важно регулярно предоставлять информацию о меняющихся потребностях рынка труда, планируемых мерах поддержки граждан и предприятий, на основании которой люди, находящиеся в условиях самоизоляции, могли бы планировать различные сценарии своей дальнейшей жизни.

ГЛАВА 25

СПЕЦИФИКА ВИРУСНОЙ УГРОЗЫ КАК ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕГО СТРЕССОРА

По данным центра системных наук и инженерии (CSSE) Университета Джона Хопкинса (JHU), где на информационной панели в режиме реального времени по каждой стране отражается динамика количества заболевших и умерших во всем мире от COVID-19, общее число заболевших на 7.09.2020 г. – 27143630 человек, из них 18139887 – выздоровевших, 889352 – умерших[1].

Представленная информация свидетельствует о масштабе распространения пандемии коронавируса на глобальном уровне. Эта ситуация не могла не вызвать ответ у мирового научного сообщества, в частности психологов. Актуальность этой проблемы отражается в большом количестве исследований, конференций и симпозиумов.

Нам представляется, что одним из важных аспектов рассмотрения психологического воздействия вирусной угрозы является вопрос обозначения ее особенностей как травматического стрессора.

Особенности вирусной угрозы как травматического стрессора

Специфичность вирусной угрозы определяют, на наш взгляд, два момента. Во-первых, в ситуации распространения вируса актуализируются множество источников стресса: опасность заражения (известно, что COVID-19 передается быстро и незаметно, есть данные о бессимптомных носителях, о легкой форме болезни, о так называемых неосведомленных о сроках карантина переболевших и пр.); экономические последствия эпидемии (количество официально зарегистрированных безработных в России с начала панде-

1 https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd4029-9423467b48e9ecf6.

мии возросло в 2 раза и составляет 1,9 миллиона человек[1]; в марте 2020 г. – до начала эпидемии общее число официально безработных в России составляло 726 тысяч человек; экономический ущерб, нанесенный эпидемией только Китаю, уже оценивают в 60 млрд $[2]); изменения привычного уклада жизни; противоречивость информации о контагиозности, мерах лечения, количестве заболевших/умерших и т. д.

Вторым важным моментом выступает невидимый характер вирусной угрозы. Клинические наблюдения за психопатологическими последствиями воздействия на человека экстремальных факторов способствовали возникновению терминов «травматический стресс» и «посттравматический стресс», а также выделению посттравматического стрессового расстройства – ПТСР (post-traumatic stress disorder – PTSD) в качестве самостоятельной нозологической единицы в Американской классификации психических расстройств. Травматический стресс – это особая форма общей реакции, возникающая в ситуации, когда стресс перегружает психологические и адаптационные возможности человека и разрушает психологическую защиту, то есть стресс становится травматическим, когда результатом воздействия стрессора является нарушение в психической сфере (Тарабрина, 2009). В этом случае нарушаются структура «самости», когнитивная модель мира, аффективная сфера, неврологические механизмы, управляющие процессами научения, система памяти, эмоциональные пути научения (Тарабрина, 2001, 2009). В качестве стрессора в таких случаях выступают травматические события, которые коренным образом нарушают чувство безопасности индивида, вызывая глубокие переживания. Эти события представляют серьезный вызов адаптивным возможностям и ресурсам совладания и воспринимаются психикой как угроза разрушения. В зависимости от типа травматического стрессора выделяют событийный и невидимый стрессоры. Травматический стресс, имеющий событийную природу, – это стресс, обусловленный конкретными событиями (пожар, стихийное бедствие, война, техногенная катастрофа и пр.), которые воспринимаются непосредственно органами чувств. Невидимые стрессоры не вносят видимых изменений в окружающую среду, поэтому их восприятие и оценка бази-

1 https://meduza.io/news/2020/05/27/kolichestvo-ofitsialno-zaregistrirovannyh-bezrabotnyh-v-rossii-s-nachala-pandemii-vyroslo-v-dva-s-polovinoy-raza.

2 https://www.rbc.ru/opinions/economics/10/02/2020/5e3d21239a79472f16abff05.

руются, с одной стороны, на рациональном знании об их наличии и, с другой стороны, на неосознаваемом или лишь частично осознаваемом эмоциональном переживании страха по поводу влияния этих факторов на жизнь и здоровье человека (Тарабрина и др., 1996). Переживание воздействия одного из «невидимых» стрессоров (угроза радиационного, химического, бактериологического заражения) происходит по другим механизмам.

В этой связи особую роль приобретает информационное воздействие СМИ и его интенсивность. В случае с COVID-19 просветительские и новостные сообщения, мнения экспертов, возникающие конспирологические теории и пр. могут оказывать психотравмирующее влияние на уязвимую часть населения. Это может приводить к тому, что люди начинают переживать эту невидимую угрозу как реальную опасность для жизни.

Первая волна научных психологических исследований того, насколько информация может оказывать психотравмирующее воздействие, берет свое начало еще с психологических исследований ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС (Тарабрина, Петрухин, 1994). В ситуации нахождения в зоне радиационного поражения человек не воспринимает эту угрозу непосредственно с помощью органов чувств, а основным стрессогенным фактором выступает информация о вредоносном воздействии облучающих веществ.

Таким образом, стрессогенное воздействие складывается из двух составляющих. *Во-первых,* это имеющиеся в сознании ликвидаторов представления о вредоносном воздействии радиации (они знали, что это опасно, но не представляли насколько). *Во-вторых,* это то, с чем они сталкивались в обычной жизни по возвращении из опасной зоны (вторичные стрессоры): ухудшение здоровья, переживание угрозы развития лучевой болезни, семейные проблемы, связанные с деторождением, повышенная тревожность в условиях производства, проявляющаяся в переоценке вероятности аварийной ситуации. Одновременно с этим у них расширялись рациональные знания о действии радиации на организм человека. Это не всегда приводило к адекватным оценкам, поскольку восприятие обусловлено индивидуально-личностными особенностями.

В результате, по данным исследований, показано, что у 19,2% ликвидаторов было установлено посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) (Тарабрина, 2001). Эти цифры имеют большую социальную значимость, так как известно, что лица, страдаю-

щие этим расстройством, более, чем другие, склонны к различным формам дезадаптивного поведения и у них чаще развиваются алкоголизм, наркомания и пр.

Сопоставляя радиационную угрозу и угрозу заражения коронавирусом, следует отметить, что в случае с вирусом у людей есть возможность предотвратить заражение, то есть, соблюдая рекомендованные правила санитарно-эпидемиологической безопасности, можно защитить себя от этой угрозы.

Вторая волна исследований психотравмирующего воздействия информации связана с изучением косвенных жертв террористических актов, то есть тех, кто стал свидетелем терактов посредством СМИ (Быховец, Тарабрина, 2010; Тарабрина и др., 2007; Tarabrina, 2006). В исследованиях показано, что информационные сообщения о терактах из СМИ могут приводить к возникновению широкого спектра психопатологической симптоматики (тревога, депрессия и пр.), в том числе к посттравматическому стрессу разной степени выраженности, в отдельных случаях достигающего клинического уровня ПТСР.

Каков механизм данного информационного воздействия? Как показывают некоторые исследования, образы, продуцируемые радио, телевидением и фотожурналистикой, не требуют декодирования и поэтому обладают способностью «маскироваться» как реальный опыт (Нуркова и др., 2003; Maeseele et al., 2008). Последующие картины СМИ и публикации о теракте способны активизировать воспоминания травматического материала об этой угрозе. В данном случае средства массовой коммуникации оказываются триггерами, а способ подачи травматического материала посредством визуального и аудиального каналов (одни из самых информативных для человека каналов) способствует возникновению интенсивных посттравматических переживаний: симптомов вторжения и активизации в сознании травматического материала. Страх, ужас, чувство беспомощности обусловлены непредсказуемым характером угрозы, а также размытым образом врага.

Зарубежные исследования социальных сетей показывают, что пугающие новости, даже если они заведомо неправдоподобны, пересылаются в несколько раз быстрее и со значительно большим охватом, чем положительная и достоверная информация (Vosoughi et al., 2018).

У 24,9% косвенных жертв террористических актов выявлен высокий уровень переживания террористической угрозы, коррелиру-

ющий с признаками посттравматического стресса (Быховец, 2008). Также в исследованиях показано, что у 20% респондентов, наблюдавших каждый день телевизионные трансляции информационных сообщений захвата заложников в театральном центре на Дубровке, обнаруживались симптомы, характерные для ПТСР (Ениколопов, 2004). Н. Яо с соавт. показали, что длительность просмотра новостных сообщений о COVID-19 более четырех часов в сутки была связана с ростом психологического дистресса, тревожности и депрессивности (выборка населения Китая старше 18 лет) (Yao, 2020).

Возвращаясь к психологической специфике вирусной угрозы, следует отметить, что теракты представляли эпизодически возникающую угрозу для широких слоев населения, в то время как ситуация с распространением коронавируса и освещение ее в различных СМИ оказывает пролонгированное воздействие, приводя к сочетанию интенсивного и хронического стрессов.

Таким образом, несмотря на то, что существующая вирусная угроза COVID-19 имеет сходство с другими видами невидимых угроз, именно ее пролонгированный характер, высокий уровень неопределенности развития ситуации, а также возможность превентивных мер для обеспечения собственной безопасности определяют ее уникальность.

Далее будут представлены результаты исследований как отечественных, так и зарубежных коллег, в которых отражены данные о психологических реакциях населения на COVID-19. В данной работе мы бы хотели сосредоточиться на тех изменениях, которые происходят на уровне личности, не включая изменений на уровне межличностного общения и общества в целом. Так, Лучетти с соавторами изучали чувство одиночества у пожилых и одиноких людей, как наиболее уязвимых к этому состоянию групп населения, в период самоизоляции в связи с коронавирусом (Luchetti et al., 2020). Ими было показано, что пожилые люди сообщали о меньшем уровне одиночества по сравнению с более молодыми возрастными группами. Также получены данные о том, что люди, живущие в одиночку, и люди, у которых было хотя бы одно хроническое заболевание, сообщали о том, что они чувствовали себя более одинокими только в начале эпидемии (конец января–начало февраля 2020 г.); в целом, по данным трех замеров – конец января–февраль, март, конец апреля, – показана психологическая устойчивость данных групп населения в условиях самоизоляции.

Резкое изменение экономических условий жизни в период пандемии может являться источником психологического дистресса. Причинами кризисных переживаний могут являться задержка выплаты заработной платы, уменьшение рабочего времени и размера заработной платы, потеря работы, отсутствие «подушки финансовой безопасности». Все это является важными факторами психологического благополучия и социального статуса человека. Так, в работе Е. В. Молчановой в качестве психологических эффектов экономического кризиса 2007–2008 гг. указывается на снижение психологического благополучия, уверенности в себе, чувства собственного достоинства, изменения ценностных ориентаций и доверия к социальным институтам (Молчанова, 2018). Есть данные о росте количества суицидов в переходные периоды социально-экономических преобразований общества (Лазебник, 2015). М. М. Мамун и И. Юллах описывают актуальные случаи суицида в Пакистане, где с начала эпидемии коронавируса (январь 2020 г.) их зафиксировано 16 (12 из которых были совершены вследствие экономических причин, а 4 из-за страха быть зараженными) (Mamun, Ullah, 2020). Сочетание таких факторов, как отсутствие средств к существованию, ухудшение отношений с близкими, некоторые личностные особенности (ригидность психических процессов, обидчивость, склонность к созданию сверхценных идей и др.) формирует состояние беспомощности, безнадежности и отчаяния, которые могут стать причиной совершения суицида.

В лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН проводится разработка и эмпирическое исследование конструкта – переживание вирусной угрозы, под которым подразумеваем отношение субъекта к изменениям в собственной жизни и жизни общества в связи с вирусной угрозой, включающее его чувства, мнения о масштабе угрозы, суждения о правительственных инициативах и появление новых форм поведения, сложившихся вследствие переживания этой угрозы.

Эмпирическое исследование переживания вирусной угрозы

Для изучения переживания вирусной угрозы нами с апреля по июнь 2020 г. было проведено онлайн-исследование. Целью исследования стала оценка психопатологического статуса населения в ситуации распространения вируса COVID-19.

В ходе исследования решались несколько задач. Во-первых, определить различия в интенсивности переживания вирусной угрозы в зависимости от следующих факторов: пол, изменение экономического положения из-за потери работы в период карантина, наличие близких/родственников, перенесших COVID-19. Во-вторых, провести сравнительный анализ выраженности психопатологической симптоматики у респондентов с высоким, средним и низким уровнями выраженности переживания вирусной угрозы. В-третьих, сравнить выраженность психопатологической симптоматики населения в период карантина и до него.

В выборку исследования вошли 235 человек: 204 женщины и 31 мужчина в возрасте от 19 до 69 лет (M=39,96 лет; SD=10,276). Место проживания: Москва, Московская область, другие города РФ и зарубежья.

В качестве инструментария использовались опросник переживания вирусной угрозы (ОПВУ) (Быховец, 2020); опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised – SCL-90-R) (Derogatis et al., в адаптации Н. В. Тарабриной с коллегами, 2001).

Специально для данного исследования был разработан опросник переживания вирусной угрозы (ОПВУ). Входящие в опросник 35 пунктов позволяют получить информацию об особенностях переживания данного вида угрозы респондентами по 8 шкалам: 1) интерес к информации о вирусной угрозе; 2) оценка социально-экономических последствий вирусной угрозы; 3) отсутствие доверия к правительственным инициативам; 4) отсутствие готовности к решениям и действиям в условиях вирусной угрозы; 5) эмоциональные оценки опасности вируса; 6) оценка личной значимости события; 7) изменения обычных форм поведения, возникающие вследствие переживания опасности заразиться; 8) изменения в социальном взаимодействии вследствие вирусной угрозы. Суммарный индекс по всем пунктам позволяет оценить общую интенсивность переживания вирусной угрозы. Проведена психометрическая проверка данного измерительного инструмента, которая показала достаточно высокие оценки его надежности и валидности.

Статистическая обработка данных была проведена с использованием программного пакета Statistica v. 13 и включала в себя процедуры описательной статистики и анализ групповых различий с помощью U-критерия Манна–Уитни.

В соответствии с первой задачей нашего исследования мы провели сравнительную оценку интенсивности переживания вирусной угрозы в двух подгруппах респондентов: между теми, кто экономически пострадал вследствие коронавируса, и теми, чье экономическое положение осталось без изменений.

Выделенные подгруппы сравнивались по показателям восьми шкал и общему баллу ОПВУ с использованием непараметрического U-критерия Манна–Уитни. Получены данные о том, что те, кто потерял работу в период эпидемии, менее доверяют правительственным инициативам ($U=5569$ при $p=0{,}001$), выражают большую неготовность/растерянность в борьбе с вирусной угрозой ($U=4977{,}5$ при $p<0{,}001$), они в большей степени оценивают угрозу для собственной жизни ($U=5831$ при $p=0{,}038$). То есть потеря экономической стабильности выступает фактором психологической уязвимости населения.

Далее, были изучены половые различия в переживании вирусной угрозы. Показано, что женщины более, чем мужчины, проявляют следующие эмоции: тревогу ($p=0{,}01$), страх за свое здоровье и своих близких ($p=0{,}05$), менее уверены в завтрашнем дне ($p<0{,}001$). У женщин больше произошло изменений в социальном взаимодействии: они избегают контактов с незнакомыми людьми ($p=0{,}007$), указывают на чувство разобщенности между членами семьи ($p=0{,}058$). В целом общий уровень переживания вирусной угрозы выше у женщин ($p=0{,}011$). Полученный результат может быть связан с тем, что по данным литературы женщины более тревожны, чем мужчины, поэтому столкновение с различными стрессовыми агентами (в данном случае это угроза собственного заражения и близких, изменение привычного уклада жизни, организация онлайн-обучения детей и пр.) вызывает у них больший эмоциональный отклик.

Также в исследовании показано, что наличие близких и родственников, перенесших COVID-19, не связано с большей интенсивностью переживания вирусной угрозы ($p>0{,}05$), то есть физическая близость к источнику угрозы не является отягощающим стрессовые переживания фактором. Этот результат показывает, что основным источником психотравмирующих переживаний в ситуации вирусной угрозы являются внутренние пугающие образы будущих страданий, смерти и пр., связанные с вероятностью заразиться COVID-19.

Следующей задачей исследования стал расчет статистически значимых различий в психопатологическом статусе респондентов в зависимости от уровня переживания вирусной угрозы. В качест-

ве критерия для выделения групп использовались низкие и высокие оценки по общему баллу ОПВУ. Нижний квартиль распределения ОПВУ включал оценки от 35 до 106 баллов (M=97,931; SD=8,11), а верхний – от 122 до 154 (M=130,018; SD=7,22). Респонденты, набравшие по ОПВУ от 106 до 122 баллов, вошли в группу средних значений (M=114,754; SD=4,274).

В соответствии с полученными результатами, выборка была разделена на 3 подгруппы: низкий уровень переживания вирусной угрозы (ВУ) – 58 респондентов, средний уровень – 122 человека и высокий уровень переживания ВУ – 55 человек. Сравнительный анализ выраженности психопатологических признаков, измеренных с помощью SCL-90-R, показал, что между подгруппами 1 и 2 получены значимые различия по всем шкалам (все показатели выше в подгруппе со средним уровнем выраженности переживания ВУ), кроме шкалы «Паранояльность» (PAR) (ср. значение PAR: подгруппа 1 – 0,468, подгруппа 2 – 0,465), то есть проявления паранояльности не зависят от выраженности переживания вирусной угрозы. Средние значения по этой шкале в первой и второй подгруппах ниже среднего значения группы ликвидаторов аварии ЧАЭС «Норма», представленного в методическом пособии по психологии посттравматического стресса (M=0,7).

Сравнение подгрупп 1 и 3, а также 2 и 3 показало значимые различия по всем шкалам SCL-90-R с более высокими значения психопатологических признаков в подгруппе 3. Отсутствуют различия по шкале «Соматизация» (SOM) между подгруппами 2 и 3 (среднее значение SOM в подгруппе 2 – 0,619, в подгруппе 3 – 0,785). Иными словами, респонденты со средним и высоким уровнем переживания ВУ не различаются по субъективно оцениваемым ощущениям соматического дискомфорта. Вирусная угроза – это ситуация, которая прежде всего затрагивает тему болезни, физического благополучия, поэтому в связи с обострившейся опасностью в этой сфере человек начинает прислушиваться к ощущениям в собственном теле. Этим можно объяснить высокие значения соматизации у людей со средним и высоким уровнем переживания ВУ.

Третьей задачей нашего исследования стало сравнение выраженности психопатологических признаков у населения в период карантина в связи с распространением COVID-19 и до него.

Полученные с помощью методики SCL-90-R в нашем исследовании данные, собранные в апреле–июне 2020 г., сравнивались с дан-

ными по этой же методике, собранными с сентября 2018 г. по март 2020 г. в рамках диссертационного исследования А. А. Бузиной. Используемая для сравнения выборка состоит из 120 респондентов в возрасте от 30 до 55 лет (85 женщин и 35 мужчин). Средний возраст – 46 лет. Сравнительный анализ показал, что в период самоизоляции 2020 г. у населения увеличились показатели по шкале соматизация ($U=10561{,}5$ при $p=0{,}0001$) и психотизм ($U=9401$ при $p<0{,}001$).

Проявления соматизации отражают дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции. Жалобы на расстройства в работе различных систем органов могут рассматриваться как соматические эквиваленты тревожности и являться следствием проявления испытываемых аффектов. Кроме этого, нельзя исключать то, что высокие значения по данной шкале могут быть также связаны с тем, что пребывание дома в течение длительного периода времени на карантине могло серьезно осложнить поддержание физической активности (сидячий образ жизни, низкий уровень физической активности, переедание и т. п.), что оказывает негативное влияние на здоровье, благополучие и качество жизни.

Полученные данные о росте признаков психотизма, проявляющегося в избегающем, изолированном стиле жизни, отражают реальную ситуацию с возникновением и распространением COVID-19, в которой люди напуганы и стараются избегать социальных контактов, выходов из дома без необходимости.

Так же показано, что уровень депрессии, межличностной чувствительности, паранойяльности и общий индекс дистресса в период самоизоляции был ниже, чем до него ($p<0{,}05$). Различий в выраженности тревоги не выявлено ($p=0{,}187$). Этот результат требует дополнительной проверки на выборках других возрастных групп.

Полученные нами данные несколько отличаются от результатов зарубежных исследований, в которых рост тревоги и депрессии описаны как основной тип реагирования на угрозу COVID-19. В доступных нам источниках литературы есть информация о распространенности тревоги и депрессии в ответ на COVID-19 по трем странам: Китай, Испания, Австралия (таблица 24.1).

По данным исследования в Северной Испании авторы отмечают следующие особенности проявлений психопатологической симптоматики в период самоизоляции: показатели депрессии у мужчин выше, чем у женщин; наличие хронического заболевания увеличивало риск развития тревоги и депрессии; по мере увеличения дли-

Таблица 24.1

Частота распространения тревоги, депрессии, интенсивного стресса в период пандемии в Китае, Северной Испании, Австралии

	Китай (Wang et al., 2020) Даты опроса: 31.01–02.02.2020 n=1210	**Северная Испания (Ozamiz-Etxebarria et al., 2020)** Даты опроса: 11.03–12.04.2020 n=1933	**Австралия (Newby et al., 2020)** Даты опроса: 27.03–07.04.2020 n=5070
Тревога	28,5%	26,9%	50%
Депрессия	16,5%	27,5%	62%
Интенсивный стресс	8,1%	26,5%	64%

тельности пребывания на самоизоляции – показатели тревоги, депрессии, стресса росли; люди с самым высоким уровнем тревоги и депрессии – это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет (Ozamiz-Etxebarria et al., 2020). Эти данные согласуются с данными китайских коллег (Wang et al., 2020).

Тревога на уровне поведения проявляется в виде повышенного беспокойства относительно возможности заразиться, возможного контакта с инфицированными предметами или поверхностями; избегания иностранцев, которые могут переносить инфекцию; из-за социально-экономических последствий пандемии (например, потеря работы); нарушения сна; навязчивых снов; частого обращения к средствам массовой информации или социальным сетям для поиска информации об угрозе.

Таким образом, проведенное нами на выборке респондентов среднего возраста (M=39,96 лет) исследование показало, что, во-первых, женщины более уязвимы к переживанию вирусной угрозы, они в большей степени страдают в ситуации самоизоляции от ощущения разобщенности между членами семьи, что является своего рода парадоксом, так как в условиях снижения количества социальных контактов на карантине, близость между членами семьи повышалась. Вероятно, эти данные могут быть связаны с тем, что общение онлайн в социальных сетях в период самоизоляции не эквивалентно по качеству общению оффлайн, когда есть непосредственный физический контакт с коммуникатором. Во-вторых, показано, что близость

к источнику заражения COVID-19 не является фактором интенсивных переживаний вирусной угрозы. В-третьих, показано, что в период самоизоляции увеличились показатели соматизации и психотизма по сравнению с периодом до этого события. Уровень тревоги не изменился по сравнению с периодом до карантина в связи с COVID-19. Тревога – это эволюционно полезная приспособительная реакция человека на любые угрозы. Вполне естественно, что исследования регистрируют этот тип реагирования в стрессовых ситуациях. Ряд исследований показывает, что тревога по поводу пандемии, а также тревожность как личностная черта прямо связаны с соблюдением правил индивидуальной защиты в период вирусной угрозы, таких как ношение маски, соблюдение физической дистанции и пр. (Zettler et al., 2020). С другой стороны, длительное пребывание в состоянии тревоги и страха по поводу COVID-19, плюс переживания неопределенности будущего могут приводить к истощению психологических ресурсов личности: к тяжелым формам тревожных и депрессивных расстройств (Ahorsu et al., 2020). Также есть данные о том, что длительное пребывание в условиях самоизоляции и тревоги способствует росту категоричности мышления, суеверности, наивного оптимизма (Бойко и др., 2020). Механизм этой трансформации достаточно понятен: длительное пребывание в ситуации неопределенности нарушает ощущение контроля за своей жизнью, поэтому категоричность, жесткая приверженность определенным позициям позволяет человеку строить внутренние опоры для обретения этого контроля. Суеверность также может рассматриваться как способ оградить себя от угрожающего воздействия.

При описании отсроченных психологических последствий переживания вирусной угрозы наиболее типичным является посттравматическое стрессовое расстройство. Исследования, проведенные среди людей, находившихся на карантине в связи с эпидемиями MERS, SARS (атипичная пневмония), H1N1 (свиной грипп) и Эболы, показывают, что до 30% из них проявляли симптомы ПТСР, причем у 10% они наблюдались даже через 3 года после травмирующих событий (Brooks et al., 2020). Обследования, проведенные среди жителей Китая, показывают, что закрытие городов для сдерживания COVID-19 вызвало симптомы посттравматического стресса, депрессию и тревожные расстройства (Wang et al., 2020).

Описывая негативные психологические последствия переживания вирусной угрозы, необходимо привести данные позитивных

изменений. Прежде всего это исследования того, как люди справлялись интенсивными переживаниями вирусной угрозы. Так, с марта 2020 г. жители Италии перешли в режим жизни самоизоляции из-за COVID-19. Уже в первые недели марта пение нарушило молчание итальянских городов. Использование пения как стратегии выживания, а также для улучшения чувства сплоченности очевидно. Исследование Корво и Каро показывает, что для улучшения психологического благополучия большое внимание следует уделять развитию социальной сплоченности, социальной поддержке. По данным другого исследования – о связи уровня стресса, вызванного COVID-19, и механизмов совладания с ним у лиц с хроническими заболеваниями – неэффективными стратегиями являются повышенная самоотдача в работе, отрицание ситуации, употребление психоактивных веществ, отстраненность в поведении, планирование, обращение к религии и самообвинение. При этом в определенных возрастных категориях некоторые из перечисленных стратегий, наоборот, становились связанными с психологическим благополучием: например, активное совладание, отрицание, обращение за эмоциональной поддержкой, юмор, обращение к религии и самообвинение (Umucu, Lee, 2020).

Таким образом, представленные в данной работе материалы показывают, что переживания разных типов невидимых стрессоров имеют свою специфику в зависимости от социального контекста (угроза радиационного заражения, террористическая угроза и вирусная угроза). Эмпирические исследования психологических последствий переживания COVID-19 представляют данные о том, что вирусная угроза по-разному отражается в переживаниях населения. Факторами уязвимости к данному воздействию являются пол, возраст, наличие хронического заболевания, потеря работы.

ГЛАВА 26

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭФФЕКТЫ ДОВЕРИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Вызванный пандемией кризис обострил в российском обществе проблему доверия – межличностного, генерализованного, институционального. Как и подавляющее большинство других стран, Россия вошла в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия (Нестик, 2020). Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (Governance for Happiness, 2019). Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы (Edelman Trust Barometer, 2020). При этом среди 28 стран, участвовавших в опросе, Россия по уровню доверия заняла последнее место: лишь 30% опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и НКО. Отечественные социологические исследования показывают, что уровень доверия во время пандемии в России продолжал снижаться. Так, согласно инициативному опросу по квотной выборке, проведенному Synopsis Group и ЦНФ совместно с Knife.media в марте 2020 г., 40% респондентов рассчитывали только на себя, 37% – на коллективную ответственность людей и только 9% считали, что можно рассчитывать на помощь со стороны государства[1]. Согласно опросу «Левада-центра», в ответ на вопрос «В ситуации эпи-

Текст главы ранее был опубликован в журнале: *Макушева М. О., Нестик Т. А.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

1 *Степанцов П., Вилейкис А.* Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. 1 апреля. URL: https://knife.media/corona-sociology-1 (дата обращения: 20.07.2020).

демии что будет происходить с отношениями между людьми в нашей стране?» половина опрошенных выбрали ответ: «Люди станут больше заботиться только о себе и „своих“». При этом лишь 17% опрошенных считали, что люди станут больше оказывать поддержку друг другу, а среди молодежи доля таких ответов была еще ниже (12%)[1].

Значимость доверия для жизнеспособности общества в условиях пандемии связана с рядом особенностей эпидемиологической угрозы. Во-первых, она невидима, сопровождается длительным переживанием тревоги и неопределенности, и, если официальные источники информации не вызывают доверия, дефицит информации быстро восполняется всевозможными конспирологическими теориями. Во-вторых, в условиях самоизоляции человек находится в зависимости от других, от принимаемых властью решений, а зависимость без доверия провоцирует дистресс, тревожные расстройства и депрессии. В-третьих, в таких ситуациях возможности контроля за массовым поведением ограничены, поэтому меры сдерживания пандемии основываются одновременно и на провокации страха заражения, и на ожидании добровольного, социально ответственного поведения. Возникает противоречие между отношением к гражданам как к иррациональным и невосприимчивым «больным», с одной стороны, и отношением к ним как партнерам в противостоянии коллективной угрозе – с другой. Очевидно, что такое противоречие может приводить к снижению доверия официальным источникам информации и вызывать протестное поведение.

Эмпирические исследования показывают, что уровень доверия является одной из ключевых предпосылок готовности личности участвовать в предотвращении глобальных рисков и преодолении их негативных последствий (Нестик, Журавлев, 2018). Снижение доверия к СМИ и другим социальным институтам существенно влияет на эффективность мер сдерживания пандемии (Lep et al., 2020; Siegrist, Zingg, 2014). Недоверие СМИ, государству и системе здравоохранения ведет к росту числа людей, не желающих обращаться к врачам при наличии легких симптомов респираторного заболевания. С уровнем доверия к государству и науке прямо связана готовность проходить тестирование на наличие антител, а также поддержка вакцинации (Нестик, 2020а). Снижение доверия к властям и СМИ усиливает социальный пессимизм, обостряет чувство со-

1 Гражданское общество в самоизоляции. Левада-Центр. 03.04.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii (дата обращения: 20.07.2020).

циальной несправедливости и сокращает горизонт планирования (Нестик, 2020б). Низкое социальное доверие затрудняет солидаризацию перед лицом масштабных рисков, ослабляет горизонтальные формы волонтерства, облегчая их вытеснение вертикальными, бюрократизированными формами (Асмолов, 2020).

По-видимому, переживание эпидемической угрозы может стать одним из механизмов снижения социального доверия. Так, исследование в 39 странах показало, что в обществах, исторически более подверженных эпидемиям, а также другим природным и антропогенным угрозам, отмечается меньшая проактивность в завязывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию (Thomson et al., 2018). Одной из причин снижения доверия к СМИ может быть сенсационная подача новостей и общий алармистский стиль в освещении пандемии COVID-19, который, как показывают исследования, вызывает травмирующие психологические последствия (Garfin et al., 2020).

В период кризисов доверие оказывается важным ресурсом для преодоления различных травмирующих психологических факторов. Ряд исследований показывает, что посттравматический синдром усиливается, если личность испытывает дефицит социальной поддержки от окружающих и низко оценивает сплоченность общества (Нестик, 2020а). Генерализованное социальное доверие снижает воспринимаемый уровень стресса и тревоги в условиях пандемии COVID-19, при этом среди людей, склонных доверять другим, меньше тех, кто убежден в том, что власти избыточно реагируют на эпидемиологическую угрозу (Rainie, Perrin, 2020).

В настоящей главе, опираясь на серию эмпирических исследований, авторы рассматривают социально-психологические факторы, влияющие на доверие/недоверие СМИ и другим социальным институтам в период пандемии, типы недоверия к информации о пандемии, а также влияние уровня доверия на готовность соблюдать санитарно-эпидемиологические нормы.

В основу нашего анализа легли несколько эмпирических исследований, проведенных в период с марта по июнь 2020 г.:

1. *Опросы по онлайн-панели ОМИ.* Всего проведено 5 волн: 2.04.2020, 10.04.2020, 17.04.2020, 24.4.2020, 15.05.2020. Объем выборки каждой волны составил 1000 респондентов, отобранных по квотной выборке. Данные репрезентируют онлайн-аудиторию России в воз-

расте старше 18 лет в городах с населением более 100000 человек по полу, возрасту, федеральному округу и размеру населенного пункта. Квоты задавались на основе данных ФОМ о структуре онлайн-аудитории.

2. *Онлайн-опрос, проведенный с использованием исследовательской платформы Mail.ru Group на базе панелей «В контакте» и «Одноклассники»*. Опрашивались жители РФ 100+, в возрасте 18+. Всего было опрошено 2500 респондентов. Дата проведения опроса – 08.06.2020. Полученные данные были взвешены по полу, возрасту и географии на основании Росиндекса по пользователям интернета в возрасте от 18 лет и более.
3. *Качественное исследование, включавшее 60 глубинных интервью* с жителями разных регионов России 18 лет и старше. В исследовании наряду с собственными интервью «Платформы» использованы интервью студентов курса «Исследования аудитории медиа» факультета «Коммуникаций, медиа и дизайна» НИУ-ВШЭ, 2020 г. Поиск и отбор участников проводился двумя способами. Во-первых, с помощью отбора случайным образом в ходе опроса на базе панели респондентов (20 интервью). Использовался отборочный вопрос о доверии информации о пандемии. Примерно в равных пропорциях были отобраны те, кто доверяет официальной информации, те, кто считает, что ситуация преувеличивается, и те, кто считает, что реальная угроза и последствия преуменьшаются. Во-вторых, чтобы расширить выборку, мы использовали метод «снежного кома» (40 интервью).
4. *Онлайн-опрос интернет-пользователей,* проведенный ИП РАН в марте–апреле 2020 г. и направленный на выявление социально-психологических предикторов внутригруппового, аутгруппового и институционального доверия в условиях пандемии. Всего было опрошено 668 респондентов (78,2% – женщины; M_{age}=30±12,7 лет).

Наряду с вопросами, направленными на выявление уровня доверия и отношения к пандемии, в рамках последней волны по онлайн-панели OMI (N=1043), а также при онлайн-опросе, проведенном ИП РАН (N=668), нами использовался ряд психологических методик для выявления личностных характеристик респондентов: «Шкала глобальной социальной идентификации» (GSI) Дж. Риза в адаптации Т.А. Нестика; скрининговая шкала гражданской идентичнос-

ти («Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Я связываю свое будущее с судьбой России»; α Кронбаха =0,804); «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева; опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой; краткая версия «Опросника проактивного копинга» Э. Гринглас, адаптированная Е.П. Белинской, А.В. Вечериным и Е.Р. Агадуллиной. В рамках последней волны по онлайн-панели ОМІ мы использовали шкалу PHQ-4 для измерения уровня тревоги и депрессии, а также субшкалы из методики «Стратегии совладания» (COPE) в адаптации Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина.

Динамика доверия к СМИ и другим социальным институтам в период вынужденной самоизоляции (апрель–май 2020 г.)

Результаты проведенных нами в апреле–мае 2020 г. опросов свидетельствуют о низком доверии к официальной информации о пандемии в СМИ, уровень которого на протяжении этого времени продолжал снижаться. Так, с 17 апреля по 15 мая на 9% сократилась доля тех, кто считал информацию достоверной, и на 10% выросла доля респондентов, уверенных в том, что ситуация представляется хуже, чем есть (см. рисунок 26.1).

При этом 15 мая лишь 44% доверяли официальной статистике о распространении коронавируса в России и лишь 51% опрошенных верили, что угроза настолько велика, что необходимо изолировать людей и закрывать предприятия (см. рисунок 26.2). Среди тех, кто считал статистику недостоверной, 68% были уверены, что цифры искажаются намеренно.

Рис. 26.1. Доверяете ли вы официальной информации о коронавирусе? (% опрошенных)

Рис. 26.2. Доверяете ли вы...? (% опрошенных)

Собранные нами данные указывают на рост разочарования в способности государства адекватно реагировать на угрозы и обеспечивать защиту граждан. Так, в мае 2020 г. 61% опрошенных россиян признавали, что за последний месяц их уверенность в том, что государство позаботится о них в трудной ситуации, снизилась; еще 54% указали на снижение доверия официальным СМИ и каналам, которые информируют население о ситуации в стране и мире (см. рисунок 26.3).

Доля горожан, одобряющих вводимые ограничения, с апреля по май 2020 г. становилась все меньше. Страх заражения стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий локдауна: 2 апреля испытывали сильный страх заразиться 29% опрошенных,

Рис. 26.3. Как за последний месяц изменилась... (% опрошенных)

24 апреля – 23%, а 15 мая таких было всего 15%. Страхи, связанные с экономическими последствиями пандемии, напротив, росли: в частности, с 46% до 50% выросла доля тех, кто опасался, что им не на что будет жить (см. рисунок 26.4).

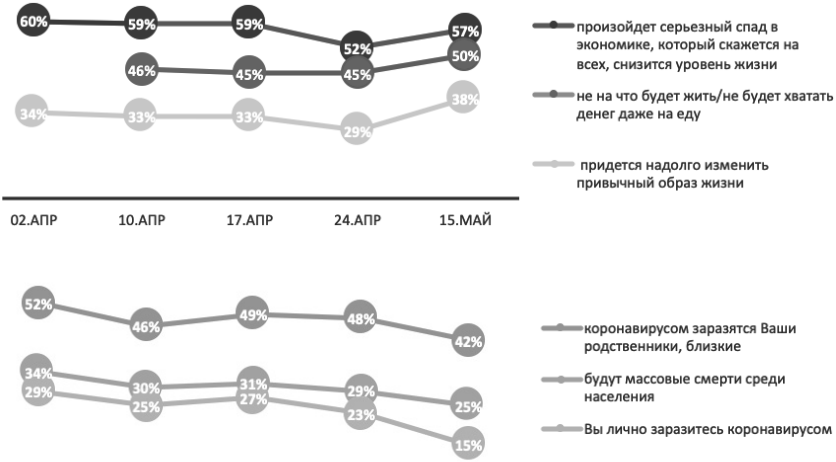


Рис. 26.4. Скажите, пожалуйста, насколько в связи с ситуацией коронавируса вы испытываете чувство страха, что...? (% опрошенных, суммируются ответы 8–10 по 10-балльной шкале)

Снижение страха заражения, на наш взгляд, объяснялось не только противоречивостью информации о способах защиты от коронавируса в СМИ, но и самим алармизмом в подаче новостей о пандемии. Нагнетание тревоги приводило к противоречию между необходимостью защитить себя и близких и невозможностью существенно повлиять на ситуацию, которое разрешалось через занижение вероятности и последствий заражения (Нестик, 2020). За два месяца вынужденной самоизоляции первоначальная мобилизация сил горожан сменилась истощением и неверием в эффективность предпринимаемых государством мер сдерживания. И если 2 апреля 2020 г. 62% опрошенных считали оправданным режим всеобщей самоизоляции и ограничения передвижений по городу, то 24 апреля таких респондентов было всего 47% (см. рисунок 26.5).

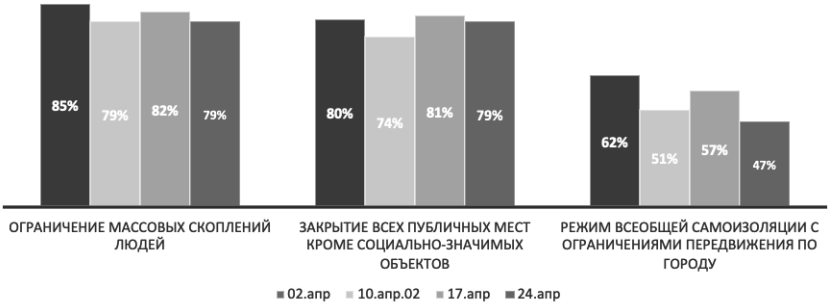


Рис. 26.5. Какие меры борьбы с распространением коронавируса в России вы считаете оправданными, а какие слишком серьезными, не оправданными? / Категория «Мера оправданная» (% опрошенных)

Основания доверия и недоверия к официальной информации о пандемии

Опираясь на проведенные нами интервью и фокус-группы, в сложившейся ситуации можно выделить три основания для доверия к информации о происходящем: статус, экспертиза и очевидец.

Как известно, людям свойственно недооценивать риски, информация о которых представлена в виде обобщенной статистики, тогда как риски, знакомые по личному опыту или по рассказу очевидцев, могут переоцениваться (Slovic, 2013). Поэтому не случайно среди источников информации, пользующихся доверием, на первый план выходят люди с личным опытом болезни и простые врачи, которые работают с больными коронавирусом. Здесь важно, в первую очередь, то, что в очевидце не видят заинтересованности, мотива к искажению правды: «живой голос живого человека» против дистантной, часто обобщенной, абстрактной картины, представляемой СМИ. В этих условиях блогер, снимающий видеорепортаж, или один комментарий очевидца на форуме может пошатнуть картину, созданную официальным профессиональным СМИ. И если официальные каналы игнорируют частную, но резонансную ситуацию, создается ощущение намеренного замалчивания, и недоверие растет. Резонансы требуют реакции и помещения ситуации в определенный контекст. Самый яркий пример такого резонанса – это рассказы о критическом положении здравоохранения и смертности среди врачей, а также рассказы тех, кто столкнулся с трудностями при диагностике и лечении.

Доверие экспертизе – это доверие к тому, кто обладает специальными знаниями, доступом к информации, компетентностью. В ситуации пандемии это, в первую очередь, врач. Но эксперт – не обязательно публичный специалист, им может стать любой, кто признается таковым в окружении человека – знакомый врач, например.

Еще одним основанием доверия к информации о коронавирусе стал официальный статус человека, выступающего в качестве ее источника (доверие институту, должностному лицу, человеку, занимающему высокое положение в медицинской или административной иерархии). Известно, что определенные социальные роли обладают кредитом доверия, особенно если речь идет о помогающих профессиях (Kramer, 1999). Распространенный мотив доверия официальным лицам и институтам – стремление сохранить устойчивость картины миры. Допущение, что привычная картина может быть неверной, вызывает потерю чувства безопасности и страх. Это основание доверия сегодня истончается по мере накопления информации об ошибках и колебаниях власти.

Доверие с психологической точки зрения можно рассматривать, во-первых, как убеждение в том, что другая сторона не будет действовать во вред нам, несмотря на то, что мы не можем это проконтролировать и являемся уязвимыми, и во-вторых, как готовность принять эту уязвимость в отношениях с личностью, группой или социальным институтом (Купрейченко, 2008; PytlikZillig, Kimbrough, 2016). Уязвимость и зависимость от решений власти в целом обострила внимание к официальным коммуникациям. Наиболее существенными проблемами стали неумение спикеров проявлять эмпатию, сухой, казенный стиль и недостаточная оперативность/своевременность их выступлений. Это сказывалось на оценке основных критериев доверия, ранее выявленных социальными психологами: доброжелательности, компетентности и готовности выполнять обещания (Hamm et al., 2019). При этом наиболее тесно связаны с доверием официальной статистике оценка сообщений как достаточно аргументированных, а также оценка эмпатии и стиля при обращении к аудитории. Именно этими чертами, судя по проведенным нами интервью, отличаются коммуникации в социальных сетях – близостью, неформальным стилем и скоростью появления информации.

Учитывая низкий уровень институционального доверия в России (Edelman Trust Barometer, 2020), критически настроенный источник скорее вызывал доверие, чем оправдывавший действия власти. Здесь

сказывается усталость от позитивной повестки – произошла своеобразная девальвация хороших новостей, они стали выглядеть более предвзятыми. Наблюдения, опирающиеся на проведенные нами интервью, хорошо согласуются с данными о том, что в социальных сетях негативные сообщения распространяются быстрее и с большим охватом, что может создавать эффект иллюзии доминирования критики (Leitner et al., 2020). Среди участников наших интервью доля тех, кто наблюдал критику власти в ситуации пандемии, выше доли тех, кто видел ее поддержку.

Доверие и недоверие можно рассматривать не только как установку или представление, но и как определенное состояние, окрашенное переживаниями человека (Купрейченко, 2008). С этой точки зрения можно выделить несколько типов недоверия, характерных для общества в период коронакризиса. Главные среди них – недоверие как дезориентация и недоверие как протест.

Дезориентация проявлялась прежде всего как недоверие к компетентности экспертов и власти, вызванное противоречивостью ее действий и непониманием их причин.

Как видно из приведенных выше рисунков 25.1–25.3, официальная статистика оставалась противоречивой и часто подвергалась критике, так как зависела от количества проведенных тестов и от их качества, выявляла только проявленные симптомы и т. д. Поэтому наши респонденты следили за информацией, но понимали, что она ненадежна. Кроме того, часть статистических показателей толковалась превратно – люди не понимали разницы между ними и видели в этом манипуляции с цифрами. Поле разногласий складывалось и вокруг того, насколько серьезно само заболевание: вирус – это «обычное ОРВИ», которое здоровые люди переживают легко, или смертельная опасность для всех. Оставалась противоречивой информация о средствах защиты и профилактики: как долго вирус остается на поверхности предметов, насколько защищают от него маски и т. д. Человек чувствовал себя обманутым после череды распространившихся и опровергнутых мифов – о необходимости проводить самодиагностику, делать полоскания, использовать лимон и имбирь. После того, как все народные рецепты подверглись критике, развилась общая подозрительность к любым советам, звучащим со стороны экспертов.

Заявления официальных лиц о вводимых мерах также часто выглядели непоследовательными. Так, в момент, когда кривая заболе-

ваемости пошла вверх, звучала обеспокоенность распространением заболевания. При этом появились публикации о том, что рост статистики связан с расширением тестирования и введением новых, более надежных тестов. Введение масочного режима происходило на фоне разъяснений со стороны официальных инстанций о неэффективности масок на здоровых людях. Другим примером рассогласованности в заявлениях и действиях властей стала политика штрафов. В начале апреля спикер Мосгордумы объявил, что передвижение на автомобиле нескольких людей (более одного человека), если они не проживают вместе, будет караться штрафом. Затем, однако, последовало официальное заявление о том, что штрафы не введены. При этом звучали разные толкования применения ограничений – на прогулки, на поездки в автомобиле в одиночку и т. д. Где-то ограничения ужесточались, а где-то ослаблялись без видимой на то причины. Наконец, нерабочая неделя, объявленная в начале апреля, продлялась «максимум на месяц», но затем была продлена еще раз.

Мы отмечали рост непонимания решений власти, особенно непопулярных; усиливалось ощущение оторванности решений от ситуации, их немотивированности. Почему запрещены прогулки в парках, где можно соблюдать дистанцию, одиночные пробежки, рыбалка и охота (особенно в регионах, где это значимая для людей традиция), походы в лес? Почему в разных регионах введены разные меры? Почему нерабочие дни вводились по всей стране без учета ситуации в регионе? Почему они заканчиваются на фоне роста заболеваемости? Почему всех заставляют носить маски и перчатки, но при этом не призывают носить очки, ведь глаза – это тоже слизистая?

Выступления Президента РФ В. В. Путина каждый раз привлекали большое внимание, но и они оставляли много вопросов, были не вполне понятными (использование эвфемизмов – выходные дни вместо карантина, непонимание перспектив).

Пытаясь объяснить действия официальных лиц, люди видели причину в отсутствии контроля либо предполагали заинтересованность.

Недоверие как форма протеста развивалось в ответ на воспринимаемую несправедливость. Ситуация с введением всеобщей самоизоляции, закрытием компаний, введением штрафов при отсутствии помощи не укладывалась в понимание ответственности государства. Это создало общий негативный фон, обиду и ощущение абсур-

да, произвола и сопротивление любой исходящей от официальных инстанций информации. Сказалось также ощущение сухости и отсутствия эмпатии в разговорах представителей власти о насущных проблемах россиян.

Еще одним основанием для недоверия как протеста стали нарушенные обещания. Прозвучавшее от Президента обещание поддержки обернулось ростом надежд, но они подтвердились не для всех: меры оказались избирательными, сложными в оформлении, а в период, когда люди начали обращаться за помощью, не во всех регионах еще были механизмы выплат. Возникло ощущение обманутых надежд. Разочарование подкреплялось информацией о несправедливости в отношении более узких категорий – малого бизнеса, врачей, с которыми стало солидаризоваться население.

Сформировавшиеся задолго до пандемии политический цинизм и недоверие властям стали переноситься на текущую ситуацию. Негативно настроенные люди искали подтверждения своему недоверию, что усиливалось когнитивными эффектами подтверждения выбранной позиции и групповой поляризацией. Первый из них состоит в нечувствительности к информации, которая противоречит нашим убеждениям, и стремлении интерпретировать новую информацию как подтверждающую сформированную ранее позицию. Второй эффект проявляется в сдвиге участников обсуждения к крайним, диаметрально противоположным точкам зрения. Оба эффекта усиливаются так называемыми «эхо-камерами», информационными пузырями из источников информации, которые соответствуют уже выбранной позиции по отношению к происходящему (Михеев, Нестик, 2018). Благодаря этим механизмам сформировавшееся ранее недоверие усиливалось, генерализовывалось, распространялось на новые источники информации.

Протест вызывало и чрезвычайное внимание к теме коронавируса, которое оттеснило на периферию или вовсе вытеснило из повестки актуальные для человека вопросы, например, другие заболевания.

Наконец, протест провоцировала слабость контроля при строгости введенных ограничений. Люди наблюдали, как окружающие нарушают предписания (только 38% горожан, опрошенных нами в мае 2020 г., считали, что большинство окружающих их людей следует мерам предосторожности – носит маски и соблюдает дистанцию), а сотрудники правоохранительных органов сами иногда

транслировали скептицизм в отношении введенных мер. Кроме того, сама строгость ограничений, невозможность соблюдать часть из них, рождала тотальный релятивизм и побуждала людей искать «лазейки».

Все эти эффекты разрушительно сказывались на всех трех основных составляющих доверия (Schoorman et al., 2007): 1) противоречивость информации, слабость контроля и рассогласованность действий снижали оценку компетентности властей, экспертов и СМИ; 2) подозрения в сокрытии информации, ощущение равнодушия, отсутствия эмпатии и дефицит двусторонних коммуникаций снижали оценку доброжелательности; 3) чувство несправедливости и разочарование, вызванное нарушенными обещаниями, подрывало веру в добросовестность власти, готовность соблюдать взятые на себя обязательства.

Социально-психологические предпосылки институционального доверия и недоверия в условиях пандемии

Как показывают результаты онлайн-опроса (март–апрель 2020 г.; N=668; 78,2% – женщины; M_{age}=30±12,7 года), доверие к социальным институтам в условиях пандемии связано с оптимизмом в отношении исхода пандемии, ориентацией на авторитарные и консервативные ценности, а также уверенностью в возможности защитить себя от заражения (см. таблицу 26.1). Так, результаты линейного регрессионного анализа ($R=0,570$; $R^2=0,325$; $F=22,683$; $p<0,001$) показывают, что предикторами доверия к государству и СМИ являются низкая ориентация на ценность заботы о людях, высокая ориентация на уважение к авторитетам в сочетании с поддержкой жестких мер сдерживания. При этом институциональное доверие прямо связано с общей верой в справедливость мира, оптимистичной оценкой влияния пандемии на общество, интересом к новостям о ней, убежденностью в своей способности защитить себя и близких от заражения, а также с поиском инструментальной поддержки, то есть готовностью обращаться к знакомым и друзьям за помощью. Выявленные нами связи позволяют сделать вывод о том, что доверие к государству и СМИ поддерживается не только оптимизмом, верой в осмысленность и справедливость мироустройства и оправданность жестких мер защиты, но и верой в собственную способность влиять на ситуацию.

Таблица 26.1

Социально-психологические предикторы доверия к социальным институтам (N=668)

Социально-психологические предикторы	**B**	**Стд. ошибка**	β	**t**	**Знач.**
(Константа)	0,795	0,290		2,745	0,006
Шкала заботы (MFQ)	–0,031	0,011	–0,115	–2,851	0,005
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,038	0,01	0,173	3,641	0
Зависимость от судьбы (SAS)	–0,113	0,041	–0,115	–2,734	0,006
Общая вера в справедливый мир	0,135	0,038	0,167	3,573	0
Проактивное совладание с трудными ситуациями	–0,178	0,063	–0,118	–2,836	0,005
Поиск инструментальной поддержки	0,157	0,059	0,107	2,657	0,008
Социальный оптимизм	0,253	0,038	0,291	6,743	0
Интерес к новостям о пандемии	0,137	0,036	0,154	3,846	0
Поддержка жестких мер сдерживания	0,089	0,035	0,103	2,516	0,012
Вера в способность защитить себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	0,089	0,04	0,092	2,19	0,029

Негативная связь между доверием к социальным институтам и ценностью заботы о людях, может указывать на то, что неоправдавшиеся ожидания заботы о гражданах со стороны государства ведут к снижению доверия как государству, так и другим институтам – СМИ, науке и здравоохранению.

Доверие к государству и СМИ тем выше, чем меньше вера в свою зависимость от судьбы, но при этом оно также отрицательно связано с ориентацией на проактивное совладание с трудными ситуациями, то есть с планированием дальнейших самостоятельных действий для решения возникших проблем. Как нам кажется, этот парадокс может объясняться тем, что доверие к социальным институтам основывается на ожидании определенных гарантий со стороны государства. Когда же действия властей не соответствуют ожиданиям, люди, уверенные в своей способности определять свою судьбу, начинают делать ставку на собственные силы, планировать свои действия, не рассчитывая на помощь государства.

Сегментация горожан по уровню социального доверия, тревоги и психологического благополучия в условиях пандемии

Опираясь на данные опроса, проведенного нами по квотной выборке ОМI 15 мая 2020 г. (N=1043), с помощью кластерного анализа методом k-средних мы выделили несколько типов реагирования личности на пандемию. Основаниями для построения типологии служили уровень социального доверия, а также выраженность страхов, связанных с пандемией и ее последствиями[1].

Представителей первого типа «Солидарных оптимистов» (19% респондентов) можно считать наиболее психологически благополучной группой. Для них характерно низкое переживание страхов за здоровье, умеренное – экономических страхов. Представители данной группы чаще доверяют официальной информации, социальным институтам – СМИ, здравоохранению, науке, государству. Они верят в свою способность повлиять на ситуацию и эффективность средств защиты, в основном соблюдают правила профилактики. Это самая молодая группа (58% – до 35 лет).

Для второго типа «Переживающих за близких» (примерно 22%) характерен относительно низкий страх за себя и высокий – за близких. В группу чаще попадали те, кто имеет заболевших коронавирусом в своем окружении – таких респондентов на тот момент было 16%. Также в этой группе высоки страхи экономических последствий пандемии, выражены симптомы тревоги и депрессии. Представители данной группы в целом доверяют официальной информации и социальным институтам – СМИ, здравоохранению, науке, государству; соблюдают правила профилактики. Группа в значительной степени состоит из молодежи (55% – до 35 лет) и преимущественно из лиц женского пола (71% против 29%).

Первые две группы относительно благополучны и не преуменьшают угрозу – либо потому, что опасаются за близких, либо из солидарности с другими.

Третий тип «Алармисты» характеризуется высокой выраженностью симптомов стресса, тревожного и депрессивного расстройств (примерно 19%). Именно в этой группе наблюдается самый высокий страх и перед болезнью, и перед экономическими последствия-

1 Авторы главы выражают благодарность М.А. Падун, кандидату психологических наук, старшему научному сотруднику Института психологии РАН за консультацию при интерпретации результатов исследования.

ми. Выраженность тревожно-депрессивных симптомов сопровождается низким уровнем оптимизма относительно исхода пандемии. Представители данного типа чаще говорят о падении уверенности в своих силах, им свойственны пассивные стратегии совладания с трудной ситуацией – концентрация на негативных эмоциях и уход от проблемы. Они чаще других следят за информацией о пандемии, чаще смотрят телевизор (69% – каждый день, 43% – более 3 часов в день), однако, чаще других считают, что реальная угроза занижается. Респонденты из этой группы соблюдают все правила профилактики, но при этом мало верят в свою способность повлиять на угрозу (установка «я не в силах повлиять на то, заболею я или нет» – 42%), в большей мере полагаются на государство и его поддержку. В группе больше женщин – 64%. Средний возраст – 39 лет (что выше среднего по другим выделенным группам); в группе больше людей старшего возраста. Большинство (58%) столкнулось с теми или иными негативными последствиями на рынке труда. У 63% существенно сократился доход семьи, 72% работают в частном секторе, который более уязвим для экономических рисков пандемии.

Представители четвертого типа, «Скептики», наиболее обеспокоены экономическими последствиями пандемии, тогда как страх заражения здесь очень низкий (27%). Большинство респондентов этой группы признают, что уже пострадали финансово. Здесь отмечается средняя склонность к тревожно-депрессивным состояниям, тесно коррелирующая с экономическими страхами. Для данного типа характерно низкое доверие государству, СМИ, здравоохранению и науке, а также вера в конспирологические теории: в то, что причиной пандемия являются чьи-то экономические и политические интересы, что вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно и т. д. Респонденты этой группы чаще смотрят телевизор (67% – каждый день, 39% – 3 часа и более) и считают, что ситуация нагнетается, представляется хуже, чем она есть; не считают оправданными меры изоляции, не считают себя способными контролировать угрозу заражения, не верят в эффективность средств защиты, разделяют фатализм («Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»). Более половины (51%) не находятся на самоизоляции, почти не соблюдают правила профилактики. В этой группе больше малообеспеченных людей – 59% против 38% средне- и высокообеспеченных; 72% из них заняты в частном секторе.

Наконец, для пятого типа, «Фаталистов», характерно игнорирование угрозы заражения (ее опасаются примерно 17%), а также наименьшая склонность к сопереживанию другим в ситуации пандемии – заболевшим, уязвимым к заражению. В целом в этой группе очень низкое обобщенное доверие людям в целом. Большинство среди представителей данного типа не видят, чтобы окружающие соблюдали правила профилактики. Не верят в социальную ответственность окружающих. По сравнению с другими типами здесь отмечается самое низкое доверие государству, СМИ, здравоохранению и науке. Респонденты данной группы часто пользуются для объяснения ситуации конспирологическими теориями. Чаще считают, что ситуация нагнетается, представляется хуже, чем она есть. Не считают себя способными контролировать угрозу заражения, не верят в эффективность средств защиты, разделяют фатализм («Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»). Чаще других не следят за информацией, связанной с пандемией. Как и в четвертой группе, здесь почти не соблюдают правила профилактики, меньшинство (39%) находится на самоизоляции. Представители данного типа – это чаще мужчины – 57%; здесь больше молодых людей (41% в возрасте 25–34 года). Почти половина (47%) проживает в городах до 500 тыс. человек. При этом респонденты из пятой группы реже других сталкивались с существенным сокращением дохода.

Проведенный нами анализ типов реагирования жителей российских городов на пандемию показывает, что солидаризация и соблюдение санитарно-эпидемиологических ограничений связаны с социальным доверием и сопереживанием, тогда как вера в конспирологические теории и отказ от соблюдения правил сопряжены с неверием человека в свою способность влиять на складывающиеся обстоятельства. Кроме того, сравнение выделенных нами типов позволяет сделать вывод о том, что низкое доверие СМИ и власти при переживании трудноконтролируемой угрозы снижает уровень психологического благополучия личности.

Влияние институционального доверия на соблюдение санитарно-эпидемиологических норм

Ряд исследований, проведенных за рубежом и в России, показал, что страх заражения вносит наибольший вклад в соблюдение личнос-

тью физической дистанции и ношение маски (Нестик, 2020). Между тем наши данные указывают на то, что такого рода страхи повышают соблюдение санитарно-эпидемиологических норм в том случае, если они сопряжены с институциональным доверием, самоэффективностью, то есть уверенностью в своей способности защитить себя и близких, а также с сопереживанием людям, которые в наибольшей степени уязвимы в условиях пандемии (см. таблицу 25.2).

В целом уверенность наших респондентов в эффективности средств профилактики, уверенность в своей способности контролировать угрозу, повлиять на ситуацию своими действиями, оказалась довольно низкой. Так, в мае 2020 г. 30% считали, что бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать. 33% считали, что никак не могут повлиять на то, заболеют они или нет, а 44% – что действия, которые они могут предпринять, слишком ничтожны, чтобы повлиять на распространение эпидемии. Влияние сопереживания на соблюдение правил предосторожности сильнее всего проявилось среди молодежи – людей до 35 лет. В целом 74% опрошенных испытывали сострадание к людям, которые наиболее уязвимы к заражению, 52% старались понять переживания других по поводу пандемии.

Данные опроса, проведенного по квотной выборке ОМI 15 мая 2020 г. (N=1043), свидетельствуют о том, что доверие социальным институтам является одной из предпосылок соблюдения санитарно-эпидемиологических норм. Как показали результаты линейного регрессионного анализа ($R=0,569$; $R^2=0,319$; $F=70,429$; $p<0,001$), предикторами соблюдения мер предосторожности оказались уверенность в своей способности защитить от заражения себя и близких, выраженность страхов, связанных с пандемией, сопереживание другим людям, ориентация на планирование своего будущего в условиях пандемии, принятие сложившейся ситуации, институциональное доверие, то есть общий уровень доверия к государству, СМИ и медицине, а также убеждение в том, что большинство окружающих соблюдает дистанцию и носит маски.

В мае 2020 г. 38% опрошенных нами горожан считало, что большинство окружающих их людей следует мерам предосторожности – носит маски и соблюдает дистанцию. Этот «эффект большинства», получивший в социальной психологии название дескриптивных норм, когда поведение человека определяется представлением о наиболее типичном поведении других членов социальной груп-

Таблица 26.2

Социально-психологические предикторы соблюдения санитарно-эпидемиологических норм (N=1043)

Социально-психологические предикторы	**B**	**Стд. ошибка**	β	**T**	**Знч**
(Константа)	0,843	0,104		8,103	***
Выраженность страхов, связанных с пандемией	0,073	0,009	0,228	8,024	***
Уверенность в своей способности защитить от заражения себя и близких, внести вклад в сдерживание пандемии	0,159	0,018	0,231	8,76	***
Сопереживание другим в условиях пандемии	0,076	0,022	0,108	3,541	***
Планирование своего будущего	0,095	0,026	0,108	3,686	***
Принятие сложившейся ситуации	0,133	0,027	0,149	4,948	***
Дескриптивные нормы: большинство жителей моего города соблюдает дистанцию, носит маски	0,06	0,015	0,108	3,957	***
Институциональное доверие (общий уровень доверия к государству, СМИ и медицине)	0,097	0,022	0,124	4,381	***

пы, – был выражен сильнее в других регионах, нежели в Москве, которая оставалась, по официальным данным, основным очагом заражения.

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследователей. Так, оказалось, что убеждение в контролируемости угрозы COVID-19 позитивно влияет на психологическое благополучие и повышает готовность следовать правилам предосторожности (Li et al., 2020); наибольший отклик получают сообщения с призывом оставаться дома из сострадания к людям, уязвимым в отношении COVID-19 (Blagov, 2020); сострадание к заболевшим в сочетании с тревогой по поводу эпидемии повышает готовность к вакцинации и использованию дезинфицирующих средств (King et al., 2016), а также мотивацию к социальному дистанцированию в условиях пандемии COVID-19 (Pfattheicher et al., 2020).

Таким образом, доверие к СМИ, государству, науке и здравоохранению не только является фактором, снижающим психологическую травматизацию общества, но и вносит вклад в готовность личнос-

ти соблюдать санитарно-эпидемиологические ограничения – носить маску, поддерживать дистанцию, пользоваться дезинфицирующими средствами.

***

Наши исследования показывают, что предпосылками недоверия в период кризиса стали коммуникационный разрыв (противоречия в информационном поле, непонимание принимаемых властью решений), кризис общественного договора (ощущение социальной несправедливости; накопленный опыт неоправдавшихся ожиданий); а поляризация в социальных сетях, противоречие опыта очевидцев официальной повестке.

В условиях пандемии уровень доверия к социальным институтам связан с верой человека в справедливость мира, поиском социальной поддержки, убеждением в своей способности влиять на свое настоящее и будущее.

Уровень социального доверия связан с отношением к информации о пандемии, готовностью следовать рекомендациям экспертов, оптимизмом в отношении будущего, уровнем тревоги, стратегиями совладания с трудными ситуациями, верой в конспирологические теории и, в конечном счете, с готовностью следовать рекомендациям экспертов.

Опираясь на полученные результаты, можно наметить несколько возможных перспективных направлений исследований социального доверия в условиях глобальных рисков.

Во-первых, требует дальнейшего уточнения роль генерализованного доверия и недоверия к людям в соблюдении санитарно-эпидемиологических требований. С одной стороны, недоверие к людям может снижать поддержку мер правительства, направленных на сдерживание пандемии. С другой стороны, недоверие окружающим в том, что они будут соблюдать меры предосторожности, может повышать бдительность и стремление защитить себя от заражения.

Во-вторых, перспективным направлением исследований является изучение различных типов социального доверия и их социально-психологических функций в условиях масштабной угрозы. Одним из оснований для такой типологии может быть сочетание разных видов доверия, выраженность которых, как правило, различается: генерализованного (к людям вообще), внутригруппового (к близким, друзьям, знакомым), аутгруппового (представителям других этно-

сов, территориальных общностей, идеологических взглядов и т. д.), институционального (к СМИ, государству, медицине, науке).

В-третьих, огромный научный и прикладной интерес представляет исследование динамики доверия к различным источникам информации на разных этапах развития пандемии и связанного с ней кризиса, в том числе во время первой волны заболеваний и после нее, во время карантина и выхода из него, обострения экономического кризиса.

ГЛАВА 27

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ РОССИЯН КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЯ К ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Социально-психологические эффекты, вызываемые переживанием эпидемиологической угрозы

Эффекты разрушительного воздействия пандемии коронавируса не только на физическое здоровье людей, но и на их психологический статус активно исследуются социальными психологами и другими представителями социогуманитарных наук. Одним из основных направлений исследований оказывается (Bavel et al., 2020) тема эмоциональных переживаний угрозы здоровью. Так, подробно изучались психологические эффекты, вызываемые сильным страхом угрозы коронавируса: показано, что устрашение населения вызывает наибольшее позитивное изменение поведения только тогда, когда люди верят в эффективность мер противодействия, в то время как устрашение, сопровождаемое сообщениями о низкой эффективности мер, провоцирует лишь высокий уровень защитных реакций (Witte, Allen, 2020). Есть свидетельства того, что группы взаимопомощи среди населения в ответ на COVID-19 уже получили в западных странах широкое распространение (Bavel et al., 2020). Рекомендации о важности позитивного настроя были сделаны и в отечественных работах: при перезапуске экономики в условиях пандемии подкрепление веры людей в собственные силы и поддержка сопереживания другим могут быть более эффективными средствами побуждения к соблюдению правил предосторожности, чем нагнетание страха (Нестик, 2020).

В то же время было обнаружено, что переживание страха и угрозы влияет и на то, как люди реагируют на чужие группы. Например, угроза заболевания часто ассоциируется с более высоким уровнем этноцентризма; больший страх и предполагаемая угроза связаны

с большей нетерпимостью и санкциями по отношению к чужим группам. Среди долгосрочных эффектов пандемии отмечаются снижение институционального доверия, рост социального пессимизма и вероятность сдвига общества к консервативным ценностям и поддержке авторитарных политиков (Нестик, 2020).

Возникшие сложные обстоятельства жизни провоцируют диаметрально противоположные стратегии поведения людей: от «ковид-диссиденства» до активных поборников средств предосторожности. Отечественными авторами (Кузнецова и др., 2020) изучалось отношение к новому образу жизни, связанному с вынужденной самоизоляцией. Показано, что люди с высоким уровнем социальной ответственности и осознанием своего персонального вклада в борьбу с распространением инфекции более последовательно соблюдают режим самоизоляции. Оказалось, что склонность к оптимизму полезна для нивелирования негативных эмоций, однако это может привести к тому, что люди рискуют недооценить вероятность заражения болезнью (Sharot, 2011) и, следовательно, проигнорируют предупреждения.

Особое внимание исследователи уделяют изучению эмоциональных состояний людей с осознаваемой потребностью в психологической помощи (Бойко и др., 2020). У них были выявлены повышенный суицидальный риск, более низкий уровень представленности копинг-стратегий, снижающих уровень стресса, и более высокий уровень психопатологической симптоматики. Таких людей в рандомизированной выборке при интернет-опросе оказалось 22% (там же).

В кросс-культурном исследовании Дж. Пизарро с соавторами анализировались диапазон и содержание социальных представлений о пандемии COVID-19 в 17 странах Северной и Южной Америки, Европы и Азии (N=4430). Основываясь на теории социальных представлений, а также на данных о психосоциальных последствиях прежних пандемий и кризисов, авторы оценивали восприятие серьезности и рисков, а также ориентацию участников на социальное доминирование и правый авторитаризм. Результаты показали, что оценка серьезности и вероятности риска была связана с различными социальными представлениями о пандемии. В частности, были обнаружены группы респондентов, которые сосредоточены на экстернальных зоонозных и экологических факторах (вирус возникает из-за антисанитарных привычек китайцев и чрезмерной эксплуатации планеты), заговорах (вирус – это оружие), действиях элиты

(элиты обманывают нас и получают прибыль от пандемии) и на важности личной ответственности (заражаются неосторожные люди). Результаты показывают, что авторитарные субъекты ощущают повышенную потребность в социальном контроле и оправдывают отторжение чужих групп, а также поддерживают идеи наказания девиантов с низким статусом внутри своей группы (Pizarro et al., 2020).

В зарубежных исследованиях социальных представлений о пандемии были получены данные о том, что в случае эпидемий связь, устанавливаемая между новой болезнью и предыдущими пандемиями, обычно осуществляется через механизм якорения, который внедряет новую болезнь в существующую культуру. В этом смысле характерно якорение болезни на аутгруппах, таких как иностранцы и/или маргинальные группы. Предполагается, что это «отчуждающее» представление снижает тревогу и усиливает чувство контроля, что также может быть связано со страхом, гневом и дискриминацией иностранцев (Páez, Perez, 2020). Представление о том, что мир является опасным местом, связывается с идеями заговора, что, в свою очередь, ассоциируется с более низкими оценками эффективности мер социальной и медицинской помощи. Убеждения в заговоре распространены в группах с низким статусом, среди стигматизированных меньшинств и связаны с недостаточным уровнем профилактики и медицинской помощи в этих группах.

Представление о болезни как следствии действий коррумпированных элит имеет следствием объективацию и персонализацию содержания представления (процессы формирования социального представления). Процесс объективации относится к схематизации и материализации убеждений, превращая идею в нечто почти материальное. В результате некоторые атрибуты явления пандемии выделяются, унифицируются и объединяются в образное ядро. В рамках объективации происходит персонализация, в итоге эпидемия мифологизируется и оснащается героями, злодеями и жертвами.

Ситуация пандемии породила различные поведенческие стратегии, базирующиеся прежде всего на эмоциональной оценке происходящего в обществе. Можно предполагать, что носители этих стратегий образуют условные группы общества, по-разному трактующие происхождение пандемии, ее суть, степень опасности для общества и последствия для будущего. Представители каждой из этих условных групп в силу своих социально-психологических особенностей ищут подтверждение своих интерпретаций современной ситуации

в обществе и своих прогнозов на будущее (особенно в случае, когда объективная оценка затруднена, а общим эмоциональным фоном является тревога и страх) в прошлом, в истории, избирая образцы и примеры в соответствии со своим видением ситуации.

Коллективная память как объяснительный ресурс в отношении экстремальных событий настоящего

Исследования, посвященные памяти как коллективному феномену, даже в большей степени, чем исследования индивидуальной памяти, основаны на изучении социально разделяемых процессов вспоминания. Память – это процесс, происходящий в индивидуальной психике, но разделяемый процесс вспоминания имеет социальные функции и эффекты на общественном уровне. Коллективная память об экстремальных событиях – это социально разделяемая память. В коллективной памяти остаются события, которые могут публично отмечаться или не отмечаться. Коллективные воспоминания – это широко разделяемые образы и знания о прошлом социальном событии, которое могло и не переживаться лично, но оно коллективно создается, разделяется и обладает социальными функциями (Шуман, Скотт, 1992). Хорошо известно, как социальное прошлое конструировалось или заново осваивалось для того, чтобы служить современным социальным аттитюдам и потребностям, особенно при переменах в социально-политической ситуации, а также в случае экстремальных событий. По Хальбваксу, коллективная память – это, по сути, реконструкция прошлого, приспосабливающая образ старых фактов к убеждениям и духовным потребностям нынешнего времени. Актуальная ситуация, представляющая угрозу, нуждается в осмыслении, и оно происходит с опорой, в частности, на содержание коллективной памяти о прошлых событиях, которое «приспосабливается» людьми к современным обстоятельствам.

Было показано, что социальная разделяемость коллективного опыта действительно играет функциональную роль в ассимиляции эмоционального опыта. Исследователи отмечают, что копинг посредством разделения памяти о прошлом коллективном событии определяет более положительное суждение о современном социальном климате. Противостоя травмирующим событиям или говоря о них, испытуемые могут ассимилировать свой эмоциональный опыт, конструируя более сложные схемы и более умеренные оценки. Соответственно оценка обществом современного события будет

более позитивной там, где есть более высокий уровень социального разделения или общения, чем там, где его нет (Rimé, Christophe, 1997).

Особенности ментальности групп в рамках российского общества мы рассматриваем как один из важнейших факторов конструирования воспоминаний. В наших предыдущих исследованиях обнаружились такие политико-экономические векторы конструирования коллективных воспоминаний, как консерватизм/либерализм, этатизм/гуманизм, почвенничество/западничество, глобализм/национализм, авторитаризм/демократизм, определяющие логику появления типов респондентов-носителей, различающихся по содержанию образов коллективной памяти (Емельянова, 2019). Закономерности преобладания тех или иных векторов мы объясняем общественно-политическим контекстом периода проведения исследования, экономической ситуацией и другими факторами. Контекстуальность содержания коллективной памяти – одна из важнейших ее особенностей, делающая память феноменом подвижным, изменчивым и динамичным.

Эти результаты ставят перед исследователями новые вопросы: какова роль коллективной памяти об эпидемиях прошлого, о глобальных техногенных катастрофах, революциях, террористических актах и других экстремальных событиях при интерпретации происхождения и сути пандемии? каковы общественно-политические аналоги настоящей и будущей ситуации в стране? Кроме того, важным является вопрос, проводят ли люди аналогии современной ситуации пандемии с событиями российской истории, прогнозируют ли они будущее российского общества после пандемии по ассоциации с какими-либо историческими эпохами и стилями правления тех или иных политических деятелей прошлого России.

Эмпирические исследования коллективной памяти как фактора отношения к пандемии коронавируса

Для раскрытия представленности стратегий поведения в ситуации пандемии коронавируса, их связи с образами коллективной памяти об экстремальных ситуациях прошлого, воспринимаемых аналогий последствий пандемии с различными эпохами в истории страны было предпринято исследование с помощью опросников «Отношение к эпидемиологическим угрозам» (Т. А. Нестик), «Отношение к истории и будущему страны», «Оценка прошлого России» (Т. А. Нестик, Т. П. Емельянова), «Шкала преемственности коллективной истории»

Т. А. Нестика. С целью диагностики системы отношений личности к временному континууму использовались «Стэнфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI) и опросник «Отклонение от сбалансированной временной перспективы» (Zhang et al., 2013). Для исследования оптимизма как обобщенных ожиданий относительно будущих событий – «Опросник диспозиционного оптимизма» (LOT) М. Шейера и Ч. Карвера. Для оценки идеологических установок авторитаризма правого толка, социального доминирования, веры в опасный и конкурентный мир применялась короткая версия методики Дж. Даккита, адаптированная Д. С. Григорьевым. При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS v. 20.0. Общий объем выборки исследования составил 300 человек в возрасте от 16 до 75 лет, из них 225 (75%) – женщины.

На первом этапе анализа данных опросника «Отношение к эпидемиологическим угрозам» Т. А. Нестика были выделены пять групп респондентов, различающихся типичными для них стратегиями поведения в условиях пандемии коронавируса: 1-я группа – с ведущей стратегией «Социальный оптимизм», 2-я группа – с «Тревогой по поводу пандемии», 3-я группа – с «Конспирологической ориентацией», 4-я группа – с ведущей стратегией «Поддержка жестких мер сдерживания», 5-я группа – «Социальная поддержка». Для расчета значений шкал, определяющих высокую выраженность стратегий, использовался 75 процентиль (P75), позволяющий выделить верхнюю четверть распределения, то есть респондентов, имеющих высокую выраженность представленных стратегий: для шкалы «Социальный оптимизм»: P75=3,5; для шкалы «Тревога по поводу пандемии»: P75=4,0; для шкалы «Конспирологическая ориентация»: P75=4,3; для шкалы «Поддержка жестких мер сдерживания»: P75=3,0; для шкалы «Социальная поддержка»: P75=4,0. Респонденты со значениями шкал, расположенными выше 75 процентиля (P75), попадали в группы респондентов, различающихся ведущими стратегиями поведения. С помощью статистического критерия U-критерия Манна–Уитни было проведено сравнение оценок респондентов сходства российского общества во время пандемии COVID-19 и после ее окончания с другими кризисными периодами российской истории. При этом учитывались стратегии реагирования респондентов на эпидемиологическую угрозу. Методом множественного линейного регрессионного анализа были выявлены предикторы пяти выделенных стратегий поведения в ситуации пандемии.

Социально-демографические характеристики групп респондентов с разными ведущими стратегиями поведения в условиях пандемии представлены в таблице 27.1.

Таблица 27.1

Социально-демографические характеристики групп респондентов с разными стратегиями поведения

Группы респондентов с разными стратегиями поведения	Пол		Возрастные группы		
	Мужчины	Женщины	Молодежь (16–35 лет)	Средний возраст (36–50 лет)	Старший возраст (старше 50 лет)
Социальный оптимизм (n=26)	8 (21,2%)	18 (78,8%)	6 (23,1%)	12 (46,2%)	8 (30,8%)
Тревога по поводу пандемии (n=12)	2 (16,7%)	10 (89,7%)	1 (8,3%)	3 (25,0%)	8 (66,7%)
Конспирологическая ориентация (n=34)	9 (26,5%)	25 (73,5%)	2 (5,9%)	12 (35,3%)	20 (58,8%)
Поддержка жестких мер сдерживания (n=25)	7 (28,0%)	18 (72,0%)	7 (28,0%)	11 (44,0%)	7 (28,0%)
Социальная поддержка (n=38)	10 (26,3%)	28 (73,7%)	7 (18,4%)	14 (36,8%)	17 (44,7%)

Можно видеть, что социальный оптимизм как стратегия поведения наиболее часто встречается у женщин (78,8%), а в рамках возрастных групп – у представителей среднего возраста (36–50 лет) – 46,2%. Тревога по поводу пандемии в большей степени характерна женщинам (89,7%) и представителям старшего возраста (старше 50 лет) – 66,7%; частота выбора данной стратегии увеличивается с увеличением возраста респондентов. Конспирологическая ориентация наиболее часто наблюдается у женщин (73,5%) и представителей старшего возраста (старше 50 лет) – 58,8%; частота выбора данной стратегии повышается с увеличением возраста респондентов. Поддержку жестких мер сдерживания в качестве стратегии поведения в ситуации пандемии также чаще выбирают женщины (72,0%) и представители среднего возраста (36–50 лет) – 44,0%. Поиск социальной поддержки как стратегия поведения чаще встречается среди женщин (73,7%) и представителей старшего возраста (старше 50 лет) – 44,7%; частота выбора данной стратегии возрастает с увеличением возраста

респондентов. Молодежь наиболее часто выбирает в качестве стратегий в условиях пандемии поддержку жестких мер сдерживания и социальный оптимизм.

То, как респонденты представляют себе состояние российской экономики и общественной жизни по окончании пандемии, изучалось с помощью вопроса «На какие эпохи будет похоже российское общество после окончания пандемии?» (по шкале от 1 до 5, где 5 – очень похоже, 1 – совершенно не похоже). Предлагались варианты ответа: дореволюционное время, после Февральской революции, после Октябрьской революции, сталинское время, хрущевская оттепель, брежневское время, время перестройки, ельцинский период, путинский период.

Полученные данные свидетельствуют о том, что все респонденты вне зависимости от ведущей стратегии поведения отмечают наибольшее сходство российского общества после пандемии с путинским периодом.

Сравнение оценок респондентов относительно сходства российского общества после окончания пандемии с историческими эпохами в зависимости от ведущей стратегии поведения осуществлялось с помощью статистического критерия U-критерия Манна–Уитни. Результаты сравнения представлены в таблице 27.2.

Полученные данные свидетельствуют о том, что представители всех пяти групп видят слабое сходство российского общества после пандемии с дореволюционным временем, временем после Февральской революции и хрущевской оттепелью, при этом оценки респондентов по данным событиям в 5 группах не различаются.

Сходство периода после пандемии с периодом после Октябрьской революции чаще отмечают респонденты с конспирологической ориентацией, чем представители групп с тревогой по поводу пандемии (на уровне тенденции), поддержкой жестких мер сдерживания (на уровне тенденции) и социальной поддержкой (на уровне $p<0{,}050$).

Респонденты с конспирологической ориентацией также видят сходство общества после пандемии со сталинским временем чаще (на уровне тенденции), чем респонденты с социальным оптимизмом и с ориентацией на поддержку жестких мер сдерживания. Респонденты с конспирологической ориентацией в меньшей степени видят сходство с брежневским временем, чем респонденты, поддерживающие жесткие меры сдерживания и ориентированные на социальную поддержку (на уровне $p<0{,}050$). Общество после пандемии

Таблица 27.2

Результаты сравнения оценок респондентами сходства российского общества после окончания пандемии с историческими периодами, согласно ведущим стратегиям поведения

Сходство российского общества после окончания пандемии с историческими эпохами	**Значимость различий (p=)**									
	Сравниваемые категории									
	C1/ C2	**C2/ C3**	**C3/ C4**	**C4/ C5**	**C1/ C5**	**C1/ C4**	**C1/ C3**	**C2/ C5**	**C2/ C4**	**C3/ C5**
Дореволюционное время	0,737	0,653	0,547	0,621	0,373	0,693	0,876	0,677	0,969	0,251
После Февральской революции	0,782	0,308	0,179	0,759	0,994	0,747	0,337	0,757	0,986	0,245
После Октябрьской революции	0,352	**0,080**	**0,073**	0,715	0,322	0,572	0,252	0,862	0,699	**0,019**
Сталинское время	0,467	0,462	**0,080**	0,459	0,406	0,943	**0,085**	0,914	0,535	0,263
Хрущевская оттепель	0,353	0,894	0,487	0,474	0,156	0,509	0,173	0,915	0,672	0,989
Брежневское время	0,878	0,389	**0,045**	0,748	0,396	0,606	0,332	0,445	0,611	**0,016**
Время перестройки	**0,090**	0161	**0,084**	0,828	0,146	0,134	0,998	0,834	0,973	0,106
Ельцинский период	0,757	0,266	0,148	0,525	0,376	0,977	0,324	0,709	0,973	**0,050**
Путинский период	0,454	0,228	**0,032**	0,248	**0,044**	0,192	0,567	0,466	0,854	**0,005**

Примечание: C1 – социальный оптимизм, C2 – тревога по поводу пандемии, C3 – конспирологическая ориентация, C4 – поддержка жестких мер сдерживания, C5 – социальная поддержка; p – значимость различий.

наиболее часто со временем перестройки сравнивают респонденты, испытывающие тревогу по поводу пандемии, респонденты, поддерживающие жестокие меры сдерживания и ориентированные на социальную поддержку.

Результаты оценки сходства ситуации в стране в условиях пандемии коронавируса COVID-19 с событиями российской истории представителями групп респондентов с различными ведущими стратегиями поведения представлены в таблице 27.3.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для респондентов с ведущей стратегией социального оптимизма ситуация в стране в условиях пандемии в наибольшей степени напоминает «испанку» в 1918–1919 гг. (1-е ранговое место), эпидемию холеры в XIX в. (2-е ранговое место), эпидемию чумы в XVII в. (3-е ранговое место), чернобыльскую катастрофу (4-е ранговое место), жару и лесные пожары в России 2010 г. и распад СССР (5-е ранговое место). Далее следуют Смутное время и Гражданская война в 1917–1922 гг.

Для респондентов с ведущей стратегией тревоги по поводу пандемии ситуация в стране напоминает эпидемии испанки, холеры, чумы (1–3-е ранговое место), распад СССР (4-е ранговое место), жару и пожары в России 2010 г. (5-е ранговое место). Далее следуют Смутное время, чернобыльская катастрофа и Гражданская война в 1917–1922 гг.

Для респондентов с конспирологической ориентацией ситуация в стране в большей степени напоминает распад СССР (1-е ранговое место), голод 1932–1933 гг. (2-е ранговое место), Гражданскую войну в 1917–1922 гг. (3-е ранговое место), Смутное время (4-е ранговое место) и «испанку» в 1918–1919 гг. (5-е ранговое место). Далее следуют эпидемия чумы в XVII в., большевистская революция, эпидемия холеры в XIX в., чернобыльская катастрофа.

Для респондентов, поддерживающих жесткие меры сдерживания, ситуация в стране напоминает эпидемию испанки в 1918–1919 гг. (1-е ранговое место), распад СССР (2-е ранговое место), эпидемию холеры в XIX в. (3-е ранговое место), эпидемию чумы в XVII в. (4-е ранговое место), жару и лесные пожары в России 2010 г. (5-е ранговое место). Далее следуют чернобыльская катастрофа, Смутное время, голод (Голодомор) 1932–1933 гг.

Для респондентов с ведущей стратегией социальной поддержки ситуация в стране кажется похожей на эпидемию испанки в 1918–1919 гг. (1-е ранговое место), распад СССР (2-е ранговое место), эпи-

Таблица 27.3

Результаты оценки сходства ситуации в стране
в условиях пандемии COVID-19 с событиями российской истории

События российской истории	Стратегии поведения в ситуации пандемии				
	Социальный оптимизм (С1) X_1	Тревога (С2) X_2	Конспирологическая ориентация (С3) X_3	Жесткие меры (С4) X_4	Социальная поддержка (С5) X_5
Монголо-татарское нашествие	1,46	1,92	2,09	1,48	1,37
Отечественная война 1812 г.	1,08	1,42	1,41	1,20	1,21
Первая мировая война	1,62	2,33	1,62	1,68	1,50
Великая Отечественная война	1,50	2,08	1,82	1,64	1,79
Война 2012 г. в Сирии	1,35	1,42	1,38	1,68	1,37
Смутное время (после смерти Ивана Грозного, 1598–1613 гг.)	2,08	2,58	2,38	2,08	1,68
Большевистская революция	1,58	2,33	2,24	1,92	1,76
Гражданская война в 1917–1922 гг.	1,85	2,50	2,50	1,80	1,87
Распад СССР	2,12	2,83	2,74	2,88	3,11
Голод (Голодомор) 1932–1933 гг.	1,65	2,00	2,50	1,96	2,37
Чернобыльская катастрофа	2,27	2,50	2,21	2,16	2,42
Авария на Саяно-Шушенской ГЭС	1,69	2,17	1,79	1,32	1,95
Пожары в клубе «Хромая лошадь» и ТРЦ «Зимняя вишня»	1,58	2,00	1,82	1,60	1,84
Крупнейшие землетрясения (в Ашхабаде, Ташкенте, Спитаке, на Сахалине и др.)	1,73	2,33	1,68	1,48	2,08
Жара и лесные пожары в России в 2010 г.	2,12	2,67	1,82	2,28	2,26
Наводнения на Дальнем Востоке в 2013–2019 гг.	1,65	2,42	1,76	1,92	2,21
Эпидемия чумы в VII в.	2,77	3,58	2,26	2,60	2,79
Эпидемия холеры в XIX в.	2,88	3,83	2,21	2,72	2,95
«Испанка» в 1918–1919 гг.	3,04	3,92	2,35	2,92	3,26
«Норд-Ост», теракт на Дубровке	0,73	1,67	0,97	1,44	0,89
Теракт в Беслане	0,73	1,75	1,00	1,40	0,79
Теракт в Будённовске	0,73	1,58	0,97	1,28	0,79

Примечание: X – среднее значение.

демию холеры в XIX в. (3-е ранговое место), эпидемию чумы в XVII в. (4-е ранговое место), чернобыльскую катастрофу (5-е ранговое место). Далее следуют голод 1932–1933 гг., жара и лесные пожары в России 2010 г., наводнения на Дальнем Востоке в 2013–2019 гг., крупнейшие землетрясения (в Ашхабаде, Ташкенте, Спитаке, на Сахалине и др.).

Сравнение оценок респондентов пяти групп относительно сходства ситуации в стране в условиях пандемии с событиями российской истории осуществлялось с помощью статистического критерия U-критерия Манна–Уитни. Результаты сравнения представлены в таблице 27.4.

Респонденты с конспирологической ориентацией чаще видят сходство ситуации в стране с монголо-татарским нашествием, чем респонденты с социальным оптимизмом (на уровне тенденции) и с ориентацией на социальную поддержку (на уровне значимости $p<0{,}050$).

Респонденты с ориентацией на социальную поддержку видят меньшее сходство ситуации в стране со Смутным временем, чем респонденты с тревогой (на уровне значимости $p<0{,}010$) и конспирологической ориентацией (на уровне значимости $p<0{,}050$).

Респонденты с социальным оптимизмом видят меньшее сходство ситуации в стране с большевистской революцией, чем респонденты с тревогой (на уровне значимости $p<0{,}050$) и конспирологической ориентацией (на уровне значимости $p<0{,}050$).

Респонденты с тревожностью и конспирологической ориентацией чаще отмечают сходство ситуации в стране с Гражданской войной в 1917–1922 гг., чем респонденты с ориентацией на жесткие меры (на уровне тенденции).

Респонденты с социальным оптимизмом значительно реже отмечают сходство ситуации в стране с распадом СССР, чем респонденты с ориентацией на жесткие меры сдерживания (на уровне значимости $p<0{,}050$) и на социальную поддержку (на уровне тенденции).

Респонденты с социальным оптимизмом значительно реже отмечают сходство ситуации в стране с голодом в 1932–1933 гг., чем респонденты с конспирологической ориентацией (на уровне значимости $p<0{,}050$) и с ориентацией на социальную поддержку (на уровне значимости $p<0{,}050$).

Респонденты, поддерживающие жесткие меры сдерживания, значительно реже отмечают сходство ситуации в стране с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС, чем респонденты с конспирологической направленностью (на уровне тенденции), с ориентацией на со-

Таблица 27.4

Результаты сравнения оценок респондентов относительно сходства ситуации в стране в условиях пандемии с событиями российской истории

События российской истории	Значимость различий (p)									
	Сравниваемые категории									
	C1/C2	**C2/C3**	**C3/C4**	**C4/C5**	**C1/C5**	**C1/C4**	**C1/C3**	**C2/C5**	**C2/C4**	**C3/C5**
Монголо-татарское нашествие	0,163	0,921	0,219	0,283	0,708	0,534	**0,095**	**0,067**	0,300	**0,024**
Отечественная война 1812 г.	0,315	0,850	0,247	0,847	0,237	0,387	**0,043**	0,619	0,614	0,271
Первая мировая война	0,145	0,159	0,986	0,538	0,879	0,668	0,610	**0,066**	0,198	0,474
Великая Отечественная война	**0,077**	0,527	0,715	0,888	0,237	0,291	0,164	0,396	0,369	0,813
Война 2012 г. в Сирии	0,708	0,906	0,376	0,349	0,733	0,267	0,724	0,879	0,587	0,964
Смутное время (после смерти Ивана Грозного в 1598–1613 гг.)	0,163	0,477	0,520	0,125	0,211	0,841	0,426	**0,009**	0,194	0,027
Большевистская революция	**0,016**	0,592	0,321	0,675	0,533	0,370	**0,039**	**0,060**	0,193	0,108
Гражданская война в 1917–1922 гг.	0,159	0,948	**0,052**	0,903	0,660	0,648	0,104	0,102	**0,098**	**0,042**
Распад СССР	0,138	0,817	0,700	0,517	**0,011**	**0,054**	0,126	0,569	0,920	0,328
Голод (Голодомор) 1932–1933 гг.	0,223	0,291	0,125	0,358	**0,038**	0,235	**0,011**	0,617	0,782	0,593
Чернобыльская катастрофа	0,565	0,519	0,968	0,486	0,583	0,913	0,899	0,888	0,530	0,482
Авария на Саяно-Шушенской ГЭС	0,115	0,264	**0,057**	**0,049**	0,392	0,307	0,460	0,385	**0,010**	0,838
Пожары в клубе «Хромая лошадь» и ТРЦ «Зимняя вишня»	0,343	0,860	0,253	0,656	0,722	0,901	0,294	0,489	0,313	0,486

Продолжение таблицы 27.4

События российской истории	Значимость различий (p)									
	Сравниваемые категории									
	C1/C2	**C2/C3**	**C3/C4**	**C4/C5**	**C1/C5**	**C1/C4**	**C1/C3**	**C2/C5**	**C2/C4**	**C3/C5**
Крупнейшие землетрясения (в Ашхабаде, Ташкенте, Спитаке, на Сахалине и др.)	0,139	0,146	0,802	**0,056**	0,161	0,928	0,778	0,691	**0,099**	0,115
Жара и лесные пожары в России 2010 г.	0,204	**0,065**	0,108	0,913	0,536	0,424	0,612	0,397	0,513	0,140
Наводнения на Дальнем Востоке в 2013–2019 гг.	0,102	0,166	0,431	0,432	**0,095**	0,243	0,661	0,685	0,462	0,161
Эпидемия чумы в XVII в.	0,122	**0,007**	0,356	0,614	0,939	0,705	0,195	0,106	**0,058**	0,114
Эпидемия холеры в XIX в.	**0,048**	**0,001**	0,162	0,543	0,822	0,692	**0,061**	**0,056**	**0,030**	**0,029**
«Испанка» в 1918–1919 гг.	0,114	**0,002**	0,138	0,328	0,605	0,758	**0,080**	0,141	**0,039**	**0,009**
«Норд-Ост», теракт на Дубровке	**0,070**	0,174	0,296	**0,086**	0,893	0,107	0,450	**0,077**	0,622	0,381
Теракт в Беслане	**0,062**	0,155	0,304	**0,052**	0,696	0,105	0,497	**0,042**	0,551	0,271
Теракт в Будённовске	0,112	0,234	0,382	**0,074**	0,696	0,153	0,513	**0,070**	0,616	0,279

Примечание: C1 – социальный оптимизм, C2 – тревога по поводу пандемии, C3 – конспирологическая ориентация, C4 – поддержка жестких мер сдерживания, C5 – социальная поддержка; p – значимость различий.

циальную поддержку (на уровне значимости $p<0,050$) и с тревогой (на уровне значимости $p<0,010$).

Сходство ситуации в стране с эпидемиями чумы, холеры, «испанки» наиболее часто отмечают респонденты с тревогой, чем с другими ведущими стратегиями.

Результаты регрессионного анализа для стратегии «Социальный оптимизм» ($R=0,779$; $R^2=0,606$; $F=17,661$; $p<0,001$) свидетельствуют о том, что предикторами стратегии «Социальный оптимизм» (1-я группа) в ситуации пандемии являются общая воспринимаемая преемственность коллективной истории ($\beta=0,288$), диспозиционный оптимизм ($\beta=0,241$), гражданская идентичность (идентификация с россиянами) ($\beta=0,198$), низкая ориентация на учет последствий отдаленного будущего ($\beta=-0,113$), негативная оценка прошлого ($\beta=0,396$), отсутствие негативной оценки будущего ($\beta=-0,427$), авторитарное подчинение ($\beta=0,186$), авторитарная агрессия ($\beta=0,165$), низкая вера в опасный ($\beta=-0,190$) и конкурентный ($\beta=-0,131$) мир.

Результаты регрессионного анализа для стратегии поведения в ситуации пандемии «Тревога по поводу пандемии» ($R=0,518$; $R^2=0,268$; $F=4,197$; $p<0,001$) свидетельствуют о том, что предикторами стратегии «Тревога по поводу пандемии» (2-я группа) являются предопределенность будущего коллективным прошлым ($\beta=0,183$), общая воспринимаемая преемственность коллективной истории ($\beta=0,163$), низкий диспозиционный оптимизм ($\beta=-0,128$; на уровне тенденции), глобальная идентичность ($\beta=0,167$), ориентация на учет последствий отдаленного будущего ($\beta=0,246$), негативная оценка прошлого ($\beta=0,312$; на уровне тенденции), низкая ориентация на будущее ($\beta=-0,387$; на уровне тенденции), позитивная оценка прошлого ($\beta=0,371$; на уровне тенденции), авторитарное подчинение ($\beta=0,201$) и вера в опасный мир ($\beta=0,150$).

Результаты регрессионного анализа для стратегии поведения в ситуации пандемии «Конспирологическая ориентация: вера в искусственное происхождение эпидемии» ($R=0,488$; $R^2=0,238$; $F=3,579$; $p<0,001$) показывают, что предикторами этой стратегии (3-я группа) являются ценность коллективного прошлого как источника уроков для будущего ($\beta=0,255$), общая воспринимаемая преемственность коллективной истории ($\beta=0,122$), низкое социальное доверие ($\beta=-0,145$), ориентация на учет последствий ближайшего будущего ($\beta=0,122$), низкая ориентация на учет последствий будущего ($\beta=-0,205$), гедонистическое ($\beta=0,469$) и фаталистическое настоящее

(β=0,370), негативная оценка будущего (β=–0,348; на уровне тенденции), низкое авторитарное подчинение (β=–0,234), авторитарная агрессия (β=0,232), конвенционализм (β=0,160).

Результаты регрессионного анализа для стратегии поведения в ситуации пандемии «Поддержка жестких мер сдерживания» (R=0,558; R^2=0,311; F=5,172; p<0,001) свидетельствуют о том, что предикторами стратегии поведения в ситуации пандемии «Поддержка жестких мер сдерживания» (4-z группа) являются общая воспринимаемая преемственность коллективной истории (β=0,149), ориентация на учет последствий отдаленного будущего (β=0,233), авторитарное подчинение (β=0,354), низкий эгалитаризм (β=–0,127), вера в опасный мир (β=0,105; на уровне тенденции).

Результаты регрессионного анализа для стратегии поведения в ситуации пандемии «Социальная поддержка» (R=0,568; R^2=0,323; F=5,461; p≤0,001) свидетельствуют о том, что предикторами стратегии поведения в ситуации пандемии «Социальная поддержка» (5-я группа) являются общая воспринимаемая преемственность коллективной истории (β=0,170), диспозиционный оптимизм (β=0,205), ориентация на учет последствий ближайшего (β=0,133) и отдаленного (β=0,350) будущего, гедонистическое (β=0,426) и фаталистическое (β=0,270; на уровне тенденции) настоящее, низкая авторитарная агрессия (β=–0,187), доминирование (β=0,116), отсутствие веры в конкурентный мир (β=–0,123).

Анализируя полученные результаты с точки зрения понимания феномена коллективной памяти как фактора построения стратегий поведения в условиях пандемии, мы исходили из идеи о том, что образы коллективной памяти воздействуют на отношение людей к наличной ситуации не прямо, а косвенно через характеристики современной ментальности, а именно такие опосредующие факторы, как общая воспринимаемая преемственность коллективной истории, предопределенность будущего коллективным прошлым, социальное доверие, эгалитаризм, диспозиционный оптимизм, глобальная идентичность, авторитарное подчинение, воспринимаемая ценность коллективного прошлого как источника уроков для будущего и др.

Благодаря этой совокупности опосредствующих факторов становится более понятной роль коллективной памяти в восприятии людьми наличной экстремальной ситуации.

Коллективная память имеет свойство опираться при интерпретации сложных и непонятных явлений на яркие в эмоциональном

отношении периоды прошлого, экстраполируя их на ближайшее будущее. Однако на вопрос анкеты о предполагаемом сходстве российского общества после окончания пандемии с различными эпохами в истории России все респонденты вне зависимости от ведущей стратегии поведения отмечают наибольшее сходство российского общества после пандемии с путинским периодом, то есть не предвидят каких-либо существенных изменений в общественной жизни. Между тем некоторые различия в предвосхищении будущего на основе исторического опыта все же можно видеть.

Данные о воспринимаемой связи настоящего прошлого и вероятного будущего были дополнены результатами по методике оценки идеологических установок Дж. Даккита.

По мнению респондентов из группы «стратегия социального оптимизма», российское общество после пандемии будет сходно с ельцинским периодом, периодом после Октябрьской революции или временем перестройки. По данным методики Дж. Даккита, у этих респондентов в наибольшей степени выражены шкалы «Авторитарная агрессия» (2,90) и «Авторитарное подчинение» (2,87). Дополняя эту картину данными регрессионного анализа, можно ви-

Таблица 27.5

Результаты оценки идеологических установок респондентов пяти групп

Шкалы	**Стратегии поведения в ситуации пандемии**				
	Социальный оптимизм (С1) X_1	**Тревога (С2) X_2**	**Конспирологическая ориентация (С3) X_3**	**Жесткие меры (С4) X_4**	**Социальная поддержка (С5) X_5**
Авторитарное подчинение	2,87	1,63	1,79	2,26	1,91
Авторитарная агрессия	2,90	2,00	2,28	2,56	2,07
Конвенционализм	2,83	2,21	3,22	2,38	2,45
Доминирование	2,15	1,63	1,57	2,12	1,83
Эгалитаризм	2,81	2,71	1,91	2,78	2,25
Вера в опасный мир	2,79	3,31	3,30	3,03	3,05
Вера в конкурентный мир	1,81	2,42	2,03	2,48	1,83

Примечание: X – среднее значение по шкалам.

деть, что предикторами их стратегии является негативная оценка прошлого, но вера в будущее и отсутствие убеждений относительно опасного и конкурентного мира. Это группа представлена преимущественно женщинами и людьми старшего возраста.

Респонденты группы «тревога по поводу пандемии» предполагают сходство российского общества после ее окончания с временем перестройки, ельцинским периодом и даже сталинским временем. Среди шкал методики Дж. Даккита у них в наибольшей степени выражены «Вера в опасный мир» (3,31) и «Эгалитаризм» (2,71). Предикторами их отношения к пандемии являются позитивная оценка прошлого и вера в опасный мир.

Респонденты группы «конспирологическая ориентация» считают, что российское общество после пандемии будет похоже на ельцинский период, время перестройки, брежневское время. Из шкал методики Дж. Даккита в наибольшей степени выражены «Вера в опасный мир» (3,30) и «Конвенционализм» (3,22). Среди предикторов этой позиции выделяются гедонистическая и фаталистическая оценки настоящего и негативная оценка будущего.

Группа респондентов «поддержка жестких мер сдерживания» наиболее часто проводит аналогию ближайшего будущего со временем перестройки. Среди шкал методики Дж. Даккита у них в наибольшей степени выражены «Вера в опасный мир» (3,03) и «Эгалитаризм» (2,78). Наиболее выраженные предикторы – ориентация на учет последствий отдаленного будущего и авторитарное подчинение.

Группа «поиск социальной поддержки» видит аналогии с теми же эпохами, что и группа «тревога по поводу пандемии», – со временем перестройки, ельцинским периодом и сталинским временем, а по методике Дж. Даккита, они в наибольшей в наибольшей степени поддерживают «Веру в опасный мир» (3,05) и «Конвенционализм» (2,45). Предикторами их позиции являются, помимо прочих, гедонистическое и фаталистическое видение настоящего.

При оценке сходства экстремальной ситуации в стране в условиях пандемии коронавируса COVID-19 с экстремальными событиями прошлого для большей части респондентов – представителей четырех групп (стратегии социального оптимизма, тревоги, жестких мер сдерживания, социальной поддержки) эта ситуация в наибольшей степени (согласно рейтингу) напоминает «испанку» в 1918–1919 гг., эпидемию холеры в XIX в., эпидемию чумы в XVII в., то есть коллективная память подсказывает респондентам тяжелые, но аналогич-

ные по содержанию с современной экстремальные ситуации. В прогнозе будущего сложные в экономическом отношении эпохи также преобладают. Во всех группах выраженной оказалась «вера в опасный мир», по данным методики Дж. Даккита.

В проведении аналогий ситуации в стране в условиях пандемии коронавируса с событиями российской истории выделяется группа респондентов с конспирологической стратегией поведения: им экстремальная ситуация в стране в большей степени напоминает распад СССР (1-е ранговое место), голод 1932–1933 гг. (2-е ранговое место) и Гражданскую войну в 1917–1922 гг., то есть события, обусловленные политическими причинами. Конспирологическое умонастроение заставляет этих респондентов связывать пандемию с политическими «играми» и борьбой враждующих сторон в большой политике. Эта группа – вторая по численности из пяти, ее составляют преимущественно женщины старшего возраста с такими особенностями ментальности, как авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, ценности гедонистического и фаталистического настоящего. Частота выбора данной стратегии увеличивается с увеличением возраста респондентов. Самая же многочисленная группа – сторонники стратегии необходимости социальной поддержки. Они исповедуют ценности эгалитаризма, считая мир полным опасностей и не зависящим от усилий людей. Группа с ориентацией на социальную поддержку выделяется констатацией сходства ситуации в стране с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС. Надежда в ситуации пандемии возлагается на поддержку государства. При этом они не исключают в будущем серьезных экономических трудностей.

Результаты исследования показывают, что восприятие пандемии обусловливается многими факторами, среди которых важное место занимают ассоциации с прошлыми эпохами и событиями. Обращение к тем или иным образам коллективной памяти в совокупности с социально-психологическими характеристиками, типичными для респондентов, ориентированных на различные стратегии поведения в экстремальной ситуации пандемии, составляют сложную систему факторов. Углубление работы по выявлению и пониманию этих факторов позволит повысить эффективность и обеспечить адресный характер профилактической и коррекционной психологической помощи гражданам.

ГЛАВА 28

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕРЫ В КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ COVID-19 И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Психологические последствия пандемии и распространение конспирологических теорий

Проблема психологического воздействия пандемии на личность и общество, в том числе последствий переживания угрозы заражения и вынужденного изменения образа жизни во время карантина, находит отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей.

Поскольку новая коронавирусная инфекция «дебютировала» в Китае и странах Европы, зарубежные исследователи имели возможность накопить некоторый опыт изучения как симптоматики COVID-19, так и психологического состояния общества и информационного фона течения пандемии (Дейнека, Максименко, 2020). Одним из непосредственных эффектов переживания эпидемиологической угрозы, зафиксированных еще на первом этапе развития пандемии в Китае, стал рост симптомов посттравматического стресса, депрессии и тревожных расстройств (Быховец, Коган-Лернер, 2020; Ahmed et al., 2020). Национальные репрезентативные исследования, проведенные в различных странах, указывают на широкую распространенность дистресса в период пандемии COVID-19. Например, в Китае его симптомы к маю 2020 г. отмечались у 35% населения, в США – у 45%, а в Иране – у 60% (UN Policy Brief, 2020).

Результаты эмпирических исследований состояния российского общества и его адаптации к пандемии, вызванной COVID-19, в науч-

---

Глава представляет собой доработанную версию статьи: *Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А.* Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104.

ной и публицистической литературе освещаются с марта 2020 г. Уже в первый месяц самоизоляции был отмечен рост подавленности, тревоги, страха, паники, ухудшение сна, а также снижение количества тех, кто использует рационализацию или отрицание как защитные механизмы, при этом исследователи отмечали обращение россиян к религии, падение уровня конструктивного мышления и эмоционального совладания. Статистически значимо выросли показатели, свидетельствующие о повышении эзотерического мышления, наивного оптимизма и на уровне статистической тенденции категоричности мышления (Ениколопов и др., 2020). Психологическими эффектами, спровоцированными эпидемической ситуацией у россиян, явились страх, апатия, ступор (Федосенко, 2020). Причем попытки справиться с тревогой по поводу негативных последствий пандемии за счет мысленного ухода от проблемы, использования «успокоительных», отрицания связаны с более низким уровнем удовлетворенности жизнью, а также отказ от чтения новостей о пандемии могут усугублять ее негативные психологические последствия (Рассказова и др., 2020; Тхостов, Рассказова, 2020). Ряд исследователей, опираясь на проведенные среди психологов экспертные опросы, справедливо подчеркивают наличие противоречий интересов разных групп населения, порождение негативных тенденций в отношениях между ними (Нестик, 2020; Ушаков и др., 2020). В частности, анализ социально-психологических механизмов влияния пандемии на личность и общество позволяет выделить разнонаправленные тенденции: с одной стороны, солидаризацию общества перед общей угрозой, а с другой – рост веры в опасный мир и авторитарных установок, снижение социального доверия, стигматизацию и обострение межгрупповой напряженности (Нестик, 2020). В социальных сетях эти эффекты наблюдались и в типах реакций интернет-пользователей при обсуждении разразившегося кризиса (Черкашина, 2020), и на уровне сетевых сообществ в целом (Ковалева, Журавлев, 2020).

Репрезентативные опросы россиян, проводившиеся отечественными социологическими агентствами, зафиксировали всплеск страхов заражения коронавирусом в конце марта – начале апреля 2020 г., который постепенно стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий карантина (Исследование социальных эффектов..., 2020; Социология пандемии..., 2020). Так, по данным ВЦИОМ, с марта по июль 2020 г. число опасающихся заразиться коронавирусом снизилось на 20% (Фёдоров, 2020). Помимо динамики страхов,

была отмечены существенные региональные различия в их уровне (Индекс страха..., 2020).

Распространение пандемии в России и за рубежом сопровождалось всплеском конспирологических теорий (Архипова и др., 2020; Depoux et al., 2020). Исследователями была обнаружена связь между обращением интернет-пользователей к социальным сетям в качестве источника информации и уровнем их подверженности вере в конспирологические теории, а также переживаемого стресса (Allington et al., 2020; Barua et al., 2020; Depoux et al., 2020). Во время эпидемий социальные сети преимущественно используются для аффективного совладания с ситуацией через выражение тревоги и гнева, а также для взаимной поддержки. При этом отмечается недостаточное использование властями этого канала для коммуникации с гражданами во время пандемии (Кубрак, Латынов, 2020). Напротив, уровень доверия к властям, ученым и официальным СМИ был одним из факторов, поддерживающих жизнеспособность личности в условиях пандемии и готовность соблюдать правила предосторожности, рекомендуемые врачами (Нестик, 2020).

Распространение конспирологических теорий происхождения COVID-19, их негативное влияние не только на субъективное благополучие личности, но и на санитарно-эпидемиологическую обстановку делает актуальной задачу прояснения психологических предпосылок конспирологических убеждений. Среди личностных характеристик интернет-пользователей, связанных с верой в конспирологические теории пандемии, можно выделить тревожность, избегание неопределенности, импульсивность, религиозность, авторитаризм правого толка, веру в интуицию и низкую рефлексивность (Alper et al., 2020), ориентацию на социальное доминирование и консервативные политические установки (Lobato et al., 2020), национальный нарциссизм (Leone, 2019). Эти же или близкие к ним по смыслу личностные характеристики являются предпосылками общей конспирологической ориентации личности, хотя вопрос о ее личностных детерминантах остается открытым (Goreis, Voracek, 2019).

Целью двух проведенных нами исследований стало прояснение социально-психологических предпосылок веры в конспирологические теории пандемии COVID-19, а также связи между отношением к пандемии и вовлеченностью личности в использование социальных сетей.

Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения пандемии

В задачи первого исследования входило изучение социально-психологических предпосылок веры личности в конспирологические теории происхождения пандемии. Мы предположили, что убеждение в искусственном происхождении COVID-19 связано с социальным цинизмом в представлениях об обществе, ориентацией на консервативные ценности, а также с верой в справедливость мира.

Данные собирались через онлайн-опрос с помощью сервиса SurveyMonkey с 18 марта по 20 апреля. Респонденты рекрутировались путем размещения ссылки на исследование в социальных сетях «Facebook» и «В контакте» и не получали вознаграждения. Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсечения анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

В исследовании приняли участие 668 человек (78,2% – женщины) в возрасте от 17 до 80 лет (M=30; SD=12,7), география опроса охватывала разные регионы России. Для измерения конспирологической ориентации, а также других характеристик отношения к пандемии использовался разработанный Т. А. Нестиком опросник «Отношение к эпидемиологической угрозе». В ходе апробации методики из первоначальных 80 утверждений было оставлено 38, степень согласия с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Апробация опросника на выборке N=1462 показала хорошую согласованность 10 шкал, состав которых подтвержден конфирматорным факторным анализом (χ^2=1576,712; df=536; CMIN/df=2,942; p<0,001; RMR=0,070; CFI=0,953; RMSEA=0,036; Hi 90=0,039; Pclose=1). В число измеряемых нами аффективных компонентов отношения личности к пандемии вошли тревога по поводу пандемии (4 утверждения, α Кронбаха =0,801; M=3,13; SD=0,948; пример утверждений: «Когда я задумываюсь о последствиях эпидемии COVID-19, мне становится страшно») и социальный оптимизм в отношении исхода пандемии (4 утверждения, α Кронбаха =0,837; M=3,50; SD=1,018; пример: «Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии»). В число когнитивных компонентов вошли самоэффективность (4 утверждения, α Кронбаха =0,779; M=3,44; SD=0,912; «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»), вера в конспирологические теории пандемии (3 утверждения, α Кронба-

ха =0,831; M=2,86; SD=1,113; «Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно»; «Причиной пандемии являются чьи-то экономические или политические интересы»; «Шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем»); вера в эффективность вакцинации (3 утверждения, α Кронбаха =0,776; M=3,33; SD=1,025; пример: «Прививка – надежное средство против инфекционных заболеваний»); дескриптивные нормы, то есть вера в готовность окружающих соблюдать правила предосторожности (3 утверждения, α Кронбаха =0,652; M=2,44; SD=1,57; «В случае эпидемии большинство людей не станут сообщать о том, что они заболели, чтобы не оказаться на карантине»); поддержка жестких мер сдерживания (4 утверждения, α Кронбаха =0,752; M=2,65; SD=0,965; «Только железная дисциплина может спасти общество от серьезной эпидемии»). Из поведенческих компонентов измерялось физическое дистанцирование и мизофобия (4 утверждения, α Кронбаха =0,837; M=3,50; SD=1,018; «Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться»), интерес к новостям о пандемии (3 утверждения, α Кронбаха=0,761; M=3,30; SD=0,976; «Я стараюсь быть в курсе новостей о развитии эпидемии»), ориентация на помощь другим во время эпидемии (5 утверждений, α Кронбаха =0,739; M=3,31; SD=0,790; «Я готов предложить помощь пожилым людям, заболевшим во время эпидемии»).

Для измерения выраженности консервативных ценностей использовался «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для измерения социального цинизма использовался опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey, SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой. Для измерения веры в справедливость мира применялась шкала «Вера в справедливый мир» К. Далберт в адаптации С. К. Бочавер, М. Б. Подлипняк и А. Ю. Хохловой. Кроме того, для измерения доверия к социальным институтам респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале свое доверие правительству, СМИ, российским медработникам и Всемирной организации здравоохранения (α Кронбаха =0,720). Также в анкету был включен ряд других показателей, не относящихся к данному исследованию.

Как показали результаты линейного регрессионного анализа (N=668; R=0,542; R^2=0,294; F=28,274; p<0,001), предикторами веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 оказа-

лись низкое доверие к социальным институтам (β=–0,268) и социальный цинизм (β=0,163), низкая самоэффективность (β=–0,192), низкий интерес к официальным новостям о пандемии (β=–0,163), вера в справедливый мир (β=0,148), а также ориентация на консервативные моральные основания лояльности к своей группе (β=0,159) и уважения к авторитетам (β=0,133). Таково сочетание характеристик, которые можно назвать «синдромом конспиролога» в условиях пандемии COVID-19 (см. таблица 28.1).

Таблица 28.1

Социально-психологические предикторы веры в конспирологические теории пандемии (N=668)

Предикторы	B	S. E.	β	t	p
(Константа)	3,22	0,371		8,675	***
Общая вера в справедливый мир	0,149	0,048	0,148	3,129	0,002
Доверие к социальным институтам	–0,336	0,055	–0,268	–6,133	***
Самоэффективность: вера в способность защитить от COVID-19 себя и близких, оказать влияние на ход эпидемии и ее последствия	–0,324	0,07	–0,192	–4,64	***
Интерес к новостям о пандемии	–0,182	0,045	–0,163	–4,001	***
Социальный цинизм (SAS)	0,23	0,059	0,163	3,907	***
Лояльность к своей группе (MFQ)	0,044	0,014	0,159	3,024	0,003
Уважение к авторитетам (MFQ)	0,036	0,015	0,133	2,392	0,017

Примечание: *** – p<0,001.

В ходе корреляционного анализа была обнаружена негативная связь веры в конспирологические теории с тревогой по поводу пандемии (r=–0,131, p=0,001) и верой в эффективность вакцинации (r=–0,200, p<0,001).

Обнаруженная нами связь конспирологических убеждений с низкой самоэффективностью и верой в справедливый мир, по-видимому, указывает на одну из важнейших психологических функций конспирологии – защиту непротиворечивой, логичной картины мира в условиях высокой неопределенности. Как неоднократно уже отмечалось, в ситуации неконтролируемой опасности люди склонны искать могущественного врага, которому можно приписать причины проис-

ходящего, повышая тем самым свою самооценку и воспринимаемый уровень контроля над ситуацией (Sullivan et al., 2010). По-видимому, веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности в условиях глобального кризиса. Учитывая, что большинство участников исследования являлись пользователями социальных сетей, низкий интерес к новостям о пандемии в СМИ и склонность недооценивать ее опасность могут объясняться эффектом подтверждения первоначального мнения и стремлением к самонепротиворечивости, когда человек избегает официальных новостей о коронавирусе, но при этом оказывается в «эхо-камере», информационном пузыре из источников информации, которые соответствуют уже выбранной позиции по отношению к происходящему. Одним из механизмов формирования таких «эхо-камер» может быть переживание личной или групповой угрозы, усиливающее приписывание негативных намерений «друзьям» в социальных сетях, размещающим информацию, которая противоречит взглядам пользователя (Белинская, Агадуллина, 2020).

В обнаруженном нами «синдроме конспиролога» эти черты сочетаются с ориентацией на консервативные ценности (моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам), низким институциональным доверием и социальным цинизмом, то есть с убеждением в несправедливом устройстве общества. Полученные нами данные хорошо согласуются с другими исследованиями, где была обнаружена связь конспирологических убеждений с переживанием рисков как угрозы моральным устоям и сплоченности группы (Нестик, 2020; Leone, 2019), а также чувством социальной несправедливости (van Prooijen, 2011).

Динамика установок россиян в отношении пандемии в период снижения остроты эпидемиологической ситуации

Целью второго нашего исследования было выявление динамики отношения интернет-пользователей к пандемии коронавируса во время снятия карантинных мер и снижения остроты эпидемиологической ситуации в России в конце мая–начале июня 2020 г. Основная гипотеза исследования состояла в том, что на фоне спада пандемии, вызванной COVID-19, снизится уровень панических настроений, поиска врага, недоверия власти и согражданам. Кроме того, было

выдвинуто предположение, что у более вовлеченных в общение посредством социальных сетей панические настроения и недоверие руководству страны проявляется в большей степени.

Данные собирались через сервис Toloka.Yandex.ru в течение двух недель (с 31 мая по 10 июня 2020 г. с наибольшим количеством ответов 2 и 9 июня 2020 г.). Для повышения достоверности результатов было выставлено ограничение с целью отсечения анкет, которые заполнялись слишком быстро (менее 40 минут) и, таким образом, могли быть некачественными.

В исследовании приняли участие 986 человек (56,9% мужчин, 43,1% женщин) в возрасте от 18 до 76 лет (M=36,63; SD=10,2). География опроса охватывала разные регионы России и включала жителей Москвы – 9,8%, городов-миллионников (за исключением Москвы) – 34,5%, областных центров регионов (с населением менее 1 млн чел.) – 27,2% и районных центров – 25,2%.

В качестве основного инструмента исследования использовалась сокращенная версия анкеты, разработанной Т. А. Нестиком для измерения отношения к пандемии и оценки доверия к представителям различных социальных групп (см. исследование № 1). Использованный вариант включал 34 утверждения с пятибалльной шкалой ответов Лайкерта. При этом за счет добавления к шкале самоэффективности утверждений, отражающих скептическое отношение к угрозе коронавируса, была сформирована новая шкала ковид-диссидентства (4 утверждения, α Кронбаха =0,731; M=2,85; SD=0,940; примеры утверждений: «Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена»; «Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать»).

Для измерения интенсивности использования социальных сетей применялся опросник О. С. Дейнека «Вовлеченность в сетевые коммуникации», состоящий из 10 утверждений, с которыми требовалось выразить степень согласия/несогласия по 5-балльной шкале (например, «Я предпочитаю использовать социальные сети, а не смотреть телевизор», «Я слежу за действиями, мгновенными событиями, популярными видео и трендами в социальных сетях»). Надежность опросника подтверждена коэффициентом α Кронбаха 0,864. Также опрос предполагал заполнение демографической справки.

Обработка данных включала анализ значимых различий по непараметрическому критерию Манна–Уитни с применением перевзвешивания для учета разного половозрастного состава выборок,

корреляционный анализ по критерию Спирмена с помощью статистического пакета IBM SPSS v. 20.0, а также структурное моделирование в программе IBM Amos v. 22.

Как показывает анализ значимых различий по критерию Манна–Уитни (см. таблицу 27.2), по сравнению с мартом–апрелем 2020 г., в первой декаде июня 2020 г. отмечается рост уровня конспирологической ориентации: значимо выше оказалась вера в искусственное происхождение вируса, а также представление о том, что пандемия – результат чьей-то ошибки ($p<0,001$). Кроме того, снизилась поддержка жестких мер для пресечения распространения ложных сообщений, выявления заболевших и соблюдения карантина ($p<0,001$). Выросло скептическое отношение к вакцинации, убеждение в том, что прививки часто вызывают побочные эффекты ($p<0,001$; $M=3,16$, $SD=1,21$). С одной стороны, отмечается снижение мизофобии, боязни заражения в публичных местах и оценки опасности COVID-19, с другой стороны – укрепляется убеждение в том, что в ближайшие 20 лет эпидемии, подобные COVID-19, будут повторяться ($p<0,001$; $M=3,63$, $SD=0,92$).

Интернет-пользователи, опрошенные нами на исходе объявленных в России нерабочих дней и режима ограничения передвижения, еще больше уверены в том, что большинство россиян не доверяют официальной информации о количестве зараженных ($p=0,045$; $M=3,68$, $SD=1,03$).

На фоне самоизоляции снизилась оценка усилий руководства страны по сдерживанию пандемии и вера в то, что ученые смогут создать необходимое для лечения новой болезни лекарство ($p<0,001$), укрепилась вера в то, что надеяться надо на себя и своих близких ($p=0,004$).

Результаты анализа значимых различий по критерию Манна–Уитни показали, что чем старше были респонденты, тем больше среди них было сторонников конспирологических и фаталистических теорий происхождения пандемии («вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью» ($p<0,001$), «эпидемии – это кара Господня» ($p<0,001$), «с помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных» ($p<0,01$)). Соответственно, меньше оказалось тех, кто полагал, что пандемия вызвана случайностью или естественным процессом мутаций ($p<0,01$).

Анализ данных показал также, что женщины значимо больше верят в теории заговора и чаще соглашаются с тем, что «виру-

Таблица 28.2

Сравнение результатов опроса россиян в марте–апреле и июне 2020 г. (приведены только высокозначимые различия)

№	Утверждения	март (N=668)		июнь (N=978)		p
		M	Σ	M	σ	
1	Вирусы, подобные COVID-19, создаются искусственно с какой-то целью	2,65	1,10	**2,88**	1,27	0,001
4	С помощью эпидемий богатые регулируют численность бедных	2,10	1,00	**2,28**	1,23	0,001
2	Вспышка эпидемии – это, как правило, результат чьей-то ошибки	2,90	1,1	**3,24**	1,16	0,000
19	Опасность эпидемий, подобных COVID-19, явно преувеличена	2,81	1,1	**3,03**	1,22	0,001
29	Бессмысленно надевать маску или отсиживаться дома – если суждено заболеть, то этого не избежать	2,10	1,02	**2,40**	1,32	0,002
21	Эпидемии представляют опасность только для людей с ослабленным здоровьем	2,61	1,05	**2,79**	1,25	0,001
28	Прививки от гриппа могут нанести больше вреда, чем пользы	2,62	1,10	**2,79**	1,27	0,001
27	Прививки часто вызывают побочные эффекты	2,93	1,01	**3,16**	1,21	0,001
25	Руководство нашей страны предпринимает достаточные усилия для сдерживания пандемии	**3,06**	1,13	2,79	1,28	0,001
26	В случае глобальной эпидемии врачи смогут создать необходимое лекарство	**3,55**	0,90	3,34	1,03	0,001
30	Если я заболею в ходе эпидемии, то смогу надеяться только на себя и своих близких	3,20	1,10	**3,33**	1,30	0,004
12	Большинство россиян не станут верить официальной информации о числе заболевших и умерших во время эпидемии	3,60	1,10	**3,68**	1,03	0,045
33	Я опасаюсь приходить на прием в поликлинику, чтобы не заразиться	**3,43**	1,25	3,25	1,35	0,002
32	Я боюсь пользоваться общественным транспортом, так как там легко заразиться	**3,33**	1,21	3,11	1,35	0,003
3	Эпидемии – это кара Господня	**1,82**	1,00	1,68	1,02	0,049
18	В ближайшие 20 лет эпидемии, подобные COVID-19, будут повторяться	3,40	0,90	**3,63**	0,92	0,001
13	За нарушение карантина нужно наказывать тюремными сроками	**2,42**	1,1	2,08	1,19	***

Продолжение таблицы 28.2

№	Утверждения	март (N=668)		июнь (N=978)		p
		M	Σ	M	σ	
15	Нужно раскрывать информацию об истории передвижений и контактах заболевших, даже если это нарушает их право на неприкосновенность частной жизни	**3,20**	1,21	2,87	1,36	***
16	Чтобы не допустить паники, нужно пресекать распространение новостей, отличающихся от официальной информации и рекомендаций ВОЗ	**3,45**	1,2	3,06	1,33	***

Примечание: *** – p<0,001.

сы создаются искусственно с какой-либо целью» (p<0,05), а также что «вспышка эпидемии – это результат чьей-либо ошибки» (p<0,05). Среди мужчин оказалось больше скептиков, которые согласны с тем, что «во время эпидемий информация о количестве зараженных будет намеренно искажаться, чтобы не сеять панику» (p<0,05) и что «шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем» (p<0,05). Мужчины чаще соглашались с тем, что «фармацевтические компании специально задерживают выпуск некоторых лекарств, чтобы в дальнейшем они стоили дороже» (p<0,05).

Вопреки ожиданиям нами не было обнаружено прямой связи между вовлеченностью в социальные сети и конспирологическими убеждениями. Вместе с тем результаты структурного моделирования (χ^2=2,372; df=2; CMIN/df=1,186; p=0,305; RMR=0,010; CFI=0,999; GFI=0,999; RMSEA=0,014; Hi 90=0,067; Pclose=0,831) позволили подтвердить пригодность путевой модели, в которой вовлеченность в социальные сети повышает институциональное доверие, но при этом усиливает тревогу по поводу пандемии. В свою очередь, тревога повышает веру в конспирологические теории. Доверие к социальным институтам, напротив, снижает как конспирологическую ориентацию, так и установки, характерные для ковид-диссидентства (см. рисунок 28.1 и таблицу 28.3).

Результаты корреляционного анализа показывают, что среди тех, кто предпочитает социальные сети официальной информации (телевидение, радио, печать), статистически значимо больше респондентов,

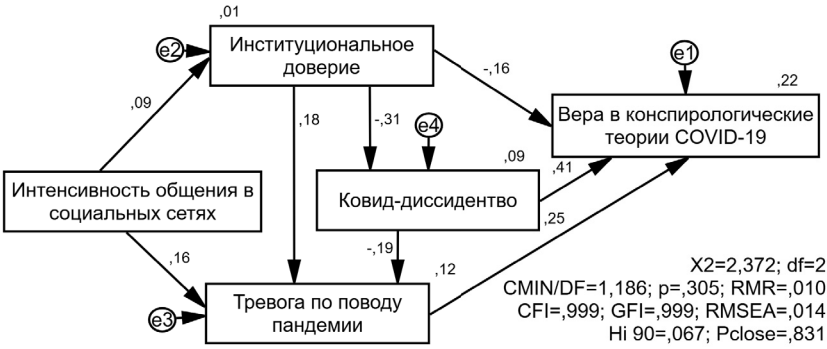


Рис. 28.1. Графическое представление результатов структурного моделирования (N=986)

Таблица 28.3

Связь вовлеченности в сетевое общение
с институциональным доверием и отношением к пандемии
(регрессионные веса путевой модели,
полученной в результате структурного моделирования, N=986)

Зависимые переменные	**Предикторы**	**B**	**S.E.**	**C.R.**	β	**p**
Институциональное доверие	Вовлеченность в сетевое общение	0,092	0,033	2,808	0,089	0,005
Ковид-диссидентство	Институциональное доверие	–0,349	0,035	–10,094	–0,307	***
Тревога по поводу пандемии	Вовлеченность в сетевое общение	0,213	0,041	5,243	0,158	***
	Институциональное доверие	0,237	0,042	5,669	0,180	***
	Ковид-диссидентство	–0,217	0,037	–5,92	–0,187	***
Вера в конспирологические теории COVID-19	Институциональное доверие	–0,161	0,031	–5,241	–0,158	***
	Ковид-диссидентство	0,367	0,027	13,599	0,410	***
	Тревога по поводу пандемии	0,191	0,023	8,334	0,247	***

Примечание: B – коэффициент регрессии, β – стандартизированный коэффициент регрессии, S. E. – стандартная ошибка среднего, CR – критическое отношение B/SE, p – статистическая значимость, *** – p<0,001.

характеризующихся низким социальным и институциональным доверием. У них больше выражено негативное отношение к руководству страны, и они не считают достаточными усилия, которые предпринимаются властью для сдерживания пандемии ($r=-0{,}230$, $p<0{,}001$), не верят в возможности отечественной медицины ($r=-0{,}200$, $p<0{,}001$), а также не надеются на себя и своих близких в ситуации заболевания ($r=-0{,}190$, $p<0{,}001$). Кроме того, среди них больше тех, кто не только не доверяет официальной информации об эпидемической ситуации ($r=0{,}140$, $p<0{,}001$), но также не доверяет согражданам, приписывая им возможные факты сокрытия информации о болезни из-за боязни оказаться на карантине ($r=0{,}130$, $p<0{,}001$), и проецируют свое недоверие официальной статистике по заболеваемости на большинство россиян ($r=0{,}180$, $p<0{,}001$).

Наблюдаемый нами в марте–июне 2020 г. рост конспирологических убеждений сопровождался снижением доверия к окружающим и социальным институтам, что подтверждается и репрезентативными социологическими опросами (Исследование социальных эффектов..., 2020). Противоречивая информация о коронавирусе в СМИ, кажущиеся непоследовательными решения федеральных и региональных властей – всё это повышало уровень неопределенности, подталкивая к поиску простых объяснений происходящего. В связи с этим работа по поддержанию доверия населения социальным институтам в период коронакризиса должна опираться как на конкретные действия по контролю ситуации (напр.: Дейнека и др., 2020), так и на психологически грамотную политическую коммуникацию (Кубрак, Латынов, 2020).

Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследований, в которых был отмечено снижение критического мышления, обращение к эзотерике и религии в период самоизоляции (Дейнека, Максименко, 2020). Результаты структурного моделирования указывают на то, что в этих процессах важную роль играет тревога по поводу пандемии. Известно, что приверженность конспирологическим теориям растет в условиях тревоги, дисстресса и чувства уязвимости (Šrol, 2020). Именно в мае–июне 2020 г. страх заражения стал уступать место тревоге по поводу экономических последствий пандемии. Связь конспирологических убеждений с неверием в возможность защитить себя от заражения, выявленная нами в первом исследовании, подтвердилась: недооценка угрозы заражения и признание невозможности его контролировать, характерные

для ковид-диссиденства, оказались тесно связанными с конспирологической ориентацией.

Важным результатом исследования является вывод о том, что вовлеченность в сетевые коммуникации сама по себе не усиливает веру в конспирологические теории COVID-19, но повышает тревогу, для совладания с которой при низком доверии к социальным институтам используется поиск врага и объяснительные схемы, продиктованные социальным цинизмом. У нас не было возможности соотнести ответы респондентов с кругом групп и блогеров, на которые они подписаны в социальных сетях, но можно предположить, что низкий уровень социального доверия является одним из ключевых факторов замыкания интернет-пользователей в «информационных пузырях», усиливающих конспирологические убеждения.

***

Нами обнаружена связь конспирологических убеждений с верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности к своей группе и уважения к авторитетам, низким институциональным доверием и социальным цинизмом. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что веру в искусственное происхождение COVID-19 можно рассматривать как компенсаторный механизм, восстанавливающий чувство контроля и безопасности в условиях пандемии.

По сравнению с мартом-апрелем 2020 г., в мае-июне 2020 г. значимо повысился уровень веры пользователей социальных сетей в конспирологические теории происхождения пандемии, выраженность недоверия к системе здравоохранения и скептического отношения к вакцинации; снизилась боязнь заражения, но возросли опасения повторения эпидемий.

Показано, что вовлеченность в сетевые коммуникации повышает тревогу в отношении последствий коронакризиса, которая в свою очередь усиливает поиск конспирологических объяснений происходящего. Среди тех, кто предпочитает получать информацию из социальных сетей, а не из источников официальной информации (телевидение, радио), оказался ниже уровень доверия правительству, отечественной медицине и согражданам, а также ниже уверенность в возможности справиться с кризисом собственными силами.

Фактор возраста проявился более высокой тревогой и страхом заболеть, а также большей подверженностью вере в конспирологи-

ческие теории у респондентов более старшего возраста. Фактор пола оказался слабее, но все же проявился в более выраженных страхах и осторожности в условиях пандемии у женщин и более выраженном недоверии институтам политики и экономики у мужчин.

В заключение хотелось бы обратить внимание на некоторые перспективные направления исследований социально-психологических механизмов формирования конспирологических установок во время пандемии и других глобальных кризисов. Во-первых, заслуживает более пристального внимания задача разграничения психологических функций мифов, призванных объяснить происхождение и распространение угрозы, и собственно конспирологических теорий, которые связывают ее с тем или иным врагом (Архипова и др., 2020). Во-вторых, чрезвычайно перспективным представляется выявление предпосылок конспирологических убеждений в отношении разных глобальных рисков: пандемии, изменения климата, финансовых кризисов, терроризма, техногенных катастроф. Наконец, все более важное практическое значение приобретает выявление закономерностей динамики приверженности конспирологическим теориям на разных стадиях пандемии, в том числе при переходе к вакцинированию населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, результаты которых вошли в эту книгу, убедительно показывают, что путь к решению глобальных проблем лежит не через алармизм и нагнетание тревоги, а через формулирование позитивных целей, преодоление поляризации и укрепление социального доверия, вовлечение всех заинтересованных сторон в разработку решений, поддержку сопереживания, критического мышления, рефлексивности и долгосрочной ориентации.

Глобальные риски, подобные пандемии, делают востребованной способность лидеров к формированию видения будущего, мотивирующего и одновременно снижающего тревогу перед неопределенностью (Шестопал, 2016; Шестопал, Рогач, 2020). Такого рода образы будущего, зафиксированные в стратегических целях, повышают самооценку общества и сплачивают его. Однако лидерские образы будущего сужают поле внимания последователей на коллективных целях: чем они ярче, тем менее противоречивой оказывается картина настоящего и тем менее восприимчивым оказывается властный аппарат к слабым сигналам приближающихся перемен, не предвиденных ранее.

Для ответа на глобальные риски необходима не только гуманитарная экспертиза управленческих решений, но и новые, социально-психологически ориентированные подходы к социальному прогнозированию. Несмотря на все большую «одержимость будущим» технократических элит и части российской молодежи, до сих пор инновационно-технологический форсайт и публичные дискуссии о будущем были сконцентрированы в основном на развитии технологий и новых рынках, тогда как изменениям в психологии и социальном поведении уделялось значительно меньше внимания. Традиционные инструменты прогнозирования будущего разрабатывались для экс-

пертной поддержки и апробации стратегических решений, принимаемых небольшой группой лиц. Они были ориентированы на предсказание развития рынков и анализ сценариев конкуренции между государствами, чаще всего упуская из виду изменения в повседневной жизни и психологии людей. Сегодня под влиянием социальных сетей и развития цифровых платформ происходит смещение проектирования будущего с вершины организаций на их периферию, включение «мудрости толпы» в социальный инжиниринг. В связи с этим становятся актуальными такие подходы к «сканированию горизонтов», которые приближены к жизненному миру человека. Так, в критических исследованиях будущего, концепциях социального форсайта и интегрального будущего основное внимание уделяется не внешним, объективным изменениям в технологиях, экономике, демографии и т. д., а внутренним, психологическим изменениям (Slaughter, 2008). В концепции многоуровневого каузального анализа С. Инаятуллы обосновывается необходимость перехода от поверхностного анализа трендов к диалогу различных идеологических и ценностных позиций, в котором конструируются альтернативные версии развития технологий (Inayatullah, 2010). Нарративный подход предоставляет возможность участникам осознать когнитивные и культурные факторы, влияющие на конструируемый ими образ будущего, увязать последствия технологий с конкретными людьми, предметами и событиями, образующими повседневность будущего (von Stackelberg, McDowell, 2015). Кроме того, сетевыми сообществами активно развиваются собственные практики конструирования будущего и технологии фасилитации.

В XX в. задача определения долгосрочных приоритетов решалась государством, тогда как гражданское общество было сконцентрировано прежде всего на критике текущей политики власти, его коллективные инициативы чаще всего имели краткосрочный горизонт, а прогнозированием занимались относительно небольшие группы экспертов. В XXI в. функции гражданского общества меняются: благодаря цифровым технологиям, оно непосредственно включается в решение сложных социальных проблем, требующих долгосрочно ориентированного подхода. Теперь речь идет о двух взаимодополняющих системах сканирования горизонтов. Одна из них принадлежит государству, сконцентрирована на гашении разнообразия ради мобилизации производительных сил и контролируемого «перехода через пустыню» климатических, политико-экономических, соци-

ально-демографических и технологических рисков. Вторая поддерживается силами профессиональных, корпоративных, отраслевых, поколенческих, городских объединений, а также спонтанно возникающих и распадающихся временных виртуальных сообществ, каждое из которых всматривается в коллективное будущее и моделирует его. Обе системы имеют гетерархический характер, включают в себя сетевые и вертикально выстроенные структуры генерации экспертного знания, опираются на те или иные технологии конструирования будущего – от форсайт-сессий и экспертных панелей до анализа больших данных. Но если первая направлена на повышение управляемости воображаемого будущего, то вторая поддерживает его многовариантность и когнитивную сложность. Именно такие инструменты поддержки разнообразия, накопления альтернативных сценариев и решений могут обеспечить устойчивое развитие страны и способность общества ответить на вызовы будущего.

Перспективы исследований в области психологии глобальных рисков уже были отмечены авторами монографии в рамках отдельных глав. Подводя итоги, нам хотелось бы подчеркнуть значимость некоторых из этих направлений для ответа российского общества на природные и антропогенные вызовы в ближайшие десятилетия.

Одной из таких задач является дальнейшее изучение психологических механизмов индивидуального и коллективного совладания при переживании трудноконтролируемой глобальной угрозы. В рамках данного исследовательского проекта нам удалось уточнить структуру и факторы жизнеспособности личности в условиях глобальных рисков. Было показано, что наибольший вклад в нее вносят такие ее компоненты, как воспринимаемая социальная поддержка и сопереживание другим, а ее важнейшими социально-психологическими предпосылками являются глобальная и гражданская идентичность, социальное доверие и самоэффективность. Вместе с тем необходимы дополнительные исследования, которые позволят уточнить, какова динамика стратегий совладания и как меняются факторы жизнеспособности на разных стадиях переживания глобальной угрозы.

Особенно мало изученными остаются механизмы коллективного копинга на уровне малых и больших социальных групп, имеющие решающее значение для прогнозирования реакции общества на глобальную угрозу, а также для создания общегосударственной системы психологической поддержки в условиях кризиса. Мы все еще очень мало знаем о том, как факторы групповой жизнеспособности (иден-

тификация и жизнестойкие групповые представления, социальный капитал, групповая рефлексивность и управление групповыми эмоциональными состояниями) проявляются в разных типах групп: малых группах, организациях, политических партиях и общественных движениях, глобальных сетевых сообществах. Практически не изученными остаются кросс-культурные различия в механизмах превентивного и проактивного копинга, связанных с реакцией на новости о глобальных рисках.

В этой связи требуют переосмысления научные знания и практический опыт, накопленные в рамках другого научного направления – психологии катастроф, изучающей влияние экстремальных ситуаций на психологическое благополучие человека. Дальнейшее развитие психологии глобальных рисков требует изучения того, как опыт переживания техногенных, социогенных, экологических катастроф и природных бедствий влияет на оценку вероятности и тяжести последствий глобальных рисков. Психология катастроф, как и современные подходы к управлению рисками, ориентированы в основном на предупреждение и ликвидацию последствий локальных чрезвычайных ситуаций, имеющих определенный «очаг» и ограниченных во времени. Между тем в случае глобальных рисков речь идет о гораздо более масштабных и длительных изменениях в обществе и природе, вероятность и последствия которых как правило недооцениваются. Повышение жизнеспособности российского общества в условиях пандемий, глобального изменения климата и внедрения новых технологий с трудно прогнозируемыми последствиями требует пересмотра подходов к определению стадий цикла управления рисками. По-видимому, традиционная схема «подготовка–реагирование–восстановление» должна быть расширена и включена в контекст устойчивого развития, адаптации к глобальным изменениям. Значительно большего внимания исследователей требуют психологические процессы на стадии раннего оповещения о рисках.

Чрезвычайно перспективной является разработка программ информирования о глобальных угрозах с учетом различий между социально-психологическими типами отношения личности к глобальным рискам в целом и к отдельным видам рисков – пандемии, войне, изменению климата, негативному влиянию технологий на общество и др. Учет особенностей различных социально-психологических типов отношения к глобальным рискам (см. главу 2, а также: Нестик, Журавлев, 2018), выявление которых возможно по цифровым следам

интернет-пользователей, позволил бы повысить эффективность информационных компаний, связанных с ответом общества на природные и антропогенные вызовы. Так, например, информирование о глобальных угрозах с учетом особенностей «встревоженных традиционалистов», у которых готовность к коллективным действиям по предотвращению рисков сопряжена с тревогой по поводу будущего и поддержкой традиционных норм и ценностей как условия предотвращения катастрофы, может быть увязано с провоцированием чувства ответственности перед предшествующими поколениями и повышением гражданской идентификации. При информировании о глобальных рисках «активных оптимистов», ориентированных на коллективные усилия по их преодолению, необходимо актуализировать глобальную идентификацию, чувство ответственности перед будущими поколениями, значимость заботы и справедливости. Сообщения, адресованные представителям этих двух типов, должны указывать на то, как предотвращение глобальных рисков содействует преодолению социального неравенства. В отношении «прагматичных индивидуалистов» и «недоверчивых скептиков», которые характеризуются низким социальным доверием и ориентированы на индивидуальную самозащиту, будут более действенными сообщения, связывающие инициативы по предотвращению глобальных рисков с повышением качества жизни, заботой о близких, инвестициях в будущее детей. Сообщения, адресованные «пассивным оптимистам» и «безразличным», для которых характерна стратегия депроблематизации в отношении глобальных рисков, должны раскрывать связь между принимаемыми политическими решениями и действиями избирателей, визуализировать возможные последствия происходящих глобальных изменений для повседневной жизни в том или ином регионе. Наконец, информирование «пассивных пессимистов» о глобальных рисках должно быть ориентировано на поддержку самоэффективности, веры в возможность влиять на собственную судьбу и коллективное будущее.

В информационных кампаниях по поводу глобальных рисков необходимо опираться на ряд принципов, действенность которых подтверждена эмпирическими исследованиями (см. главу 1): избегать катастрофизации и алармизма; делать ставку на страх за близких, на сопереживание, а также убеждать в эффективности мер самозащиты; приводить больше примеров и меньше цифр; увязывать меры по преодолению глобальных рисков с культурными ценнос-

тями и самооценкой скептиков, гордостью за свою группу (село, город, сообщество, компанию, Родину); предоставлять слово людям, считающимся своими и заслуживающими доверия у аудитории; демонстрировать единодушие среди экспертов по поводу эффективности мер самозащиты и способов предотвращения негативных последствий; разъяснять, как «устроены» мифы и конспирологические теории, повышать психологическую устойчивость к дезинформации, не полагаясь на одни лишь технические средства борьбы с ее распространением; убеждать в том, что это точка зрения большинства и что все больше людей ее разделяют; поддерживать двусторонние коммуникации, разъяснять причины и цели вводимых ограничений; формулировать позитивные цели; обсуждать будущее, информировать о краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планах, а также критериях для принятия решения о переходе от одной стадии плана к другой.

Мы все более нуждаемся в разработке психологически обоснованных институциональных стимулов и образовательных программ, развивающих чувство ответственности перед будущими поколениями. Нужно формировать и поддерживать способность личности к включению своей жизненной истории в нарративы более широких социальных групп, убеждение в способности повлиять на свое настоящее и будущее, осознанность долгосрочных последствий своих поступков и «радиуса» их влияния на людей, с которыми человека связывают слабые связи. Широкие возможности в этой работе открывают цифровые технологии, в том числе использование виртуальной реальности, искусственного интеллекта и больших данных для моделирования последствий принимаемых решений, визуализации сценариев будущего, вероятность которого повышает или снижает человек своим поведением.

Персонализация сообщений о глобальных рисках, которая становится возможной в связи с развитием цифровых технологий, требует дополнительных исследований, направленных на соотнесение различных типов отношения к глобальным рискам с цифровыми следами личности – активностью в сети, содержанием поисковых запросов, психолингвистическими характеристиками сообщений в социальных сетях.

В ближайшие десятилетия российскому обществу предстоит ответить на целый ряд глобальных вызовов, к числу которых относятся новые пандемии, изменение климата и связанные с ним природные

бедствия, радикальные технологические изменения и социально-экономические кризисы (The Global Risks Report, 2020). Для управления социальными процессами в стране в этих условиях необходимы научно обоснованные прогнозы поведения людей в условиях глобальных рисков, а также математические модели, позволяющие оценивать макропсихологические последствия разных сценариев развития кризисной ситуации и принимаемых управленческих решений. Совместные исследования психологов, социологов, экономистов, эпидемиологов и математиков в ближайшие годы должны заложить основу для комплексного моделирования биологических, экономических и социально-психологических процессов в российском обществе в условиях глобальных рисков.

Психологи могут внести важный вклад в преодоление разрыва между технологическим оптимизмом и нарастающим социальным пессимизмом. Сегодня с новыми технологиями связываются надежды на улучшение работы социальных институтов. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Между тем формированное внедрение систем искусственного интеллекта в условиях высокого социального цинизма может не только ослаблять неравенство и коррупцию, но и усиливать их. В этой связи важно учитывать, что реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, – принятой в конце 2019 г. и ориентированной на увеличение числа организаций социальной сферы и государственных органов, использующих искусственный интеллект, – потребует значительно больших усилий, прежде всего – более широкого публичного обсуждения цифровых инициатив, информирования о ценностях и мотивах разработчиков и пользователей ИИ в условиях пандемии.

Во время пандемии COVID-19 вынужденный переход к бесконтактной экономике и внедрение технологий цифрового контроля за соблюдением санитарно-эпидемиологических ограничений не только повысили цифровую грамотность, но и усилили технофобии среди россиян. Необходимы дальнейшие исследования, позволяющие ответить на целый ряд вопросов. Каковы механизмы формирования технофобий, связанных с применением искусственного интеллекта для сдерживания пандемии? Как доверие к социальным институтам и процессы межгруппового восприятия в условиях пандемии и других глобальных кризисов влияют на отношение к исполь-

зованию систем искусственного интеллекта в повседневной жизни? Как отношение к психологической науке и практике, ожидания от психологической помощи влияют на готовность воспользоваться психологическими сервисами на основе искусственного интеллекта? Каковы психологические предпосылки использования искусственного интеллекта для избегания выбора или, наоборот, для личностного развития?

Изменение климата и растущие экологические риски ставят перед психологией новые задачи. Каково влияние подверженности различным социально-политическим, техногенным, эпидемическим и экологическим рискам на восприятие тех или иных последствий изменения климата разными социальными группами? Какую роль в восприятии личностью последствий изменения климата будет играть социальное сравнение с другими социальными группами, в том числе теми, кто проживает в других регионах России? Как на отношение к изменению климата влияет горизонт планирования, установки в области экономического поведения, в том числе оценка последствий пенсионной реформы?

Крайне недостаточно изучено влияние изменения климата на политические ценности и установки, электоральное поведение, выраженность агрессии и подверженность радикализации, уровень популизма, авторитаризма правого толка и патернализма. Климатические изменения все более остро ставят вопрос о том, как коллективный образ будущего влияет на отношение людей друг к другу и доверие социальным институтам. Все более актуальной становится задача психологической поддержки формирования элитами образов будущего, способных объединить общество (Лепский, 2020б; Шестопал, 2016). Необходима комплексная программа фундаментальных исследований, направленная на прогнозирование социально-психологических последствий изменения климата и меры по адаптации к нему российского общества. Разработка данных направлений невозможна без комплексных междисциплинарных исследований, объединяющих психологов, специалистов в области экономических наук, международных отношений и политологии.

Пандемия COVID-19 поставила задачу развития прикладной макропсихологии, которая позволит прогнозировать динамику психологического состояния российского общества и создавать методики воздействия на него (Ушаков и др., 2020). Стала очевидна необходимость не только общероссийской системы дистантно-

го оказания экстренной психологической помощи, но и системы мониторинга социально-психологического состояния общества в кризисных ситуациях.

Особое значение в этой связи приобретает изучение динамики генерализованного, внутригруппового, аутгруппового и институционального доверия на разных этапах развития кризиса. Для повышения эффективности информирования об антикризисных мерах необходимо комплексное изучение предпосылок конструирования конспирологических теорий в отношении разных глобальных рисков: пандемии, изменения климата, финансовых кризисов, терроризма, техногенных катастроф.

Обобщая представленные в книге результаты, хотелось бы еще раз подчеркнуть основную идею исследования. Глобальные риски воспринимаются людьми сквозь призму текущих социальных противоречий, а тревога по поводу них обостряет переживание невозможности влиять на коллективное будущее. Возникающие при этом защитные психологические реакции затрудняют оценку вероятности и последствий рисков, а попытки поставить общество «под ружье» для ответа на угрозу с помощью нагнетания страха усиливают поляризацию. Между тем для предотвращения глобальных рисков необходимы социально-психологические условия, которые не могут быть обеспечены в одночасье: доверие, глобальная идентификация, групповая рефлексивность и способность к состраданию. Поэтому выживание человечества в условиях глобальных рисков будет зависеть не от скорости массовой мобилизации в чрезвычайной ситуации, а от долгосрочной ориентации правительств и персонализации принимаемых мер, развития социального капитала, умения формулировать позитивные цели, готовности договариваться в условиях неопределенности с учетом всех заинтересованных сторон. Все это требует включения психологической науки и практики в системы стратегического управления, а также разработки гуманитарных цифровых технологий, поддерживающих критическое мышление, эмпатию и коллективное совладание, умение извлекать уроки из прошлого и планировать совместное будущее в быстро меняющихся условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Абабков В., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса – 10» // Вестник СПб. ун-та. Сер. «Психология». 2016. № 2. С. 6–15.

Агадуллина Е. Р. Пользователи социальных сетей: современные исследования // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 36–46. DOI: 10.17759/jmfp.2015040305.

Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Апель К.-О. Понятие первичной взаимоответственности как предпосылка планетарной макроэтики // Философия без границ: Сб. ст. В 2 ч. М.: Изд. А. В. Воробьев, 2001. Ч. 1. С. 47–67.

Арендт Х. Коллективная ответственность // Х. Арендт. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 205–217.

Архипова А., Буркова В., Година Е., Лебедева Л., Михель Д., Паутова Л., Садыков Р., Христофорова О. Страхи и мифология пандемии: как меняются обыденные представления и практики людей // КоронаФОМ. 07.07.2020. URL: https://covid19.fom.ru/post/strahi-i-mifologiya-pandemii-kak-oni-menyayut-obydennye-predstavleniya-i-praktiki-lyudej (дата обращения: 09.07.2020).

Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 1–26.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.

Асмолов Г.А. Борьба за волонтеров: у кого в руках цифровой штурвал? // OpenDemocracy. 28 April 2020. URL: https://www.opendemocracy.net/ru/borba-za-volonetrov (дата обращения: 09.07.2020).

Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации / МЧС России; РАН; Роскартография – геогр. основа; редкол.: С.К. Шойгу и др.; вед. ред. карт Н.Б. Трохина. М.: ДИК, 2005.

Балацкий Е.В. Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 3–20.

Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

Безродная Н.В. Особенности личности коррупционера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 2 (53). С. 3–10.

Безрукова О.А. Эмпирические измерения отдельных проявлений этики ответственности перед будущим // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2015. № 2 (38). С. 103–111.

Белинская Е.П., Агадуллина Е.Р. Переживание относительной депривации как фактор копинг-стратегии избегания в сетевой коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 92–106. DOI: 10.17759/sps.2020110106.

Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. DOI: 10.17759/psycljn.2018070312.

Берроуз Р., Севидж М. После кризиса? Big Data и методологические вызовы эмпирической социологии // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 28–35.

Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.

Бодров В.А. Профессиональная ответственность как психологическая категория субъекта деятельности // Психологические исследования проблемы формирования профессионала / Отв. ред. В.А. Бодров, Г.А. Луценко. М.: ИП АН СССР, 1991. С. 157–167.

Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологи-

ческие исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html (дата обращения: 14.05.2020).

Бреслер М. Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

Быков С. В. Социально-психологическая регуляция ответственности личности: Дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2006.

Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов Российской федерации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Быховец Ю. В., Коган-Лернер Л. Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 115–153.

Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы. Руководство. Сер. Методы психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Вахштайн В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: МВШСЭН–РВК, 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 01.05.2018).

Войскунский А. Е. Психология и искусственный интеллект: новый этап старого взаимодействия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 2094–2101.

Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. М.–Пг., 1924.

Воловикова М. И. Психология масс в контексте праздничной культуры // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 111–121. URL: http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document252.pdf (дата обращения: 14.05.2020).

Ворден В. Понимание процесса горевания // Журнал практической психологии и психоанализа. 2015. № 4. URL: https://psyjournal.ru/articles/ponimanie-processa-gorevaniya?fbclid=IwAR05H5W4Cp6ij-PUN4qsCVj57i3D-8oN-fzF39-Az6CZYSCXc0oAtdnVN68 (дата обращения: 11.05.2020).

Генпрокуратура назвала ущерб от коррупционных преступлений за 2018 год // РИА Новости. 09.04.2019. URL: https://ria.ru/20190409/1552499622.html (дата обращения: 17.05.2019).

Гершкович В. А., Морошкина Н. В., Кулиева А. К., Наследов А. Д. Адаптация опросника Е. Т. Хиггинса по диагностике фокуса регуляции на русскоязычной выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 318–340.

Голованов И. А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 22. С. 43–47.

Горбачева Е. И., Губина Н. К., Натробина О. В. Источники социального оптимизма: Опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7. URL: http://ej. soc-journal.ru (дата обращения: 21.07.2019).

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Изд-во ИС РАН, 2010.

Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403.

Гулевич О. А., Неврюев А. Н. Личностные детерминанты отношения к войне как способу решения международных конфликтов // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 58–68.

Даудрих Н. И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология. 2000. № 12. С. 77–95.

Дейнека О. С., Забелина Е. В., Виноградов Ю. В. Отношение россиян к денежно-кредитной политике до кризиса COVID-19 и на его фоне // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 189–220. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.006.

Дейнека О. С., Максименко А. А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: Обзор зарубежных публикаций // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2. С. 28–39.

Дементий Л. И. Типология ответственности личности // Актуальные проблемы психологии: Сб. науч. трудов / Под общ. ред. Л. И. Дементий. Омск: ОмГУ, 2000.

Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности. М.: ИнформЗнание, 2005.

Джидарьян И. А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001.

Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации. М.: Росгидромет, 2019.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

Егорышев С. В. Социальное самочувствие и социальное настроение населения как основания выявления критериев социальной эффективности правоохранительной деятельности // Вестник ВЭГУ. 2015. № 3 (77). С. 11–22.

Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Емельянова Т. П. Личностные факторы интереса к экологии // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 135–142.

Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Емельянова Т. П., Белых Т. В. Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 40–50.

Емельянова Т. П., Белых Т. В., Пащенко-де Превиль Е. В. Формирование профессиональной ответственности как фактор предотвращения техногенных рисков // Вестник УРАО. 2018. № 3. С. 10–16.

Емельянова Т. П., Вопилова И. Е. Социально-психологический механизм ментального освоения новых технологий // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 687–695.

Емельянова Т. П., Нестик Т. А., Белых Т. В. Отношение к экологическим рискам среди представителей поколений Y и Z // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018.html (дата обращения: 14.01.2020).

Ениколопов С. Н., Казьмина О. Ю., Воронцова О. Ю., Медведева Т. И., Бойко О. М. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108–126.

Ениколопов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремальных событий на косвенных жертв // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.

Журавлев А. Л. Динамика отношения человека к природе в постката-строфный период (на примере аварии на ЧАЭС) // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 186–195.

Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 4. С. 5–18.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Основные технологии социально-психологических исследований в интернете // Социальная психология: вопросы теории и практики. М.: ФГБОУ ВО «МГППУ», 2020б. С. 224–226.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. № 6. С. 5–14.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5 С. 5–14. DOI: 10.31857/S020595920000829-7.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Глобальные риски как феномен общественного сознания // И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет...: (монография) / Под общ. ред М. К. Горшкова, Г. А. Тосуняна. М.: Новые печатные технологии, 2019а. С. 183–206.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019б. Т. 40. № 5. С. 35–47. DOI: 10.31857/S020595920006074-7.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.

Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. Сер. «Психология социальных явлений». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Журавлев А. Л., Сумарокова В. А. Изучение социально-психологических процессов адаптации в условиях длительного проживания на загрязненных территориях. Качественное психологическое исследование. Чернобыль в судьбе человека // Чернобыльский след: Социально-психологические последствия в посткатастрофном обществе. М.: МГП «Вотум-ψ», 1992. С. 88–96.

Журавлев А. Л., Сумарокова В. А., Воловикова М. И. Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 95–108.

Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е. Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека. Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. С. 280–290.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.

Задорин И. В. Чего больше всего боятся россияне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 4. С. 109–118.

Задорин И. В., Шубина Л. В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 3. С. 29–38. DOI: 10.30570/2078-5089-2006-42-3-29-38.

Задорин И. В., Шубина Л. В. Социальные тревоги и опасения россиян // Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. С. 112–129.

Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41–54.

Зорькин В. Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 7–16.

Зуев К. Б., Нестик Т. А. Основные направления развития психологических исследований: библиометрический анализ по данным Web of Science и статистики поисковых запросов Google // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 671–697.

Иванов В. В. Политика инновационного развития в контексте глобальных трансформаций // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 2-й Международной конференции (7–8 февраля 2019 г., Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2019. С. 6–11.

Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Философские основания гуманитарно-технологической революции // Философские науки. 2019. № 62 (4). С. 76–95.

Индекс страха: меньше всего COVID-19 боятся в Петербурге, на Кавказе и в Сибири // Росгосстрах Жизнь. 27 апреля 2020 г. URL: https://rgsl.ru/news/indeks-strakha-menshe-vsego-covid-19-boyatsya-v-peterburge-na-kavkaze-i-v-sibiri (дата обращения: 20.06.2020).

Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка#12. 26.05.2020. М.: ЦСП «Платформа», 2020. URL: https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3 (дата обращения: 27.05.2020).

Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 381–396.

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Абрис-пресс, 2004.

Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997.

Канаш Т. В. Роль надежды и оптимизма в современной культуре // Человек и культура. 2013. № 5. С. 47–69.

Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.

Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: Бест бизнес букс, 2012.

Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 39–54.

Китова Д. А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 4. С. 145–167.

Китова Д. А. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016б. № 6. С. 131–140.

Китова Д. А. Представления молодежи о социальных проявлениях коррупции // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума – 2019 «Наука. Образование. Регионы». М., 2019. С. 209–214.

Климовицкий С. В., Карепова С. Г. Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 206–222.

Климонтова Т. А., Козьмина Л. Б., Чепурко Ю. В. Надежда как фактор психологического благополучия личности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. С. 270–274.

Ковалева Ю. В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети «Твиттер». Часть 1. Постановка проблемы и методический подход // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1. С. 6–40. URL: http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Ковалева Ю. В. Психологические типы субъектности членов сетевого сообщества (на примере социальной сети «Твиттер») // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 45–55.

Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л. Общественное настроение и субъектность сетевого сообщества в период пандемии COVID-19: на примере социальной сети «Твиттер» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 154–188. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.005.

Конкурс методик работы с будущим. АСИ, 2017. URL: https://leader-id.ru/event/5242 (дата обращения: 19.01.2019).

Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Талмач М. С. Методика диагностики личностных черт Тёмной триады: апробация опросника «Тёмная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.

Корытникова Н. В. Online Big Data как источник аналитической информации в online-исследованиях // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 14–24.

Костромина С. Н., Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 506–512.

Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору: Учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.

Кряж И. В. Психология глобальных экологических изменений: Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2013а.

Кряж И. В. Психология смысловой регуляции экологически релевантного поведения: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Харьков, 2013б.

Кубрак Т. А., Латынов В. В. Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 84–114. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003.

Кузнецова Е. А., Карпова Э. Б., Ковальчук Ю. В., Николаева Е. А., Удалова В. А. Приверженность соблюдению мер самоизоляции в период пандемии COVID-19 // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 1 (73). http://psystudy.ru (дата обращения: 19.01.2019).

Куликов Л. В. Общественное сознание и общественное настроение // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 2. С. 33–39.

Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Купрейченко А. Б., Журавлёв А. Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.

Курленкова А. С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов // Социология власти. 2016. Т. 28. № 1. С. 107–140.

Лазебник А. И. Динамика показателей распространенности суицидов в г. Ижевске и в Удмуртской республике на разных этапах переходного периода // XVI съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы», 23–26 сентября 2015 года, г. Казань. СПб.: Альта Астра, 2015. С. 898.

Лапчинская Н. В. Психологические условия формирования экологического сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: НИУ-ВШЭ, 2014.

Лебедев А. Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского ун-та. Сер. «Философия. Психология. Социология». 2018. № 2 (34). С. 243–251.

Лебедева Н. М. Ценности и отношение к инновациям: межкультурные различия // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 81–92.

Лебедева Н. М., Бушина Е. В. Влияние ценностей и мотивации личности на креативное поведение и отношение к инновациям // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7. № 1. С. 26–35.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.

Левада-центр. 2014. Самые важные события прошлых лет. URL: https://www.levada.ru/2014/02/21/samye-vazhnye-sobytiya-proshlyh-let (дата обращения: 21.09.2014).

Левада-центр. 2017. Война в Сирии. URL: https://www.levada.ru/2017/09/05/vojna-v-sirii (дата обращения: 17.11.2017).

Левада-центр. 2019. Российская армия. URL: https://www.levada.ru/2019/06/18/rossijskaya-armiya-3 (дата обращения: 08.11.2019).

Левада-центр. 2020. Запомнившиеся события. URL: https://www.levada.ru/2020/11/02/zapomnivshiesya-sobytiya-42 (дата обращения: 20.12.2020).

Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2017. Т. 7 (3). С. 193–210.

Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н., Иванов В. Ю., Яминов Б. Р. Организационно-методические вопросы сбора данных в онлайн-исследовании поведения пользователей социальной сети

«Фейсбук» из России и США // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2017. Т. 7 (4). С. 308–327. DOI:10.21638/11701/spbu16.2017.402.

Леонтьев Д. А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. Бирштонас–Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. С. 7–22.

Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.06.2019).

Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности. Шкалы Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019.

Лепский В. Е. Философско-методологические основания оценки социально-психологических последствий внедрения новых технологий // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 4. С. 105–108. DOI: 10.31857/S020595920010484-8.

Лепский В. Е. Общественное участие в проектировании будущего в условиях цифровой реальности (кибернетика третьего порядка) // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й Международной конференции (г. Москва, 6–7 февраля 2020 г.). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2020б. С. 82–90. DOI: 10.20948/future-2020-7.

Лю И., Афонасенко Е. В. Трансформации ценностных ориентаций современной китайской молодежи // Этнопсихологические проблемы в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 25 марта 2011 г.) / Отв. ред. Е. В. Афонасенко. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33–58.

Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.

Медведев В. И., Алдашева А. А. Экологическое сознание: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Логос, 2001.

Мир – 2035. Глобальный прогноз / Отв. ред. А. А. Дынкин. М.: Магистр, 2017.

Мироненко И. А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Мироненко И. А., Юревич А. В., Журавлев А. Л. Психологическая наука в глобальном мире // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. С. 918–927.

Михеев Е. А., Нестик Т. А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2021–2030.

Михеев Е. А., Нестик Т. А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5–20. DOI: 10.17759/sps.2018090201.

Молчанова Е. В. Психологические особенности молодежи в условиях мирового экономического кризиса: обзор зарубежных исследований // Мир образования – образование в мире. 2018. № 2 (70). С. 37–45.

Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 87–96.

Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 18–27.

Муздыбаев К. Психология ответственности. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2010.

Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960.

Нартова-Бочавер С. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слы-

шащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/files/64003/psyclin_2013_3_Nartova_Hohlova_Podlipnjak.pdf (дата обращения: 20.07.2019).

Неврюев А. Н. Социально-психологические факторы отношения к войне: роль теорий правого авторитаризма, ориентации на социальное доминирование и управления страхом смерти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014а. № 4. С. 173–180.

Неврюев А. Н. Война или переговоры? Психологические предикторы аттитюдов к войне // Образование. Наука. Научные кадры. 2014б. № 5. С. 202–208.

Неврюев А. Н. Разработка опросника для изучения аттитюдов к войне как к способу разрешения международных конфликтов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 464–476. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-464-476.

Неврюев А. Н., Гулевич О. А., Некрасова Е. А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 17–26. DOI: 10.31857/S020595920000066-8.

Нестик Т. А. Метакогнитивные функции персональной социальной сети // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 2–6.

Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014а. № 1. С. 3–13.

Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014б.

Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016а. № 1 (50). С. 24–38.

Нестик Т. А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А. В. Махнача, Л. Г. Дикой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 176–192.

Нестик Т. А. Технофобия: социально-психологические факторы отношения к новым технологиям // Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Коллективная монография / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. А. Жалагиной, Л. Ж. Карабановой, Е. Д. Короткиной. Тверь: ТГУ, 2016в. С. 52–65.

Нестик Т. А. Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Сер. «Психологические науки». 2017а. № 3. С. 6–15. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-3-6-15.

Нестик Т. А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017б. Т. 2. № 4. С. 145–185.

Нестик Т. А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018а. Т. 12. № 2. С. 78–90.

Нестик Т. А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018б. С. 213–225.

Нестик Т. А. Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018в. С. 50–73.

Нестик Т. А. Искусственный интеллект как «когнитивный протез»: трансформация образов будущего // Образовательная политика. 2019. № 4 (80). С. 104–117.

Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020а. Т. 5. № 2 (18). С. 47–82. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002.

Нестик Т. А. Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020б. Т. 5. № 3 (19). URL: http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document830.pdf (дата обращения: 21.10.2020).

Нестик Т. А. Ориентация на учет будущих последствий: результаты апробации методики CFC-14 на русскоязычной выборке // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020в. Т. 5. № 3. С. 55–88. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.003.

Нестик Т. А., Дмитриева Ю. А., Кузнецова О. Е., Ларина Г. Н., Николаев Е. Л. Ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями: теоретико-эмпирическое исследование // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 29–41.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018а. Т. 39. № 1. С. 127–138.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018б.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Влияние изменения климата на человека: психологический анализ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 99–109.

Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4–28. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1700.

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407.

Нестик Т. А., Николаев Е. Л. Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 811–820. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-812-821.

Норман Д. Дизайн вещей будущего. М.: Strelka Press, 2006.

Носуленко В. Н. Воспринимаемое качество как основа психофизического измерения событий естественной среды // Современная психофизика / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 13–40.

Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Э. Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 67–74.

Осин Е. Н. Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.

Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса. Фрагмент исследовательского отчета. 2020. Октябрь. М.: РБК–Институт национальных проектов, 2020. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf (дата обращения: 10.12. 2020).

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999.

Пащенко-де Превиль Е. Карьера в понимании молодежи: Сравнительный анализ социальных представлений российских и французских студентов // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 48–61.

Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957.

Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities (дата обращения: 12.01.2017).

Поздеев В. А. Психические состояния и эмоции, выраженные в фольклорных текстах, как проблема психофольклористики // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». 2019. Т. 4. № 4. С. 234–242.

Полякова М. К. Теоретические подходы к пониманию генеративности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN619.pdf (дата обращения: 10.12.2019).

Полякова М. К., Стрижицкая О. Ю. Генеративность и особенности социальной сферы взрослого // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1380-polyakova51.html (дата обращения: 15.11.2017).

Посохова С. Т. Оптимизм: психологическое содержание и личностный смысл // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. I. С. 5–16.

Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.

Прокофьев А. В. Защита интересов будущих поколений: теория и практика // Человек. 2013. № 5. С. 5–20.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические методы в работе с кадрами на АЭС. М.: ЯО СССР, 1990.

Психология посттравматического стресса. Практикум / Под ред. Н. В. Тарабриной. СПб.: Питер, 2001.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Пушкина И. М. Концепция воспитания глобальной ответственности: отечественные истоки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 185–189.

Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205.

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.

Руднев М. Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 37. С. 7–38.

Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 69–86.

Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И. Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 128–135.

Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Селютин С. В. Современные тенденции развития мировой атомной энергетики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2014.

Семененко И. С. Гражданская солидарность и самоорганизация против коронавируса // ИМЭиМО. 2020. URL: https://www.imemo.ru/special-rubrics/coronavirus-pandemic/text/grazhdanskaya-solidarnosty-i-samoorganizatsiya-protiv-koronavirusa (дата обращения: 12.12.2020).

Сергеев С. Ф. Эргономика сложных систем: типы научной рациональности и энактивизм // Эргодизайн. 2019. № 4 (6). С. 156–161.

Сергеев С. Ф. Постнеклассическая рациональность в психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 131–134. DOI: 10.31857/S020595920009337-6.

Смирнов А. В. Всечеловеческое и общечеловеческое: Европа, Арабский мир, Россия // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 7–15.

Смирнов И. В. Введение в анализ естественных языков: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во РУДН, 2014.

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.

Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008.

Социальная психология: учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Социально-психологические исследования коррупции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Социокультурные факторы инновационной активности населения (исследовательский отчет) М.: Институт национальных проектов–РБК, 2019. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/14a/RVC_attitudes_to_technologies_report.pdf (дата обращения: 15.09.2019).

Социология пандемии. Проект CoronaФОМ. URL: https://covid19.fom.ru (дата обращения: 18.05.2020).

Стивенсон Т. Oil boffins go nuclear. Нефтяные специалисты берутся за ядерную энергию // Коммерсантъ. № 44. 20.03.2007. С. 20.

Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2019.

Сычев А. С., Почебут Л. Г. Отношение к новым технологиям людей с технической и гуманитарной специальностью // Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание / Под науч. ред. А. В. Шаболтас, С. Д. Гуриевой. СПб.: ВВМ, 2018. С. 95–102.

Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96.

Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Быховец Ю. В. Представления о теракте у населения различных регионов России // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 40–50.

Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е., Петрухин Е. В. Уровни субъективно-личностного восприятия и переживания «невидимого» стресса // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук. Психология, философия. М., 1996. С. 213–220.

Тарабрина Н. В., Петрухин Е. В. Психологические особенности восприятия и оценки радиационной опасности // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 27–40.

Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.

Татарко А. Н., Макласова Е. В., Лепшокова З. Х., Галяпина В. Н., Ефремова М. В., Дубров Д. И., Бульцева М. А., Бушина Е. В., Миронова А. А. Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 159–179. DOI: 10.17759/sps.2020110110.

Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологические науки и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 19–35.

Тищенко В. И. Информатика сообществ: Противоречия становления // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества / Отв. ред. Л. Н. Верченов, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2013. С. 11–18.

Ткач О. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–68.

Толстова Ю. Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 3–13.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996.

Труды психологической службы в атомной энергетике и промышленности. Т. 2. Обнинск: ИГ-Социн, 2007.

Труды психологической службы в атомной энергетике и промышленности. Т. 4 / Под науч. ред. В. Н. Абрамовой. Обнинск: ОНИЦ Прогноз, 2010.

Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от корона-

вируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204.

Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.

Уледов А. К. Структуры общественного сознания. М., 1968.

Ушаков Д. В., Юревич А. В., Нестик Т. А., Юревич М. А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Том 41. № 5. С. 5–17.

Федоров В. Общественные настроения в России в ситуации коронакризиса. ВЦИОМ, 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-06-16_Lenskii_klub.pdf (дата обращения: 20.06.2020).

Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № 1. С. 34–47.

Федотова В. А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. DOI: 10.17759/sps.2016070206.

Хащенко Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях: Чернобыльский след: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2002.

Хубиева Р. Т., Китова Д. А. Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 104–109.

Хухлаев О. Е., Шорохова В. А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 35–50. DOI: 10.17759/sps.2016070203.

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 2. С. 20–27.

Чего опасаются россияне? / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Черкашина А. О копинг-стратегиях во времена COVID-19. 28 мая 2020. URL: https://www.facebook.com/anastasia.cherkashina.1/posts/2984238751630133?__cft__%20(0)%20=AZU5mT_4EcG8lnc6yDnei_lh2xosUMANMkLdNHOJz0qNDfvyLHvPP6IzEqHT_y70jF4ajkdaU-ORRmmjGsZNH2vbBAsCo5AQLKv9J_dGJ1X--LqjwBoHUiWKCx-3F0HKGgllg (дата обращения: 25.12.2020).

Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Фоминых А.Я., Алексеева О.С. Авторитарность в структуре личностных черт // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 11. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 03.01.2020).

Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4 (29). С. 43–55.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Отношение к смерти в контексте временной перспективы: адаптивные, защитные и неадаптивные взгляды на смерть у молодых взрослых // Суицидология. 2019. Т. 10 № 1. С. 58–74. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-58-74.

Чуличкова Е.В. Конституционно-правовое регулирование права на благоприятную окружающую среду: принцип ответственности перед будущими поколениями // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 48–54.

Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.

Шестопал Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. «Политические науки». 2016. № 2. С. 7–20.

Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 166–180.

Шкуренко О. Вирусные переживания и страхи в 10 графиках. Как СМИ освещают пандемию, что скупают и чего опасаются в России и за рубежом // Коммерсантъ. 21.03.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4298561 (дата обращения: 24.04.2020).

Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.

Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Ленато–АСТ–Университетская книга, 1996.

Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Юревич А. В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.

Юревич А. В., Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.

Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.

Abric J.-C. L'analyse structurale des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines / S. Moscovici, F. Buschini (Eds). Paris: Presses Universitaires de France. 2003. P. 375–392.

Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // J.-C. Abric (Ed.). Méthodes d'étude des représentations sociales. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.

Ahern N. R., Kiehl E. M., Sole M. L., Byers J. A review of instruments measuring resilience // Issues in Comprehensive Pediatric Nursing. 2006. V. 29. № 2. P. 103–125. DOI: 10.1080/01460860600677643.

Ahmed F., Ahmed N., Pissarides C., Stiglitz J. Why inequality could spread COVID-19 // Lancet Public Health. 2020. April 2. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30085-2.

Ahmed M. Z., Ahmed O., Aibao Zh., Hanbin S., Siyu L., Ahmad A. Epidemic of COVID-19 in China and associated psychological problems // Asian Journal of Psychiatry. 2020. V. 51. P. 102–192.

Ahorsu D. K., Lin C., Imani V. et al. The fear of COVID-19 Scale: Development and initial validation // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. March 27. DOI: 10.1007/s11469-020-00270-8.

Akbik A., Bergmann T., Blythe D., Rasul K., Schweter S., Vollgraf R. FLAIR: An easy-to-use framework for state-of-the-art NLP // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (Demonstrations). Minneapolis, Minnesota, June 2019. Association for Computational Linguistics, 2019. P. 54–59.

Al-Mosaiwi M., Johnstone T. In an Absolute State: Elevated use of absolutist words is a marker specific to anxiety, depression and suicidal ideation // Clinical Psychological Science. 2018. V. 6. Iss. 4. DOI: 10.1177/2167702617747074.

Albrecht G. Chronic Environmental Change: Emerging 'Psychoterratic' Syndromes // I. Weissbecker (Ed.). Climate Change and Human Well-Being. International and Cultural Psychology. N. Y.: Springer, 2011. P. 43–56.

Alemany-Arrebola I., Rojas-Ruiz G., Granda-Vera J., Mingorance-Estrada Á. C. Influence of COVID-19 on the perception of academic self-efficacy, state anxiety and trait anxiety in college students // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. 570017. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.570017.

Alisat S. A., Norris J. E., Pratt M. W., Matsuba M. K., McAdams D. P. Caring for the future of the Earth: Generativity as a mediator for the prediction of environmental narratives from identity among activists and non-activists // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2014. V. 14. № 3. P. 177–194.

Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. Health-protective behavior, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency // Psychological Medicine. 2020. P. 1–7. DOI: 10.1017/S003329172000224X.

Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. Psychological correlates of COVID-19 conspiracy beliefs and preventive measures: Evidence from Turkey // Current psychology. 2020. June 29. P. 1–10. DOI: 10.1007/s12144-020-00903-0.

Amichai-Hamburger Y. Technology and well-being: designing the future // Technology and Psychological Well-being / Y. Amichai-Hamburger (Ed.). Cambridge University Press, 2009.

Amirkhan J. A Factor analytically derived measure of coping: the coping strategy indicator // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. № 5. P. 1066–1074. DOI: 10.1037/0022-3514.59.5.1066.

Ammerman B. A., Burke T. A., Jacobucci R., McClure K. Preliminary Investigation of the Association Between COVID-19 and Suicidal Thoughts and Behaviors in the U. S. // Journal of Psychiatric Research. 2021. V. 134. P. 32–38. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.12.037.

Anderson C. A., Benjamin A. J., Wood P. K., Bonacci A. M. Development and testing of the velicer attitudes toward violence scale: Evidence for a four-factor model // Aggressive Behavior. 2006. V. 32 (2). P. 122–136. DOI: 10.1002/ab.20112.

Anderson C. A., DeLisi M. Implications of global climate change for violence in developed and developing countries // J. P. Forges, A. W. Kruglanski, K. D. Williams (Eds). The psychology of social conflict and aggression. N. Y.: Psychology Press, 2011. P. 249–265.

Aquino K., Steisel V., Kay A. The effects of resource distribution, voice and decision framing on the provision of public goods // Journal of Conflict Resolution. 1992. V. 36. № 4. P. 665–687. DOI: 10.1177/0022002792036004003.

Attitudes to global risk and governance survey 2018. Stockholm: Global Challenges Foundation, 2018. URL: https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf (дата обращения: 20.08.2019).

Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the Big-5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150–159.

Baker C. Navigating the Coming Chaos: A Handbook for Inner Transition. iUniverse; N.Y., 2011.

Bandura A. Human agency in social cognitive theory // American Psychologist. 1989. V. 44, 1. P. 175–184.

Bapat N.A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan C. Determinants of sanctions effectiveness: Sensitivity analysis using new data // International Interactions. 2013. V. 39. P. 79–98.

Barr N., Pennycook G., Stolz J.A., Fugelsang J.A. The brain in your pocket: Evidence that smartphones are used to supplant thinking // Computers in Human Behavior. 2015. V. 48. P. 473–480.

Barua Z., Barua S., Aktar S., Kabir N., Li M. Effects of misinformation on COVID-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation // Progress in Disaster Science. 2020. DOI: 10.1016/j.pdisas.2020.100119.

Bavel J.J.V., Baicker K., Boggio P.S. et al. Using social and behavioral science to support COVID-19 pandemic response // Nature Human Behavior. 2020. V. 4. P. 460–471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z.

Becerra T.A., Wilhelm M., Olsen J., Cockburn M., Ritz B. Ambient air pollution and autism in Los Angeles county, California // Environmental health perspectives. 2013. V. 121 (3). P. 380–386. DOI: 10.1289/ehp.1205827.

Benjamin A.J. The relationship between right-wing authoritarianism and attitudes toward violence: further validation of the attitudes toward violence scale // Social Behavior and Personality. 2006. V. 34. P. 923–926.

Bennett O. Cultures of Optimisms // Cultural Sociology. 2011. V. 5. № 2. P. 301–320.

Berns G. S, Laibson D., Loewenstein G. Inter-temporal choice – toward an integrative framework // Trends in Cognitive Sciences. 2007. № 11 (11). P. 482–488.

Bessi A. Personality traits and echo chambers on Facebook // Computers in Human Behavior. 2016. V. 65. P. 319–324.

Bizumic B., Stubager R., Mellon S., Linden N.V., Iyer R., Jones B.M. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political Psychology. 2013. V. 34. Iss. 5. P. 673–693. DOI: 10.1111/pops.12032.

Blagov P.S. Adaptive and dark personality traits in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public health

messages // Social Psychological and Personality Science. 2020. DOI: 10.1177/1948550620936439.

Blagov P. S. Adaptive and dark personality traits in the COVID-19 pandemic: Predicting health-behavior endorsement and the appeal of public health messages // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/chgkn.

Bögel P. M., Upham P. Role of psychology in socio-technical transitions studies: Review in relation to consumption and technology acceptance // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2018. V. 28. P. 122–136.

Bollmann G., Krings F., Maggiori C., Rossier J. Differential associations of personal and general just-world beliefs with the five-factor and the HEXACO models of personality // Personality and Individual Differences. 2015. V. 87. P. 312–319.

Bond H. M., Leung K. (Eds). Psychological Aspects of Social Axioms. N. Y.: Springer Science + Business Media, 2010.

Borders M. The Social Singularity: How decentralization will allow us to transcend politics, create global prosperity and avoid the robot apocalypse. Austin, TX: Social Evolution, 2018.

Boym S. The Future of Nostalgia. N. Y.: Basic Books, 2001.

Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. № 395. P. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

Brosnan M. J. Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998.

Bryant R. A., Waters E., Gibbs L., Gallagher H. C., Pattison P., Lusher D., Forbes D. Psychological outcomes following the Victorian Black Saturday bush-fires // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2014. V. 48. № 7. P. 634–643. DOI: 10.1177/0004867414534476.

Burke S. E. L., Sanson A. V., Van Hoorn J. The psychological effects of climate change on children // Current Psychiatry Reports. 2018. V. 20 (5). P. 35. DOI: 10.1007/s11920-018-0896-9.

Burnap P., Williams M. L., Sloan L. Tweeting the terror: Modelling the social media reaction to the Woolwich terrorist attack // Social Network Analysis and Mining. 2014. V. 4 (1). P. 1–14.

Candia C., Jara-Figueroa C., Rodriguez-Sickert C., Barabási A.-L., Hidalgo C. A. The universal decay of collective memory and attention // Nature Human Behavior. 2019. V. 3. P. 82–91.

Carle J. Climate change seen as top global threat Americans, Europeans, Middle Easterners focus on ISIS as greatest danger // Pew Research

Center. July, 2015. P. 1–18. URL: http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat (дата обращения: 16.08.2016).

Carper L. B. What influences our decision to vaccinate? // The social amplification of risk framework and vaccination. 2019. № 2. P. 12–14.

Castro P., Gomes I. Genetically modified organisms in the Portuguese press: Thematization and anchoring // Journal for the Theory of Social Behavior. 2005. V. 35. Iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.1111/j.0021-8308.2005.00261.x.

Chesbrough H., Crowther A. K. Beyond high tech: early adopters of open innovation in other industries // R&D Management. 2006. V. 36. № 3. P. 229–236.

Chen X., French D. C. Children's social competence in cultural context // Annual Review of Psychology. 2008. V. 59. P. 591–616. DOI: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093606.

Chevallier C., Sijilmassi A., Safra L. Impact of COVID-19 exposure on punishment responsiveness // PsyArXiv. 2020. April 7. DOI: 10.31234/osf.io/jy97m.

Clayton S., Manning C. M., Krygsman K., Speiser M. Mental Health and Our Changing Climate: Impacts, Implications, and Guidance. Washington, D. C.: American Psychological Association–ecoAmerica, 2017. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf (дата обращения: 20.08.2018).

Cohrs C., Moschner B. Antiwar knowledge and generalized political attitudes as determinants of attitude toward the Kosovo war // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. V. 8. P. 139–155. DOI: 10.1207/S15327949PAC0802_03.

Cohrs J. C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. Personal values and attitudes toward war // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2005. V. 11. P. 293–312. DOI: 10.1207/s15327949pac1103_5.

Cormick C. Public attitudes toward new technologies: Our post-truth, post-trust, post-expert world demands a deeper understanding of the factors that drive public attitudes // Science Progress. 2019. V. 102. № 2. P. 161–170. DOI: 10.1177/0036850419851350.

Corvo E., De Caro W. COVID-19 and spontaneous singing to decrease loneliness, improve cohesion and mental well-being: An Italian experience // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2020. V. 12 (S1). P. S247–S248. DOI: 10.1037/tra0000838.

Cox K. S. et al. Generativity, the big five, and psychosocial adaptation in midlife adults // Journal of Personality. 2010. V. 78. P. 1185–1208.

Crowson H. M. Nationalism, internationalism and perceived UN irrelevance: Mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror // Journal of Applied Social Psychology. 2009. V. 39. № 5. P. 1137–1162. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2009.00475.x.

Crump M. J. C., McDonnell J. V., Gureckis T. M. Evaluating Amazon's mechanical turk as a tool for experimental behavioral research // PLoS ONE. 2013. V. 8 (3). e57410. DOI: 10.1371/journal.pone.0057410.

Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. V. 12. P. 79–98.

Davenport L. Emotional Resiliency in the Era of Climate Change. A Clinician's Guide. London: Jessica Kingsley Publishers, 2017.

de Deuge J., Hoang H., Kent K., Mond J., Bridgman H., Skromanis S., Smith L., Auckland S. Impacts of community resilience on the implementation of a mental health promotion program in rural Australia // International journal of environmental research and public health. 2020. V. 17. № 6. P. 2031. DOI: 10.3390/ijerph17062031.

De Grada E., Kruglanski A. W., Mannetti L., Pierro A. Motivated cognition and group interaction: Need for closure affects the contents and processes of collective negotiations // Journal of Experiential Social Psychology. 1999. V. 35. № 4. P. 346–365.

Deign J. Big data dating: romance goes digital // The Network. Cisco's Technology News Site. September 13. 2017. URL: https://newsroom.cisco.com/feature-content?articleId=1875523 (дата обращения: 01.03.2017).

Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory / L. Harvell, G. S. Nisbett (Eds). N. Y.: Routledge, 2016.

Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak // Journal of Travel Medicine. March 2020. DOI: 10.1093/jtm/taaa031/5775501.

Derex M., Bonnefon J. F., Boyd R., Mesoudi A. Causal understanding is not necessary for the improvement of culturally evolving technology // Nature Human Behaviour. 2019. V. 3. № 5. P. 446–452. DOI: 10.1038/s41562-019-0567-9.

Dockett L. The Rise of Eco-Anxiety // Psychotherapy Networker. 2019. January–February. URL: https://www.psychotherapynetworker.org/magazine/article/2337/clinicians-digest (дата обращения: 12.07.2020).

Doherty K. L., Webler T. N. Social norms and efficacy beliefs drive the Alarmed segment's public-sphere climate actions // Nature Climate Change. 2016. № 6. P. 879–884. DOI: 10.1038/nclimate3025.

Doty R. M., Peterson B. E., Winter D. G. Threat and authoritarianism in the United States, 1978–1987 // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. № 61. P. 629.

Doty R. M., Winter D. G., Peterson B. E., Kemmelmeier M. Authoritarianism and American students' attitudes about the Gulf War, 1990–1996 // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. V. 23. P. 1133–1143.

Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. N. Y.: Cambridge University Press, 1999.

Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance // International Interactions. 2015. V. 41. P. 755–764.

Droba D. D. Effect of various factors on militarism-pacifism // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1931. V. 26. № 2. P. 141–153. DOI: 10.1037/h0074786.

Duckitt J., Sibley C. Personality, ideology, prejudice and politics: a dual-process motivational model // Journal of Personality. 2010. V. 78. № 6. P. 1861–1893.

Duncan L. E., Stewart A. J. Still bringing the Vietnam War home: Sources of contemporary student activism // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. V. 21. P. 914–924.

Dunlap R. E., Van Lier K. D., Mertig A. G., Jones R. E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: a revised NEP scale // Journal of Social Issues. 2000. V. 56. № 3. P. 425–442.

Dunning A., Pownall M. Dispositional and situational attribution of COVID-19 risk: A content analysis of response typology // PsyArXiv. 2020. April 7. DOI: 10.31234/osf.io/czskd.

Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. URL: https://edl.mn/2NOwltm (дата обращения: 11.04.2020).

Einolf C. J. Stability and change in generative concern: Evidence from a longitudinal Survey // Journal of Research in Personality. 2014. V. 51. P. 54–61.

Emelyanova T. P., Vopilova I. E. Collision of media positions on assisted reproductive technologies // Russian Education and Society. 2016. V. 58. № 7–8. P. 576–589. DOI: 10.1080/10609393.2016.1298380.

Engeler B. Towards prospective design // The Design Journal. 2017. V. 20. Sup1. P. S4591–S4599. DOI: 10.1080/14606925.2017.1352956.

Erikson E. H. Identity, youth, crisis. N. Y.: Norton,1968.

Etchells J. P., Gage S., Rutherford A. D., Munafò M. R. Prospective investigation of video game use in children and subsequent conduct disorder and depression using data from the Avon longitudinal study of parents and children // PloS One. 2016. V. 11. e0147732. DOI: 10.1371/journal.pone.0147732.

Evans G. W. Projected behavioral impacts of global climate change // Annual Review of Psychology. 2019. V. 70. № 1. P. 449–474. DOI: 10.1146/annurev-psych-010418-103023.

Fisher M., Goddu M. R., Keil F. C. Searching for explanations: How the Internet inflates estimates of internal knowledge // Journal of Experimental Psychology. 2015. V. 144. № 3. P. 674–687.

Florian V., Kravetz S. Fear of personal death: Attribution, structure and relation to religious belief // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 44. P. 600–607.

Frei-Landau R. "When the going gets tough, the tough get – Creative": Israeli Jewish religious leaders find religiously innovative ways to preserve community members' sense of belonging and resilience during the COVID-19 pandemic // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2020. V. 12 (S1). S258-S260. DOI: 10.1037/tra0000822.

Friedman R. S., Foerster J. Effects of motivational cues on perceptual asymmetry: Implications for creativity and analytical problem solving // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. V. 88. № 2. P. 263–275.

Galtung, J. Twenty-five years of peace research: Ten challenges and some responses // Journal of Peace Research. 1985. V. 22. № 2. P. 141–158. DOI: 10.1177/002234338502200205.

Galway L. P., Beery T., Jones-Casey K., Tasala K. Mapping the solastalgia literature: a scoping review study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. V. 16. P. 2662. DOI: 10.3390/ijerph16152662.

Garfin D. R., Silver R. C., Holman E. A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020. V. 39 (5). P. 355–357. DOI: 10.1037/hea0000875.

Garfin D. R., Silver R. C., Ugalde F. J., Linn H., Inostroza M. Exposure to rapid succession disasters: A study of residents at the epicenter of the Chilean Bío Bío earthquake // Journal of Abnormal Psychology. 2014. V. 123 (3). P. 545–556. DOI: 10.1037/a0037374.

Gelfand M. J., Raver J. L., Nishii L., Leslie L. M., Lun J., Lim B. C. et al. Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study // Science. 2011. V. 332 (6033). P. 1100–1104.

Gelkopf M., Berger R., Bleich A., Silver R. Protective factors and predictors of vulnerability to chronic stress: a comparative study of 4 communities after 7 years of continuous rocket fire. Social science & medicine. 2012. V. 74. № 5. P. 757–766.

Genoud P. A., Ogay T. Social Axioms Survey: validation d'une version francophone courte et considérations méthodologiques. Poster présenté au colloque "L'éducation en contextes pluriculturels: la recherche entre bilan et prospectives", Genève, 2007. URL: https://www3.unifr.ch/cerf/fr/assets/public/pdf/pages%20personnelles/Genoud%20Philippe/2007_ECP.pdf (дата обращения: 23.09.2007).

George M., Mallery P. Descriptive Statistics / S. Hartman, F. Giumelli (Eds). The Purposes of Targeted Sanctions // T. Beirsteker, S. Eckert, M. Tourihno. Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. N. Y.: Cambridge University Press, 2016.

Glimpses of China's energy future. The Oxford Institute for Energy Studies, 2019. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2019/09/Glimpses-of-Chinas-energy-future.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Goreis A., Voracek M. A Systematic review and meta-analysis of psychological research on conspiracy beliefs: Field characteristics, measurement instruments and associations with personality traits // Frontiers in Psychology. 2019. V. 10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00205.

Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. V. 96. № 5. P. 1029–1046.

Grauvogel J., Soest Ch. von. Claims to legitimacy count: Why sanctions fail to instigate democratization in authoritarian regimes // European Journal of Political Research. 2014. V. 53. P. 635–653.

Granovetter M. S. The strength of weak ties // The American Journal of Sociology. 1973. V. 78. № 6. P. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469.

Grossman G., Manekin D., Margalit Y. How sanctions affect public opinion in target countries: Experimental evidence from Israel // Comparative Political Studies. 2018. V. 51 (14). P. 1823–1857. DOI: 10.1177/0010414018774370.

Greenberg J. Understanding the vital human quest for self-esteem // Perspectives on Psychological Science. 2008. V. 3. № 1. P. 48–55.

Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // Public and private self / R. F. Baumeister (Ed.). N. Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.

Greenglass E., Schwarzer R., Jakubiec S. D., Fiksenbaum L., Taubert S. The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument. Paper presented at the 20th International Conference of the STAR (Stress and Anxiety Research Society) Cracow. 1999. July 12–14.

Guardian of The Galaxy EU. Cyber sanctions and norms in cyberspace / P. Pawlak, Th. Biersteker (Eds) // EUISS. Chaillot Paper/155. 2019. October. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp155.pdf (дата обращения: 12.012020).

Gulevich O., Nevruev A., Sarieva I. War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations and military attitudes in Russia // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2020. V. 26. № 2. P. 192–201. DOI: 10.1037/pac0000434.

Guzzo R. A., Fink A. A., King E., Tonidandel S., Landis R. S. Big data recommendations for industrial – organizational psychology // Industrial and Organizational Psychology. 2015. V. 8 (4). P. 491–508.

Hamby S., Thomas L. A., Banyard V. L., de St Aubin E., Grych J. Generative Roles: Assessing Sustained Involvement in Generativity // American Journal of Psychology and Behavioral Sciences. 2015. V. 2. № 2. P. 24–32.

Hamm J. A., Smidt C., Mayer R. C. Understanding the psychological nature and mechanisms of political trust // PLoS ONE. 2019. V. 14 (5). e0215835. DOI: 10.1371/journal.pone.0215835.

Harper C. A., Satchell L., Fido D., Latzman R. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic // PsyArXiv. 2020. April 1. DOI: 10.31234/osf.io/jkfu3.

Harrington S. How climate change affects mental health // Yale Climate Connections. 2020. February 4. URL: https://www.yaleclimateconnections.org/2020/02/how-climate-change-affects-mental-health (дата обращения: 12.10.2020).

Harvell L., Nisbett G. S. (Eds.). Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory. N. Y.: Routledge, 2016.

Hayes K., Blashki G., Wiseman J., Burke S., Reifels L. Climate change and mental health: risks, impacts and priority actions // International journal of mental health systems. 2018. V. 12. № 28. DOI: 10.1186/s13033-018-0210-6.

Hayes K., Poland B. Addressing Mental Health in a Changing Climate: Incorporating Mental Health Indicators into Climate Change and Health

Vulnerability and Adaptation Assessments // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. V. 15. № 9. P. 1806. DOI: 10.3390/ijerph15091806.

Head L. Hope and grief in the Anthropocene: Re-conceptualising human–nature relations. N.Y.: Routledge, 2016.

Helm S.V., Pollitt A., Barnett M.A., Curran M.A., Craig Z.R. Differentiating environmental concern in the context of psychological adaption to climate change // Global Environmental Change. 2018. V. 48. P. 158–167. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2017.11.012.

Henderson-King D., Henderson-King E., Bolea B., Koches K., Kauffman A. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2004. V. 10. № 1. P. 67–84. DOI: 10.1207/s15327949pac1001_5.

Heras-Escribano M., De Pinedo-García M. Affordances and Landscapes: Overcoming the Nature–Culture Dichotomy through Niche Construction Theory // Frontiers in Psychology. 2018. V. 8. 2294. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02294.

Heskin K., Power V. The determinants of Australians' attitudes toward the Gulf war // The Journal of Social Psychology. 1994. V. 134. P. 317–330.

Higginbotham N., Connor L., Albrecht G., Freeman S., Agho K. Validation of an Environmental Distress Scale // EcoHealth. 2006. V. 3. P. 245–254. DOI: 10.1007/s10393-006-0069-x.

Higgins E.T. Promotion and prevention: Regulatory focus as a motivational principle // Advances in experimental social psychology / M. P Zanna (Ed.). V. 30. N.Y.: Academic Press, 1998. P. 1–46.

Hirsch A. If coronavirus doesn't discriminate, how come black people are bearing the brunt? // Guardian. 2020. April 8. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/08/coronavirus-black-people-ethnic-minority-deaths-pandemic-inequality-afua-hirsch (дата обращения: 11.04.2020).

Hogg M.A., van Knippenberg D. Social identity and leadership processes in groups // Advances in experimental social psychology. V. 35. P. 1–52. San Diego, CA: Academic Press, 2003. DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01001-3.

Hong S., Collins A. Societal responses to familiar versus unfamiliar risk: Comparisons of influenza and SARS in Korea // Risk Analysis. 2006. V. 26. P. 1247–1257. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2006.00812.x.

Hsiang S., Burke M., Miguel E. Quantifying the influence of climate change and human health // Science. 2013. V. 341. № 6151. 1235367. DOI: 10.1126/science.1235367.

Hufbauer G., Shott J., Elliott K. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. 2nd Ed. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 1990.

Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition, Washington DC: Peterson Institute for International Economics, 2009.

Inayatullah S. Epistemological Pluralism in Futures Studies: The CLA – Integral Debates // Futures. 2010. V. 42. № 2. P. 99–102.

IOM outlook on migration, environment and climate change. International Organization for Migration (IOM), Geneva, 2014. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mecc_outlook.pdf (дата обращения: 21.07.2015).

Ipsos MORI. Understanding society: the power and perils of data. Ipsos, 2014. URL: https://www.ipsos-mori.com/DownloadPublication/1687_sri-understanding-society-july-2014.pdf (дата обращения: 14.08. 2015).

Ipsos MORI. What worries the world? March 2018. 2018c. URL: https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/what-worries-world-march-2018 (дата обращения: 20.03.2019).

Jackson J. C., Gelfand M., De S., Fox A. The loosening of American culture over 200 years is associated with a creativity–order trade-off // Nature Human Behavior. 2019. V. 3. P. 244–250. DOI: 10.1038/s41562-018-0516-z.

Joffe H. Risk: From perception to social representation // British Journal of Social Psychology. 2003. V. 42. P. 55–73.

Jones M. N. Developing cognitive theory by mining large-scale naturalistic data // Big Data in Cognitive Science. Frontiers of Cognitive Psychology / N. Jones Michael (Ed.). N.Y.: Routledge, 2017. P. 1–12.

Jones-Wiley D. G., Restori A. F., Lee H. B., Himelfarb I., Boluyt M. A psychometric evaluation of existing attitude measures toward capital punishment and war // North American Journal of Psychology. 2007. V. 9. P. 475–484.

Johnson B. B., Swedlow B. Cultural theory's contributions to risk analysis: a thematic review with directions and resources for further research // Risk Analysis. 2020. DOI: 10.1111/risa.13299.

Jung C. R., Lin Y. T., Hwang B. F. Ozone, particulate matter and newly diagnosed Alzheimer's disease: a population-based cohort study in Taiwan // Journal of Alzheimer's Disease. 2015. V. 44. № 2. P. 573–584. DOI: 10.3233/JAD-140855.

Kaniasty K., Norris F. H. Distinctions that matter: Received social support, perceived social support and social embeddedness after disasters // Y. Neria, S. Galea, F. Norris (Eds). Mental health and disasters. Cambridge, UK & N. Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 175–202.

Karlsson Linner R., Biroli P., Kong E., Beauchamp J. P. Genome-wide association analyses of risk tolerance and risky behaviors in over 1 million individuals identify hundreds of loci and shared genetic influences // Nature Genetics. 2019. V. 51 (2). P. 245–257.

Karwowski M., Kowal M., Groyecka A., Bialek M., Lebuda I., Sorokowska A., Sorokowski P. When in Danger, Turn Right: COVID-19 Threat Promotes Social Conservatism and Right-Wing Presidential Candidates // PsyArXiv. 2020. March 31. DOI: 10.31234/osf.io/pjfhs.

Kasperson J. X., Kasperson R. E., Pidgeon N., Slovic P. The social amplification of risk: assessing fifteen years of research and theory // The Social Amplification of Risk / N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 13–46.

Kellstedt P., Zahran S. M., Vedlitz A. Personal efficacy, the information environment and attitudes toward global warming and climate change in the United States // Risk Analysis. 2008. V. 28. P. 113–126.

Kerr N. L., Tindale R. S. Group performance and decision making // Annual Review of Psychology. 2004. V. 55. P. 623–655.

Keyes C. L. M., Ryff C. D. Generativity and adult lives: Social structural contours and quality of life consequences // D. P. McAdams, E. de St Aubin (Eds). Generativity and adult development: How and why we care for the next generation. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1998. P. 227–263.

Khan A., Plana-Ripoll O., Antonsen S., Brandt J., Geels C., Landecker H. et al. Environmental pollution is associated with increased risk of psychiatric disorders in the US and Denmark // PLoS Biology. 2019. V. 17. № 8. e3000353. DOI: 10.1371/journal.pbio.3000353.

King D., Kamble Sh., DeLongis A. Coping with influenza A/H1N1 in India: empathy is associated with increased vaccination and health precautions // International Journal of Health Promotion and Education. 2016. P. 1–12. DOI: 10.1080/14635240.2016.1174950.

Kivikangas J. M., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of moral foundations to political liberalism-conservatism and left-right orientation in a Finnish representative sample // Social Psychology. 2017. V. 48. № 4. P. 246–251.

Kosinski M. Computational Psychology // Advanced social psychology: the state of the science. 2nd Ed. / E.J. Finkel, R.F. Baumeister (Eds). Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 499–523.

Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2013. V. 110. № 15. P. 5802–5805.

Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // Big Data in Psychology. Special issue of Psychological Methods. 2016. V. 21. № 4. P. 493–506. DOI: 10.1037/met0000105.

Kotre J. Outliving the self: How we live on in future generations. N.Y.: Norton & Co., 1996.

Kramer A.D., Guillory J.E., Hancock J.T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. V. 111 (24). P. 8780–8790.

Kramer R. Trust and distrust in organizations: emerging perspectives, enduring questions // Annual Review of Psychology. 1999. V. 50. P. 569–598.

Kronberger N., Wagner W. Inviolable versus alterable identities: Culture, biotechnology and resistance // Social representations and identity: Content, process and power / G. Moloney, I. Walker (Eds.). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 176–196.

Kusano K., Kemmelmeier M. Multi-level modelling of time-series cross-sectional data reveals the dynamic interaction between ecological threats and democratic development // Royal Society Open Science. 2020. V. 7. № 3: 7191804. URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsos.191804 (дата обращения: 20.04.2020).

Kuška M. New Sources of Fear in a Late Modern Society: The Globalization of Risk // R. Trnka, K. Balcar, M. Kuška, Czech Science Foundation. Re-constructing emotional spaces: From experience to regulation. Prague: Prague College of Psychosocial Studies Press, 2011. P. 105–119.

Kuterovac Jagodi G. Is war a good or a bad thing? The attitudes of Croatian, Israeli, and Palestinian children toward war // International Journal of Psychology. 2000. V. 35. № 6. P. 241–257.

Lambiotte R., Kosinski M. Tracking the Digital Footprints of Personality // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). 2014. V. 102. № 12. P. 1934–1939.

Lamont M. From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society // The British Journal of Sociology. 2019. V. 70 № 3. P. 660–707. DOI: 10.1111/1468-4446.12667.

Lascomes P., Tomescu-Hatto O. French Ambiguities in Understandings of Corruption: Concurrent Definitions // Perspectives on European Politics and Society. 2008. V. 9. № 1. P. 24–38.

Lawford H. L., Ramey H. L. "Now I Know I Can Make a Difference": Generativity and Activity Engagement as Predictors of Meaning Making in Adolescents and Emerging Adults // Developmental Psychology. 2015. July 27. DOI: 10.1037/dev0000034.

Leiserowitz A., Maibach E., Roser-Renouf C., Rosenthal S., Cutler M., Kotcher J. Climate change in the American mind: March 2018. Yale University and George Mason University. New Haven, CT: Yale Program on Climate Change Communication, 2018.

Leitner S., Gula B., Jannach D., Krieg-Holz U., Wall F. Infodemics: A call to action for interdisciplinary research // ArXiv. 2016. abs/2007.12226.

Leone L., Giacomantonio M., Lauriola M. Moral foundations, worldviews, moral absolutism and belief in conspiracy theories // International Journal of Psychology. 2019. V. 54. № 2. P. 197–204. DOI: 10.1002/ijop.12459.

Lep Žan, Babnik K., Hacin Beyazoglu K. Emotional responses and self-protective behavior within days of the COVID-19 outbreak: The promoting role of information credibility // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. 1846. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01846.

Leung K., Bond M. H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. № 36. P. 119–197.

Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. N. Y.: Crown Publishing, 2018.

Li J., Yang A., Dou K., Wang L., Zhang M., Lin X. Chinese public's knowledge, perceived severity, and perceived controllability of the COVID-19 and their associations with emotional and behavioral reactions, social participation and precautionary behavior: A national survey // PsyArXiv. 2020. February 28. DOI: 10.31234/osf.io/5tmsh.

Lieder F., Griffiths T. L., Hsu M. Over-representation of extreme events in decision making reflects rational use of cognitive resources // Psychological review. 2018. V. 125. № 1. P. 1–32. DOI: 10.1037/rev0000074. Epub.2017.Oct16.

Lippman W. The public psychology. London, 1995.

Lobato E. J., Powell M., Padilla L. M., Holbrook C. Factors predicting willingness to share COVID-19 misinformation // Frontiers in Psychology. 2020. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.566108.

Lowe S., Young M., Acosta J., Sampson L., Gruebner O., Galea S. Disaster survivors' anticipated received support in a future disaster // Disaster

Medicine and Public Health Preparedness. 2018. V. 12. № 6. P. 711–717. DOI: 10.1017/dmp.2017.148.

Luchetti M., Lee J. H., Aschwanden D., Sesker A., Strickhouser J. E., Terracciano A., Sutin A. R. The trajectory of loneliness in response to COVID-19 // American Psychologist. 2020. DOI: 10.1037/amp0000690.

Lührmann A., Maerz S. F., Grahn S., Alizada N., Gastaldi L., Hellmeier S., Hindle G., Lindberg S. I. Autocratization Surges – Resistance Grows. Democracy Report 2020. Varieties of Democracy Institute (V-Dem), 2020. URL: https://www.v-dem.net/en/publications/democracy-reports (дата обращения: 30.12.2020).

Mach K. J., Kraan C. M., Adger W. N. et al. Climate as a risk factor for armed conflict // Nature. 2019. V. 571. P. 193–197. DOI: 10.1038/s41586-019-1300-6.

Maddi S. R. Hardiness: An operationalization of existential courage // Journal of Humanistic Psychology. 2004. V. 44. № 3. P. 279–298.

Maeseele P., Verleye G., Stevens I., Speckhard A. Psycho-social resilience in the face of a mediated terrorist threat // Media War & Conflict. 2008. V. 1. № 1. P. 50–69.

Mamun M. M., Ullah I. COVID-19 suicides in Pakistan, dying off not COVID-19 fear but poverty? – The forthcoming economic challenges for a developing country // Brain, Behavior and Immunity. 2020. May 11. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.05.028.

Mandel A., Realo A. Across-Time Change and Variation in Cultural Tightness-Looseness // PLoS ONE. 2015. V. 10 (12). e0145213. DOI: 10.1371/journal.pone.0145213.

Manovich L. Automating Aesthetics: Artificial Intelligence and Image Culture. 2017. URL: http://manovich.net/content/04-projects/101-automating-aesthetics-artificial-intelligence-and-image-culture/automating_aesthetics.pdf (дата обращения: 13.10.2018).

Manovich L. Software Takes Command. L.: Bloomsbury Academic, 2013.

Mares D. M., Moffett K. W. Climate change and interpersonal violence: a “global” estimate and regional inequities // Climate Change. 2016. V. 135. № 2. P. 297–310.

Masdar Gen Z Global Sustainability Survey. Abu Dhabi, UAE, 2016. URL: https://masdar.ae/assets/downloads/content/9800/masdar_gen_z_global_sustainability_survey_white_paper.pdf (дата обращения: 20.07.2019).

Maxfield M., Greenberg J., Pyszczynski T., Weise D. R., Kosloff S., Soenke M., Blatter J. Increases in generative concern among older adults following

reminders of mortality // International Journal of Aging and Human Development. 2014. V. 79. P. 1–21. DOI: 10.2190/AG.79.1.a.

Mayseless O., Popper M. Reliance on leaders and social institutions: An attachment perspective // Attachment & Human Development. 2007. V. 9. № 1. P. 73–93. DOI: 10.1080/14616730601151466.

McAdams D., St. Aubin E. de. A theory of generativity and its assessment through self-report, behavioral acts, and narrative themes in autobiography // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 62. P. 1003–1015.

McCann S. J. H. Threatening times, «strong» presidential popular vote winners, and the victory margin, 1824–1964 // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. V. 73. № 1. P. 160–170.

McDonnell W. M., Nelson D. S., Schunk J. E. Should we fear "flu fear" itself? Effects of H1N1 influenza fear on ED use // The American Journal of Emergency Medicine. 2012. V. 30. P. 275282. DOI: 10.1016/j.ajem.2010.11.027.

McGregor H. A., Lieberman J. D., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T. Terror management and aggression: Evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74. № 3. P. 590–605. DOI: 10.1037/0022-3514.74.3.590.

Merk Ch., Pönitzsch G. The role of affect in attitude formation toward new technologies: The case of stratospheric aerosol injection // Kiel Working Paper. № 2024. Kiel: Kiel Institute for the World Economy (IfW), 2016.

Miles-Novelo A., Craig A. Climate Change and Psychology: Effects of Rapid Global Warming on Violence and Aggression // Current Climate Change Reports. 2019. DOI: 10.1007/s40641-019-00121-2.

Milfont T. L., Sibley C. G. Exploring the concept of environmental generativity // International Journal of Hispanic Psychology. 2011. № 4. P. 21–30.

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. How the World Changed Social Media. L.: University College Press, 2016.

Mitroff S. R., Biggs A. T., Adamo S. H., Dowd E. W., Winkle J., Clark K. What can 1 billion trials tell us about visual search? // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2015. V. 41. P. 1–5. DOI: 10.1037/xhp0000012.

Moliner P. Psychologie sociale de l'image. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2016.

Moloney G., Walker I. Messiahs, pariahs, and donors: The development of social representations of organ transplants // Journal for the Theory of Social Behavior. 2000. V. 30. Issue 2. P. 203–227. DOI: 10.1111/1468-5914.00126.

Moloney G., Williams J., Blair D. Cognitive polyphasia, themata and blood donation: Between or within representation // Papers on Social Representations. 2012. V. 21. № 1 (Special Issue: Cognitive Polyphasia). P. 4.1–4.12.

Monteith S., Glenn T., Geddes J., Bauer M. Big data are coming to psychiatry: a general introduction // International Journal of Bipolar Disorders. 2015. V. 3:21. DOI: 10.1186/s40345-015-0038-9.

Morselli D., Passini S. Measuring Prosocial Attitudes for Future Generations: The Social Generativity Scale // Journal of Adult Development. 2015. V. 22. № 3. P. 173–182.

Moser D. A., Glaus J., Frangou S., Schechter D. S. Years of life lost due to the psychosocial consequences of COVID-19 mitigation strategies based on Swiss data // medRxiv. 2020.04.17.20069716. DOI: 10.1101/2020.04.17.20069716.

Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A. A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // Climatic Change. 2012. V. 113. P. 1105–1112.

Navarro O., Krien N., Rommel D., Deledalle A., Lemée C., Coquet M., Mercier D., Fleury-Bahi G. Coping Strategies Regarding Coastal Flooding Risk in a Context of Climate Change in a French Caribbean Island // Environment and Behavior. 2020. DOI: 10.1177/0013916520916253.

Nelson L. J., Moore D. L., Olivetti J., Scott T. General and personal mortality salience and nationalistic bias // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. V. 23. № 8. P. 884–892.

Nelson W., Osman M. Sociological and psychological insights behind predicted changes as a result of COVID-19 // PsyArXiv. 2020. April 5. DOI: 10.31234/osf.io/s5jkh.

Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth // European Journal of Political Economy. 2015. V. 40. P. 110–125.

Newby J., O'Moore K., Tang S., Christensen H., Faasse K. Acute mental health responses during the COVID-19 pandemic in Australia // PLoS One. 2020. V. 15 (7). e0236562. DOI: 10.1371/journal.pone.0236562.

Ng Y. J., Yang Z. J., Vishwanath A. To fear or not to fear? Applying the social amplification of risk framework on two environmental health risks in

Singapore // Journal of Risk Research. 2018. V. 21. P. 1487–1501. DOI: 10.1080/13669877.2017.1313762.

Nosulenko V., Samoylenko E. Evaluation de la qualité perçue des produits et services: approche interdisciplinaire // International Journal of Design and Innovation Research. 2001. V. 2. № 2. P. 35–60.

Obschonka M., Stuetzer M., Rentfrow P. J., Shaw-Taylor L., Satchell M., Silbereisen R. K., Potter J., Gosling S. D. In the Shadow of Coal: How Large-Scale Industries Contributed to Present-Day Regional Differences in Personality and Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. V. 115. V. 5. P. 903–927. DOI:10.1037/pspp0000175.

Okruszek Ł., Aniszewska-Stańczuk A., Piejka A., Wiśniewska M., Żurek K. Safe but lonely? Loneliness, mental health symptoms and COVID-19 // PsyArXiv. 2020. April 10. DOI: 10.31234/osf.io/9njps.

Oliveira A. The Digital Mind: How Science Is Redefining Humanity. Cambridge: MIT Press, 2017.

Olteanu A., Castillo C., Diaz F., Vieweg S. CrisisLex: A Lexicon for Collecting and Filtering Microblogged Communications in Crises // Proceedings of the AAAI Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM'14). Ann Arbor, MI: AAAI Press, 2014.

Olteanu A., Vieweg S., Castillo C. What to Expect When the Unexpected Happens: Social Media Communications Across Crises. In Proceedings of the ACM 2015 Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing (CSCW'15). Vancouver, BC: ACM, 2015.

Onderco M. Public support for coercive diplomacy: Exploring public opinion data from ten European countries // European Journal of Political Research. 2017. V. 56. P. 401–418. DOI: 10.1111/1475-6765.12183.

Osiceanu M.-E. Psychological implications of modern technologies: "Technofobia" vs "Technophilia" // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 180. P. 1137–1144.

Ozamiz N., Mondragon N. I, Santamaria M. D., Gorrotxategi M. P. Psychological symptoms during the two stages of lockdown in response to the COVID-19 outbreak: an investigation in a sample of citizens in Northern Spain // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. 1491. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01491.

P ez D., Perez J. A. Social representations of the COVID-19, or Corona Virus 19 // International Journal of Social Psychology. 2020. V. 35 (2). P. 12–21.

Pape R. A. Why economic sanctions do not work // International Security. 1997. V. 22 (2). P. 90–136.

Parks R. M., Bennett J. E., Tamura-Wicks H. et al. Anomalously warm temperatures are associated with increased injury deaths // Nature Medicine. 2020. V. 26. P. 65–70. DOI: 10.1038/s41591-019-0721-y.

Perry R., Sibley C., Duckitt J. Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism // Journal of Research in Personality. 2013. V. 47. P. 116–127.

Pettit M. Historical time in the age of big data: Cultural psychology, historical change and the Google Books Ngram Viewer // History of Psychology. 2016. V. 19 (2). P. 141–153.

Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing during the COVID-19 pandemic // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/y2cg5.

Philip M. Corruption definition and management // Measuring Corruption / Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung (Eds). Strasbourg: Ashgate e-Book. 2006. P. 52–53.

Pidgeon N. F., Corner A., Parkhill K., Spence A., Butler C., Poortinga W. Exploring early public responses to geo-engineering // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2012. V. 370 (1974). P. 4176–4196.

Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge: Harvard University Press, 2020.

Pizarro J. J. et al. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // Papers on Social Representations. 2020. V. x. Iss. x. P. 1.1–1.38. URL: http://psr.iscte-iul.pt/index.php/PSR/index (дата обращения: 30.12.2020).

Plohl N., Musil B. Modeling compliance with COVID-19 prevention guidelines: The critical role of trust in science // PsyArXiv. 2020. April 6. DOI: 10.31234/osf.io/6a2cx.

Putka D. J., Oswald F. L. Implications of the big data movement for the advancement of IO science and practice // Big data at work: The data science revolution and organizational psychology / S. Tonidandel, E. King, J. M. Cortina (Eds). N. Y.: Routledge, 2015. P. 181–212.

Pytlik Zillig L. M., Kimbrough C. D. Consensus on Conceptualizations and Definitions of Trust: Are We There Yet? // E. Shockley, T. Neal, L. PytlikZillig, B. Bornstein (Eds). Interdisciplinary Perspectives on Trust. Cham: Springer, 2016. URL: https://ezpro.fa.ru:2696/10.1007/978-3-319-22261-5_2 (дата обращения: 12.06.2017).

Rabl T. The Impact of Situational Influences on Corruption in Organizations // Journal of Business Ethics. 2011. V. 100. P. 85–101.

Raeder F., Karbach L., Struwe H., Margraf J., Zlomuzica A. Low perceived self-efficacy impedes discriminative fear learning // Frontiers in Psychology. 2019. V. 10. P. 1191. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01191.

Rainie L., Perrin A. The state of Americans' trust in each other amid the COVID-19 pandemic // Pew Research Center. 2020. April 6. URL: https://pewrsr.ch/34ly9B9 (дата обращения: 10.04.2020).

Rakow T., Heard C. L., Newell B. R. Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers, and Emotions // Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences. 2015. № 2. P. 147–156.

Randle M. J., Eckersley R. Public perceptions of future threats to humanity and different societal responses: a cross-national study // Futures. 2015. V. 72. P. 4–16.

Reckwitz A. Society of Singularities. Cambridge: Polity Press, 2020.

Reese G., Menzel C. Klimawandel und psychische Gesundheit – Handeln, nicht hadern! // Public Health Forum. 2020. V. 28. № 1. P. 68–71. DOI: 10.1515/pubhef-2019-0120.

Reese G., Proch J., Finn C. Identification with all humanity: The role of self-investment and self-definition // European Journal of Social Psychology. 2015. V. 45. P. 426–440.

Rhee S.-E. Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams / E. A. Mannix, M. A. Neale, C. P. Anderson (Eds). V. 10. Oxford: Elsevier, 2007. P. 65–95.

Rimé B., Christophe V. How Individual emotional episodes feed collective memory // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 131–146.

Rime B., Paez D., Basabe N., Martínez F. Social sharing of emotion, post-traumatic growth and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11th terrorist attacks in Madrid // European Journal of Social Psychology. 2010. V. 40. P. 1029–1045.

Robinson R. J., Lewicki R. J., Donahue E. M. Extending and testing a five factor model of ethical and unethical bargaining tactics: introducing the SINS scale // Journal of Organizational Behavior. 2000. V. 21. P. 649–664. DOI: 10.1002/1099-1379(200009)21:6<649::AID-JOB45>3.0.CO;2-#.

Rönnlund M., Del Missier F., Mäntylä T., Carelli M. G. The Fatalistic Decision Maker: Time Perspective, Working Memory and Older Adults' Decision-Making Competence // Frontiers in Psychology. 2019. V. 10. P. 2038. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02038.

Rosenberg E., Goldman Z., Drezner D., Solomon-Strauss J. The New Tools of Economic Warfare. Effects and Effectiveness of Contemporary U. S. Financial Sanctions. Centre for a New American Security, 2016.

Roser-Renouf C., Maibach E. W. Strategic Communication Research to Illuminate and Promote Public Engagement with Climate Change // D. A. Hope, R. A. Bevins (Eds). Change and Maintaining Change, Nebraska Symposium on Motivation – 65. Basel: Springer, 2018. P. 167–218.

Rożycka-Tran J., Alessandri G., Jurek P., Olech M. A test of construct isomorphism of the Belief in a Zero-Sum Game scale: A multilevel 43-nation study // PLoS ONE. 2018. V. 13 (9). e0203196. DOI: 10.1371/journal.pone.0203196.

Rudder C. Dataclysm: Who We Are (When We Think No One's Looking). N. Y.: Crown, 2014.

Russia: The Impact of Climate Change to 2030. A Commissioned Research Report. NIC 2009-04D. The National Intelligence Council, 2009. URL: https://www.dni.gov/files/documents/climate2030_russia.pdf (дата обращения: 21.08.2010).

Russo S., Mirisola A., Roccato M. Facing natural disasters through the endorsement of authoritarian attitudes // Journal of Environmental Psychology. 2020. V. 68. 101412. DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101412.

Ruszkiewicz J. A., Tinkov A. A., Skalny A. V., Siokas V., Dardiotis E., Tsatsakis A., Aschner M. Brain diseases in changing climate // Environmental Research. 2019. V. 177. 108637. DOI: 10.1016/j.envres.2019.108637.

Saja A., Goonetilleke A., Teo M., Ziyath A. M. A critical review of social resilience assessment frameworks in disaster management // International journal of disaster risk reduction. 2019. V. 35. 101096.

Salganik M. J. Bit by Bit: Social Research in the Digital Age. Princeton–Oxford: Princeton University Press, 2018.

Scher A. 'Climate grief': The growing emotional toll of climate change // NBC News. 2018. Dec. 24. URL: https://www.nbcnews.com/health/mental-health/climate-grief-growing-emotional-toll-climate-change-n946751 (дата обращения: 20.08.2019).

Schoorman F. D., Mayer R. C., Davis J. H. An integrative model of organizational trust: Past, present and future // Academy of Management Review. 2007. V. 32. P. 344–354.

Schultz P. W., Nolan J. M., Cialdini R. B., Goldstein N. J., Griskevicius V. The constructive, destructive and reconstructive power of social norms // Psychological Science. 2007. V. 18. № 5. P. 429–434. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x.

Schumacher J. A., Coffey S. F., Norris F. H., Tracy M., Clements K., Galea S. Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes // Violence and Victims. 2010. V. 25. № 5. P. 588–603.

Scrivner C., Johnson J. A., Kjeldgaard-Christiansen J., Clasen M. Pandemic practice: Horror fans and morbidly curious individuals are more psychologically resilient during the COVID-19 pandemic // Personality and Individual Differences. 2021. V. 168. 110397. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110397.

Seery M. D., Holman E. A., Silver R. C. Whatever does not kill us: Cumulative lifetime adversity, vulnerability and resilience // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. V. 99 (6). P. 1025–1041. DOI: 10.1037/a0021344.

Sharot T. The optimism bias // Current Biology. 2011. V. 21. P. R941–R945.

Sherrieb K., Louis C. A., Pfefferbaum R., Pfefferbaum J. B., Diab, E., Norris F. Assessing community resilience on the U. S. coast using school principals as key informants // International journal of disaster risk reduction. 2012. V. 2. P. 6–15.

Siegrist M., Zingg A. The role of public trust during pandemics: Implications for crisis communication // European Psychologist. 2014. V. 19 (1). P. 23–32. DOI: 10.1027/1016-9040/a000169.

Silver R. C., Holman E. A., Garfin D. R. Coping with cascading collective traumas in the United States // Nature Human Behavior. 2020. DOI: 10.1038/s41562-020-00981-x.

Slaughter R. A. What Difference Does "Integral" Make // Futures. 2008. V. 40. № 2. P. 120–137.

Slovic P. The More Who Die, the Less We Care // P. Slovic. The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception. N. Y.: Routledge, 2013.

Smith N., Leiserowitz A. The Role of Emotion in Global Warming Policy Support and Opposition // Risk Analysis: An International Journal. 2014. V. 34. № 5. P. 937–948.

Snowden F. M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven–London: Yale University Press, 2019.

Sochos A. Authoritarianism, trauma and insecure bonds during the Greek economic crisis // Current Psychology. 2019. DOI: 10.1007/s12144-018-0111-5.

Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // Advances in Experimental Social psychology. 1991. V. 24 (C). P. 93–159. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.

Spitzberg B. H. Toward a model of meme diffusion (M 3 D) // Communication Theory. 2014. V. 24 (3). P. 311–339.

SPSS for Windows step by step. A simple guide and reference 18.0. Boston: Pearson, 2011. P. 95–104.

Šrol J., Mikušková E. B., Cavojova V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/f9e6p.

Stagner R. Some factors related to attitude toward war, 1938 // The Journal of Social Psychology. 1942. V. 16. № 1. P. 131–142. DOI: 10.1080/00224545.1942.9714109.

Stammel N., Bockers E., Neuner F., Chhim S., Taing S., Knaevelsrud C. The Readiness to Reconcile Inventory: Assessing attitudes toward reconciliation in victims of war and conflict // European Journal of Psychological Assessment. 2017. V. 33. № 6. P. 436–444. DOI: 10.1027/1015-5759/a000304.

Stark L., Ager A. A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies // Trauma Violence Abuse. 2011. V. 12. № 3. P. 127–134.

Statista. Number of military fatalities in all major wars involving the United States from 1775 to 2020. URL: https://www.statista.com/statistics/1009819/total-us-military-fatalities-in-american-wars-1775-present (дата обращения: 12.12.2012).

Sternisko A., Cichocka A., Cislak A., Van Bavel J. J. Collective narcissism predicts the belief and dissemination of conspiracy theories during the COVID-19 pandemic // PsyArXiv. 2020. May 21. DOI: 10.31234/osf.io/4c6av.

Stewart R., Davis K. 'Big Data' in mental health research: current status and emerging possibilities // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2016. V. 51. № 8. P. 1055–1072.

Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N. Y.: Morrow, 1991.

Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. An existential function of enemyship: evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. V. 98. № 3. P. 434–449. DOI: 10.1037/a0017457.

Swim J., Clayton S., Doherty T., Gifford R., Howard G., Reser J., Stern P., Weber E. Psychology and global climate change: addressing a multi-faceted phenomenon and set of challenges. A report by the American Psychological Association's task force on the interface between psychology and global climate change. Washington: American Psychological Association, 2009. URL: https://www.apa.org/images/climate-change-booklet_tcm7–91270.pdf (дата обращения: 12.10.2010).

Tabernero C., Castillo-Mayén R., Luque B., Cuadrado E. Social values, self- and collective efficacy explaining behaviours in coping with Covid-19: Self-interested consumption and physical distancing in the first 10 days of confinement in Spain // PLoS ONE. 2020. V. 15 (9): e0238682. DOI: 10.1371/journal.pone.0238682.

Tarabrina N. V., Bykhovets J. V. Experience of Terrorist Threat among Urban Populations in Russia: PTSD and Resilience // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / K. Updesh (Ed.). N. Y.: Routledge, 2016.

Tarabrina N. V., Bykhovets Y. V. The empirical study of the terrorist threat Tangled Roots: Social and Psychological Factors in the Genesis of Terrorism // NATO Security through Science Series. Human and Societal Dynamics / J. Victorov (Ed.). Oxford: IOS Press–University of Southern California Keck School of Medicine, 2006. V. 11. P. 242–258.

Technology can't fix this // Nature Machine Intelligence. 2020. V. 2. P. 363. DOI: 10.1038/s42256-020-0210-5.

Telford A. A climate terrorism assemblage? Exploring the politics of climate change-terrorism-radicalisation relations // Political Geography. 2020. V. 79. 102150. DOI: 10.1016/j.polgeo.2020.102150.

The Generation Gap in American Politics. Pew Research Center, 2018. URL: https://www.people-press.org/2018/03/01/the-generation-gap-in-american-politics (дата обращения: 20.07.2019).

The Global Risks Report – 2019. 14th Ed. World Economic Forum, 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

The Global Risks Report – 2020. 15th Ed. World Economic Forum, 2020. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020 (дата обращения: 10.11.2020).

The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine. org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

Timofeev I. N. Rethinking sanctions efficiency // Russia in Global Affairs. 2019. V. 17. № 3. P. 86–108. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108.

Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A. H., Becker J. C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2018. V. 115. № 29. P. 7521–7526. DOI: 10.1073/pnas.1713191115.

Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A. H., Becker J. C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2018. V. 115 (29). P. 7521–7526. DOI: 10.1073/pnas.1713191115.

Torabian S., Abalakina M. Attitudes toward war in the United States and Iran // Iranian Studies. 2012. V. 45. P. 463–478.

Turchin A., Denkenberger D. Classification of global catastrophic risks connected with artificial intelligence // AI & Society. 2018. P. 1–17.

Tourinho M. Towards a world police? The implications of individual targeted sanctions // International Affairs. 2015. V. 91 (6). P. 1399–1412.

Twigg, J. Characteristics of a disaster-resilient community: a guidance note (version 2). 2009. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/1346086 (дата обращения: 12.04.2020).

Umucu E., Lee B. Examining the impact of COVID-19 on stress and coping strategies in individuals with disabilities and chronic conditions // Rehabilitation Psychology. Advance online publication. 2020. DOI: 10.1037/rep0000328.

UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health, 2020. URL: https://unsdg. un. org/sites/default/files/2020–05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf (дата обращения: 25.07.2020).

UNICEF. Social isolation and COVID-19. UNICEF, 2020. URL: https://www.unicef. by/uploads/models/2020/03/covid19_stigma_guide_rus.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

Ushakov D. V., Grigoriev A. A. Macropsychology of intelligence: through disputes to theoretical depth // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2016. V. 13. № 4. P. 629–635.

Vail K. E., Motyl M. Support for diplomacy: Peacemaking and militarism as a unidimensional correlate of social, environmental and political attitudes // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2010. V. 16. № 1. P. 29–57. DOI: 10.1080/10781910903486813.

Van der Linden N., Leys C., Klein O., Bouchat P. Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale // PLoS ONE. 2017. V. 12 (9). e0184001. DOI: 10.1371/journal.pone.0184001.

van Prooijen J. W. Suspicions of Injustice: The Sense-Making Function of Belief in Conspiracy Theories // E. Kals, J. Maes (Eds). Justice and Conflicts. Berlin–Heidelberg: Springer, 2011. P. 121–132. DOI: 10.1007/978-3-642-19035-3_7.

van Susteren L. The psychological impacts of the climate crisis: A call to action // B. J. Psych. International. 2018. V. 15. P. 25. DOI: 10.1192/bji.2017.40.

van Valkengoed A. M., Steg L. Meta-analyses of factors motivating climate change adaptation behavior // Nature Climate Change. 2019. V. 9. P. 158–163. DOI:10.1038/s41558-018-0371-y.

van Zomeren M., Spears R., Leach C. W. Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // British Journal of Social Psychology. 2008. V. 47. P. 353–372.

Vaughn L. A. Contents of hopes and duties: a linguistic analysis // Frontiers in Psychology. 2018. V. 9. P. 757. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00757.

Vergès P. Approche du noyau central: propriétés quantitatives et structurales // Structures et transformations des représentations sociales / Ed. C. Guimelli. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé. 1994. P. 233–254.

Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.

von Stackelberg P., McDowell A. What in the World? Storyworlds, Science Fiction and Futures Studies // Journal of Futures Studies. 2015. V. 20 (2). P. 25–46. DOI: 10.6531/JFS.2015.20(2).A25.

Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news on-line // Science. 2018. V. 359. № 6380. P. 1146–1151.

Vrij A., Van der Steen J., Koppelaar L. Aggression of police officers as a function of temperature: An experiment with the Fire Arms Training System // Journal of Community and Applied Social Psychology. 1994. V. 4. P. 365–370.

Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F. Relevance, discourse and the "hot" stable core of social representations: A structural analysis of word associations // British Journal of Social Psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 331–351. DOI: 10.1111/j.2044-8309.1996.tb01101.x.

Wagnild G. A review of the resilience scale // Journal of Nursing Measurement. 2009. V. 17. P. 105–113. DOI: 10.1891/1061-3749.17.2.105.

Wahl D. C., Baxter S. The designer's role in facilitating sustainable solutions // Design Issues. 2008. V. 24. № 2. P. 72–83.

Wang Y., McKee M., Torbica A., Stuckler D. Systematic Literature Review on the Spread of Health-related Misinformation on Social Media // Social Science & Medicine. 2019. V. 240. 112552. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.112552.

Watkins H. M., Goodwin, G. P. A fundamental asymmetry in judgments of soldiers at war // Journal of Experimental Psychology: General. 2020. V. 149. № 3. P. 419–444. DOI: 10.1037/xge0000666.

WEF Report. The Global Risks Report – 2020. 15th Ed. World Economic Forum, 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Wei Y., Wang Y., Lin C. K. et al. Associations between seasonal temperature and dementia-associated hospitalizations in New England // Environment International. 2019. V. 126. P. 228–233. DOI: 10.1016/j.envint.2018.12.054.

Weise D. R., Pyszczynski T., Cox C., Arndt J., Greenberg J., Solomon S. et al. Interpersonal politics: The role of terror management and attachment processes in shaping political processes // Psychological Science. 2008. V. 19. P. 448–455.

Westwood R., David R. The Multicultural Muse: Culture, Creativity and Innovation // International Journal of Cross-Cultural Management. 2003. № 3. P. 235. DOI: 10.1177/14705958030032006.

WHO. Building back better: sustainable mental health care after emergencies. WHO: Geneva, 2013.

Wilkowski B. M., Meier B. P., Robinson M. D., Carter M. S., Feltman R. "Hotheaded" is more than an expression: the embodied representation of anger in terms of heat // Emotion. 2009. V. 9. № 4. P. 464–477.

Willer R. The effects of government-issued terror warnings on presidential approval ratings // Current Research in Social Psychology. 2004. V. 10. P. 1–12.

Wirz C. D., Xenos M. A., Brossard D., Scheufele D., Chung J. H., Massarani L. Rethinking social amplification of risk: Social media and

zika in three languages // Risk Analysis. 2018. V. 38 (12). P. 2599–2624.

Witte K., Allen M. A Meta-Analysis of Fear Appeals: Implications for Effective Public Health Campaigns // Health Education & Behavior. 2000. № 27. P. 591–615.

WMO Report. The Global Climate in 2015–2019. World Meteorological Organization, Geneva, 2019. URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=9936 (дата обращения: 21.03.2020).

Wong P. T. P., Reker G. T., Gesser G. Death attitude profile-revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // R. A. Neimeyer (Ed.). Death anxiety handbook: Research, instrumentation and application. Washington, D. C.: Taylor & Francis, 1994. P. 121–148.

Xie Y., Hwang S., Pantelous A. A. Loss Aversion around the World: Empirical Evidence from Pension Funds // Journal of Banking & Finance. 2018. V. 88. P. 52–62. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2017.11.007.

Yamamoto H., Suzuki T. Effects of beliefs about sanctions on promoting cooperation in a public goods game // Palgrave Communications. 2018. V. 4. 148. DOI: 10.1057/s41599-018-0203-8.

Yao H. The more exposure to media information about COVID-19, the more distressed you will feel // Brain, Behavior and Immunity. 2020. V. 87. P. 167–169. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.05.031.

Ye Z., Yang X., Zeng C., Wang Y., Shen Z., Li X., Lin D. Resilience, social support and coping as mediators between covid-19-related stressful experiences and acute stress disorder among college students in China // Applied psychology. Health and well-being. 2020. V. 12. Iss. 4. P. 1074–1094. DOI: 10.1111/aphw.12211.

Yu S., Liu X. Strain of life under lockdown sparks divorce surge in China // Financial Times. 2020. April 4. URL: https://www.ft.com/content/11990ff0-c8f5-4f60-9b0a-be06324a4ddb (дата обращения: 05.04.2020).

Zajenkowski M., Stolarski M., Maciantowicz O., Malesza M., Witowska J. Time to be smart: Uncovering a complex interplay between intelligence and time perspectives // Intelligence. 2016. V. 58. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.intell.2016.06.002.

Zarate J. Treasury Wars. The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. N. Y.: Public Affairs, 2013.

Zettler I., Schild C., Lilleholt L., Böhm R. The role of personality in COVID-19 related perceptions, evaluations and behaviors: Findings across five

samples, nine traits and 17 criteria // PsyArXiv. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/pkm2a.

Zhou C., Liu X., Huang H., Liu C., Guo Y. Development of belief in a just world scale for Chinese adults // Chinese Journal of Clinical Psychology. 2015. V. 23 (4). P. 580–584.

Zimbardo Ph., Boyd J. The time paradox: the new psychology of time that will change your life. N.Y.: Free Press, 2008.

Zollo F., Quattrociocchi W. Social dynamics in the age of credulity: the misinformation risk and its fallout // Digital Dominance. The Power of Google, Amazon, Facebook and Apple / M. Moore, D. Tambini (Eds). N.Y.: Oxford University Press, 2018. P. 342–370.

Научное издание
Серия «Психология социальных явлений»

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ:
социально-психологический анализ

doi: 10.38098/soc.2020.88.75.001

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipras.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 01.12.20. Подписано в печать 12.12.20. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonC
Уч.-изд. л. 28,5. Усл.-печ. л. 38. Тираж 500 экз. Заказ 5972
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6